

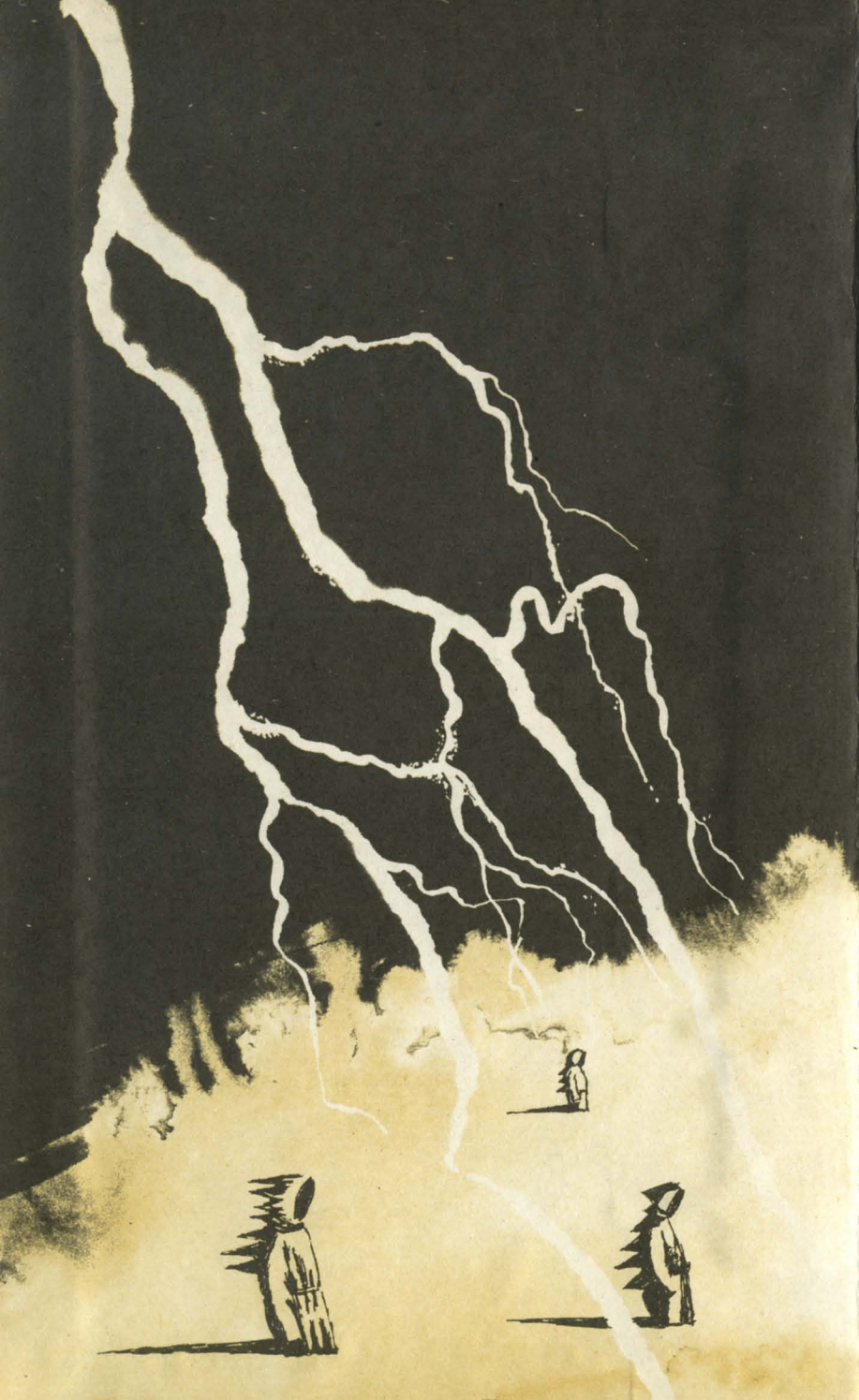
ГОРДОН МАКТИЛ

Последняя схватка

Армagedдон 2000

ЛЙРА ЛЕВИН

Ребенок Розмари

ГОРДОН МАКГИЛ

Последняя схватка

Армагеддон 2000

АЙРА ЛЕВИН

Ребенок Розмари

Москва
Компания «Ключ-С»
1992

84.7 США

М 15

Переводы с английского

Составление
Т. В. Чичиной

Иллюстрации
В. Федорова

М $\frac{4703040101-2889}{И 38(03)-92}$ 2889-92

ISBN 5-253-00708-3

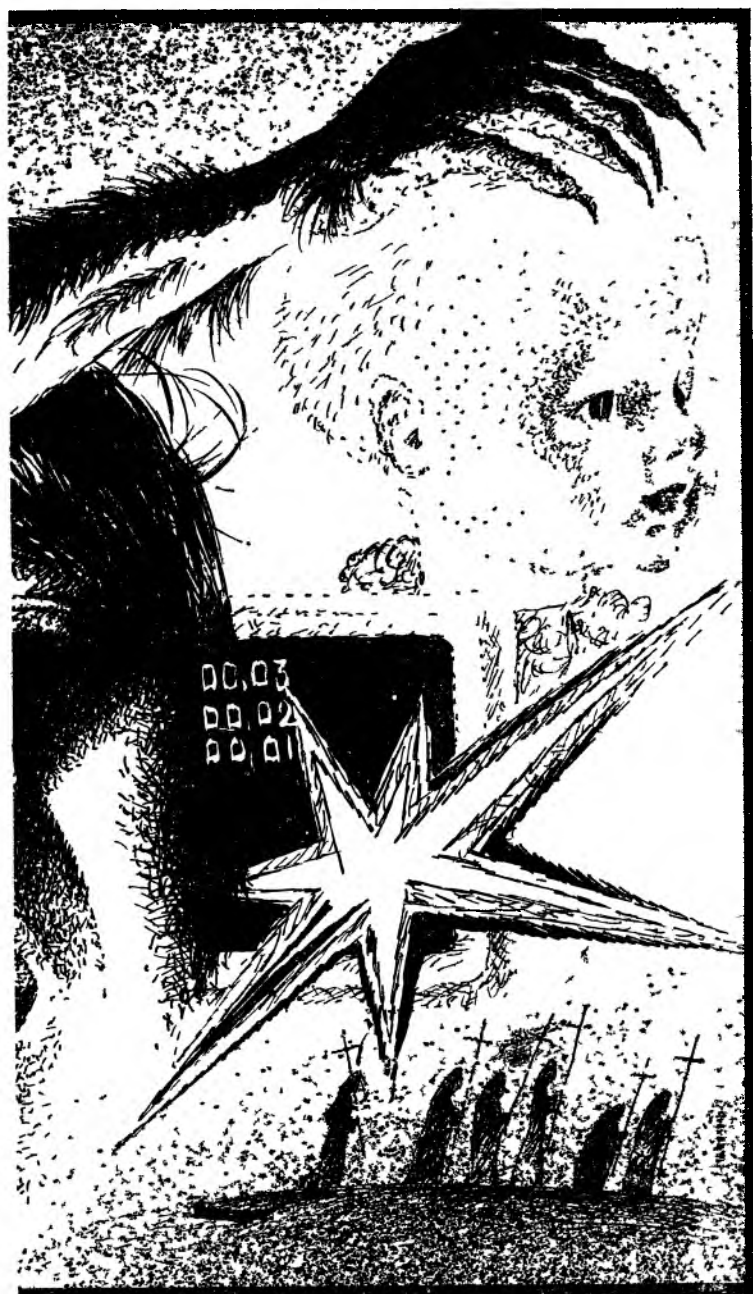
© Переводы. 1992
© Чичина Т. В.
Составление. 1992.
© В. Федоров.
Иллюстрации.

ГОРДОН МАКГИЛ

Последняя схватка

Книга третья
из серии «Знамение»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Астроном не отличался религиозностью. В свой телескоп он рассматривал именно небо, а не небеса. Когда астроном был еще юношей, он, разумеется, верил в того же Бога, что и его родители. Но превратившись во взрослого мужчину, он оставил все эти детские забавы. По мнению Джона Фавелла, все тайны Вселенной имели прямое отношение к чудесам математики и физики.

Зрелище, представшее перед ним благодаря двухсотдюймовому телескопу Фернбанковской обсерватории в Сассексе, было достаточно захватывающим и без всякого Высшего Существа, которое бы только осложнило дело.

В этот раз облачный покров был минимальный, поэтому Джон быстро справился с еженощной подготовительной рутинной. И сейчас он погрузился, наконец, в созерцание небесного свода. Параллельно Джон проводил фотографическое сканирование, раз за разом пополняя свой каталог новыми группами данных и постепенно составляя космический атлас.

Джон потягивал кофе, исподволь наблюдая, все ли идет как надо. Обсерватория, почти все пространство которой занимал телескоп, безмолвствовала. Подле Джона сидел техник, его руки лежали на контрольном пульте. Ожидая распоряжений, он оглянулся на Фавелла подобно псу, выпрашивающемуся на прогулку.

Фавелл склонился над столом и прищурился, уставившись на монитор.

— Так куда мы сегодня отправляемся? — пробормотал он.

— В Кассиопею, сэр, — подсказал техник.

На какую-то долю секунды сознание астронома затуманилось, что-то мелькнуло в памяти — что-то, чему Джон

ну никак не мог найти объяснения — и тут же исчезло. Фавелл устроился возле телескопа.

— Кассиопея, — повторил он, — подъем справа. Один час, шестнадцать минут, двенадцать секунд. Подберите угол на двадцать два градуса в соотношении восемь к четырем.

Фавелл удовлетворенно хмыкнул, когда телескоп выбрал нужный небесный участок. Он повторил команду — как делал это каждый раз все последние пять лет, сканируя фотообъективом небо и производя свои записи. Наконец, Фавелл увидел то, что ему было нужно.

— Держите. О'кей, снимок получился классный.

Джон оторвался от своего стола, пересек зал и остановился, ожидая, когда снимок необходимого ему небесного участка выскользнет из бокового отверстия телескопа. Джон осторожно поднял диапозитив, затем перенес его на освещенный стенд и, разгладив на стекле, внимательно вгляделся в снимок.

Он сощурил глаза и фыркнул.

— Странно, — резюмировал он. Единственный звук, почти шепот, но и его было достаточно, чтобы техник всем корпусом резко повернулся на своем месте и вопросительно на уставился на Фавелла.

— Мы ведь делали подобный снимок на днях, так?

Техник кивнул:

— В понедельник, сэр.

Он достал картотеку со слайдами, выбрал нужный и протянул его Фавеллу. Тот положил второй диапозитив рядом с первым и растерянно заморгал.

— Произошло какое-то движение, — промолвил Фавелл чужим голосом, — три солнца.

Теперь, в свою очередь, нахмурился помощник.

Щеки Фавелла порозовели от возбуждения, он взглянул на техника.

— Найдите все снимки этой части звездного неба в хронологической перспективе. И сразу же возвращайтесь.

Некоторое время астроном следил за тем, как его помощник торопливо роется в картотеке, затем снова подошел к телескопу, посмотрел на звезды и поджал губы. «Физика с математикой — вот, пожалуй, единственная определенность», — подумал он. Это настолько очевидно, и тем не менее каждый раз на очередном банкете или приеме обязательно находился какой-нибудь придурок, который непременно задавал ему вопросы обо всех этих идиот-

ских штукаках — о НЛО или о маленьких зеленых человечках. Невежественных людей всегда волнует таинственность и разного рода чепуха, и ему иногда с трудом удавалось скрыть то презрение, что он испытывал к этому сорту людей.

Помощник дернул его за рукав и протянул целую стопку прозрачных слайдов. Фавелл, внимательно просмотрев их, повернулся к молодому человеку.

— Что скажете? — обратился он к технику.

— Скажу, что все это больше напоминает какой-то сон, — как бы извиняясь, промямлил его помощник, пожимая плечами.

— Именно так.

Фавелл жестом указал на монитор:

— Каково ускорение?

Молодой человек снял показания приборов.

— Пара тысяч парсеков, как минимум. Черт возьми, похоже, мы становимся свидетелями еще одного грандиозного взрыва.

Фавелл раздраженно покачал головой:

— Это не столкновение, они просто выстраиваются в одну линию. — В нем уже пробудилось любопытство, и Фавелл в нетерпении барабанил пальцами. — Суньте все это в компьютер. Посмотрим, можно ли получить приблизительный график сближения.

Помощник щелкнул на мониторе нужным тумблером, и оба ученых стали пристально вглядываться в экран, наблюдая за проекцией полета трех звезд. Взгляд мужчин то и дело перескакивал со сближающихся точек на цифровые показатели в углу экрана.

Глядя на мельтешащие цифры, Фавелл наконец вспомнил то, что несколько минут назад промелькнуло в его сознании.

Кассиопея. Именно ее упоминал священник: три года тому назад на международной конференции в Ницце. Итальянский священник в сутане явился на эту встречу незванным гостем и призвал всех делегатов внимательно следить, не возникнут ли в созвездии Кассиопеи три звезды, которые будут стремительно сходиться. Он умолял участников конференции постоянно наблюдать за небом, и как только они заметят что-то подобное, тут же сообщить об этом ему.

Теперь Фавелл ясно припомнил все детали: священник находился в неимоверном возбуждении, но вместе с тем

держался с таким потрясающим достоинством, что никому из участников конференции и в голову не пришло насмехаться над его искренней верой. Правда, когда тот покинул зал, они позволили себе слегка почесать языки.

— Сэр,— помощник показывал на экран.

Точки сблизилась, часто запульсировали и испустили множество светящихся колец. Числовой датчик замер, и цифры четко отпечатались на экране монитора.

002.26.00.24.03.82.

Время и дата.

Голос священника прозвучал в мозгу Фавелла. Те безумные слова о рождении нового Мессии, втором пришествии Христа.

24.03.82.

Это была дата рождения.

Джон Фавелл инстинктивно перекрестился.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Уже пару часов вгрызался массивный бур в толщу земли на глубине десяти футов под улицами Чикаго. Каждые шесть минут туннель удлинялся на один метр. Влажная земля, пройдя через бурильную установку, выбрасывалась позади нее на ленту конвейера.

Тщедушный человечек с трудом удерживал рукоятку бурильной установки, он молча наблюдал за струей земли, бьющей на конвейер и время от времени окатывал из шланга вращающийся бур. Воздух в туннеле был спертый, и Джо обливался потом от духоты. Это самая мерзкая работенка на земле,— во всеуслышанье объявит он потом своим друзьям. Но странным образом именно это занятие вызывало в нем и гордость. Однажды, влив в себя пару кружек пива, он даже сравнил его с отбыванием наказания в аду.

Еще за мгновение до того, как это произошло, Джо почувал опасность. Бур на секунду застопорился, странно чихнул, а затем заскрежетал, упершись в какую-то плотную массу. Скрежет сменился визгом, и Джо, с головы до ног обстрелянный кирпичными и бетонными осколками, едва успел отскочить. Машина выплевывала раздробленный кирпич на стены туннеля.

Ругаясь на чем свет стоит, Джо заорал оператору, чтобы тот отключил бур, затем проверил, не поврежден ли механизм. Опираясь на стены туннеля, Джо глянул вниз и снова чертыхнулся: каменная стена. Джо нанимался бурить землю, а не кирпич. Если по какой-либо причине в работе происходил сбой, это означало только одно: отсрочку жалованья. Джо яростно проклинал всех этих невидимых начальников, этих безмозглых с иголки одетых чистюль, которые никогда толком не разбирались в своих обязанностях, в результате чего люди вроде Джо постоянно сталкивались с неприятностями.

Спустя некоторое время, его окружили другие рабочие, сюда же прибежал и мастер, с удивлением рассматривающий выбитые буром кирпичные обломки.

Насупившись, Джо ожидал дальнейших распоряжений.

— Ничего страшного,— заверил мастер,— просто подвальная стена, остатки музея Торна.

Джо вспомнил это место. Сам музей сгорел лет пятнадцать — двадцать назад. В памяти всплыла та загадочная история — таинственный пожар, случившийся неведь по какой причине, а виновного так до сих пор и не нашли.

Джо сплюнул и опять последними словами обложил своих боссов. Если уж они знали о стене, то какого черта отрядили его с буром для мягкого грунта? Джо безостановочно расплевывался и так убедительно крыл руководство, что мастер обернулся и велел ему заткнуться.

Через несколько минут Джо остался один. Все разошлись, договорившись взорвать стену и после этого пробиваться дальше.

Бурильная установка чихнула и снова принялась вгрызаться в податливый грунт, только Джо держался теперь подальше от земляной струи. Он потянулся за шлангом, чтобы остудить бур. Внезапно среди комков грунта что-то блеснуло. Обеими руками Джо спихнул с конвейера комья, и они, развалившись, упали. Джо склонился над ними. И вдруг отшатнулся. Из распавшихся на кучки комьев торчали обгоревшие кости и остатки раздробленного черепа. А среди этих останков посверкивали какие-то металлические стержни.

Очень осторожно, почти не дыша, Джо вытянул ближайший. Огрубевшими пальцами он стер с него землю. Это оказался кинжал с длинным тонким лезвием и инкрустированной рукояткой.

— Необычный ножичек,— констатировал Джо,— пожалуй, какой-то старинный.— Он провел по лезвию большим пальцем и вздрогнул. Лезвие было очень острым. Джо поскреб рукоятку и в полумраке рассмотрел, что вырезана она в форме распятия.

В фигурку распятого Христа въелась земля, она покрывала тело и лицо Спасителя.

Джо глянул в туннель. Никого. Его никто не видел. А он не промах, этот пройдоха Джо. Все как дважды два. Кинжалы плюс кости означали, что здесь произошло убийство. Кто-то ужасно окончил свои дни, в огне, но если

Джо сообщит об этом в полицию, то с кинжалами придется расстаться.

Он совсем позабыл о бурильной установке. Единственное, чего он сейчас хотел, это забрать кинжалы. Один, два, три...— Джо, откинув в сторону кости, счищал с лезвий и рукояток грязь. Он спрятал кинжалы под конвейерную ленту до тех пор, пока не представится возможность унести их отсюда.

Ростовщик, разглядывая кинжалы, неопределенно похмыкивал.

— А что если они принадлежали какой-нибудь банде,— предположил он.

Джо тыльной стороной ладони вытер лоб.— Да ладно, вы же сами видите, что они древние.

Ростовщик пожал плечами.

— Наверняка, совсем старинные, и уж как пить дать стоят целое состояние,— настаивал Джо.

— Неужели?

В конце концов Джо пришлось уступить. Из своего обширного опыта он хорошо знал, что спорить с ростовщиком значило попусту тратить время. Джо зажал в горсти кучку помятых банкнот и покинул лавку.

Он скользнул в дождь, на ходу пересчитывая деньги. Их оказалось немного, но все равно это было лучше, чем ничего. Раскапывать погребенные сокровища — до чего же вдохновляющее занятие! Монетка ли случайная, иная ли драгоценность, свалившаяся в сточную трубу — с этого ведь не взимаются налоги. Хотя за кинжалы ему, конечно, следовало выручить гораздо более солидную сумму. А с другой стороны это был неожиданный презент, небесный дар.

Джо распахнул двери бара. Он был суверен. Такие деньги хранить нельзя. Либо он их промотает на скачках, либо просто прокутит. Джо взгромоздился на стул и для начала заказал порцию шотландского виски. Затем угостил бармена. Пропустил очередной стаканчик и предложил принять на грудь своим друзьям.

Утром он чувствовал себя так погано, что, пожертвовав своим дневным заработком, счел за благо остаться дома.

Приблизительно месяц провалялись кинжалы, никем не замеченные в глубине витрины. И вот, наконец, один из сотрудников аукциона заметил их и купил. Два дня спустя

они были выставлены на аукционе. Этот экспонат так и назывался «Семь кинжалов»: все они — один к одному — красовались на бархате. Семь ликов Христа ослепительно сверкали, а лезвия были отполированы до звездного блеска.

Сначала торг никак не удавалось сдвинуть с мертвой точки. Сезон заканчивался, и на аукционе присутствовали всего лишь несколько участников, а «Семью кинжалами» заинтересовался, похоже, лишь один человек. Он стоял в конце зала. Всего два раза поднималась цена на кинжалы, прежде чем этот человек купил их.

По дороге домой он поглядывал на свою покупку, завернутую в упаковочную материю. Мысль о ней будоражила в нем любопытство. Что-то необъяснимое не давало ему покоя, но тщетно пытался он вспомнить, что и где читал он про эти самые кинжалы несколько лет тому назад.

Добравшись домой, он пришел прямо в свой кабинет и разложил эти реликвии на письменном столе. Некоторое время он смотрел на них, потом поднял ближайший кинжал, пробуя его на вес. Едва холодный металл коснулся ладони, мужчина вскрикнул: лезвие мгновенно рассекло кожу, выступила кровь. Мужчина обмотал кисть носовым платком и зажал кинжал между большим и средним пальцами, так что большой палец пришелся как раз на лик Христа. Медленно приподнял он кинжал над лежащим на столе блокнотом и отпустил его. Лезвие пробило блокнот и воткнулось в стол.

Христос на рукоятке вздрогнул. Мужчина выдернул кинжал из стола и принялся разглядывать дырку. Да, это было страшное оружие — с треугольным лезвием, — и любая, полученная от него рана заживала бы очень долго. Он вздрогнул и направился к книжным полкам. Выбрав три нужных тома, он вернулся к письменному столу. Устроился поудобней и стал читать, поглаживая рукоятку.

Часом позже он протянул руку к телефону, набрал номер и стал ждать.

— Отца Дулана, пожалуйста, — попросил он и даже не удивился, услышав, насколько взволнованно прозвучал его голос.

Пассажиры, очутившиеся на борту Боинга-747 рядом со священником, были поначалу несказанно рады этому соседству. Люди в ожидании полета нервничали, и когда массивный самолет, вздрогнув на взлетной полосе Нью-

Йоркского аэропорта Кеннеди, поднялся над Лонг-Айлендом в чистое небо и взял курс на восток, они несколько поуспокоились, вслушиваясь в молитвы священника. Но уже через небольшой промежуток времени эти пассажиры ощутили некоторое беспокойство. Почему этот священник так суетлив? Чем он так глубоко озабочен? Неужели он от них что-то скрывает? Да и что вообще может находиться в этом странном свертке на его коленях? Он так вцепился в этот сверток, что не отложил его в сторону даже во время еды. Приземлившись в Риме, люди были счастливы, что находятся, наконец, на земле, в безопасности.

На контроле таможенник, извинившись, попросил священника предъявить багаж. При этом он испытал некоторое смущение от того, что был вынужден оказать недоверие человеку в сутане, но другого выхода у него не было. Наркобизнес применял нынче всяческие уловки, и контрабандисты вполне могли выдавать себя за служителей церкви.

Таможенник растерянно заморгал, увидев в сумке священника кинжалы, но не успел он и рта раскрыть, как тот выложил перед ним счет за купленный на Чикагском аукционе экспонат.

Уже пропустив священника, таможенник глянул ему вслед, размышляя, что же собирается затеять в Риме этот американский церковный служка с полудюжиной кинжалов. Неисповедимы пути Господни, решил он, повернувшись к следующему пассажиру. И тут же забыл об отце Дулане.

В аэропорту священник взял напрокат машину и, несмотря на глубокую ночь, поехал на юг.

Уже приближаясь к нужной деревушке, он сверился с картой и взглянул на часы. Скоро рассвет. Он зевнул, потянулся и уверенно направил свой юркий «фиат» по деревенской дороге мимо спящих ферм и поселков в сторону местечка Субиако.

Было еще темно, когда отец Дулан затормозил и выключил мотор. Непривычная тишина заставила его вздрогнуть. Священник вышел из машины, осмотрелся по сторонам и взглянул на монастырь — темное и потрепавшееся древнее сооружение, будто выросшее из вершины холма. Обшарпанная, выдававшая виды крыша монастыря четко вырисовывалась на фоне ночного неба.

Пробираясь к зданию, отец Дулан внезапно осознал, насколько древним являлось это место, впервые в жизни его пронзило ощущение времени и истории. Священник вдруг отчетливо и ярко представил себе эту постоянную борьбу добра со злом, веками происходившую на этой брэнной земле. Он почувствовал собственную убогость и незначительность.

Отец Дулан застыл в нескольких ярдах от старинной двери. Перед его мысленным взором пронесли вереницы монахов, денно и нощно молившихся в этих древних стенах. Священника затопило ощущение непрерывности и бесконечности времени. Он вздрогнул. Никогда в жизни отец Дулан не испытывал столь необъяснимого страха.

Священник толкнул наконец тяжелую дверь, и она со скрипом подалась. Медленными шагами он вошел и легонько постучался во внутреннюю дверь. Она тут же распахнулась, и поначалу отец Дулан не смог ничего рассмотреть, кроме длинного, темного силуэта в дверном проеме. Жестом его пригласили войти. Теперь священник заметил, что встретивший его высокий монах был черный, как гарлемская ночь, и носил козлиную бородку. Монах повернулся и пригласил Дулана следовать за ним вниз по ступеням в маленькую часовню.

Очутившись в часовенке, отец Дулан вцепился в рукоятки кинжалов и принялся оглядываться по сторонам. Он был один. Чернокожий монах удалился.

Почти все пространство часовенки занимал крест, и в полумраке Дулан различил крошечную молельню у противоположной стены. Преклонив колени перед крестом, он вдруг почувствовал, как в часовенку кто-то вошел. Священник обернулся и увидел плотного мужчину лет пятидесяти с широким лбом и орлиным носом.

— Отец де Карло? — прошептал Дулан.

Мужчина кивнул и велел ему подняться с колен. Дулан встал, протянул священнику кинжалы. Он ожидал хоть какого-нибудь объяснения. Но в этот момент за ним вернулся чернокожий монах. Может быть, ему потом что-нибудь и объяснят, а пока он хотел только одного — спать.

Отец де Карло подождал, пока останется один, затем вытащил из свертка кинжалы и, прежде чем положить их на алтарь, пристально оглядел каждый клинок. Он склонился в молитве, благодаря Господа за возвращение кинжалов, древних кинжалов из города Мегиддо. Того, что был известен в свое время под именем Армагеддон.

Священник поднялся, собрал кинжалы, прислонил к кресту и, достав кожаный кошель, сложил их внутрь. Затем вернулся в молельню, распахнул двери и, поцеловав кошель, положил его в центре молельни.

Молча воздал он благодарственную молитву и за звездочета Джона Фавелла, сообщившего о дате рождения в Субиако, и за возвращение кинжалов — единственного оружия, способного оборвать жизнь Антихриста.

Уже дважды предпринимались попытки свести счеты с Антихристом, каждый раз заканчивались они трагедией.

На этот раз неудачи не могло быть, ибо Сын уже шел к ним. А Антихрист все еще жил.

Близился час последней битвы.

Глава вторая

Высоко над улицами Чикаго, в маленькой комнатке, где на одной из стен висел экран, а занавеси на окнах были чуть приподняты, в полумраке расположились несколько молодых людей. Они нервничали. Один мужчина беспрерывно курил, другой, то и дело хватаясь за спинки кресел, расхаживал по комнате. Третий грыз ногти. Громко и как-то бестолково переговариваясь друг с другом, они постоянно хихикали. Переполюнявшее их возбуждение ощущалось почти физически.

Дверь открылась, и луч света из коридора ворвался в комнату.

На пороге стоял Дэмьен Торн — председатель совета директоров. Стройный брюнет шести футов роста. Недавно во влиятельном журнале Дэмьен был представлен как завидный жених, входящий в тройку наиболее изысканных и могущественных холостяков Западного мира. Не достигнув еще и тридцати трех лет, он являлся основным держателем акций «Торн Корпорейшн» и, конечно же, одним из богатейших людей на земле.

В сопровождении своего помощника Дэмьен Торн проследовал в комнату.

— Господа, — обратился он к присутствующим.

— Дэмьен, — словно в ответ хором подхватили те, пока Торн лавировал между ними к своему месту.

— Вы все знаете Харвея Дина.

Дин кивнул в знак приветствия — в отдельности каждому. Худощавый, щегольски одетый сорокалетний мужчина — он будто испускал энергию. Взгляд Дина то и

дело перебегал с одного человека на другого. Он сопровождал Дэмьена к рабочему столу. Каждый считал своим долгом улыбнуться Дину, ибо именно Харвей Дин являлся своего рода сторожевым псом Председателя. Кто-то из директоров пошутил однажды, что Дин для Дэмьена все равно что Борман для Гитлера. На протяжении целого часа этот человек ни словом, ни жестом не привлек к себе внимания.

Торн и Харвей уселись и подождали, пока остальные займут свои места. Дэмьен легонько хлопнул в ладоши, и свет выключили. Люди начали щуриться, осваиваясь в темноте.

Дэмьену Торну, рожденному самкой шакала, не нужно было привыкать ко мраку.

Спустя мгновение засветился экран. Вот на нем сверкнула молния, освещая пустынный пейзаж. Присутствующие внимательно вслушивались в голос диктора, доносящийся с экрана:

«Пятьдесят тысяч лет тому назад человечество впервые столкнулось с ужасной угрозой собственной гибели...»

Дэмьен почесал за ухом.

«Опустошение, вызванное природой. Ледниковый период. Он длился пять тысяч лет. За это время четыре пятых поверхности планеты превратились в необитаемые земли. Ледник подмял под себя всех — кроме наиболее приспособленных живых существ».

На экране появилась пещера с примитивными рисунками.

«Одним из этих выживших существ был Человек», — продолжал диктор, — посреди ледяной пустыни зарождалась новая эра и новая надежда. Слово Феникс, человек восстал из страшной мерзлоты и холода и устремился к своей мечте.

Теперь по экрану пробегали кадры, запечатлевшие уничтоженную засухой плантацию

«С тех пор человечество пережило множество катастроф, но ни одна из них не была безнадежней, чем та, что угрожает ему ныне. Экологический кризис последних десятилетий коснулся всех уголков земного шара. Он принес человечеству инфляцию, голод и хаос».

Дэмьен облизнул нижнюю губу. Мужчина позади него пихнул локтем соседа и подмигнул тому.

«Некоторые считают это Великим Отступлением, — сообщал далее диктор, — другие называют Армагеддоном — последней битвой согласно предсказаниям древних

пророков. Но вот в этом пессимистическом хоре раздаётся один голос, выражающий надежду на будущее. Это голос Торна...

Когда по экрану поползло изображение здания «Торн Корпорейшн», все присутствующие поудобней устроились в своих креслах. Это был сверкающий небоскреб, взмывший в ночное небо. Огромные светящиеся буквы сливались в единую гигантскую литеру «Т».

«Там, где свирепствуют голод или болезни, «Торн Корпорейшн» первой появляется на месте несчастья...»

И как иллюстрация, на экране мириадами лампочек вспыхнула карта мира, каждый огонек указывал, что и на эту точку распространяется влияние «Торн Корпорейшн».

«...ведя беспощадную войну с нуждой, снабжая своими ресурсами, технологиями и проектами, которые не только помогают облегчить страдания, но и закладывают основу для будущего всеобщего процветания».

Наступила короткая пауза, пока не зазвучал голос другого диктора.

«Торн» — это обнадеживающий луч света в деле строительства завтрашнего рая».

Рекламный ролик закончился.

Присутствующие затаили дыхание, боясь пошевелиться и тем самым выдать свое волнение. Все они уставились в затылок Дэмьену. В конце концов после минутного молчания кто-то прокашлялся.

— Ну, и как? — поинтересовался один из зрителей.

— Все абсолютно ясно, как дважды два, — негромко произнес Дэмьен.

Все, за исключением Дина, рассмеялись.

Дэмьен встал и окинул взглядом присутствующих.

— Думаю, что телезрители вряд ли обратят внимание на эту ханжескую белиберду.

Это заявление повисло в воздухе, а служащие заерзали на своих местах.

— Я же говорил, что мне необходимо само действие, а не слова. Я хочу видеть как работает Торн, а не слышать об этом.

Голovy присутствующих поникли, сидящие избегали встречи со взглядом Дэмьена.

— Тысячи голодающих детей, требующих сою компании «Торн Корпорейшн». Целый штат медиков компании за работой. Строительный размах Корпорации. Технические сооружения.

Дэмьен помедлил и обратился к человеку, прервавшему молчание после просмотра рекламы.

— Вместо этого вы добрую половину ролика тратите на низкосортные рассказы о ледниковом периоде.

Колкий упрек задел служащего, он слегка поежился в своем пятисотдолларовом костюме. «Уйма времени,— рассуждал он про себя,— целая куча денег, творческие усилия — и все ради чего? Чтобы в один прекрасный момент почувствовать себя как рыба на крючке?»

Дэмьен повернулся к своему помощнику:

— А не снято ли у нас что-нибудь об оказании помощи во время австралийской засухи?

Дин утвердительно кивнул:

— Но там нет ничего особенного, почти все было показано по телевидению,— заметил он.

Дэмьен снова обратился к человеку, снявшему рекламный ролик:

— Хорошо, мы что-нибудь найдем для вас. А пока что продолжайте работу над старым роликом. Этот мне не нужен...— Он жестом указал на потухший экран,— этот вообще не выйдет.

С этими словами Дэмьен прошел между служащими, Дин следовал за ним.

— До свидания, мистер Торн,— попрощались собравшиеся, но ответа не последовало.

Дэмьен по коридору устремился в свой кабинет.

— Ну и что мы имеем на сегодня? — спросил он Дина, когда тот нагнал его.

— Ботсвана — на следующей неделе,— затем Асуанская плотина — в конце месяца.

Дин задумался. Ботсвана являлась проблемой. Но команда, внедрившаяся в эту страну, уже предсказывала, что переворот может произойти в ближайшие три-четыре дня. Начнется неразбериха. Прокормить надо будет тысячи беженцев. Что же касается Асуанской плотины, то приготовления по проведению этой операции еще продолжались, однако имелись все шансы на успех. Ведь у них работали лучшие взрывники. Да и Поль Бухер — президент Корпорации — сам занимался этим проектом. А уж у Бухера-то редко случались сбои.

В приемной ожидали две женщины. Они взглянули на Дэмьена, но тот не обратил на них внимания.

— Сможем ли мы вовремя доставить в Ботсвану фильм?

— Определенно,— заверил шефа Дин,— но до переворота мы не вправе забрасывать туда наши спасательные команды, а никто не знает, как будет протекать эта заварушка и сколько она займет времени.

Дин проследовал за своим боссом в кабинет и прикрыл дверь, скользнув напоследок оценивающим взглядом по внутреннему убранству только что пройденных залов. Как и любой новичок, он предполагал увидеть здесь хром и сталь, стекло и кожу, короче, что-то сугубо мужское, и был поражен, заметив, что стены были обшиты деревом, стулья — хотя и исключительно дорожке — были какие-то старомодные, а инкрустация стола являла собой сценки из охотничьей жизни. Вся атмосфера кабинета напоминала о старых добрых временах и располагала к неге.

Однажды Поль Бухер отпустил в адрес Дэмьена шпильку, предложив тому примерить напудренный паричок и шелковые панталоны, дабы соответствовать интерьеру. Разумеется, только Бухер мог отважиться на подобную вольность, хотя даже он — второй человек в компании — весьма редко шел на такой риск. Поначалу он хорошенько прикидывал в уме, в каком настроении сегодня Дэмьен, и уж затем только мог позволить себе что-то в этом роде, но никогда не выделял он подобных фокусов за спиной у босса. Как никогда не принимал никаких важных решений без одобрения Дэмьена. Это правило он постиг давно, двадцать лет тому назад, когда работал еще на Ричарда Торна — тогдашнего президента компании.

Дэмьен обошел письменный стол и, пройдя к окну, уставился поверх чикагских крыш.

— О'кей, пусть будет плотина. Ты сможешь обеспечить необходимый контингент наших людей, когда заварится вся эта каша?

Дин кивнул.

— И удостоверься, чтобы основной фронт работ остался-таки за нашими спасателями. Чтобы никакой там Красный Крест их не обскакал.

Дин улыбнулся в ответ и подошел к Дэмьену. У него созрел план.

— А почему бы тебе не отправиться туда собственной персоной? Вот это рекламка: Дэмьен Торт лично руководит спасательными работами.

Дэмьен, усмехаясь, покачал головой:

— Мне придется остаться здесь, — сообщил он.

— Но зачем? — Дин пытался, но не мог отыскать причину отказа. Остаться на месте его шефу было, похоже, незачем.

— Чтобы быть под рукой, когда меня вызовет президент.

Подобное заявление из каких угодно уст прозвучало бы абсурдно и претенциозно. Но только не из уст Дэмьена Торна. Оно, возможно, и смахивало на своеобразную шутку, однако Дэмьен Торт не имел привычки шутить.

— Он собирается предложить мне пост посла в Великобритании

Дин заморгал и пожал плечами, так и не сумев найти подходящих слов, он наблюдал, как Дэмьен направился в сторону книжных полок, рядами выстроившихся вдоль стены.

— Ты что-нибудь слышал о Хевронской книге?

— О какой книге? — Ну вот, сперва Великобритания, теперь Хеврон. Этот человек говорит загадками.

Дэмьен тем временем снял с полки томик:

— Хевронская книга — одно из апокрифических писаний.

Дин снова пожал плечами, ожидая разъяснений. Дэмьен открыл книгу и продекламировал отрывок:

«И придет время, — читал он, — когда в конце лет зверь будет править дюжину сотен и тридцать дней и ночей, и воскликнул верующий: Где ты, Господи, во дни торжествующего зла?»

И внемлет Господь их молитвам, и с острова Ангелов призовет Он Освободителя святого Агнца Божьего, который сразится со зверем... и сотрет его с лица земли».

Дэмьен захлопнул книгу.

— «Зверь будет править дюжину сотен и тридцать дней и ночей» — довольно образная интерпретация срока моего пребывания на посту главы «Торт Корпорейшн». «И с острова Ангелов Господь призовет Освободителя». — Дэмьен помедлил. — «Остров Ангелов». — Потом пожал плечами: «Англия».

Дин нахмурился, пытаясь собрать воедино все эти загадки; неохотно и как-то болезненно сознание его пыталось выстроить неведомую цепочку.

— Только не зверь будет стерт с лица земли, — произнес Дэмьен, — уничтожен будет Назаретянин.

Это было уже слишком. Перевернуть подобное — требовалось немыслимое усилие. Мозг Дина противился этой информации, как будто в него был впаян некий запретный механизм.

— Так что же там насчет посла в Великобритании? Человека, который сейчас в Лондоне?

Дэмьен расплылся в улыбке. Эта улыбка и послужила единственным ответом на заданный Дином вопрос. До поры до времени.

Глава третья

Преследование, казалось, длилось уже целую вечность, и он окончательно выбился из сил. Дыхание остановилось. Ноги отяжелели, и когда он попытался кашлянуть, его стошнило.

Спотыкаясь, он брел сквозь пыль пустыни и не отрывал взгляда от маячащих на горизонте деревьев: покачиваемые легким ветерком ветви словно манили его, будто подбадривая, они призывали его двигаться вперед, к спасению. Но он знал, что никогда не доберется до деревьев. И знал с самого начала. Он понимал это изначально, но продолжал плестись, хотя ноги его уже с трудом отрывались от земли. Как будто завязли в патоке.

Он слышал, как она тащилась за ним, ощущал ее омерзительное зловоние, но не мог оглянуться. И даже тогда, когда влажное и горячее дыхание твари обожгло ему спину, подернутые пеленой глаза его продолжали смотреть вперед. Внезапно раздалось клацанье челюстей, и он почувствовал боль в спине. Вскрикнув, он взмахнул руками, и чудовище отпрянуло, когтями разодрав ему кожу. Он снова закричал, но опять ни звука не исторгло его горло. Он упал на колени, тут же попытался подняться, но зверь накинудся на него. Тогда он попробовал свернуться в клубок, но чудовище уже вгрызалось в его живот острыми клыками, испарывало тело, в какой-то момент он чуть было не задохнулся от смрада этого зловонного монстра.

И тут он попытался зажмурить глаза, но не смог и продолжал сражаться за свою жизнь. На костях чудовища не было ни плоти, ни шерсти, это был скелет с голым черепом.

Он ухватился за клыки, пытаясь разомкнуть их, но сил не хватало. Каждой клеточкой он ощутил вдруг, как жизнь его начинает уходить, просачиваясь сквозь пыль и песок; как будто со стороны он разглядел, как его на части разрывают чудовищные когти, а жуткие клыки вгрызаются в пах...

С истошным воплем он проснулся.

— Эндрю! — жена обхватила его за плечи, пытаясь уложить спиной на подушку. Какое-то время он пробовал сопротивляться, потом повернулся и уставился на ее застывшее в напряжении лицо. Вздогнув, он до подбородка натянул простыню.

— Ты себя нормально чувствуешь?

Эндрю кивнул и попробовал заговорить, но едва смог пролепетать что-то невнятное.

— Может быть, тебе лучше показаться докто...

— Нет,— он ожесточенно замотал головой, а потом вдруг попытался ободряюще улыбнуться, но вместо улыбки лицо исказила вымученная гримаса.— Все в порядке. Со мной все в полном порядке. Извини. Спи.

Окончательно расстроившись, жена повернулась на другой бок и закрыла глаза. Эндрю дождался, пока ее дыхание станет ровным и выскользнул из постели. Обнаженный, он на цыпочках пересек комнату, зажимая свой израненный живот. Никогда бы не решился Эндрю рассказать об этом жене. Ее всегда привлекала его сила и вряд ли сумела бы жена вынести и простить его слабость. Если бы Эндрю все-таки попытался посвятить ее во весь этот кошмар, жена бы точно решила, что он свихнулся.

Эндрю шагнул в душ, пустил струю воды, наблюдая, как кровь заструилась по ногам. Он все еще чувствовал, как когти впиваются в его спину. Эндрю слегка коснулся раны на животе. Во время схватки тварь все время метила своими чудовищными клыками прямо в его пах, будто получая от этого особое удовольствие. Эндрю рассмеялся про себя, выключил душ и облачился в халат.

Вернувшись в спальню, он откинул простыню и уже было собрался рухнуть в постель, но тут лицо его исказилось гримасой отвращения. На том самом месте, где он лежал всего несколько минут назад, находилась кровавая куча шакальих экскрементов.

Эндрю оставалось только надеяться, что Эйлин не пошевелится во сне. Вряд ли она перенесет весь этот ужас. Он опустил простыню на прежнее место и вышел из комнаты. Он пойдет сейчас в свой кабинет и попытается уснуть на кушетке. Может быть, там, на этой кушетке зверь оставит его, наконец, в покое. В покое — до конца ночи.

Самым светлым моментом в жизни Эндрю Дойла являлась утренняя прогулка по Гайд-парку. Она несла в себе желанное освобождение от письменного стола, телексов и всей той утомительной кутерьмы, которой до отказа был забит весь его день.

За последний год такая прогулка превратилась в устойчивую привычку. Один из престижных журналов даже поместил на своих страницах статью под названием «День из жизни посла Соединенных Штатов». Эндрю вдруг

вспомнил, как вскинулись секретные службы, прочитав этот материал. Ух, как они там кипятились, разъяренные подробной информацией о расписании и маршруте объекта их пристального внимания, статья спутала им все карты, усложнив наблюдение. Хотя, с другой стороны, уж у этой-то организации всегда находился повод на что-нибудь пожаловаться.

Эндрю взглянул на аллею, раскинувшуюся в северной части парка. Впереди, примерно в двадцати ярдах от посла шагал один из его телохранителей. Другой должен находиться на таком же расстоянии сзади. Эндрю вдруг улыбнулся, прокрутив в мозгу некоторые воспоминания. Как ему поначалу льстило, когда у него появились телохранители! Позже, однако, это начало раздражать, ибо танло в себе и определенные неудобства. Эндрю понадобилась уйма времени, чтобы попривыкнуть к личной охране. Но сейчас толку от них никакого не было. Они-то ведь не имели ни малейшего представления о тех кошмарах и галлюцинациях, что мучили Эндрю в последнее время. А если бы он им про все это рассказал, ребята бы попросту решили, что он сошел с ума.

Собака стояла рядом с аллеей, пристально вглядываясь вдаль. Огромный пес величиной с небольшого пони. Черный, с массивными клыками и желтыми пронзительными глазами, этот зверь застыл в ожидании. Он был без ошейника. Не мигая, стояло это изваяние, твердо упревшее в землю лапы. Другие собаки предпочли держаться подальше от этого монстра, да и ни у кого из детей не возникло желания приласкать жуткого пса.

Собака, наконец, дождалась того, кого выслеживала. Она запрокинула морду и потрусила вверх по склону, не оставляя следов. Вскоре она скрылась в кустах.

Дойл медленно брел по парку, оглядываясь по сторонам и наблюдая за происходящим. Он улыбнулся, заметив, как снующие по веткам бука серые воробышки выпрашивали у прохожих еду. Группа японцев беспрерывно щелкавших фотоаппаратами, окружила одну из скульптур. Двое мужчин невдалеке спиливали засохшее дерево.

Дойл вдруг резко остановился и обернулся. Он застыл так внезапно, что шедший сзади подросток неожиданно налетел на него.

— Мистер, лучше смотрите себе под ноги!

Эндрю не обратил на мальчишку внимания. Мимо гуськом прошествовали детишки в сопровождении пожилой женщины, которая разбрасывала из пластикового мешочка корм для уток.

Эндрю вздохнул, покачал головой и возобновил прогулку. Затем на мгновение прищурил глаза, а когда их вновь открыл, то сразу же заметил, что охранник, шедший впереди, исчез. Ему вдруг показалось, что опустел весь парк. Эндрю вздрогнул, ощутив внезапно налетевший ветер, стремительные порывы которого раскачивали деревья, скрипевшие и стонавшие. Эндрю посмотрел направо, потом перевел взгляд на вершину холма, надеясь, что вот-вот кого-нибудь заметит. Но ничего не произошло.

Дойл ускорил шаг, пытаясь подавить волнение и желание пуститься наутек. Но в это мгновение он услышал сзади хрип и знакомое гнусное урчание. Еще чуть-чуть, и он почувствовал мерзкое зловоние...

— Боже, помоги мне,— прошептал Дойл. Ветер усилился, и Эндрю обхватил себя за плечи, с трудом продвигаясь вперед. Боль овладела всем его телом.

Дойл не мог оглянуться. Он не в силах был посмотреть в глаза своему воображаемому кошмару.

— Боже, пожалуйста,— вновь еле слышно пробормотал Эндрю и бросился бежать. Ноги его отяжелели, будто увязая в грязи.словно в ответ на молитву Эндрю всего в пятнадцати ярдах от него, впереди на повороте показался раскрашенный фургончик, и толстый продавец улыбнулся послу. Дойл замедлил бег и уже шагом направился к фургончику, на ходу приглаживая волосы и пытаясь выдавить хоть какое-то подобие улыбки. Он купит себе гамбургер. Он не брал в рот ни одного со студенческих времен, однако вкус их он помнил. Конечно, это дрянная еда, но он съест их с горчицей, кетчупом и луком. Да черт с ним, с этим луковым запахом изо рта, да и со всеми посольскими посетителями вместе!

Спросив гамбургер, Эндрю обрадовался, что голос его не дрожит.

— Минуточку, сэр,— продавец за прилавком склонился, намереваясь достать булочку. Дойл посмотрел вокруг и заглянул в кусты, размышляя тем временем, как отреагирует его язва на лук и кетчуп.

Когда он снова повернулся, фургончик исчез. Вместо него Дойл увидел череп, таращившийся на него пустыми глазницами. Дойл почувствовал смрадное дыхание.

— О Господи,— посол зашатался, споткнулся и, повернувшись, бросился бежать. Он забыл, кто он и что

он. Дойл стремительно неся назад по той же дороге, что привела его сюда, не обращая внимания на удивленного продавца. Хозяин фургончика еще с минуту вглядывался в удаляющуюся спину странного покупателя, затем выругался на огромного пса, столкнул с прилавка его лапы и бросил булочку назад в ящик. Некоторое время он наблюдал, как этот пес беззвучно поднимался вверх по склону, затем продавец пожал плечами и отвернулся.

Эндрю Дойл уже никого не видел. Все, что происходило теперь с ним, было рождено в его воспаленном воображении: его окружали хищники с острыми клыками; эти твари питались падалью, вгрызаясь в останки когда-то живых существ.

Гиены.

Стервятники.

Шакалы.

Дойл почти задыхался, когда очутился возле своего автомобиля, но остановиться он не смог. Не обратив ни малейшего внимания на приветствие шофера, он помчался в сторону Парк Лейн. Здесь было оживленное движение. Три потока машин двигались к северу по направлению Марбл Арч: автомобили; грузовики, такси и туристические автобусы будто выбрали эту дорогу для гоночного трека, то и дело пытаясь обогнать друг друга.

Не колеблясь, Дойл шагнул в этот сумасшедший поток, не слыша ни заскрипевших тормозов, ни злых окриков отовсюду. Живой и невредимый, он добежал до барьера, перешагнул через него и слепо побрел в противоположную сторону, снова и снова протискиваясь между бамперами, пока, наконец, не добрался до тротуара. По тротуару Дойл устремился к Дорчестеру, затем задними улочками к площади Гросвенор.

Эндрю взбежал по ступеням, ворвался в дверь посольства, не слыша приветственного оклика охранника. Он промчался мимо стола секретарши. Та, улыбнувшись, встала со своего места и открыла было рот, чтобы передать последние сообщения, но Дойл, не обратив на нее внимания, распахнул двери в свой кабинет, захлопнул их за собой и бросился к столу. Облокотившись на стол, с трудом переводя дыхание, Дойл прикрыл глаза.

Когда он снова открыл их, то слегка успокоился. Вид массивного огромного стола из черного дерева, герб Соединенных Штатов, висящий на стене, а также два свернутых флага, казалось привели его в чувство. Вот оно, его рабочее место.

Постепенно спокойное дыхание вернулось к нему. Тогда Эндрю направился в ванную. Там он досчитал до пятидесяти, провел руками по волосам и прижал большие пальцы к вискам. Вот уже и самообладание возвращалось к нему. Тихонько напевая, он пустил холодную струю, набрал полные пригоршни воды и плеснул себе в лицо, затем потянулся за полотенцем и взглянул в зеркало.

Из зеркала на него уставилась тварь из ночного кошмара.

Эндрю отшатнулся, его широко открытые глаза пристально смотрели в зеркало. Через несколько секунд Эндрю отвернулся от черепа чудовища, в пустых глазницах которого пульсировали вены.

Дойл вдруг осознал, что ему больше никуда не спрятаться от этого кошмара.

Медленно, но твердой походкой он направился в кабинет. С минуту постоял возле письменного стола, уставившись в стену. Потом протянул руку к кнопке на столе и нажал на нее.

Тут же раздался ответ:

— Пресс-офис.

— Это посол.— Дойл говорил ровным, безжизненным голосом.— Я хочу провести в своем кабинете конференцию в три часа.

— Но, господин посол, вы же уже назначили конференцию на завтра, на десять утра.

Дойл взглянул на большой герб и снова пригладил волосы.

— Господин посол?

— В три часа в моем кабинете,— повторил Дойл и отключил селектор.

Сев за стол, посол уставился в пространство, затем потянулся к одному из ящиков и вытащил ружье. Прищурился, рассматривая его, приподнял, оценивая на вес, заглянул в магазин. Губы посла беззвучно двигались в молитве в то время, как он положил оружие на стол, вытащил из пишущей машинки катушки и принялся раскручивать ленту. Продолжая ее разматывать, он встал и направился к двери. Дойл аккуратно замотал ею ручки больших распахивающихся дверей, а затем уверенной походкой вернулся к письменному столу. Он посмотрел на ружье и сел, потом взглянул на часы.

Очень скоро все кончится. Кошмаров больше не будет.

Кейт Рейнолдс расплатилась с таксистом и поспешила к ступеням парадного входа в посольство. Она испытывала облегчение от того, что выбралась, наконец, из такси. Водитель оказался редкостным болтуном: моментально узнав ее по телевизионным передачам, он с развязной фамильярностью телезрителя всю дорогу называл ее не иначе как Кейти. Еще минут пять, и он сподобился бы позвать ее на обед.

На входе Кейт предъявила свое удостоверение, и ее проводили наверх, в приемную посла. Там журналистка расписалась в книге: «Кейт Рейнолдс, Би-Би-Си» — и ее пропустили.

Кейт узнала среди посетителей множество журналистов, в том числе и дипломатический корпус из национальной прессы, репортера из Ай-Ти-Эн, а также своих коллег, стоящих у окна. В приемной царил атмосфера томительного ожидания, все до одного терзались вопросом, что же происходит. Еще не было случая, чтобы к послу вызывали так срочно и внезапно. Никаких видимых и очевидных внешних причин не было. Не произошло вроде бы ни одного потрясающего события, о чем сейчас стоило бы объявлять.

Журналистка, как и другие ее коллеги, ерзала от профессионального любопытства. Как только секретарша объявила, что посол готов их принять, она потихоньку стала продвигаться к дверям.

Кейт держалась позади женщины, когда та потянула за ручку двери. Дверь почему-то не подавалась. Кейт взялась за дверную ручку, и обе женщины потянули сильнее. Двери распахнулись, и Кейт мельком заметила изнутри привязанную к ручкам ленту от пишущей машинки; лента протянулась через ковер к столу, за которым сидел посол. Колениами посол зажимал направленное вверх дуло ружья.

Лента натянулась, и у Кейт чуть было не остановилось дыхание от оглушительного грохота. Журналистка успела разглядеть, как тело вздрогнуло, будто его дернули за веревку, голова откинулась назад, половина лица разлетелась, а стена позади обогрилась кровью.

У Кейт подкосились ноги, но она продолжала смотреть на Дойла. Тело посла начало заваливаться вперед, левая нога дергалась в конвульсиях, один глаз уставился на посетителей, другой был выбит — лицо Дойла невозможно было узнать. Осколки его черепа оставили жуткие следы на стене позади, кровь залила и висящий там же герб.

Тело посла все еще шевелилось. Кейт как пригвожденная застыла на месте, вокруг раздавались стоны

и крики ужаса. За секунду до того, как ее сознание затуманилось, женщина успела подумать, что это был исключительно садистский способ свести счеты с жизнью.

Глава четвертая

Смерть Эндрю Дойла казалась всем более чем странной и породила массу сплетен. Скрупулезно допрошен был весь штат посольства. Одна из газет предлагала свою версию происшедшей трагедии: сотрудник какой-то мнимой террористической организации тайно проник в кабинет Дойла, напичкал посла наркотиками и привязал ленту к ружью. Однако другие версии были еще хлеще. А почему бы и нет — оправдывались авторы самых невероятных предположений, — если несколько лет тому назад прямо в центре Лондона среди бела дня отравленным зонтиком был заколот болгарский гражданин?

Для многих же людей ключа к разгадке и вовсе не находилось. Дипломатическая карьера Дойла приближалась к концу, его ожидала прекрасная пенсия. Брак его был вполне удачным. Вот уж у кого решительно не было никакой причины убивать себя, так это у американского посла. Его жена не могла дать мало-мальски толковых объяснений. К тому же она предпочла умолчать о его криках по ночам, ибо каким-то образом ощутила свою вину, свою молчаливую причастность к неразделенной трагедии мужа. Но и для нее, как для всех остальных, гибель посла оставалась тайной.

В тот самый момент, когда тело Дойла поднимали на борт самолета — ибо похороны должны были состояться непременно в Вашингтоне — Дэмьен Торн находился в Белом Доме. Он стоял возле письменного стола в Овальном кабинете и дожидался президента, который разговаривал по телефону. Дэмьен был в прекрасной форме и превосходно себя чувствовал.

Торн кончиками пальцев коснулся стола, осознавая тот факт, что находился он практически в самом сердце политической власти. Именно здесь в свое время Кеннеди сдвинулся с Хрущевым по вопросу о Кубе; здесь кончалась неудачная карьера Никсона и Киссинджера, в этих стенах Картер горевал о заложниках в Тегеране. Но с такими проблемами, которые возникли перед нынешним владельцем кабинета, не приходилось сталкиваться ни одному из его предшественников.

— Назовите мне любую страну, — заявил однажды президент, — и вы тут же столкнетесь с какой-нибудь

проблемой. Пусть даже и не с революцией или чем-то в этом роде. Но любая заварушка может оказаться следствием более сложной проблемы. Арабы убивают друг друга в Лондоне и Париже. НАТО одолевают собственные заботы, которые эхом отзываются даже в обычно спокойных Скандинавских странах, не говоря уж о горячих точках от Белфаста до Тегерана или от Майами до Кабула. Оружие везде наготове, равно как и те, кто жаждет крови.

Как всегда, на Ближнем Востоке царил полная неразбериха, пальба там не стихала. Люди жили в постоянном напряжении, даже старость наступала раньше. А теперь еще там и плотина взорвалась. Последствия этой трагедии были устрашающими.

Дэмьен чувствовал себя в своей стихии, будто этот кабинет был его собственной резиденцией. Он взглянул из окна на розарий, потом повернулся и принялся рассматривать портрет Джона Кеннеди. Многие репортеры давно обратили внимание на внешнюю схожесть Дэмьена с семейством Кеннеди, в особенности с Робертом. И они так часто использовали это сходство в своих материалах, что давно уже превратили его в клише.

Конечно, некоторое сходство существовало и в самом деле. Дэмьен, правда, был более темноволосым, чем Роберт Кеннеди, но обоим было присуще мальчишеское очарование, пленявшее как женщин, так и мужчин. Роберт Кеннеди пользовался успехом у самых очаровательных женщин, как и Дэмьен; оба были богатейшими и могущественными людьми. Карьера Кеннеди стала легендой. Теперь наступила очередь Дэмьена.

Торн резко повернулся и взглянул на президента. Тот пожал плечами, как бы извиняясь, что телефонный разговор затянулся.

— Я это знаю,— говорил президент утомленным голосом,— но я не сделаю никаких заявлений ни для него, ни для кого бы то ни было. Это только усугубит ситуацию.— Он забарабанил пальцами по столу.— И, пожалуйста, удостоверьтесь, чтобы телеграмма звучала нейтрально: «президент выражает соболезнование» и т. д. Дайте мне на нее взглянуть, прежде чем вы ее отправите.

Он положил трубку и откинулся на спинку стула — солидный и уставший мужчина, изрядно поседевший за последние шесть месяцев.

— Вы можете поверить в это? — обратился он к Дэмьену.— Египетская оппозиция, видите ли, желает, чтобы их ноту протеста против взрыва плотины мы передали Изра-

иллю. А откуда мы можем знать, виновен ли в этом Израиль?

Дэмьен согласно кивнул.

— Сдается мне, что это работа Н. Ф. О.,— заметил он.

Президент недоуменно уставился на него.

— Нубийский Фронт Освобождения,— пояснил Дэмьен.— Это вполне промарксистская группировка, которая с самого момента построения этой плотины точит зуб на Каир. Они заявляют, что плотина отняла у них пятьдесят процентов родной земли, как оно, кстати, и есть в действительности.— Не торопясь, Дэмьен продолжал: — Если вы помните, сэр, во время сооружения плотины проводилась потрясающая операция по спасению бесценных статуй.

— Ах, да,— как-то уклончиво проговорил президент.

— Рамзес Второй,— подсказал Дэмьен.— Это был грандиозный успех с точки зрения археологов, но жизнь сотен тысяч нубийцев, оставшихся без крова, он никоим образом не улучшил.

— Но ведь было обращение ООН, не так ли? — поинтересовался президент.

— Правильно, сэр.

Президент наклонился вперед.

— Откуда у вас эта информация?

Дэмьен снова выглянул в сад.

— Одна из наших спасательных команд находилась в это время там. Еще до того, как появились египетские спасательные отряды. И они собрали воедино те обрывки сведений, которые слышали от местных жителей.

— Я хотел бы увидеть их отчет.

— Но это совершенно неофициально, как вы понимаете.

Президент кивнул.

— Едва ли мне необходимо упоминать о том, что если мы докажем непричастность Израиля к этой трагедии, мы сумеем избежать колоссального скандала.

Дэмьен помедлил, как бы взвешивая в уме слова президента.

— Сначала я проверю все это сам,— объявил он,— не хотелось бы передавать в Белый Дом фальшивую информацию.

Дэмьен повернулся и еще раз взглянул на портрет Кеннеди.

— А что касается другого вопроса,— осторожно заметил он,— боюсь, что мне придется отказаться от права контролировать «Торн Корпорейшн», и я...

— Ни в коем случае,— оборвал его президент.— Об этом мы позаботимся.

Дэмьен изобразил на своем лице удивление:

— Но это же противозаконно...

Президент улыбнулся. Он оценил «наивность» Дэмьена.

— Ну тогда мы слегка подправим закон,— попытался он заключить беседу.

— Еще есть два условия,— продолжал Дэмьен, глядя прямо в глаза президенту.

— Выкладывайте,— президент попытался сдерживать улыбку. Итак, Торну придется сделать выбор. Вот уже много лет подряд Торна обхаживали две партии, теперь же ему необходимо принять сторону какой-то одной группировки. Скорее всего, торновскими денежками пополнятся сундуки демократов.

— Во-первых, я бы хотел занять эту должность только на два года, до выборов в Сенат.

Президент согласно кивнул. Эти слова не были для него неожиданностью.

— Во-вторых, мне бы хотелось возглавить Совет по делам молодежи ООН.

Президент нахмурился. С какого это перепугу Торну вдруг приспичило завладеть этим постом? И вдруг его осенило. Дэмьен постоянно произносил нескончаемые речи о молодежи. Чрезвычайное пристрастие к молодым было похоже прямо-таки на душевное заболевание, ибо никто не мог объяснить его причины. Возможно, оно явилось следствием воспитания. Отец Дэмьена был убит при кошмарных обстоятельствах, когда мальчику было всего шесть лет. Потом дядя, воспитывающий ребенка, куда-то бесследно исчез. Видимо, все эти трагические события оставили в душе мальчика глубокий шрам. Когда мы поближе с ним познакомимся, я, может быть, спрошу его.

Но пока что просьба Дэмьена была неудобна со многих точек зрения. Президент покачал головой:

— Я уже обещал этот пост Фостеру,— объявил он.

— Я понимаю, что здесь большие трудности,— продолжал Дэмьен, все еще пристально глядя в глаза президенту. Какое-то время тот удерживал взгляд, но затем отвернулся и взял в руки блокнот. И тут Дэмьен понял, что выиграл.

— Так как там — Н.О...? — начал было президент.

— Ф., — подсказал Дэмьен. — «Нубийский Фронт Освобождения».

Президент пометил что-то в блокноте, затем нажал на кнопку селектора.

— Сандра, — заговорил он, — пришлите, пожалуйста, Крейга. — Он уже собрался отключить связь, потом вдруг вспомнил еще что-то. — Да, Сандра, не забудьте о билетах на субботний спортивный праздник. — Президент взглянул на Дэмьена. — Не хотите присоединиться к нам? Моя жена и детишки тоже собираются пойти на соревнования.

Дэмьен покачал головой:

— К сожалению, я занят весь день.

— Сандра, пять билетов так и остаются.

Как только президент отключил селектор, раздался легкий стук в дверь. На пороге появился молодой человек, он стоял, ожидая приглашения войти.

— Крейг, — президент кивком подозвал его, — я хочу, чтобы вы познакомились с нашим новым послом при английском королевском дворе — с Дэмьеном Торном.

Молодой человек протянул руку для пожатия.

— И попросите, пожалуйста, Эйзенберга подготовить для прессы сообщение.

— Сию минуту, господин президент.

Молодой человек направился к выходу, а Дэмьен с обескураженным видом повернулся к президенту.

— Ах да, Крейг, — спохватился тот, — не могли бы вы там же добавить, что господин Торн назначается также и Президентом Совета по делам молодежи при ООН.

Крейг обернулся. На его лице застыло крайнее удивление.

— Но, я думал...

— Пожалуйста, сделайте то, что я сказал, — раздраженно оборвал его президент.

— Конечно, господин президент.

Президент дождался, когда его помощник выйдет из комнаты, затем повернулся к Дэмьену. На лице его играла улыбка, знакомая миллионам американских телезрителей. Президент поднялся со своего кресла и протянул руку Дэмьену.

— Ваш отец гордился бы вами, Дэмьен, — заявил он.

Конечно, президент намекал на то, что отец Дэмьена, сам являясь одним из наиболее уважаемых послов в Великобритании, радовался бы назначению своего сына на этот пост, что само по себе это назначение в некотором роде

сглаживало кошмарные воспоминания, связанные с гибелью Роберта Торна.

Однако Дэмьен резко перебил говорящего.

— Я ценю ваши соболезнования, сэр,— заявил он, пожимая руку президенту.

Они улыбнулись друг другу. И тут президент внезапно почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Перед ним стоял невероятно уверенный в себе человек. Будто это был его, Дэмьена, кабинет и гостем здесь являлся не Торн, а он, президент. И пока президент провожал взглядом выходящего из кабинета Дэмьена, он вдруг осознал, что Торн ни разу не упомянул имени Эндрю Дойла. Все остальные как-то выразили свое потрясение или соболезнования. От Дэмьена он не услышал ничего подобного. Будто бывшего посла и вовсе никогда не существовало.

Глава пятая

Харвей Дин, прищурившись, смотрел на стюардессу, склонившуюся над ним. Девушка разъясняла пассажирам, что уже вполне можно отстегнуть ремни безопасности. Дин попросил мартини, откинулся в кресле и мельком глянул на Дэмьена, погруженного в чтение романа.

Дин достал свой кейс и расслабился. Обычно он редко занимался самоанализом, хотя время от времени все-таки оглядывался на прожитые годы и прикидывал, на какие высоты занесла его нелегкая. Сейчас был как раз такой момент. Дин находился на борту авиалайнера, принадлежащего Торну. Это был самолет, способный без посадки пересечь Атлантику. К тому же он был изнутри настолько роскошный, что пассажиры при известной доле воображения могли представить себе, будто находятся где-нибудь, например, в отеле «Савой».

Дин взял мартини, поблагодарил стюардессу и принялся смаковать напиток, который оказался превосходным, как раз то что надо: особо сухой с джином. Дин считал себя удачливым человеком. Он прекрасно знал и свои сильные и слабые стороны, что само по себе уже было преимуществом. К своим слабостям он относил неспособность понимать людей. Его представления о человеческой природе были смутными, он не разбирался в мотивах поведения того или иного человека, постоянно удивляясь, как по-разному реагируют люди на определенные явления. Но вот уловить суть какой-нибудь проблемы он мог за считанные секунды. У него была сверхъестественная хватка в области бизнеса и прямо-таки

пророческий дар, если дело касалось важнейших советов. Дин обладал также острейшим чутьем на неприятности: чуть где запахло жареным, он уже держит нос по ветру.

Именно благодаря этим способностям восемь лет назад Дина пригласили из Гарвардской школы бизнеса в директорат крупнейшей транснациональной компании. Дин с точностью мог припомнить мельчайшие детали своей встречи с Полем Бухером. Дин тогда с благодарностью принял приглашение на обед и отправился туда, сгорая от любопытства.

А Бухер с ходу перешел прямо к делу. Сотрудники «Торн Корпорейшн» были приятно поражены стилем работы Дина. Бухер же, внимательно просмотрев все характеристики Дина, тут же предложил ему место. Дин, конечно же, был польщен и принял предложение еще до того, как подали горячее. Он был совершенно очарован Бухером. Дин знал, что это тот самый Бухер, что двенадцать лет назад настоял на расширении компании «Торн Индастриз» и предложил заняться соей и удобрениями; решение это превратило «Торн Индастриз» из промышленного гиганта в транснациональный колосс. Именно Бухер понял, что люди, занимающиеся пищевыми продуктами, делают погоду во всем.

А уже после второй порции бренди Дин вдруг почувствовал к Бухеру такое расположение, что уже почти не стесняясь, поинтересовался, правда ли, будто именно Бухер произнес фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Только при одном условии мы можем быть уверены в завтрашнем дне. И это условие... голод!»

Бухер слегка улыбнулся:

— Да, полагаю, что-то в этом роде.

Месяц спустя Дин стал служащим «Торн Корпорейшн». А еще двумя неделями позже Бухер начал на свой лад перекраивать жизнь Дина Харвея. В один из уик-эндов на загородной вилле Бухера случилась вечеринка. Жена Дина — Барбара — проводила лето в Хэмптоне, а для мужской половины «Торн Корпорейшн» это время являлось традиционной порой разного рода любовных похождений и других приключений.

На вечеринке Бухер познакомил Дина с Аэйшей. Она была — как сама потом рассказывала — наполовину креолкой, наполовину венесуэлкой. Дин, большую часть жизни проводивший в стенах колледжа, никогда не встречал подобных женщин.

Он был ошеломлен ее сексуальной ненасытностью. Ее поведение в постели никак не вписывалось в рамки обычных представлений Дина о женщинах: грубая инициатива вкупе с потрясающей чувственностью. Будь Дин чуть-чуть помоложе, он с негодованием отказался бы от подобной женщины, как глубоко порочной. Аэйша то и дело причиняла ему и физическую боль.

После второй бурно проведенной ночи, Аэйша ни с того ни с сего достала Библию. Дин решил было, что это очередной плод извращенной фантазии. Но женщина казалась на редкость серьезной, когда посвящала его во многие тайны, заключенные на страницах Библии. И он сдался. Оглушенный ее наркотическим влиянием, почти задохнувшийся в ее тягучих и острых благовониях, он уже в каком-то экстазе ощутил, что все, о чем она ему поведала, имеет смысл. И вот после всего этого, когда Дину объяснили наконец, кто же такой Дэмьен Торн, он чуть не разрыдался от счастья.

С этого самого дня Дин был готов следовать за Дэмьеном на край света и с радостью отдал бы за него жизнь. К своему удивлению, он легко скрывал все это от Барбары.

Он полез в кейс за документами, нашел необходимые и отложил портфель в сторону.

«Советский Союз предлагает Египту сою ценой пятьдесят долларов за тонну с рассрочкой платежа на пять лет. Это на восемь долларов меньше, чем хотим мы».

— Каковы наши соевые запасы? — поинтересовался Дэмьен, отрываясь от книги.

— Где-то восемьсот миллионов тонн.

— Отлично. Пусть покупают по тридцать долларов за тонну и пять процентов годовых за десятилетнюю рассрочку платежа, — Дэмьен улыбнулся впервые за день. — В результате этой акции правительство Египта будет находиться у нас в кармане ближайшие десять лет.

Дин сделал в своих документах пометку. Дэмьен продолжал:

— Президент настаивает на отчете об Н. Ф. О., но я не желаю, чтобы он появлялся на его столе — пока не будет упущено время и эта информация не устареет. Как скоро мы сможем переложить вину за взрыв плотины на Израиль?

— У нас есть в Тель-Авиве свой человек, его зовут Шредер, — напомнил Дин, — министр обороны в Израильском правительстве. Бухер разговаривал с ним на прошлой неделе, и Шредер заявил, что берется подготовить

подложные документы, где будет содержаться очевидный намек на необходимый нам ход событий.

Дэмьен впился глазами в Дина.

— А не выведет ли это на нас? — усомнился он.

— Бухер утверждает, что никоим образом, — возразил Дин, прекрасно понимая, что снимает с себя ответственность, взваливая все на плечи Бухера.

— Ну что ж, — повеселел Дэмьен, — сколько времени ему на это понадобится?

— Самое большее, пару недель.

— Отлично.

Дэмьен опять уткнулся в книгу, а Дин продолжал изучать документы. Когда самолет набрал высоту, Дэмьен вдруг спросил:

— Когда приезжает Барбара?

— Уже к концу недели она должна быть в Лондоне. По морю путешествие занимает около пяти дней. Я пытался убедить ее, чтобы она летела с нами, но она испугалась, что родит прямо в самолете.

Дэмьен усмехнулся:

— Лучшего места для рождения ребенка не придумаешь.

Дин хмыкнул в ответ и вытащил финансовый отчет. Все оставшееся время они сидели молча, каждый занимаясь своим делом.

— Рейс будет несложным, — сообщил командир самолета. Дул попутный ветер, и небо над Лондоном было чистым.

В то время, как самолет Торна снижался над лондонским аэропортом Хитроу, в Субиако отец де Карло собирал монахов.

Один за другим входили они в слабо освещенную часовенку со склоненными головами и сложенными под сутаной руками. Когда последний из них зашел в помещение, отец де Карло поднял руки, и монахи преклонили колени. Они расположились полукругом лицами к кресту, возвышавшемуся перед небольшой молельней.

Отец де Карло взял в руки массивную Библию, лежавшую у основания креста, и, перелистав страницы, обратился к «Откровению Иоанна Богослова»:

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная во солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на

небе. Вотъ, большой красный драконъ, съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь диадемъ. Хвостъ его увлекъ съ неба треть часть звездъ, и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ предъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родить, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти все народы жезломъ железнымъ, и восхищено было дитя ея къ Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для ней место от Бога...»

Священник склонил голову в молчаливой молитве, затем обратил взор к кресту. Монахи тем временем шептали ответную молитву. Священник открыл двери в молельню, достал кожаный кошель и разложил кинжалы полукругом у подножия креста лезвиями в обратную сторону: образовалось полукольцо защищающей стали.

Когда молитва подошла к концу, отец де Карло склонился перед алтарем. В часовне воцарилось молчание.

— О, благословенный Спаситель,— прошептал священник,— который через признание отступившего от него слуги, отца Спилетто, раскрыл нам присутствие и обличье Антихриста на земле, дай нам Твою силу и укажи путь к спасению, чтобы смогли мы освободить мир от Дэмьена Торна и обеспечить святость Твоего второго пришествия.

Священник распростер над кинжалами руки.

— О Господи, благослови эти семь священных кинжалов из Мегиддо, которые Ты вернул нам. Пусть они послужат своей священной цели и уничтожат Царя Тьмы, ибо жаждет он стереть с лица земли Дитя Света.

Монахи еле слышно подхватили:

— Аминь.

Отец де Карло не спеша поднялся с колен и повернулся к ним.

— Теперь я призываю каждого из вас вооружить себя во имя Господа Бога.

— Брат Мартин.

Невысокий человек встал с колен. Он был лыс, нервное лицо его, казалось, было освещено изнутри. Брат Мартин шагнул вперед, взял один из кинжалов и, твердо сжав его, вернулся на место.

— Брат Паоло.

Черный монах проделал то же самое.

— Брат Симеон.

Самый молодой из этой группы, по-юношески прекрасен.

— Брат Антонио.

Огромный седобородый здоровяк с копной волос.

— Брат Матвей...

Сорокалетний неприметный человек с мягкими чертами лица.

— Брат Бенито...

Молодой и темноволосый. С застывшим на лице напряжением.

У креста оставался лежать последний кинжал. Отец де Карло поднял его и посмотрел в глаза каждому монаху.

— Прежде чем мы отсюда выйдем, каждый в глубине души должен помолиться Господу нашему.

Молча покидали монахи часовенку. Они направлялись вверх по истертым ступеням в свои кельи. Из одного коридора — в другой. Так же молча святые братья разошлись по своим кельям — пустым комнатенкам, где из мебели стояли только кровать, да стол с кувшином воды на нем. Здесь, в келье каждый монах склонился у изголовья кровати, закрыв глаза. Они шептали молитву, зажав в руках кинжалы, как распятия.

А внизу, в часовне отец Карло молился за них.

— И раз мы готовы отдать наши жизни во исполнение этого святого дела, нам надобно сейчас испросить отпущения грехов, дабы не было нам отказано в последнем предсмертном искуплении...

И только он произнес эти слова, как монахи наверху одновременно вздрогнули и прижали к груди кинжалы.

— Мы должны просить Бога даровать нам силы, мужество и указать, как нам побороть Сатану и сына его, Антихриста.

Небесные знамения явили нам точный час второго пришествия Господа нашего, о котором мы веками проливали слезы. И теперь надо избавить мир от Антихриста еще до второго пришествия. Времени у нас остается в обрез.

Де Карло возвел глаза к небу. Он читал там будущее. Он знал, что произойдет.

— Братья, помните: мы сами да еще эти семь кинжалов — то единственное, что стоит между Сыном Сатаны и Сыном Бога, только эти кинжалы могут уничтожить Дэмьена Торна.

Он поднялся на ноги и взглянул на крест, думая о Роберте Торне, чей сын был убит при рождении, уступив дорогу Антихристу. Убийца камнем проломил череп младенцу, а чудовище, зачатое дьяволом и рожденное самкой шакала, заняло его место. Отец де Карло вспомнил, как еще будучи молодым монахом, он выслушал признание

отца Спилетто, который и помог появлению проклятого ублюдка.

Священник помолился за душу Торна, воспитывавшего Антихриста. Сын Сатаны затем убил жену Роберта и еще не рожденного ребенка в ее чреве. Де Карло припомнил и других людей, погибших только потому, что стояли они на пути у сатанинского отродья.

Затем был брат Роберта, Ричард; по незнанию своему вырастил он ребенка, а после вместе со своей женой исчез с лица земли. Ричард и Анна Торн, и многие, многие другие.

Так много невинных жертв!

На этот раз неудачи быть не могло, ибо судьба мира зависела от них: священника и шести монахов — людей добрых и мягкосердечных, терпеливых и постоянно размышляющих о человеческих судьбах. Теперь же им предстояло совершить ужасное дело, пойти против своей природы, вновь перековав орало на меч.

За всю жизнь де Карло не мог себе представить ничего подобного, ни в Милане, когда он будучи еще юношей произносил свою первую клятву, ни за годы монашества, ни уже став священником. Единственное, чего он жаждал, это — служить Господу, размышлять о Промысле Божьем и укреплять Его царство на земле. Однако он, де Карло, по крайней мере успел попутешествовать по миру. Он летал на самолете. Он постиг многие людские судьбы. Он хоть что-то знал об этом мире. А вот остальные...

Де Карло подумал о каждом из братьев-монахов, и глаза его наполнились слезами.

Глава шестая

Собираясь на прием в посольство, Кейт Рейнолдс облачилась в элегантное и страшно дорогое платье: оно доходило ей до середины икры и было приглушенно-мягких тонов. Выкроив часик, она забежала в парикмахерскую и теперь была во всеоружии. Эта женщина почти не пользовалась косметикой. Мужчины часто повторяли Кейт, что она ей вообще не нужна. У журналистки было очень выразительное лицо с высокими скулами, широко поставленными глазами и великолепным профилем.

Кейт Рейнолдс уселась в такси и прикинула, что для корреспондента Би-Би-Си она очень даже неплохо выглядит. Она помахала на прощание сынишке, стоящему у автомобильной дверцы. Мальчик весело подшучивал над матерью. Он, хихикая, утверждал, что для своего возраста,

она прекрасно сохранилась, а уж из уст Питера это высказывание звучало настоящим комплиментом.

Кейт попросила водителя отвезти ее к американскому посольству. Уже второй раз за этот месяц она направлялась туда. И пока автомобиль не спеша катил по лондонским улицам, перед мысленным взором Кейт предстал разможенный череп Эндрю Дойла. Она вздрогнула от этого жуткого воспоминания. Никто толком так и не объяснил этого загадочного самоубийства. Даже тот, кто знал его лично, не мог предложить мало-мальски убедительной версии происшедшей трагедии. А теперь как-то очень уж скоропалительно прибыл новый посол; он воцарился в кабинете, а новая краска на гербе еще даже не высохла.

Кейт разбирало жгучее любопытство относительно Торна. Но и не только оно. Тридцать два года — фантастически молодой возраст для такой исключительно ответственной должности, и было как Божий день ясно, что для Торна это место — лишь первая ступенька на политической лестнице. Кейт состроила гримасу, когда вспомнила сегодняшний телефонный разговор с корреспондентом из Вашингтона. Через океан тот подтрунивал над ней, расписывая, какой красавчик этот Торн, да какой он очаровашка и какое несказанное удовольствие получит она, взяв у нового посла интервью.

Кейт заинтересовал и тот факт, что Торн не был женат. Обычно у жены посла имелся определенный круг обязанностей. Вот интересно, кто же будет их выполнять? Но, похоже, в жизни Торна не было пока прочной привязанности, как не было и ни одного хотя бы незначительного скандального эпизода. Тридцать два года и не женат — совершенно естественное подозрение вдруг возникло в ее мозгу, но тут же исчезло. Даже эти чрезвычайно раскованные американцы не осмелятся послать в Лондон беспутного посла, — осадил себя Кейт. Лондон кишел гомосексуалистами, и воскресные газеты пару раз в месяц выдавали на своих страницах новые пикантные истории. Кейт тут же послала к черту свое расшалившееся воображение и достала кошелек, потому что таксист подруливал уже к площади Гросвенор.

Зал приемов был отделан дубом, по стенам висели писанные маслом старинные портреты. Зеркала в золоченых рамах достигали потолка, драпировка была из темного, тяжелого бархата, зал освещали массивные светильники. —

Потрясающе экстравагантная обстановка,— мелькнула мысль в голове Кейт.

Предъявляя приглашение, она механически пробежала глазами список гостей. Журналистов в этом списке было раз-два и обчелся. Да и то пригласили только серьезных профессионалов, занимающихся исключительно дипломатической хроникой. Бульварным газетенкам и прочему подобному чтиву придется выуживать сплетни у официантов,— подумала Кейт.

Она знала, почему здесь находится. Незадолго до этого журналистка официально обратилась в посольство с просьбой об участии Дэмьена Торна в одной из телепередач. Заявку рассмотрели, и теперь у Кейт появилась возможность лично встретиться с Дэмьеном. А заодно, возможно, и очаровать его.

Осмотревшись по сторонам, Кейт взяла бокал вина и стала прислушиваться к обрывкам разговоров. Вечер начинался как обычно в таких случаях. Справа от Кейт стояли два пожилых мужчины, и она узнала в них служащих иностранного отдела — завсегдатаев встреч. Оба чувствовали себя как рыбы в воде, один из них разглядывал этикетку на бутылке.

Кейт улыбнулась, наблюдая за ними и, проходя мимо, невзначай бросила:

— Неужели ему действительно всего тридцать два?

— Понятия не имею,— пожал плечами первый.— Вообще-то я не удивлюсь этому. Вечно эти американцы уверены, что сумеют управлять раньше, чем научатся ходить.— Он хмыкнул.

— Отвечаю на ваш вопрос,— раздался вдруг сзади голос.— Да, тридцать два. Самый молодой посол за всю историю Соединенных Штатов.

Кейт обернулась и увидела щегольски одетого, улыбающегося человека в очках.

— Харвей Дин,— представился он.— Личный секретарь посла.

Кейт пожала ему руку и назвала себя.

— Моя супруга Барбара,— познакомил Дин журналистку со своей женой.

И снова Кейт пожала руку. Барбара представляла собой довольно милую женщину, хотя для подобной вечеринки она была совсем не к месту. Барбара была беременна, прямо-таки на сносях и с упоением только об этом и щебетала. Кейт не могла придумать, что же ей ответить этой женщине.

— Хотите познакомиться с послом? — поинтересовался Дин.

— Да, очень.— Собственно говоря, здесь она находилась именно за этим, а вовсе не для обмена опытом по части вязания с секретарской женой. Журналистка уже приметилла Дэмьена в противоположном конце зала и мгновенно оценила его притягательность. Очарование, внешняя привлекательность и, надо полагать, интеллект.

Следом за Дином Кейт протиснулась сквозь толпу гостей. Дэмьен стоял у камина, над которым в зеркале отражался профиль молодого посла.

— Господин посол,— обратился Дин к Дэмьену,— это Кейт Рейнолдс с Би-Би-Си. Мисс Рейнолдс ведет собственную шоу-программу «Мир на ТВ».

— «Мир в фокусе»,— поправила Кейт.

— Извините, «Мир в фокусе»,— продолжал Дин.

— Или без фокуса,— пошутила Кейт,— это уж как получится.

Дэмьен слегка поклонился.

— Приятно познакомиться, мисс Рейнолдс. Вы, похоже, английская Барбара Уолтерс¹, да?

— С моим-то жалованьем? — рассмеялась Кейт.

Дэмьен широко улыбнулся, он наклонился к журналистке и насмешливо-доверительным тоном сообщил ей, что имеет отношение и к благотворительности. Кейт тут же поставила себе высшую оценку. Едва оказавшись в зале, она уже болтала с послом, будто это ее старинный приятель. И как здорово, что она надела именно это платье. Кейт решила идти напролом.

— Вам нравится Лондон?

— Надеюсь, что понравится,— заверил ее Дэмьен.— Все, что я успел здесь разглядеть, привлекательно.

Кейт улыбнулась, принимая комплимент.

— Вы, вероятно, в курсе. Я просила о встрече с вами. Разумеется, официальной.

— Нет, я не в курсе,— сказал Дэмьен,— а что бы вы хотели обсудить?

— Ну, например, ваши взгляды на молодежь,— закинула удочку журналистка.— Мой сын ваш большой поклонник. Ему всего двенадцать лет, но он уже глубоко убежден, что ваши идеи гениальны...

Ее прервал Дин:

¹ Барбара Уолтерс — популярная в США ведущая шоу-программы «20/20». В ее передачах принимают участие многочисленные знаменитости планеты.

— Посол Израиля покидает нас, он хотел бы переговорить.

Дэмьен взял Кейт за руку.

— Буду счастлив встретиться с вами,— сказал он,— позвоните завтра Харвею, и он назначит время. Как насчет воскресенья?

— Конечно,— согласилась журналистка. Но тут же вспомнила о Питере. Воскресенье — единственный день, который она проводила вместе с сынишкой. На все остальное в этот священный день накладывалось табу. Кейт разрывалась на части. Однако Дэмьен мгновенно разрешил этот конфликт.

— И захватите с собой Питера,— бросил он на прощание.

Кейт наблюдала, как Дэмьен пересекал зал. Она взяла еще один бокал и поздравила себя. Замечательно. Слишком все легко. Чрезвычайно хорошо, чтобы быть правдой.

Обаятельный, красивый и умный.

И неженатый.

Питер и Дэмьен подружились с первой встречи. Их отношения настолько окрепли, что Кейт испытывала к ним что-то вроде ревности. И снова ее поразил Дэмьен, ибо никогда до этого Питер вот так, с ходу, не попадал под влияние чужого мужчины. С другими он бывал, как правило, либо замкнут, либо резок и груб, либо наоборот, чрезвычайно любезен. С Дэмьеном же мальчик был самим собой: подвижным и милым ребенком,— будто знал он Торна всю свою короткую жизнь.

В Гайд-Парке Питер и Дэмьен склонились над Серпантинном и следили за игрушечной моделью яхты, скользящей по его поверхности. Кейт наблюдала за ними. Внезапно она ощутила жизненную энергию сына. Ему было двенадцать лет, он превращался в красивого юношу, очень похожего на своего отца.

Его бабушка с милой старомодностью утверждала, что Питер разобьет, ох, не одно сердце. А коллега Кейт с Би-Би-Си лет сорока был предельно откровенен. Он заявил, что Питер восхитительно хорош, и с тех пор мать держала своего сына подальше от него.

Кейт полезла в сумочку и, достав фотоаппарат, взглянула на Дэмьена и Питера. Они склонились над водой, не замечая направленного на них объектива. И тут невесть откуда появилась странная, огромная собака. Она устави-

лась на журналистку, и Кейт, вздрогнув от ужаса, невольно отступила. Зверь был устрашающих размеров, черный, с исполинскими клыками и поразительными глазами, в которых полыхало желтое пламя.

Кейт пыталась поначалу не обращать на собаку внимания, она нажала на затвор, затем убрала фотоаппарат в сумочку и направилась к воде.

В голове у женщины мелькнула вдруг мысль, не использует ли Дэмьен Питера в своих корыстных целях; увлекая ребенка, пытается проложить себе путь к сердцу его матери. Однако Кейт тут же отбросила эту мысль. Дэмьен не так глуп, к тому же особой нужды в подобных штучках у него не было.

— Эй, мам,— Питер поднялся с колен, когда подошла Кейт, его глаза сияли. Руками он вцепился в пульт дистанционного управления яхтой.— Ты только посмотри, что мне подарил Дэмьен. Я его не просил. Это он сам.

Кейт укоризненно покачала головой и повернулась к Дэмьену. Яхта была очень дорогой.

— Но... но вы не можете...— начала было Кейт.

— Но... но он может,— передразнил ее Питер,— он ее только что подарил.

Дэмьен взглянул на журналистку.

— У него яхта, пожалуй, будет в полной безопасности. А из меня лодман никудышный. Представляете, столкнись я с другим судном, вспыхнул бы международный скандал.

Добавить к этому было нечего.

Они вместе наблюдали за резвящимся Питером.

— Вам не следует его баловать,— упрекнула Дэмьена Кейт.

— Но дети заслуживают того, чтобы их время от времени баловали.

— Я знаю. Я сама постоянно этим занимаюсь. Мой муж умер, когда Питер был совсем крошечным.— Женщина не знала, зачем рассказывает обо всем Дэмьену, но тем не менее продолжала.— Поэтому можете себе представить, что Питер вьет из меня веревки.

— Сказать по правде, это он портит меня, а не наоборот,— заметил Дэмьен,— далеко не каждый день у меня появляется возможность ощутить себя снова мальчиком. Вы должны гордиться Питером. Я бы гордился, будь у меня такой сын.

— А я и горжусь,— согласилась его мать,— только не захваливайте его. Он и так не в меру тщеславен.

Кейт пристально посмотрела на Дэмьена и вдруг откровенно спросила:

— А вы сами думали когда-нибудь о женитьбе?

Дэмьен отрицательно покачал головой.

— Я неизлечимый скептик. А кроме того, у меня просто не было времени.

— И куда же вы так торопились?

Дэмьен пожал плечами, наблюдая за Питером.

— Знаете, я сам удивляюсь, думая частенько об этом.— Несколько секунд он стоял молча, потом обернулся и уставился на собаку. Та как-то незаметно подкралась сзади и не мигая смотрела на него сузившимися глазами. В ее взгляде сквозило странное неодобрение.

— Питер все время пристаёт ко мне, требуя купить собаку,— сказала Кейт.

— Вам следует это сделать,— Дэмьен не сводил глаз со странного пса.— Мальчики и собаки очень дружат между собой. В нашей семье жила такая же, с самого моего детства. А вы знаете, что такие вот собаки сопровождали римскую армию еще две тысячи лет назад.

— Неужели?

— Они такие же древние, как и грех.

Собака вскочила на лапы и потрусила в сторону. Дэмьен и Кейт направились следом за ней, их догонял Питер, тащивший яхту и швырявший время от времени псу палку. Случайный наблюдатель решил бы со стороны, что по парку прогуливается счастливая семейка.

Уже покинув Серпантин, Кейт вдруг сообразила, что прогуливались они как раз по тому маршруту, которым шел и Эндрю Дойл в день своей гибели. Она вскользя упомянула об этом, выразив сожаление... Но Дэмьен даже если и слышал ее слова, не обратил на них никакого внимания. Тогда Кейт, пожав плечами, решила, что мысли его где-то далеко.

Когда они дошли до угла, где выступали спикеры, Питер бросился к фургончику с мороженым. Люди сбились в группки, слушая ораторов, но один голос перекрывал все остальные:

«...День Христа близок, писал апостол Павел во втором послании к фессалоникийцам...»

Дэмьен и Кейт продирались сквозь толпу.

«И не позволяйте ни одному человеку обманывать вас, так как этот день не наступит, пока Человек Греха не будет обнаружен, Проклятый Сын, Антихрист. И не обманывайтесь, ибо сам Сатана превратился в светлого ангела...»

Кейт слышала говорящего, но смысл слов не доходил до нее.

— Дэмьен, вы, должно быть, считаете, что я никуда не похужу, как журналист,— заговорила она.— Я ведь не задала вам и половины намеченных вопросов.

— А, так вот почему наша прогулка была особенно приятной,— улыбнулся Торн,— ну так оставьте ваши вопросы для телепередачи.

Отлично,— подумала Кейт,— значит вопрос об участии Торна в программе решен. Утро выдалось на славу. Все усилия журналистки увенчались успехом. Новый посол впервые появится на Британском телевидении именно в ее, Кейт Рейнолдс, передаче.

Поздравив себя, она вдруг обнаружила, что стоит в одиночестве, а Дэмьен продвинулся вперед и не шевелясь впился взглядом в говорящего.

«Час второго пришествия Христа приближается...»

Кейт проследила за взглядом Дэмьена и принялась рассматривать священника. Тот стоял на возвышении, а надпись на плакате рядом с ним гласила о близости второго пришествия. Кейт сдержала улыбку и встала рядом с Дэмьеном.

«Пророчества исполнились — одно за другим,— продолжал священник,— и возникнут еще знаки и на солнце, и на луне, и на звездах... Прямо сейчас, друзья мои, в созвездии Кассиопеи сближаются три звезды, чтобы возвестить о Втором пришествии Господа нашего, и так же, как звезда над Вифлеемом указывала путь древним мудрецам, так и эта Святая Троица соберет всех верующих»

И тут священник обернулся и напоролся на взгляд Дэмьена. Их глаза встретились, и они на какое-то мгновение усталились друг на друга, забыв обо всем на свете.

«... горе вам,— говорит святой Иоанн в Откровении,— ибо Дьявол явился к вам в великом озлоблении, зная, что время его коротко...»

— Ничего особенного,— взглянув на Питера, Дэмьен заставил себя расслабиться и взял у него протянутое мороженое.— Я не устаю поражаться эксцентричности одной из ваших общественных организаций.

Питер повернулся к матери и угостил ее мороженым тоже. Вдруг Кейт вздрогнула, как от боли. Питер, испуганный выражением лица матери, проследил за ее взглядом и хмыкнул, увидев собаку. Пес застыл в неподвижности. Шерсть на нем стояла дыбом. Из глотки доносилось приглушенное рычание.

— Эй, песик, привет,— помахал чудовищу Питер.

— Питер,— резко вскинулась Кейт,— держись от него подальше.

Мальчик отрицательно помотал головой и принялся свистеть собаке.

— Мам, это только ты ей не нравишься.

Собака миновала Кейт и потрусила дальше, к деревьям, устремив свой горящий взгляд на высокого человека в черном, который уже долгое время наблюдал за ними.

— Эй, песик, пошли,— крикнул Питер, и животное подбежало к нему. Лизнув его руку, собака направилась к Дэмьену. Кейт находилась от них далеко и не слышала, о чем разговаривали Питер и Дэмьен.

— Интересно, почему собака не любит маму?

— Потому что мама не принадлежит к нам.

Кейт не видела того странного выражения на обоих лицах собеседников, которое неожиданно промелькнуло.

Отец де Карло стоял возле пыльного и грязного окна, пристально уставившись на красные полуразвалившиеся кирпичные дома напротив.

Де Карло взглянул на небо, но оно было покрыто тучами, напоминавшими дешевые потолочные обои. Он тряхнул головой. Кейбл Стрит действовала на всех угнетающе. Но священная миссия должна осуществиться именно в этих сырых трущобах. Всю свою жизнь отец де Карло прожил в вере, загнав воображение в строгие рамки. Прелести внешнего мира не коснулись его души. Но Восточный Лондон так удручал священника, что Субиако в сравнении с ним казался просто раем. По крайней мере там светило солнце, и можно было видеть безоблачное небо. Отцу де Карло стало вдруг жаль тех, кто был вынужден жить в Лондоне всю свою жизнь.

Он взглянул на остальных монахов, мрачно сгрудившихся в сумрачной камерке. Для каждого из них начиналось здесь путешествие длиной в собственную жизнь. Проходя формальности в аэропорту, священник чувствовал себя пастухом среди овец, глядя, как беспомощно роются монахи в поисках билетов, как испуганно блуждают их глаза по залу, как они изо всех сил пытаются не замечать женщин. Монахи робко сбились в кучку, которая напоминала покинутый островок среди всей этой кутерьмы. На это путешествие были истрачены все их скудные сбережения.

На борту самолета каждый беззвучно молился. Молчали они и в автобусе, направлявшемся из аэропорта в Лондон.

В самом городе настроение монахов то и дело менялось. Они чуть не задохнулись от восторга, рассматривая красоты Мейфаэр, однако через некоторое время чело их нахмурилось при виде обшарпанности Пикадилли. А когда они въехали в район Ист-Энда, то разом вздрогнули, взглянув на мрачные кирпичные дома. Монахи посмотрели друг на друга в надежде, что скоро вернутся домой.

Со стороны лестницы послышались шаги, и де Карло, повернувшись, увидел входящих монахов Паоло и Матвея. Они несли с собой плакат. Матвей дрожал от волнения и тут же с порога пытался выложить новости. Когда все расселись, де Карло разрешил Матвею рассказывать.

И тот поведал, что они видели днем совсем близко Антихриста, в человеческом облике. Его сопровождали женщина и ребенок. С ними была и собака.

— Кто была эта женщина? — заинтересовался отец де Карло.

Достав записную книжку, Паоло ответил:

— Телерепортер. Я справился у тех, кто просил у нее автограф. Кейт Рейнолдс. Очевидно, очень известная личность.

— А мальчик?

Паоло пожал плечами.

— Наверное, ее сын.

Положив на стол локти, отец де Карло склонился вперед.

«Женщина и ребенок, — подумал священник. — Чего ему нужно?»

Его размышления были прерваны Матвеем.

— Пожалуйста, святой отец, — взмолился он. — Можно мне начать. Мы уже встретились с ним, и он клюнул на меня. Я заманю его и уничтожу.

Отец де Карло покачал головой и вздохнул. Какие же они порывистые, храбрые и наивные... такие наивные.

— Он наверняка прочел твои мысли, — возразил священник, — мы должны сначала усыпить его бдительность.

Де Карло оглядел комнату, мрачную и убогую даже при дневном освещении. Семь кинжалов. Семь мужчин, сидящих за ветхим, скрипучим столом. Такая слабая и крошечная армия против страшного и всесильного противника.

— Цель должна быть определена, — заявил один из монахов.

— Может быть, когда он спит, — произнес другой.

Отец де Карло опять отрицательно покачал головой.

— Его резиденция охраняется и днем и ночью.

— А посольство?

Отец де Карло даже не удостоил ответом высказывание. И только Паоло пробормотал:

— Невозможно.

Отец де Карло уже успел рассмотреть здание на площади Гросвенор. Сооружение внушительных размеров с кучей охранников. И вот это-то здание брат Мартин собирался атаковать с одним кинжалом!

Тихий голос нарушил его мысли.

— Вот он — наш выход.

Священник взглянул на Бенито, который указывал в левый угол. Там на трех ножках стоял сломанный телевизор.

Сначала отец де Карло никак не мог взять в толк, куда клонит Бенито. И лишь когда тот вместе с Паоло начали вслуж развивать свои мысли, отец де Карло в сыром лондонском подвале поднял глаза и возблагодарил Господа и озарение.

Глава седьмая

Битый час стоял уже брат Бенито под моросящим дождем. Костюм, который ему выдали, сковывал движения. Брюки плотно прилегали к телу, и он никак не мог взять в толк, зачем люди выдумали такую неудобную одежду. То ли дело просторная и свободная сутана.

Монах стоял у дверей высокого особняка и наблюдал за людьми. Кинжал, завернутый в ткань, покоился у пояса; Бенито незаметно сжимал его рукоятку.

Туристический автобус затормозил у студии. Бенито выскользнул из-под козырька и пристроился в хвост потоку людей, сошедших с автобуса. Он улыбнулся про себя, миновав привратника, а затем охранников в приемной. Вот он уже в студии. Здесь монах отделился от толпы туристов, свернул в сторону и направился в туалет. Он зашел в кабину и огляделся. Пока ему везло, и Бенито помолился, чтобы удача и впредь не покидала его.

Монах подождал некоторое время, пока не почувствовал, как уверенность наполнила его душу. И тогда он вышел в коридор. Ему понадобилось минут пятнадцать, чтобы найти студию № 4. Осмотревшись по сторонам, Бенито толкнул дверь. Она тут же подалась, и монах проскользнул

внутри. Здесь было темно. Среди какого-то хлама монаху без труда удалось спрятаться. Теперь оставалось лишь ждать начала передачи.

Дэмыен прибыл сорок минут спустя. Он перекинулся парой фраз с Кейт и продюсером, затем в сопровождении двух телохранителей направился в гримерную. Харвей следовал за ним.

Пока гример усердно занималась лицом Торна, тот заметил через ее плечо телевизионный монитор. На нем уже появились первые кадры передачи «Мир в Фокусе». Дэмыен бесстрастно наблюдал за веренищами беженцев на экране. Люди отрешенно брели вдоль берегов разбушевавшейся реки. И тут в кадре возникла рухнувшая Асуанская плотина. Вода хлестала через пробоины.

Никто не заметил, как на губах Дэмыена мелькнула короткая усмешка.

В гримерной раздался голос Кейт Рейнолдс, доносящийся из двух динамиков: «Израильское правительство категорически отвергает обвинение в причастности Израиля к катастрофе, которая унесла, как было объявлено, около пятидесяти тысяч жизней. Однако многие высказывают опасение, что окончательное число жертв окажется в два раза большим.

У некоторых беженцев уже начался тиф, и, видимо, не избежать тяжелых эпидемий...»

Дэмыен взглянул на дверь, около которой застыли два его телохранителя. Оба уставились на экран монитора.

«Как и в Камбодже,— продолжала Кейт,— основная помощь была оказана не правительством пострадавшей страны, а Соединенными Штатами, в частности «Торн Корпорейшн».

Гример дотронулась было до волос Дэмыена. Тот резко отстранился, коснувшись ее талии:

— Спасибо, я сам причешусь.

Женщина передала Торну расческу и повернулась к столу. Она не первый раз сталкивалась с различными проявлениями тщеславия. Дэмыен Торн, накормивший добрую половину голодающих, настоял на том, чтобы причесываться собственными руками. Любопытно. Но в конце концов у всех людей, волей судьбы заносимых сюда, была своя изюминка. Да и вообще, стоит нацелить на человека телекамеру, как он тут же приобретает какие-то особые черты. Профессия наложила на гримера определенный отпечаток, она необычайно развила в ней наблюдательность. Позже гример поведала своей приятельнице, что

Дэ́мьен Торн — человек с большими странностями. Кожа его казалась чрезмерно огрубевшей, а кончики пальцев — наоборот — невероятно гладкими. Как будто на них вообще не было ни одной линии, словно они побывали в огне.

К сожалению, та первопричина, символ которой был запечатлен на скальпе Торна, осталась для гримера тайной. Та самая, что много лет назад привела к гибели Роберта Торна и многих-многих других людей.

Дэ́мьен Торн уложил, наконец, волосы и опять взглянул на монитор.

«И хотя некоторые обозреватели считают, будто «Торн Корпорейшн» наживается на человеческой трагедии, тем не менее египетское правительство сообщило, что Торн поставляет сою почти на пятьдесят процентов дешевле, чем на мировом рынке».

Внезапно дверь приоткрылась, и в гримерную заглянул молодой человек. Он поинтересовался, готов ли Дэ́мьен. Тот кивнул, улыбнулся гримеру и покинул комнату в сопровождении своих телохранителей.

Голос Кейт раздавался и в коридоре.

«В центре всех проводимых корпорацией мероприятий стоит человек, имя которого уже при жизни стало легендой».

Дэ́мьен улыбнулся и переступил порог студии. Он увидел Кейт, залитую светом юпитеров. На нее, сидящую в легкой задумчивости, были направлены три камеры.

К Дэ́мьену приблизился один из сотрудников студии и, прижав к губам палец, повел его за собой через вившиеся по полу различные провода и шнуры, мимо каких-то камер и кабелей. Телохранители шествовали следом и остановились лишь в нескольких футах от кресла Торна. Здесь, в полумраке, Дэ́мьен разглядел и Дина. Он шагнул вперед и постучал по часам: полчаса здесь, затем едем в Пирфорд. Позже будет звонить Бухер, кроме того, имеется целая куча бумаг, касающихся Израиля...

Дин внезапно наклонился к уху Дэ́мьена и прошептал:

— Ты заметил, как здесь кормят? Потрясающе, да?

Дэ́мьен улыбнулся. Харвею Дину стукнуло уже сорок, а он все еще как мальчишка удивляется жизни. Нет, его и до ста лет не исправить.

В это время на противоположном конце студии медленно выступил вперед Бенито. Он все еще сжимал рукоятку кинжала. Ладонь была влажной от пота, а лоб покрылся испариной.

«На прошлой неделе,— рассказывала Кейт,— господин Торн прибыл в Британию в качестве самого молодого посла за всю историю Соединенных Штатов. Чуть позже в программе мы еще встретимся с господином послом».

Бенито глубоко вздохнул и отступил в тень, когда Дэмьен приблизился к своему креслу напротив Кейт.

«Но сначала,— продолжала журналистка,— давайте остановимся на главных вехах в его карьере. Ее ведь не зря сравнивают с карьерой Джона Кеннеди».

Дэмьен удобно расположился в кресле. Бенито в уме прикинул расстояние, отделявшее его от Торна. Примерно десять—двенадцать шагов. Монах закрыл глаза и проормотал какую-то молитву.

— Разрешите вам помочь? — внезапно раздался над его ухом голос. Бенито вздрогнул, открыл глаза и резко обернулся. Позади монаха стоял человек и с любопытством рассматривал его.

— Что-что? — промямлил Бенито, стараясь скрыть свое смущение.

— Сдается мне, что вы не участвуете в этой передаче, не так ли? — это был скорее не вопрос, а вызов.

— Я ишу студию 8,— попытался выпутаться монах.

— Но это студия 4, а студия 8 — в коридоре напротив,— проговорил человек, будто разговаривал с ребенком.

Бенито торопливо поблагодарил незнакомца и поспешил скрыться.

Голос Кейт преследовал его.

«После окончания Йельского университета Дэмьен Торн был зачислен в Оксфорд. Здесь же, в Англии, он стал победителем по водному поло на Кубок Уэстчестера...»

У двери Бенито оглянулся и заметил, что незнакомец пристально наблюдает за ним. В смущении монах двинулся от двери к юпитерам. Следивший за ним человек что-то прошептал оператору. Оба они уставились в темноту, затем направились к двери.

Бенито тихонько простонал и свернул направо. Он двигался вслепую, пытаясь сообразить, что же делать и говорить, если его обнаружат. Монах напоролся на что-то плечом и задрал голову. Он заметил края металлической лестницы, ведущей к осветительным приборам. Ни минуты не размышляя, монах ухватился за перекладину и, подтянувшись, повис на лестнице пока те двое стояли от него в каких-нибудь десяти футах.

«В 1975 году,— все еще рассказывала Кейт,— Дэмьен взял в свои руки бразды правления «Торн Индастриз» и в

течение семи лет превратил ее в крупнейшую на планете корпорацию, производящую буквально все, начиная от соевых бобов и кончая ядерным оружием...»

Двое мужчин еще какое-то время всматривались в темноту, затем вернулись на свои места. У Бенито от напряжения заныли руки. Он еще раз подтянулся и принялся взбираться по лестнице, пока не очутился на самом верху у осветительной установки. Здесь монах перевел дыхание и стал продвигаться вперед. Снизу до него долетал голос Кейт:

«А теперь, в возрасте тридцати двух лет Дэмьен Торн вступил на политическую арену не только как посол США в Великобритании, но и как Президент Совета молодежи при ООН...»

Из горла Бенито вырвался хрип, он чуть было не послал Торну проклятья.

«Через два года Дэмьен Торн намерен баллотироваться в американский Сенат, он уже сегодня имеет серьезные шансы стать самым молодым президентом США за всю их историю».

Бенито наблюдал, как в двадцати футах под ним Кейт повернулась к Дэмьену. Монах остановился и стал осматриваться, намереваясь продвинуться хоть еще на несколько дюймов, чтобы оказаться прямо над Торном.

— Замечательная карьера для такого молодого мужчины, господин посол,— обратилась Кейт к Торну.

— Ну, не знаю,— возразил Дэмьен,— если учесть, что Александр Македонский командовал армией в шестнадцать лет.

Бенито с отвращением хмыкнул и, цепляясь за выступающие детали осветительных установок, продолжал продвигаться вперед. Внезапно он остановился как вкопанный, заметив, что переборки резко обрываются и с них свисают провода прямо к ногам осветителей там, внизу. Затаив дыхание, неподвижно стоял Бенито. Пришурившись, он уставился на суетящихся под ним людей. Двое мужчин, только что преследовавших монаха, посмотрели вверх, но ослепленные ярким светом юпитеров, не разглядели его. Бенито снова пробормотал молитву и продвинулся еще на несколько дюймов вперед.

— Многие люди и считают вас Александром двадцатого века,— нашлась Кейт.— Они убеждены, что под вашим руководством начнется золотая эра процветания.

Дэмьен улыбнулся.

— Вы, вероятно, просмотрели слишком много моих рекламных фильмов.

— Но ведь именно этот образ вы пытаетесь создать,— настаивала на своем Кейт.

— Образ корпорации — да, но не личный образ. Но вообще-то я оптимистичен по отношению к будущему и, естественно, хочу надеяться, что Торны будут играть в нем не последнюю роль.

Бенито замер на месте и взглянул вперед. Он продвинулся так близко к самому краю, что рисковал сорваться вниз. О прыжке и речи не могло быть. Он тут же сломал бы себе шею. Подавив отчаяние, монах принялся соображать, как выйти из этого положения. Через всю студию под ним протянулись сооружения наподобие лодочек с осветительными лампами. Бенито впился в них глазами. Мысль о спасительных лодках вспыхнула в его мозгу. Он вспомнил, как однажды давным-давно вместе с дядей оказался на море, и тот рассказывал ему о кораблекрушении. Тогда же он поведал племяннику, как моряки перебираются из одной тонущей лодки в другую.

Бенито сжал губы и кулаки, почти физически ощущая, как поднимается в крови адреналин. Только бы веревки выдержали. Он коснулся одной из них и потянул, пробуя на прочность. Канат казался достаточно крепким. Взглянув вверх, монах убедился, что веревка спускается с самого потолка. Бенито помолился, чтобы все это крепление выдержало его вес, обернул одну ногу веревкой и, ухватившись за канат обеими руками, шагнул с переладины и бесшумно соскользнул в лодочку. Здесь он затаил дыхание, сжавшись в комок. Монах почувствовал, как кинжал уперся острием в его бедро, тогда он развернул ткань и крепко сжал рукоятку в ладони. Ближайшая лодочка находилась от него в каких-нибудь паре футов. Если его не заметят, он без труда переберется в нее.

— Вы всегда интересовались молодежью, господин посол,— вела беседу Кейт.— Каковы ваши планы теперь, когда вы стали президентом Совета молодежи?

— Масса планов,— заявил Дэмьен.— Я полагаю, что самые главные для меня — это помочь молодым людям играть в мировых проблемах более заметную роль, чем мы им сейчас позволяем или, точнее, не позволяем.

Кейт открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, но Дэмьена, похоже, разобрало красноречие:

— До какой же степени нас одолело тщеславие, заставляющее думать, будто мы справимся со всем лучше, чем они?

Кейт покачала головой, но Дэмьен и не рассчитывал на ответ.

— Мы называем их наивными и незрелыми,— входил в раж Торн,— «подождите, пока повзрослеете,— говорим им мы,— вот тогда мы вас выслушаем». На самом же деле мы имеем в виду другое: «подождите, вот состаритесь, а там посмотрим». И таким образом молодежь остается за бортом: у нее нет выбора. Вот поэтому с ней-то я и собираюсь сотрудничать.

Внимание всех присутствующих было сосредоточено на Дэмьене. Далеко не часто бывает, чтобы интервьюируемый так стремительно прибирал к своим рукам инициативу и говорил так страстно и убедительно. Все заворуженно уставились на Торна.

Никто не заметил монаха, перебирающегося из одной лодочки в другую, пока он наконец не оказался прямо над Дэмьеном.

— Мы усиленно наспиговываем их нашими ценностями,— ораторствовал Торн,— мы вколачиваем в них наши доктрины до тех пор, пока они не покидают стены институтов с промытыми мозгами. Вот тогда — с нашей точки зрения — это «полноценные граждане». А ведь они уже с выхолощенными собственными мыслями и абсолютно аморфной волей. Стремление к поступку нулевое. Зато абсолютно безопасные люди.

Впившись глазами в затылок Дэмьена, Бенито присел. Потом приподнялся на нетвердых ногах и наклонился, приготовившись к прыжку. И тут лодочка чуть сдвинулась под весом монаха и качнулась в сторону. От внезапного напряжения натянулась поддерживающая ее веревка. Лодочка резко нырнула вниз, лопнула вторая веревка. Бенито упал на колени, хватаясь, чтобы не выпасть, за края лодочки. Разом сдвинулись все крепления.

Кейт взглянула вверх и вскрикнула. Дэмьен вскочил со своего кресла. Лодочка пронеслась мимо него. Две огромные лампы вылетели из нее и оглушительно взорвались на полу, подобно бомбам. На заднем плане съемочной площадки мгновенно вспыхнули тяжелые нейлоновые занавески, как будто они были пропитаны бензином.

Во время падения Бенито зацепился ногой за кабель, моментально обвившийся вокруг его лодыжки. И теперь

монах, как маятник, раскачивался на этом кабеле над всей студией.

Бенито закричал. Но не от страха, а от бессильной ярости. Когда его относил к пылающим занавесям, он в безграничном отчаянии думал только о том, каким идиотом он будет выглядеть в полицейском участке. Он никогда не сможет взглянуть в глаза отцу де Карло. Провалился, как последний дурак. И даже в тот момент, когда языки пламени коснулись его, Бенито не почувствовал ни боли, ни страха. Сейчас его отвяжут и отведут в участок.

Волосы вспыхнули, как сухая трава. Брови и ресницы тут же сгорели, лицо почернело.

Бенито попробовал было опять закричать, но из горла не вырвалось ни единого звука. Он задыхался и никак не мог понять, почему ничего не видит и не может дышать. Он не успел сообразить, что нейлоновые занавеси закрутили его лицо и тело, пока он болтался из стороны в сторону. Они как расплавленный саван облепили Бенито, заживо его зажаривая. Кто-то, наконец, отыскал огнетушитель, какое-то время возился с ним, а затем направил на пламя струю. Дэмьен бесстрастно следил за действиями техника. Он думал о том, что вычитал где-то однажды, будто мозг и сердце сгорают в последнюю очередь. И вдруг Торн заметил что-то. Он стремительно бросился вперед, несмотря на предостерегающие крики Дина. Дэмьен наклонился, схватил какой-то блестящий предмет и так же быстро вернулся на свое место.

Он оглянулся. От висящего тела исходил пар, все оно было покрыто пеной. Занавеси расплавились настолько, что сквозь них проступало черное, обугленное, уже нечеловеческое лицо. Ноги — с удовлетворением заметил Дэмьен — еще продолжали дергаться. И пока он завороченно рассматривал все это, Дин взял его за руку и повел к дверям.

Поездка до Пирфорда, где находился загородный дом Дэмьена, заняла около сорока минут. И пока они добирались до дома, ни один из мужчин не проронил ни слова. Дэмьен уставился в окно, а обычно разговорчивый Дин уперся невидящим взглядом в газету. Он был бледен от только что пережитого шока. Оказавшись в кабинете Дэмьена, Дин достал бутылку со спиртным, и молчание, наконец, было прервано.

— Да, мне необходимо выпить,— пробормотал Дин.— У меня до сих пор перед глазами это кошмарное лицо.— Через плечо он взглянул на Дэмьена.

— Хочешь выпить? — обратился к нему Дин.

Дэмьен покачал головой, бросил на стул пальто и поднес к свету кинжал.

— Это ведь была попытка убийства,— спокойно констатировал он.

Дин, широко раскрыв глаза, обернулся к нему.

— Сядь.

Дин послушно опустился в кресло и, медленно потягивая джин, слушал, как Дэмьен, словно на уроке истории, преподносил ему сведения о роде Бугенгагенов, которые на протяжении веков боролись с Сатаной. Девятьсот лет тому назад одному из них удалось победить сына Сатаны; потом в 1710 году другой Бугенгаген вновь восстал против исчадия ада и не дал тому выполнить его страшную миссию. Бугенгагены — сторожевые псы Христа...

Дин потянулся к бутылке.

— Ты когда-нибудь слышал о Мегиддо?

Дин отрицательно замотал головой.

— Подземный город Мегиддо, что под Иерусалимом. Он назывался раньше Армагеддон. Двадцать лет назад там жил Бугенгаген. Именно он обнаружил кинжалы.— Дэмьен снова поднес кинжал к свету и внимательно посмотрел на него.— Он-то и передал их моему отцу. Семь кинжалов. Роберт Торн попытался уничтожить меня. Последний раз я видел этот кинжал в занесенной надо мной руке Торна. Мне было тогда шесть лет.— Дэмьен выбросил вперед руку с кинжалом, и острое сверкнуло, отражая свет каминна.— Да, он попытался убить меня, но я был защищен собственным, настоящим отцом.

Какое-то время Дэмьен стоял неподвижно, как изваяние, его рука с кинжалом была словно занесена для удара. Потом она упала, и сам он бессильно рухнул в кресло.

Дин нервно глотнул из своего бокала.

— Ты говоришь, имеются семь кинжалов. А где же остальные шесть?

— Именно это нам и надо выяснить. Их, должно быть, обнаружили при раскопках музея в Чикаго...

Дин взглянул на Дэмьена в полном недоумении.

— Был пожар,— напомнил тот,— ты должен о нем знать.

Дин кивнул.

— Все было разрушено до основания, сгорело дотла. Не смогли спасти и моих дядю с тетей.

— Твой дядя был убит? — удивился Дин.

— Котел взорвался. Так их и завалило в подвале. Никто не знал, что они тогда отправились в музей.

— Но откуда же ты... — Дин вдруг заметил выражение лица Дэмьена и запнулся на полуслове. На лице Торна было написано презрение, губы змеились сардонической усмешкой. Ну конечно, Дэмьен знал. Ему ведь открыто все, что для другого остается тайным. Ничто не могло ускользнуть от его мысленного взора.

— Единственное, что не погибло, — продолжал Дэмьен, — это, как выясняется, кинжалы. И теперь они в руках моих врагов, прекрасно знающих, кто я.

— А знающий, кто ты, — пробормотал Дин, — должен знать и пророчество.

— Да, именно. Вот-вот грядет рождение Назаретянина. — Дэмьен пристально посмотрел на рукоятку в форме распятого Христа, а потом снова перевел взгляд на Дина. — Ступай и немедленно свяжись с Бухером. Вели ему добраться до Чикаго как можно быстрее... Расскажи ему... — Торна прервал стук в дверь. Она распахнулась, и вошел лакей.

— Извините, сэр, только что позвонили из больницы и спросили господина Дина.

— Барбара, — хлопнул себя по лбу Дин, и на его лице появилось выражение вины. — Сегодня днем она куда-то собиралась пойти. — Он повернулся к Дэмьену. — Ты не возражаешь, если...

— Конечно, — тут же согласился тот, — бери машину и поезжай, только сначала все-таки дозвонись из посольства Бухеру.

— Но ведь Бухер в Вашингтоне, — возразил Дин, — он там по поводу этой израильской заварушки. Завтра ему необходимо быть в Белом Доме...

Дэмьен разъяренно накинулся на помощника:

— Идиот, ты что, не понимаешь? Они же здесь, чтобы уничтожить меня, и, если это им удастся, все вы пойдете следом за мной... Я имею в виду каждого из вас.

Дин повернулся и покинул кабинет, оставив Торна одного с кинжалом в руке. Дэмьен медленно подошел к окну и устремил взгляд в небо. Губы его двигались в еле слышном шепоте:

— И какой же это зверь, чей час пробил, приближается ныне к Вифлеему, чтобы появиться на свет?

Отец де Карло и пять монахов сгрудились возле стола, уставившись на мерцающий экран телевизора. Как только новости закончились, священник перекрестился, поднялся со стула и, выглянув в окно, опять повернулся к монахам. Он пытался осмыслить известие. Отец де Карло припомнил свою первую встречу с Бенито, когда монах был еще послушником. Тот был исполнительным, спокойным и преданным вере человеком, и, когда настало время, мужественно противостоял всем мирским соблазнам. Ему удалось не поддаться юношеским искушениям, и он посвятил свою жизнь Богу. И теперь Бог забрал ее. Но эта смерть была ужасной.

— Какой-то неизвестный,— тихо повторил Паоло вслед за диктором.

Отец де Карло повернулся, пытаясь в точности вспомнить, что же сообщил диктор.

— Разве о кинжале ничего не было сказано? — спросил он.

— Нет,— ответил Паоло,— потом, они трактуют это как несчастный случай.

— Торн знает, что это не так,— мягко возразил де Карло.

— Нет,— перебил его упрямый Паоло, обладающий фотографической памятью на детали.— В заявлении американского посольства сообщается, будто Торн удовлетворен, что между ним и этой несчастной жертвой не прослеживается никакой связи.

Отец де Карло взглянул на этого большого и наивного человека, в его улыбке сквозила нежность. До чего же Паоло педантичен. Все в этом мире раскладывалось у него на белое и черное. Вот только что сообщили, что связь не прослеживается, и у Паоло ни на гран не возникает сомнения в обратном. До чего же наивен. И все они наивны.

Все-то Торн прекрасно знал. А теперь он тем более будет на чеку. Гибель Бенито многократно осложнила их миссию. Но пусть они все-таки верят, во что им хочется верить. В конце концов это было не столь важно. Главное, не позволять им закиснуть от отчаяния. Де Карло подошел к столу и призвал всех замолчать.

— Наша главная задача ныне: как только Святое Дитя появится на свет, найти Его,— начал он.— Брат Симеон и брат Антонио, я хочу, чтобы вы сегодня сопровождали меня. Надо узнать место Его рождения, ибо час приближается.

Двое монахов кивнули. Преданным взглядом впились они в глаза священника, радуясь, что он назвал именно их.

— Остальным придется подождать, когда мы вернемся. Затем нам надо решить, как действовать дальше. В следующий раз наши усилия должны быть четко скоординированы. Второй раз мы не можем допустить ошибки.

Стулья заскрипели, и все монахи, шепча молитвы, поднялись. В душе каждый из них собирал все свое мужество для грядущего противостояния.

Глава восьмая

Покалывание в пальцах вернуло Дэмьена к действительности. Его взор так долго был прикован к небу, что ощущение времени просто пропало. Дэмьен взглянул на свои руки, вцепившиеся в кинжал. Запястья побелели от напряжения, пальцы посинели. Он отбросил кинжал и принялся растирать затекшие руки, мельком глянув на часы. Часы были из очень дорогих, их ему подарил сам президент. Эта роскошная штукавина не больно-то нравилась Торну, но из соображений дипломатии он предпочитал-таки носить ее. На циферблате вдогонку друг другу бежали какие-то точки и цифры. По этим часам в любое время суток можно было определить и дату, и температуру воздуха, и влажность, и еще Бог знает что, как выразился президент. Кроме того, они были противоударными, водонепроницаемыми, антимагнитными, в них можно было без опасения взобраться и на Эверест, и пересечь Сахару... Дэмьен тогда горячо поблагодарил президента, прикинув в уме, а не испытать ли их прочность где-нибудь и на дне океана.

Было десять тридцать пять, двадцать третье марта. Дэмьен даже присвистнул, осознав вдруг, что простоял у окна вот так, погруженный в свои мысли, более получаса. Он снова взглянул на небо, чувствуя, что кровь опять начинает пульсировать в пальцах, затем повернулся и вышел из кабинета. Поднявшись по широкой лестнице, он позвал:

— Джордж.

Дверь приоткрылась и из-за нее выглянул лакей.

— Сегодня вечером мне больше ничего не понадобится.

— Да, сэр. Спокойной ночи.

Дэмьен постоял, пока лакей не закрыл за собой дверь. События сегодняшнего, страшного дня вновь пронеслись перед его мысленным взором. Он вспомнил этого изуродо-

ванного, обугленного человека, висящего на веревках. Дэмьен взглянул на свою ладонь, где отпечатался след от рукоятки кинжала, и его вдруг обуяла холодная ярость.

Торн миновал галерею, выходящую в холл. Скользнув пальцами по лестничному парапету, он внезапно вспомнил эпизод из своего детства. Он еще совсем ребенок, мальчик лет шести, катается на трехколесном велосипеде. Его мать из лейки поливает какое-то висячее растение, стоя на стуле. Он описывает на велосипеде круги, заводя и вслух подгоняя себя: вр-р... вр-р-р. Он все ближе и ближе подкапывается к матери, не обращая внимания на ее предупреждения. Взгляд ее встревожен, рот приоткрыт: она говорит ему, чтобы он был поосторожней. И вот ее волнение переходит в панику, когда она замечает, что он крутит педали все быстрее и быстрее, направляя свой велосипед прямо на нее. Он наталкивается на стул, и она летит через перила вниз на плиточный пол. Она кричит... Его охватывает ужас, шок... И вместе с тем какое-то странное возбуждение проникает в него, будто совершил он нечто невообразимо чудесное...

Дэмьен вышел из светового пятна и устремился дальше по темному коридору, двигаясь быстро и целенаправленно. Он свернул сначала в один, затем в другой и, наконец, в третий коридор. Миновав открытую дверь, он заметил убежавшую из комнаты собаку. Тяжело дыша, сверкая в темноте желтыми глазами, она потрусила следом за ним.

В конце узкого коридора Дэмьен остановился. Он наклонился, отворил дверь, проскользнул внутрь и закрыл ее за собой. Собака устроилась снаружи, устремив взгляд в коридор. Она высунула язык и вытянула лапы.

Комната оказалась часовней для черных месс. Она была круглой и поддерживалась шестью колоннами. Ни единого предмета не было здесь за исключением креста, стоящего посреди часовни и как будто символизирующего власть в этом пространстве. На кресте висела прибитая деревянная скульптура Христа в полный рост. Лицо и грудь Христа были прижаты к наружной стороне креста, ноги его были скрещены вокруг продольной перекладки, а руки, распростерты вдоль поперечной перекладки, были прибиты ладонями вниз. Он был обнажен.

Единственный луч света падал с потолка на скульптуру Христа, выхватывая из тьмы его измученную фигуру, выступающие ребра и позвонки на спине.

С противоположной стены на Дэмьена смотрело лицо ребенка. Изображение красивого мальчика — плод безумной фантазии несчастного сумасшедшего художника, заявившего, что его посетил Сатана. Остаток своей жизни бедный художник пытался запечатлеть дьявольский облик. Он рисовал его тысячи раз и как-то изобразил на стене, которую-то и обнаружил археолог Бугенгаген. Кто хоть однажды видел эту стену, погибал, ибо на ней было нарисовано лицо Дэмьена Торна.

Дэмьен посмотрел на свой детский портрет, затем повернулся и обратился к окружающей его тьме:

— О, отец мой, — тихо молился он, — Князь Тишины, человечество не признает тебя, и тем не менее жаждет припасть к Твоим стопам, поддержи меня и укрепи мои силы в попытке спасти мир от Иисуса Христа и его мирской ненасытности. — Дэмьен помедлил. — Двух тысяч лет было предостаточно. — Он прошел вперед, застыл перед крестом. — Яви человеку величие Твоего царствия, — продолжал Дэмьен, — и пусть он проникнется и глубиной твоей скорби, и святостью одиночества, и чистотой зла, и раем боли. — Он в изнеможении задохнулся. — Что за извращенные фантазии порождают в человеке мысль, будто ад сокрыт в земных толщах? Существует только один ад: свинцовая монотонность человеческого бытия. И рай только один: это царствие отца моего.

Дэмьен поднял руки ладонями вверх, взгляд его уперся в затылок Христа. Во мраке часовни глаза Торна отсвечивали желтым огнем.

— Назаретянин, шарлатан, — раскатистым басом вдруг взревел Дэмьен, — что Ты можешь предложить человечеству? — Он замолк, словно ожидая ответа, затем продолжал: — С тех самых пор, как Ты явился на свет из истрадавшегося чрева женщины, Ты ничего не сделал. Зато Ты потопил все горячие и настоящие желания человеческого естества в потоке благочестивой морали.

Дэмьен сделал шаг вперед, его лицо отделяли от лица Христа каких-нибудь несколько дюймов. Он яростно вцепился в крест, словно собираясь уничтожить сведенное судорогой тело, а затем горячо зашептал в ухо Христа:

— Ты воспламенил незрелый ум молодежи своей мерзкой догмой о первородности греха, и Ты же отказываешь человеку в праве на радость после смерти, пытаешься меня уничтожить. Но Ты проиграешь, Назаретянин, как и в прошлый раз.

Страшная суть этих слов, казалось, лишила Дэмьена последних сил. Он склонил голову, и его волосы коснулись плеча Христа; Дэмьен вдруг со звериным неистовством обхватил и сжал распростертое на кресле тело. Когда он вновь поднял голову, голос его уже окреп:

— Мы оба созданы по образу и подобию человека, но тебя зачал твой импотентный Бог, меня же — сам Сатана, отверженный и падший. — Дэмьен задумчиво покачал головой. — Твоя боль на кресте — это всего лишь заноза по сравнению с муками моего отца, низвергнутого с небес, по сравнению с болью падшего и отвергнутого ангела. — Он вцепился в голову Христа, и терновые колючки впились ему в ладонь. — Я вгоню эти иголки еще глубже в твоё прогнившее тело, Ты, нечестивый, проклятый Назаретянин.

Дэмьен резко отстранился от креста, прикрыл глаза и закричал, но отчаянный и страшный крик этот внезапно прервался.

— О, Сатана, возлюбленный отец мой, я отомщу за твоё страдание. Я уничтожу Христа навсегда.

Дэмьен вскрикнул, почувствовав наконец, как шипы глубоко вонзились в его ладонь. Кровь с нее закапала на глаза Христу и пурпурной слезой скатилась по искаженному в муках лику Спасителя.

Глава девятая

Подстегиваемый любопытством, мчался Джон Фавелл в своем автомобиле на юг. Нервы его были напряжены. Пробежав глазами прогноз погоды, Джон в мыслях обратился к Богу, в которого по сути дела не верил, умоляя Его, чтобы облачность рассеялась. Молитва астронома была услышана. Значит, он сможет зафиксировать слияние — слияние Троицы, как он его называл. И вовсе не Святой, или что-то вроде этого. Осложнять дело, привнося в это явление еще и религиозные мотивы, не было никакой нужды.

Нельзя, правда, сбрасывать со счетов этого священника. Когда тот в своем письме напросился присутствовать при этом событии, Фавелл поначалу чертыхнулся про себя, разозлившись что в его дела вечно кто-то пытается сунуть нос. Но тогда, из вежливости, он-таки ответил священнику и теперь от рабочей атмосферы не осталось и следа. Фавелл терпеть не мог, когда в обсерватории присутствовали посторонние. Своими идиотскими вопросами посетители каждый раз выводили астронома из себя.

Однако, чем больше Фавелл размышлял над будущим визитом священника, тем сильнее возрастало его любопытство. Ну какой может быть от него вред? Зато понаблюдать за реакцией человека, далекого от науки, будет, напротив, весьма интересно. Пожалуй, своими действиями священник будет напоминать антрополога, следящего за поведением низших существ.

Фавелл свернул за угол и взглянул на вырисовывающуюся вдалеке обсерваторию с гигантским зеркалом телескопа. Каждый раз он начинал волноваться при виде этого здания.

Фавелл любил свою работу. Его волнение было в какой-то мере сродни ощущениям, которые он испытывал, наблюдая, как раздевается жена.

Выйдя из лифта, астроном поднялся на залитую неоновым светом смотровую площадку. Его помощник Барри уже с головой ушел в работу, и они мельком обменялись своими обычными приветствиями.

Первое время они занимались необходимой ежедневной рутинной. Когда раздался звонок, оба ученых взглянули на часы. Барри пересек кабинет, подошел к селектору, послушал и повернулся к Фавеллу.

— Это тот ненормальный монах.

— Не богохульствуй,— улыбнулся Фавелл,— пусть заходит.

— Вот они уже и входят,— констатировал помощник, нажимая на кнопку, контролирующую вход вниз.

— Что?

— Их трое.

— Черт возьми,— пробормотал Фавелл. Здесь вряд ли найдется место для всех.

Астроном опять начал злиться. «Еще не хватает, чтобы они взяли с собой ладан и смирну»,— сердито подумал он.

Однако, как только отец де Карло вместе с братьями Симеоном и Антонио вошли в кабинет, раздражение Фавелла как рукой сняло. Священник и монахи были вежливы, скромны и вели себя на редкость достойно.

Отец де Карло назвал себя, затем представил монахов.

— Все мы благодарим вас за сообщение о Троице.

— Ну меня-то не стоит благодарить,— смущенно протянул Фавелл.

— Бог вознаградит вас,— продолжал отец де Карло.

— Боюсь, что я не отвечаю вашим...

— Господь все равно вознаградит вас,— просто возразил священник.

Фавелл пожал плечами и подвел его к телескопу, объясняя на ходу, что это один из лучших в мире телескопов. Астроном показал им компьютер, мониторы, а также прозрачные слайды на освещенном стенде, позволяющие проследить движение трех звезд. Фавелл вдруг до такой степени разговорился, что едва слышал вопросы.

— Нам необходимо знать, где произойдет рождение,— напомнил де Карло.

— Мы сможем определить точку максимальной интенсивности в пределах квадратного метра.— Фавелл повернулся к телескопу и заметил, что Барри уставился на часы. Он кивком пригласил всех троих в дальний угол кабинета к сканирующему монитору. Все впились взглядами в небо, где блистали мириады звезд.

— Вы просто наблюдайте, а мы займемся всем остальным,— предложил Фавелл.

— А что это за цифры? — поинтересовался отец де Карло.

— Дни, часы, минуты, а самые быстрые — секунды,— пояснил астроном и, заметив, как у молодого монаха от удивления открылся рот, отошел от экрана. Он вернулся к пульта. Оборудование обсерватории было настолько сложным и чувствительным, что поэтически настроенный Барри называл его как-то мостом к звездам. Однако сегодня Барри был серьезен. Фавелл посмотрел на него, затем повернулся к мониторам. На одном из них простиралось звездное поле. На другом виднелась изрешеченная карта Земли. Астроном взглянул на цифры в углу и склонился к селектору, забыв о прежнем волнении. Он впился взглядом в экран.

— Переходите к квадрату восемьдесят четыре,— командовал Фавелл.— Угол наклона сорок четыре градуса двадцать один. Зафиксируйте AP—4.

Телескоп, отыскивая нужный участок пространства, так стремительно заскользил по звездному полю, что у отца де Карло закружилась голова.

— Задержите этот участок,— приказал Фавелл.

Изображение на мониторе застыло.

— Включите суперфильтр 1-А.

Экран потемнел, и Фавелл взглянул на часы. Три изумленных вдоха раздались одновременно, когда отец де Карло и монахи увидели темное небо в четком фокусе, но астроном ничего не услышал. Сейчас он слился с машиной

в одно целое. Случись в эту минуту в обсерватории грандиозный пожар, вряд ли Фавелл заметил бы его.

Еще какое-то время изображение оставалось неподвижным, затем в центре, а также из двух точек снизу начал пробиваться свет. Отец де Карло затаил дыхание. Руки сами собой молитвенно сложились.

Постепенно три светлых пятна начали сближаться, разгораясь все ярче и ярче, пока, наконец, экран не озарился ослепительной вспышкой. Ее сияние было настолько ярким и невыносимым, что Антонио, прикрыв ладонью глаза, откинулся на спинку стула.

— Включите десятый фильтр,— резко произнес Фавелл.

Фильтр притушил ослепительный свет трех слившихся дрожащих дисков. Отец де Карло заморгал, ожидая, что вот-вот с экрана вырвутся языки пламени. Он перевел взгляд на Фавелла и собрался было заговорить с ним, надеясь хоть на какое-нибудь разъяснение, но астроном был погружен в свою работу, глаза его перебегали с изображением звезд на цифры в углу экрана. Здесь, на земной карте, три диска сливались воедино.

Фавелл бросил очередное отрывистое указание, и изображение на экране сменилось: теперь это был крупный план трех слившихся звезд. Максимальное свечение приходилось как раз над Британскими островами.

Де Карло взглянул на шелкающие в углу экрана секундные показатели:

0012

0011

0010

009

008

007...

Он перекрестился и затаил дыхание.

В глазах Фавелла, перебегающих с одного монитора на другой, плясали чертики, пальцы барабанили по пульту компьютера, и теперь уже вся обсерватория погрузилась в дрожащее мерцание, исходившее от двух экранов. Священник и монахи купались в сиянии, исторгнутом глубинами вселенной; застыв в растерянности и смущении, они хлопали ресницами.

003

002

001

000!

Оба экрана вспыхнули ярчайшим светом, а на карте, над южным участком Англии запульсировали три диска. Монахи в молитве упали на колени, а отец де Карло, не сдерживаясь более, разрыдался. Он не стыдился своих слез.

В этот момент в двадцати милях к северу от обсерватории Дэмьен вскочил с кровати. Он резко дернулся, будто с ног до головы был опутан веревками. В течение получаса он метался во сне, мучимый кошмаром, и вот теперь весь этот ужас становился реальностью. Пот струился по его телу, заливая простыни и пропитывая матрас. Глаза горели, а на приоткрытых губах застыл беззвучный вопль. Пальцы через скомканную простыню впились в кожу. Он неподвижно уставился в потолок, ничего вокруг не видя и не слыша. Он даже не осознал, что это был за звук совсем рядом: жуткий, чудовищный вой собаки, будто из ее черного тела вырывали душу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава десятая

Группа демонстрантов на площади Гросвенор, такая малочисленная с утра, постепенно росла и превратилась к обеду в толпу, так что были вызваны дополнительные отряды полиции. Сюда же прибыли репортеры, а за ними и телевизионщики. Как только установили камеры, толпа еще более пополнила свои ряды, а отдельные выкрики можно было слышать уже и на Оксфорд-Стрит и на Парк-Лейн.

Когда к посольству подкатил автомобиль Торна, из толпы вырвались несколько человек, но их тут же задержали полицейские. Дэмьен вышел из лимузина и повернулся к толпе, задерживая взгляд то на одном, то на другом плакате.

«Осудить израильских зачинщиков кровавой бойни!»

«Где же твой голос, Америка?»

«Прекратите поддержку еврейских подонков!»

Никаких эмоций не отразилось на лице Дэмьена. Сквозь толпу репортеров он продирался ко входу в посольство.

— Как вы себя чувствуете, господин посол? — прозвучал первый вопрос.

— Как никогда хорошо.

— А не находите ли вы, что между тем, что произошло на Би-Би-Си, и сегодняшними событиями существует какая-то связь?

— Никакой связи.

Торн, окруженный репортерами и телеоператорами, протиснулся к двери. В это время отчетливо и громко прозвучал вопрос:

— Как бы вы прокомментировали заявление Шрёдера, будто за взрыв Асуанской плотины несут ответственность израильтяне?

— Если это так в действительности,— заявил Дэмьен,— то это удар по миру на всем земном шаре.

— Можно считать это официальным заявлением? — выкрикнул другой репортер.

— Я осуждаю всякое насилие, но делать выводы еще слишком рано.

Раздались многочисленные голоса, но Дэмьен, как бы извиняясь, развел руками и поспешил к дверям, которые один из его охранников услужливо распахнул перед ним.

Он уже заходил в здание посольства, когда услышал голос Кейт, позвавшей его. Дэмьен обернулся и увидел журналистку, сквозь толпу проталкивающуюся к нему.

— Доброе утро, мисс Рейнолдс,— Дэмьен кивнул телохранителю, и Кейт вошла в здание, не обращая внимания на возмущавшуюся сзади толпу репортеров.

Следом за Дэмьеном она добралась до лифтов и перевела дыхание.

— Я вчера пыталась вам дозвониться, но телефон не отвечал.— Кейт взглянула на посла. В ее взгляде еще сквозило тревожное воспоминание о случившейся трагедии.

— Сможем ли мы хоть как-нибудь исправиться?

— Ну а как, например? — полюбопытствовал Дэмьен, останавливаясь у лифта и нажимая на кнопку вызова.

Кейт пожала плечами. А что она могла сделать, кроме как извиниться? Пока она в уме лихорадочно перебирала все возможные варианты, Дэмьен сам пришел ей на помощь.

— Ну, к примеру, можно закончить интервью.

Кейт благодарно взглянула на него.

— Однако, на этот раз я бы предпочел встретиться у меня,— продолжал Дэмьен,— ваши апартаменты меня не очень-то устраивают.

Кейт облегченно вздохнула.

Дэмьен стоял перед разошедшимися створками лифта.

— Вы можете потом остаться и на обед, если захотите.— Он вошел в лифт.— Мы будем вдвоем.

Кейт в недоумении захлопала ресницами.

— Вы, я и Питер.

Питер,— подумала Кейт.— Но почему Питер? Не успев как следует обдумать, она скороговоркой выпалила:

— Спасибо, но мне кажется, что Питеру не обязательно присутствовать.

— Мне бы хотелось, чтобы он пришел,— бросил на прощание Дэмьен, прежде чем двери лифта сомкнулись.

Кейт отошла, испытывая раздражение. Кто дернул ее за язык, когда она заикнулась про Питера? Получалось так, будто она вешалась ему на шею: «Ах, нет-нет, не нужно Питера,— сама себя передразнила Кейт.— Обед на двоих. И никого больше». Внезапно она осознала, что действительно ревнует Дэмьена к собственному сыну, к тому, как легко сошелся тот с посланом, будто сплотила их какая-то незримая, тайная связь. Да нет же, все это смешно. Кейт отругала себя, заметив, как внимательно наблюдает за ней охранник, и поняла, что она не очень хорошо выглядывает со стороны: разъяренная и что-то бубнящая себе под нос. Она улыбнулась и лукаво взглянула на охранника. В следующий раз она непременно будет вести себя, как настоящая леди. Что ж, если Дэмьен — джентльмен до мозга костей, то она поведет себя соответствующим образом. Вы приводите с собой сына, и никто, конечно, не посмеет сделать ненужного вывода. Дипломат.

Выйдя из здания посольства, Кейт между прочим подумала и о том, что этот самый джентльмен поделывал сегодня ночью, ибо, судя по его воспаленным глазам, наверняка он их не смыкал.

Кожа и дерево в кабинете Эндрю Дойла уступили место мебели, что отвечало вкусам Дэмьена. Харвей Дин, сжав в руке телефонную трубку, испытывал в кабинете Торна странное ощущение, будто все это уже происходило, будто он находится снова в Чикаго. Дин стоял у окна и, наблюдая за демонстрантами, пытался определить размеры толпы. Сквозь толстые оконные стекла до него долетали выкрики.

— Когда Белый Дом получил все это? — спросил он в трубку. Услышав ответ, Дин бросил взгляд на часы.— Полагаю, мы можем ждать ответа... м-м-м во сколько? к полудню по вашему времени?

Он обратил внимание на отряд полицейских, который направился к площади.

— Я уже давно не видел ничего подобного,— проговорил он со странным удовлетворением в голосе.— Даже представить себе боюсь, как все это выглядит у израильского посольства.

Дин прошел на середину кабинета, потянув за собой телефонный шнур. На его лице играла торжествующая улыбка.

— Нет,— возражал он кому-то,— мальчик.— И тут он увидел, что в кабинет входит Дэмьен.— Я потом перезвоню, Поль,— бросил он на прощание и повесил трубку.

Улыбка Дэмьена улетучилась. Сейчас, за закрытыми дверьми, он мог позволить себе остаться самим собой. И не прятать свое настроение, которое было отвратительным.

— Это был Бухер,— радостно объявил Дин, не распознав настроения Дэмьена и той напряженности, что зависла в воздухе.

— Поль сообщил, что отправил сейчас в Белый Дом доклад о Нубийском Фронте. Однако в этом докладе такие дыры, что впору танку проехать.

Дэмьен молча подошел к окну, как воды в рот набравши.

— Спасибо за цветы,— продолжал Дин.— Барбара очень признательна.

— Так как же все-таки насчет кинжалов? — раздраженно перебил его Дэмьен. Ни о каких мелочах, вроде цветов, ему совершенно не хотелось говорить.

Дин посмотрел на Торна, и вся его оживленность ментально испарилась.

— Бухер выясняет все это. Очевидно, кинжалы появились на аукционе, где были куплены священником, передавшим их в какой-то итальянский монастырь.— Дин подошел к письменному столу и заглянул в свои записи.— Суби... в общем, что-то в этом роде,— припомнил он.

— Субиако,— уточнил Дэмьен.— Монастырь Св. Бенедикта.

— Да, точно,— согласился Дин, радуясь тому, что Торн заговорил. Все более вдохновляясь, он продолжал:

— Мы подключили к этому наших итальянских ребятшек, так что...

— Слишком поздно,— резко оборвал Дина Торн.— Птички уже вылетели из клетки.

Он не отрываясь смотрел в окно, проговорив все это скорее для себя, как будто Дина и вовсе не существовало.

— Они уже в Англии. Пытаются засвидетельствовать рождение Назаретянина и уничтожить меня прежде, чем я сотру их с лица земли.— Дэмьен взглянул на небо.— Он родился этой ночью.

Дин склонился над письменным столом, листки бумаги, разлетевшись, упали на пол.

— Я сразу же, как только он родился, почувствовал его присутствие,— поворачиваясь к Дину, произнес Дэмьен.— Это как вирус, пожирающий мои силы, иссушающий мое тело.

Дин, наконец, понял, о чем говорит Дэмьен. Он впервые видел Торна таким измученным. Под глазами — черные круги, лицо прорезали морщины. Это был уже не тот, прежний, молодой и подтянутый Дэмьен. Он как будто состарился за одну ночь.

— Изю дня в день, пока он живет и растет, — монотонным и тусклым голосом констатировал Торн, — мои силы будут таять.

Он снова отвернулся от Дина, невидящим взглядом уставившись в окно.

— Назаретянин, неужели ты такой трус, что боишься встретиться со мной наедине? — в голосе Дэмьена сквозила усталость. — Прячься, если хочешь, но рано или поздно я выслежу тебя. Ты пригвоздил человечество к своему жалкому кресту. Вот так же я тебя распну на кресте забвения.

Дин вздрогнул и подошел к окну, пытаясь разглядеть то, что видел Дэмьен, стремясь понять и разделить его боль. Дин наблюдал за толпой внизу и вдруг заметил в ее центре человека с плакатом. Дин нахмурился и указал Дэмьену на этого демонстранта. Плакат его выделялся среди прочих: «Возрадуйтесь рождению Христову».

И Дэмьен, и Дин увидели глаза священника, державшего плакат. Во взгляде этого человека светилось торжество. Это были глаза победителя.

Дэмьен вздрогнул и отпрянул от окна, будто его ужалила змея. Он устало покачал головой и без сил рухнул в кресло.

С наступлением вечера толпа постепенно рассеялась, площадь опустела и только один человек оставался сидеть на скамейке. Он кормил голубей. Рядом с ним лежал транспарант.

Мэтью, то и дело посматривая на окна посольства, наблюдал, как постепенно в нем гаснет свет. Служащие один за другим покидали здание. Когда ко входу подкатил огромный лимузин, Мэтью поднялся и приблизился к посольству, но к автомобилю никто не вышел, водитель сидел внутри и дремал. Наконец, свет остался только в одном окне, и Мэтью разглядел силуэты двух мужчин.

— Возрадуйтесь, — еле слышно произнес он, — ибо Христос снова с нами...

Дин начинал беспокоиться. Дел накопилась целая куча, а Дэмьен наотрез отказывался к чему-либо прикасаться. Вместо этого он впился мрачным взглядом в площадь и не

произносил ни слова. Напряжение в воздухе достигло предела, и Дин время от времени отправлялся в ванную, чтобы хоть на мгновение избавиться от него.

Священник на площади не трогался с места.

— Чего это он там сидит? — раздраженно нарушил молчание Дин.

— Он ждет меня, — тусклым голосом объяснил Дэмьен, — заманивает в ловушку.

Дин негодуяще хмыкнул:

— Да он, похоже, идиот. — И тут же почувствовал, как его ладонь инстинктивно сжимается в кулак. Уже одно только присутствие этого священника было оскорбительным.

— И что его заставляет думать, будто ты клюнешь на этот крючок?

— Он знает, что именно это я и собираюсь сделать.

Дин недоуменно пожал плечами. Это было выше его понимания. Он вдруг вспомнил того человека в студии, его обгоревший труп и внезапно в голову ему пришла мысль. А что если у этого священника один из кинжалов?

Дэмьен приблизился к письменному столу, взял бинокль и навел его на скамейку.

— Я впустую трачу время, если у него времени не хватает, — произнес он какую-то полную бессмыслицу.

Дин покачал головой. Это было слишком сложно для него. Дэмьен опять заговорил загадками. Но, может быть, это и хорошо. Может быть, лучше и не понимать всего этого.

Глава одиннадцатая

Из вагонного окна Мэтью наблюдал, как фигура отца де Карло уменьшилась до размеров пятнышка. Он в последний раз помахал ему рукой и уселся на свое место. Устроившись поудобнее, Мэтью взглянул на часы.

До полудня было еще далеко, а он уже полностью вымотался. Ночка выдалась кошмарная: он метался в постели, то и дело просыпаясь и не сознавая, сон это или явь. Он никак не мог вспомнить, кто же из братьев разбудил его и встревоженно спросил, как он себя чувствует. Кажется, это был Симсон. А, может быть, и Мартин. В его сне кто-то склонялся над ним. Какой-то странный монах. Кто же это был — тело человеческое, лик звериный?

Мэтью вздрогнул. Еще ни разу с тех самых пор, когда силы добра и зла столкнулись в битве за его душу, не испытывал он подобных мук. Накануне Мэтью проснулся

охваченный паническим страхом. Однако отец де Карло успокоил его.

Вот, наконец, наступила и его, Мэтью, очередь.

Мэтью устремил в окно невидящий взгляд. Тридцать лет он прекрасно ладил и с Богом, и с самим собой. Не возникало ни сомнений, ни страхов. До этой ночи. Мэтью вдруг вспомнил, как в молодости его терзала собственная плоть. Дьявол искушал его сомнениями и запретными плодами. Тогда в нем происходила настоящая борьба, пока он, наконец, не встал на праведный путь.

Мэтью припомнил, что и Бенито рассказывал ему то же самое, только в душе Бенито эта борьба происходила совсем недавно. А теперь Бенито был уже с Господом. Мэтью склонил в молитве голову и попросил Бога даровать ему силы.

Подняв голову, Мэтью вдруг осознал, что он впервые совершенно один. Один — с тех самых пор, как переступил порог монастыря. В Субиако он никогда не оставался один. Даже в исключительных случаях, например, когда надо было идти в деревню, Мэтью всегда кто-нибудь сопровождал.

Он взглянул на пассажиров. Сидящий напротив мужчины был занят своим портфелем. Семья по другую сторону прохода обедала, уплетая сэндвичи и запивая их чаем из термоса. Впереди сидели две женщины. Они бесстыдно выставили на всеобщее обозрение свои тела.

Мэтью прижал к себе сумку, свисающую через плечо. Сунуть ее на багажную полку или где-то рядом с собой он не мог: вдруг кто-нибудь ее случайно прихватит. Через плотную ткань он нащупал кинжал и вновь покрылся испариной. А сможет ли он воспользоваться кинжалом, когда пробьет нужный час? Будет ли он в состоянии по самую рукоятку вонзить этот кинжал в плоть и кровь? И выдержат крик? Ночной кошмар вновь овладел Мэтью, он вливался в его душу через окно и переполнял ее ужасом. Нет, предаваться подобным раздумьям еще и днем было просто опасно. Как только Мэтью отключался от окружающего, все страхи и сомнения мгновенно набрасывались на него. Тогда Мэтью принялся рассматривать пассажиров, избегая останавливать свой взгляд на молодых женщинах.

«Пусть это буду я, Отец,— умолял Господа Мэтью в воскресенье.— Пусть я буду единственной жертвой». Но тогда ушел Бенито. Теперь же была его, Мэтью, очередь. Неожиданная мысль закралась в его голову. Зачем он настаивал? Не суетись он так активно, глядишь, сидел бы он

сейчас где-нибудь на Кейбл-стрит и ожидал известий от других. Мэтью помрачнел и отругал себя. То, что ему предстояло осуществить, являлось невероятной честью и привилегией. Мэтью вспомнил, как он впервые мельком увидел Антихриста, он вспомнил и свое волнение, когда заставил себя произнести молитву, будто слова о Боге могли защитить его. Пылающие глаза Антихриста, казалось, буравили его насквозь — желтые, безумные глаза животного — но он выдержал взгляд Дэмьена Торна.

«Он прочел твои мысли точно так же, как ты прочел его», — объяснил тогда отец де Карло. Именно эти слова пробудили тогда в Мэтью мысль о приманке. Антихрист обязательно последует за ним. Он, Мэтью, вынудит его отправиться на поиски Сына Божьего. Мэтью добровольно превратился в наживку. Эта роль и волновала, и пугала его.

«Может быть, Торт тоже в поезде, — подумал Мэтью, — в вагоне первого класса. Да нет. У него ведь есть собственный транспорт, вертолеты и все такое». Проследить путь Мэтью и пуститься за ним в погоню для Торна вообще не составит никакого труда. Именно на этом Мэтью и его товарищи выстраивали свой план.

Мэтью полез в сумку за книгой, привезенной им из Италии. Однако сосредоточиться на тексте никак не получалось. Мэтью не отрываясь уставился из окна вагона на сельский пейзаж. И, укачанный плавным ходом состава, задремал. Он проснулся и, приоткрыв рот, забормотал что-то, как ребенок. Проводник склонился над ним, участливо спрашивая, все ли с ним в порядке. Пассажиры уже поднимались со своих мест, готовясь к выходу. Мэтью смущенно извинился и уже до самого конца пути не смыкал глаз, то и дело ощущая на себе любопытные взгляды окружающих.

Уже под вечер он вышел из экспресса, перебрался по мосту на противоположную сторону платформы и сел на другой поезд, старенький, с крошечными купе. Мэтью огляделся. Он был один в вагоне. В нос ударил резкий запах конюшни.

Оставшийся путь он проделал в тишине, если не считать стука колес и поскрипывания вагона. Вокруг простиралась зеленая однообразная сельская местность. Маленькие полустанки были безлюдны. Поезд периодически останавливался, но Мэтью не заметил, чтобы в него кто-нибудь входил или, наоборот, покидал вагоны. Монах какое-то время разглядывал оклеенные выцветшими фотографиями стены купе, затем вытащил кинжал и принялся поигрывать

им. Попытался было взяться за чтение, но никак не мог сосредоточиться. Мэтью облегченно вздохнул, когда, наконец, добрался до нужной станции. Он ступил на платформу, но одна нога затекла и Мэтью, споткнувшись, чуть было не растянулся на полу. Уже смеркалось, поэтому он ничего не смог толком рассмотреть. Мэтью поглядел в обе стороны, проследил за удаляющимся поездом, пока тот не скрылся из виду.

Никто так и не проверил его билет. Мэтью вышел со станции и зашагал по проселочной дороге. Прижав к себе перекинутую через плечо сумку, он приблизился к автобусной остановке и стал дожидаться автобуса. «Приманка» — это слово сверлило его мозг. Он представил себе червяка, болтающегося на крючке или загнанных коз для охоты на тигра. Мэтью вздрогнул и заставил себя думать о чем-нибудь другом.

Оглянувшись по сторонам, монах заметил, что единственное движение наблюдалось на горизонте, где, каркая, кружили вороны. Он пнул кучку сухой травы и вновь устоялся на дороге. Наконец, из-за угла вынырнул автобус, и Мэтью облегченно вздохнул. Впереди рядом с водителем сидели двое мужчин. Монах кивнул им и прошел на заднее сиденье.

Через некоторое время Мэтью заметил примерно в миле от них знакомый роскошный лимузин, свернувший на ту же дорогу. Некоторое время монах разглядывал его, а когда автомобиль поравнялся с автобусом, Мэтью успел заглянуть в глаза водителю. Несколько секунд они сверлили друг друга взглядами, пока лимузин не притормозил и не остался позади автобуса.

Мэтью в страшном напряжении пытался справиться со своим волнением. Он дрожал с головы до ног. Итак, на приманку клюнули.

Внезапно у Мэтью возникло странное желание. Ему вдруг захотелось, чтобы у него был сын. Он смог бы рассказать тому всю историю от начала до конца, а сын бы внимательно слушал и гордился им. Но Мэтью тут же отбросил все свои фантазии, отругав себя за тщеславие.

Автобус дважды останавливался. Последний раз двое мужчин вышли, оставив Мэтью в одиночестве. Дорога была двухполосной. Куда ни глянь — всюду виднелись овцы на заболоченных лугах. Кругом ни души: ни ферм, ни кабаков. Автобус катил все дальше и дальше по узкой дороге. Каждую сотню ярдов она петляла, как будто уступала место встречному транспорту. Но никого не было на дороге,

кроме автобуса, и — в полумиле от него — огромного лимузина.

Мэтью раскрыл сумку и достал портативный передатчик, который ему дал де Карло. Он коснулся пальцами кнопок на панели и прижал его к уху. Никогда раньше не приходилось ему пользоваться такой штуковиной, но сейчас он был рад, что имел ее при себе. Спокойней на душе, если знаешь, что в любой момент этот маленький ящичек донесет до тебя голоса близких людей.

Мэтью был уже почти у цели. Он взглянул на карту. Автобус в это время круто повернул и затормозил. Водитель, обернувшись к Мэтью, сказал, что это конечная остановка. Дальше, объяснил он, дорога спускается к побережью. Мэтью поблагодарил шофера и сошел с автобуса. Ему показалось, что он путешествует уже целую вечность. Автобус скрылся из виду, и Мэтью стал поджидать лимузин. Однако ни звука не доносилось до Мэтью. Как будто автомобиля и вовсе не существовало.

Мэтью в который раз заглянул в карту и удовлетворенно хмыкнул. Обнаружив тропинку, что вилась сквозь бархат дерна, он радостно устремился по ней вперед, испытывая облегчение, приказывая себе не оглядываться. Он даже начал разговаривать с овцами, которые, оторвав морды от травы, удивленно поглядывали на него.

Послышался рокот автомобиля, и монах оглянулся. Силуэт машины четко вырисовывался на горизонте в лучах заходящего солнца.

— Отлично, — громко проговорил Мэтью, шагая по заболоченному лугу и радуясь, что находится на открытом пространстве вдали от автобусов и поездов, вызывающих клаустрофобические настроения.

Ему понадобилось минут двадцать, чтобы добраться до долины. Впереди на вершине скалы он разглядел очертания часовни. Купол ее был разрушен, в сумеречном свете возвышались лишь неровные, обвалившиеся стены. Часовенка напомнила Мэтью монастырь, и ему вдруг захотелось домой. Глянув под ноги, он заметил белую палочку, воткнутую в землю. Мэтью остановился, достал передатчик, надавил на кнопку и поднес аппарат к губам. Чувствуя себя несколько глуповато, он заговорил в микрофон, и голос его напугал овец. «Мэтью у полукилометровой отметки. Тори следует параллельно в сотне метров к северо-востоку от меня. На нем голубой капюшон... — Мэтью помедлил. — Прием». «Действуй, как договорились. Вперед, в часовню». Услышав ответ, Мэтью округлил глаза от удивления и улыбнулся про себя. Современная наука творит

чудеса. Голос Мартина был слышен отчетливо, как будто тот был рядом, в каких-нибудь нескольких футах. Мэтью сунул передатчик обратно в сумку и снова зашагал вперед, пытаясь уловить шум автомобильного двигателя. Но лимузин опять исчез, и все, что услышал Мэтью, был звук его собственного дыхания.

За все время путешествия собака ни разу не шевельнулась. Положив морду на спинку заднего сиденья, она устремила взгляд на дорогу сквозь автомобильное стекло. Лишь несколько раз, когда лимузин подскочил на ухабах узкой дороги, ее огромное тело слегка дернулось. Машина остановилась, и собака напряглась в ожидании. Когда открылась дверца, она выпрыгнула из автомобиля и прямоком устремилась в глубь лесочка, как будто ей не нужны были ни приказы, ни команды. Она бесшумно и незаметно двигалась туда, где на фоне ночного неба высился черный силуэт часовни. С каждым метром собака настигала свою жертву.

Час настал. Мэтью добрался до кладбища и взглянул на часовню, высившуюся над ним. Сквозь разрушенные стены и пустые оконные проемы он видел луну. Мэтью про себя поздравил отца де Карло за сделанный выбор. Место действительно как нельзя лучше отвечало предназначенной схватке. Оно было символично. Обитель Господа — разрушенная и заброшенная — но все равно она являлась Божьим пристанищем. Гордость наполнила Мэтью. Он выполнил то, что ему поручалось, внес свою лепту. Довершить задуманное должны другие.

Мэтью крадучись пробирался между могил. Некоторые из них провалились, на других так накренились надгробия, что могилы казались сросшимися. Мэтью иногда вглядывался в надписи на надгробиях, но те были настолько древними, что многие буквы уже стерлись от времени. Между могил метались какие-то тени, и вдруг Мэтью услышал страшный, как будто предупреждающий звук. И тут же к монаху выскочила крупная овца. Глаза ее были округлены от страха. Несколько мгновений она так и стояла, застыв от ужаса, затем дернулась и, постукивая копытами по надгробиям, помчалась в сторону. Мэтью с улыбкой повернулся и проследил за овцой, пока она не скрылась из виду. Взглянув снова вперед, он отшатнулся. Из тьмы на Мэтью уставился его ночной кошмар, адское видение с чудовищными клыками...

Целый день напролет эти двое не отрывали глаз от дороги. Они болтали друг с другом, обсуждая всякую чепуху. И это было в порядке вещей, как будто разговорами о ерунде они могли отстраниться от жуткой реальности.

Мартин уже потерял счет всем тем похвалам, что Паоло расточал в адрес Мэтью: и какой тот находчивый, и какой храбрый, как он использовал себя в качестве приманки для Антихриста, и как ловко заманивает он Торна в ловушку. Поначалу Мартин искренне согласился со всем этим, но затем, устав от бесконечных повторений, попросил Паоло замолчать. Взгляд его был прикован к дороге, когда из передатчика донесся голос Мэтью. Мартин поблагодарил Господа за удачное прибытие монаха и предложил Паоло подняться повыше на скалу.

Оба пристально вглядывались в темноту, но не видели и не слышали ничего, кроме блеяния овец и цоканья их копыт.

— Он уже должен быть здесь... — прошептал Паоло.

В тот момент, когда он произносил эти слова, Мартин прижался к скале, ибо как раз в это мгновение увидел Антихриста. В голубом капюшоне, как и предупреждал Мэтью. Схватив Паоло за руку, Мартин потащил его за собой через разрушенный вход внутрь часовни. Они двинулись к темному, массивному алтарю, возвышающемуся посреди часовни, и спрятались в его тени.

Сквозь крышу они видели звезды. Прижимая к груди кинжалы, они молча молились. Мартин взглянул на Паоло и кивнул ему, затаив дыхание.

Снаружи они услышали движение. Должно быть, он запыхался, взбираясь на вершину скалы. И не мудрено, так как карабкаться надо было на высоту порядка сорока футов. Паоло вспомнил, что, когда он, наконец, взобрался по этой старой, ржавой лестнице, у него заныли руки. И теперь монахи слышали тяжелое дыхание, словно застревающее в горле. Заметив в дверях силуэт, они замерли, будто вросли в стену.

К алтарю, иди же к алтарю. Это необходимо свершить на алтаре. И как будто повинаясь их мысленному приказу, фигура решительно скользнула в сторону алтаря, положила на него руки и неподвижно застыла спиной к монахам.

Паоло вскочил первым, шлепая по каменному полу сандалиями. В правой руке он зажал кинжал. Монах схватил Антихриста левой рукой за шею, как его и учили, и вонзил клинок. Он слышал треск костей, когда лезвие входило в тело и почувствовал, что рука немеет от охватившего его

шока. Паоло хотел было выпустить из рук кинжал, но вместо этого погрузил его еще глубже. Пальцы его коснулись капюшона. Пожалуйста, только не кричи,— пробормотал Паоло, но человек не произнес ни звука. Как будто монах пронзил уже труп.

Вот уже и Мартин стоял рядом. Он что-то неразборчиво бубнил себе под нос. Мартин высоко занес свой кинжал и ударил, едва не коснувшись лица Паоло, по самому капюшону. Мартин промахнулся, и лезвие, попав в плечо, скользнуло по нему и вонзилось в позвоночник.

Вздрогнув, монахи отшатнулись, выдернув кинжалы. В жутком оцепенении они наблюдали, как тело качнулось вперед и затем, медленно оседая, лицом вниз упало на алтарь. При этом монахи услышали, как ломаются хрящи в носу жертвы.

Наступила короткая тишина, затем Паоло шагнул вперед и перекрестился. Он забормотал молитву. Мартин, дрожа всем телом, двинулся следом за ним. Монахи с трудом перевернули тело и оцепенели. Перед ними лежал Мэтью. Лицо его застыло в неестественной гримасе, невидящие глаза закатились так, что сверкали одни белки.

Паоло и Мартин отпрянули от тела, отирая об одежду руки и в ужасе уставившись друг на друга. Губы их беззвучно двигались, они пытались найти объяснение, но его не было. Паоло поднял к нему полные страдания глаза, нища там ответа, лишь бы не смотреть в это страшное, искаженное гримасой смерти, лицо. «Господи, Спаситель,— прошептал он,— избавь наши умы от помрачения, предотврати беду...»

Сзади вдруг раздалось звериное рычание. Паоло, повернувшись всем телом, увидел огромную собаку. Мартин тоже обернулся и застыл на месте, впившись взглядом в черного пса. Монахи инстинктивно отступили назад, а чудовище, стоявшее в дверном проеме, переводило свои пылающие глаза с одного на другого. Шерсть на нем вздыблась, огромная пасть была оскалена.

«Окно»,— мелькнула у Паоло спасительная мысль. Они заберутся в оконный проем и дождутся, пока эта тварь исчезнет. Паоло почувствовал на руке ладонь Мартина и двинулся к окну мимо алтаря. И тут он увидел то, что свело с ума Мэтью: в оконном проеме вырисовывался череп шакала, таращившийся на них пустыми глазницами, в которых ритмично пульсировала кровь. Череп как будто освещался изнутри.

Монахи в ужасе отшатнулись. С их губ сорвалось невнятное бормотание. Мартин оступился. Пытаясь сохра-

нить равновесие, он вцепился было в волосы Мэтью, но пальцы его соскользнули в мертвые глаза. Мартин вскрикнул, отскочил и, опять споткнувшись, растянулся на каменных плитах. Взгляд его различил на полу ржавую решетку. Она была наполовину отодвинута. Повинуясь какому-то внутреннему зову, Мартин подполз к решетке и взглянул вниз. Это был старый заброшенный колодец с гладкими, черными стенами. Дно его находилось у самого основания скалы. Не колеблясь ни секунды, Мартин протиснулся в отверстие и ухватился за прутья решетки. Ногами он пытался нащупать опору. Он позвал Паоло. Но тот уже и так забрался в колодец следом за ним. Монахи повисли, вцепившись в ржавую решетку на высоте пятидесяти футов от земли. Спинами они прижались к стенкам колодца, тщетно пытаясь ногами отыскать опору.

Они неподвижно висели над пропастью. И вдруг отчетливо услышали какой-то странный, похожий на шлепанье топот. Монахи взглянули вверх и увидели страшного пса. Собака замерла у края колодца, ее слюна стекала прямо на лицо Мартину. С минуту стояла она так, словно сторожа их, затем раздался скрежет. Решетка вместе с вцепившимися в нее монахами стала задвигаться. У Мартина и Паоло побелели косточки на запястьях — так крепко вцепились они в ржавые прутья. Тела их начали раскачиваться, ударяясь о стенки колодца, ноги болтались в воздухе.

Решетка тяжело и плотно задвинулась. Собака торжествующе зарычала. Паоло бросил на пса взгляд и почувствовал, как его левая ладонь, еще влажная от крови Мэтью, постепенно соскальзывает. И вот он уже висел на одной руке, опираясь о стену. Со второй попытки ему удалось опять ухватиться правой рукой за прутья. Тяжело дыша, Паоло смотрел вверх. А собака тем временем надавила лапой на пальцы Мартина. Монах закричал, пытаясь оторвать собачью лапу.

— Не двигайся,— прошептал Паоло.— Оставь ее...

Лицо его исказилось от страха. Мартин, уставившись на Паоло, покачал головой. Рот у него приоткрылся, будто он силился что-то сказать, пальцы соскользнули, и Мартин рухнул вниз. Паоло зажмурил глаза, но заткнуть уши он не мог. Паоло слышал протяжный вопль Мартина и стук тела о скалы там, внизу. Но и после этого до него как из могилы доносились стоны Мартина.

Собака вновь зарычала, а затем как сквозь землю провалилась. Паоло открыл глаза. Он был сильным и выносливым мужчиной. Он прекрасно понимал, что может прови-

сеть еще минуту-полторы от силы. Ему оставалось прожить безумно короткий промежуток времени. И тут Паоло заплакал, слезы струились по его лицу, стекая на подбородок. В свои последние секунды он надеялся, что боль не продлится целую вечность.

Глава двенадцатая

Денек впервые за этот год выдался по-настоящему теплым. Весенний солнечный свет заливал гостиную в загородном доме Дэмьена. Он бил в глаза телевизионщикам, которые устанавливали здесь оборудование. Кейт стояла у окна, устремив взгляд вдаль через поля. Место для поместья было выбрано, бесспорно, восхитительное. Перед тем, как сюда приехать, Кейт перелистала журналы, пробежав глазами кое-какую информацию об этих местах: дом в Пирфорде был построен в семнадцатом веке, всего здесь шестьдесят три комнаты, два крыла и современная пристройка. Земли тут было порядка четырех сотен акров.

Вид поместья, его размеры и роскошь поражали. Кейт припомнила, как на чье-то замечание, будто все это просто показуха, Дэмьен отвечал, что ему, разумеется, не нужно для себя столько комнат. Однако его родители жили именно здесь, и ему хочется сохранить и поддерживать тот стиль, к которому он привык с детства. Кейт тогда заподозрила, не было ли это заявление со стороны Дэмьена тонкой игрой, но потом решила, что все-таки ошибается.

Журналистка наблюдала за работой своих коллег. Обычно молчаливые или циничные, сейчас они, посвистывая, перебрасывались шуточками. Удивительно, как на свой лад перекраивало людей весеннее солнце.

А на террасе Дэмьен и Дин без особой радости разглядывали весенние цветы. Оба предпочитали осень. Они молча прогуливались вдоль террасы, и Дин размышлял про себя, станет ли Дэмьен когда-нибудь вновь нормальным человеком. Напряжение Торна распространялось на весь персонал, и Дин на своей шкуре ощущал состояние Дэмьена, как будто страдания того были чем-то вроде заразной болезни. Дин плохо спал, стал раздражительным. Он прекрасно прожил бы без этой Рейнолдс, вечно торчавшей рядом. Она являлась частью всех их тревог, Дин был в этом уверен. Но в конце-то концов это не его дело.

Дин решил нарушить тягостно затянувшееся молчание.

— Итак, у нас уже четыре кинжала,— начал он. Дэмьен кивнул:

— Дин, осталось три, но я не могу больше терять время.—Он помедлил, затем еле слышно продолжал: — Единственный способ отделаться от Назаретянина — это истребить по всей стране всех младенцев мужского пола, родившихся ночью двадцать четвертого марта.

Дин оторопел, не веря своим ушам. Он посмотрел на Дэмьена. Лицо Торна выражало твердую решимость, и Дин даже присвистнул, пытаясь мысленно охватить грандиозность этого предложения.

— Но можем ли мы быть уверены, что Он до сих пор еще здесь, в стране,— сделал он слабую попытку возразить.

— В пророчестве сказано, что Он явится с острова Ангелов,— заявил Дэмьен.— А у этих педантичных христиан имеется отличительная особенность: они точно придерживаются буквы предсказания.

Они прошли в сад. Дэмьен сорвал цветок с куста рододендрона и принялся обрывать лепестки.

— Как Барбара? — поинтересовался он.

— Хорошо,— ответил Дин.

— А как твой сын?

Дин тут же подавил в себе страшную догадку, не желая делать из слов Дэмьена ужасного вывода.

— Прекрасно, прекрасно,— заверил он Торна.

Их окликнули, Дин повернулся и увидел, что к ним подбегает Питер. Он весь светился от радости, но Дэмьен даже не взглянул на него, по-прежнему не сводя глаз с Дина.

— Он ведь родился ночью двадцать четвертого марта, не так ли?

— Кто? — Дин прикинулся дурачком и тянул время.

— Твой сын.

— Нет.— Впервые Дин солгал Дэмьену. До сегодняшнего дня в этом не было ни нужды, ни смысла. Этот человек читал все его самые сокровенные мысли.— Нет-нет,— повторил Дин,— двадцать третьего марта, как раз перед полуночью.

Питер подбежал к ним и передал, что мама готова начать работу.

— Скажи ей, что мы уже идем,— пообещал Дэмьен, все еще пристально глядя на Дина. Он оборвал с цветка все лепестки и теперь мям в пальцах его сердцевину.— Уничтожьте Назаретянина,— еле слышно произнес он.

Дин в изнеможении пожал плечами. Легко сказать.

— Но как? — раздраженно бросил он.

— Для этого-то и существуют ученики, — просто заметил Дэмьен, как будто это являлось банальной истиной. — Собери их всех на острове в воскресенье. В субботу я прихвачу с собой на охоту в Корнуэлла Кейт и Питера, так что туда я доберусь сам.

Он повернулся и зашагал к дому, улыбнувшись и пожелав Дину приободриться.

Дин наблюдал за ним. Да уж, приободриться. Пожелание в духе британцев. Возьми себя в руки. Вот теперь можешь и чай с орешками попить. Внезапно Дин осознал, как остро он ненавидит эту женщину. Все это ее вина. Именно она оказывает на Дэмьена плохое влияние. И впервые с той самой давней вечеринки с Полем Бухером Дин почувствовал безотчетный страх, будто он совершил ужасную и непоправимую ошибку. Волна внутреннего сопротивления поднялась было в нем, но он тут же совладал с ней и направился в кабинет, где хранились документы, в том числе и разнообразные списки. Бежать ему было некуда. Он давно продал свою душу, и никто не мог вернуть ему ее. Сожалеть о чем-то уже поздно. Однако, подойдя к письменному столу и подняв телефонную трубку, он поклялся себе, что одной вещи не сделает никогда, даже если это будет означать для него великие муки...

В тридцати милях к востоку в Чэнсэри Лейн — самом сердце обитания английских юристов — молодой адвокат по имени Фрэнк Хатчинс поднял трубку, внимательно выслушал звонившего и, порозовев от волнения, повесил ее. Он вызвал своего клерка и отпустил его на весь день. Убедившись, что персонал покинул контору, Хатчинс подошел к сейфу и, раскрыв его, вытащил объемный, черный адресный справочник. Он положил его рядом с телефоном.

Сколько же прошло лет, как долго все это длится, — попытался вспомнить адвокат. Три года назад его взяли на службу, правда, целый год он валял дурака, томительно ожидая настоящего дела. Наконец, ему оказали такую честь, и он достойно справился со своей работой. А начал Хатчинс с того, что принялся выуживать из воскресных газет нужную информацию. Он выискивал заголовки вроде «Сатанизм и сотворенное им зло».

Адвокат тщательно исследовал подобные статьи. За одним телефонным звонком следовал другой — тяжелая это была работка: выбирать зерна среди плевел. Ведь сколько

развелось в мире разных шарлатанов и мошенников. Однако в конце концов у него накопилось изрядное досье.

И вот теперь его час пробил. Хатчинс трудился весь день напролет, и когда, наконец, покинул свой кабинет, в ушах все еще стояло дребезжание телефонных звонков. Адвокат закатился в бар и, в одиночестве восседая за стойкой, наслаждался уютным покоем, потягивая свое «черри».

Для сестры Ламонт поменять свои рабочие часы на другую смену было делом несложным. Подружка Шарон знала о ее новом ухажере и догадывалась, как он ей дорог. Когда Ламонт ее попросила, Шарон великодушно уступила, проворчав, правда, что теперь у нее получилась двойная смена. Но ведь так работали все на свете. Сегодня я — тебе, завтра ты — мне. Не исключено, что в следующий раз мне понадобится встретиться со своим дружкой.

Сестра Ламонт поблагодарила Шарон, упаковала свою дорожную сумку и отправилась на станцию. Однако в понедельник Шарон потребует от нее детальное изложение событий, поэтому прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик, ей надо напрячь свою фантазию и сочинить достойную историю, чтобы развлечь бедную толстушку...

...В Хампстеде Тревор Грант разработал план. Он прекрасно понимал, что в его десять лет родители ни за что не отпустят его одного на уик-энд. Если он исчезнет, то они поднимут на ноги всю полицию и начнется дурацкий переполох. А потому Тревор быстренько позвонил своему кузену в Уэмбли и узнал, что сможет у того погостить. Значит, он выиграет какое-то время. А когда его мать поймет, что он не собирается возвращаться в этот же день, Тревор будет уже в Корнуэлле и просто звякнет им, чтобы они не сходили с ума. Уж что-нибудь он им наплетет. Положив трубку, Тревор пересчитал свои карманные деньги и стал прикидывать, попросить ли у мистера Хатчинса денег на проезд или лучше просто стащить их. Он остановился на последнем. В будущем он еще не раз прибегнет к подобному решению...

...В Ливерпуле преподобный отец Грэхэм Росс вызвал молодого священника и осведомился, не сможет ли тот провести воскресную службу за него. Воскресенье — день

семейного траура,— объяснил Росс. Молодой человек с готовностью согласился. Он выразил свои соболезнования, испытывая волнение при мысли о предстоящем выступлении перед такой многочисленной аудиторией.

— Благослови тебя Господь,— напутствовал священника Росс. Он вернулся в свой приход. Он возьмет с собой в Корнуэлл свое черное одеяние,— подумал Росс,— и свой любимый коест с фиговокой Хоиста. висящего вверх ногами...

...Доктор Горацио Филмор позвонил из своего кабинета жене и сообщил, что в этот уик-энд ему придется выехать на срочную деловую встречу. По ее голосу он понял, что жена не поверила ему. Возможно, она будет проверять, где он, будет звонить, выяснять, и когда он, наконец, вернется, разразится чудовищный скандал. Жена, конечно же, сделает вывод, что он опять удрал с Марго. Да ладно, пусть орет сколько влезет. Он даже находил прелесть в этих ссорах. Они добавляли перцу в их скучную семейную рутину...

...По всей стране мужчины, женщины и дети собирались в дорогу. Они еще раз проверили маршрут перед путешествием к их общей заветной цели. Каждый осознавал, что готов выполнить все, что пожелает или потребует Дэмьен Торн.

Глава тринадцатая

С тех пор, как страшная весть обрушилась на них, Антонио был безутешен. Он любил их всех, особенно Мэтью, которого знал вот уже тридцать лет. Никак не мог он поверить, что их уже нет в живых. Но постепенно его скорбь превращалась в гневное ожесточение. Он начал испытывать страстную ненависть к человеку, которого звали Дэмьен Торн. Если бы это было в его власти, он не просто вонзил бы в Торна кинжал. Он бы придумал для него долгую, мучительную смерть. Лежа в постели, Антонио представлял себе, как он разрезает Дэмьена на мелкие кусочки и черт с ними, с последствиями. Бог не стал бы наказывать его за эту жестокость. Наверняка, нет. Бог закрыл бы на это глаза, Антонио был в этом уверен.

Монах днем и ночью раздувал пламя своей ненависти. Он начисто забыл об осторожности. Его безудержная

ярость то и дело выплескивалась наружу, как только разговор касался имени Дэмьена Торна. А ведь стоило попридержаться язык за зубами. Особенно если вспомнить, что отец де Карло категорически возражал против обоих планов уничтожения Антихриста. Действительно, не сумасшествие ли это — напасть на Торна в охраняемой телестудии? Да и второй план — то же самое безумие: используя одного из них в качестве приманки, они предоставили Торну великолепную возможность разработать собственный план и овладеть инициативой нападения. И хотя в тот день священник высказался против этого варианта, никто из них не прислушался к его возражениям. И вот он оказался более чем прав, однако это еще в большей степени усугубляло его подавленность.

У Антонио также имелся собственный план. Торна следует захватить, когда тот будет находиться без охраны. За ним нужно охотиться на открытом пространстве, зажать, обложить его, как зверя, каковым он и является.

На этот раз отец де Карло не возражал, поскольку у него просто не оставалось выбора. Если бы они прислушались к его плану раньше! Антонио всегда считал себя более практичным и искушенным в мирских делах, нежели все они. Его отцом был лесник. Антонио любил животных, но в отличие от остальных, не был сентиментален по отношению к меньшим братьям. Все животные, безусловно, Божьи твари, но в поле и в лесу над ними господствует человек, и уж если по причинам высшего порядка одной из зверюшек суждено умереть, то нечего проливать над ней слезы.

Пока поезд, громяхая по рельсам, уносил их на запад, Антонио поглядывал на юношу, примостившегося рядом. Симеон так юн и нежен! Он то и дело всхлипывал во сне, будто его одолевали кошмары. Антонио коснулся лба юноши. Он был влажным. Бедный мальчик, — подумал монах, — такой чувствительный. Вот он — Антонио — никогда не испытывал кошмаров. Отец де Карло заметил однажды, что причиной тому — отсутствие у Антонио воображения. Ну а что еще мог сказать священник?

Весь путь напролет Антонио обдумывал план, прорабатывал его мельчайшие детали. Выполнение его потребует тщательной подготовки, точности вплоть до секунды и, конечно же, удачи. На везение приходилось только надеяться, но если разработать это дело досконально, то у него появятся все шансы на победу.

С самого начала не возникло никаких затруднений. Они с ходу устроились в деревенской таверне и через короткое время уже беседовали с местными фермерами. Общаться было достаточно сложно: трудноват оказался здесь язык. Люди в этой местности говорили на странном диалекте. Но все равно им удалось понять друг друга, и они без умолку болтали о политике, спорте и таких штукаx, о которых Антонио знал лишь понаслышке. Но он был прекрасным слушателем. К концу вечера у них с Симеоном завелась уже куча друзей. Хорошенько надравшись пивом, Антонио лежал в постели и размышлял о том, что, не последуй он своему призванию, а останься в миру, он вполне мог бы достичь определенных высот на деловом поприще. Ибо обладал он умом расчетливым и предприимчивым.

На следующее утро они прогуливались по полям с одним из фермеров. Этот человек не задавал лишних вопросов и, когда Антонио спросил его, где можно достать лошадей и терьеров для охоты на лис, тот даже не удивился. Он просто рассказал, у кого все это можно найти. Если человеку вдруг понадобился терьер, разве это не его личное дело? А сам захочет рассказать — так и расскажет.

Милую за милей оставляли они позади себя, вышагивая по полям то через молодую поросль, то через подлесок. По виадуку они пересекли узкое ущелье, на несколько минут задержались на мосту и посмотрели вниз: в сотне футов под ними, по дну ущелья, протекала речушка, но взгляд Антонио уже впился в противоположный конец моста. Часть скалы здесь обрушилась, и на месте обвала виднелась влажная земля.

Битый час дремала лисица в своем жилище. Расслабившись и прижав уши, она время от времени принюхивалась. Животное то и дело потягивалось, пытаясь повернуться на бок. Но места в норе было недостаточно. Лисица зевнула. При этом ее задние лапы вздрогнули, будто она собиралась бежать.

И тут она почуяла опасность. Навострив уши, лисица мгновенно проснулась. Она поползла, задевая головой свод норы. Снаружи доносился собачий лай и царапанье. Пятно света впереди — и без того небольшое — внезапно исчезло, как будто вход в нору чем-то загородили...

Терьер полз ей навстречу, глаза его сверкали. Лисица стремительно прыгнула на него. Она вцепилась в собачью

морду и затрясла ее, будто пыталась прикончить не более, чем крысу. В какой-то момент, она отпустила голову терьера, нацелившись ему в глотку. Подобрав под себя задние лапы, лисица завалилась на бок, мгновенно проскользнула под собакой и прижалась к стене норы. Лязгая зубами, терьер пытался выхватить клоч лисьей шерсти, но его противница оказалась проворней. Она моментально подрyla лапами землю и молниеносно рванулась вперед к свету.

И тут она мордой врезалась в какой-то предмет. Охваченная паникой, лисица пыталась развернуться, но не могла сдвинуться с места. Путь к отступлению был отрезан — ей некуда было деваться: ни вперед, ни назад.

Симеон действовал быстро. В тот же миг, как только лисица оказалась в клетке, он захлопнул дверцу. Монх крепко держал клетку, не обращая внимания на вылезшего из норы терьера. Тот был весь залепан грязью, с морды капала кровь, и он выл от боли и возбуждения.

Антонио верхом на серой кобыле наклонился, перехватил из рук Симеона клетку и торжествующе поднял кверху кулак.

Часом позже возле замка Мэнор вот-вот должна была начаться охота. Участники уже допивали глинтвейн и возвращали грумам пустые кружки. В утреннем тумане клубилось дыхание гончих и лошадей. Собаки нетерпеливо перебирали лапами, то и дело наталкиваясь друг на друга. Топча копытами землю, лошади были готовы сорваться с места в карьер.

Кейт стояла с краю толпы. Она расправляла на Пигере курточку. «До чего же он красив,— подумалось ей,— в этих бриджах, сапожках и охотничьей куртке». Однако Кейт чувствовала, что сына раздражает ее внимание. Мужчины, отправляющиеся на охоту, не нуждаются в том, чтобы рядом суетились какие-то женщины, пусть даже и их матери. Кейт заставила себя отойти от сына, и тот тут же смешался с остальными участниками. Женщина с трудом сдерживала волнение. Сколько разного рода историй об упавших с лошадей и сломавших себе шею несчастных наслушалась она...

Пронзительное ржанье заставило ее резко обернуться. Дэмьен показался в дверях и направился к великоленному антрацитовому жеребцу. Конь бешено повел глазами и, обнажив зубы, отпрянул. Волнение жеребца передалось и

другим скакунам. Один из них несколько раз норовисто лягнулся, чуть было не сбросив седока, другие же, яростно раздувая ноздри, зафыркали и захрапели.

Вокруг черного жеребца засуетились люди. Странно,— поражались они,— что случилось с лошадьми? Обычно они были такими покладистыми. Однако и минуты не прошло, как грум успокоил антрацитового жеребца. Дэмьен сунул в стремя ногу и вскочил в седло. Несмотря на охотничью одежду, он вдруг напомнил Кейт кого-то из героев вестерна. Видимо, и за манеры сидеть в седле. Да, американцы по-другому скачут на лошадях, и она отдала должное мастерству Дэмьена. Кучка репортеров толклась возле Торна, и Кейт улыбнулась. А неплохо будут смотреться в газетах эти снимочки: американский посол, решивший поразвлечься на охоте.

Питеру достался пони. Мальчик умело вскочил в седло и сидел, улыбаясь матери, когда та направилась в его сторону.

— Держись сзади, возле Сьюзен,— напутствовала сына Кейт, кивая молодой женщине на небольшой лошадаке.— И не выпендривайся перед Дэмьеном.

— Не буду,— заверил ее Питер с ангельской улыбочкой на губах.

Кейт слишком хорошо знала эту его улыбку. Он с кротким смирением соглашался со всем, что бы мать ни говорила, а сам, разумеется, делал все наоборот. Питер как будто поддразнивал свою мать.

— И не заводись понапрасну,— Кейт наклонилась, лаская пони,— тебе еще только предстоит крещение кровью.

— Что означает «крещение кровью»? — все еще продолжая наивно улыбаться, спросил Питер, и глаза его округлились.

— Ты прекрасно знаешь, что это означает,— покачала головой Кейт.

— Честно, нет.

— Это старая охотничья традиция,— вмешалась в разговор Сьюзен.

— Ты сейчас впервые на охоте,— терпеливо объясняла Кейт,— когда убьют лисицу, ее кровью вымажут тебе щеки.— Она улыбнулась.— Удовлетворен?

Питер кивнул, скорчил ей рожу и обернулся на звук охотничьего рога.

— Будь осторожен! — воскликнула Кейт.

Сын с любопытством взглянул на нее и, пнув в бока пони, бросил:

— Почему ты всегда дрожишь надо мной?

— Потому что я тебя очень люблю, — уже вслед ему крикнула Кейт, — ты единственное, что у меня осталось.

И вот они все умчались — всадники на лошадях и целая стая гончих, — направляясь к открытому полю. Когда они достигли подножия холма, Дэмьен догнал передних всадников. Эти двое охотников непринужденно болтали о том, как убить лису.

— Да уж, давно такого не случалось, — присвистнул главный егерь, — эти чертовы лисы стали такими хитрыми.

На вершине холма Дэмьен оглянулся, пересчитывая наездников. Всего двадцать пять человек, считая Сьюзен и Питера позади всех. Мальчик помахал ему, и Дэмьен отсалютовал в ответ, а затем взглянул на главного егеря, который указывал на подлесок там, внизу, в четверти мили от места, где они сейчас находились. Старик приняхивался к чему-то, как те гончие, свору которых он только что направил вниз с холма. Собаки помчались что есть духу, пригнув к земле морды. Они слились в единое целое, испытывая безудержную радость от того, что вырвались, наконец за пределы своей собачьей конуры.

Пока собаки прочесывали подлесок, всадники — кто терпеливо, кто от возбуждения привстав в стременах — ждали, готовые в любой момент рвануться вслед за собаками. Наконец, тишина была прервана. Гончие залаяли. Главный егерь протрубил в рог и поскакал вниз.

Дэмьен последовал за ним. Остальные всадники помчались вдогонку. Переведя лошадей в галоп, они скоро достигли подлеска и, приблизившись к густой поросли, перешли на шаг.

Дэмьен, замороженный охотой, услышал вдруг сзади крик и звук падения. Он резко обернулся и увидел распростертое на земле, неподвижное тело. Дэмьен с беспокойством переводил взгляд с одного наездника на другого, выискивая глазами Питера. Наконец, кусты раздвинулись, и он заметил мальчика верхом на пони. Тогда он улыбнулся.

Дэмьен первым выследил лисицу. Глаза его сузились, ноздри раздулись от возбуждения. Из горла вырвался сдавленный хрип, и Торн замер на месте, поджидая глав-

ного егеря. Мгновение спустя старый егерь издал воинственный клич и припустил свою лошадь сквозь кусты в сторону гончих и огненно-рыжего зверька, мчавшегося впереди через поле.

Дэмыен прижался к лошади и пустился в погоню. Он без труда опередил всех, возглавив кавалькаду. Еще через несколько секунд он догнал свору гончих и, распластавших на своем черном жеребце, очень скоро оставил ее далеко позади.

Остальные охотники восхищенно и с удивлением наблюдали, как мастерски управляет Дэмыен жеребцом, как стремительно мчится тот. Никогда еще не доводилось им видеть, чтобы лошадь этой породы неслась так быстро...

А в полумиле брат Антонио в бинокль разглядывал эту сцену погони и, довольный происходящим, улыбался.

Монах, прижался спиной к оgrade, отделявшей поле от леса. Наконец, он опустил бинокль и сплюнул на землю. Все шло по плану. Дэмыен отделился от всех и находился сейчас в одиночестве. Антонио именно на это и рассчитывал. Конечно, трудно было на сто процентов предвидеть эту возможность, но монах знал наверняка, что все так и случится. Если бы Антонио не был уверен, что это грех, он поставил бы на подобный исход.

Антонио повернулся к серой кобыле, вскочил в седло и поправил на спине ружье, постоянно бившееся о клетку, привязанную к передней луке седла. Лисица внутри клетки огрызнулась и бросилась было на него, но монах не обратил на нее внимания. Он проскакал по лесу добрую сотню ярдов и очутился, наконец, в намеченном местечке. Антонио спешился, отвел лошадь подальше в кусты и привязал ее. Потом он отстегнул ружье и поднял его к плечу.

Прищурив глаза, всматривался Антонио вдаль. Губы его были плотно сжаты. Если бы все было так легко — думал он, — если бы все это можно было разрешить ружейным выстрелом.

И тут Антонио заметил лисицу. Он спустил курок. Осечка. Антонио выстрелил снова. Он был совершенно спокоен, ибо понимал: на стрельбу никто не обратит внимания, решив, что это фермеры гоняют ворон.

Антонио подбежал к убитой лисице, поднял трупик и, торопливо возвратившись той же дорогой, закинул его в кусты. Затем отвязал от седла клетку и стал продираться назад к тропинке. Он то и дело прислушивался, пытаясь определить насколько приблизилась свора гончих. Она уже

почти настигла его. Антонио молниеносно распахнул дверцу клетки, и лисица тут же выскочила на тропинку. Антонио бросился на землю и прижался к ней лицом как раз в тот самый момент, когда Дэмьен, а за ним гончие, преследуя лисицу, пронеслись мимо.

Антонио подхватил мертвую лисицу и, привязав ее к длинной веревке, вскочил на лошадь и поскакал обратно, надеясь поспеть вовремя. На дороге он оказался за несколько секунд до того, как туда примчалась собачья свора. Когда Антонио внезапно появился среди них и неожиданно повернул в обратную сторону, собаки замешкались было в растерянности, но затем одна за другой бросились следом. Они пытались ухватить труп лисицы, привязанный к лошади Антонио и тащившийся за ней на веревке по грязной дороге.

Через некоторое время монах свернул направо и поскакал галопом. За ним по пятам мчались гончие. За спиной он уже слышал стук копыт и крики отставших охотников.

Антонио ликовал. Он добился своего. Он разделил их. Все отлично сработало.

На полном скаку монах подтянул веревку и ухватил лисицу за голову. Дорога из лесу резко спускалась теперь к берегу, где стояла мельница. Дальше находился водопад. Отвязав веревку от лисьего трупика, Антонио подбросил его высоко в воздух и еще успел заметить, как он свалился футах в тридцати от старой разрушенной мельницы. Но монах даже не остановился. Времени было в обрез. К месту встречи он должен подоспеть вовремя.

...Дэмьен мчался по тропинке, что-то нашептывая в ухо жеребцу. Лисица скрылась из виду, и Дэмьена это поразило. Похоже, что зверек несся сейчас еще быстрее, чем прежде, на старте. Лес поредел, и Торн увидел впереди глубокое ущелье и мост через него. Лисица направилась напрямик к ущелью, нырнула в ворота моста и устремилась дальше.

Дэмьен пришпорил лошадь и снова помчался вперед. За мостом расстилалось открытое поле. Там почти насмерть загнанной лисе уже не спрятаться. Оказавшись на мосту, Дэмьен мельком взглянул через парапет, а когда вновь поднял глаза, то увидел, что лиса вдруг остановилась и неожиданно исчезла в норе. Дэмьен выругался и в сердцах бросил поводья. Свора гончих огрызалась возле норы, собаки яростно рыли лапами землю, скуля от отчаяния и бесильной злобы.

Дэмьен спешился. Хрипло дыша, он сорвал с головы жокейский картуз и смахнул пот со лба. Похоже, егерь был прав — день выдался неудачным. Дэмьен подошел к собакам, наклонился и попробовал заглянуть в нору. А когда поднял голову, то увидел идущего в его сторону молодого монаха с кинжалом в руке. Дэмьен медленно распрямился, заметив, что монах запер за собой ворота с одной стороны виадука. Резко обернувшись, Дэмьен увидел, что и на противоположной стороне моста медленно закрылись ворота. Седобородый монах,двигающийся к нему верхом на лошади, тоже сжимал в руке кинжал.

Дэмьен окаменел. Его поймали в ловушку! Но как, как они могли это сделать, как могли угадать, куда именно побежит лисица? Однако времени на размышления не оставалось. С обеих сторон к нему приближались вооруженные кинжалами монахи.

Вглядевшись в лицо старца, Дэмьен отметил, что на его губах играет победная улыбка. Всадник и лошадь были не дальше, чем в десяти ярдах от него, когда Дэмьен перевел взгляд на кобылу и пристально, не мигая стал смотреть в глаза лошади. Он нарисовал в воображении страшный финал погони шакалов за лошадью: вот они настигают ее, впиваются зубами в ляжку, виснут на боках до тех пор, пока она не падает на колени. Ноги лошади уже изодраны в клочья, а шакалы яростно рвутся к животу, выгрызают куски мяса, терзают внутренности. Лошадь бьется от боли, медленно угасающим взглядом обводя тварей с окровавленными пастями, пожирающими ее живую плоть...

Кобыла под Антонио вдруг резко остановилась, не реагируя ни на поводья, ни на шпоры. Глаза ее расширились от ужаса, она замотала головой из стороны в сторону, но не смогла избавиться от пронзительного взгляда Дэмьена. Внезапно кобыла взвилась на дыбы и сбросила Антонио прямо на парапет. Лишь мгновение его тело удерживалось на парапете, а затем сорвалось вниз. Бессильно взлетели и опустились руки, из горла вырвался протяжный крик, оборвавшийся на дне ущелья.

Дэмьен резко обернулся. Молодой монах стоял в нескольких шагах от него. Лицо его побелело от ужаса, когда он взглянул через парапет на дно ущелья. Но монах быстро совладал с собой и, сжав кинжал, стал медленно приближаться к Дэмьену. Дэмьен не сдвинулся с места. Он просто перевел взгляд на самую большую собаку и стал смотреть ей прямо в глаза...

Однако теперь перед его мысленным взором проносились совершенно иные видения. Собака, как замороженная, не сводила с Дэмьена сузившихся глаз. Она наклонила набок голову и тяжело дышала. Всего несколько секунд стояла она замерев. Потом медленно повернулась. Симеон находился в шаге от нее. Собака стремительно прыгнула на монаха, пытаясь вцепиться ему прямо в горло, но промахнулась и ухватила его за плечо, вырвав клочок одежды. Симеон выронил кинжал, отступил назад и в полнейшем недоумении посмотрел на кровь, сочившуюся из раны. Он коснулся своего плеча и нахмурился. Несколько мгновений все стояли молча, застыв, как на картине: оба мужчины и собака. И тут второй пес бросился на спину Симеону. Собака когтями вцепилась в одежду, зубы ее лязгали. Она пыталась ухватить монаха сзади за шею. Симеон рванулся, и пес, сильно ударившись о парапет, взвыл от боли. Но вот уже третья собака набросилась на монаха, а за ней — и четвертая. Пиная и расшвыривая гончих, Симеон схватил одну из них за горло и сдавил ей морду. Она завизжала, и тут же, снизу, прыгнула ему на грудь еще одна собака. Симеон споткнулся и, неловко расставив руки, упал. Свора собак мгновенно облепила монаха, и крик его внезапно оборвался.

Дэмьен взглянул на часы. Схватка длилась всего полторы минуты, ровно столько, сколько одной из собак понадобилось, чтобы добраться до горла монаха и разодрать его. Теперь же свора обезумела от крови и еще долгое время терзала уже мертвое тело Симеона.

Для гончих эта утренняя охота выдалась на редкость удачной.

Вернувшись в замок, Питер принялся жаловаться матери:

— Дэмьен, наверное, преследует другую лисицу, — ворчал он, — наша удрала за водопад.

Кейт пожала плечами.

— Думаю, что и я предпочла бы утонуть, лишь бы не быть в клочья изодранной.

Питер с улыбкой взглянул на мать. Чувством юмора они оба обладали с избытком. А это уже было кое-что, особенно в этом сложном подростковом возрасте.

Кейт стиснула руку сына, но Питер уже глядел через ее плечо и указывал на что-то пальцем. Она оглянулась и за-

метила Дэмьена, скачущего в их сторону. Сзади него мчалась свора гончих. Морды их были в крови.

Питер ударил в бока своего пони и устремился навстречу Дэмьену.

— Ты поймал лисицу? — приблизившись, воскликнул мальчик.

— Гончие немного оставили мне на память, — охладил тот его пыл, — однако, я кое-что припас для тебя. — Дэмьен полез в карман и вытащил густо пропитанный кровью платок.

— Ты можешь окрестить меня этой кровью? — спросил Питер. — Это считается?

— Для меня считается, — заверил его Дэмьен.

Он наклонился и вымазал кровью щеки мальчика. Питер коснулся лица, увидел кровь на своих пальцах и прижал их к губам.

В сотне ярдов от них стояла Кейт. Она наблюдала за ними... и ей стало не по себе от увиденного.

Глава четырнадцатая

На протяжении всего долгого путешествия в Корнуэлла Фрэнк Хатчинс дразнил свое воображение, подогревая себя мыслями о предстоящей встрече. Он хотел приехать первым, чтобы стоять в начальных рядах и видеть его, подойти к нему как можно ближе. Может быть, удастся даже переборситься с ним хоть парой слов и получить его благословение за все, что сделал он, Хатчинс. В конце концов ведь это именно он — Фрэнк Хатчинс — собрал их всех вместе. Он являлся жизненно важным элементом в этом огромном организме и, если, конечно, повезет, Дэмьен Торн его выделит.

Оставшиеся три часа Хатчинс ехал уже ночью. И когда очутился на стоянке, он с радостью обнаружил, что ни один автомобиль не опередил его. Он прибыл рано. И он будет первым.

Хатчинс захлопнул автомобильную дверцу и двинулся по тропинке к убежищу среди скал. Нужно было пройти пешком с полмили, и прежде, чем Хатчинс добрался до места сбора, он услышал, как внизу волны бьются о скалистый берег и разглядел вдали мигающий маяк.

Хатчинс некоторое время любовался морским пейзажем, затем начал карабкаться по скале, спускаясь вниз, к морскому берегу. Ночь была без звезд, тьма — хоть глаз выколи, и он пару раз поскользнулся. Достигнув подно-

жая, Хатчинс обернулся на скалы, кругом окаймляющие их убежище. Они были высотой добрых сотни три футов.

Тайное убежище было необычным и странным, и Хатчинс почувствовал вдруг, как в нем начинает нарастать волнение. Кровь запульсировала в висках. Он обернулся и разглядел первых учеников, пробирающихся сюда: маленькие световые пятнышки от фонариков — три человека, четыре... еще одна группка, и еще. Волна гордости захлестнула Хатчинса — вот он каков! — и он принялся расставлять их всех на скале. Находясь среди учеников, Хатчинс перепознакомился с ними.

Назначенный час приближался. Хатчинс стоял на пляже возле молоденькой медсестры и озирался по сторонам. Каждый из присутствующих вглядывался сейчас в море, тысячи лиц, освещаемых колеблющимся и мигающим отблеском далекого маяка, тысячи белых пятен подобно чайкам на фоне темной скалы.

— Вот он, — шепнула сестра Ламонт, и Хатчинс взглянул на горизонт. Он тут же услышал шум мотора и свист вертолетных винтов. Хатчинс поперхнулся от волнения, когда огромный черный вертолет, мигая посадочными огоньками и кружась над людьми, начал снижаться и опустился на берег в каких-нибудь пятидесяти ярдах от толпы. Хатчинс хотел было двинуться вперед, но — приказам надо подчиняться — остался стоять на том же месте.

Теперь он уже видел его; тот на мгновение задержался в проеме вертолетного люка. Хатчинс внезапно задохнулся и тут же почувствовал, как медсестра прижалась к нему, ее ладонь коснулась его руки.

Дэмьен прыгнул на берег и стоял неподвижно, пока вертолет, взлетев, покружил немного над морем и исчез за горизонтом.

Воцарилось молчание. Дэмьен чего-то ждал — одинокий темный силуэт на фоне берега. И вдруг он возвел руки к небу.

— Ученики Царя Ночи, — прокричал Дэмьен. — Я стою перед вами от имени единственно подлинного Бога — князя Подземной империи, сброшенного с небес, но ожившего во мне.

Он помедлил, затем продолжал:

— Вы слышите меня?

И каждая женщина, и каждый ребенок, и каждый мужчина в один голос ответили:

— Мы слышим и подчиняемся.

Свет маяка вновь достиг скал, выхватив из тьмы лица, застывшие в немом повиновении и страхе. В этом неярком свете Хатчинс на мгновение уловил выражение лица своей соседки: глаза горели возбуждением, губы были влажными.

— И теперь я вам приказываю,— опять раздался громкий голос Торна.— Найти и уничтожить младенца — Назаретянина.

Медсестра ближе придвинулась к Хатчинсу.

— Убейте Назаретянина, и я буду царствовать вечно. Если вам это не удастся, я погибну.

— Нет,— прошептала Ламонт,— я не допущу промаха.

— Убейте Назаретянина, и вы, мои ученики, унаследуете землю. Если вас постигнет неудача, вы бесследно исчезнете. Убейте Назаретянина, и вы познаете райскую жестокость и восторг отца моего.

Ламонт вцепилась в руку Хатчинса, и тот почувствовал, как она всем телом прижалась к нему.

— Если вам не удастся сделать это, вы будете навечно прокляты в объятиях немощного и вялого Христа.

И вновь он до крика повысил голос:

— Вы слышите меня?

— Мы слышим и подчиняемся,— хором прозвучал ответ. На этот раз значительно громче.

— Ученики Царя Ночи, нельзя откладывать. Убейте Назаретянина, и мы победим. Отныне и во веки веков. Вы слышите меня?

— Мы слышим и подчиняемся.

Дэмьен стоял перед толпой, отовсюду до него долетали слова: «Убить Назаретянина. Убить Назаретянина...» — и это многоголосие уплывало в море и далекое небо.

В последний раз прокричав эту фразу, Хатчинс рванул к себе медсестру, и она вцепилась в него, на ходу раздирая одежду. Они тут же начали совокупляться, по-звериному хватая друг друга, совершенно забыв об остальных и не осознавая, что другие делают то же самое, а дети наблюдают за ними... И когда оргазм всколыхнул его тело, Хатчинс услышал крик своей партнерши, перекрывающий все остальные голоса: «Дэмьен, я люблю тебя», но ревности он не испытал, ибо в этот миг кричал то же самое.

Глава пятнадцатая

Барбара Дин влюбилась в Лондон с первого взгляда. От их домика в Хампстеде так и веяло уютом. Он был таким очаровательным: с небольшими комнатками и огороженным садиком. Барбара с нетерпением дожидалась лета, когда распустятся цветы и она, наконец, порадует новых друзей своим умением создавать барбекью. А до чего красивы были лондонские улочки — такие узкие и своеобразные! Барбару поразили и антикварные магазины. Очень скоро она как-то механически перенесла свое восхищение английской столицей и на жителей Лондона. Они показались ей такими чудесными! Конечно, среди ее новых знакомых встречались и такие, что вели себя с Барбарой несколько заносчиво. Иногда ей даже думалось, что они просто насмеются над ней. Что за слово употребил тогда Харвей, рассказывая ей об этих людях? Барбара порылась в памяти и нашла его. «Высокомерные». Вот именно. А впрочем, это не имело значения. Похоже, этим англичанам и полагалось быть именно такими: высокомерными и отчужденными. Пожалуй, Барбара разочаровалась бы, окажись они вдруг другими.

Хампстед являлся для Барбары Дин вершиной мечтаний, особенно теперь, когда она стала матерью. Это был идеальный уголок для воспитания ребенка.

Напевая про себя, Барбара составляла список покупок. Закончив писать, она заглянула в кошелек, проверила наличность и кредитки. Потом подошла к кровати, взяла на руки младенца и, расцеловав, слегка потрепала его. Малыш разулыбался. Когда мать уложила его в коляску, он протянул к ней свои ручонки. И тут раздался стук в окошко. Барбара повернулась. Снаружи стояла женщина, ее ровесница. «Английская роза», — как окрестил ее Харвей, — блондинка с розовыми щечками.

— Привет, Кэрол, — воскликнула Барбара, помахав подружке рукой, — я сейчас.

Она завернула ребенка в одеяльце, взбила ему волосики и, направившись к двери, крикнула:

— Харвей!

— Да, — голос Дина слабо доносился откуда-то из комнаты.

— Я пошла в магазин с Кэрол.

— О'кей.

— Малышка со мной.

— О'кэй.

Барбара опять принялась что-то напевать про себя. Она повернулась и выкатила коляску в сад перед домом. Коляска Кэрол находилась возле калитки, и Барбара поставила свою рядом. Женщины с обожанием рассматривали своих младенцев.

— Прямо как близнецы,— заметила Кэрол.

— Ну, в какой-то мере они и есть близнецы.

— В какой-то мере,— повторила Кэрол, чему-то улыбаясь. Барбара взглянула на подругу и рассмеялась.

— Только после тебя,— сквозь смех выдавила она.

— Нет, это я после тебя,— заходилась бессмысленным хохотом Кэрол.

Заливаясь смехом, как две школьницы, они выбрались на солнышко и покатали свои коляски вдоль улицы.

Дин некоторое время постоял у окна, наблюдая за женщинами, пока те не скрылись из виду. Затем вернулся к письменному столу, где были разбросаны листы. Дин аккуратно собрал их в стопку. Это были фотокопии свидетельств о рождении. Хатчинс славно справился с заданием. Он был знаком с клерком из нотариальной конторы. Никому и в голову не пришло что-либо заподозрить, когда Хатчинс заглянул в контору и поинтересовался какими-то документами. Предполагалось, что это в порядке вещей, когда молодой юрист нуждается в определенных сведениях.

Дин перелистал свидетельства. Потом несколько минут сверял их со своими списками. Сличив данные, Дин вытащил из портфеля радиотелефон.

Сделав глубокий вдох, он на мгновение прикрыл глаза. И набрал номер.

— Петерсон? — заговорил Дин в трубку. — Это Харвей Дин. — Он помедлил, затем резко оборвал начатую Петерсоном пустую болтовню. У него не было сейчас на нее времени. К тому же Дин находился не в лучшем настроении. — Ведь ты работаешь в этом секторе? ТК 1423 до ТК 2223. Понятно?.. Отлично. У тебя еще три в Ливерпуле.

Дин взял в руки три верхние фотокопии и прочитал адреса. Затем набрал следующий номер.

* * *

Когда с покупками было покончено, обе женщины сложили пакеты на сетчатые поддоны колясок. Ребенок Барбары уже спал, а младенец Кэрол забавно пускал пузыри.

Они остановились возле забегаловки на Х-стрит. Кэрол заглянула в бар и вернулась с двумя бокалами пива. Так

они и стояли, потягивая пиво и наслаждаясь ласковым весенним солнцем. Барбара в шутку заметила, что выглядит, наверное, как законченный алкоголик, подавая их крошечным сыновьям достойный пример. Допив бокал, она взглянула на часы и спросила Кэрол: «Ты будешь еще?»

Кэрол отрицательно замотала головой. Ей уже было пора возвращаться. Подняв ладошки своих малышей, обе женщины помахали ими друг другу и в веселом настроении разошлись в противоположные стороны.

Некоторое время Кэрол следила за тем, как Барбара переходила улицу. Какая же она милая,— подумала Кэрол,— и какая наивная. Но временами она слишком серьезна и не понимает, когда люди шутят. Ну просто все принимает за чистую монету!

Однако Кэрол думала так без злобы. Мало того, она была счастлива, что имеет такую подругу, ведь на Барбару всегда можно было положиться. И вообще она в сто раз лучше своего мужа. Кэрол рассмеялась про себя, вспомнив их первую встречу на официальном банкете. До чего же он был тогда неуклюж по отношению к ней! Бедняжка Барбара: подставить свою шею такому человеку.

Продолжая размышлять над этими вопросами, Кэрол направилась к своему дому. Она вдруг вспомнила, как они с Барбарой бок о бок лежали в родильном доме, как смеялись, узнав, что рожать им одновременно. Вот с того-то дня они и стали звать своих малышей близнецами. Сын Барбары был всего на сорок минут старше ее, Кэрол, младенца.

Ребенок пискнул, и Кэрол улыбнулась ему. Она наклонилась и приласкала младенца. Тот разулыбался и выбросил из коляски погремушку.

— Ну ты и баловник,— воскликнула Кэрол, наклоняясь к тротуару и подбирая игрушку. Погремушка была в пыли, и женщина сунула ее в сумку. Малыш замахал ручонками.

— Саймон Джеймс Фрезер,— нарочито серьезно произнесла Кэрол,— ведите себя прилично.

В ответ ребенок что-то пробубнил, и мать рассмеялась. Никогда в жизни Кэрол не была так счастлива, как теперь. Через два месяца Тони выйдет в отпуск и они снимут виллу на Корфу. Будут валяться на пляже и впитывать в себя солнце.

— И ты станешь толстым и загорелым,— вновь обратилась Кэрол к сынишке.— Пухленький Саймон.

Розовая ножка высунулась из-под одеяльца, Кэрол пощекотала пяточку, спрятала под простынку и развернула коляску, чтобы спускаться дальше с холма.

Вдруг что-то мелькнуло у нее перед глазами и в следующий момент стукнуло по плечу. Кэрол застыла на месте. И тут она почувствовала удар в лицо. Кэрол завизжала от ужаса. Откуда-то спускалась бечевка, и к ее концу вверх лапками была привязана серенькая белочка с перерезанной глоткой. Глаза ее вылезли из орбит.

Кэрол инстинктивно прижала к лицу ладони и закричала. Она отпрянула и в страхе оттолкнула трупик, всего на какое-то мгновение выпустив коляску из рук. Но этого было достаточно. Коляска стремительно покатилась под уклон. Малыш продолжал весело махать матери пухленькими ручонками и улыбаться.

Кэрол бросилась вслед за коляской, но не успела схватить ее. Она побежала, пытаясь на ходу скинуть туфли на высоком каблуке, мешавшие бегу. Коляска неслась все быстрее и быстрее. Кэрол споткнулась, упала на колени, тут же снова вскочила и, всхлипывая, бросилась следом. Она отказывалась принять очевидное: что уже никогда не догонит коляску.

Кэрол еще продолжала бежать, когда коляска достигла подножия холма. Она отскочила от тротуара и выехала на дорогу, Кэрол даже не успела прикрыть глаза, когда огромный грузовик налетел на коляску, раздавил ее, как картонную коробку, и пронесся дальше...

Спрятавшийся в кустах Тревор Грант подтянул бечевку с трупиком белки и рассмеялся, поздравив себя с успехом.

* * *

Роды были трудные. Схватки начались задолго до положенного срока, и матери сделали кесарево сечение. После операции она быстро пришла в себя, и ей разрешили взглянуть на сынишку, лежащего в застекленном инкубаторе интенсивной терапии. Ребенок весил всего полтора килограмма, но врачи заверили мать, что он вполне здоров и это всего лишь вопрос времени. Ее выписали домой и предложили навещать ребенка в любое время. И главное — не волноваться.

Ребенок спал и дышал кислородом. Здесь он был один из двенадцати таких же крошечных пациентов. Врачи и медсестры гордились сверхсовременным медицинским обо-

рудованием этой палаты. С тех пор, как его внедрили, детская смертность в их округе снизилась наполовину.

Две медсестры в белых халатах и марлевых повязках еще раз проверили, исправно ли оборудование. Наконец, они покинули палату и, сняв повязки, направились выпить чаю. Когда они скрылись в конце коридора, сестра Ламонт проскользнула в двери палаты. Здесь стояла тишина, слышалось только шипение кислорода. Ламонт подошла к первой кровати, взглянула на именную табличку, затем к следующей и так до тех пор, пока не нашла нужный инкубатор. Ламонт с любопытством заглянула в него. Ребенок набрал уже с момента рождения пару фунтов. Лицо его утратило тот неприятный синюшный оттенок, оно порозовело, как и ручки; дыхание стало ровным и легким.

Протянув руку к выключателю, Ламонт перекрыла в трубке кислород, отошла к окну и подождала несколько минут. Потом вернулась снова, пустила кислород и заглянула в инкубатор. Ребенок не шевелился.

* * *

Она взглянула на ребенка, мирно спавшего у нее на руках и возблагодарила Бога. Дважды у нее случались выкидыши, и, если бы и эта — третья — беременность обернулась несчастьем, то шансов бы у нее не осталось.

Малыш родился чудесный, весил девять фунтов. Глазами и подбородком он был в отца. Когда вырастет, будет играть за сборную Англии, — заявил ее муж на крещении в той самой церкви, где крестилась и она, здесь же они и венчались. У ребенка будет все. Они ничего не пожалеют для него.

Вокруг нее в церкви раздавалось пение. Она посмотрела на мальчиков, поющих в хоре, потом на мужа, перевела взгляд на своих родителей и остановила его, наконец, на викарии. Все они пели с какой-то страстностью.

Она взглянула на ребенка и присоединилась к пению. Сзади подошли поближе к купели крестные отец и мать.

— Возлюбленные чада мои, — заговорил преподобный отец Грэхэм Росс, — вы принесли сюда этого ребенка, дабы окрестить его. И я требую во имя этого дитяти, отречься от всего дьявольского, дабы ничто бесовское не смогло соблазнить вас.

— Отрекаемся, — в один голос произнесли родители.

Викарий сделал шаг вперед и протянул руки. Мать еще

раз взглянула на младенца и передала его викарию. Она вцепилась в руку своего мужа.

— Я нарекаю этого ребенка...— начал викарий.

— Александром Дэвидом,— тихо подсказала мать.

Росс поднес младенца к краю купели.

— Благословляю тебя, Александр Дэвид, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.— Он повернулся, придерживая левой рукой голову мальчика, а правую — опустил в купель и побрызгал на лицо ребенка водой. Тот пискнул, сморщил носик и расплакался.

Мать улыбнулась мужу, когда викарий отвернулся от них.

— Мы принимаем это дитя в лоно церкви Христовой и благословляем его крестным знамением...

Сильные пальцы Росса нащупали на детском темечке мягкий, пульсирующий родничок, и ребенок навсегда прекратил плакать.

* * *

В своей квартире на одном из верхних этажей молодая мать находилась на грани отчаяния. Какие-то варвары опять сломали лифт, и она не могла вывезти своего младенца на прогулку. Ее муж ушел в плавание, а ребенок заливался днем и ночью, сводя молодую женщину с ума. Его вопли действовали ей на нервы, а сегодня она проворонила молоко, и оно полностью выкипело. Женщина попыталась досчитать до ста. Затем снова принялась укачивать ребенка. Не выдержала и накричала на него. Плач этот отдавался по всей квартире, не давая женщине ни минуты покоя. В какой-то момент ей захотелось выпрыгнуть из окна, лишь бы избавиться от этого бесконечного крика. А там пусть разбирается полиция.

В прихожей раздался звонок.

Ворча под нос, она подошла к двери и открыла ее.

На пороге стояли два бойскаута и приветливо улыбались.

— Доброе утро, миссис,— поздоровался один из них.— Мы пришли, чтобы помочь вам сегодня.

Она молча уставилась на них.

— А у кого-нибудь из вас есть младшие братья или сестры?

— Да, миссис,— ответил один мальчик.

— И вы знаете, как обращаться с младенцами?

— Да, миссис, я знаю, как играть с ними.

— Подождите здесь,— попросила женщина и направилась к своему ребенку, благодаря Бога за то, что на свете

существуют бойскауты. Она взяла младенца на руки и пошла к двери.

Может быть, теперь,— подумала она,— у меня будет хоть немного покоя.

Глава шестнадцатая

Весна для Барбары Дин выдалась в этом году ужасная. Когда позвонил Тони и сообщил ей страшное известие, она поначалу никак не могла в него поверить. Потом, переварив в мыслях случившееся, свалилась в обморок. Придя в себя, Барбара проплакала целый час, а затем побежала к Кэрол. Но та находилась под присмотром врачей, и это продолжалось еще два дня. На третий день ее выписали домой и женщины, наконец, встретились. Обнявшись, они разрыдались.

И теперь Барбара ежедневно навещала Кэрол. Каждое утро являлась она к подруге, но никаких утешительных слов не могла найти. Ибо все они были пустыми штампами и ничего не значили. Однако Барбара надеялась, что своим присутствием хоть чуть-чуть развеет тоску Кэрол.

Как только женщина узнала о происшедшей трагедии, она тут же закатила коляску в гараж и никогда больше не пользовалась ею. Теперь она повсюду носила своего малыша на руках. Какая-то знакомая предложила было ей специальный рюкзак, чтобы носить ребенка на спине, но Барбара отмела и этот вариант. Мало ли что, например, оборвется лямка и ребенок выпадет. Нет уж, лучше она будет держать его на руках. Это был единственный безопасный способ.

Несколько раз Барбара изливала свою душу Харвею. Она рыдала в его объятиях, бормоча что-то невнятное.

— Это моя вина,— всхлипывала Барбара,— мне никак нельзя было соглашаться пить пиво. Ах, если бы я отказалась, то, может быть...— Харвей пробовал успокоить жену, но она частенько видела своего ребенка во сне. Он спал в коляске, а та стремительно неслась вниз с холма. Барбара с криком просыпалась.

Женщина стала к тому же и забывчивой. Она могла подняться в спальню, так и не вспомнив, зачем ей это было нужно. Могла пожарить бифштекс, напрочь забыв его посолить. А от Харвея толку было мало. Последнее время он постоянно был чем-то озабочен и отдалился от жены.

Все перевернулось в жизни Барбары Дин. И тогда она возненавидела Лондон.

В этот вечер за ужином они едва обменялись парой слов. Харвей угрюмо уставился в экран телевизора, а Барбара кормила младенца. Показывали какой-то вестерн. Его сменила очередная передача.

«Мир в фокусе», представляемый Кейт Рейнолдс...

Барбара вдруг задала себе вопрос, почему Харвею так не нравится эта женщина. Тогда на приеме Барбара нашла ее довольно приятной. Конечно, несколько напориста, но такова уж ее профессия. А, может быть, Харвей просто побаивается ее? Он инстинктивно бежал от агрессивных женщин, как от чумы.

— Добрый вечер,— поздоровалась Кейт, улыбаясь телезрителям. Харвей поднялся со стула, чтобы выключить телевизор.

— Сегодня первая часть нашей передачи будет посвящена загадочному явлению, которое озадачило на этой неделе и полицию, и врачей.

Харвей потянулся к кнопке.

— ...загадочная смерть многих младенцев мужского пола...

— Подожди,— воскликнула Барбара, устраиваясь в кресле. Харвей пожал плечами.

— ...смерти при ряде обстоятельств, классифицируемом следователями как «несчастный случай».

— Харвей, сядь, мне не видно,— резко бросила Барбара, и Дин подчинился, взяв бокал с вином.

— В одном только Лондоне,— продолжала Кейт,— за последнюю неделю умерли семнадцать мальчиков, из Бирмингема нам сообщают о шести смертях, из Манчестера — о четырех, из Лидса — о двух и из Глазго — о восьми.

Барбара впилась взглядом в экран.

— Эти цифры далеко не так безобидны, как на первый взгляд, ибо означают подъем детской смертности по стране на пятнадцать процентов. Детали пока не выяснены, и четкой картины происшедших трагедий не имеется. За исключением одного факта,— Кейт помедлила. На экране возник крупный план журналистки,— в каждом случае жертвой стал младенец мужского пола.

Барбара застыла, как изваяние, захлебнувшись на вдохе. Она вцепилась в сынишку. Дин повернулся к ней. Он хотел успокоить ее, заверить, что все хорошо, что он — рядом, и их ребенок — в безопасности. Но слова застредали в горле. Он так ничего и не сказал. Он вернулся в кресло. Кейт тем временем представляла телезрителям сотрудниц министерства здравоохранения и социальной защиты.

— Скажите, пожалуйста, доктор Филмор, какое объяснение вы можете предложить на данный момент?

Чиновник заерзал на стуле и пожал плечами.

— Ну, конечно, еще слишком рано делать какие-то определенные заявления...— Кейт оборвала его: — Но вы тем не менее признаете, что это совершенно необъяснимый подъем смертности среди младенцев мужского пола?

— Да, конечно, тут наблюдается подъем, но ведь он наблюдается и при эпидемии гриппа, например.

Камера вновь остановилась на Кейт, лицо которой выражало теперь явное презрение.

— Однако сейчас мы не ведем речь об эпидемии,— вскинулась она,— мы говорим о...— тут она принялась выбрасывать в счете пальцы,— об утопленниках, о пожарах в домах, автомобильных авариях, пищевых отравлениях. Но во всех этих случаях гибли младенцы.— Кейт помолчала, размышляя над только что сказанным.

Филмор тут же воспользовался паузой и обрушил на Кейт целый поток слов:

— Простите, если я скажу напрямик. Ваш панический репортаж — это как раз тот стиль представителей средств массовой информации, который не делает им чести. Должен заметить, что крайне безответственно преувеличивать факты, подтасовывая их, и таким образом устраивать очередную сенсацию. Самые бульварные газетчики подумали бы немножко перед тем, как напечатать подобный материал.

Камера снова застыла на журналистке, потерявшей дар речи и сидевшей с приоткрытым ртом.

Дин взглянул на жену. Она все еще хмурилась и прижимала к себе малыша, будто он мог рассыпаться на кушочки. «Филмор, конечно, молодчина,— подумал Дин,— именно поэтому они его и выбрали. Это было его лучшее выступление, однако, похоже, Барбару он вряд ли убедил». Дину оставалось надеяться, что Филмор убедил остальных.

* * *

— Что с тобой стряслось? — вопрос прозвучал обвиняюще. Голос молодого человека был резким.

— Извини, Боб, я просто не ожидала...— начала оправдываться Кейт.

— И ты позволила ему нести эту чушь...

— Да говорю же тебе,— выпалила Кейт,— это было

абсолютно неожиданно. Мне и в голову не приходило, что беседа примет такой оборот.

— Довольно, Кейт,— взорвался ее коллега. Он щелкнул пальцами.— Надо было держаться с ним в том же тоне. И не позволять этому негодяю натянуть тебе нос.— Репортер резко повернулся и вышел из комнаты, оставив Кейт наедине со своим огорчением.

— Ах ты, Кембриджский зазнайка,— раздраженно пробормотала Кейт.— Посмотреть бы на него там, в студии, под лучами юпитеров. Со стороны-то легко критиковать. Но, в общем, он, конечно же, прав.

Настроение Кейт окончательно испортилось. Ей никоим образом нельзя было дать Филмору возможность припереть ее к стенке. Он просто захватил ее врасплох. И журналистка не смогла дать ему отпор. Так и не получилось показать, что дети гибли по чьей-то вине. А ведь это более чем странно. На протяжении многих лет Кейт завоевала себе славу мастера интервью, где преобладали наступления и натиск. Но во всех этих случаях все было слишком очевидно: ее мишенями становились люди, у которых, как говорится, было рыльце в пуху.

А вот почему Филмор повел себя подобным образом? Но чем дольше ломала Кейт над этим голову, тем сильнее запутывалась в своих догадках. Может быть, у него фригидная жена? Или еще проще: в этот момент у Филмора прорезался зуб мудрости? Но кто мог знать истину?

И Кейт сочла за благо забежать в бар и опрокинуть стаканчик вина.

* * *

Вернувшись домой, Кейт почувствовала раздражение. Обычно, возвращаясь, она забирала с собой на верхний этаж Питера, но сейчас было уже очень поздно, и он наверняка спал. Женщина припарковала машину и, поднявшись по ступенькам крыльца, принялась шарить в сумке в поисках ключей. При этом бубнила себе под нос, до чего же она никудышная мамаша.

— Миссис Рейнолдс...

Внезапно раздавшийся снизу голос испугал журналистку. Она резко обернулась и увидела священника.

— Мне необходимо срочно поговорить с вами, миссис Рейнолдс.

Кейт удрученно вздохнула. «Нашел по телефонному справочнику»,— подумала она. Да, пожалуй, она стала уж

слишком известной. Все новые и новые незнакомцы прогуливаются у нее под окнами...

— ...о вашей передаче. Об этих смертных случаях.

— Демонстрация протеста одного из недовольных телезрителей, — саркастически съязвила Кейт, — как же все это надоедает.

— Наоборот, — возразил отец де Карло, — я поздравляю вас. Вы очень проникательны.

Кейт вставила ключ в замочную скважину.

— Ну, и что дальше? — спросила она, наблюдая, как священник внимательно окинул взглядом окрестности.

— Нельзя ли мне поговорить с вами в доме?

Кейт отрицательно покачала головой.

— Извините, но...

— Меня зовут отец де Карло. Я — священник.

— У меня был очень тяжелый день, святой отец, — устало произнесла женщина. — Может быть, вы позвоните моему секретарю на студию и договоритесь о встрече.

— Это дело чрезвычайной срочности, миссис Рейнолдс...

Кейт пристально посмотрела на священника. Он совсем не походил на человека, от которого можно было ожидать неприятностей. К тому же он, видимо, был искренен. «Ладно уж, — про себя решила Кейт, — пусть этот человек выскажется и успокоится».

Она толкнула дверь и пропустила священника.

— Только, пожалуйста, говорите потише, мой сын спит.

Кейт проводила священника в гостиную. Как обычно, там царил полный хаос: повсюду валялись справочники, книги и листы бумаги. Поначалу журналистка решила извиниться за этот беспорядок, но потом передумала. А черт с ним в конце концов. Никого она сюда не приглашала сегодня.

Кейт усадила священника в кресло, а сама сбросила пальто. Когда она уже открыла было рот, собираясь узнать о цели ночного визита, священник вдруг уставился в потолок и заговорил:

— ...Ирод послал их вперед, и они перебили в Вифлееме всех младенцев, родившихся в тот же день, что и Иисус, о чем царь выспросил у мудрецов.

С губ Кейт сорвался стон.

— Чего ради?..

Но отец де Карло приподнял руки, успокаивая женщину и продолжал:

— Вы сообщили в своей передаче, что во всех этих смертных случаях прослеживается общая закономерность, а именно то, что жертвами оказались младенцы мужского пола.

Опустившись в кресло, Кейт согласно кивнула.

— Но есть и другая общая деталь, миссис Рейнолдс. Все мальчики родились между полуночью и шестью часами утра двадцать четвертого марта. И любой мальчик, явившийся на белый свет в это время, подвергается смертельной опасности, если с ним уже не покончено.

«Не покончено...— мысленно повторила Кейт.— Какой-то странный священник. Однако ну и хватка же у него».

Она решила его слегка приструнить.

— Так вы полагаете, что их всех убили?

— Нет, я утверждаю, что так оно и было.

— Но кому же понадобилось совершить это преступление?

Отец де Карло наклонился, и Кейт почувствовала, как он волнуется. Руки священника дрожали, глаза блестели, он вообще выглядел так, как будто не спал уже целую вечность. И тут вдруг Кейт ощутила беспокойство. А вдруг этот человек сумасшедший.

— Он снова родился, миссис Рейнолдс. Так же, как и Антихрист, сын Сатаны, что было предсказано в «Откровении».

— Извините, святой отец,— прервала его Кейт, поднимаясь с кресла. Я уважаю вашу веру, но не разделяю ее.— В душе женщина ругала себя последними словами, не понимая, как допустила в свой дом этого сумасшедшего. Надо было немедленно выпроводить этого ненормального священника.

— Вы христианка не в полном смысле? — поинтересовался де Карло.

— Я в полном смысле журналист,—отрезала Кейт,— а первая заповедь журналистики — быть Фомой неверующим. Мне нужно увидеть доказательства собственными глазами.

Отец де Карло тут же решил воспользоваться этими словами. Он раскрыл свой чемоданчик. И опять Кейт застонала про себя, заметив целую кипу каких-то документов.

— Вот доказательство. Почитайте.

Кейт неохотно взяла бумаги и разложила на столе. Это были копии свидетельств о рождении. Ее глаза расширились, когда она узнала несколько фамилий.

— Я раздобыл их в центральной нотариальной конторе, — объяснил де Карло.

Кейт недоуменно уставилась на него, и священник продолжал:

— Я, конечно, не могу взывать к вашей вере, но я взываю к вашей логике. Кому может прийти в голову уничтожать мальчиков, родившихся в определенное время? Не тому ли, кто пытается стереть с лица земли единственного нужного ему, ребенка?

Ее инстинкт вцепился в эти слова. Кейт была уверена, что все это — чепуха, но такого рода совпадения следовало проверять.

— А кто же Антихрист? — спросила Кейт.

— Американский посол. Дэмьен Торн.

Кейт ошарашенно взглянула на священника и тут же залилась смехом.

— Дэмьен, — сквозь хохот выдавила она, пытаюсь взять себя в руки. Это было, конечно, верхом неприличия — рассмеяться в лицо человеку, особенно священнику. — Но я знаю Дэмьена, — в изнеможении произнесла она.

— Вы знаете мужчину, — парировал священник, — но не его душу.

Де Карло коснулся руки Кейт.

— Мисс Рейнолдс, — произнес он очень мягко и отчетливо, будто беседовал с ребенком. — Я человек религиозный, но не фанатик. А наша вера запрещает нам клеветать на человека... Если бы у меня была хоть капля сомнения в отношении Дэмьена Торна, моя вера приказала бы мне молчать.

Кейт заставила себя взглянуть священнику в глаза. Она посерьезнела, загипнотизированная его спокойной искренностью. Они оба так напряженно вдумывались в слова друг друга, что не услышали, как Питер, на цыпочках прокравшись по коридору, притаился за дверью.

— Я наблюдаю за Торном вот уже двадцать семь лет, — продолжал де Карло. — С того момента, когда его отец переступил порог нашего монастыря и обратился к нам за помощью, не зная, как уничтожить Антихриста. На моих глазах Торн превратился во взрослого мужчину и смел со своего пути всех, кто пытался восстать против него.

Питер, напряженно вслушиваясь, отступил слегка в темноту коридора.

— Вы знаете Торна, как мужчину, мисс Рейнолдс. — Священник поднялся и достал из своего чемоданчика пап-

ку.— Я оставляю вам все наши сведения, но вы должны все это прочесть до конца и только потом составлять свое мнение. Когда вы дойдете до последней страницы, я умоляю вас связаться со мной по адресу...— И де Карло записал на папке адрес.— Сделайте это как можно быстрее и сообщите мне днем или ночью.

Кейт приняла из его рук папку и в упор посмотрела на священника.

— Я ничего не могу обещать вам, святой отец,— сказала она,— вот вы говорите, будто я знаю Дэмьена как мужчину и не знаю его душу. Но ведь я и собственную душу не ведаю, так как же я могу заглянуть в его?

— Господь подскажет вам это,— улыбнулся де Карло и почувствовал вдруг неизмеримое облегчение оттого, что скептицизм в Кейт изрядно поубавился. Он прищелкнул пальцами. Да, конечно, он совсем забыл об одной штуке, которая могла бы убедить эту женщину.

— Имеется знак, выделяющий Антихриста среди всех прочих. Вы найдете упоминание о нем в «Откровении Иоанна Богослова». А знак вы отыщете у Торна на затылке под волосами. Это клеймо дьявола: 666.

Де Карло пожал Кейт руку и пожелал спокойной ночи.

— Да поможет вам Бог! — вымолвил он и направился к двери.

Питер резко отпрянул от нее и бесшумно устремился в свою комнату.

Священник ушел, и Кейт, прихватив папку, поднялась к себе в спальню. В голове у нее царила полнейшая неразбериха, недоверие граничило со жгучим любопытством. Конечно, все до единого высказывания этого священника были безумными. Но она непременно прочтет все эти записи, только тогда она успокоится. Кейт забралась в постель и стала листать документы.

Ее взгляд наткнулся на газетную вырезку о назначении Торна президентом Совета по делам молодежи. Рядом, видимо, рукой священника, были сделаны несколько пометок. Когда Кейт мельком пробежала их глазами, на ум ей внезапно пришло интервью с Дэмьеном: он говорил, что стремится дать молодым людям большие полномочия в общественной жизни. В памяти вспыхнули страстность и красноречие, сопутствовавшие тогда его выступлению. Журналистка вспомнила древнее высказывание: «Отдайте мне мальчика, когда ему нет шести, и я завладею им навсегда».

Кейт вздрогнула, подумав вдруг об охоте, о Питере, о следах крови на его лице после «крещения».

В обширную документацию отец де Карло вложил и брошюру о «Торн Корпорейшн» со списком тех стран, кому эта корпорация оказывала помощь. На полях он добавил свой вывод: «Президент США к сорока годам».

Кейт попыталась разобраться в своих мыслях. Доверчивость — это, пожалуй, самый серьезный недостаток журналиста. Но и агрессивный скептицизм — не лучший стиль в этой области. Кейт припомнила своего первого шефа, однажды заявившего ей, что никакого труда не составляет бросить фразу, вроде «ну и чушь все это». Язвить или насмешничать, конечно же, неизмеримо проще.

Но ведь как раз в этом-то случае все и являлось чушью, разве нет? Полное безумие. Она страшно утомилась, а священник воспользовался ее усталостью и предложил ей эту... ерунду.

Дэмьен Торн — сын Сатаны. Абсурд, бред. Кейт повернулась на бок и мгновенно провалилась в сон, даже не раздевшись.

Она не слышала, как в спальню вошел Питер. Он взял в руки папку и впился глазами в оставленный священником адрес.

Глава семнадцатая

Симптомы были налицо. Харвей Дин понимал, что ему грозит опасность превратиться в бросовую, ненужную вещь. Он боялся теперь просыпаться по утрам и идти на работу. Он чувствовал себя в присутствии Дэмьена на грани срыва. Дин попытался найти хоть какой-нибудь выход, но ничего путного не придумал. От этого никуда не уйти. Он вынужден помалкивать и надеяться на лучшее. Его будущее было в чужих руках, да и счастьем своему он не был хозяином.

Вся чудовищность ситуации заключалась в том, что Дин внезапно обнаружил в себе страстную отцовскую любовь. Он был без ума от своего сынишки. Дин обожал в нем все, начиная с крошечных ноготков на пальчиках до торчащих на голове волосиков. Он любил малыша сильнее, чем Барбару и Дэмьена вместе взятых. Однако, вздумай он удрать с ребенком хоть на край света, его все равно нашли бы. Его бегство сочли бы за неверность, а худшего преступления в глазах Торна не существовало. Кроме того, сюда тут же приплюсовали бы и его участие в Израильской операции.

Дин что-то пробормотал в телефонную трубку и взглянул на Дэмьена.

— Израильтяне вцепились в Шредера,— заявил он.— Придется его ликвидировать, пока он еще не проболтался. Дэмьен не отрывался от бумаг.

— Ну так сделайте это,— небрежно произнес он.

— Но у нас нет возможности подобраться к нему,— возразил Дин, уже не в силах скрыть отчаяние в голосе.— Его ведь держат в Тель-Авиве, и ты один можешь сделать это, Дэмьен.

— Ты тоже в состоянии позаботиться об этом.

— Но ведь я только что сказал тебе...

— А я сказал тебе,— перебил его Дэмьен, поднимая, наконец, голову от письменного стола и насквозь прожигая взглядом Дина.— Я еще раньше говорил тебе, что силы мои будут убывать с каждым новым днем Назаретянина.

Дин с трудом проглотил застрявший в горле ком. И кто его спать дернул за язык? Сидел бы да помалкивал в тряпочку. А теперь вот они опять вернулись к страшному для него разговору.

— Сколько осталось мальчиков? — спросил Дэмьен.

— Один или два, может быть,— заверил того Дин, взмолившись про себя, чтобы Дэмьен оставил его в покое.

— Включая твоего сына.

— Моего сына? — всполошился Дин.— Но, погоди, я же тебе говорил, что он родился двадцать третьего марта. Дэмьен, поверь, он...

— Убей Назаретянина, тогда поверю.

Зазвонил телефон, и Дин вцепился в трубку, будто это была та соломинка, за которую хватается утопающий. В трубке что-то хлопало, и Дин нахмурился. Кто это может звонить из телефона-автомата? И где они только отыскивают номер?

— Да? — Дин находился в замешательстве.— Кто?

Он повернулся к Дэмьену.

— Это сын Кейт Рейнолдс. Он звонит из автомата. Дэмьен встал и подошел к Дину.

— Откуда у него твой номер?

— Я ему дал.

Дин передернул плечами, ругая себя за то, что вечно сует нос не в свое дело. Когда-нибудь это погубит его. Он сделал вид, что не слушает телефонный разговор. Ну что ему из того, что Дэмьен просит этого мальчишку за кем-то

последить? И опять же, ему — Дину — глубоко наплевать, если этот парень в чем-то удостоверится и при этом никем не будет замечен.

Дэмьен повесил трубку, и Дин исподтишка взглянул на него. Дин пытался уловить, не вернется ли Дэмьен к началу разговору.

— Будь осторожен, Дэмьен. Его мать звонила сегодня утром и хотела тебя видеть. Мне удалось отговорить ее, но...

— Почему ты мне ничего не сказал об этом? — оборвал его Дэмьен. — Я сам хотел с ней поговорить.

— Но это опасная женщина, — стоял на своем Дин, — ее телешоу и так уже растревожило...

— Мне решать, кто для меня опасен, а кто — нет, — отрезал Дэмьен с потемневшим от гнева лицом. — Найди ее по телефону. И передай, чтобы сегодня днем она пришла ко мне домой. Но не вздумай проболтаться о Питере.

Дин пожал плечами.

— Ты хозяин, — буркнул он и сделал пометку в блокноте.

И только тогда, когда Дэмьен покинул кабинет, Дин вздохнул с облегчением.

* * *

Дин рано покинул здание посольства, мозг его терзали страх и сомнения. Его автомобиль влился в вечерний поток машин и несся сквозь город на север. Через некоторое время Дин достиг холма. Воздух здесь был чист и свеж. Дин радовался, что едет домой. Он желал только одного — чтобы навечно умолк телефон — эта пуповина связывала его с Дэмьеном. Ах, если бы он только мог прийти домой и, захлопнув за собой дверь, отгородиться от всего мира! Спать они с Барбарой отправятся сегодня рано, сразу после ужина. Может быть, Барбара и не блещет умом, она еще вдобавок и старомодна, но сейчас Дину было на это наплевать. Все, чего он желал в эти мгновения, — это провести ночь с незакомплексованной женщиной, которая его любила.

Дин поставил машину в гараж, вошел в дом и прямо с порога окликнул жену. Ответа не последовало. Он заглянул в кухню и столовую. Может быть, она вышла куда-нибудь. Хотя обычно она оставляла ему записку. Дин плеснул в бокал спиртного и по лестнице поднялся в свой ка-

бинет. Открыл дверь и замер, ошарашенно уставившись на бедлам, представший перед глазами.

Барбара с ребенком на коленях сидела в его кресле. Вокруг нее по полу были разбросаны бумаги. Тут же валялась опрокинутая картотека, ящики были выдвинуты.

— Какого черта? — начал было Дин и двинулся вперед.

Барбара вся съежилась и крепко прижала к себе ребенка. Лицо ее исказилось гневом, глаза покраснели от слез.

— Не подходи к нему... — закричала она. — Убийца! Дин остолебенел.

— Ты с ума сошла? — Он попытался сделать шаг в ее сторону. Барбара схватила нож для разрезания бумаг и выставила его перед собой. Дин с побелевшим лицом застыл как вкопанный.

— Только тронь его, и я тебя прикончу, — выдавила жена. — Как ты прикончил всех этих детишек.

Дин протестующе открыл было рот, но не смог издать ни звука.

— Сегодня приходил священник, — выпалила Барбара. — Он рассказал мне все о Дэмьене Торне. Он объяснил, кто такой твой шеф, и предупредил меня, что Торт убьет моего ребенка так же, как убил всех остальных, родившихся в эти часы.

«Отрицай, отрицай все», — подумал Дин. Он заговорил охрипшим голосом:

— Ты хочешь сказать, что веришь этим религиозным маньякам, которые...

— Нет, — оборвала его Барбара, царапая ножом стол. — Я сама нашла доказательство. — И она протянула ему копии свидетельств о рождении.

Крыть Дину было нечем. Он потрянул головой и принялся тереть лицо, будто получил удар в челюсть. Вид его был жалок. Ненависть в Барбаре мгновенно улетучилась, она поднялась, вся в слезах.

— Ради Бога, Харвей, помоги священнику уничтожить Дэмьена.

Дин взглянул на жену и кивнул. Окрыленная его согласием, Барбара кинулась к мужу.

— Он говорит, что ты можешь это сделать. Дэмьен доверяет тебе. Харвей, пожалуйста, свяжись со священником. Ради любви к Богу... ради любви к сыну.

Дин обнял жену. Они стояли среди всего этого хаоса, прижавшись к ребенку, и покачивались из стороны в сторону. Младенец улыбался им и дергал Дина за волосы.

Будучи ребенком, Кейт неизменно пробуждала в своих родственниках и их знакомых одни и те же чувства. Ее считали излишне самоуверенной. С этим клеймом она и росла, пока не отправилась учиться в Лондон и Париж. Вот уж там Кейт развернулась на полную катушку: без всяких угрызений совести она ложилась в постель с каждым встречным-поперечным. Она сама нашла Фрэнка и выскочила за него замуж ко всеобщему восторгу своих родственников.

Когда Фрэнк скончался, они все дружно решили, что Кейт непременно сломается, ибо эта трагедия была в ее жизни первой. Но никто не увидел в ее глазах даже слезинки.

С тех пор у Кейт были еще трое мужчин. Она опять же сама их выбирала, была с ними счастлива и так же сама отказывалась от них. Кейт рассказывала им о Фрэнке, но запрещала лезть в свою душу.

Несмотря на разрывы, ей удалось сохранить со своими бывшими партнерами дружеские отношения. Кейт часто повторяла, что первым признаком зрелости является способность сохранить дружбу с прежним любовником. Однако иногда, в холодные часы ночного одиночества, она жаждала близости с тем, с кем невозможны после расставания никакие отношения. Это была бы такая любовь, что оборвалась бы сразу и навсегда.

Но проснувшись утром, Кейт отбрасывала свои ночные мечты, как сентиментальный, романтический бред.

Самонадеянный, уверенный в себе профессиональный журналист. Да, все так и было. Пока она не встретила Дэмьена Торна.

Кейт пробудилась этим утром, цепляясь за обрывки сна. Сначала она никак не могла понять, где находится, а потом разом вспомнила. Этот сумасшедший священник и его безумные теории. За завтраком Кейт пыталась сосредоточиться на бумагах и утреннем сообщении по радио, но вчерашний разговор с де Карло постоянно лез в голову, перебивая все остальные мысли.

Добравшись до письменного стола, женщина позвонила в посольство. Она еще точно не знала, что скажет, но уж что-нибудь придумает в конце концов. Смотря, кто снимет трубку. Однако проблема разрешилась сама собой. Его не было на месте. Кейт продиктовала записку для него и постаралась тут же забыть о Дэмьене. Она принялась

просматривать почту, затем пробежала глазами свой еженедельник. Но сосредоточиться не получалось. Ее мозг напоминал в это утро расстроенное банджо с тренькающими не в лад струнами. Через полчаса Кейт сдалась. Это было уже совсем плохо. Она сгорала от любопытства и ничего не могла с этим поделать. Захлопнув еженедельник, Кейт поднялась из-за письменного стола и направилась в библиотеку. Там она попросила все газетные материалы, касающиеся Дэмьена Торна.

Библиотекарь скорчил гримасу.

— Уж не собираетесь ли вы снова брать у него интервью?

Кейт улыбнулась.

— Придется надеть асбестовый комбинезон, когда вы его снова пригласите,— иронично заметил библиотекарь.

Кейт одарила его лучезарной улыбкой. С такими людьми необходимо поддерживать дружеские отношения, иначе здесь придется торчать целую вечность.

Кейт взяла подборку и начала читать ее с самого начала, с заметки о няне Дэмьена по имени Чесса, которая повесилась во время праздника в Пирфорде, когда Дэмьену было всего четыре года. Она бросилась из окна с веревкой на шее. Газетная вырезка пожелтела от времени. Кейт перевернула страницу и принялась читать дальше. Миссис Кейти Торн, жена американского посла, сильно пострадала при падении в своем загородном особняке. Она была беременна и потеряла ребенка.

Кейт нахмурилась. Катерина Торн умерла при таинственных обстоятельствах, выбросившись из окна больницы.

— Господи,— выдохнула Кейт.

Роберт Торн. Она, конечно, знала о нем, все это было частью трагедии Дэмьена. Затем шли газетные вырезки о процветании и росте влияния «Торн Индастриз». Была здесь упомянута история некоего Уильяма Ахертон, исполнительного директора компании. Он утонул во время уик-энда на даче Торнов. Трагедия произошла на реке, возле загородного особняка. Сообщалось, что Ахертон во время игры в хоккей провалился под лед. Следом за этой заметкой стояла другая: о трагедии с Дэвидом Пасарианом — шефом отдела по сельскохозяйственным исследованиям компании «Торн Индастриз». Он погиб, когда в помещении его отдела проходила экскурсия учащихся из школы Дэмьена. Этот случай, по сравнению с другими, был очень ко-

ротко изложен, как будто газетчики вообще не придали ему никакого значения.

Кейт сморщилась, заметив на своем пальце капельку крови. Она, оказывается, сидела и грызла ногти. Когда это за всю свою жизнь она грызла ногти?

Как зачарованная, Кейт продолжала читать: кузен Дэмьена Марк умирает в возрасте тринадцати лет. Также таинственная смерть, хотя вскрытие и показало, что это разрыв сосудов головного мозга.

— Тринадцать,— еле слышно прошептала Кейт.— Всего на год старше Питера.

Дальше читать она не смогла. Хватит!

Лицо Кейт искажилось от всей этой информации, из пальца до сих пор сочилась кровь. Кейт сходила в ванную и сполоснула руки. Смерть и разрушения, трагедии и загадочность, несчастные случаи без видимых причин. Да и тот труп в студии так никто и не опознал. Здесь крылась еще одна тайна.

— Кейт!

Журналистка обернулась и увидела на пороге своего секретаря.

— Некто по имени Харвей Дин только что позвонил из американского посольства. Он передал, что тебя хочет видеть посол. Ты приглашена сегодня на обед в его загородный особняк.

Кейт поблагодарила и вытерла руки. Внезапно ее охватило волнение. Чувшь все это. Ведет себя прямо как школьница, собирающаяся на свой первый бал. Кейт взглянула в зеркало и показала своему отражению язык. Напевая, она вернулась к письменному столу. Снова заглянула в свой еженедельник. Если она поедет в Пирфорд, придется отложить две встречи. Ничего, обойдутся. Эти могут и подождать. В конце концов, если уж так приспичит, она объяснит режиссеру, что уточняла некоторые детали.

Конечно, для режиссера Кейт могла придумать любую историю, но себя обманывать не было никакой нужды. Ведь не существовало ни одной веской причины, побуждавшей бы ее на визит к Дэмьену Торну. И ехала она только потому, что это он хотел ее видеть. И все тут. Проще не бывает.

Пока Кейт колесила по окраинам западного Лондона, она то подпевала песенкам, доносившимся из динамиков приемника, то отвечала на вопросы радиовикторины. Но только машина вылетела на загородное шоссе, рокот мото-

ра заглушил все остальные звуки. Кейт выключила радио и принялась воображать свой разговор с Дэмьеном.

— Вчера вечером ко мне приходил священник,— громко сказала Кейт самой себе.

— Неужели?

— Он заявил, что ты — сын Сатаны.

— Сатаны?

Кейт усмехнулась.

— Ты что-нибудь слышал о гибели младенцев?

— Да.

— А ты знаешь, что все они родились между полночью и шестью утра двадцать четвертого марта?

— Да, что-то в этом есть, а?

Кейт встряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Вокруг тебя все время умирают люди...

Кейт снова улыбнулась. Однако, на этот раз — сделав над собой усилие. Перед глазами опять возник обгоревший труп. На какую-то долю секунды ей вдруг захотелось развернуться и бежать отсюда. Если у нее осталась хоть капля здравого смысла, надо держаться подальше от Дэмьена Торна. Но мысль эта тут же исчезла. Кейт внимательно следила за дорогой и вскоре вынырнула на финишную прямую.

Привратник сообщил Кейт, что ее ожидают, и она подрулила к особняку. На пороге появился Джордж, слуга Дэмьена и, поклонившись, пропустил ее в дом. Кейт зябко поежилась, выйдя из автомобиля. Здесь было холоднее, чем в городе. Ощущались остатки ночных заморозков.

— Посол в кабинете, мадам,— доложил Джордж.

— Спасибо.

«Неплохо иметь лакея,— подумалось Кейт,— а заодно и повара, и шофера, и массажиста, и...»

— Кейт, как это мило, что вы приехали,— произнес Дэмьен, поднимаясь из-за стола. Он подошел к Кейт и губами слегка коснулся ее щеки.— Хотите выпить?

— Нет, спасибо. У меня и так после этой поездочки голова как кочан капусты

— Тогда можно подышать свежим воздухом. Прогуляться по окрестностям,— предложил Дэмьен.

— Отличная идея.

Кейт наблюдала, как он облачался в свой замшевый пиджак. «Да,— у нее прикинула она,— у него прекрасные глаза и овал лица. Интересно, сколько девочек имел он в

колледже и сколько после окончания его? И почему это о них никто никогда не упоминал?»

Застегивая на куртке «молнию», Дэмьен с трудом подавил зевок. Сильнейшая усталость проглядывала даже сквозь загар. Интересно, откуда у него эта усталость? Кейт собралась было спросить Дэмьена, но сдержалась. В конце концов, это не ее дело. Но вообще-то ему не следовало так изматываться. Ведь ранг посла не требовал такого изнурения. А вдруг он состоял на двух службах? Кейт вспомнила, как Дэмьен во время интервью ушел от этого вопроса. Нет,— возразил он тогда,— конфликта интересов не существует. Если бы возникло нечто подобное, он подал бы в отставку.

— С какого поста, интересно? — спросила тогда Кейт, но в ответ он просто улыбнулся, деликатно давая понять, что это уж слишком.

— Готовы? — поинтересовался Дэмьен, раскрывая окна и дверь. Кейт мимо него прошла на террасу. Они направились в сад, и Дэмьен на ходу показывал ей места, где он резвился будучи ребенком. В какой-то момент Кейт вдруг невольно оглянулась на дом, прикидывая, из какого окна с петель на шее выпрыгнула няня Дэмьена.

Торн провел ее в розарий и — дальше — к лужайке. За забором земля покато спускалась к реке. Кейт слушала Дэмьена и никак не могла взять в толк, когда же, наконец, он ей объяснит, зачем она здесь. Пока что ему, похоже, нравилось играть роль хозяина и гида.

Возле забора они оглянулись, чтобы еще раз посмотреть на особняк.

— Знаете,— сказал вдруг Дэмьен,— если я когда-нибудь стану президентом США, то первое, что я сделаю,— это перенесу мой загородный дом со всем хозяйством и окружением, где осело столько детских воспоминаний, в Соединенные Штаты.

Кейт с недовольством взглянула на него.

— А я была бы первой, кто встал бы у вас на пути,— возразила она.— Вы, американцы, уже увезли и Лондонский мост, и «Королеву Мэри»,— тут Кейт запнулась, выискивая в уме, что же еще прихватили с собой американцы из Англии,— скоро у нас уже вообще ничего не останется кроме тумана, правда, и его количество неуклонно понижается.

Дэмьен лукаво улыбнулся.

— А если серьезно,— продолжала Кейт,— чем Англия так запала вам в душу?

— Ну, не знаю,— протянул он, пожимая плечами,— полагаю, что сердце всякого человека остается там, где прошло его детство. Мое-то пролетело здесь. Англия для меня — это страна утраченных радостей.

Кейт метнула в Дэмьена внимательный взгляд, взвешивая в уме, насколько слова Торна могли соответствовать истине. Однако Дэмьен в задумчивости уставился на дом.

— Думаю, что если бы мой отец являлся посланцем в Гренландии, я точно также пошел бы по его стопам.— Дэмьен помедлил, улыбнулся Кейт и, взяв ее за руку, увлек за собой по аллее.— Здесь я провел самые счастливые дни своей жизни,— тихо произнес он.— Это был период чистоты и наивности до тех пор, пока я...— Дэмьен оборвал себя на полуслове. Настроение его вдруг резко изменилось.— Пойдемте,— позвал он Кейт,— я покажу вам реку, где обитает Старый Ник.

— Старый — кто?

Но Торн не ответил. Он зашагал вперед, легко перемахнул через забор и бегом устремился к реке вниз по склону.

«Господи, Всевышний,— подумала Кейт,— Старый Ник и Сын Сатаны. Что дальше?»

И пока Кейт торопилась вслед за Торном, она вдруг осознала, что тот ничего не спросил у нее о Питере. Это было необычно. Однако ведь и сама она ни разу не вспомнила о сыне за все это утро. Кейт почувствовала укоры совести.

У реки Дэмьен остановился, затем взобрался на старые деревянные мостки над узким ручьем, впадающим прямо в реку. Касаясь ветхих поручней, он склонился над ручьем и уставился на воду.

Пока Кейт достигла, наконец, мостков, она успела порядком запыхаться. В изнеможении женщина ухватилась за Дэмьена и поручни.

— Он где-то там,— сказал Дэмьен, указывая пальцем в воду. Кейт вглядывалась в ручей и никак не могла сообразить, что же Дэмьен собирался там увидеть. Или кого?

— Это самая гигантская щука, какую вам когда-либо доводилось видеть,— пояснил он.

— А, так это, значит, рыба,— произнесла Кейт и почувствовала себя дурочкой.

— Да, и ей уже, наверное, по меньшей мере лет сорок. Впервые мы встретились, когда мне было всего четыре года, и вот с тех-то пор мы с ней дружим.

— А вам известно, что Старым Ником называют в этих местах дьявола? — не задумываясь над словами, молниеносно выпалила Кейт.

— Конечно, знаю. И имя это отлично подходит щуке. Кейт внимательно посмотрела на Торна.

— Вы верите в Бога? — Вопрос был опять задан как-то помимо ее воли.

Но Дэмьен, даже если и слышал, не обратил никакого внимания на последние слова Кейт. Он просто улыбнулся и склонился еще ниже.

— Смотрите, вот она.

— Где? — Кейт нагнулась, вглядываясь туда, куда указывал Дэмьен.

— Да вон же... смотрите.

Внезапно раздался треск, Кейт почувствовала, что соскальзывает и, вскрикнув, рухнула в ручей. Оказавшись в воде, она вдруг представила, что попала прямо в огромную зубастую пасть щуки и принялась неистово колотить по ней руками и ногами. Ледяная вода оглушила Кейт, она в тот же миг погрузилась с головой, затем стремительно вынырнула, жадно хватая воздух и выплевывая воду, как фонтанирующий кит. Ярдах в пятидесяти она смутно различала сквозь брызги очертания особняка, а впереди, все более затягивая ее, бурлила река. Кейт вновь ушла под воду, почувствовав, что ноги ее коснулись дна ручья и тут же зацепились за корни деревьев. Она опять запаниковала и, вынырнув, замолотила по воде руками.

И тут взгляд ее упал на Дэмьена. Он стоял и наблюдал за ней. Ей вдруг показалось, что он улыбается, но Кейт видела его нечетко. Протянув руку, она нащупала обломившийся поручень и вцепилась в него. Поток был стремительным, и Кейт потребовались все ее силы, чтобы преодолеть течение и выбраться на пригорок. Она, наконец, оказалась в безопасности — замерзшая и полуживая от ужаса.

Дэмьен опустился на колени, и ухватил ее за запястье. Кейт не сопротивлялась, когда он вытянул ее из воды и на руках перенес на берег. Кейт выплевывала воду, трясла и мотала головой, чтобы вода вылилась из ушей. «Ну прямо, как собачка», — про себя решила она. В ушах все еще булькало, и Кейт с трудом расслышала его, когда он предложил ей переодеться. Затем он поднял Кейт на руки и понес.

Кейт сидела у камина и, расчесывая волосы, наблюдала, как пылают потрескивающие поленья. Сейчас, когда шок

уже миновал, она вдруг осознала, что никогда в жизни ей не было так хорошо. Кейт потянулась за бокалом бренди. После горячего душа тело ее как будто звенело, а халат был таким шершавым, что кожа сделалась гусиной. Кейт казалось, что к ее ногам подвесили гири, и она не могла подняться со своего кресла. Глаза ее ярко блеснули. «Ну вот,—мелькнуло у Кейт в голове,—стоит раз свалиться в реку и становишься самым счастливым человеком». Перед ее мысленным взором то и дело вставал улыбающийся Дэмьен, как будто хотел вот-вот сказать: «Ну что? Спасайся сама, а?..» Никогда ей не удавалось угадать, о чем он думает. Дэмьен Торн был окутан тайной. Единственный вывод, сделанный ею со всей определенностью, состоял в том, что Торн являлся тем самым уникальным мужчиной, который обладал незаурядной волей. Такой волей, что Кейт могла и хотела ему подчиниться. Тут она улыбнулась. Да уж, ее подруг-феминисток просто стошнило бы от этих умствований, да и сама Кейт с трудом себе все это представляла.

Кейт никогда раньше не слала самой себе, не собиралась делать этого и сейчас. Ее до глубины души потрясала мысль о том, что рядом с Дэмьеном она почувствовала себя истинной женщиной. Кейт бы позволила ему руководить ею. Никогда раньше Кейт не приходилось испытывать подобного чувства: ни в юности, ни во времена с Фрэнком и уж, конечно же, никогда после.

Кейт услышала, как в комнату вошел Дэмьен, но не оглянулась.

— Тут вот, наверное, что-нибудь придется вам в пору,—предложил тот. Кейт продолжала смотреть на огонь, всем телом ощущая приближение Дэмьена.— Вот, кажется, то, что надо.—Кейт резко повернулась, щеки ее пламенили от каминного жара. Дэмьен уставился на нее, зажав в руках зеленую сорочку.— Зеленая или серая — это уж как настроение подскажет,—произнес он.

Кейт потянулась за рубашкой и, тут же бросив ее рядом, коснулась руки Дэмьена. Когда она снова заговорила, голос ее упал до шепота:

— Я чувствую, что мотылек слишком близко подлетел к пламени.

Дэмьен улыбнулся и пальцем очертил ей на ладони окружность.

— Но кто же все-таки этот мотылек? — спросил он.

Как долго длилось все это? Пожалуй, месяцев шесть. Она только теперь поняла, насколько ей этого не хватало. Первый порыв настиг их в коридоре. Они буквально вцепились друг в друга по пути к нему в спальню. И не было ни сил, ни желаний скрывать эту пожирающую их страсть. Шесть месяцев подряд снедала ее эта лихорадка, но теперь их время пришло...

— Ну, иди же, иди ко мне, — шептала Кейт, глядя Дэмьена по волосам. Она ласкала мужские обнаженные плечи и прижимала его к себе. И вдруг почувствовала, что он сопротивляется. Кейт слегка отстранилась и заглянула ему в лицо. Веки Дэмьена были плотно сжаты, как от боли.

— Что такое? Что? — причитала Кейт, стараясь привлечь его к себе, но Дэмьен внезапно отпрянул от нее.

— Дэмьен, пожалуйста, — Кейт ничего не могла понять. Что же было не так? Все было восхитительно до этого момента... Но нет, он не может, не должен останавливаться теперь, нет, не теперь, ради Бога, он не должен останавливаться...

— Нет, плохи дела, — пробормотал Дэмьен. — Не могу любить. Не умю, не хочу, не буду любить.

— Да, Дэмьен, да, люби же меня, — умоляла Кейт. Она вся горела и находилась на грани отчаяния, пытаясь хоть что-нибудь придумать. Может быть, он хочет, чтобы она произносила всякие грязные и мерзкие слова, но она не умела это делать. Такого рода слова всегда застревали у нее в горле. Дэмьен склонился над ней и заглянул ей в глаза. Кейт вдруг показалось, что они полыхнули желтым пламенем.

— Хочешь видеть то, что вижу я? — прошептал Дэмьен у самого ее уха.

Кейт отрицательно замотала головой, пытаясь вникнуть в смысл его слов и понимая только одно:

— Я хочу тебя, хочу... — повторяла она.

Внезапно Дэмьен вышел из нее, не обращая внимание на ее слезы. Он резко бросил Кейт на живот, лицом в подушку и снова овладел ею. Кейт забилась в его объятиях, вырываясь и пытаясь объяснить, что так ей не нравится, что это извращение, но слова застревали в горле. К тому же Дэмьен был слишком силен для нее.

Кейт оторвала от подушки лицо и вцепилась руками в спинку кровати, все еще пытаясь выскользнуть из желез-

ных объятий Дэмьена, но чем активнее она сопротивлялась, тем резче и быстрее двигался он.

— Боль всесильна и всеобъемлюща,— хрипло шепнула ей Дэмьен прямо в ухо и зубами коснулся ее шеи.— Рождение — это боль. Смерть — это боль. И красота — это боль.

— Люби меня, Дэмьен,— все еще бормотала Кейт, едва осознавая, что эти слова уже не имели никакого значения.

— Я дам тебе мою боль, ибо любовь — это тоже боль...

Кейт обхватила руками свою голову, пытаюсь не слышать его слов, лицо ее исказилось, но она не могла уйти от его рук, вцепившихся ей в спину, от его ногтей, вонзившихся в кожу.

Кейт обернулась и через плечо увидела, что Дэмьен, как в молитве поднял голову и устремил взгляд в потолок.

— Яви ей настоящую боль, Отец,— крикнул он,— не мелкие уколы повседневного страдания, а подлинную святую боль истязания...

И Кейт сдалась. Она уже не слышала его слов и только двигалась вместе с ним, послушно уступая во всем. Кейт тоже что-то выкрикивала, и скоро вопли ее смешались с торжествующим воем зверя.

* * *

Было еще темно, когда Кейт проснулась. Она инстинктивно потянулась к Дэмьену, к теплу, но его не оказалось рядом. Кейт выскользнула из постели и прокралась к двери. В зеркало она разглядела, как исцарапано ее тело; ссадины и кровоподтеки покрывали ее спину, шею и руки. Кейт вздрогнула и отшатнулась, накинув рубашку, она выскочила в коридор.

Кейт шепотом позвала Дэмьена, но ответа не последовало. Ее окружала тьма. На цыпочках Кейт миновала галерею, заглянула в холл, но Дэмьена нигде не было.

Через какое-то время Кейт набрела на часовню. Она толкнула дверь и разглядела белеющее в полумраке тело Христа, гвоздями приколотенного к кресту. Кейт вздрогнула, увидев эту фигуру, ее охватил ужас, но всмотревшись, она заметила Дэмьена. Обнаженный и скрюченный, он спал у подножия креста. Колени его были подтянуты к подбородку, он обхватил их руками.

— Дэмьен? — прошептала Кейт, но тот даже не шелохнулся.

Кейт бесшумно подкралась к нему и, склонившись, слегка коснулась его спины. Он замерз. Кейт протянула руку и погладила его волосы, а потом опять взглянула на крест. Когда она вновь опустила глаза, то увидела под раздвинутыми волосами метку. Она отчетливо виднелась на скальпе. Это была метка зверя.

666

Кейт, прикрыв глаза, застыла на месте. Так, стоя на коленях, она замерла на некоторое время. Потом поднялась и направилась к двери. Она ни разу не оглянулась. Кейт больше не сдерживала рыданий. Слезы ручьем лились по лицу и скатывались на грудь.

А в темноте Дэмьен открыл глаза, отсвечивающие желтым пламенем.

Глава девятнадцатая

И будто ему неприятностей не хватало! Подъехав на следующее утро к зданию посольства, Харвей Дин обнаружил здесь толпу репортеров, запрудивших и вход, и вестибюль вплоть до лифта.

Дин бросил на охранников выразительный взгляд, в котором сквозило раздражение, но те в ответ только пожали плечами. Дин не мог себе представить, как журналистам удалось проникнуть внутрь здания, но у него и времени не было раздумывать над этим.

Никто даже не пытался соблюдать формальности.

— Торн заплатил Шредеру, — задал первый вопрос один из них.

— Извините, господа, — проворчал Дин, проталкиваясь сквозь плотные ряды репортеров и нажимая кнопку лифта, — я не собираюсь давать никаких комментариев.

— Почему мы не можем видеть посла?

— Потому что в настоящее время его нет на месте, — Дин все еще пробивался к дверям лифта.

— А где же он?

Никто из репортеров так и не получил ответа ни на один вопрос. Дверцы лифта раздвинулись, и Дин с облегчением вошел в него. Уже из лифта он объявил журналистам:

— Как только посол найдет нужным сделать заявление, мы вам сообщим.

Дверцы кабины захлопнулись, и Дин отер со лба пот. Он быстро прошел к своему кабинету. На пороге Дин остолбенел, заметив за своим письменным столом Дэмьена. Уж кого-кого, а Торна он меньше всего хотел сейчас видеть.

— Я думал, ты дома,— растерянно протянул Дин.

Дэмьен не ответил.

— Пресса переполошилась в связи с заявлением Шредера. Надеюсь, мне удастся удержать эту толпу, пока ты переговоришь с Бухером, но...

— Что вчера делал де Карло в твоём доме? — вопрос был задан совершенно бесцветным голосом, лицо ничего не выражало.

— Кто? — недоумение Дина было искренним. Кто такой, черт побери, этот де Карло?

Ярость овладела Дэмьеном. Он медленно поднялся, пристально глядя на Дина.

— Скажи мне правду.

Дин пожал плечами. Что он мог сказать?

Во взгляде Дэмьена мелькнуло отвращение. Не отводя глаз, он крикнул:

— Питер!

Открылась боковая дверь, и на пороге появился мальчик. Он, как сомнамбула, постоял некоторое время в дверях, затем, странно волооча ноги, продвинулся вперед.

— Иди, иди сюда, Питер,— ласково позвал Дэмьен.

Мальчик вытащил свою записную книжку и открыл ее. Когда Питер заговорил, он стал похож на полисмена, зачитывающего на суде протокол:

— Вчера в половине четвертого я заметил священника по имени де Карло, входящего в дом номер 114 на Эббикресит, где он, разговаривая с женой мистера Дина, провел один час двадцать две минуты.

Дин вышел из себя, все его раздражение в ту же секунду выплеснулось наружу. Не замечая Питера, он в бешенстве обратился к Дэмьену:

— Послушай, я же не знал, кто это,— вскипел он,— я имею в виду, Барбара мне ни слова не говорила...

— Уничтожь своего сына.

Дин тряхнул головой и отшатнулся. Челюсть у него отвисла, рот приоткрылся, но слов он не мог подыскать.

— Остался только один мальчик,— холодно констатировал Дэмьен,— и это твой сын.— Дэмьен говорил спокойно и даже деловито.— Уничтожь его,— повторил он,— или сам будешь уничтожен.

Дин качал головой и инстинктивно отступал к двери. Страх в нем перерастал в панику.

— Нет, нет...— запинаясь, бормотал он, уже не понимая смысла слов.— Ради Бога, Дэмьен...

Дэмьен и бровью не повел, услышав последнюю реплику Дина. Он неподвижно стоял, сложив на груди руки.

— И Бог сказал Аврааму: «Возьми жизнь твоего сына, твоего единственного Исаака, которого ты любишь, и отдай его на жертвенный огонь».

Дин наткнулся на стену и принялся судорожно шарить в поисках дверной ручки.

— Если Авраам был готов убить сына из любви к своему Богу, то почему ты не сделаешь этого из любви к своему? — продолжал Дэмьен, по-прежнему вцепившись взглядом в Дина.

Дин потерял дар речи. Язык его будто прирос к небу. Похоже, только его ноги могли двигаться. Дин толкнул дверь и вылетел из кабинета; забыв о достоинстве, он промчался мимо секретарш прямо к лифту.

Питер спокойно наблюдал за ним, а потом обратился к Дэмьену:

— Ты не остановишь его?

Дэмьен покачал головой.

— В этом уже нет нужды.

* * *

За все время их супружеской жизни Барбара Дин впервые спала одна. Она втащила в детскую комнату кушетку и расположилась на расстоянии вытянутой руки от колыбели. Трижды за ночь пробуждалась она, убеждаясь, что с ее малышом все в порядке.

За завтраком они с Дином едва обменялись парой слов. Она все ему выложила, и если уже сегодня вечером он ничего не предпримет, то она уедет, с Дином или без него.

Барбара опустила трубку и удовлетворенно покачала головой. Эта женщина — подруга Кэрол — согласилась на время принять Барбару. Когда они впервые встретились, она заверила Барбару, что та обязательно должна навестить ее. В Сассексе им было так одиноко, — заверяла она Барбару. Ну вот, Барбара и напросилась к ней в Сассекс. А если та и удивилась такому неожиданному визиту, то во всяком случае не показала виду. Барбара улыбнулась. Там, в Сассексе, она, конечно же, будет расспрашивать Барбару, что произошло. Они вдоволь насплетничают: и поче-

му Барбара уехала, и почему они поссорились, и придет ли Харвей?

Перед тем, как начать укладывать чемоданы, Барбара решила погладить белье. Она установила доску и залила в утюг воды. Малыш резвился у окна в люльке, лучи солнца касались его лица. Он улыбался и тянулся ручонками к солнечным стрелам, будто хотел ухватиться за них.

Глядя белье, Барбара то и дело заглядывала в люльку. Когда она в очередной раз подошла к колыбели, малыш уже заснул, сложив ручонки. Барбара убрала их под простынку и вернулась к гладильной доске. Скоро она все закончит, и они уедут, она, ее ребенок, а может быть, и ее муж.

* * *

Собака бесшумно двигалась по траве в намеченном направлении. Достигнув нужной улицы, она принялась и потрусилась дальше вдоль дороги. Люди шарахались от нее. Дважды она сворачивала и, наконец, остановилась. Шерсть у нее встала дыбом, клыки обнажились в злобном рычании. Все время поводя носом, будто шла по следу, собака подбежала к дому. Возле окна она встала на задние лапы и заглянула через распахнутые створки в личико младенца. Желтые, пронзительные глаза ее не мигали, из пасти прямо на одеяльце стекала липкая слюна.

Когда Барбара завопила не своим голосом, собака на какое-то мгновение подняла на нее глаза, пристально взглянула, а затем прыгнула на землю и медленно потрусила прочь. Она сделала свое дело.

Барбара захлопнула окно, так что стекло зазвенело. Сердце неистово колотилось. Внезапно появившееся в окне чудовище ввергло женщину в состояние шока. Что-то бормоча себе под нос, Барбара склонилась над малышом. Во сне он повернулся и лежал ничком, его ножки подергивались, будто он пытался убежать.

— Все в порядке, солнышко,— сказала Барбара,— мы прогнали эту ужасную собаку. И она перевернула ребенка.

Из колыбели на нее уставилось старое, сморщенное лицо, желтые глаза запали в глазницах, кожа посерела. Ребенок протянул к ней скрюченные ручонки, и Барбара отшатнулась. Рот у нее приоткрылся, но крика не последовало. Раздался какой-то звук вроде всхлипывания, когда ее рука вдруг потянулась, нащаривая что-то.

А ребенок взирал на нее умирающими глазами.

Подъезжая к дому, Дин следовал за полицейским мотоциклом. Он страшно спешил и в задумчивости проехал на красный свет. Полисмен задержал Дина, и тот извинился перед ним.

Дин выехал, наконец, на финишную прямую и помчался к дому.

Припарковав автомобиль, Дин распахнул двери и, вбежав в дом, остановился в холле. «Как она будет рада», — подумал он. Теперь, когда Дин, наконец, принял это решение, он чувствовал себя значительно лучше. По крайней мере он сделал свой выбор. Он убежит со своей семьей, он попытает счастья.

— Барбара?

Тишина. Ни радио, никакого другого звука. Дин нахмурился и заглянул в гостиную.

— Барбара?

Дин распахнул дверь на кухню и увидел Барбару. Она стояла спиной к нему возле гладильной доски. Дин взглянул на колыбель и заметил поднятую над ней детскую ручонку: крохотные пальчики, словно в приветствии, замерли в воздухе.

— В чем дело, Барбара, ты меня что, не слышишь?

Она все еще не оборачивалась. В дурном предчувствии он сделал шаг к ней. — Я хочу, чтобы ты начала собирать чемоданы. Мы...

Барбара обернулась, и он застыл на месте, оборвав себя на полуслове. Глаза ее покраснели от слез, лицо было искажено жуткой гримасой. Она издала какой-то звериный рык. Дин отпрянул, когда она набросилась на него. Последнее, что он заметил, была ее рука, сжимающая дымящийся утюг. В следующее мгновение она нанесла ему удар по глазу.

Предсмертный вопль Дина смешался с шипением пара и горелого мяса, так как раскаленный металл моментально выжег ему глаз. Дин сполз на пол, из обгоревшей глазницы сочилась желтоватая жидкость и стекала по разбитой щеке.

Барбара аккуратно поставила утюг на доску и, склонившись над трупом мужа, кобнула его плеча. Сквозь обуглившуюся глазницу она вглядывалась прямо в его мозг. Барбара поднялась, подошла к раковине, взяла полотенце и, вернувшись к мужу, нежно и осторожно вытерла его лицо. Затем опять подошла к младенцу и, дотронувшись до

его розовых пальчиков, снова взглянула на разбитое лицо мужа.

После этого Барбара села за стол, и улыбнувшись, окончательно сошла с ума.

Глава двадцатая

За последнюю неделю отец де Карло превзошел все пределы человеческой выносливости. Ел он очень мало и почти не спал, поддерживаемый разве что верой и Богом. Священник испытывал неописуемую радость от мысли, что Сын Божий родился, и что он — де Карло — призван защитить Его. Сознание своей роли вдохновляло священника, укрепляя его силы. Плоть жаждала отдыха, но разум не позволял телу расслабляться. Священник заставлял себя действовать, пока его миссия не будет выполнена, только тогда он уступит мольбам тела.

Из окна такси, катившего по улицам Вест-Энда, де Карло разглядывал прохожих. Они спешили по своим делам, и священник завидовал этим людям, занятым такими простыми житейскими проблемами. В одном из пешеходов де Карло вдруг уловил сходство с Антонио. И снова, в сотый раз, он склонил голову, молясь за души шести монахов. Подняв, наконец, глаза, де Карло вытер покрытое слезами лицо. Иногда печаль и отчаяние настолько овладевали его душой, что казалось, будто они вот-вот одержат над ним верх. Единственное, что спасало в подобные минуты, — это надежда. Де Карло верил, что жизнь его находится в безопасности, покуда Антихрист не погибнет и Святое Дитя будет спасено.

Де Карло перелистал свою записную книжку. За последние дни он сам удивлялся своей хитрости. Ему в одиночку удавалось прятать Дитя. А также следить за каждым передвижением Торна, этой женщины и ее сына. Де Карло испытал даже что-то вроде гордости. Из него, похоже, получился бы неплохой детектив.

— Би-Би-Си, приятель, — бросил ему через плечо шофер.

Отец де Карло поблагодарил его и выбрался из такси. Здание окутывала мгла, окна не горели, но священник знал, что Кейт задерживается тут допоздна. Вход никем не охранялся, и де Карло возблагодарил Бога за удачу. По крайней мере ему не надо торчать на холоде. Он может спокойно войти и перехватить ее прежде, чем она уедет.

Студию уже почти все покинули, Кейт делала в своем блокноте последние пометки. Два оператора пожелали ей спокойной ночи, и она улыбнулась в ответ, затем подошла к письменному столу, потянулась за своими записями и стала искать глазами пальто.

— Через пять минут закрываем, миссис Рейнолдс.

— Иду, иду,— крикнула она в ответ. Обычно Кейт радовалась, когда программа удачно завершалась, но сегодня все было иначе. Она боялась возвращаться домой.

— Миссис Рейнолдс,— внезапно раздался чей-то голос. Кейт вся сжалась. Обернувшись, она гневно взглянула на священника. Как проник он сюда? Вечно он появляется в темноте и пугает ее.

— Что вы здесь делаете? — спросила Кейт.

— Вы его видели, не так ли, миссис Рейнолдс?

Священник казался изможденным. Даже в полумраке она смогла разглядеть его впалые щеки, усталые глаза, покосившие плечи.

— Теперь вы знаете, что Торн — Антихрист,— продолжал священник. Он подошел к Кейт и тронул ее за руку. — Почему же тогда вы защищаете его?

Кейт отдернула свою руку.

— Либо вы уйдете отсюда, либо я вызову охрану,— предупредила она. Все внутри нее кипело от гнева. Даже если сторожей не окажется на месте, она собственноручно вышвырнет отсюда этого наглого священника.

— Миссис Рейнолдс, а ваш сын... Где он?

— В кровати. Спит, конечно,— раздраженно отрезала Кейт.

Отец де Карло покачал головой.

— Нет, он не в кровати. Ваш сын с Дэмьеном Торном.

Кейт резко обернулась и удивленно уставилась на него.

— С Торном, миссис Рейнолдс,— повторил священник, подчеркивая слова.— С ним — душой и телом. Ваш сын сделался апостолом Антихриста.

Кейт разразилась язвительным смехом. Она до смерти устала от всего этого. Все, что она хотела — это чтобы священник оставил ее, наконец, в покое.

— Вы думаете, что три последние недели Питер провел в школе, не так ли?

Кейт насмешливо кивнула.

— Узнайте, если не верите мне. Позвоните в школу.

Отец де Карло заметил, как переменялось выражение лица Кейт: гнев уступил место сомнению и страху.

— Питер служит Торну. Он — его последователь в деле зла. Торн вдохновляет его на убийство Божьего Сына. Но им не удастся сделать этого. Святое Дитя вне пределов их досягаемости. Оно в безопасности, но ваш сын — нет.

Кейт покачала головой и нахмурилась.

— Есть только один путь спасти Питера, мисс Рейнолдс, и путь этот — уничтожение Антихриста. — Священник полез в свою куртку и вытащил кинжал. Кейт посмотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Вы просите, чтобы я... — Она замолчала, не в силах вымолвить больше ни слова. Взгляд ее был прикован к лезвию.

— Нет, мисс Рейнолдс, это уж мой святой долг. Но если вы дорожите бессмертной душой сына, вы должны помочь мне.

Кейт все еще смотрела на кинжал. Отец де Карло пристально вглядывался в ее лицо. Он нуждался в ее помощи. Если она не поможет, надежды мало.

— Пожалуйста, поспешите, мисс Рейнолдс, — раздался голос одного из сторожей.

— Да, да, закрываю — воскликнула Кейт.

Голос охранника, похоже, вернул ее на землю.

— Иду! — прокричала Кейт и, уже полностью овладев собой, проговорила: — Я еду домой, к своему сыну.

— Тогда я умоляю вас разрешить мне присоединиться к вам, — попросил де Карло. — Нельзя терять ни секунды времени после того, как вы убедитесь, что его нет дома.

Кейт пожала плечами и пошла к выходу. Она не могла запретить ему следовать за ней. Она предъявит ему Питера: проведет его наверх, в спальню и ткнет пальцем в своего сына. Может быть, после этого он, наконец, оставит ее в покое!

* * *

— Питер!

В доме было темно. В это время он еще не должен был спать. После своего дня рождения он взял за правило не ложиться допоздна и либо почитать на ночь глядя, либо послушать музыку.

Дом, погруженный во мрак, безмолвствовал. Пока Кейт поднималась в спальню сына, отец де Карло дожидался в гостиной. Когда женщина вернулась, на ней не было лица.

— Вы были правы,— потухшим голосом вымолвила она.

Де Карло поднял телефонную трубку и передал ее Кейт. Она набрала номер школы и замерла в ожидании.

— Миссис Грант? Извините за столь поздний звонок, это Кейт Рейнолдс...

Пока Кейт разговаривала, священник разглядывал через окно улицу.

— Вы опять правы,— положив трубку, проговорила Кейт. Какая-то мысль мелькнула у нее в голове.— Вы утверждали, что Питер был прошлой ночью в Пирфорде?

— Боюсь, что так.

— О, Господи.— Кейт села, готовая вот-вот разрыдаться. Она так сжала свои руки, что кожа на запястьях побелела.

Де Карло опустился рядом с Кейт, и на этот раз она не отодвинулась.— Вы можете мне? — спросил священник.

— Конечно.

* * *

Маршрут был ей знаком. Теперь она уже не сверялась с картой или дорожными указателями. Она вела машину, пытаясь переварить в уме то, о чем рассказывал ей де Карло.

— Я в курсе, что вы читали о трагедии Торнов,— тихим голосом говорил тот.— Но вы знаете только половину. Кейт бросила на него любопытный взгляд.

— Священник,— тихим голосом продолжал де Карло,— отец Тассоне — трагическая фигура — он помогал при рождении. Потом пытался искупить свой грех и предупредил Роберта Торна, — де Карло помедлил.— Мертв,— только и добавил он.

Потом поднял правую руку и начал загибать пальцы.— Фотограф по имени Дженнингс, пытавшийся помочь Роберту Торну. Обезглавлен.

Кейт вздрогнула.

— Шесть лет спустя,— продолжал священник,— Бугенгаген, археолог. Похоронен заживо.— Теперь он говорил торопливо,— Билл Ахертон...

— Да,— прервала его Кейт,— я читала о нем.

— Джоан Харт,— без всякого выражения в голосе перечислял де Карло,— как и вы, журналистка. Мертва. Доктор Чарльз Уоррен, руководитель музея Торнов. Раздавлен...

— Хватит,— отрубил Кейт. Лицо ее побледнело, голос дрожал.— Я не хочу больше слушать.

— Ладно,— согласился священник.— Тогда я вам кое-что расскажу.— Он прикрыл глаза.— Мы наблюдали вспышку трех звезд. Это были самые восхитительные минуты в моей жизни. Через две тысячи лет. Второе пришествие.

Кейт слегка расслабилась, пытаясь избавиться от страшных видений.

А потом мы бросились на Его поиски. Все было очень просто. Астроном указал нам точное место Его рождения. И мы нашли Его.— Священник замолчал на какое-то время.— У цыган.

Кейт всплеснула руками.

— Это самое красивое и чудесное существо, которое я когда-либо видел: цыганам не нужны свидетельства о рождении, потому-то Он остался жив. А все остальные несчастные младенцы, родившиеся в ту же ночь, были перебиты. Ради чего?..

— А ваш друг, монах,— вставила Кейт.— И он умер. Ради чего?

— Не только он,— мягко возразил де Карло.

— Разве был еще кто-то?

— О, да.

Кейт протестующе оторвала одну руку от руля.— Пожалуйста, не говорите мне. Я не вынесу больше.

— Да, я понимаю. Но есть еще кое-что...— И несмотря на возражения Кейт, священник рассказал ей о рождении Дэмьена, о камне, разожившем голову младенца, и ужасном чудовище, извлеченном из утробы шакалихи.

— Чей? — переспросила Кейт, резко повернувшись к де Карло и чуть было не выпустив руль из рук. Под одеждой она вдруг вновь почувствовала на своем теле его укусы и когти. Кейт передернуло, когда она вспомнила его животную похоть, тяжелое дыхание, его странные слова и звериный вой... Гнусная мерзость. Кейт захотелось выскоблить себя до крови, но она уже понимала, что никогда больше не почувствует себя чистой.

— Вот здесь,— указал де Карло.— Мы приехали.

Кейт затормозила, подождала, пока священник вылезал из машины, затем развернулась и направилась за Питером. Когда весь этот кошмар кончится, она заберет сына с собой, они уедут отдыхать. Она его обнимет и долго-долго не будет выпускать из своих рук. Пока не залечатся раны в их душах.

У ворот особняка охранник улыбнулся Кейт и доложил, что господин посол ожидает ее. Она даже не удивилась, ибо ничего на свете уже не могло больше удивить ее.

* * *

Часовня была погружена во мрак, но Питер видел все, что ему было нужно. Он уставился на крест и на Дэмьена, застывшего перед распятием.

— Итак, ты думаешь, будто победил, не так ли? — обратился Дэмьен к Христу. — Ты равнодушно наблюдал, как я истреблял вместо тебя сотни младенцев и даже пальцем не пошвелел, чтобы их спасти...

Дэмьен презрительно взглянул на распятие и обошел его, чтобы посмотреть в искаженное агонией и прижатое к кресту лицо.

— Эта твоя вечная игра. Кошки-мышки. На протяжении столетий. Ну теперь-то она закончилась. — Дэмьен взглянул на Питера. Потом подошел к нему, взял за руку и поднял глаза к потолку. — О, Сатана, возлюбленный отец мой, победа за тобой. Благодарю тебя за то, что ты отдал мне этого чистого отрока, и теперь я смогу встретиться с Назаретянином.

Дэмьен упал на колени, глядя в лицо Питеру и удерживая его за обе руки. — Я хочу, чтобы ты выслушал меня, Питер, — произнес он. — И слушай меня внимательно. Твоя мать на пути сюда. Она собирается забрать тебя у меня...

Питер замотал головой и бросился было бежать, но внезапно замер на месте.

— Нет, Дэмьен, не отдавай меня.

Дэмьен улыбнулся.

— Не беспокойся, с этого момента ты принадлежишь мне душой и телом.

Он коснулся лица мальчика и приподнял его подбородок.

— У этих христиан десять заповедей, — сообщил Дэмьен. — У меня — всего одна.

Питер кивнул. В коридоре послышались шаги, но Дэмьен даже не обернулся. Он впился взглядом в лицо Питера и не сводил с него глаз.

— Повторяй, что я говорю, и мы станем с тобой единым целым.

— Я обожаю тебя, — выдохнул Питер.

— Сильнее всех и превыше всех, — требовал Дэмьен.

— Сильнее всех и превыше всех.

— Сильнее самой жизни.

— Сильнее самой жизни.

Дэмьен вздохнул и склонил голову. В этот момент дверь распахнулась, на пороге появилась Кейт.

— Я здесь, чтобы поторговаться с тобой, Дэмьен,— бросила она.

Питер испуганно переминался с ноги на ногу. Но Дэмьен крепко держал его за руки.

— Где Он? — спросил Дэмьен, продолжая глядеть Питеру в глаза.

— Верни мне моего сына, и я отвезу тебя к Нему,— предложила Кейт.

Питер прижался к Дэмьену.

— Нет, Дэмьен, я не ее сын. Я принадлежу тебе.

Из груди Кейт вырвался стон. Дэмьен, услыша его, улыбнулся и, медленно повернувшись, посмотрел, наконец, на стоящую в дверях женщину.

— Веди нас к Назаретянину,— согласился он.— И тогда ты сможешь забрать Питера.

Мальчик весь съежился и снова замотал головой.

— Нет, Дэмьен, это уловка.

— Нет, ведь если она хочет вернуть сына, это не может быть уловкой.

Кейт кивнула и привалилась к двери, впившись взглядом в Питера, когда тот проходил мимо, ухватившись за руку Дэмьена. Она прикрыла глаза, будто желая вычеркнуть из памяти это кошмарное видение. Питер — ее единственный ребенок превратился в ее врага. Она не могла принять этого.

— Пойдем,— произнес Дэмьен.

Кейт бросила взгляд на крест. Вся ее жизнь разлеталась вдребезги. Так не должно было случиться. А теперь у нее не оставалось выбора. Ей предстояло вести своего сына в западню. Единственное на свете существо, за которое она легко отдала бы собственную жизнь. А она подвергает его опасности.

— Если ты можешь помочь мне,— прошептала Кейт, глядя в искаженный мукой лик Христа,— то помоги.

Глава двадцать первая

И даже теперь Кейт была не в состоянии осознать происходящее. Колоссальные масштабы разворачивающихся событий ошеломляли ее и не поддавались осмыслению. Кейт никогда ни в кого не верила: ни в Бога, ни в дьявола. Все это чушь какая-то. Скоро она проснется и избавится

от этого кошмара. Она откроет глаза и увидит Питера. Он будет стоять рядом с ее постелью со стаканом сока и как всегда — иронично что-то говорить ей.

Кейт глянула в зеркальце заднего вида. Две пары глаз смотрели на нее, две пары глаз, отсвечивающих желтым пламенем. Кейт вздрогнула и вцепилась в руль. Она слышала, как они сзади переговариваются, будто два заговорщика, и ее охватила яростная ревность. Внезапно Кейт вспомнила Фрэнка, и слезы мгновенно застлали ей глаза. Слава Богу, ему не довелось пережить этот кошмар. Умирая, Фрэнк просил ее найти мальчику отца, и она обещала. А теперь...

Кейт попыталась взять себя в руки. Но мысли обрывались и путались. Пожалуй, в таком состоянии она в два счета разобьет машину. Это, конечно, шанс спасти Питера. Но если он пострадает? Этого она себе никогда не простит. Она могла бы, конечно, обратиться к любому полицейскому, но кто ей поверит?..

— Мы уже подъезжаем? — голос Питера прервал ход ее мыслей.

— Еще две мили, — вмешался Дэмьен.

Кейт удивленно захлопала ресницами. Он знал. Он мог читать ее мысли. Он проникал в ее самое сокровенное. Сидя за спиной Кейт, он наверняка посмеивался над всеми ее нелепыми и шаткими планами. И Кейт сдалась. Она полностью сосредоточилась на дороге. Кругом не было ни души: ни людей, ни машин — и только насекомые то и дело разбивались о лобовое стекло. Ночь выдалась ясная и светлая. Множество звезд мерцало в высоком небе. Все безмолвствовало и замерло насторожившись. Как будто мир затаил дыхание.

Кейт заметила, наконец, силуэт разрушенного собора. Питер поперхнулся на вдохе. Она разглядела в зеркальце, как он прикрыл лицо руками, чтобы не видеть собора, как будто одно его присутствие доставляло мальчику боль. Дэмьен облизнул губы.

Кейт резко ударила по тормозам, и из-под самых колес взметнулась стая ворон. Кейт слышала проклятья Дэмьена и отметила, что он еще крепче прижал к себе мальчика, будто оберегая его.

Неодолимая ненависть поднялась в ней к Дэмьену. Это, в конце концов, его судьба, а не их. Кейт вдруг вспомнила, как он любовался тогда домом и рассказывал ей о безоблачной поре своего детства. Да черт с ним, с его невинным

детством, и пропади он пропадом, и пусть душа его вернется в ад, где ей и место.

Находилось, правда, и единственное утешение. Его мерзкое семя не могло пробиться в ее утробу. Она не забеременеет и не родит от него.

Ярдах в пятидесяти от собора Кейт заглушила мотор. Тишина обрушилась на них.

— Разреши мне войти первой,— попросила Кейт.— Давай пойдем вдвоем, Дэмьен, только ты и я. Оставь Питера в машине. Пожалуйста!

— Мы пойдем все вместе,— отрезал Дэмьен.

Кейт обернулась к нему.

— Поверь мне, Дэмьен. Я просто хочу знать...

— Нет,— закричал вдруг Питер,— не доверяй ей.

Он выбрался из машины, Дэмьен — следом за ним. Они стояли рука об руку — мальчик и мужчина — и ждали Кейт. «У меня нет выбора — внезапно осознала Кейт, — я не могу ничего изменить».

— Веди нас,— приказал Дэмьен.

Кейт взглянула на собор. Он казался холодным и пустым. Разрушившийся монумент забытому Богу. Кейт нетерпеливо вглядывалась в темноту, но так ничего и не обнаружила.

— Иди же,— скомандовал Питер с нетерпением в голосе.

Кейт медленно двинулась вперед на ватных ногах. Она боялась упасть. Божий Сын родился среди цыган. Кейт все еще не могла верить в это. Впрочем, ее уже не волновали подобные мысли. Она думала только о кинжале...

В десяти ярдах от входа Кейт остановилась, каждой своей клеточкой чувствуя позади себя Дэмьена. Она ощущала его напряжение.

— Там, внутри,— произнесла Кейт.

— Открой дверь,— сказал Дэмьен.

Кейт шагнула вперед и потянула дверную ручку. Красным глазом она заметила де Карло, появившегося из-за колонны с кинжалом в руке. Кейт инстинктивно вскрикнула:

— Нет, святой отец!

Священник колебался ровно столько, сколько времени хватило Дэмьену, чтобы повернуться, схватить Питера и, приподняв его перед собой, прикрыться мальчиком, как щитом. Однако де Карло уже не мог остановить свой прыжок. Кинжал, нацеленный на Дэмьена, вонзился в спину Питера.

— Питер! — закричала Кейт, когда Дэмьен, швырнув мальчика на землю, ринулся на священника. Он пытался ухватить его за горло.

— Питер! — Кейт бросилась к сыну. Она споткнулась и упала на колени. Мальчик полз на четвереньках, из спины его торчала рукоятка кинжала.

— Сыночек, любимый мой... — Ну почему она вскрикнула? Зачем она предупредила Дэмьена? Она держала в ладонях лицо Питера. — Не покидай меня, Питер, — взмолилась Кейт. Но глаза его уже затуманились, дыхание с хрипом вырывалось из груди. — Не умирай, пожалуйста, не умирай...

— Я люблю тебя, — пробормотал мальчик.

— Питер...

— Больше жизни люблю. Я люблю тебя, Дэмьен... — Он улынулся, закрыл глаза и поник на руках матери.

— Нет, Питер, нет...

Кейт несколько секунд смотрела на сына, затем нежно и осторожно перевернула тело Питера и, затаив дыхание, обеими руками вытащила кинжал. Положила его на траву и подняла голову.

Дэмьен повалил отца де Карло и склонился над ним, пытаясь добраться до горла священника. Он не видел, как Кейт медленно двинулась к нему. Яростный крик ее прорезал тишину в тот момент, когда она вонзила кинжал ему в спину. Послышался хруст костей, и Кейт еще глубже погрузила лезвие, по самую рукоятку. И только тогда она отступила, а крик ее эхом продолжал отдаваться среди руин.

Дэмьен поднялся и выпрямился во весь рост. Он пытался дотянуться до кинжала. Из груди его вырывался хрип, он снова рухнул на колени, затем встал снова и, шатаясь, заплетающейся походкой двинулся ко входу. Распахнув двери собора, он застыл на пороге.

Несколько мгновений стоял так Дэмьен, не шевелясь, глаза его лихорадочно блуждали по разрушенным стенам.

— Назаретянин, — выкрикнул он рокоцущим басом. — Где ты, Назаретянин? Дэмьен шатался, собираясь с последними силами, чтобы не упасть. — Ты слышишь меня, Назаретянин?

И как будто в ответ на этот призыв в дальнем конце собора забрезжил едва различимый свет, сияющий ореол, разгоравшийся все ярче и ярче. Дэмьен шагнул вперед и направился навстречу свету. Раскинув руки, он побежал. Спину жгла невыносимая боль, лицо исказилось от мучи-

тельного страдания, но взгляд его был устремлен в небо, разгоравшееся чудесным сиянием сквозь разрушенный купол собора.

— Сатана,— прорычал Дэмьен.— Почему ты покинул меня?

Руины эхом отразили бас, а свет уже ослеплял его.

Дэмьен рухнул на четвереньки.

— Вот и все, отец,— прошептал он.— Забери меня обратно, в свой рай.— Тело его задрожало, он ничком упал на каменный пол и затих.

Сияние становилось невыносимым, но отец де Карло впился в него немигающим взглядом. Затем он посмотрел на Кейт, склонившуюся над телом сына, коснулся ее волос и перекрестил мальчика. Кейт взяла тело Питера на руки и встала рядом со священником. Так они и застыли, женщина и священник. Они не отводили глаз от ослепительного ореола и по их щекам струились нескончаемые слезы.

Пробил час рассвета. Противоборство завершилось. Наступила новая эра.

* * *

«И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будетъ; ибо прежнее прошло. И сказалъ сидящий на престоле: се, творю все новое...»

Се, гряду скоро: блаженъ соблюдающий слова пророчества книги сей».

*Откровение Иоанна Богослова,
гл. 21: 4, 5; гл. 22: 7.*

Армagedдон 2000

Книга четвертая
из серии «Знамение».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже шесть недель ученики по пятам ходили за женщиной. Они и ночью не спускали глаз с ее дома, следили за каждым шагом этой особы, пока та добиралась на работу, а когда ей взбрело в голову навестить в гости,— терпеливо поджидали ее. С тех пор, как погиб учитель, число их значительно поубавилось. Одни свели счеты с жизнью, другие предались отчаянию и не покидали более своих жилищ. Но преодолевшие депрессию, до мозга костей прониклись чувством мести и от этого стали еще сильнее.

В тот раз, когда женщина посетила врача, двое учеников последовали за ней в приемную и уселись рядом. Они обратили внимание на неестественное напряжение, охватившее ее лицо. Очевидно, женщину терзала боль, и они торжествовали про себя, догадываясь о ее мучениях.

— Мисс Рейнолдс,— раздался из кабинета голос. С трудом поднявшись, Кейт медленной походкой калек двинулась через комнату и толкнула дверь. И тут же от неожиданности застыла на пороге, заморгав в смятении ресницами. На нее смотрел совершенно незнакомый, молодой и пышущий здоровьем врач. Он улыбался.

— Доктор Джонстон больше не практикует,— начал было врач и тут же сам себя перебил: — Вы не присядете?

Кейт притворила за собой дверь и опустилась на стул подле стола.

— Острая, пронизывающая боль вот тут,— выговорила она, указывая на нижнюю часть живота.— Как будто там что-то раздулось. Кейт закашлялась и извинилась.

Осторожно придерживая женщину, врач подвел ее к кушетке и тщательно осмотрел. Затем, вписав в рецепт адрес и фамилию Кейт, вручил его женщине.

— Это мой коллега. Он специалист по такого рода делам. Думаю, вам стоит навестить его.— Молодой врач помедлил.— И побыстрее.

Кейт молча уставилась на него, будто ища поддержки.
— Я совершенно уверен, что вам не о чем беспокоиться,— попытался приободрить ее врач.

Поднявшись с кушетки, Кейт сморщилась от боли.— А вы не могли бы прописать мне что-нибудь...

— Извините,— резко перебил ее врач.— Но на этой стадии я бы не рекомендовал болеутоляющее.

Он внимательно наблюдал за Кейт, когда она покидала приемную и, заметив двух мужчин, поспевших за ней к выходу, закрыл дверь и снял телефонную трубку.

— Соедините меня с Чикаго,— потребовал он.

На лице молодого человека играла торжествующая улыбка.

— Посреди смерти зарождается жизнь,— про себя заметил он.

* * *

Кейт лежала на операционном столе, две медсестры держали ее за руки. Голени были крепко привязаны. Кожа на разбухшем животе вздулась. Тело сотрясалось в ритмичных конвульсиях. Кейт тяжело дышала, ее полные слезы глаза остановились на одной из сестер.

— Это скоро кончится,— попыталась та успокоить Кейт.

Дикая боль вновь пронзила ее тело, и женщина зашлась в душераздирающем вопле, чуть было не задохнувшись. Хирург потянулся за скальпелем.

— Я сделал небольшой надрез,— проговорил он,— давить будет не так сильно.

Но только он склонился над Кейт, та опять закричала, и сестра прикрыла ей лицо салфеткой.

Тело Кейт билось в конвульсиях.

— Идет,— крикнул хирург,— держите ее.

Спина Кейт выгнулась, голова резко откинулась назад в очередном вопле, в истошном протесте против того, что с ней происходило.

И тут оно вышло из нее.

Расслабленное тело Кейт дернулось, словно рыба, внезапно пригвожденная ножом. Хирург передал акушерке шевелящийся комочек, будто в молитве глянул себе под ноги и направился к двери. Он даже не сполоснул руки. Медленно двинулся по коридору. Сестра последовала за ним, наблюдая, как хирург подошел к пожилой паре, располо-

жившейся на скамейке. Сестра услышала знакомые и жесткие слова: «Мы сделали все, что было в наших силах».

Старушка упала на грудь мужа и разрыдалась.

— Опухоль оказалась просто гигантской,— констатировал врач.

Медсестра закрыла за собой дверь, повернулась и приняла комочек из рук акушерки. Взглянула на него. Это был мальчик. Медсестра непроизвольно перекрестилась, а затем, внезапно услышав постукивание собачьих когтей по кафельному полу, оглянулась. Огромный черный пес с тяжелыми челюстями подбежал к ней. Сестра опустила ребенка на пол, и собака принялась вылизывать мальчика. Маленькие ручки потянулись к чудовищу; крошечные пальчики вцепились в собачью шерсть. Сестре вдруг почудилось, будто мальчик причмокивает. Она взглянула на мертвую женщину и устремилась к операционному столу, чтобы накрыть тело. Лицо медсестры сморщилось от отвращения, но когда она вновь перевела взгляд на ребенка, на губах ее заиграла улыбка.

— Это плоть от плоти дьявола,— с гордостью произнесла медсестра.

В квартирах, особняках, конторах и на заводах шептали ученики в эти минуты благодарные молитвы. Отчаявшиеся вновь обретали надежду.

А в самом сердце Италии, в монастыре, священник по имени де Карло сидел на узкой койке. Все тело его было покрыто холодным липким потом. Очнувшись от ночного кошмара, де Карло знал теперь наверняка: он проиграл и самое худшее еще впереди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Молодой человек вот уже битый час слонялся по одному из залов ожидания в аэропорту Хитроу. Он то глядел на взлетные полосы, то шатался возле бара, раздумывая не пропустить ли стаканчик-другой, но каждый раз отказывался-таки от этого соблазна. Молодой человек то и дело бросал взгляд на часы. Время от времени он засовывал руки в карман и извлекал лист с напечатанным рядом цифр, пытаюсь, видимо, их запомнить. Никогда он не встречал этого старика, но знал, что обязан иметь в своем распоряжении железные факты, ибо Поль Бухер просто на дух не выносил дураков.

Из громкоговорителя донесся треск: «Самолет компании «Торн Корпорейшн» рейсом из Чикаго только что совершил посадку!»

У молодого человека перехватило дыхание.

«Пассажир Бухер прибудет в зал ожидания через минуту. Спасибо за внимание».

Молодой человек подтянул манжеты и поправил галстук. Председатель компании «Торн Корпорейшн» и владелец львиной доли ее акций — Поль Бухер — являлся самым могущественным и влиятельным лицом в Западном регионе, а это означало, что и во всем мире. Идеи этого человека тридцать лет назад превратили промышленный гигант в крупнейший на земном шаре транснациональный комплекс. Простейшая мысль озарила тогда Бухера, который осознал, что именно пища должна стать наиважнейшим товаром на планете. И теперь «Торн Корпорейшн» представляла собой гигантский производитель удобрений и сои, экспортируемых в страны третьего мира.

Сколько раз молодой человек ошеломлял девушек или сотрудников одной только фразой, принадлежащей Бухеру и ставшей уже притчей во языцех: «В основе нашего процветания лежит голод».

Да, Бухер слыл кем-то вроде героя, живой легендой.

Молодой человек взглянул на взлетную полосу, отыскивая глазами самолет компании. В это время дверь распахнулась, и в зал вошел Бухер — высокий старик с очень прямой спиной и резкими чертами лица. Его седые и выющиеся волосы были аккуратно уложены.

— Мистер Бухер, — начал молодой человек, — моя фамилия Хэррис. Добро пожаловать в Лондон. Меньше всего ему хотелось походить на гида, но слова вылетели сами собой.

— Спасибо, Хэррис, — поблагодарил Бухер. — Спасибо, что встретили.

Хэррису оставалось только надеяться, что он не покраснел от удовольствия.

— Машина в вашем распоряжении.

— Конечно, — проронил Бухер. «Назойливый, мелкий негодяйчик», — тут же решил он про себя.

* * *

Автомобиль мчался по шоссе. Хэррис открыл дверцу бара, но Бухер отрицательно покачал головой.

— Из Ливии есть какие-нибудь новости?

— Никаких, сэр, — сообщил Хэррис.

Бухер кивнул.

— Ладно. Расширьте производство в течение еще трех недель и поднимите ставки на полтора пункта.

Хэррис в недоумении заморгал.

— Но они могут возражать, сэр.

— Они могут возражать сколько им заблагорассудится. Разбудите меня, когда мы приедем.

Бухер прикрыл глаза, а Хэррис задумался над тем, не совершил ли он только что роковую ошибку.

* * *

Резиденция Британского филиала «Торн Корпорейшн» располагалась на южном берегу Темзы. Здание было сооружено в виде буквы «Т» и являло собой меньшую по размерам копию штаб-квартиры компании в Чикаго.

Из своего кабинета на верхнем этаже Бухер мог любоваться раскинувшимися на противоположном берегу зданием Английского банка и другими городскими сооружениями. А слева открывался великолепный вид на дворцы Парламента. Постепенно в привычку председателя прочно

вошло разглядывать эти прекрасные строения во время телефонных переговоров.

Очутившись в своем кабинете, Бухер попросил принести все телексы за последние два дня и велел не беспокоить его в течение часа. Служащие тем временем постепенно собирались в приемной. Они спокойно переговаривались, то и дело приветствуя кивками вновь входящих сотрудников. За час приемная основательно наполнилась людьми.

Секретарша Бухера посмотрела на часы, постучала в дверь и заглянула в кабинет.

— С днем рождения, сэр,— поздравила она.

Бухер улыбнулся, затем обвел взглядом своих подчиненных.

— Спасибо,— поблагодарил он, вставая и кивком приглашая их войти.

Заходили в его кабинет, безукоризненно придерживаясь установленного этикета: сначала три вице-президента со словами: «Поздравляем, Поль», следом за ними управляющие департаментов, затем исполнительные директора компании, чьи лица были знакомы Бухеру лишь смутно и кто обращался к нему непременно «сэр».

Когда, наконец, отзвучали все приветствия, собравшиеся подались в сторону, пропуская вперед мальчика. Тот нес выпеченный в форме буквы «Т» торт с зажженными свечами. Мальчик поставил торт на стол перед Бухером и отступил назад. Бухер улыбнулся, поблагодарил его и подул на свечи. Лишь с третьей попытки он загасил их. В изнеможении Бухер оперся о письменный стол.

На пороге появился официант, вкативший в приемную сервировочный столик.

— Шампанского? — осведомилась секретарша.

— Обязательно,— воскликнул Бухер.

Официант принялся откупоривать бутылку. Бухер поднял фужер, принимая поздравления своих сотрудников.

— Позволь заметить, Поль, ты никоим образом не выглядишь на свои годы.

— Ты хочешь сказать, что я неплохо сохранился?

— Ну, такое я бы не ляпнул, но...

— Сэр, вы сегодня празднуете?

— Нет.

— ...сэр, надеюсь, этот год будет таким же успешным, как и предыдущий.

— Хочется надеяться, что он будет более успешным.

— Конечно, конечно.

Бухер разглядывал присутствующих и в уме пытался прикинуть, кто же из них в состоянии занять его место. Похоже, ни один из собравшихся здесь не способен заменить его — Бухера. Никто из них. Да, пожалуй, и в Чикаго тоже. Бухеру был нужен он сам, только сорокалетний.

— За ваши семьдесят.

Бухер резко оглянулся и увидел Хэрриса, поднявшего бокал. Лицо молодого человека раскраснелось от шампанского. Бухер нахмурился.

— За ваши семьдесят! — повторил Хэррис, скривившись в попытке улыбнуться.

Бухер вздрогнул и отошел в сторону. Рядом тут же появилась секретарша. Улыбаясь, она взяла под руку Хэрриса.

— Я что-то не то сказал? — смутился тот.

— Выведите его отсюда, — мягко приказал Бухер.

Секретарша увлекла Хэрриса к двери, и присутствующие тут же отвернулись от них.

— Да что же я сделал такого? — взвизгнул Хэррис, когда Бухер, подойдя к своему креслу, тяжело опустился в него и прикрыл глаза. Когда он их вновь открыл, возле кресла в одиночестве стояла его секретарша.

— Извините, господин Бухер...

Бухер покачал головой.

— Все в порядке.

— Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

— Разве что добавить еще лет тридцать жизни, — отозвался Бухер.

Улыбнувшись, женщина вышла из кабинета, размышляя про себя, смертен ли вообще Поль Бухер.

В эту ночь Бухер спал беспокойно, он то и дело вздрагивал и что-то бормотал. Женщина приподнялась на локтях и взглянула на него. Впала грудь, выступающие ребра, правая рука подрагивает. Женщина ласково взяла ее в свои руки и погладила ладонь. Бухер нахмурился во сне и опять что-то невнятно пробормотал.

Женщина улыбнулась, тронула его за мизинец и слегка пощекотала. Мизинец тут же обвился вокруг ее пальца, как младенец, ухватившийся за свою мать.

Женщина вдруг почувствовала шероховатость отметины на его пальце: трех девяток, если рассматривать их под одним углом, или же трех шестерок, если глядеть под дру-

гим. Верхушки шестерок соединялись в виде клеверного листочка.

Женщина почувствовала, как цифры пылают, обжигая ее собственную кожу.

Бухер метался по постели, взмахивая свободной рукой, как будто плыл. Губы его шевелились.

— Что ты сказал? — прошептала женщина, еще ниже склоняясь над ним.

— Трижды двадцать и десять, — едва слышно пробормотал Бухер.

— Шш-ш-ш... — женщина крепко сжимала его руку, сам же он так вцепился в ее палец, что отметина оцарапала его. Женщина вскрикнула и попыталась выдернуть руку, но Бухер не отпуская ее.

— Поль, — взмолилась она.

— Трижды двадцать и десять, — выдохнул Бухер. В годину Армагеддона. Семьдесят лет.

Женщина освободила, наконец, свою руку и отодвинулась от него. Губы Бухера продолжали шевелиться, но теперь беззвучно. Женщина взглянула на свою ладонь и заметила, что его родимое пятно отпечаталось на ее пальце, как-будто выжженное огнем. Некоторое время она неподвижно лежала, уставившись на этот знак, затем приложила палец к губам и лизнула его, почувствовав под языком три шестерки. Женщина повернулась, чмокнула Бухера в щеку и, пробормотав благодарность, уснула глубоким и счастливым сном.

Глава 2

Завтракая в своем кабинете, Поль Бухер внимательно просматривал утренние газеты. Все они в один голос восхваляли министра иностранных дел, предложившего устроить встречу между израильтянами и представителями арабских государств. Сторонники Питера Стивенсона с улицы Флит Стрит на все лады превозносили его государственную деятельность, а отдельные журналисты делали невероятно смелые предположения, будто теперь Ближневосточная проблема, наконец, будет решена. Противники ощущали значительно меньший энтузиазм, однако, и им приходилось признать, что министр предотвратил чуть ли не путч.

Бухер улыбнулся. Подобное славословие должно пойти на пользу слегка подмоченной репутации Стивенсона. Обстоятельства требовали, чтобы этот человек приобрел

определенный кредит доверия. Стивенсон, конечно, слаб, а подобные люди, стоящие у кормила власти, как нельзя лучше подходили Бухеру.

Он взглянул на часы и включил телевизор. Ведущий как раз комментировал заявление министерства иностранных дел по поводу предстоящей встречи.

— Ближний Восток,— разъяснял комментатор,— находится с момента образования Израиля в 1948 году в состоянии постоянных конфликтов, но никогда еще кризис не затягивался на такой длительный срок. Бомбардировки Тель-Авива и Иерусалима в течение последних двух лет поставили Ближний Восток и весь мир на грань катастрофы.

Бухер зевнул и вновь уткнулся в газеты, пока на экране не появился Стивенсон. Министр иностранных дел широко улыбался. Стивенсон являлся типичным представителем партии тори. Это был человек с лицом истинного патриция, с благородным, чеканным профилем, о котором мог только мечтать любой киношник.

Бухер внимательно прислушивался к словам Стивенсона, отмечая, что тот даже и не заикнулся о необходимом. Ранее они уже обсуждали сценарий выступления министра. Сейчас же Стивенсон молот какую-то чепуху о трудностях в связи с установлением диалога. Теперь ему якобы удалось собрать людей за круглым столом и он надеется, что все его участники прибудут на встречу непременно с конструктивными предложениями.

Бухер снова зевнул.

— Валяй, валяй,— пробормотал он.— Пудри им мозги. Они это до смерти любят.

Бухер прекрасно понимал, что означала эта намеченная встреча. Знали это и Стивенсон, и участники круглого стола,— всего лишь горстка людей плюс бельгийская прости-тутка, услугами которой регулярно дважды в месяц пользовался министр иностранных дел.

Однако Стивенсон ограничился лишь сообщением о том, что, по его убеждению, никто не ждал от этой встречи чуда.

— Но зато,— заметил он,— пока участники переговоров варились в собственном соку, никто из них не держал палец на спусковом крючке. Тут министр криво усмехнулся и попрощался с телезрителями.

— Жалкий мерзавчик,— сквозь зубы проговорил Бухер. Он раздраженно выключил телевизор. В этот момент звякнул селектор и раздался голос секретарши:

— К вам посол, сэр.

Бухер удовлетворенно хмыкнул и повернулся к двери. На пороге стоял Филипп Бреннан, посол США при Английском дворе. Это был высокий мужчина, которому едва перевалило за сорок, с мальчишеской улыбкой, что равно очаровывало как женщин, так и мужчин и безотказно служило ему в дипломатических кулуарах.

Мужчины поздоровались, и Бухер предложил кофе. Бреннан с удовольствием согласился. Он кивком указал на телевизор:

— Вы видели Стивенсона? Он что-нибудь говорил интересное?

— А,— отмахнулся Бухер,— все те же набившие оскомину выгоды, клише, да и только.

— М-да, в этом-то все и дело. Ближний Восток уже сам по себе избитая тема, клише, как вы изволили заметить.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Бухер, буравя посла взглядом.

Бреннан пожал плечами.

— Полагаю, нам придется довольствоваться этой же самой тягомотиной. Выторговывать Голанские высоты. Выменивать Синай на Восточный Иерусалим. Сохранять наше оружие в небе...

— Ну да, а наши бранные тела на земле,— закончил фразу Бухер.

Усмехнувшись, оба понимающе уставились друг на друга. Еще минут двадцать они проговорили о политике, потом Бреннан посмотрел на часы и сообщил, что пора идти.

На пороге они пожали друг другу руки.

— Вы здесь надолго? — поинтересовался Бреннан.

— Нет. Так, короткий визит, инспектирую сотрудников. Вернусь домой в пятницу.

— Ну, спасибо за кофе...

— Филипп,— произнес Бухер, не выпуская руки посла,— я слышал, вы намерены баллотироваться в Сенат.

Бреннан улыбнулся.

— Мне казалось, что об этом никто не знает.

— Послушайте, я, конечно, не собираюсь рассыпать бестолковые комплименты, но я вполне согласен с теми, кто предрекает вам блестящую карьеру.

Бреннан кивнул, принимая комплимент.

— Вы могли бы пройти весь путь вплоть до Белого дома.

Бреннан опять кивнул, относясь и к этим словам, как к должному.

— Все, о чем сейчас судачат журналисты на каждом углу,— это проблема финансирования.— А у Торна недо- статка в этом нет.

— Приятно слышать, Поль, но не противоречите ли вы самому себе? Я являюсь демократом, а президент, которого вы поддерживали,— республиканец.

— Он слабовольный человек,— заметил Бухер,— и мы очень надеялись, что власть поможет ему хоть немножко возмужать.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

И вновь на лице Бухера мелькнула улыбка.

— Я не предполагал, что это вопрос.

Бреннан распахнул дверь и вышел.

— Еще раз спасибо за кофе. До скорого.

Бухер наблюдал, как посол удалялся. Ему вдруг подумалось, что в Бреннане каким-то неистижимым образом уживаются и стопроцентный дипломат и человек прямо- таки маниакальной честности. Вот здесь как раз и могли возникнуть проблемы. Пожалуй, предосторожность не помешает.

Поразмыслив над этим, Бухер тут же забыл о Бреннане.

И пока его лимузин продирался сквозь вечерние заторы по направлению к Оксфорду,— Бухер на заднем сиденье расслабился и задремал. Предыдущая ночь не освежила его. Обычно — какими бы тягостными не были внешние обстоятельства — Бухеру достаточно было трех-четы- рех часов, чтобы «подзарядить батареи». Однако за последнее время он здорово сдал. Если так будет продолжаться, ему не миновать врача. А пока он будет бороться с усталостью.

В полудреме Бухер вяло размышлял над тем, что может означать для человека его дата рождения. Бухер любил порядок во всем. Ему льстила мысль о том, что он родился в середине месяца на гребне десятилетия. Да и его отец не раз с хитрецей утверждал, что все именно так и было запланировано.

Бухер вдруг вспомнил, как старикан неоднократно говаривал: «Я надеюсь, что в июне 1950 года к моему двадцатилетию ты уже кое-чего достигнешь. А уже к июню 1970 ты уже будешь просто обязан сделать очень много.

Так все и вышло на деле. Его восхождение по служеб- ной лестнице вплоть до поста президента «Торн Корпо- рейшн» было невиданным. Ведь те, кто просиживал штаны,

вроде Билла Ахертонa, решили тогда, что он взлетел слишком высоко, обязательно обожжет себе крылья, а он взял да выжил, оставив всех их далеко позади себя.

Все шло по плану. До того кошмарного дня, когда Дэмьена Торна — последнего из рода Торнов — не предали и не убили. Это случилось восемнадцать лет тому назад, но до сих пор гнев клочкотал в Бухере при одном только воспоминании об этом роковом дне.

Бухер что-то пробормотал и открыл глаза. Он заметил, что шофер бросает на него любопытные взгляды. Бухер достал пузырек с витаминами и отправил горсточку в рот.

Все внутри у него сжалось, когда он вдруг вспомнил, что опять увидит мальчика. Тому уже вот-вот исполнится семнадцать — возраст, когда юноше суждено обрести черты настоящего мужчины. Любопытно, что же это будут за черты, подумалось Бухеру. Ученики сообщали, что мальчик подрос и раздался в плечах.

Бухер почувствовал знакомое жжение. Вот-вот, желудок-то его и прикончит. Он вспомнил слова врача — что-то там насчет стрессов. У каждого человека, — объяснял тот Бухеру, — есть определенный орган, который целенаправленно разрушается. Из-за этого у одного — мучительные головные боли; другой полагает, что у него не больше не меньше — стынет кровь, и это доводит его до сердечного приступа. У Бухера слабым местом являлся желудок.

Только один человек во всем мире мог вызвать в Поле Бухере внутреннее напряжение. Никто: ни политик, ни авторитетный ученый, ни даже президент Соединенных Штатов Америки не имел на него серьезного влияния — только этот мальчик.

Автомобиль свернул с трассы на узкую проселочную дорогу, ведущую к Пирфорду. Водитель притормаживал на крутых поворотах. Вдоль дороги кустарник переплетался и образовывал живую изгородь. Бухер выглянул в окно. Кролики прыснули с дороги в кусты, о лобовое стекло то и дело разбивались бесчисленные насекомые.

— Приехали, сэр, — донесся из селектора голос водителя, когда машина остановилась у ворот.

С того момента, как погиб Дэмьен, здесь в Пирфорде установили новую систему безопасности, и большие стальные ворота открывались теперь с помощью электроники.

Водитель коснулся одного из тумблеров на металлической панели, и створки ворот разошлись. Еще полмили вверх по дороге, и Бухер уже мог различить западное крыло гигантского особняка. Там его ожидает лучший в мире коньяк и пылающий камин. Скоро он сможет расслабиться.

Колеса зашуршали по гравию, и автомобиль затормозил. Джордж, дворецкий, уже застыл в дверях; он принял кейс Бухера и тут же проводил его в дом, пробормотав мимоходом, что ему приятно видеть гостя.

Бухер сходу направился в гостиную и, плеснув в бокал коньяку, внимательно оглядел зал. Особняк являл собой чудесное сочетание изысканности и экстравагантности. Бухер пробежал пальцами по дубовой панели, погладил тяжелые бархатные портьеры и скользнул взглядом по портретам. Роберт Торн; его брат Ричард; Дэмьен. Вздвогнувшись, Бухер поспешил к камину. Несмотря на самый разгар лета, поленья вовсю полыхали. Бухер, в ожидании потирая озябшие руки, повернулся спиной к пламени.

В зал заглянул дворецкий:

— Обед будет готов через двадцать минут, сэр.

Бухер кивнул:

— Как он?

— Порядок, сэр.

— Я могу его видеть?

— Если вы его отыщете, сэр.

Бухер опять кивнул и, прихватив бокал с коньяком, вышел из гостиной. Он пересек холл, поднялся по крутой лестнице на первый этаж и вдоль галереи направился к сумрачному коридору, ведущему в западное крыло особняка. Бухер слышал, как колотится его собственное сердце, он чувствовал, что все внутри у него сжимается. С каждым шагом Бухер приближался к спальне юноши.

Он тихонько постучал в дверь и прислушался. Ни звука не доносилось оттуда. Бухер снова постучал, затем толкнул дверь и вошел в комнату.

Внутри никого не было. В спальне стояла узкая кровать и больше ничего; стены и потолок были выкрашены в какой-то невыносимо тоскливый цвет. Бухер почувствовал резь в глазах и потянулся к выключателю. Но свет не зажегся: лампочка была вывернута. Бухер подошел к кровати и принялся разглядывать настенный коллаж из газетных вырезок. По обе стороны коллажа висели два больших снимка. Правый являлся портретом Дэмьена Торна: голова и плечи крупным планом. На другой фотографии видне-

лась могила и надгробный камень. Бухер всмотрелся в надпись, выбитую на граните и полускрытую кустарником:

КЭТЛИН РЕЙНОЛДС

Возлюбленная дочь

1949—1982

Бухер хмыкнул и еще ниже склонился над постелью, глядя в коллаж. Вот снимок варшавских евреев, которых под прицелом гонят к грузовикам для отправки в Освенцим. На следующей фотографии виднелись следы каких-то массовых захоронений; здесь же висели портреты Гитлера и Иди Амина; застывшего с открытым ртом Муссолини и ухмыляющегося Сталина. На фоне ядерного гриба над разрушенной Хиросимой улыбался Гарри Трумен. Рядом с обуглившимся указателем на Дрезден пускал клубы табачного дыма Черчилль. Генри Киссинджер расплылся от счастья, принимая Нобелевскую премию, и тут же стоял Пол Пот, прислонясь к целой горе черепов и поломанных костей.

Весь коллаж слева направо пересекали начертанные детской рукой красные буквы: РЕПЕТИЦИЯ.

Бухер тяжело и разом выдохнул воздух из легких, отхлебнул изрядный глоток коньяка и с облегчением покинул спальню.

Он прошел в глубь особняка, свернул в другой коридор и почуял собаку раньше, чем заметил ее. Осторожно приблизился к ней, уставившись в желтые горящие глаза, неотступно следившие за ним из глубины коридора. Пес поднял свою массивную, черную голову, медленно встал на лапы и, тяжело ступая, устремился навстречу Бухеру — чудовищный зверь с тяжелыми клыками, мощной шеей и огромным туловищем. От его дыхания за версту несло зловонием.

Собака остановилась, вперив взгляд в Бухера, ее морда оказалась на уровне его живота. Какое-то время застывшие на месте зверь и человек словно гипнотизировали друг друга. Собака принюхивалась, и морда ее слегка покачивалась при этом. Затем пес тихонько зарычал, но отошел в сторону, будто часовой, милостиво разрешивший пройти.

Бухер проскользнул мимо собаки в коридор, подошел к последней двери и поднял было руку, чтобы постучать, но передумал и просто толкнул дверь.

Комната представляла собой круглый, окрашенный в черный цвет зал, потолок поддерживали шесть колонн.

Здесь не было ни единого окна, освещалось помещение единственной черной свечой, прикрепленной к плинтусу.

Колеблющееся пламя выхватывало из мрака деревянное распятие в человеческий рост: скорченная в муках фигура Христа с обращенным к стойке ликом, в ноги и распростертые вдоль перекладины руки были вбиты черные гвозди.

Фигура была обнажена. Из позвоночника торчал кинжал, вонзенный по самую рукоятку, вырезанную в виде Христа, распятого на кресте. В шести футах от распятия Бухер разглядел мужское обнаженное тело. Оно было забальзамировано и находилось в вертикальном положении. Казалось, будто этот забальзамированный труп ничем не поддерживался и стоял сам по себе, распростерши руки ладонями вверх. В остекленевших глазах отражалось мерцающее пламя, и чудилось, что они живые. Рот застыл в сардонической улыбке. Труп как будто на веки вечные устоялся ненавидящим взглядом в сведенный агонией лик Христа.

У ног трупа склонился юноша в черной сутане. Он так крепко вцепился в мертвые ладони, что его запястья побелели.

Бухер напрягся, пытаясь вслушаться в монотонное бормотание молодого человека.

— Отец, даруй мне силы, и пусть твой дух возрастет во мне. Отец, придай мне силы...

Молитве не виделось конца. Лишенная страсти, она звучала безжизненно, и казалось, что юноша сам едва дышит.

Бухер пристально смотрел на него, затем взглянул в мертвое лицо Дэмьена Торна. Заторможенно, скорее инстинктивно, осенил себя искаженным крестным знаменiem, и, пятась, добрался до двери, тихонько прикрыв ее за собой.

Собака не спускала с Бухера горящих глаз до тех пор, пока он не скрылся из виду, затем снова улеглась, наострив уши, будто вслушивалась в безжизненное бормотание юноши.

* * *

Бухер ожидал юношу в столовой. Старик потягивал коньяк и невидящим взглядом скользил по экрану телевизора, а когда вновь оторвал от него глаза, заметил на пороге молодого человека. Тот уже успел переодеться в обычную рубашку и джинсы. Бухер отметил про себя, что вошедший, как и уверяли ученики, действительно повзрослел.

Ростом он был уже почти с отца, а сходство между ними просто поражало.

— Ты выглядишь измотанным,— начал юноша, и Бухер обратил внимание на то, что и голос у него стал более низким.

— Ничего. Это старость,— отозвался Бухер.

— Может, тебе лучше завязать с сексом.

Бухер улыбнулся.

— В старые, добрые времена замечали, что это только на пользу. А сейчас я стал просто как сонная муха.

Юноша сел за стол. В это время дворецкий вкатил в столовую сервировочный столик.

— Ты ведь ко мне с каким-то делом? — поинтересовался юноша, совершенно игнорируя присутствие дворецкого.

Бухер кивнул и полез в карман за отчетом. Не мигая, юноша пробежал его глазами, затем бросил на Бухера острый взгляд.

— А не совершат ливийцы ошибку, как ты думаешь?

Бухер отрицательно покачал головой:

— Мы им здорово защемили хвосты, и им теперь от нас не отвертеться.

Юноша одобрительно кивнул, сложил лист с отчетом и вернул его Бухеру.

— Ладно. Значит, все идет как надо, по намеченному курсу?

Бухер нахмурился. Что-то в этом вопросе настораживало его.

— Ну, я имел в виду, что все хорошо,— улыбаясь, поправился юноша.

— Англичане пытаются устроить в Иерусалиме свой собственный миниатюрный Кэмп-Дэвид, однако это им никак не удастся.

— Отлично,— проронил юноша, заправляя салфетку за ворот рубашки. Он обернулся к дворецкому, поблагодарил того за обед и накинулся на еду. Во время обеда оба едва обменивались фразами. Молодой человек с аппетитом уплетал блюдо за блюдом, сдабривая все это изрядным количеством вина и лишь изредка задавая Бухеру вопросы: «Я слышал, что у Саймона в Кнессете какие-то неприятности...», «Как Бредли управляется в Белом Доме?», «Когда же, наконец, в Зимбабве произойдет переворот?».

Бухер терпеливо отвечал. За это время он уже успел позабыть, насколько умен этот юнец, как на лету хватал он

мельчайшие подробности. Он так похож на своего отца. Правда, ему немного недостает очарования Дэмьена, но со временем придет и оно.

Они уже пили кофе, когда в столовую опять вошел дворецкий. Глядя на юношу, он протянул Бухеру записку:

— Боюсь, что это опять та женщина, сэр.

Юноша зевнул, пока Бухер пробежал взглядом текст записки.

— Она пишет, что присутствовала при твоём рождении, — повернулся к собеседнику Бухер.

Джордж пожал плечами.

— Она торчит здесь уже целую неделю, сэр. Это начинает утомлять.

Бухер вновь взглянул на юношу:

— Она, видимо, жаждет получить от тебя последнее благословение?

Тот снова зевнул. Бухер скомкал записку и швырнул ее в огонь.

— Приведите ее. Только убедитесь сначала, что она действительно та, за кого себя выдает.

— Хорошо, сэр.

Дворецкий вышел, а юноша обратился к Бухеру:

— А ты уверен насчет Бредли?

Бухер вздохнул. Юноша был просто одержим. Похоже, ничего, кроме дел, не занимало его. Никакие события, что могли взволновать любого другого отрока, не касались холодного ума этого человека. Однако это говорило только в его пользу.

Дверь снова открылась, и перед ними появилась старуха. Лицо ее избороздили глубокие морщины. Старуха сидела в инвалидной коляске, ноги ее были укутаны каким-то грубым пледом, а на худых согбенных плечах болтались остатки шали. Суставы на руках были такими разбухшими, что казалось, будто пальцы срослись. Ни шаль, ни плед не могли скрыть ее хрупкости. Бухер вдруг подумал, что старуха весит, наверное, никак не больше восьмидесяти фунтов.

Старуха коснулась кнопки на подлокотнике, и коляска, заскрипев, подъехала поближе и остановилась у стола. Старуха вперила в юношу взгляд. Потом ухватила за пару костылей, прикрепленных к коляске, и с трудом поднялась. Бухер двинулся было ей навстречу, чтобы помочь, но она только отмахнулась от него. Кости у нее затрещали при попытке распрямиться, и когда она встала, наконец, в полный рост, лицо ее оказалось вровень с лицом юноши.

— Я Мэри Ламонт,— представилась старуха.— Я была медсестрой и присутствовала при твоём рождении.

Юноша молчал.

— В тот момент, когда ты появился, у меня начался приступ артрита, и с тех самых пор боль не отпускает меня. Я принимаю лекарства, но от них мне ещё хуже. Во сне мне кажется, что это Бог наказывает меня.

— Он может,— промолвил юноша.

— Я не в силах дольше терпеть эти муки и скоро сведу счёты с жизнью. Но прежде, чем умереть, я хотела видеть тебя. Хоть раз глянуть на то, чему я помогла появиться на свет.

Юноша широко распротер руки и повернулся в профиль.

— Надеюсь, ты довольна.

Старуха двинулась, и вновь раздался скрип ее костей.

— Не благословишь ли ты меня?

Юноша поднялся со стула и в упор взглянул на скрюченную фигуру у старой женщины. Он опустил на ее лоб руки, и она прикрыла глаза. И вдруг, вздрогнув, посмотрела на него:

— Я всю жизнь служила ему. Я помогла и при твоём рождении, и ради твоего отца убила младенца.

Пальцы юноши впились в ее кожу, и лицо его исказилось гримасой негодования.

— Я присутствовала на том сборе, когда отец твой приказал перебить всех младенцев, родившихся в один день с Сыном Божьим. Я выполнила свой долг и всегда надеялась...

— И на что же ты надеялась? — резко перебил юноша ледяным тоном.

— Я надеялась, что именно мне удастся уничтожить Божье Дитя.

— Так вот, твоя надежда умрет с тобой вместе,— яростно отрезал юноша и сделал шаг назад, брезгливо вытирая о рубашку руки, будто они касались яда.

— Вы предали его. Вы все предали его. Сын Божий до сих пор жив. День за днем изливает он на человечество свое снисходительное внимание, свою добренькую, лишенную плотских радостей любовь. И влияние его час от часу возрастает. Он всегда настороже и ожидает меня.

Сын Дэмьена отступил назад, брызжа слюной прямо в лицо старой женщине.

— Вы предали его, и вы предаёте меня.

Старуха беззвучно разрыдалась, слезы струились по глубоким морщинам, собираясь в уголках рта. Она подняла скрюченную руку, чтобы отереть их. Тут юноша снова в упор глянул на нее.

— И ты полагаешь, будто твоя боль — это проделки Бога? — Он покачал головой. — Нет. Бог наказывает человечество за многие грехи. Мой же отец ни за что не карал. Только за предательство. Только этого он не прощал. Не простил и тебе.

Старуха с мольбой глядела на юношу.

— Но я все исполнила, что от меня требовали. Я больше ничего не могла сделать. Что же еще?..

Юноша отвернулся от нее:

— Убирайся отсюда.

Старуха сделала шаг назад и рухнула в кресло-коляску. Ничто более не сдерживало ее слез.

— Пожалуйста, прости меня, — рыдая, просила она.

— Вы предали его. — Он повернулся спиной к старухе. — И пусть душа твоя навеки погрузится в мертвое море лицемерия.

Стон вырвался из старческой груди, и Бухер бросился было к коляске.

— Оставь ее, — сухо приказал юноша. — Пусть катится отсюда.

Бухер застыл на месте, раздираемый желанием хоть как-то успокоить старую женщину и страхом перед силой этого юноши.

Старуха развернула коляску и медленно направилась к двери. В напряженной тишине раздавалось поскрипывание колес и старушечье всхлипывание. Затем дверь захлопнулась.

Поль взглянул на юношу:

— Тебе не кажется?..

Оборвав Бухера на полуслове, сын Дэмьена стремительно прошел мимо него и покинул столовую. Внутри у него клочкотала ненависть.

Глава 3

Добравшись до такси, она уже вполне овладела собой. Старуха даже улыбнулась пару раз шоферу и всю дорогу болтала с ним о каких-то мелочах. Машина притормозила у ее дома. Старуха очутилась, наконец, в своей квартире. Она пересекла гостиную и направила свое кресло-качалку

в святая святых — в спальню, куда вход был строжайше заказан кому бы то ни было.

Все в спальне: и стены, и потолок, и пол — было выкрашено в черный цвет. На стене висели два портрета: Дэмьена Торна и молодой женщины. Из мебели здесь находились только кровать, письменный стол и стул. И еще две книжные полки. На первой стояли библейские справочники и словари, на другой — порнография. Старуха протянула руку и коснулась корешков книг, затем внезапно схватила со стола пресс-папье и запустила им в фотографию Дэмьена Торна. Но силы покинули ее. Пресс-папье ударилось об пол, даже не задев портрета. Старуха чуть не задохнулась от отчаянья. Медленно и с трудом она выпрямилась в кресле, встала, сняла со стены другую фотографию и, как пришибленное насекомое, заковыляла к кровати. Старуха прилегла на постель, не отрывая глаз от портрета, что держала в руках. На нем была запечатлена сама Мэри Ламонт всего за пару месяцев до того, как она покинула отчий дом. Девушку сфотографировал тогда отец. Мэри являла в тот момент классический образчик идеальной девушки: скромная, наивная, недоступная. До тех пор, пока не встретила парня, который сам себя называл «искусителем». И покатилося. А потом наступил хаос.

На первых порах Мэри пыталась противостоять искушениям, однако, единожды переступив черту, она предавалась соблазнам со всей страстью обращенной. В обществе ее приняли безоговорочно, ибо она работала медсестрой и имела доступ к самым сильным наркотикам.

Оргии длились месяцами, дни и ночи сливались воедино. Однажды утром Ламонт очнулась от ночного кошмара, но оказалось, что это был не сон, а действительность. Ее заставили сношаться с огромным псом. Когда Мэри смывала со спины засохшую собачью слюну, она вдруг обнаружила на своем теле маленький шрам — три крошечных шестерки в виде клеверного листочка. А на стене в изголовье кто-то нацарапал слова из «Откровения»:

Кто имеет ум, тот сочти число зверя:
ибо это число человеческое. Число его
шесть сот шестьдесят шесть.

Охваченная паникой, Мэри бросилась к родителям, умоляя простить ее. Она рассказала им лишь часть всей правды, но и этого оказалось достаточно, чтобы родители

отвернулись от нее. И тогда на прощанье ожесточенная Мэри выложила им всю грязную и страшную правду.

Когда Ламонт вернулась в общество к своему «искусителю», ее восторженно приняли, ибо теперь знали наверняка, что она принадлежит им со всеми потрохами.

Старуха прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Она вспомнила, как, следуя указаниям Дэмьена, убила в инкубаторе младенца. Как это оказалось просто! Мэри всего лишь на несколько секунд отключила кислород. Она даже помнила имя этого ребенка: Майкл Томас. Крошечное существо, помещенное в палату интенсивной терапии. Младенец только-только начал набирать вес, когда она отключила кислород.

Старуха опять вздохнула и вновь закрыла глаза...

Расплывшись в белозубой улыбке, над ней склонился невысокий мужчина в сутане. Рядом с ним застыла собака. От ее ошейника пахло почему-то мятой. Мэри взглянула на руки священника и заметила в них спичечный коробок. Мужчина вытянул спичку и зажег ее. Мэри была тогда совсем ребенком, едва-едва на пороге зрелости. Она наблюдала, как священник придвигается к ней все ближе и ближе. Мэри доверяла ему, ведь родители учили ее подчиняться священникам, ибо все они суть Божьи посланцы. Вспыхнувшее пламя ослепило девочку, и, все еще чувствуя запах мяты, она вдруг услышала прямо над ухом: «Ты только вкуси это, если грешна...» Мэри завизжала, когда пламя спички обожгло ей руку.

— Не отступай от пути Господнего, или душа твоя сгорит...

Мэри опять вскрикнула от боли и открыла глаза. Лицо священника нависало над ней, губы его впились ей в щеку. Рука священника вцепилась в грудь Мэри.

— И вечная мука. И плоть сгорает, но земля не принимает ее...

Мэри ощутила на своем теле эти шарящие мужские руки, она вдруг закричала и зажмурила от ужаса глаза, а когда их снова открыла, то увидела перед собой красивого юношу. Мэри поняла, что это Майкл Томас. Юноша был прекрасен, его чудесная улыбка словно прощала Мэри. Рядом с юношей стоял еще кто-то: зыбкий силуэт, надвигающийся на девушку. Этот кто-то касается ее обожженной руки, и его успокаивающий голос велит Мэри довериться Богу, он нашептывает ей: что в Царстве Божьем еще найдется место для нее...

Мэри Ламонт очнулась и тупо уставилась на фотографию Дэмьена Торна, но вместо его портрета, она различала лишь смутные очертания того неясного молодого лица. Слова из только что пережитого видения еще долетали до нее: «Покайся. Еще есть время».

Старуха поднялась с кровати и заковыляла к письменному столу. Достала ручку и бумагу. Крепко зажав в кулаке ручку, она с трудом выводила буквы. Старуха почти вертикально держала ручку, и каждая давалась ей ценой огромных усилий, то и дело заставляя морщиться от боли: «Простите меня, святой отец, ибо я согрешила...»

Старуха писала два часа подряд, и перо, будто само по себе, медленно скользило по бумаге. Закончив, Мэри Ламонт достала конверт и адресный справочник. «Отцу де Карло,— пометила она на конверте,— монастырь Сан-Бенедetto, Субиако, Италия».

На всей земле не осталось другого существа, кому Мэри Ламонт могла бы признаться и покаяться. Де Карло был единственным человеком, который, возможно, понял бы ее и поверил всей этой страшной правде. Старая женщина оглянулась. В комнату пробивались первые лучи расцвета.

Мэри Ламонт дотянулась до телефонной трубки и звала такси.

* * *

Машина мчалась на восток. Возвращаясь в памяти к своему детству, Мэри Ламонт размышляла, простит ли ее де Карло. А вдруг он решит, что ее раскаяние — это всего лишь отчаянная попытка застраховать себя от вечного адского огня. Старуха сжала под шалью письмо и почувствовала, как по щекам опять заструились слезы. Она молча оплакивала себя, свою попусту растрченную, проклятую жизнь и того младенца, которого убила. Мэри Ламонт раскаивалась в том, что помогла когда-то появлению на свет ублюдка...

— Приехали,— прервал ее мысли водитель.

Старуха с трудом вернулась к действительности и тупо уставилась из окна на какую-то контору. Заметив почтовый ящик, она облегченно вздохнула.

— Я опущу, опущу,— с готовностью предложил шофер, но старуха уже выбиралась на костылях из такси.

— Ну сама, так сама,— согласился таксист, терпеливо ожидая ее.

— Вот теперь все отлично,— сообщила старуха, возвратившись в машину.— Второй поворот налево, пожалуйста.

Церковь все еще возвышалась на прежнем месте. Хотя от нее уже оставались одни руины: полуразрушенные стены с покосившейся табличкой «Церковь Святого Луки». Храм, где когда-то крестили Мэри Ламонт, а еще раньше ее отца и деда.

Кое-как выбравшись из такси, старуха несколько минут постояла на тротуаре, который вибрировал под многочисленными отбойными молотками. На одной из церковных стен висела табличка «На снос».

— Неужели на этой земле не останется ничего святого? — еле слышно прошептала старуха, с трудом пробираясь к главному входу. Кости ее разламывались. Мэри Ламонт вдруг резко обернулась. Таксист захлопнул автомобильную дверцу и теперь сидел, прикрыв глаза и, очевидно, решив подремать до ее прихода.

Старуха с трудом ковыляла по тропинке. Массивные дубовые ворота куда-то исчезли. Мэри Ламонт вошла внутрь и подняла голову, разглядывая обвалившийся во многих местах потолок. Она зажала уши, пытаясь избавиться от оглушительного грохота отбойных молотков. Но теперь ногами она еще более отчетливо ощутила их вибрацию. Скамеек не было и в помине, сохранились лишь алтарь и кафедра. Старуха медленно ступала, пряча глаза от всепроникающей пыли. Часто моргая, она добрела до постамента рядом с кафедрой и подняла глаза на большую каменную статую, которую помнила еще с детских лет. Мэри Ламонт застыла, вглядываясь в лицо Христа.

От статуи так и веяло спокойствием. Взгляд Христа, казалось, был устремлен на воображаемую паству, руки Спаситель скрестил в молитве на груди.

Старуха склонилась перед фигурой и начала бормотать молитву, слова которой едва помнила. Внезапно память прояснилась, и она запела псалом. Ее пение словно подхватили отбойные молотки, с новой силой вгрызающиеся в церковное чрево.

Статуя покачнулась, лик Христа чуть не заволокло клубами пыли, поднявшимися с каменных плит. Старуха еле поднялась с колен и коснулась своей шеи. Знак — три крохотные шестерки — исчез.

Мэри Ламонт зарыдала. Но это уже были слезы счастья.

— Я прощена,— прошептала она.

Стена позади нее задрожала, и статуя зашаталась на постаменте. Старуха распрямилась и простерла руки к фигуре Христа:

— Прими меня, Господи, в Царство Твое.

Последнее, что она увидела, было лицо статуи, обрушившейся на нее. Подбородок изваяния расколол череп Мэри Ламонт, а каменные персты пронзили ее изможденную грудь. Старуха успела крикнуть, вложив в этот предсмертный вопль всю самозабвенную радость.

Спустя несколько минут рабочий нашел ее. Ему почудилось, будто он слышал чей-то крик, тогда он взобрался на стену и разглядел оттуда погребенную под статуей старушку, как в прощальном любовном порыве обвившую руками и ногами каменную фигуру Христа. Одна нога старушки еще подергивалась в предсмертных судорогах, из глаз струилась кровь, и этими кровавыми глазами она через каменное плечо Христа взидала на остоленевшего рабочего. И тут ему, уже теряющему сознание, вдруг показалась, что старушка улыбается.

Г л а в а 4

В одном из номеров римского отеля раздался телефонный звонок. Филипп Бреннан, зевая, отстранился от жены, потянулся к телефонной трубке и снял ее. Звонил его секретарь.

— За ночь что-то изменилось в повестке? — спросил у него Бреннан. — О'кей, пришлите депешу с утренним кофе, а я через полчаса спущусь.

Бреннан положил трубку и выскользнул из постели. Маргарет даже не пошевелилась. Эта ночь вымотала их: за последнее время любовь превратилась для супругов просто в грубый, необузданный секс. Маргарет это все более и более нравилось, да и его, пожалуй, возбуждало не меньше, однако иногда все-таки хотелось нормальной человеческой теплоты и нежности. Под душем Филипп сморщился от боли, когда струя воды коснулась царапины на спине. Намыливая губку, он вдруг заметил следы укусов на своей груди. Супруги, конечно, мечтали, что все в Риме будет романтично, однако эта сторона их отношений обернулась просто какой-то ненасытной страстью Маргарет.

Когда Бреннан оделся, пакет с документами уже ожидал его. Филипп медленно потягивал кофе и пробежал глазами последние сообщения разведки из Тель-Авива о передвижениях войск на Голанских высотах. Весь текст инфор-

мационных бюллетеней, все это словоблудие он постиг еще с детства. Мало что изменилось с тех пор. Те же штампы, те же интонации. Пожалуй, значительно возросла только интенсивность событий. Мир словно наполнился страхом и напряжением с тех пор, как у ливийцев появилась бомба.

Бреннана радовало, что во время его нынешней поездки в Рим он выступал в роли наблюдателя; очередной его визит завершался, как правило, заключением какого-либо контракта. Пресса заинтересовалась его приездом, предполагая, что нацелен он на нечто большее, нежели обычная посольская рутина. Журналисты уже напрямую пытались выудить у него информацию о цели посещения. На все вопросы давался стандартный ответ: «никаких комментариев». Пусть думают, что хотят. С него достаточно и собственных планов, что они там припасли для него, интересовало Бреннана постольку поскольку.

Покончив с кофе. Филипп чмокнул спящую жену и покинул номер в прекрасном настроении. Он был готов во всеоружии встретить новый день.

* * *

Несколько позже основные стороны, принимавшие участие в переговорах, подписали совместное коммюнике о том, что дискуссии, проходившие в конструктивной обстановке, явились на редкость плодотворными. Представители прессы держали нос по ветру и умели прекрасно читать между строк. Таким образом они очень скоро пришли к собственному выводу: никаких мало-мальски значимых результатов достигнуто не было. По-прежнему оставался нетронутым целый ворох проблем, не намечалось и проблесков надежды в том, что когда-нибудь воюющие стороны сядут, наконец, за стол переговоров.

Движение Палестинского Фронта Освобождения сплошь и рядом состояло из дюжих молодцов, ветеранов сирийской и ливийской компаний, и для них слово «компромисс» означало ругательство, да и Кнессет с первой же бомбардировки перестал поддаваться давлению извне.

Сложилась очередная тупиковая ситуация, и Бреннан, слушая одну заушную речь за другой, размышлял, сможет ли он сам, заняв пост Госсекретаря, принести хоть какую-нибудь пользу. Выхода из сложившегося положения не было видно. Стоило очередному политику выйти с предложением, тут же находился его противник, отвергавший это самое предложение до того, как его начинали обсуждать.

Погруженный в собственные мысли после утренней встречи, Бреннан пересек фойе. Кто-то окликнул его, затем тронул за плечо. Филипп резко обернулся. Плотный, невысокий мужчина смотрел на него. В руках он сжимал большой кожаный кошель.

— Синьор Бреннан, моя фамилия Фасетти, я из службы безопасности при отеле.— Бреннан кивнул.— Извините за беспокойство, сэр, но вас тут дожидается один человек. Он говорит, что ему необходимо вас видеть.

— А не пошлете ли вы его...

— Он утверждает, будто он монах, сэр,— возразил Фасетти.— Но какой-то он уж больно светский монах.— С этими словами Фасетти вручил Бреннану кошель.— Он принес вот это.

Филипп принял кошель и вытащил из него кинжал. У него перехватило дыхание при виде треугольного лезвия и рукоятки в форме распятия.

— При входе в отель монах поинтересовался, есть ли здесь охрана,— добавил Фасетти.— И когда один из сотрудников службы безопасности вышел к нему, тот заявил, что хотел бы видеть вас. А затем передал моему человеку этот кинжал. Он объяснил, что если бы этот кинжал нашли у него, то могли бы сделать совершенно неверные выводы.

— Точно,— согласился Бреннан. Он слегка провел пальцем по лезвию и тут же прикусил губу: на пальце появилась кровь.

— Монах хочет вам что-то объяснить по поводу этого кинжала. Конечно, мы не собирались беспокоить вас, но...

Бреннан сжал рукоятку и всмотрелся в охваченный агонией лик Христа. Он был заинтригован.

Вернув Фасетти кинжал, Филипп направился к лифтам.

— Пришлите его ко мне наверх,— бросил он уходя.— Интересно взглянуть на этого монашка, а вы позаботьтесь о стилете, ладно?

Поднимаясь к себе в номер, Бреннан до боли сжал руки, ставшие внезапно липкими от пота. Он дрожал всем телом. С самого детства Филипп боялся ножей. Одна только мысль о стальном клинке, входящем в плоть, повергала его в состояние шока. Он не мог представить себе эту боль. А что касается распятия... Филипп вздрогнул. Не впервые задумывался он о религии. К чему постоянно изображать Христа в состоянии этой жуткой агонии? Не удивительно, что многие последователи Спасителя были людьми, мягко говоря, странноватыми. Для самого Филип-

па вся религия сводилась к еженедельному воскресному ритуалу, к условности и не более. Он никогда глубоко не задумывался над ее сущью. Уж как-то так получалось, что к концу второго тысячелетия религия стала играть в общественной жизни далеко не самую ведущую роль.

Маргарет оставила на столе записку, где сообщала, что вернется только к обеду. Тут же лежала пара телексов. Пока Бреннан читал их, в дверь постучали. Открыв дверь, Филипп увидел на пороге Фасетти и молодого человека. Последний был в коричневой сутане и сандалиях. Лицо его освещалось юношеской красотой, с которой, однако, плохо сочеталось напряжение, присущее, как правило, более старшему поколению и сквозившее в каждом жесте молодого монаха.

Бреннан пригласил посетителей в комнату, затем пожал на прощанье руку Фасетти, отступившему на шаг и заявившему, что его работа сводится всего-навсего к тому, чтобы охранять других.

— Ну, со мной-то все будет в порядке,— заверил Бреннан Фасетти.

Монах же улыбнулся:

— Меня зовут брат Френсис,— представился он на прекрасном английском языке.— Из Субиако. Рад, что вы согласились встретиться.

— У меня времени в обрез,— предупредил Бреннан, жестом указывая на стул.

— Едва ли вы поверите тому, что мне предстоит рассказать,— продолжал юноша.— И в общем, я, честно говоря, не рассчитываю на это.— Он помолчал.— Надолго ли вы в Риме, мистер Бреннан?

— Завтра я уезжаю.

Монах вздохнул:

— Прошу вас, отложите ваш отъезд всего на несколько часов. Пойдемте со мной. Меня прислал священник по имени де Карло. Может быть, вы слышали о нем? — Последние слова звучали уже как мольба.

— Нет. Но я не могу...

— Отец де Карло просто не в состоянии путешествовать. Он очень стар. Послушайте, если я скажу, что вы должны помочь, потому что от вашей помощи зависит будущее человечества, то вы, конечно, сочтете все это за... как это называется?

— Мелодрама.

— Да, да. Но если я начну что-либо объяснять вам, то будет еще хуже: вы просто решите, что я сошел с ума.

Единственное о чем я вас прошу — прочтите письмо. Вы можете подумать, что это бред, но это не так.

И сколько Бреннан ни пытался противиться обаянию монаха, оно все сильнее и сильнее действовало на него. Юноша словно обезоруживал Филиппа.

— Вы религиозны, мистер Бреннан?

— Боюсь, что только по воскресеньям,— словно извиняясь, сообщил тот.

— Вы протестант?

— Да.

— Позвольте мне кое-что процитировать.— Монах сложил руки, словно в молитве.— «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками: тогда знайте, что приблизилось запустение его, потому что это дни отмщения; да исполнится все написанное».— Я цитирую Святого Луку.

Бреннан снова взглянул на часы:

— Да, да, но я боюсь...

Он уже достаточно наслушался. Филипп чувствовал себя примерно так же, как тогда, когда к нему явился один из свидетелей Иеговы. Поначалу Филипп был сама любезность, но, в конце концов, счел за благо расстаться со своей напускной вежливостью, уже не зная, как отделаться от столь «высокого гостя».

Монах поднялся одновременно с Филиппом и направился к двери.

— Внемлите этим словам, хотя они и кажутся вам безумными. Отец де Карло приехал в Англию восемнадцать лет назад. Он был свидетелем второго пришествия Христа. Он разрушил физическое тело Сатаны.

Бреннан вымученно улыбнулся и, взяв под руку молодого человека, направился с ним к двери.

— Но дух Антихриста продолжает жить, мистер Бреннан. Только кинжалы могут освободить от него человечество.

Бреннан распахнул дверь.

— Все, о чем я прошу — это прочесть письмо. Пожалуйста, избавьтесь хоть ненадолго от скептицизма. Я позвоню вам завтра.

— Фасетти,— громко позвал Бреннан. Охранник тут же появился в дверях и, слегка потянув монаха за капюшон, увлек за собой из номера.

— До свидания, брат Френсис,— пробормотал Бреннан.

— Дьявольское отродье до сих пор здравствует, мистер Бреннан. Оно должно быть уничтожено.

Филипп поморщился и прикрыл дверь, услышав последнюю фразу монаха: «Отрекитесь от своего неверия во имя Господа...»

Часом позже, сделав все необходимые звонки, Бреннан опустился в кресло и достал конверт. Зевая, он вскрыл его и вытащил шесть листов ксерокопий. Филипп поморщился: запах ксерокса каждый раз напоминал ему о забальзамированных трупах. К листкам прилагалась коротенькая записка: «То, о чем пишег эта женщина,— правда, да поможет нам Господь. Пожалуйста, приезжайте.— И подпись.— Отец де Карло Субнако».

Бреннан разложил письмо на столе и улыбнулся. Подобные писания попадались ему неоднократно. В самом начале своей дипломатической карьеры Бреннан получал кучу посланий — в стиле очевидцев НЛО — как однажды связывал на этот счет его помощник. Теперь подобные письма не путешествовали дальше столов его подчиненных.

«Простите меня, святой отец, ибо я согрешила...» — Бреннан прочел первую страницу и, покачав головой, потянулся к бутылке шотландского виски.

— Господь Всемогуший,— только и произнес Бреннан, расхохотавшись вдруг от души.

* * *

В этот вечер Бреннаны были приглашены на ужин.

Приглашал их Джеймс Ричард, высокий и элегантный мужчина, который говорил на том неподражаемом, свойственном лишь репортерам Би-Би-Си, наречии. Где бы он ни появлялся, из кармана его пиджака неизменно торчала гвоздика. У Ричарда имелся собственный взгляд на ремесло журналиста. Одно из основных профессиональных правил гласило: если какой-нибудь разговор не подлежал огласке, так тому и надлежало быть. Придерживаясь подобного положения вещей, Ричард очень скоро снискал к себе доверие многих политиков. Зато коллеги, наоборот, смотрели на него с некоторой опаской.

Ужинали в ресторане отеля. Пока Маргарет пробиралась к столу, взгляды присутствующих неизменно преследовали ее. Высокая и стройная с копной огненно-рыжих волос, она была одета сегодня в простое черное платье. Бреннан гордился женой. Маргарет прекрасно знала, как себя вести в любой ситуации. Сегодня Филипп был абсолютно уверен в том, что она очарует Ричарда, но до флирта дело, конечно же, не дойдет. Оставшись как-то наедине

с мужем, Маргарет вдруг заявила, что будущей Первой леди необходимо вести себя идеально. В тот день Филипп отшутился, однако через некоторое время понял, что Маргарет говорила тогда совершенно серьезно.

Разговор за столиком переходил от сплетен к спорту, то и дело рассказывались забавные анекдоты. Болтал в основном Ричард, искусно сплетая, казалось бы, тривиальные случаи в невероятные истории. Рассказчиком он был прирожденным. Бреннаны же оказались великолепными слушателями.

И только когда очередь дошла до коньяка, откинувшись на спинку стула, задал вопрос:

— Я слышал, к вам сегодня заглядывал интересный визитер,— как-то очень торжественно объявил он,— из церковников?

Бреннан кивнул. Его нисколько не удивило, что Ричард знает о посещении монаха Филиппу казалось, что журналисту известно обо всем, в том числе и о событиях, еще только предстоящих.

— Молодой человек из какого-то монастыря. Слегка двинутый,— сообщил Бреннан. И начал рассказывать о кинжале. Внезапно он почувствовал, что с ног до головы покрылся испариной. Ладони тут же взмокли.

— А чего он хотел, этот ненормальный монах? — поинтересовался Ричард.

Бреннан пожал плечами:

— Не стану докучать вам деталями. Но вот что вы, к примеру, насчет этой фразочки: «Порождение дьявола живет и, прекрасно себя чувствуя, находится в Англии».

— О Господи,— откинув голову, рассмеялся Ричард.

— Да еще какая-то старуха написала в монастырь. Эту ее историю я не берусь рассказать за ужином.

— Нет, нет, сделайте одолжение,— взмолился Ричард.— Вполне возможно, я пристрою ее в «Нэшнл Инквэйер».

— Вы не сделаете этого,— внезапно подала голос Маргарет.

Ричард улыбнулся ей:

— Конечно, нет. Все это не для огласки. Даже «порождение дьявола» не для публики.

Официант принес кофе.

— Мне кажется,— заявила Маргарет,— нам не мешало бы сменить тему.

Так они и сделали.

Часом позже, уже в постели, Маргарет повернулась к мужу и спросила:

— А что это за история, которую ты отказался поведать нам за ужином?

— Пустая, — зевая, отозвался Филипп.

— Ну расскажи мне.

И тут он угадал в ее интонации настойчивость и знакомые нотки. Какое-то время после свадьбы все эротические фантазии исходили от него, теперь же инициатива полностью перешла к Маргарет, и Филиппа то и дело поражало воображение жены.

— Ну давай же, рассказывай, — настаивала она. Филиппу не терпелось выложить Маргарет, что ему нужен отдых, что он до предела вымотался, но он переборол сон.

— Это отвратительно, — начал Филипп, пока жена устраивалась рядом. — Если верить этой старухе, то один из моих предшественников — Дэмьен Торн — влюбился в англичанку. И поверишь ли, она работала на Би-Би-Си. Несколько месяцев спустя, после того, как Торн умер от сердечного приступа, она родила, — Бреннан хмыкнул, раздумывая, как сформулировать фразу, — ну, не совсем обычным способом.

Он замолчал, ожидая, что жена либо скорчит гримасу, либо рассмеется, однако она словно воды в рот набрала. Чуть позже Маргарет прошептала:

— Дэмьен Торн был самым прекрасным мужчиной, которого я когда-либо встречала.

Филипп мельком глянул на жену:

— Ты его встречала? Я этого не знал.

— Я просто видела фотографию. А когда была школьницей, он мне снился.

И снова воцарилось молчание. Затем Маргарет отвернулась от мужа:

— Как звали эту женщину?

— Кейт, — ответил он, — Кейт Рейнолдс.

— Кейт, — шепотом повторила Маргарет. — Кейт, Катерина, — ее голос походил на шорох, на дуновение ветра. И вдруг она обратилась к Филиппу с английским акцентом:

— Кейт, — опять повторила она шепотом, — зови меня Кейт.

Он придвинулся к жене, понимая, что она имеет в виду.

— Как мне тебя звать? — переспросил Филипп.

— Кейт, — Маргарет, упираясь в подушку, приподнялась на локте.

Пока они занимались любовью, Филипп видел в окне отражение обнаженных тел. Через стекло ночное небо казалось безоблачным, и звезды отпечатывались на их отраженных телах.

Это было едва ли не извращением. Но он испытывал блаженство, наслаждаясь ее голосом с этим непривычным акцентом. Голос звал и манил, требуя делать то, что не поддавалось описанию. Она называла его Дэмьеном и стояла от боли, когда он глубоко проникал в ее плоть.

И когда Филипп случайно взглянул в окно, он вдруг понял, что свет играет с ним плохую шутку: поблескивая среди мерцания звезд, глаза Маргарет пылали желтым, незнакомым пламенем.

* * *

На следующее утро портье, дежуривший у стойки, заметил в вестибюле взволнованного молодого монаха.

— Меня зовут брат Френсис, — представился тот.

— Да, да, — закивал портье. — Здесь для вас пакет. — Он нагнулся и, достав конверт вместе с большим кошельем, вручил все это монаху. Конверт был заново заклеен скотчем. Монах вскрыл его и, заглянув внутрь, вздохнул.

— Можно ли мне переговорить с мистером Бреннаном из 34-го номера?

— Боюсь, что он уже выехал, сэр.

— Он не оставил мне какой-нибудь записки?

— К сожалению, нет, сэр. Только то, что вы держите в руках.

Монах прикрыл глаза, пытаясь сдержать слезы. Брат Френсис размышлял над тем, как сообщить святому отцу, что задание он не выполнил.

Глава 5

Спустя три дня Джеймс Ричард встретился с одним газетчиком. С утра пораньше они заказали себе по коктейлю и сидели теперь, потягивая этот «тонизирующий напиток», как окрестил его Ричард. Он поведал своему собеседнику историю о «таинственном монахе», и теперь мужчины то и дело подтрунивали над ней, называя все это абсурдом. Однако подсознательно приятель Ричарда испытывал что-то вроде тревоги, ибо совершенно точно знал, что однажды уже слышал об этих кинжалах.

Вернувшись в редакцию, он заглянул в кабинет к молодой журналистке и попросил ее зайти к нему.

Кэрол Уает стукнуло 22 года от роду, и на Флит-Стрит она работала всего два месяца, но девушка уже успела завоевать себе определенное имя. Кэрол слыла среди коллег красоткой: миниатюрного сложения, с тонкими чертами лица, лебединой шеей и огромными карими глазами. Левый глаз всегда чуть косил, отчего лицо ее казалось слегка удивленным. А уж стройные ноги Кэрол являлись предметом обсуждения многих мужчин. Да и женщины не прощали Кэрол ее прекрасных ног, постоянно отпуская на их счет всевозможные колкости. Но даже самые отъявленные острословы не могли не признать, что деятельность этой журналистки в их штате имела головокружительный успех.

Кэрол успела доказать, что за хрупкой и чувствительной внешностью может скрываться острый ум и натура весьма тщеславная. Пожалуй, девушка допустила лишь единственную оплошность. Как-то раз она упомянула о том, что в школе ее называли «Бэмби». Это прозвище тут же пристало к Кэрол.

— Итак, Билл,— улыбаясь начала Кэрол, прикрывая за собой дверь в кабинет директора.

— Лето на дворе,— сообщил тот.

— Точное наблюдение,— заметила Кэрол.

— А это означает, что нам необходимы и соответствующие этим жарким денечкам сюжеты.

Кэрол с трудом сдерживала улыбку.

— Я только что трепался с этим коварным Джеймсом, и он напомнил мне об одной старой-старой сказке...

— Отличное начало,— вставила девушка.

— Да, да,— подхватил Билл,— лет пятнадцать — двадцать назад происходили невероятные истории с целой кучей трупов. И этими кинжалами. Ребята из Скотланд-Ярда тогда крепко призадумались. Ты не подымешь наши архивы, а? Все эти материалы шли под общим заглавием, что-то вроде «Казнь распятием». Всего около восьмиста слов. А мы напечатаем эти заметки под рубрикой «Нераскрытые преступления».

— Вы что, серьезно? — удивилась Кэрол.

Но начальник не обратил никакого внимания на ее последние слова. Он развернул свое кресло, показав девушке спину и давая понять, что разговор окончен.

Всю дорогу в библиотеку Кэрол ругалась про себя: «Чертовы заметки. Можно подумать, будто из всего этого выйдет что-либо путное! И вообще этот материал вряд ли

появится на страницах. Билл, видите ли, дурью мается, не зная чем заполнить газетные полосы в эти чудовищно жаркие дни, а она — только попробуй откажись!»

Кэрол выдали папку с газетными вырезками, и она направилась к письменному столу. Ей потребовалось не более получаса, чтобы найти все необходимые заметки. Некоторые вырезки уже пожелтели от времени, они разве что не рассыпались в руках у девушки.

Пальцы Кэрол почернели от типографской краски: в те времена еще не знали офсетной печати. Журналистка поморщилась. Чем-то жутким повеяло от следов этой старой краски, этих древних заметок, повествующих об убийствах давно минувших времен. Перебирая газетные вырезки, она внезапно поняла, что ими уже пользовались, девушка улыбнулась. Заголовок, длиной в целую полосу, гласил:

ТРАГИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ ПРОКЛЯТЬЕ СЕМЕЙСТВА ТОРНОВ

Кэрол пристально вгляделась в снимок, где явственно просматривался кинжал. Рукоятка его была вырезана в форме распятого на кресте Христа. Девушка вздрогнула и потянулась за ручкой.

Сама статья интересовала журналистку лишь постольку-поскольку, автор рассказывал в ней всю историю семьи Торнов. Однако постепенно, по мере того, как Кэрол вчитывалась в текст заметки, интерес ее начал возрастать.

«Безвременная» смерть, настигшая вчера тридцатидвухлетнего американского посла в Британии — Дэмьена Торна, — явилась заключительной главой трагической истории династии Торнов, представители которой все как один страшно и внезапно гибли.

Дэмьен Торн скончался в своей постели от сердечного приступа. Эта трагедия сама по себе необычна».

Кэрол взглянула на портрет Дэмьена. Тут же помещался целый ряд фотографий поменьше, каждая с подписью. Роберт Торн, отец Дэмьена, застрелен на ступенях лондонской церкви, таинственного убийцу так и не нашли. Катарина, мать Дэмьена, разбилась насмерть, выпав из окна клиники. Там она находилась после выкидыша. Это несчастье произошло в Пирфорде. Ричард и Анна Торн — дядя и тетя Дэмьена — словно сквозь землю провалились с того самого дня, как сгорел их семейный музей. От кровоизлияния в мозг умер тринадцатилетний двоюродный брат Дэмьена Марк.

Статья делилась на два раздела. Один из них назывался «Пирфорд, особняк ужасов». Под снимком, где был сфотографирован дом, помещалась история о няне Дэмьена, которая повесилась прямо в оконном проеме. Здесь же, в Пирфорде, покалечилась и Катарина, что, в конечном итоге, привело ее к трагической гибели.

Другой раздел повествовал о смертных случаях за пределами Пирфорда. Исполнительный директор компании «Торн Индастриз» Ахертон утонул во время хоккейного турнира в чикагском поместье Торнов. Он провалился под лед в тот день, когда праздновали тринадцатилетие Дэмьена.

Другой исполнительный директор компании Пасариан погиб в своей лаборатории как раз в тот час, когда для Дэмьена и его одноклассников устроили экскурсию по заводу.

При жутких обстоятельствах скончалась и журналистка. И это после того, как она взяла у Ричарда Торна интервью. Кэрол Уат инстинктивно перекрестилась, чем вызвала усмешки у юных посыльных, расположившихся напротив, но девушка не обратила на это внимания.

На железнодорожных путях гибнет и директор музея Торнов. Несчастный случай. Но уже вечером того же дня дотла сгорает сам музей в Чикаго.

Казалось, список не имеет конца. Кэрол потеряла усталые глаза и продолжила чтение.

Эндрю Доил, предшественник Дэмьена на посту американского посла в Лондоне, покончил жизнь самоубийством в своем кабинете. До причин так и не докопались...

Неизвестный мужчина сгорел в телевизионной студии, когда там находился Дэмьен, участвующий в передаче...

Два неопознанных трупа нашли в районе Корнуэлла, где охотился Дэмьен. В руках одного из погибших был зажат кинжал, другой такой же валялся возле второго тела...

Кэрол сделала пометку. Все эти случаи имели прямое отношение к тому, что ей необходимо было выяснить. Автор статьи не делал никаких выводов, подчеркивая лишь то, что трагедии проникали в семью Торнов, словно вирусные заболевания.

Кэрол сделала фотографии со всех этих материалов, а затем позвонила пресс-атташе в Скотланд-Ярд. Уже спустя полчаса она в компании сотрудников полиции сидела в одном из пивных баров.

Молодой человек всячески старался услужить Кэрол. Ему не часто приходилось пить пиво с подобной женщиной. Обычно на его долю выпадали в основном репортеры из уголовной хроники. Все они, как правило, были чудовищными занудами.

Молодой человек взглянул на снимок и поморщился:

— Оружие нападения,— констатировал он.

— А в вашем музее есть такие же?

— М-м. Пять штук.

Кэрол растерянно заморгала. Похоже, все это превосходило даже самые смелые ожидания.

Чуть позже они стояли перед застекленной витриной в небольшом зале Скотланд-Ярда. Этот зал назывался «Черный музей». Каждый кинжал был пронумерован. Сквозь стекло к ним были обращены пять ликов Христа.

— Несколькими кинжалами закололи одного беднягу, которого тоже никто не смог опознать. В какой-то заброшенной часовне,— пояснил молодой человек, глядя в документы.— Тоже в Корнуэлле. Нас, ясное дело, пригласили для расследования, вот почему эти кинжалы здесь.

— Можно мне полистать дело?

Он протянул девушке документы:

— Один кинжал лежал у него в кармане, два других торчали из его спины... Кстати, а как насчет того, чтобы перекусить?

— Нет, спасибо,— мило улыбаясь, отказалась Кэрол.— Мне пора возвращаться.

Оказавшись в редакции, девушка прямоком бросилась к кабинету Джеймса Ричарда.

— Ричард на месте?

Секретарша Ричарда, внушительная особа, ревниво охраняла своего босса. Она тщательно ощупала взглядом Кэрол:

— Вы откуда?

— Я просто репортер. А где он?

— В Эль-Вино. Но он там...

— Спасибо,— бросила Кэрол и хлопнула дверью.

Девушка без труда отыскала Ричарда в винном погребе. Он, казалось, с головой ушел в беседу. Вообще этот погребок являлся чисто мужским заведением, и женщин допускали сюда весьма неохотно. Так, им не разрешалось, к примеру, торчать у стойки бара или просто даже заказывать спиртное.

Кэрол пробралась через толпу выпивох и нос к носу столкнулась с Ричардом. Она обворожительно улыбнулась, поздоровавшись с ним.

Ричард удивленно уставился на девушку.

— Кэрол Уает,— подсказала та.— Из отдела новостей. Мы как-то встречались. Можно вас на пару слов?

Ричард извинился и отошел с Кэрол в сторону.

— Извините, что вот так вторгаюсь..,— начала девушка,— но я работаю над очерком и думаю, вы могли бы наставить меня на путь истинный.

— Ну, если вы так считаете,— Ричард был польщен.

— Билл рассказал мне, что вы как-то в Риме обедали с Филиппом Бреннаном...

— Это было личное дело,— перебил он, насторожившись.

Кэрол протянула Ричарду ксерокопию статьи:

— А не мог ли это оказаться именно тот кинжал, о котором говорил Бреннан?

Ричард вгляделся в снимок:

— Думаю, вполне мог. Ведь Бреннан упоминал о рукоятке именно такой формы. Но, дорогая моя, я бы не советовал вам беспокоить его. Я не хочу, чтобы вы...

Но Кэрол уже проталкивалась к выходу, бросив на прощанье «спасибо».

* * *

Кэрол быстренько накатала очерк о пяти кинжалах и — только избавилась от него — тут же вцепилась в телефонную трубку. Пресс-атташе в Американском посольстве долго и нудно объяснял ей, что если она хочет встретиться с послом, то необходимо действовать по официальным каналам. А это означало, что надо подать письменное прошение и обязательно указать круг вопросов, подлежащих обсуждению.

— Считайте, что это уже сделано,— бодро заверила посольского служащего Кэрол и потянулась к фирменным газетным бланкам.

Через полчаса экспедитор с письмом Кэрол уже мчался в сторону Гросвенор-Сквер. А девушка откинулась на спинку кресла и улыбнулась про себя. Значит так, она, конечно, безбожно нарушает этикет. Ну и что из этого? Если ее босс разбушует — подумать только, она не поставила его в известность — или Ричард выкинет какой-нибудь фортель, тогда Кэрол просто прикинется дурочкой

и сошлется на юношеский пыл. Но зато, если бы ей удалось проследить связь между этим римским кинжалом и цепью неразгаданных смертей...

На это следовало поставить: овчинка стоила выделки. Здесь пахло настоящей сенсацией, а не этой, каждодневной тяготиной.

«Личное дело, ха,— вспомнила Кэрол.— Высокомерный сноб».

* * *

На следующее утро она вскочила ни свет ни заря. Сегодня у нее был выходной, и Кэрол точно знала, что собирается делать.

Накануне девушка отыскала в справочнике «Английские особняки» все необходимые сведения о Пирфорде. Она выяснила, что Пирфорд являлся образцом грандиозного строения в сельской местности. Сооружен он был еще в 17-м веке и располагался на участке парка в четыре сотни акров. Комнат в нем насчитывалось шестьдесят три. Два крыла. Пристройку соорудили, правда, в 1930 году, но спроектирована она была с большим вкусом и нисколько не нарушала общего вида особняка. Неподалеку от дома находился чудесный пруд, где обитала форель. И теннисные корты, и сад, и огород...

Кэрол потребовалось около часа, чтобы добраться из Лондона в эти места. Чем ближе подъезжала журналистка к усадьбе, тем добросовестнее пыталась вообразить себе этакий замок с привидениями. Конечно, окажись особняк таковым в действительности, это могло бы отпугнуть Кэрол. Но она никак не могла сосредоточиться на чем-нибудь мрачном и устрашающем. Все кругом купалось в ярком солнечном свете, непрерывно заливались жаворонки. Посмеиваясь над своим куцым воображением, Кэрол подкатила к главным воротам.

Кэрол затормозила и слегка подала машину назад, затем, взглянув на ворота, внимательно осмотрела дорогу и нажала на газ. Девушка проехала мило, еще одну, и еще полмили, все время поднимаясь в гору. Наконец, она бросила машину у обочины и отправилась пешком через поле. Там, внизу находился дом.

Кэрол долго любовалась особняком, размышляя над тем, сколько лет подряд понадобилось бы ей строчить статейки, вроде этого очерка про кинжалы, чтобы оплатить хотя бы месячное содержание подобного домика.

Стена достигала футов десяти в высоту, но камень уже кое-где крошился. Кэрол еще раз внимательно осмотрелась по сторонам и вдруг почувствовала острое желание бросить все и помчаться домой, подождать, пока ей разрешат проинтервьюировать посла, а уж там что из этого получится...

Но любопытство оказалось сильнее. Да и от кого убудет, если она просто поглазееет на все это? А если ее обнаружат — так наверняка и случится, она опять-таки прикинется дуручкой и заявит, что подумала, будто это просто стена в парке — так, сама по себе. И все сказанное будет сдабриваться самой ослепительной и обезоруживающей улыбкой.

Кэрол сунула ногу в выбоинку, подтянулась и легко взобралась на стену.

* * *

Жужжание системы безопасности вывело юношу из оцепенения. Он дотянулся до кнопки телевизионного слежения и нажал ее. На экране возникла молодая женщина, сидящая на стене. Какое-то время она находилась в неподвижности, затем, соскользнув вниз, легко приземлилась на газон.

Юноша почувствовал, что волосы становятся дыбом, и тут же услышал, как пошевелилась собака. Она уставилась на монитор и, оскалив пасть, глухо рычала. Морда ее как-то нервно дергивалась при этом, обнажая клыки.

Юноша тронул собаку, и она взглянула на него, словно ожидая приказа. Он вцепился в ее шерсть. Лоб у пса сморщился, как будто собака нахмурилась. Затем она вновь посмотрела на экран. Ее дыхание было тяжелым, и слюна стекала прямо на ковер.

Юноша потянулся к монитору и увеличил изображение. Он напряженно вглядывался в экран, следя за женщиной, которая уж больно целенаправленно пересекала лужайку, будто прекрасно осознавала, куда ей идти.

Юноша всматривался в девичье лицо, в эти огромные, бездонные глаза и все крепче и крепче сжимал пальцы, так, что собака взвыла, но он не отпускал ее. Затаив дыхание, он видел только то, что происходило на экране. Девушка уже пересекла внешнюю границу, и лицо ее теперь казалось расплывчатым. Она пробиралась сейчас сквозь густой кустарник. Задетая ветка хлестнула девушку по лицу, и она застыла на месте. Теперь он смог разгля-

доть даже слезы в ее глазах. Подбородок у нее задрожал, и она поднесла к лицу руку.

Юношу вдруг охватили странные и не испытанные доселе чувства. Он внезапно ощутил, что ему безумно хочется смахнуть с лица этой девушки слезы и успокоить ее. Но собака в этот момент зарычала, и юноша на мгновение отпрянул от экрана, продолжая заворуженно следить, как девушка снова пошла вперед. Он отрегулировал монитор и наблюдал теперь, как она высоко, словно балерина, поднимает колени, переступая через низкорослый кустарник.

Скоро она окажется в нескольких сотнях ярдов от особняка. Вскочив на ноги, юноша бросился вон из комнаты, устремился вдоль бесконечного коридора и сбегал вниз по лестнице. Собака мчалась по пятам. Не переводя дыхания, он достиг боковой двери, толкнул ее и выскочил во внутренний дворик. Он направлялся к лужайке, отдавая себе отчет в том, что, если он себя обнаружит, девушке уже никогда не покинуть усадьбу.

Кэрол тем временем выбиралась из кустарника на подстриженную лужайку. Особняк ошеломлял своим видом, но человеческим духом здесь и не пахло. Девушке вдруг почудилось, что в этом дворце в полнолуние обязательно собираются мужчины во фраках и женщины в роскошных бальных платьях. Здесь любой мужчина мог выпить из женской туфельки шампанского и при этом ни в коей мере не прослыть дураком. Кэрол хмыкнула. На этот раз с воображением проблем не было. Кэрол коснулась пальцем того места, где ее оцарапала ветка, и провела рукой по своим прикрытым глазам. А когда их вновь открыла, то увидела перед собой молодого человека. У Кэрол перехватило дыхание, и она, как школьница, зажала дрожащей ладонью рот.

Юноша этот был самым прекрасным существом, которого девушка когда-либо встречала в своей жизни.

— Привет,— как-то жалко пробормотала Кэрол.

Он кивнул в ответ и молча уставился на нее. Кэрол улыбнулась и шагнула ему навстречу.

— Кто вы? — поинтересовался юноша.

Его диалект не поддавался определению. Голос глубокий, такой называют среднеатлантическим.

— Меня зовут Кэрол, а вы кто?

— Что вы здесь делаете?

— Осматриваю парк.— Девушка широко улыбнулась, но юноша не мигая смотрел на нее. Обычно мужчина хоть

как-то реагировал на ее улыбку, а этот даже не шелохнулся.

— Это не парк.

— Ну да! А я думала...

— Это частная собственность.

— Неужели?

Все внутри Кэрол напряжилось, она с минуты на минуту ожидала того, что ее вот-вот выгонят отсюда взашей. При этом ей, конечно, объявят, что она забралась на запретную территорию. Но Кэрол была готова и даже приберегла на этот случай нужные фразы. В конце концов, ни один мужчина, будь он самым что ни на есть раскрасавцем, никогда еще не одерживал верх над Кэрол.

— А дом не хотите ли осмотреть?

— Спасибо, с удовольствием...— Приглашение прозвучало столь неожиданно, что девушка запнулась на полуслове и молча последовала за юношей. Когда они подошли к парадному входу, из-за угла показалась огромная собака. Девушка замерла на месте, уставясь в глаза чудовища. Животное зарычало, шерсть на нем взъерошилась. Юноша взглянул на собаку, и та тут же успокоилась.

Кэрол вздохнула:

— Никогда в жизни не встречала такую...

— Это овчарка,— перебил Кэрол юноша.— Когда-то такие пасли стада, а также с ними ходили на охоту. Овчарки могут бегать с огромной скоростью. Конечно, они устают. Но стоит им вцепиться в кого-нибудь, да хотя бы в оленя...— Он вдруг улыбнулся, а Кэрол отвернулась.

— Ненавижу любой кровавый спорт,— призналась она.

— Да уж,— согласился юноша,— вы-то наверняка ненавидите.

Они вошли в дом, собака бесшумно шла по пятам. Кэрол поморщилась от жуткого запаха псины. Оказавшись в центре холла, Кэрол внезапно застыла, приоткрыв от изумления рот. Она рассматривала все эти корзины с цветами, высокую галерею и представляла, как оттуда падала Катарина Торн. Удивительно, что она еще осталась жива, рухнув на голые мраморные плиты.

Кэрол вернулась к действительности, когда юноша вновь обратился к ней:

— Можете сами все осмотреть,— бросил он мимоходом и устремился вверх по лестнице, оставив девушку наедине с собакой.

— Большое спасибо.— Кэрол слегка оторопела, затем обернулась и снова взглянула на страшного пса. Тот по-прежнему не сводил с нее глаз.

«Так вот где все происходило»,— подумалось девушке. И вовсе не походил этот особняк на замок с привидениями. Кэрол пересекла холл и заглянула в гостиную, потом вновь обернулась назад и искала глазами молодого человека. Тот будто сквозь землю провалился. Поначалу казалось, что очаровать юношу не составит труда. Тогда-то она и выспросит у него все необходимые сведения об этом доме. Но этот таинственный молодой человек куда-то запропастился, и ей, похоже, выпадал печальный удел осматривать этот роскошный особняк в одиночку.

Кэрол огляделась по сторонам. Собака тоже словно сгинула. Девушка осталась совершенно одна.

* * *

Юноша неподвижно стоял в часовне. Он вглядывался в отцовские глаза, и губы его двигались в немой молитве. Он потянулся к рукам своего родителя и крепко сжал их.

— Прости меня, отец, за мое недостойное поведение,— еле слышно проговорил молодой человек. Затем, отступив на шаг, оборотился к фигуре Христа:

— Ну,— презрительно бросил он,— ты в который раз пытаешься надуть меня. Теперь ты присылаешь мягкотелую соблазнительницу ко мне, как когда-то посылал такую же к моему отцу. Чтобы она тут наставила меня на путь истинный? Ты искушал его, а теперь искушаешь меня этими никчемными чувствами... Пытаешься слезами жалости и дешевой похотью ослабить мой дух?

Юноша обошел крест и, взявшись обеими руками за рукоятку кинжала, вонзил его еще глубже в затрещавшее дерево.

— А вот тебе результат,— яростно воскликнул он, вырывая кинжал. Еще какое-то мгновение юноша смотрел на распятие, затем возвратился к забальзамированному трупу и обошел его кругом. Он нежно провел пальцем по спине отца. Под пятым позвонком зияла глубокая рана. Сын слегка коснулся ее дрожащими пальцами и снова взглянул на кинжал.

— Соблазнительница оказалась убийцей,— прошептал молодой человек.— Стоило только отцу повернуться спиной.

— На какое-то время юноша словно остолбенел, затем кинулся к распятию и, ударив кулаком прямо в лицо Христа, вонзил кинжал в позвоночник Спасителя. От усилия он чуть не задохнулся.

— И тебе кажется, что ты уже знаешь, как соблазнять,— тут юноша уставился в очи Христа.— Ты уверен, что победил искус, но, похоже, твои сорок дней и ночей ничему тебя не научили. Ведь ты подослал ко мне эту смазливую пигалицу, чтобы сбить меня с единственно верного пути и повести совершенно другой дорогой. Но эта дорога приведет меня только в болото, в тупик. Где нет места ничему, кроме бестолковых устремлений и глупых амбиций.

Юноша покачал головой:

— Но тебе это не удастся. Ты проиграешь.— Прикрыв лицо рукой, он прошептал: — Ты рожден девою, а я...— Не закончив фразы, юноша отвернулся.— Ты будешь вечно стоять за моей спиной, Назаретянин,— вымолвил он.

* * *

Впечатлений у нее накопилось предостаточно. Солнце уже закатилось, становилось прохладно.

Внезапно в нос Кэрол опять ударил трупный смрад, и она поморщилась от этого жуткого запаха. Девушка повсюду ощущала присутствие собаки, но юноши нигде не было видно. Кэрол почувствовала озноб: тоненькая блузка и летняя юбчонка практически не согревали. Кэрол захотелось бежать отсюда, из этого дома, забраться в свою машину и умчаться куда подальше.

Девушка распахнула дверь и выскочила на дорогу. Тут же споткнувшись, она поняла, что сломала каблук. Кэрол сбросила туфли и босиком побежала по дороге, вздрагивая от шороха гравия под ногами.

Внезапно налетел ветер. Когда Кэрол выбралась на лужайку, ей вдруг показалось, что за ней наблюдают. Девушка огляделась по сторонам, ожидая увидеть собаку, но вокруг не было ни души. Сначала медленно, а затем убыстряя шаг, Кэрол направилась к кустарнику. Через несколько секунд она уже стремглав неслась к темнеющей полоске кустов. Страшная вонь преследовала Кэрол. Этот запах вернул девушку к одному кошмарному воспоминанию. Она тогда вволю погуляла на своем восемнадцатилетии и здорово перебрала шампанского. Ее тошнило. Шел проливной дождь, а ей пешком пришлось добираться до

дома из-за этих ужасных приступов тошноты. Сейчас ощущение было схожим. Чем дальше Кэрол убегала от дома, тем невыносимее становился запах и привкус во рту.

Кэрол продиралась сквозь кустарник, застревая в его ветвях. То и дело цеплялась она голыми ногами за корни, еле сохраняя равновесие. Быстро темнело. И ночь наступила внезапно, словно в тропиках.

Кэрол перестала соображать, куда идти. Но она продолжала двигаться, а ветки то и дело хлестали ее по лицу и попадали в глаза. Все это походило на какой-то ночной кошмар, где девушка убегала от преследования и просыпалась в холодном поту. Кэрол оцепенела от мысли, что за ней охотятся. Она и filmy-то со сценами преследования не выносила.

Девушка остановилась. Впереди, похоже, кустарник начинал редеть. А за ним растет трава, потом будет стена и, наконец, ее маленький автомобиль.

Кэрол бросилась к просвету, пробежала несколько метров и вновь остановилась, опять ткнувшись в густые заросли кустов. Она обругала себя за неумение ориентироваться.

Кэрол дрожала. Обхватив себя руками, она наобум продиралась к открытому пространству. Если она будет идти, никуда не сворачивая, то все равно рано или поздно выберется к стене. Судя по всему, так и должно быть. Какова площадь поместья? Четыре сотни акров? Да, рано или поздно она найдет стену и выкарабкается из этого Пирфорда.

* * *

А собака молча преследовала девушку, держась на расстоянии ярдов пятидесяти. Она замирала на месте, когда останавливалась Кэрол. Пса переполняла жгучая ненависть, и ему с трудом удавалось сдерживать себя, чтобы не броситься в речушку. Возле кустарников он уже почти нагнал ее. Чудовище опять застыло, как изваяние, приняв хиваясь и наблюдая, как Кэрол бежит по жесткой траве. Затем собака резко рванула с места и галопом помчалась вперед...

Кэрол ничего не видела и не слышала. Усилилось лишь зловоние. Девушка так и не заметила чудовища, пока оно не нагнало ее. Кэрол обернулась в тот момент, когда собака прыгнула на нее, сбив с ног. Кэрол даже не успела крикнуть. Она попыталась тут же вскочить на ноги, но

собака вновь повалила ее на землю, вцепившись в лодыжку.

Сцепив челюсти, пес яростно мотал головой, и огромные клыки рвали сухожилия, вгрызаясь в кость.

Кэрол закричала. Собака мельком глянула на нее и отбежала в сторону, устроившись неподалеку от девушки. Животное не сводило с Кэрол глаз...

Крик замер в ее горле, она уткнулась лицом в траву, царапая пальцами землю и пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться, чтобы справиться с болью. Кэрол понимала, что у нее порваны связки, и боль пронизывала всю ее ногу от лодыжки до бедра. Кэрол стошнило, но это только усилило боль. Девушка попыталась подняться на здоровую ногу, но не смогла даже двинуться.

Кэрол поползла, прикусив от боли губу. Ей бы только добраться до стены, а уж там кто-нибудь да поможет. Обязательно ее обнаружит и поможет.

Битый час ползла Кэрол десятков ярдов. А сверху из-за поворота за ней наблюдали юноша и собака. Девушке казалось, что пролетела целая вечность, пока она звала на помощь. Затем Кэрол разрыдалась.

Но вскоре затихли и рыдания. Тогда юноша двинулся в ее сторону. На четвереньках. Когда он приблизился, девушка снова шевельнулась и, приподняв голову, попыталась взглянуть через плечо. Юноша застыл, как вкопанный.

Начинало светать. Кэрол, наконец, затихла. Тогда юноша приблизился к ней вплотную.

* * *

Ей снились шакалы и гиены, и грифы, разрывающие падаль. Тут же какие-то мужчины из недавно виденного ею фильма затягивали ремни на своих пленниках, чтобы те не могли бежать.

Кэрол открыла глаза и увидела влажную от своей слюны землю.

Расцарапанные руки болели, нога онемела. Может быть, это и к лучшему. Кэрол приподняла голову, и тут резкая боль вновь пронзила девушку. Кэрол обернулась и вдруг наткнулась на взгляд юноши. Тот был совершенно голый и стоял на четвереньках. Кэрол попыталась улыбнуться, заговорить, но не смогла издать ни звука и решила, что это скорее всего продолжается ночной кошмар. В глазах

юноша светился желтоватый отблеск, дыхание его было точно таким же зловонным, как и у собаки.

Юноша склонился над телом Кэрол, и она жалобно захныкала, не понимая, что он собирается с ней сделать. Девушка еще успела почувствовать, как его острые зубы коснулись ее шеи, как будто пощекотали, пытаюсь что-то нащупать. Она широко раскрыла глаза и собралась было крикнуть... Последнее, что она услышала, было довольное рычание в тот момент, когда его челюсти сомкнулись на ее сонной артерии. А после для Кэрол ничего не существовало на этой земле.

Глава 6

Предчувствия не обманули Кэрол Уает. Ее статья о кинжалах так и не вышла в газете, этот материал приберегли для другого случая, однако из отдела информации он разошелся по всему миру. И уже через неделю после гибели Кэрол эту статью прочитал в Чикаго один старик. Просматривая как-то журнал, старик чуть было не выронил из дрожащих рук чашечку кофе.

Наскоро старик пробежал глазами всю статью и тут же бросился к телефону. Он позвонил священнику. Затем направился в свой кабинет и склонился над книгой. Найдя интересные его сведения, старик позвонил в журнал. Там ему сообщили искомый телефон в Лондоне. Положив трубку, старик испытал что-то вроде тщеславия. До чего же он смел и предприимчив, ну прямо настоящий частный детектив!

Несколько позже он связался с отделом информации.

— Меня зовут Майкл Финн,— представился он.— Я из Чикаго. Не могу ли я переговорить с одним из ваших репортеров? С Кэрол Уает?

— И я бы этого хотел,— хмыкнул в ответ мужской голос,— она отсутствует уже целую неделю. А по какому поводу вы звоните?

Пока Финн объяснял по телефону цель своего звонка, в дверь постучали, и в комнату заглянул невысокий худощавый мужчина. Он был одет в серый костюм с церковным воротничком. Финн кивком пригласил его войти, указывая на стул. Закончив говорить по телефону, он протянул священнику руку и как-то уж больно драматично вручил ему журнал.

Священник читал неторопливо.

— Да,— протянул он наконец,— разве это не странно?

— Очень,— согласился Финн.

Они вспомнили тот день, когда Финн случайно наткнулся на аукционе на эти кинжалы. Священник тогда увез их в Италию, в монастырь Субиако.

— Если бы мы только знали,— сокрушался священник,— нам следовало бы оставить их на прежнем месте.

— Вспомните хорошенько,— настаивал Финн,— ведь этот итальянец даже не объяснил, что он собирается с ними делать.

— Не объяснил,— согласился священник.

Финн покачал головой, не в силах отделаться от ощущения, что он каким-то образом несет ответственность за гибель людей, упомянутых в журнале.

— А вы не в курсе, этот де Карло еще жив?

Священник пожал плечами:

— Понятия не имею, но вы ведь можете позвонить в монастырь?

Финн кивнул, вновь ощутив непонятный внутренний прилив сил.

— А если он жив, вы поедете со мной?

— Зачем, что это даст?

— Это удовлетворит ваше любопытство.

Священник покачал головой:

— Ну, мое любопытство не столь велико. Кроме того, у меня есть определенные обязательства перед приходом.

— Да, конечно,— согласился Финн.— Но вот у меня как раз выпадает отпуск в ближайшее время, а что может быть летом лучше Рима?

— Да, действительно,— подхватил священник.

* * *

В свои шестьдесят лет Финн крайне редко выбирался за пределы родного города. Все, чем он жил и дышал, сводилось к чтению книг или изучению древней истории. Финн являлся признанным экспертом в своей области. Вдобавок, во всей стране трудно было сыскать наиболее полную коллекцию библейских текстов. Пожалуй, ценнейшим экспонатом в ней можно было бы назвать один из фрагментов рукописи, найденной у Мертвого моря. Древний папирус хранился в кабинете, в специальном стеклянном сейфе, оберегавшем реликвию от дальнейшего разрушения. Финн пользовался среди коллег безусловным авторитетом, однако о нынешней жизни имел весьма смутное представление. И потому в тот момент, когда Финн при-

стегивал в самолете ремни, он вдруг испытал сильное волнение.

А ведь как он, упаковывая вещи, ликовал в душе, как радовался этому необъяснимому стеснению в груди, прощаясь с женой. Конечно же, стремясь всеми силами разгадать эту тайну, Финн отдавал себе отчет и в том, насколько опасной может оказаться предстоящая авантюра.

Пока самолет набирал высоту, Финн вдруг ощутил себя снова молодым, будто с души его стряхнули накопившуюся пыль, а мозг освободили от затянувшей его паутины. И тогда Финн окончательно нарушил все свои заповеди, заказав у стюардессы коктейль.

Ученый ни минуты не потратил на осмотр римских достопримечательностей. Прямо в аэропорту он взял напрокат машину и отправился на восток, в сторону Субиако. Времени на экскурсию по Риму будет еще предостаточно. Но после того, как он встретится с де Карло.

Наступали сумерки, а он все петлял по дороге, сверяя маршрут с картой. И вот, наконец, Финн заметил монастырь на вершине холма — полуразрушенное здание из темного камня.

Ни одно окно не светилось. Да и самих окон-то Финн не смог толком разглядеть. Он, как когда-то и отец Дулан, невольно вздрогнул. Ученого охватило ощущение причастности к истории и к бесконечности. Таких чувств Финн никогда не испытывал в Чикаго.

Финн затормозил, выключил мотор и окунулся в абсолютную тишину. Поднимаясь по стертým каменным плитам к тяжелой дубовой двери, ученый беззвучно шевелил губами, произнося молитву. Всю жизнь он протирал штаны, закопавшись среди книг в своей библиотеке, а здесь впервые столкнулся с чем-то реальным. Финн находился сейчас в таком месте, где знания накапливались веками. Он вдруг почувствовал собственную никчемность, ощутив себя песчинкой.

Приблизившись к входу, Финн уловил низкие, монотонные мужские голоса. Они читали молитву. Ученый стукнул тяжелым, металлическим молоточком в дверь, и этот удар разнесся по всему зданию, но монахи, похоже, даже не прервали молитву. Финн дожидался еще очень долго, прежде чем дверь, наконец, отворилась. Монах, чье лицо скрывал капюшон, молча смотрел на ученого. Финн представился, и монах пропустил его внутрь.

— Мы рады вашему приезду, — монах говорил на чистейшем английском языке.

— Надеюсь, что не окажусь непрошеным гостем.

— Отец де Карло счастлив видеть вас. Теперь уж его никто не навещает.

— Как он?

— Душа его в муках.

Финн последовал за монахом вниз по проходу и дальше вдоль узкого коридора. Пахло плесенью и таким страшным запустением, что ученый опять вздрогнул.

Монах остановился перед дверью и, постучав, толкнул ее. Финн вошел в крошечную каморку и увидел на узкой койке старика.

Дулан когда-то описывал мужчину крепкого сложения, с волевым лицом, высокими скулами и орлиным профилем. Финн был, конечно, готов увидеть перемены. Но он никогда не мог предположить, что время может оказать такое разрушительное воздействие.

Сморщенная кожа обтягивала голый череп, старик едва-едва ковылял, причем каждое движение доставляло ему чудовищную боль, особенно когда он пытался сесть.

Финн никак не мог начать разговор.

— Простите, святой отец, вы себя, вероятно, не очень хорошо чувствуете...

— Я-то чувствую себя хорошо,— возразил де Карло.— Это весь мир болен.

— Да, конечно,— Финн слегка растерялся и, повернувшись, благодарно улыбнулся монаху, который поднес ему стул. Ученый присел на краешек и полез в карман за статьей Кэрол Уает.

— Вы получили мое письмо?

Священник кивнул:

— Когда вы обнаружили кинжалы, вы что-нибудь знали об их предназначении?

— Только то, что они идентичны рисункам, которые я когда-то встречал, и то, что они, возможно, из древнего города Мегиддо.

— Совершенно верно. Из подземного города близ Иерусалима, этот город раньше назывался Армагеддон.

— Ну а еще мне показалось, что эти кинжалы имеют и кое-какую историческую ценность,— продолжал Финн.— Может быть, ими даже пользовались при изгнании дьявола.

Де Карло улыбнулся:

— Нет-нет, все это детские игры. Эти кинжалы гораздо более значимы.

Финн протянул священнику статью:

— Я почти забыл о них, пока не наткнулся вот на это.

Де Карло прищурился и пробежал текст очерка. Когда он прочитал статью, на его глазах выступили слезы. Священник смахнул их кончиком рукава и снова обратился к Финну:

— Я хочу, чтобы вы кое-что выслушали. Только, пожалуйста, не перебивайте меня.

Финн согласно кивнул, и священник начал свое повествование.

Де Карло рассказал, как в этой самой комнатенке, будучи еще только послушником, он присутствовал на предсмертной исповеди священника по фамилии Стиллетто, который подпал под сатанинское влияние и который способствовал появлению дьявола, существа, родившегося от мерзкого союза Сатаны и шакала.

Финн растерянно заморгал, но промолчал.

После появления на свет этого ублюдка его подложили вместо новорожденного младенца — сына Роберта и Катарины Торнов. А Роберту Торну сказали, будто его ребенок умер при рождении и что Господь пожелал, чтобы Торн вырастил вместо своего сына другого младенца, оставшегося сиротой. До этого у Кэтрин Торн случались несколько выкидышей, и этот шанс был, пожалуй, последний. Роберт согласился. Он сказал жене, что у них родился сын. Они назвали его Дэмьеном.

— Ребенок этот обладал колоссальной разрушительной силой, — продолжал де Карло. — В конце концов, Роберт Торн узнал правду. Он отправился в Мегиддо, и ему отдали семь кинжалов. Но он не успел уничтожить ребенка. Роберта убили.

Финн ладонью прикрыл глаза, а де Карло попросил монаха подать ему стакан воды, а затем принялся вновь рассказывать о том, как Дэмьен Торн стал во главе «Торн Корпорейшн», компании, которая контролировала питание большей части человечества, как это отродье окружило себя учениками и как с каждым днем росли его сила и влияние...

— Но потом мои молитвы были услышаны, — усталым голосом произнес де Карло. Вы обнаружили кинжалы. Ваш знакомый священник привез их мне. То была воля Божья. И вы действовали, как посланник Божий.

Финн сделал глоток, но так ничего и не смог произнести.

— С шестью святыми братьями отправились мы в Англию, чтобы уничтожить Дэмьена Торна.— Де Карло засунул руку под матрас и вытащил оттуда кинжал. Финн невольно отпрянул, пораженный холодно блеснувшей сталью клинка и необычной рукояткой.

Это был точно такой же кинжал, какой Финн уже однажды видел. И тут ему в голову пришло, что если этот сумасшедший священник все-таки говорит правду, то его, Финна, вполне могут обвинить в пособничестве убийству.

— И вы, священник, собирались убить человека? — недоумевая спросил он де Карло.

— Дэмьен не был человеком,— возразил священник ровным голосом.— Он был Антихристом.

Де Карло протянул ученому кинжал. Финн приглушенно хмыкнул.

— Я понимаю, насколько вам трудно поверить во все это. Даже вам, человеку верующему. Но еще сложнее было понять и принять эту правду Роберту Торну, но в конце концов он поверил. Точно так же, как и Кейт Рейнолдс. Именно она вонзила этот кинжал в спину Дэмьена Торна.— Де Карло опустил оружие на колени Финна, и тот уставился на лик Христа.

— Я думал,— снова заговорил де Карло,— что нам удалось его уничтожить. Но надежды оказались тщетными.— Де Карло вздохнул и устало откинулся на спинку кровати.

Финн легонько тронул острие. И тут же ощутил непонятное желание вскочить и броситься вон отсюда. Но силы его покинули.

— Вы, конечно, хорошо знаете тексты книги Откровений? — поинтересовался священник.

Финн кивнул.

— «И дано было ему вести войну со святыми, и победить их,— промолвил де Карло,— и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем»,— наизусть читал он слова Откровения.— Сегодня на всей земле нет ничего более могучего, чем «Торн Корпорейши».

Финн в глубоком сомнении покачал головой.

— Можно ведь как угодно толковать Библию.

— Конечно,— согласился де Карло.— Последователи Антихриста именно этим и занялись. Они по-своему интерпретировали тексты. В свое время существовал священник по фамилии Тассоне, он помогал при рождении Антихриста. Потом этот Тассоне раскаялся, он-то и предупредил Роберта Торна, что время пришло. Евреи вернулись

не землю обетованную. Голод распространился по всему миру. Политики зашли в тупик.— И де Карло вновь повторил пророчество Иоанна Богослова.— «Это суть бесовские духи, творящие знамение; они выходят к царям земли и всей вселенной, чтобы собрать их на брань в онный великий день Бога Вседержителя... И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон»...— Священник взглянул на Финна.— Вы знаете, как надо толковать Библию. Знаете и то, что Христос возродится и ему вновь предстоит очутиться лицом к лицу с Антихристом. Битва за Израиль состоится в Армагеддоне.

Финн кивнул.

— Христос уже родился,— заявил де Карло,— я сам видел Его.

Финн прикрыл ладонью свое лицо. Ему вновь нестерпимо захотелось убежать отсюда. Но он не в силах был даже шелохнуться и слушал как замороженный.

— Дэмьен Торн приказал своим ученикам перебить всех младенцев мужского пола, родившихся в один день с Христом. Ученики умертвили сотню детей. Христос же остался цел и невредим.

На глаза ученого набежали слезы. Де Карло нежно коснулся его плеча.

— Я знаю,— произнес священник,— человеку мучительно постичь это, особенно такому человеку, как вы. Ведь вся ваша жизнь сводилась к исследованиям и кропотливой работе в библиотеке. Но, пожалуйста, прочтите вот это послание и убедитесь сами.— Де Карло протянул руку к полке, висящей над кроватью, и вытащил два конверта, один из которых вручил Финну.— Сначала прочтите это письмо. Оно было написано мужественной женщиной незадолго до ее гибели. Прочтите и поверьте.

По обратному адресу было ясно, что женщина эта проживала в северо-западной части Лондона. Финн перевернул последнюю страницу и взглянул на подпись. Имя ни • чем ему не говорило.

— Прочтите,— повторил де Карло.

На этот раз слова прозвучали как приказ.

Финн вернулся к началу послания и принялся молча читать: «Святой отец, на следующей неделе я ложусь в клинику на страшную операцию. Мне объявили, что лечение будет длительным и мучительным. Я не верю в положительный исход, в то, что останусь жива. Вы лучше других знаете, что я не драматизирую события и менее всего склонна к мелодрамам, так что вы вполне сумеете

воспринять все нижесказанное не как бред сумасшедшей. Я смотрю на свое тело — измученное и страдающее — и чувствую ужасную, терзающую боль. Определенные выводы напрашиваются сами собой.

Вы единственный человек, кому я могу написать обо всем и поведать о своем ужасе. Боли мои начались вскоре после того, как вы покинули Англию. Сначала я толком и не обратила на них внимания. До тех пор, пока не обнаружила у себя опухоль. Врач направил меня к онкологу, который регулярно обследовал меня по мере того, как увеличивалась опухоль. Разумеется, он избегал слова «рак». Даже и сейчас он не произносит этого слова. Врач уклончиво называет его «образованием», то и дело подсовывая мне рентгеновские снимки.

Однако я уверена, что это «разрастание» не совсем опухоль. Я убеждена в том, что это не мои рентгеновские снимки.

Святой отец, это проклятое «образование» шевелится во мне. Это какой-то ночной кошмар, ставший явью.

Я никогда не рассказывала вам, но, выражаясь вашим же языком, мы с Дэмьеном были последнее время «плотью единой». И если я не выйду из клиники живой, это письмо, я полагаю, станет своего рода исповедью. И вы прочтете его в том случае, если я умру.

Я не верю в Бога, несмотря на все Ваши слова о Дэмьене. До сих пор я не в состоянии принять весь этот ужас. Все, что я знаю, состоит в следующем: человек по фамилии Дэмьен Торн попытался забрать у меня сына, он заколол мальчика, а я, в свою очередь, убила Дэмьена. До сих пор в моих ушах сохранился этот звук капающей крови и треск кости, когда я вытаскивала кинжал из спины моего Питера. И тот же звук, когда я всаживала кинжал в спину Дэмьена. Это все, что я знаю. Дэмьен для вас — Антихрист. А для меня он был очень привлекательным мужчиной со странным родимым пятном — и не более того.

Иногда по ночам меня одолевают смутные видения. Будто эта штукавина внутри — это... это... Но не буду продолжать. Ибо вы человек, верующий в душу, и в дьявола, и еще Бог знает во что. Например, когда мне снятся сны хорошие, я знаю, что Вы наверняка сказали бы, будто это Сын Божий меня успокаивает. Может быть, может быть. Но мне надо идти в клинику.

Помолитесь же за меня, отец де Карло. В любом случае от ваших молитв не случится ничего худого. А если я заблуждаюсь и мой скепсис — это цинизм, Ваши молитвы, возможно, и помогут мне».

Финн взглянул на священника.

— Переверните страницу,— попросил тот.

Финн сделал это и прочел постскрипtum на обороте: «Я сношалась с дьяволом, святой отец. Моя грудь истерзана, а новая жизнь зародилась гнусным образом, не в утробе. Это чудовищный грех, святой отец. Помолитесь о моей душе. Пожалуйста».

Де Карло пояснил:

— Постскрипtum датирован утром того дня, когда Кейт Рейнолдс отправилась в клинику. На следующий день она умерла. Письмо было переправлено мне из нотариальной конторы ее адвокатом.

Финн мрачно покачал головой:

— Бедная женщина. Найдут ли когда-нибудь средство от рака?

— У нее был не рак,— еле слышно возразил де Карло.

Финн удивленно уставился на священника. Де Карло вновь заговорил:

— Она оказалась последней жертвой Дэмьена Торна. И она родила от него сына.

С этими словами он протянул Финну второе письмо. Финн молча взял его и, шевеля губами, углубился в чтение: «Простите меня, святой отец, ибо я согрешила...»

Закончив читать, ученый посмотрел на священника. В лице его не осталось ни кровинки.

— Этого не может быть. Это бессмыслица.

Де Карло опустил голову:

— А зачем ей было лгать?

— Да при чем тут лгать? Это бред сумасшедшей.

— О нет. Подобный вывод — слишком одностороннее предположение, если хотите. Она не лгала. Она как раз впервые оказалась, так сказать, в себе. С тех самых пор, как душой ее завладел дьявол.

Финн хотел было что-то возразить, но де Карло жестом велел ему молчать:

— В ту ужасную ночь я вместе с Кейт Рейнолдс похоронил ее несчастного сынишку, а тело Дэмьена Торна мы так и оставили на алтаре, чтобы оно распалось само по себе. Вместе с кинжалом я вынес тогда надежду, что наступит новая эра. Но надежда оказалась, увы, тщетной. Ученики нашли его тело. И объявили, что Дэмьен Торн

скончался от сердечного приступа. Их врач подтвердил эту ложь. Предположительно, Дэмьена захоронили в Чикагском семейном склепе.

— Я знаю,—как-то нервно перебил священника Финн.— Я видел это по телевизору.

Де Карло взял у него письмо. Священник медленно двигал пальцем по подчеркнутым строчкам: «И каждый кинжал необходимо вонзить по самую рукоятку.— Он тихо продолжал.— Кинжалы должны составить крест. Удар первого кинжала особенно важен. Он уничтожает жизнь физическую и образует центр креста. Следующие удары отнимут жизнь духовную. Все это должно быть совершено на освященной земле. Нас, апостолов дьявола, учили, чтобы мы были как можно более убедительными. Чтобы мы не допустили этого».

Де Карло глубоко вздохнул и отложил письмо.

— Все, чего мы добились, это уничтожили тело Антихриста. Душа его осталась невредимой и воплотилась ныне в этом гнусном ублюдке — его сыне.— Де Карло прикрыл глаза и заговорил шепотом.— Когда его извлекли на Свет Божий, я тут же почувствовал это. Мы не сумели исполнить наше предназначение. Все мои братья во Христе погибли, стало быть, напрасно. И только месяц назад я получил это письмо и понял свою ошибку. Мы не знали всего. Мы просто не знали.

Финн с трудом поднялся, колени его дрожали. Голова кружилась. Ему вдруг показалось, что он постарел здесь лет на десять. Он чувствовал себя совершенно разбитым.

Де Карло открыл глаза и медленно произнес:

— Все, что я вам тут рассказал, записано на этих листах. Забирайте их и письма и поезжайте в Лондон. Там обязательно повстречайтесь с американским послом. Он поможет.

— Почему? — удивился Финн.— С какой стати он должен мне помогать?

— Он — человек мужественный. Кроме этого, он обладает и властью, и влиянием. Ему не трудно будет заполучить все кинжалы. Он сможет то, чего не сможете вы. А главное, он молод. А вы, как и я, стары и слабы. И хотя дух ваш, возможно, крепок, плоть ваша...— де Карло не договорил, улыбнулся и, с трудом поднявшись с койки, потянулся к Библии.— Обещайте это мне,— попросил он.

Финн пытался открыть рот, но слова застревали в горле. Де Карло взял его ладонь и положил на Библию:

— Обещайте мне это во имя любви к Господу Богу. Финн склонил голову:

— Обещаю.

— Тогда преклоните ваши колени,— промолвил де Карло.

Они опустились на колени. В этой крошечной келье читали они молитву: отец де Карло произносил ее по латыни, а Финн с трепетом повторял, почти не осознавая, что делает.

Поднявшись, священник положил свои руки на плечи Финну и вымолвил:

— Постарайтесь убедить посла. Когда он будет готов, я вышлю кинжал.— Тут он улыбнулся и добавил: — Христос укажет вам путь. Доверьтесь ему и молитесь. Он вновь ступит на землю. Я это знаю. Я видел Его.

Собрав документы и письма, Финн направился к двери. Подойдя к ней, он вдруг вспомнил, что не задал еще один вопрос:

— А что случилось с первым, настоящим ребенком Катарины и Роберта Торнов?

— Он был убит,— бесцветным голосом произнес де Карло.— Первая жертва в длинном списке.

Финна охватила дрожь, не покидавшая его до того момента, пока он не отъехал от монастыря на приличное расстояние.

И тут у него возникло жуткое сомнение.

Глава 7

Звонили из Рима. Сняв трубку, священник Томас Дулан терпеливо ожидал, пока установится связь. В голове внезапно мелькнула абсурдная мысль, будто звонят прямо из Ватикана. Услышав голос Майкла Финна, отец Дулан был слегка разочарован. А когда священник опустил трубку, он уже вовсю проклинал себя за проявленную слабость. Отец Дулан пристально разглядывал висящее на стене распятие и никак не мог взять в толк, что же заставило его согласиться. Это же святотатство. И уж по крайней мере нарушение закона.

Однако священник тут же принялся уговаривать сам себя, что Финн — это истинный слуга Божий. Ведь это благодаря стараниям Финна церковный купол над головой Дулана был великолепно отреставрирован. А впереди еще предстоит восстановление органа. Вечно там что-то или ломалось, или разваливалось на кусочки. Томас Дулан был

человеком практичным и прекрасно осознавал, чего стоит промысел Божий. Ибо для спасения души требовалась еще и финансовая поддержка. Вот ради нее-то он и пойдет на поступок, о котором его просил Финн.

Отец Дулан набрал только что записанный телефонный номер. Голос на другом конце провода был сама любезность. Знакомый Финна предлагал всяческую помощь.

Примерно час блуждал священник в поисках нужного адреса. Наконец он нашел его и встретился со знакомым Финна. Тот вручил ему какой-то странный аппаратик, и отец Дулан помчался в сторону кладбища, расположенного в Северной части. Такси притормозило у ворот, и он заплатил по счетчику. Дулан вылез из автомобиля и принялся рассматривать аппаратик. Прибор обладал широким основанием, ручкой с набором цифр, как в телефоне, и маленьким экраном. Все это крепилось на трехфутовом стержне. Человек, вручивший отцу Дулану странный аппарат, с гордостью заявил, что на сегодняшний день эта штука-вина является самым чувствительным и точным прибором на службе как профессиональных геологов, так и любителей-самоучек.

Священник набрал несколько цифр. Он настроил прибор на глубину шесть футов и включил его. Раздалось слабое жужжание, внезапно экран вспыхнул и на нем возник фрагмент верхнего земельного слоя Чикаго. Дулан от изумления протер глаза, а затем взглянул на небо. Ночь стояла ясная, над головой ни единого облачка. Дулан поднял детектор и, направив его на звезды, снова взглянул на экран. Ровным счетом ничего. Прибор действовал только в радиусе пятидесяти футов. Жаль, подумалось Дулану. Вот если бы аппарат функционировал без ограничений, можно было бы, пожалуй, обнаружить обитель нашего Создателя.

Дулан отключил прибор и, отворив кладбищенские ворота, выставил перед собой детектор, как если бы он подстригал траву на газоне. Это было ухоженное место. Оно являло собой последнее прибежище всех богатых обитателей Чикаго. Здесь же висел и список лиц, настаивающих на перезахоронении своих близких.

Ирландская душа Томаса Дулана попыталась было взбунтоваться против подобных мероприятий, однако сам этот факт в значительной степени облегчал выполнение святотатственной, как ему казалось, задачи.

Склеп Торнов располагался неподалеку от озера — округлое сооружение из гранита, разбрасывающее вокруг

себя лунные блики. Двойные дубовые двери были закрыты, но они тут же распахнулись, стояло только Дулану дотронуться до них.

Изнутри склеп не представлял собой ничего особенного. Круглый зал, сплошь уставленный обелисками с металлическими гравированными табличками. Зал освещался единственной свечой, стоящей в алькове. Дулан обратил внимание и на то, что на стенах склепа не виднелось ни одной надписи.

Священник обошел весь зал. Он с интересом рассматривал металлические таблички. Здесь была увековечена память четырех поколений семейства Торнов. На самом крупном обелиске отчетливо виднелась гравировка: «Памяти Роберта и Кэтрин Торнов. Памяти Ричарда и Анны Торнов. Мир праху их, да упокоятся их души».

Дулан отступил на шаг, огляделся по сторонам и, заметив посреди зала большую мраморную плиту, так и впился в нее глазами. Надпись на плите гласила: «Дэмыен Торн, 1950—1982» и ни слова больше. Но даже после смерти Дэмыен Торн занимал здесь главенствующее место. Дулан припомнил церемонию похорон. Он наблюдал ее по телевизору. Какие-то люди вносили в семейный склеп гроб, телевизионные камеры выхватывали то отдельные лица скорбящих, то двери склепа... В ушах священника до сих пор раздавался голос диктора, повествующего о трагической смерти Дэмыена Торна.

Дулан вновь включил прибор. Внезапно на священника нахлынула волна ужаса, и по его спине поползли мурашки. Не один раз присутствовал он при перезахоронениях, однако сейчас ему нестерпимо хотелось убежать отсюда, оставив это тело в покое. Вцепившись в ручку прибора, Дулан приказал себе не отступать. В конце концов это не займет много времени, и скоро он покинет наводящее ужас место.

Священник взглянул на экран. Но ничего, кроме земли, не увидел. Тогда он настроил прибор на глубину пяти футов. В фокусе оказался глиняный пласт, напомнивший Дулану почему-то шоколадную плитку. Гладкий и нетронутый пласт, точь-в-точь такой, каким он был миллионы лет назад.

Дулан приблизил прибор к мраморному надгробию. Сам он стоял уже прямо над могилой на гравированной табличке. Священник вновь взглянул на экран. Структура почвы менялась. Земля казалась здесь более рыхлой, встречались камешки.

Дулан увеличил четкость изображения. Настроил прибор на глубину пять футов и один дюйм, затем пять футов и два дюйма.

И тут у него перехватило дыхание. На экране вспыхнуло изображение гроба из красного дерева. Дулан невольно перекрестился. В мозгу почему-то тут же промелькнула дурацкая мысль о том, что после смерти у покойника отрастают волосы и ногти, и Дулан уже приготовился к этому зрелищу. Зажмурившись, он дотронулся до циферблата на приборе и, собравшись с духом, открыл глаза.

На экране виднелись камни. Ровный слой каменных обломков. Нахмурившись, Дулан настроил прибор еще на пару дюймов вниз: и снова одни только камни. Еще глубже на четыре дюйма. Основание гроба. Вверх на восемь дюймов — экран опустел.

Дулан лихорадочно работал, передвигая прибор по всей плоскости надгробия, пока не осознал окончательно: кроме камней, в гробе Дэмьена Торна ничего не было. Гроб был пуст.

Священник наконец выключил прибор и тупо уставился на надгробную плиту. Потом с тем же бессмысленным выражением лица покачал головой и пробормотал: «Надо бы хлебнуть чего-нибудь крепкого. И порядочную дозу».

* * *

Далеко-далеко от этого места, в часовне, стоял на коленях юноша. Он вцепился в руки своего отца, и губы его двигались в безмолвной молитве. Пот струился по лицу и рукам юноши, отчего даже мертвые ладони Дэмьена Торна покрылись влагой. Лицо юноши напряглось, жилы на висках вздулись...

В этот момент внизу, в Пирфордском парке, огромная собака запрокинула массивную морду, а затем, повернув ее на запад, испустила жуткий, леденящий вой...

* * *

Бармен в небольшой забегаловке неподалеку от Чикагского кладбища был человеком широким и терпимо относился к человеческим слабостям. Вот и на этот раз он не обратил ровным счетом никакого внимания на тщедушного человечка с какой-то металлической штуковиной в руках. Этот тип так неудержимо опрокидывал одну рюмку за другой, будто завтра собирались объявить сухой закон.

Прикончив очередную порцию, человек вышел. «Наверное, отправился звонить жене,— подумалось бармену,— сейчас будет плакаться, лепетать всякие извинения».

А Дулан в который раз набирал телефон междугородней:

— Пожалуйста, соедините меня с Римом.

— Минутку.

— Пожалуйста, постарайтесь, чтобы на этот раз линия была свободна.

Он непременно должен дозвониться, чтобы хоть кто-нибудь мог разделить с ним это потрясающее открытие. Дулан набрал номер и ждал.

— На проводе, сэр.

— Слава Богу,— пробормотал священник, барабанив пальцами по стене.

— Но, к сожалению, нужного вам человека нет сейчас на месте.

— Пожалуйста, попросите, чтобы его искали.

— Минутку, сэр.

Эта минутка ожидания обернулась для Дулана вечностью. Наконец он услышал голос Финна. Внезапно за спиной священника нестройный хор пьяных голосов разом грянул какую-то песню, и Дулану пришлось заткнуть одно ухо. Он весьма сумбурно и бегло пересказал все, что успел выяснить. Когда Финн благодарил священника, тому совершенно отчетливо послышалось в его напряженном голосе крайнее волнение. Дулан в изнеможении привалился к стене. «Ладно, пропущу напоследок еще одну, и пора домой»,— мелькнуло у него в голове.

— А, так вы священник,— полюбопытствовал бармен.— Мне вот тоже частенько приходится выслушивать тут всякого рода исповеди,— добавил он.

— Неужели? — Дулан уставился в пустое рюмочное донце и раздумывал над очень серьезной проблемой. «Пойдет или не пойдет следующая,— прикидывал он в уме.— Да, здорово я сегодня набрался. Зато шок прошел». Теперь он сможет уснуть сном младенца, и его больше не будут мучить кошмары.

Священник шагнул из дверей бара в ночь. И тут его снова охватила дрожь. Погода менялась. Поднявшийся ветер нагнал на озеро рябь; облака, набегающие с востока, стремительно уплотнялись и укутывали луну.

Дулан распахнул кладбищенские ворота, намереваясь пересечь кладбище и дойти до ближайшей стоянки такси.

— Это самый короткий путь,— бросил напоследок бармен.

Спотыкаясь, Дулан брел по тропинке. Он прижимал детектор к груди, словно индеец свое заветное оружие. И вдруг почувствовал острый приступ тошноты. Да, не стоило ему пить столько виски, да еще вдобавок и пива. К таким дозам его организм просто не привык.

Дулан мельком глянул на усыпальницу Торнов, и ему почудилось, будто там что-то движется: какие-то желтые огоньки. Дрожь с ног до головы, он понял, что его вновь начинают мучить кошмары. Дулан ускорил шаг. Наклоняя голову и уворачиваясь от усилившихся порывов ветра, он перешел почти на бег. Священника охватило смятение при мысли о том, что он потерял дорогу. Ноги его были исколоты растущим по обеим сторонам тропинки кустарником. Споткнувшись о какую-то надгробную плиту, Дулан вздрогнул от неожиданности, услышав, как вдруг заработал детектор. Он попытался нащупать выключатель, но это ему не удалось, и тогда он бессмысленно уставился на экран. Прибор оказался сфокусирован на содержимом могилы, и Дулан разглядел череп. Этот череп ухмылялся и пялил на священника свои пустые глазницы. Дулан почувствовал, что теряет сознание. Повернувшись, он бросился бежать куда глаза глядят. Дулан неся наугад, волоча за собой прибор.

Ему хотелось бежать и бежать, но силы внезапно покинули его, ноги одеревенели, и Дулан привалился спиной к какому-то обелиску. Священник закашлялся, а когда поднял голову, увидел перед собой статую ангела. Он вздрогнул, и тут его стошнило. Спазмы продолжались несколько минут. Застонав от боли и отвратительного запаха, Дулан вытер рот кончиком рукава. Прибор все еще работал, и на экране возникали цветные изображения.

Дулан заставил себя посмотреть на экран, и на этот раз увидел скелет животного. Это был скелет собаки, скорее всего гиены или шакала. Священник попытался подняться. Ему вдруг показалось, что кости зашевелились. Дулан, как зачарованный, смотрел на экран, не в силах отвести взгляд.

Воздух здесь был пропитан зловонием, и Дулан полез в карман за носовым платком, чтобы прикрыть нос.

Священник с трудом отстранился от обелиска и двинулся по направлению к воротам. Пристально вглядываясь вдаль, он различал только бесконечные ряды надгробных плит. Бормоча молитву, Дулан пробирался вперед, выста-

вив перед собой детектор, словно слепой — посох. Неожиданно прибор уперся в двойное надгробие, надпись на котором гласила:

ДЖОН И МАРТА КАРТРАЙТ

Мир праху их во веки веков

На экране возникли кости усопших Марты и Джона. Между ребрами скелетов ползали белые черви и какие-то личинки.

И тогда из горла Дулана вырвался истошный вопль. Казалось, этот вопль не мог принадлежать ему. Продолжая кричать, священник бросился прочь от этого ужаса. Он мчался наобум, не разбирая дороги. Споткнувшись, он разодрал бедро, но боли не почувствовал.

Он бежал и бежал, выкрикивая на ходу лишь одно слово: «Святотатство», которое эхом отдавалось в высоких кронах деревьев. Дулан несясь вперед, пытаясь отделаться от видения оскалившегося черепа, но оно так четко отпечаталось в его мозгу, что стереть это видение не было никакой возможности.

Дулан не заметил свежевырытой могилы. И лишь когда его пронзила резкая боль, он понял, что упал в могилу. Дулан попробовал повернуть голову. Но даже это ему не удалось. В рот набилась земля, а высоко над собой он разглядел насыпь по краям могилы. Он мог двигать только глазами. Ног своих он не чувствовал. Жуткий, панический страх сжал его сердце, и Дулан с большим трудом поборол его, чтобы хоть как-нибудь попытаться сосредоточиться.

«Онемение скоро пройдет, оно — всего лишь следствие потрясения и шока», — сам себя уговаривал Дулан. Очень скоро все ощущения вернутся к нему и он почувствует наконец ноги. А пока краешком глаза он видел лишь свою неестественно вывернутую руку. Никогда раньше он не ломал ни руку, ни ногу. На какое-то мгновение его опять охватила паника, он прикрыл глаза и забормотал молитву, а вновь открыв их, заметил в лунном свете смутную тень, чьи-то зыбкие очертания у края могилы.

Дулан прищурился. Он разглядел голову собаки. У той была массивная морда, а глаза, полыхающие желтоватым пламенем, словно буравили священника. И только теперь понял Дулан, почему возле склепа не выставлялась охрана, по ночам его стерегли вот эти псы.

Дулан уставился собаке прямо в глаза и истерично хотнул. Он чувствовал себя, как альпинист, погребенный под снежной лавиной. Молитва подбодрила его. Однако в этот момент гнусный запах тления вновь ударил в нос, и резкий приступ тошноты в который раз одолел священника. Он пытался было отвернуть голову от этого зловония, но мускулы тела уже не подчинялись мозгу.

Дулан увидел, что животное ткнулось мордой в насыпь, и едва успел зажмуриться, когда на голову ему посыпались комья земли.

— Эй! — только и успел он выкрикнуть.

Собака продолжала разгребать рыхлую насыпь.

— Не... — очередной крик оборвал кусочек глины, угодивший прямо в рот Дулану. Священник услышал рычание и заметил у края могилы очертания второй собаки, потом третьей. Их оскаленные морды виднелись на фоне темного неба. Облака набегали на созвездия и уплывали прочь, а земля из-под собачьих лап все сыпалась и сыпалась на Дулана.

Острый кусочек щебня больно полоснул священника по носу, и он почувствовал, как по губам заструилась кровь. В беззвучном вопле открылся рот, но в него тут же набилась глина. Дулан плотно зажмурил глаза, и на веки оборушился земельный град.

Ему оставалось только надеяться, что собакам понадобится какое-то время, чтобы закопать могилу. И он успеет исповедаться перед Богом. Ведь он не мог явиться перед Создателем, не совершив этого последнего обряда.

И с губ священника начала срываться безмолвная латынь, которую он заучил еще с детства и с тех пор помнил. Молитва возносилась теперь к небу, стремительно исчезающему над растущим слоем земли.

* * *

В неясном и сумеречном свете раннего утра могильщику сначала почудилось, будто из свежерытой могилы пророс тоненький стебелек. Протянув к нему руку, могильщик резко отпрянул. Он испуганно вскрикнул, когда, споткнувшись о рукоятку детектора, похожего на машинку для стрижки газонов, увидел перед собой небольшой экран. На нем явственно запечатлелось лицо Томаса Дулана, на веки вечные сомкнувшего свои глаза и губы.

Устроившись возле люка самолета, совершавшего прямой рейс Рим — Лондон, Майкл Финн прокручивал в памяти разговор со священником из Субиако. Он хоть как-то пытался собраться с мыслями.

Финн достал свой портфель и вновь пробежал глазами документы, врученные ему де Карло. Сознание не желало мириться с этим абсурдом, и у Финна возникло сильное желание взять всю бумажную кипу и спустить в унитаз, наблюдая, как потоки воды смывают страницу за страницей. Ученого с ног до головы захлестнуло искушение отделаться от этого кошмара и спокойно возвращаться из Лондона домой.

Но ведь он поклялся на Библии. Финн вздохнул и в который раз уставился на два письма, лежащие в портфеле.

Ясно как день, что женщина по фамилии Ламонт — не в своем уме. Вторая же — смертельно больна. А де Карло, похоже, просто впал в старческий маразм. Но ведь тела Дэмьена Торна все-таки не оказалось в могиле. И одно это требует расследования.

Финн вытащил Библию и записную книжку. Всю свою жизнь он занимался толкованием Священного Писания, и для него не составляло труда в мгновение ока отыскать необходимые цитаты. Он листал страницы, подобно водителю, прослеживающему по карте столь знакомый ему маршрут. Финн только досадовал на то, что женщина, сидящая рядом, все время беспокойно ерзала на своем кресле, то и дело бросая на ученого какие-то странные взгляды.

Финн добрался, наконец, до Нового Завета: «И поклонились зверю, говоря: кто подобен сему зверю? и кто может сравниться с ним?.. Он действует пред ним со всей властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю... И творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю пред людьми...»

Финн отложил в сторону карандаш и, прикрыв глаза, с головой погрузился в воспоминания. Он мысленно вернулся в годы своей юности. Тогда для него существовала только религия, религиозная мораль и этика, а также другие вероисповедования. Да и следующий этап его жизни сводился к чисто научным исследованиям. В Майкле Финне органично сочетались и глубокая вера, и неиссякаемое любопытство: два качества, которые, как он считал, никог-

да не противоречили друг другу. И лишь иногда, по ночам, его преследовало наваждение, будто некоторые прорицатели, вроде Кассандры, могут оказаться правы и что Библейские предсказания так же сбываются.

Антихрист жив. А старый священник из Субиако сам видел родившегося Христа. И если де Карло не сумасшедший, то дни до Армагеддона уже сочтены.

Во время паспортного и таможенного досмотра Финн старался сосредоточиться на разных мелочах, чтобы потом не тратить на них время: брать такси или же добираться на метро? В каком отеле остановиться? И кому позвонить в первую очередь?

Финн забрал багаж и вместе с толпой двинулся к выходу. Задержавшись возле газетного киоска, он принялся шарить в карманах, разыскивая мелочь.

Номера газеты «Интернэшнл Геральд Трибюн» лежали на самом виду. Финн всмотрелся в один из них и ошеломился. Как во сне, снял он с полки эту газету и замер как вкопанный, загородив проход и уже ничего не замечая вокруг себя. Не слыша сердитых окриков, он только и бормотал: «Господи, Боже мой!»

Лейтенант полиции сообщал в уголовной хронике, что с таким убийством он сталкивается впервые. Трудно себе представить человека, который мог бы заживо закопать в могилу свою жертву. Эта жертва, как установил патологоанатом, во время падения сломала себе шею и была парализована.

— Господи, Боже мой,— шептал Финн и чувствовал, что земля уходит у него из-под ног и колени начинают подкашиваться. И тут он услышал, что люди вокруг встревоженно спрашивают, не позвать ли врача и не нуждается ли он в помощи.

* * *

Финн остановился в маленькой гостинице на Пикадилли. Он тут же связался по телефону со своей женой и настолько нежно ворковал с ней, что потом, положив трубку, задумался, а не придет ли жене в голову, будто он провинился перед ней? И уж когда он вернется, он первым делом крепко обнимет жену и выложит, как она много для него значит. Он рвался домой, но сначала надо было выполнить свое обещание.

Финн решил пройтись по улочкам Лондона. Обычно встреча с новым городом волновала его, однако в этот раз

он не мог ни на чем сосредоточиться. Лицо Томаса Дулана стояло перед его мысленным взором, в ушах до сих пор раздавался голос священника, с неохотой согласившегося тогда оказать Финну эту услугу. А потом, в тот последний вечер странный телефонный разговор, какое-то невнятное бормотание, будто Дулан был вдребезги пьян.

Финн почувствовал, как по щекам заструились слезы, и даже не попытался вытереть их. Вина за гибель этого человека тяжелым камнем легла на плечи ученого. Финн смахнул слезы и огляделся по сторонам, пытаясь определить, в какой части Лондона он находится. Перед ним возвышалась небольшая церквушка, двери которой были распахнуты. Не колеблясь, Финн вошел туда.

Преклонив колени, Финн размышлял над тем, как ему выполнить данное де Карло обещание. В одиночку раздобыть кинжалы — подобная задача ему, конечно же, не по плечу. Вот если бы они находились в каком-нибудь музее или же в частной коллекции, то это было бы проще. Тогда у него имелся бы шанс. Но Скотланд-Ярд... Да и вообще, эти кинжалы могли уже покоиться на дне морском.

Старый ученый старался представить себе, что можно предпринять. Он прекрасно понимал, что для подобной затеи он — далеко не самый лучший исполнитель. Это, конечно, знал и де Карло. Может быть, священнику следовало нанять какого-нибудь частного детектива. Финн в сомнении покачал головой и, устало прикрыв глаза, ощутил себя до мозга костей смертным. На ум ему пришли слова де Карло: «Христос укажет вам путь...».

Финн с жаром принялся молиться о душах бесследно исчезнувшей юной журналистки и Томаса Дулана, а также и за себя самого. Он просил у Бога поддержки.

Уже потом Финн никак не мог понять, каким образом он очутился в церкви. Как не мог и вспомнить, что за молитву он там читал. Как будто кто-то привел его туда. Но когда Финн покидал церковь, он уже твердо знал, что ему надо делать.

* * *

Бреннана разбудил громкий телефонный звонок. Посол проснулся с каким-то смутным ощущением вины. Это ощущение будто продлеvalo ночной сон. Шея и часть руки онемели.

— Господин посол.

Бреннан вскочил с постели и нажал кнопку селектора.

— Бумаги с брифинга, сэр.

— Спасибо. Занесите их, пожалуйста,— голос его был все еще сонным.

Бреннан зевнул и направился в ванную. Умываясь, он вдруг подумал о том, что вот уже трижды на этой неделе засыпал прямо за письменным столом. Это уж слишком. Надо что-то придумать относительно всевозрастающих, прямо-таки ненасытных сексуальных потребностей Маргарет.

«Сыпану-ка я ей в водку брома,— хмыкнул про себя Бреннан.— Но, пожалуй, подобная проблема — не самая сложная».

Чтение документов из Госдепартамента, как всегда, не доставило особого удовольствия. Бреннан внимательно просмотрел их и отложил в сторону приглашение на переговоры в министерство иностранных дел. Зато потом,— неспешно размышляя он,— можно будет взять парочку дней отпуска. Надо отдохнуть. Только вот где?

«Предположим,— продолжал он развивать эту мысль,— ты человек совестливый. Ну и куда же ты отправишься, чтобы слегка отдохнуть? Ведь добрая половина населения земного шара имела весьма смутное представление о правах человека. А диссидентов там либо сажали в тюрьмы, либо просто ставили к стенке. Такое в основном творилось в странах Латинской Америки, а также в Греции и Турции.

В большинстве арабских стран всем заправляли фундаменталисты, и права там сохранились чуть ли не средневековые. Бывало и хуже. Они пытались перенять западный опыт, который в этих странах воплощался в свод каких-то драконовских законов. Испания, например, продолжала заигрывать с фашизмом, как, впрочем, и Италия. Африка представляла собой вообще целиком воюющий континент. А на островах Индийского океана или Карибского моря властвовали либо диктаторы, либо просто гангстеры. Даже европейские страны, казалось бы, более или менее стабильные в этом отношении, не давали гарантий безопасности. Молодое поколение там словно соскучилось по крови. Оттуда то и дело поступали сообщения об убийствах и террористических актах.

Так что ему, американскому дипломату, пришлось бы позаботиться о круглосуточной охране.— Бреннан тяжело вздохнул.— Похоже, весь мир сошел с ума. А последние новости заводили вообще в тупик, делая многие проблемы просто неразрешимыми. И если Господь действительно

умер,— думал Бреннан,— то уж дьявол-то жив наверняка и подстраивает нам пакости на каждом шагу».

Посол выглянул в окно на Гросвенор-Сквер. И, как обычно, увидел кучку демонстрантов с какими-то транспарантами. Он не смог прочитать, к чему они призывали. Каждый день то одни, то другие протесты. Бреннан не мог припомнить дня, когда бы он не сталкивался с этими демонстрантами. Более старшие дипломаты вспоминали, что они не видели ничего подобного со времен Вьетнамской войны. Но тогда это был целенаправленный и осмысленный протест против определенной акции. Теперь же выступали против всего подряд, пророча всеобщую гибель и выдавая самые что ни на есть мрачные прогнозы.

В этот раз демонстранты были облачены в черные одежды с нарисованными на них белыми люминесцирующими скелетами. Бреннану вдруг показалось, что один из этих «скелетов» уставился прямо на него. И с расстояния сотни ярдов погрозил ему кулаком.

Вздохнув, Бреннан отступил от окна. Он чудовищно устал от всех этих причитаний и предсказаний. Он страстно желал лишь одного: услышать ободряющий, содержащий хоть толику оптимизма прогноз. Но в глубине души он понимал, что это невозможно. Ибо мир людей не являлся пристанищем, где обитала надежда и где, как неустанно повторяла Маргарет, можно было бы рожать на свет Божий младенцев.

Ох уж эта повседневная посольская рутина! Бреннан заглянул в свой еженедельник. Сегодня предстояла вечеринка в отеле «Хилтон». Там должны будут собраться представители англо-американской торговой ассоциации. Если повезет, он возвратится домой часам к девяти вечера.

Бреннан снова прошел в ванную и задернул занавеску душа. Пытаясь избавиться от плохого настроения, посол размышлял о том, что он скажет бизнесменам. Хотя официальных речей не будет, и то хорошо. Какие-то формальности, вроде упрочения мира, укрепления экономических отношений. Бреннан надеялся, что выдаст сегодня эдакий добротный и бодрящий спич, насквозь пронизанный здоровым энтузиазмом.

* * *

Конференц-зал был украшен американскими и британскими флагами. То тут, то там виднелись плакаты с девизами ассоциаций.

Битых полчаса пришлось Бреннану пожимать руки и обмениваться приветствиями с гостями отеля. И когда к послу подходил очередной бизнесмен, наметанный глаз Бреннана тут же выхватывал с именной таблички на лацкане его пиджака фамилию этого человека.

На вечеринке присутствовала исключительно мужская половина. Поначалу здесь царила сдержанная и чопорная атмосфера. «Любопытно, как все они изменятся через пару часов,— лениво размышлял про себя Бреннан,— когда принятые коктейли дадут о себе знать и когда с этих ослабившихся достойных мужей слетит весь официальный лоск».

Лица и голоса, как всегда, начали постепенно сливаться в какой-то общий фон, и скоро Бреннан совершенно неожиданно очутился в одиночестве. Он оказался в тихом, укромном уголке. Невесть откуда появился официант с подносом, на котором стояли бокалы. Посол взял один из них и, неторопливо потягивая коктейль, почувствовал вдруг, что за его спиной кто-то стоит. Он обернулся и увидел щедедушного человечка, неуверенно протягивающего ему руку для пожатия.

— Господин посол, можно вас... всего на пару слов,— попросил этот хрупкого телосложения мужчина.

Бреннан обратил внимание на иллинойское произношение.

— Я— Майкл Финн,— представился ученый, пожмая руку посла. В отличие от всех присутствующих, этот незнакомец не назвал после своей фамилии фирму, которую бы представлял.

Финн словно прочел мысли Бреннана и тут же добавил:

— Я не имею к торговой ассоциации никакого отношения.— Он как будто извинялся.— Вообще-то, я, конечно, не к месту. Меня пригласил сюда приятель моего друга.— Финн заметил промелькнувшую на лице посла тень и недовольную морщинку на его лбу.— Пожалуйста, не беспокойтесь,— поспешно продолжал ученый.— Я уверен, что служба безопасности досконально проверила мои данные. Я историк и специалист по древностям.

— А-а,— неопределенно протянул Бреннан.

— Я уже пытался встретиться с вами официально, но все мои просьбы об аудиенции куда-то канули.

— Извините, господин Финн, но если бы мне пришлось говорить с каждым, кто вот так...

— Господин посол, я понимаю, но, пожалуйста, только несколько секунд вашего внимания.— Финн взял Бренна на под руку и увлек его в глубь ниши.— У меня с собой пакет. Я собирался занести его вам домой. Все, о чем я вас прошу,— прочесть эти бумаги.

— Ну, конечно,— согласился Бреннан, даже не пытаясь скрыть зевок.

— Прочесть до конца. И не выбрасывать, если они покажутся вам поначалу абракадаброй.

Бреннан нахмурился. Какое-то воспоминание вдруг мелькнуло в его мозгу. Был ли это разговор, который он никак не мог припомнить?

Финн начал снова:

— Львиная доля прочитанного может показаться вам безумием. Кто его знает, возможно, так и есть на самом деле. Но в чем я точно уверен, так это в том, что два человека, вовлеченных...— Финн замолчал на мгновение,— в это дело, погибли. И один из них — мой знакомый священник из Чикаго.

— Да, но...— Бреннан попытался было уйти, но старик цепко держал его за локоть.— Этот священник обнаружил, господин Бреннан, что могила одного из ваших предшественников пуста.

Бреннан криво усмехнулся и попробовал высвободить руку.— И это проверенный факт, господин посол,— торопливо шептал Финн.— Я говорю о Дэмьене Торне.

Бреннан вырвал, наконец, свою руку. А Финн между тем перешел уже почти на скороговорку:

— Постарайтесь, пожалуйста, сами задать себе вопрос, почему в гробу вместо тела Дэмьена Торна лежит груда камней?

Бреннан отстранился от ученого, но Финн бежал за ним следом:

— Я не сумасшедший, господин посол. И не пытаюсь извлечь никакой выгоды для себя. Более того, я сам до смерти боюсь, я не из породы храбрецов.

Помощник Бреннана, заметив, что его шеф попал в весьма затруднительное положение, тут же поспешил ему на помощь.

А Финн, торопливо семеня за послом, все говорил и говорил:

— Вы сделаете то, о чем я вас просил, господин Бреннан? Просто прочтите содержимое пакета...

Посол остановился и внимательно глянул в напряженное лицо ученого:

— Хорошо,— кивнул он. Лишь бы отделаться от этого человека. А Финн благодарно заулыбался.

— Спасибо, господин посол.— И заспешил к выходу, счастливый и торжествующий, как будто страшный груз свалился, наконец, с его плеч.

Глава 9

Огромный «Боинг-777» оторвался от взлетной полосы лондонского аэропорта «Хитроу» и взял курс на запад. Майкл Финн, устроившись поудобнее в кресле, глубоко задышал, так шумно выпуская воздух, словно это был поднявшийся на поверхность воды кит.

Он ликовал при мысли, что летит, наконец, домой. Но к чувству облегчения примешивалось и неясное ощущение вины. Может быть, он все-таки мог сделать больше. Хотя, вряд ли. Теперь-то Филипп Бреннан уже наверняка знает все. Ученый не сомневался, что посол должен заинтересоваться бумагами. Однако... Бреннан равным образом может их выбросить. Но ведь он, Майкл Финн, сам засвидетельствовал тот факт, что тела Дэмьена Торна не оказалось в гробу. А это должно привлечь внимание посла.

Финн с нетерпением ожидал, как вся правда выплывет, наконец, наружу. Какой-нибудь репортер из «Чикаго Трибюн» докопается до истины и выплеснет на страницы газет всю подноготную. Он и раньше сталкивался с газетчиками, имея достаточно ясные представления о том, как они добывают материал. После беседы с ним они, конечно же, кинутся обзванивать всю торновскую империю и задавать кучу вопросов. Вот тогда-то и выяснится, что страшная смерть Томаса Дулана не явилась случайностью.

Финн заказал martini. Через минуту к нему подошла рыжеволосая стюардесса и протянула бокал. При этом она заявила, что ее зовут Дениз, и пожелала Финну приятного полета. Тот отметил про себя, что улыбка у стюардессы совсем не дежурная, а, наоборот, очень искренняя и теплая. Ему даже показалось, что, подавая бокал, девушка нарочито коснулась его плеча своим роскошным бюстом. И как-то хитровато подмигнула при этом. Финн тут же оборвал полет своей фантазии, решив, что он просто старый идиот, у которого внезапно разыгралось воображение.

Однако, когда на экране засветились первые кадры фильма, стюардесса присела на свободное рядом с Финном кресло и поинтересовалась, как ему нравится полет и не может ли она чем-нибудь помочь джентльмену?

— Нет, спасибо,— шепотом поблагодарил Финн.— Все просто замечательно.

Так они и сидели рядышком, наблюдая за действием на экране. Какая-то лента о жизни полицейских Лос-Анджелеса. Однако Финн так и не смог сосредоточиться. Ему вновь и вновь казалось, что стюардесса пытается с ним познакомиться. Она слегка касалась его бедром. И опять Финн отругал себя за разыгравшееся воображение. Тоже мне, достойный объект любви! На подобных рейсах можно встретить красавчиков и помоложе.

На экране в этот момент что-то взорвалось, и Дениз склонилась к нему, ласково спрашивая, не хочет ли он кофе. Почему бы им не заглянуть в служебное помещение, где она смешает коктейль и сварит кофе?

Дениз удалилась. А Финн вдруг подумал: «А действительно, почему бы и нет? А?»

* * *

Дениз скинула свой форменный китель и кепочку и приклонилась к стенке. Она медленно потягивала какой-то крепкий напиток. При этом стюардесса невзначай обронила, что вообще-то на службе ей пить не полагается. Время от времени девушка высовывалась за шторку и окидывала взглядом салон. Ничего, пусть пока за нее попашет Кэнди, а ей самой не мешает чуточку расслабиться. Дениз поведала, к слову, что родом она из Денвера. А он откуда? Чем занимается? Что занесло его в Европу? Командировка? Или решил отдохнуть?

Отвечая на все ее вопросы, Финн старался сохранить бесстрастность и не пялиться на красотку — он то и дело бросал взгляд в иллюминатор и посасывал свой мартини с таким видом, будто всю свою жизнь только этим и занимался.

— А вам нравится летать?

— Нет,— покачал головой Финн,— я, видимо, из той породы людей, которая до конца своих дней не в состоянии понять, что подобная машина из металла может не только взлететь, но и просто оторваться от земли.

— Ха, а я тоже из этой породы,— улыбнулась Дениз.

— Да и потом,— продолжал Финн,— для чего надо непременно убирать шасси?

— Ах, до чего же милое заблуждение,— нежно пожурила его стюардесса,— но ведь с выпущенными шасси самолет просто не может лететь.

— Ну, а если шасси застрянут? — не унимался Финн. Девушка рассмеялась и, взяв его за руку, увлекла за собой в глубь подсобки. Они оказались у крошечного лифта.

— Шасси всегда срабатывают, я вам сейчас продемонстрирую. Нам надо только спуститься на самый нижний этаж. Вот сюда,— девушка шагнула вперед, и Финн охотно последовал за ней, не выпуская из рук бокала. Он вдруг вспомнил героев комиксов, которые всегда щипали себя за нос или за ухо, дабы убедиться, что происходящее им не снится.

Девушка ловко пробиралась между кухонных электрических плит и сервировочных столиков. Финн, однако, тут же умудрился застрять между ними. Девушка, смеясь, подтолкнула его к тяжелой двери. Отхлебнув еще один глоток, Финн внезапно почувствовал, как участился его пульс. Девушка была совсем рядом, и Финн ощущал удары собственного сердца.

— Шасси вон там, в центральном люке.— Дениз взглянула вверх, на лампочку, мерцавшую красноватым светом.— Когда загорится зеленый свет, мы сможем войти туда.

— И сколько мы там пробудем? — пробормотал Финн, надеясь в душе, что это мгновение обернется вечностью.

— Вот, уже можно,— объявила Дениз и толкнула дверь. Ученый последовал за ней в центральный люк и тут же вздрогнул от резкой смены температур. Одним махом он осушил свой бокал и вслед за стюардессой приблизился к гигантскому стальному контейнеру, занимавшему почти весь этот отсек.

— Поднимитесь сюда,— обратилась к нему девушка, взбираясь по лесенке на поверхность этого сооружения. Финн поднялся следом за ней и примостился наверху.

— Вот это и есть шасси,— объяснила стюардесса, отодвигая массивную задвижку,— видите?

Ученый просунул голову в образовавшееся отверстие и прямо в нескольких дюймах от своего лица увидел огромные колеса.

— Их шестнадцать штук,— сообщила девушка.— По четыре колеса на каждом из четырех шасси. Пять футов высотой.

Финн хмыкнул, едва ли понимая то, что объясняла ему девушка. Сведения обо всех этих гидравлических сооружениях и о том, что происходит, если автоматика не срабатывает, никак не укладывались в его голове. Оказывается,

если автоматика выйдет из строя, шасси все-таки выдвигнутся.

— По закону гравитации, понимаете?

— Да, конечно.— Финн решил было, что девушка шутит, когда она предложила ему посмотреть на шасси. Она же, казалось, на полном серьезе решила посвятить ученого в тайны этих чертовых колес.

— Сейчас, одну минутку,— девушка встала на колени.

Финн услышал шипение, когда люк в самолетном днище слегка подался. Порыв сильного ветра задрал его рубашку. У Финна перехватило дыхание.

— Вот видите, колесики выдвигаются, так что вам не следовало беспокоиться.— В этом оглушительном реве моторов и свисте ветра ученый с трудом различал, что ему кричит стюардесса. Взглянув на шасси, он разглядел далеко внизу, на окраине Нью-Йорка, крошечные домишки.

Финн снова вздрогнул от холода. Держась за крышку люка, он начал потихоньку двигаться назад. И вдруг почувствовал на своих плечах ее руки. Ученый улыбнулся. Ну и местечко она выбрала...

И тут же сорвался вниз. Руки его беспомощно повисли в воздухе, он пытался схватиться за перекладины шасси. Ударившись лицом о твердую, как сталь, покрывку колеса, Финн закричал от страшной боли. В этот момент ему заклинило ногу. Вцепившись в огромную шину, ученый с трудом поднял голову. Он увидел, как стюардесса помахала ему рукой и захлопнула крышку люка.

Финн соскальзывал вниз. Пытаясь найти хоть какую-нибудь опору, он нащупал в резине глубокую трещину и тут же почувствовал резкий запах. «Обычное английское дерьмо,— промелькнула в его голове безумная мысль,— в которое шасси вляпалось на взлете».

Финн попытался подтянуться, но так и не смог высвободить из ловушки ногу. А тело, расплющенное огромным воздушным давлением по поверхности шасси, словно приклеилось к ним. И все-таки ученому удалось оторвать руки и приподнять их несколько выше. В лицо ему тут же ударили ошметки засохшей грязи, засорив глаза, из которых не переставая текли слезы.

Внизу замелькали строения аэропорта Кеннеди. Там его ждет жена. Она специально прилетела сюда, чтобы встретить мужа. Наверное, она стоит сейчас на смотровой площадке и наблюдает, как приземляются самолеты, выискивая глазами его машину.

Лицо Финна было плотно прижато к резине. Внезапно он вспомнил слова Дениз: иногда самолет с такой силой ударяется о посадочную полосу, что от шасси отлетают кусочки резины. Теперь он уже ясно различал перед собой посадочную полосу.

Из последних сил Финн оторвал от шины голову, поднял ее и испустил душераздирающий вопль.

* * *

Прямо под крылом «Боинга» возле иллюминатора сидел маленький мальчик. Он вцепился в руку матери и тихонько плакал. К ним подошла стюардесса и поинтересовалась, в чем дело.

— Он первый раз летит,— объяснила мать.

— Вот опять, опять,— не унимался малыш, обращаясь к стюардессе, как бы ища у той поддержки.

— Он утверждает, что слышит крики,— извиняющимся голосом продолжала его мать,— а я ему возразила, что это всего-навсего свист ветра.

— Ну, конечно,— согласилась стюардесса, поглаживая малыша по руке.— Мы снижаемся со скоростью двухсот миль в час. Это просто сильный ветер.

Малыш прижался ухом к иллюминатору. Закрыв глаза и пальчиками заткнув уши, он словно ожидал, когда же прекратится этот ужасный крик. Затем он почувствовал толчок. Шасси заскрежетали, ударившись о бетонную полосу. Рев моторов начал затихать. Еще один плавный толчок, и самолет застыл.

Малыш не открывал глаз до полной остановки самолета. Наконец, выглянув в иллюминатор, он увидел под крылом механика.

Тот в полном оцепенении устался на прилипшее к шасси кровавое месиво, бывшее когда-то Майклом Финном.

— Ну вот, теперь крики прекратились,— счастливо улыбаясь, сообщил матери малыш.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10

Спускаясь в лифте, Филипп Бреннан улыбнулся двум молодым сотрудникам и пробормотал обычное приветствие. Вначале он не пытался вникнуть в их беседу, занятый мыслями о предстоящей рутине. Глубоко вздохнув, он постарался избавиться от всей этой ерунды, чтобы, как повторяла Маргарет, по пути домой прочистить мозги и освободить их для болтовни за обеденным столом. Она, конечно, права. Он уже почти превратился в «работоголика».

До посла вдруг долетели обрывки разговора:

— Ты себе можешь такое представить? Вывалиться из этого растреклятого «Боинга»?

Внутри у Бреннана что-то сжалось.

— Да, подобная весточка не для твоих слабых нервов.

— Его опознали только по списку. Когда просто посчитали всех пассажиров. Какой-то тип из Чикаго. Рылся в древностях или что-то в этом роде.

Бреннан резко обернулся.

— Простите, о чем это вы только что говорили? — осведомился он. — Что это за тип из Чикаго?

— Да этот бедняга вывалился из самолета, когда тот приземлялся в аэропорту Кеннеди, — объяснил один из молодых людей. — Передавали в сводке новостей.

— Его фамилия случайно не Финн?

— Да, точно. А вы его знали, сэр? — молодой человек с любопытством уставился на Бреннана.

Двери лифта разошлись, и посол, покачав головой, бросил на прощание «спасибо» и вышел из лифта. Направляясь следом за ним, молодые люди наблюдали, как он шел по коридору.

— Странно, — заметил один из них. — Похоже, он здорово перетрудился. Однако, ничего удивительного, если принять во внимание, как он пашет, болтаясь между Ва-

шингтоном и Лондоном, улаживая эту ближневосточную заваруху.

Они остановились перед дверью.

— Говорят, этого бедолагу при посадке расплющило о шасси и он еще добрых пару миль поджаривался на шине.

— Кошмар. Может, пойдем врежем по пиву?

* * *

Весь вечер напролет Бреннан пытался отделаться от воспоминаний об этом старике, но лицо Финна стояло у него перед глазами, а в ушах звучал умоляющий голос ученого. Посол потерял аппетит и, невпопад отвечая на вопросы Маргарет, просто согласно кивал, когда она расписывала ему прелести их предстоящего отпуска.

— Как мило,— внезапно осекшись, Маргарет ткнула в мужа пальцем.

— Что такое?

— Я разговариваю с тобой, а ты то и дело смотришь на часы.

Бреннан извинился и включил телевизор. О жуткой кончине Финна сообщили только под конец новостей, уделив этому происшествию буквально пару секунд и заявив, что компания «Пан Америкэн» ведет расследование.

— Несчастный,— еле слышно пробормотал Бреннан.

— Наверное, напился до чертиков,— констатировала Маргарет, и Бреннан поразился ледяному безразличию в ее голосе. А жена улыбнулась ему как ни в чем не бывало и уютно пристроилась рядышком.

Однако, когда Бреннан резко отстранился от нее и, поднявшись, направился прочь из гостиной, Маргарет удивленно посмотрела ему вслед.

Пакет, врученный послу Финном, валялся в кабинете среди кучи других бумаг. Вскрыв его, Бреннан вытащил два конверта, какие-то документы и газетную вырезку. К первому листку была прикреплена записка с обратным адресом лондонского отеля. Бреннан прочел ее.

*«Уважаемый господин посол,
спасибо за проявленный интерес. Пожалуйста, прочтите бумаги и письма в том порядке, в каком они здесь сложены. Я прошу Вас дочитать их до конца. Скоро я свяжусь с Вами. И тогда я представлю Вам конкретные факты».*

Подпись Финна была четкой и тщательно выведенной.

Бреннан потянулся к бутылке и плеснул себе виски в бокал. Маргарет, конечно, начала бы сейчас выступать, что он последнее время здорово закладывает, да черт с ней.

Посол развернул первое письмо.

«Святой отец, завтра я ложусь на операцию...»

Подвинув настольную лампу, Бреннан внимательно читал письмо. Закончив, он потянулся за вторым.

«Простите, святой отец, ибо я согрешила...»

Застонав, Бреннан провел рукой по лбу, — только не это. Он откинулся на спинку кресла, смяв в ладони послание Мэри Ламонт. Всем своим существом он пытался избавиться от этого кошмара. Разорвать все это, вышвырнуть в мусорную корзину... Но любопытство победило. Затаив дыхание, Бреннан пробежал глазами и второе письмо. Затем, вложив его в конверт, взял в руки отпечатанные на машинке записки под названием «Монастырь Сан-Бенедетто».

Отец де Карло повествовал на этих страницах о событии, имевшем место восемнадцать лет назад. Рассказывал священник на редкость доступным и четким языком. Он возвращался к тому моменту, когда светила в созвездии Кассиопеи слились воедино, а он и еще горстка монахов приехали в Англию, чтобы уничтожить Антихриста. Как они боролись с силами тьмы и как все шестеро монахов отдали свои жизни в этой битве.

Бреннан нахмурился, отыскивая другие свидетельства или детали, однако в записках больше ничего не оказалось. Де Карло продолжал свое повествование рассказом о том, что слияние трех звезд возвестило о втором пришествии Христа. Он утверждал, будто Антихриста в конечном итоге уничтожат.

Сам не замечая, как он шевелит губами, Бреннан прошептал конечные слова записок: «Я полагал, будто это была последняя битва, но я ошибся. Бог направит следующего мужчину или женщину, ибо больше ошибок быть не может. Сын Божий ходит по земле. Жив и Антихрист. Они вот-вот должны встретиться».

Последнее письмо было от Майкла Финна. «Чтобы все это понять, Вам потребуется Библия...»

Бреннан встал и, пошатываясь, направился к книжным полкам. Библию покрывал слой пыли. Бреннан попытался сдуть ее и закашлялся. Он старался припомнить, когда в последний раз открывал эту книгу.

Финн писал очень четко и аккуратно, поэтому Бреннану не составило особого труда отыскать нужную цитату в Святом писании.

«Ибо восстанет народ на народ и царство на царство...»

Бреннан взглянул на письмо ученого. Тот объяснял: «Полагают, что эти слова можно отнести к первой мировой войне...» — Бреннан продолжал читать Евангелие от Матфея: «...и будут глады, моры и землетрясения по местам». Действительно, подобное происходило и в Италии, и в Китае, и в Японии. — «Претерпевший же до конца спасется». Однако, замечал Финн, комментируя Новый Завет, это еще не конец: «...ибо надлежит всему тому быть: но это еще не конец». Далее он разъяснял: «Вторая мировая война, всемирный голод, бесконечные проблемы с Израилем — все это приметы времени. Как и предсказано, наступят последние дни. И об этом — не только в Библии. На это указывали и Юстиниан, и Тертуллиан.

Голова у посла раскалывалась, и он снова потянулся к бутылке. «Дни уже сочтены,— читал он,— это восставший Антихрист и Второе пришествие Господа нашего, и последнее сражение за Израиль. Это задача с несколькими неизвестными, но стоит поставить их в ряд, тут же напрашивается вывод: речь идет об Армагеддоне, где состоится последняя битва между добром и злом».

Бреннан продолжал изучать письмо: «Но давайте же помолимся, чтобы пророчество сбылось и чтобы за этой битвой последовало Тысячелетие мира».

Хмыкнув, Бреннан отложил в сторону письмо и произнес:

— Хотел бы я знать, что это будет за мир? Планета мертвых?

Словно протестуя, он тряхнул головой и вновь взялся за бутылку. И тут обнаружил, что уже наполовину осушил ее. А он даже не мог припомнить, сколько раз наполнял бокал.

Бреннан достал последний документ — копию статьи Кэрл Уает. Уставившись на текст, он не мог разобрать отдельных слов. Силы оставили его.

— Безумие, безумие,— простонал посол и погасил настольную лампу. Пошатываясь, он направился к двери.

В глубине души Бреннан надеялся, что Маргарет уже спит. Впервые за годы супружества ему не хотелось слышать ее голос, чувствовать ее тело, ее настойчивые объятия.

Он тихонько скользнул под одеяло. Жена глубоко дышала и лишь слегка пошевелилась, когда он лег рядом. Какое-то время глядя в открытое окно на звезды, Бреннан пытался припомнить название созвездия. Очень скоро он понял, однако, что не в состоянии сделать это. Тогда он закрыл глаза и тут же словно провалился...

...Он стоял возле купели, Маргарет находилась рядом. Она держала на руках младенца. Орган и хоральное пение звучали так громко, что просто оглушали его. Он склонил голову и поцеловал жену в щеку. Он гордился ею. Ведь она не хотела рожать и все-таки сделала это вопреки своим желаниям. Он взглянул на ребенка, завернутого в шаль. Тот улыбнулся ему беззубым ротиком и протянул крошечную, пухлую ручонку. Он пощекотал малышу ладошку и почувствовал, как тот ухватился за его палец.

И тут до него, наконец, донесся сквозь громкое пение голос священника. Голос был высокий и до боли знакомый. Он словно умолял о чем-то. Бреннан нахмурился, пытаясь вспомнить, где он мог его слышать. И этот иллинойский акцент. Обернувшись, он нос к носу столкнулся с Майклом Финном, протягивающим руку к его ребенку.

— Нет,— вырвалось из его уст. Он пытался остановить Маргарет, которая собралась было передать священнику младенца. Но не смог сдвинуться с места. А Финн уже опускал в купель ручонку младенца.

— Нет,— снова закричал Бреннан, но никто не обратил на него внимания. Тогда он схватил ребенка, несмотря на сопротивление Маргарет. В это мгновение шаль слетела с плечиков младенца. Бреннан с ужасом увидел, что тело ребенка покрыто густой жесткой шерстью. Младенец как будто хмыкнул и уставился на Бреннана. Дыхание его отдавало зловонием, которое тут же заполнило всю церковь. Финн выхватил младенца из купели и что есть силы ударил его по голове. Но тот только рассмеялся и опять вцепился в руку Бреннана. Оглушительное хоровое пение не смолкало. Посол попытался оторвать взгляд от глаз ребенка и высвободить свою руку.

«...я прошел по долине смерти под ее крылами, но силы зла меня не испугают...» — Бреннан силился припомнить точные слова, но не смог. А маленькие пальчики уже тянулись к его глазам. Рядом ворковала Маргарет:

— Ну что ты, милый? Пусть малыш побалуется.

Бреннану нестерпимо хотелось сбежать из церкви, но ноги стали словно ватными, и он не мог сдвинуться с ме-

ста. Тогда он крепко зажмурился и попытался перекрыть хор. Но хохот ребенка заглушил все вокруг...

* * *

...Бреннан открыл глаза. Крик его эхом отдавался в спальне. Вцепившись одной рукой в простыню, а другой — прикрывая глаза, он сидел в собственной постели. Сквозь пальцы Бреннан видел удивленное лицо Маргарет. В глазах застыли страх и изумление, а взгляд ясно говорил о том, что муж ее окончательно свихнулся.

Бреннан потрянул головой, словно стараясь избавиться от остатков ночного кошмара. Он протянул руку к Маргарет, но та отстранилась, а он никак не мог услышать ее голос, хотя видел, что жена что-то говорит ему. В ушах его до сих пор стояли хохот ребенка и хоровое пение.

Прикрываясь простыней, Маргарет вскочила с постели и прислонилась к стене. Она не спускала с мужа глаз. Бреннан поднялся с кровати и тут же бросился в ванную. Жуткое зловоние, которое, как ему казалось, пропитало всю спальню, преследовало его. Захлопнув за собой дверь, Бреннан обессиленно привалился к ней, а губы его все еще продолжали шептать: «Мне снилось во сне, что я вижу неведомый город, Непобедимый, хотя б на него и напали все царства земли. Самым высоким там — качество было могучей любви, Выше — ничто, и за ней все идет остальное...»¹

Бреннан тяжело вздохнул. И опять ему показалось, что изо рта доносится этот зловонный запах. Он провел пальцами по подбородку и ужаснулся. Тот был на ощупь мягким и нежным, как у ребенка. Дотронувшись рукой до головы, Бреннан похолодел. Под пальцами пульсировал неокостеневший родничок. Посол взглянул в зеркало.

Хохоча беззубым ртом, из зеркала на него уставился младенец, покрытый густой шерстью. С губ его стекала зловонная слюна.

* * *

Сегодня он явился в свой рабочий кабинет ни свет ни заря. Надо было подготовить какую-то очередную речь, однако сосредоточиться никак не удавалось. И чем усердней пытался он избавиться от ночного кошмара, тем более властно заполнял тот все его существо.

¹ Автор — американский поэт У. Уитмен. Перевод К. Балашовича.

Все утро старался он раскидать накопившиеся мелкие делишки, выполняя их скорее чисто механически: он то и дело куда-то названивал, прикрикивая на оторопевшую секретаршу. Во время ланча он встретился с одним молодым дипломатом. Они оживленно обсуждали предстоящее совещание, и Бреннану оставалось лишь надеяться, что всю эту ахинею, которую он нес, молодой человек не воспримет близко к сердцу. Однако беспокойное выражение на лице последнего говорило о том, что посол был явно не в себе.

Вернувшись в кабинет, Бреннан вспомнил о пакете, лежащем на его рабочем столе. И тут в памяти всплыло одно имя. Он нажал кнопку селектора.

— Пожалуйста, отыщите Джима Грегори.

Спустя минуту из селектора донесся голос пресс-секретаря. Бреннан обратился к нему:

— Джим, мы ведь получали прошение от журналистки по фамилии Кэрол Уатс? Совсем недавно, мне кажется.

— Минуточку, сэр.

Последовала пауза. Джим Грегори пробежал глазами списки.

— Да, сэр,— подтвердил он.— Вообще-то весьма странное прошение. Оно было связано с какими-то кинжалами или чем-то в этом роде.

— Сообщите ей, что я готов с ней встретиться.

— Но господин посол, она ведь в самом конце списка. Мне кажется, что это не самое важное дело и что...

Бреннан осек пресс-секретаря:

— Найдите ее.

— Хорошо, господин посол.

Оглянувшись на герб США, посол подмигнул орлу:

«Джим, похоже, решил, что у меня крыша поехала».— Он зашагал из угла в угол.

За окнами, на площади толпились демонстранты. Не мигая, Бреннан уставился на них. Услышав жужжание селектора, он вздрогнул.

— Простите, сэр. Это снова Грегори. Ваша журналистка, кажется, испарилась. Ее никто не видел с того самого дня, как она отправила прошение.

— О, Господи,— Бреннан повалился в кресло.

— Что-то не так, сэр?

— Нет, все в порядке.

— Оставить ее в списке? Вдруг она объявится?

— Да, но только я думаю, что она не...— голос его оборвался.

— Сэр?

— Да, да, оставьте ее в списке.

«Еще одна,— подумал посол, загибая пальцы,— Рейнолдс, Ламонт, де Карло, Дулан, а теперь вот и Кэрол Уает — все мертвы, исчезли или просто обезумели».

Священник был последним, кто еще оставался в живых. Но он был явно чокнутый. Или он, Бреннан, сам сошел с ума? Но мысль о том, что священник — вполне нормальный человек, уже сама по себе являлась безумием, потому что, если это не так, то придумать подобное нельзя, нет, подобное придумать нельзя.

Снова зажужжал селектор. На проводе был Билл Джеффрис, его закадычный друг. Когда-то они вместе учились в колледже, а теперь Билл заправлял Госдепартаментом. Джеффрис звонил по поводу совещания у министра иностранных дел.

— Будь повнимательней,— посоветовал Джеффрис.

— Но мне, кажется, за это и платят.

— Да, Филипп, тут до меня дошло, что ты в следующем месяце отбываешь в отпуск? Извини, дружище, но я вынужден сообщить, что тебе, похоже, придется повременить с отпуском. Сейчас не самое подходящее время.

— Да, конечно.

— Может, осенью.

— Конечно.

Бреннан уже собрался было опустить трубку, как вдруг в голове мелькнула мысль. Джеффрис был хорошим человеком, но главное — на него можно было положиться. И он не станет задавать лишних вопросов.

— Билл, объясни, пожалуйста, как проходит эксгумация.

— Это зависит от того, кто — эксгумируемый.

— Дэмьен Торн.

— Что? С тобой все в порядке, Филипп?

— Скажи, есть какой-нибудь способ проверить, находится ли тело Торна в могиле?

— О, Господи! Филипп...

— Я знаю. Ты думаешь, что я — сумасшедший. И все-таки, можно ли это проверить?

— Ну, я не знаю.

— Ты можешь выяснить все подробности официальной эксгумации? И так, чтобы в это дело никто не совал нос.

— Думаю, что да. Но зачем тебе это?

— Послушай, если я тебе обо всем расскажу... я боюсь, что свяжу тебя по рукам и ногам.

И тут они рассмеялись, прекрасно понимая друг друга без лишнего слов. А когда Бреннан опустил трубку, он почувствовал себя гораздо легче, ибо смог хоть как-то разделить с другом это тяжелое, страшное бремя.

В Вашингтоне Джеффрис звякнул своему секретарю:
— Соедините меня с «Торн Корпорейшн». Немедленно.

Глава 11

Поль Бухер был весьма обеспокоен своим здоровьем и настроением. Он то и дело ловил себя на мысли о том, что мечтает раскинуть палаточку где-нибудь на берегу озера, засесть там с рыболовной удочкой... или подремать в кресле-качалке. Не лишней оказалась бы у полыхающего костра и бутылка доброго вина. Словом, Бухер мечтал об отдыхе. И как старательно ни отгонял старик эту мысль, она все сильнее и сильнее завладевала им. За всю свою жизнь Бухер ни разу не брал отпуск. Это дело опасное, считал он. Уехал в отпуск, вернулся, а за твоим письменным столом хозяйничает уже кто-нибудь другой. В молодости он еще мог позволить себе от случая к случаю взять пару днейков и отдохнуть. Но сейчас... Сейчас в его душе все неодолимо поднималось это желание мира и покоя.

Однако, и на этот раз, отбросив в сторону подобные мысли, старик приписал свою усталость перелету и смене часовых поясов. Перелету через Атлантику.

Еще вчера вечером он серьезно раздумывал над тем, что неплохо бы остаться дома, в Чикаго: что за нужда срываться и лететь в Лондон на это совещание? Ему обо всем могли доложить и по телефону. Битый час убеждал он сам себя, что лететь все-таки нужно. Это было совершенно очевидно. А он все оттягивал и оттягивал решение.

Было уже далеко за полночь, когда его огромный лимузин подкатил к Пирфорду. Джордж, как всегда, стоял на посту и приветливо улыбался.

— Как дела, Джордж? — спросил Бухер дворецкого, вручая тому свое пальто.

— Отлично, сэр,— отчеканил дворецкий, но в его взгляде мелькнула тень.

— Ты уверен?

— Вполне, сэр.— Джордж залился краской. Проводив Бухера в гостиную, дворецкий сообщил:

— Он сейчас спустится, сэр.

— Так он еще не спит?

— Нет, и хочет вас видеть.

Бухер смотрел вслед Джорджу, покидавшему гостиную. Истинно английский слуга, обладающий манерами, что сохранились со времен доброй старой Англии. Джордж уже совсем старик, а держится молодцом. А будет ли он, Поль Бухер, выглядеть так же в возрасте Джорджа?

Бухер растянулся на софе и сомкнул веки. Когда он открыл глаза, то увидел перед собой юношу. Тот не сводил с него пристального взгляда.

— Ты выглядишь усталым,— заявил юноша.

— Возраст, дружок, в конце концов, одолевает всех людей.

— Н-да...— этот возглас, однако, не выражал ничего определенного.— Ты так устал, что не можешь даже рассказать мне о совещании?

— Могу, конечно.

Бухер поднялся, достал папку и, вытащив оттуда листок с докладом, передал его юноше. Тот внимательно прочитал доклад и поднял глаза на Бухера.

— Значит Саймон намеревается блокировать любое другое предложение?

Бухер кивнул.

— И значит, встреча откладывается?

— Ну да.

— Но в этом случае мы просто сохраняем статус кво.

Тон юноши был раздраженным.

— Да,— во взгляде Бухера сквозило нескрываемое удивление.— Но ведь именно этого мы и хотели. Наша стратегия преследовала эту цель. Разделять и властвовать. Доводить хаос до предела, чтобы затем контролировать его. Таким образом мы сохраняем все наши позиции в качестве...

Дэмень-младший резко перебил его:

— Так мы не сдвинемся с мертвой точки!

— Прости, не сдвинемся куда?

— Туда, откуда начнется, наконец, разрушение всего этого мира.

Юноша швырнул листок с докладом прямо в лицо старика и, круто повернувшись, вышел из зала.

Бухер смотрел ему вслед. Он поймал себя на мысли, что с грустью вспоминает былые годы. Отец этого юноши никогда не позволял себе подобный тон. Он никогда не ставил Бухера в тупик. С Дэменом-старшим можно было работать.

Он проснулся рано. Сон его был беспокойным, перед глазами мелькали какие-то обрывки видений. Приняв душ, он переоделся, стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале. Лицо старика и дряхлеющее тело. Даже сон не мог уже освежить его. Глаза резало, изо рта доносился отвратительный запах. В сердцах выплеснув воду из стакана в раковину, он вышел из ванной, с трудом подавив зевоту.

Проходя мимо комнаты Дэмьена-младшего, он постучал в дверь. В ответ не донеслось ни звука. Даже привычного рычания собаки.

Бухер отворил дверь и заглянул в комнату. Постель была измята. Простыни являли собой полный беспорядок, а подушка вообще валялась на полу. Решив покинуть комнату, Бухер прикрыл было за собой дверь, но тут взгляд его упал на новый коллаж, размещенный на стене. Прищурившись, Бухер попытался получше разглядеть его. Он вернулся в комнату и принялся рассматривать фотографии.

Рядом со снимком могилы Кейт Рейнолдс располагалась целая серия новых цветных репортажей. На первой был запечатлен труп обнаженной женщины, лежащей на полу черной часовни. Огромные, карие глаза этой женщины неподвижно уставились вверх. На втором снимке было сфотографировано то же тело, но уже на первой стадии разложения. Далее висела третья фотография, затем четвертая.

Дрожа как осиновый лист, Бухер привалился к стене, чтобы не упасть. Рука его потянулась к одной из фотографий, и та соскользнула на пол. Пошатываясь, Бухер вышел из комнаты, с трудом сдерживая приступ тошноты. Он прикрыл за собой дверь и двинулся вдоль коридора, пытаясь собраться с мыслями.

У дверей часовни лежала собака. Взглянув на Бухера, она неохотно отодвинулась, пропуская его. Бухер постучал в дверь. Ладони его покрылись липким потом, и он молился лишь об одном — выдержать то, что ему предстояло увидеть.

Но войти было необходимо. Он должен знать, что же происходит здесь, в этой недоступной лучам света комнате. Ни звука не доносилось изнутри. Легонько приоткрыв дверь, Бухер шагнул внутрь помещения. Через мгновение глаза его свыклись с темнотой и прямо перед собой он разглядел юношу: искаженное гневом лицо с горящими не-

навистью глазами; пальцы, вцепившиеся в руки отца. Пот струился по лицу юноши.

Пока Бухер оглядывал часовню, животный страх охватил его. Дыхание сперло, однако старик не заметил вокруг ничего необычного, никаких новых кошмарных экспонатов.

— Поль,— голос юноши заставил старика оцепенеть. Этот голос походил скорее на отрывистый лай.

Бухер невольно отпрянул от двери.

— Оставь меня.

Бухер повиновался и, выйдя, притворил за собой дверь. В коридоре он вздохнул с облегчением.

Уже в гостиной Бухер плеснул в бокал виски и вызвал дворецкого. Старик тут же явился. Он вошел, склонив набок голову, словно побитый пес.

— Ты что-нибудь знаешь об этой посетительнице? Об этой молодой женщине?

Джордж насторожился. Переведя дух, он заговорил:

— Я знаю только, что сюда приезжала машина, сэр. Молодой господин попросил меня найти кого-нибудь и отогнать ее прочь отсюда, чтобы невозможно было ее отыскать. И в чем я точно уверен, так это в том, что машина принадлежала молодой леди.

— Но почему ты не сообщишь мне об этом? Ты прекрасно знаешь, что обязан докладывать мне обо всем необычном.

— Он не разрешил мне, сэр. И он непременно узнал бы, если бы я не повиновался.— Старик вздрогнул.— Он уже наверняка в курсе, что я вам тут сейчас наговорил. От него ничего не скроешь.

Бухер едва заметно кивнул и жестом велел Джорджу уйти. Но тот переминался с ноги на ногу.

— Я надеюсь, он не рассердится,— вымолвил он, наконец, с заискивающей улыбкой на лице.— Мне немного осталось, и я всю свою жизнь верой и правдой служил ему. Он ведь не проклянет меня на муки вечного спасения?

Бухер скривился.

— Нет. Вот этого-то он сделать как раз и не может. Это не в его силах. Успокойся, старик, твоя-то душа проклята во веки веков.

— Да, сэр,— проясняясь в лице, подхватил дворецкий.— Я надеюсь.

Ожидая Дэмьена, Бухер в окно рассматривал лужайку перед особняком, лес и дали, открывающиеся за ним. Стояла полнейшая тишина. Воздух словно застыл: не ощущалось даже легкого дуновения. Внезапно Бухера пронзило

острое желание оказаться там, на природе, подальше от этого дома, и ни от кого не зависеть.

Он не заметил, как вошел юноша. Услышав свое имя, старик вздрогнул и обернулся. Дэмьен-младший выглядел как обычно, лишь на лице проступали бледность и следы усталости.

— Ты не заболел? — встревожился Бухер.

Юноша отрицательно покачал головой.

— Нет. Это все из-за Него. Я ощущаю Его повсюду. Его влияние. Его мощь. — Дэмьен без сил рухнул в кресло. Устремившись к нему, Бухер вдруг почувствовал необыкновенный прилив нежности и беспокойства за жизнь этого юноши. В конце концов, судьбу он выбирал не сам. Приблизившись к Дэмьену, старик вспомнил, что собирался сообщить юноше нечто важное.

— Мы столкнулись с проблемой?

Дэмьен уставился на старика.

— Ты, кажется, слышал, я упоминал как-то о Филиппе Бреннане.

Юноша хмыкнул и отвернулся. Бухер продолжал:

— Похоже, что он...

Но Дэмьен не дал ему договорить.

— Все нормально, Поль.

Бухер настороженно взглянул на него. А Дэмьен бесстрастно объявил:

— Он сам себя уничтожит.

«Разумеется, — подумал Бухер, — этого и следовало ожидать. Где бы ни возникала хоть малейшая угроза, Дэмьен был начеку и действовал наверняка. Так что его, Бухера, беспокойство за жизнь этого юноши было абсолютно излишним, просто даже неуместным». И вдруг старик вспомнил о фотографиях в комнате Дэмьена.

— Кто эта женщина? — спросил Бухер. — Откуда у тебя эти снимки?

Юношу передернуло.

— Это Он подослал ее. Она была похожа на фавна.

— О, Господи, — вырвалось у Бухера.

— Не кошунствуй, — оборвал его Дэмьен.

— А где тело? Где останки?

— У меня есть прекрасный способ отделяться от них. — На лице юноши блуждала странная улыбка. — В конце концов, мне это положено по законам крови.

Ладони Бухера вспотели. Вскочив с кресла, он пристально посмотрел на сына Дэмьена.

— Но ведь это безумие, — почти выкрикнул старик, — это... — он силился подобрать нужное слово, но никак не

мог найти его,— это... это недостойно. Твой отец никогда не падал так низко. Ни разу не марал он таким образом своих рук.— Лицо Бухера покрылось красными пятнами от внезапно охватившего его гнева.— Твой отец...

Дэмьен вскочил.

— Заткнись,— рявкнул он с такой силой, что Бухер, резко отпрянув, упал на софу.

— Никогда больше не заикайся о моем отце. Это приказ.

Бухер все еще пытался возражать.

— Никогда бы он не пошел на такое. Все его поступки служили определенной цели. Существовал метод. Вот ты все время говоришь о разрушении, а твой отец имел в виду контроль. И все было направлено на то, чтобы контролировать мир и владеть человеческими душами...

— Что-о? — яростно прорычал Дэмьен-младший.— Ты еще смеешь утверждать, будто мой отец хоть на миг задумывался о ваших никчемных душонках? Ты смеешь считать, что они его могли интересовать?

Бухер сорвал со своего пальца перстень и ткнул его юноше прямо в лицо, указывая на три шестерки. Затем твердо произнес:

— И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их, или на чело их; И что никому нельзя будет ни покупать ни продавать, кроме того, кто имеет сие начертание, или имя зверя, или число имени его.

Бухер поднялся во весь рост.

— Это из «Откровения»,— разъяснил он.— Покупать или продавать. Контролировать. Вот на что мы отдали столько сил. Чтобы он смог...

— Заткнись же ты наконец,— с губ юноши стекала слюна.— И не цитируй мне всю эту чушь. Ты точно такой же кретин, как и все остальные. Восставший ангел был сброшен в бездну, и за этим может последовать только одно разрушение всего и вся. Только в этом истинная сладость мести.— Дэмьен-младший улыбнулся.— И это будет моя месть!

Бухер остолбенел. А юноша ходил вокруг него, издеваясь и тыча пальцем прямо в лицо старику.

— Мой отец уверял, что двух тысяч лет с вас довольно. Ты болтаешь о каком-то контроле, а ваши философы чешут языки, приплетая сюда свободу выбора. И в частности, свободу выбора между моим отцом и Назаретянином. Ну так вот, Поль, выбор уже сделан. А ты своим колебани-

ем от выживания до тотального разрушения подсобил человечеству сделать его ставку. Ты помог подвести его к самому краю бездны и дать возможность заглянуть в пропасть.— Дэмьен ущипнул Бухера за щеку.— Всего один щелчок — и нет человечества...— Юноша улыбнулся и, не оглядываясь, покинул зал. Бухер услышал, как Дэмьен, рассмеявшись, кликнул собаку.

Шаги стихли. Бухер медленно пересек холл и, поднявшись по лестнице, остановился возле комнаты Дэмьена. Он слышал, как тот слоняется из угла в угол, и чувствовал присутствие собаки.

Затаив дыхание, Бухер на цыпочках прокрался по коридору к часовне и тихонько вошел туда. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, затем приблизился к труп. Встав на колени, старик сжал в ладонях мертвую руку Дэмьена-старшего.

— Дэмьен,— прошептал он,— с того самого момента, как ты меня призвал, я трудился ради твоего отца. Ради прихода его царства. Я уверовал в него и знал, что его победа неизбежна. Всю свою жизнь я служил тебе верой и правдой.— Бухер погладил пальцы Дэмьена Торна. Потом так же, еле слышно, продолжал: — Когда тебя лишили физического существования, я непрестанно молился твоему духу, и ты отвечал мне. Ты велел не отчаиваться, утверждая, что твое время еще не пришло, но оно грядет вскорости. Ты отвечал на все мои молитвы и уверял, что твое воскресение обязательно наступит. Ты обещал, что я всегда буду находиться по твою левую руку.

И вот я снова перед тобой. Ради всего того, что мы успели сделать. Ведь это контроль, Дэмьен, а не разрушение?

Склонившись, застыл на коленях старик, как будто ожидал указаний. Но только полоска света скользнула по лицу Дэмьена, и глаза его словно ожили, Бухер вскинул голову и в недоумении заморгал. Услышав собачье рычание, он обернулся. Свет струился из открытой двери. В проеме стояли юноша и собака. Оба не сводили с Бухера глаз.

— Что тебе здесь надо? — с ледяным безразличием в голосе спросил Дэмьен.

— Жду, чтобы мне указали путь.

— Поищи для этого другое место. А меня оставь наедине с моим отцом.

Бухер поднялся, колени его дрожали. Отстранившись, юноша пропустил его. Старик побрел прочь.

На плечи его тяжким грузом опустилась старость. Бухер понял, что проиграл. Однако самым страшным открытием явилось то, что он оказывался на старости лет никому не нужным.

Глава 12

Они влились в этот многотысячный поток демонстрантов. Лондон, начиная с восточной части и Сити до Слоан-сквер в западной части был запружен толпами людей. Движение на Оксфорд-стрит по направлению к набережной было парализовано, и полиция, оставив попытки подсчитать точное количество демонстрантов, называла первые попавшиеся цифры.

Но в отличие от прежних демонстраций, посвященных, к примеру, ядерному разоружению, над этими колоннами людей не витал дух праздничного возбуждения. Здесь невозможно было услышать ни одного рок-музыканта, да и любительские театральные труппы не решились прийти сюда. Все было как-то очень по-серьезному. Напряжение ощущалось повсюду. Толпа двигалась в сторону Трафальгарской площади, становясь все плотнее и плотнее. А полицейские — конные и пешие, молча наблюдали за ней.

Выступление должно было состояться в два часа дня.

Автомобиль Поля Бухера намертво застрял в Пимлико ровно в половине второго. Устроившись на заднем сиденье, он вместе с Дэмьеном-младшим рассматривал людей, бредущих мимо их машины. Многие из них были облачены в черные костюмы с нарисованными на них люминесцирующими скелетами. На других демонстрантах болталось нечто вроде саванов. В детскую коляску засунули восковую куклу, изображающую опаленного ядерным пламенем младенца.

Дэмьен скривился в усмешке. С его губ слетел звук, похожий на хмыканье. И тут же в его ногах огромная собака подняла голову и зарычала, словно вторя этому хмыканью.

Бухер нажал на кнопку селектора и осведомился:

— В чем дело?

Голос шофера эхом отзывался в салоне:

— Влип, сэр. Полицейские сообщили по радио, что впереди движение парализовано.

— Черт, — вырвалось у Бухера. В который раз задавался он вопросом, чего ради юноше приспичило потащиться на эту демонстрацию. Это не было на него похоже.

Что-то из ряда вон выходящее. Никогда прежде Бухер не замечал за Дэмьеном проявлений такого жгучего любопытства.

— Ничего страшного, мы пройдемся пешком,— заявил Дэмьен-младший.

— Но это далеко,— попробовал было возразить Бухер.

Не сказав ни слова, Дэмьен открыл дверцу и шагнул в толпу. Собака тут же последовала за ним.

Тяжело вздохнув, Бухер объяснил шоферу, где их ждать, и поспешил за юношей.

Вместе с толпой они медленно продвигались вперед. Немецкая овчарка, находящаяся от них в нескольких шагах, вдруг повернула морду и, замерев на месте, уставилась на Дэмьена.

Денек выдался душный и на редкость влажный, с людей градом катился пот. Ноздри юноши вздрагивали, он слегка трепал пса за загривок. Бухер шел за ними вплотную, изредка поглядывая на часы. Вообще-то ему следовало находиться нынче в своем офисе: встреча в Уайт-холле непременно перерастет в пленарное заседание, и его сотрудникам предстоит отчитаться в ближайшие часы. Ему необходимо присутствовать там, а не здесь, на этом дурацком сборище. Бухер яростно огрызнулся, когда какой-то юнец задел его древком, на котором вместо полотнища болтались одни клочья.

— Разуй глаза,— рявкнул на молодого человека Бухер, и тот резко отпрянул, изумленно захлопав ресницами. Агрессивная враждебность этого старика сбила его с толку. Разве не все они стремятся здесь к единой цели, пытаясь спасти человечество?

— Идиот,— пробормотал Бухер. Ничего, кроме презрения, не испытывал он к этим слепым и безмозглым, словно овцы, придуркам, которые ни на грамм не смыслили в том, кто и что управляет миром. Бухер мрачно следовал за Дэмьеном по Молл-стрит к площади Викторини. Теперь до них уже доносились и отдельные слова из громкоговорителя, и рев толпы, и аплодисменты, то стихающие, то нарастающие. Слышно было, как стрекочут в небе вертолетные лопасти.

Добравшись, наконец, до площади, они уперлись в плотную и неподвижную массу людей. Однако Дэмьен с собакой непостижимым образом умудрялся продираться все глубже и глубже в толпу. Бухеру ничего не оставалось, как следовать вплотную за ним. Со всех сторон раздавались недовольные восклицания демонстрантов, которых

они бесцеремонно расталкивали, но стоило только чудовищу у ног Дэмьена зарычать, как люди тут же умолкали.

Они протиснулись к подножию колонны Нельсона. Без труда Дэмьен расчистил для себя и Бухера пространство возле одного из каменных львов. Их взгляды были обращены к деревянному помосту, футов десяти высотой. С обеих сторон находились телевизионные камеры, а на встроенных мониторах крупным планом давалось лицо юного оратора. Толпе он был известен. Кроме всего прочего, молодой человек приходился внуком самому основателю этого движения. Чистый, звонкий голос, усиленный микрофоном, разносился над площадью, отдаваясь эхом.

— В Бонне, Париже, Гааге и Риме, во многих других городах мира проходят сейчас демонстрации протеста и консолидации.

Толпа откликнулась одобрительными возгласами. Юноша продолжал:

— Через пять часов начнется марш в Вашингтоне. А завтра движение всколыхнет население Азии и Австралии. Наши друзья в Москве, Праге, Будапеште и Варшаве поддерживают его и собирают силы для своих выступлений...

Бухер неприкрыто зевал.

— А сейчас выступит Джеймс Грэхем,— объявил молодой человек.

Оглушительный рев толпы ударил по барабанным перепонкам. Бухер невольно коснулся руками головы и взглянул на Дэмьена. Тот взобрался на основание колонны и внимательно рассматривал окружающих, выискивая, очевидно, кого-то в толпе. Наконец, взгляд юноши застыл на высокой и худой фигуре совершенно седого старика, который как раз в этот момент поднимался на помост. Рядом со стариком взбирался по ступенькам и его поводыр — лабрадор необычайно светлого окраса. Собака подвела старика к микрофону, уселась возле его ног и, подтолкнув мордой руку хозяина к микрофону, спокойно растянулась на помосте с чувством выполненного долга. Старик приподнял руки, и поводок на левом запястье скользнул вниз.

Бухер внимательно разглядывал толпу. Они, похоже, уже отбили себе ладони хлопками. Одни в восторге улюлюкали, другие свистели, и Бухер внезапно вспомнил Дэмьена-старшего. Его выступление перед учениками. Только нынешняя толпа была совсем другой: открытые лица присутствующих светились честностью и добротой. Эта мысль вдруг, как откровение, пронзила Бухера. «А смогли

бы эти люди умереть за Джеймса Грэхема? — подумал оч.— Более того, стали бы они убивать по его приказу? Нет, не стали бы», — мрачно признался он сам себе.

Лицо старика крупным планом появилось на мониторе. Его темные очки, скрывающие слепые глаза, отражали свет юпитеров.

Об этом человеке ходили легенды. Его называли истинным последователем Бертрана Рассела. Как и тот, Грэхем был философом и гуманистом. Кроме того, он обладал великолепным ораторским даром, позволявшим собрать в одной аудитории и интеллектуалов, и людей из низов.

Бухер бросил взгляд на Дэмьена-младшего. Тот устался на Грэхема, не замечая вокруг ничего: ни людей, ни телекамер. Его взгляд был словно прикован к старику. Бухер почувствовал вдруг, как собака у его ног зашевелилась. Она вытянула передние лапы, почти касаясь края помоста и тоже, как в трансе, не сводила своих желтых немигающих глаз со старика.

Оратор опустил руки, и шум, словно по команде, моментально стих. Старик откашлялся, а лабрадор внимательно посмотрел на него, будто раздумывая, нужна ли хозяину помощь.

— Друзья,— негромко начал Грэхем. Голос его был глубоким и сильным.— Насколько я могу судить, это самая крупная демонстрация за все годы существования нашего огромного города.

Толпа одобрительно загудела, но старик жестом призвал к тишине.

— Однажды великий человек по фамилии Джеймс Камерон, стоявший у истоков нашего движения, так отозвался о нем: «Я бы желал, чтобы Господь Бог упразднил все кампании за ядерное разоружение. Чтобы ядерного оружия просто не существовало на этом свете».

Поднялась буря аплодисментов, а оратор, вперив невидящий взгляд в толпу, смущенно покачивал головой. Потом снова поднял руку, призывая к спокойствию.

— Сегодня днем менее чем в миле отсюда высокопоставленные особы соберутся для того, чтобы попытаться предотвратить кризис, вот уже на протяжении пятидесяти лет угрожающий мировому региону, известному нам как Ближний Восток. Однако в конечном итоге он угрожает всему человечеству. И потому мы желаем политикам проявить сегодня выдержку и мудрость, хотя одного этого пожелания, конечно же, недостаточно. То, чего я требую от них и от вас — проще простого. И этого я требовал всегда.

Чтобы вы выбирали себе лидеров только из тех людей, что стоят под нашими знаменами...

Слова оратора потонули в громе аплодисментов.

— Вы все время забываете, что дело не в политике определенных партий, а в каждом из вас. Вы все и каждый из вас могут и должны действовать во имя спасения человечества, во имя выживания людей.

Над толпой повисла тишина. Слева от себя Бухер заметил несколько полицейских, не сводящих глаз с помоста. Они также время от времени аплодировали.

А Грэхем продолжал:

— Какие политические дебаты смогут иметь маломальское значение в выжженной пустыне?

— Никакие! — хором отвечала толпа.

— А какой смысл в дискуссиях о различных формах существования человечества, если планета превращена в свалку?

— Никакого! — толпа согласилась снова.

Старик приподнял руки, и лабрадор на поводке тоже вскочил на лапы.

— Возможно, многие из вас знают, что я — человек не религиозный, — объявил Грэхем. — И тем не менее, я процитирую вам слова из Второго послания апостола Павла к Тимофею. — Старик откашлялся, а его собака принялась слегка царапать когтями деревянное покрытие.

Бухер увидел, как Дэмьен вдруг перевел свой немигающий взгляд на лабрадора и уже не сводил с того глаз.

А Грэхем начал цитировать апостола Павла: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкия. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы».

Пока он говорил, собака-поводырь вскочила вдруг на задние лапы, а передними как-то странно замахала перед своей мордой. И тут же начала принохиваться. Бухер видел, что взгляд лабрадора прикован к глазам Дэмьена.

Грэхем тем временем продолжал:

— Я призываю всех верующих молиться своим богам, а тех, кто не верит — как следует подумать, напрячь свой пылкий ум.

Происходящее на помосте фиксировалось телевизионными камерами и транслировалось на мониторах, так что все присутствующие могли наблюдать, как лабрадор

все яростнее скребет когтями помост и шерсть на нем поднимается дыбом. Из оскалившейся пасти собаки закапала слюна.

— То, о чем я здесь говорю,— заметил Грэхем,— старо, как мир. Но сложившаяся ситуация требует от всех нас...

В этот момент мощная собака прыгнула на своего хозяина, и ее тяжелые челюсти сомкнулись на его лице. Старик повалился на спину, запутавшись ногой в микрофонном шнуре, и его сдавленный крик эхом разнесся над площадью.

Никто не успел и пошевелиться, а рабочие по обеим сторонам помоста словно остолбенели. Как пригвожденные к месту, стояли они, не в силах что-либо сделать.

А лабрадор отпрыгнул назад, увлекая за собой старика. Тот с трудом поднялся на ноги, так как ремешок, накинутый на запястье, тянул его.

— О Боже,— простонал еле слышно Грэхем, но даже его шепот был слышен над застывшей в ужасе толпой. Старик провел рукой по лицу, и те, кто стоял поближе к помосту, увидели, как по пальцам Грэхема заструилась кровь. Телеоператор, действуя автоматически, дал крупный план, и толпа ахнула, увидев окровавленное с обвисающими клочьями кожи, лицо Грэхема. Одна дужка очков зацепилась за ухо, и общему взору предстали пустые глазницы, которые старик пытался прикрыть непослушными пальцами.

Рабочие уже бежали к нему, но тут лабрадор снова отыскал глазами кого-то в толпе и мгновенно прыгнул к краю платформы, увлекая за собой и старика.

В толпе раздался истерический женский крик. Но животное уже взлетело над помостом, и вслед за ним — Грэхем. Судорожно хватаясь за воздух, он рухнул на площадь возле помоста. Телекамеры продолжали работать, а включенный микрофон разносил над толпой его мучительные крики до тех пор, пока старик не затих. На экране монитора возникла разбитая голова старого ученого.

Толпа в ужасе всколыхнулась, затем снова воцарилась мертвая тишина, и только микрофонный провод, словно пуповина, связывал помост с телом Грэхема.

Первым шевельнулся Дэмьен. Резко обернувшись, он вперил свой взгляд в гнедую лошадь под полисменом, застывшую футах в тридцати от них. Это была самая крупная лошадь из десяти животных, что разделили толпу на две половины, образуя широкий проход прямо к Уайтхоллу.

Лошадь дернулась. Полицейский нахмурился и сильнее сдвинул ногами бока лошади. Но это не помогло, тогда он натянул поводья.

Безумными глазами уставилось животное на Дэмьена. Ноздри лошади раздувались, ее крупные зубы обнажились, и она тихонько заржала, словно призывая к себе поодаль стоящих животных. Те, как по команде, развернулись по направлению головной колонны, возле которой стоял Дэмьен.

Какое-то мгновение первая лошадь оставалась в неподвижности, и только глаза ее расширялись и расширялись от ужаса. Затем она лягнула воздух задней ногой и, передернувшись всем корпусом, рванула вперед, увлекая за собой остальных лошадей.

От неожиданности трое полисменов тут же оказались под конскими копытами, другим удалось удержаться в седле. И как ни пытались они натягивать поводья или кричать что есть мочи, ничего не помогало.

Первыми жертвами в толпе оказались парень и девушка с плакатами в руках. Их сдавленные крики слились с сочувственными возгласами людей, окруживших тело Грэхема.

Обезумевшие, растоптавшие своих седоков лошади во весь опор неслись на толпу. А удержавшиеся всадники напоминали средневековых рыцарей, боровшихся с чудовищами, в которых вселился дьявол. Однако все усилия полисменов оказались напрасными. Бухер разглядел, как одна из лошадей, с ходу перемахнув через барьер, подмяла под себя несколько молодых людей. Копыта ее, словно снаряды, били без промаха.

Страшная паника охватила толпу. Волнение, казалось, распространялось от эпицентра и мгновенно достигало краев огромной площади. Люди в ужасе пытались бежать. Бухер увидел, как еще одна лошадь скинула седока и в этот момент почувствовал прикосновение руки к своему плечу. Он оглянулся и увидел возбужденное лицо юноши, его сверкающие желтым огнем глаза и сухие от напряжения губы, которые он то и дело облизывал.

В толпе воцарился хаос. Но несмотря на это, телекамеры продолжали равнодушно стрекотать, и на экране возникали новые и новые искаженные ужасом, окровавленные лица и растоптанные тела. Бухер успел заметить, как молодая женщина, пытаясь спасти своего малыша, высоко подняла его над собой, но поток людей, подхватив ее, увлек в самую гущу, и крик ее смешался с воплями остальных несчастных. И тут Бухер опять

обернулся, услышав, как Дэмьен вполголоса презрительно обронил:

— Да воцарятся над миром полный хаос и анархия!

Внутри у Бухера все сжалось, он бессильно привалился к колонне. В какой-то момент достигнув апогея, крики в толпе неожиданно и разом оборвались. Наступила полнейшая тишина. Застыло и изображение на экране. Со стороны юго-востока не было ни одного заграждения, и люди ринулись в этом направлении к Уайт-холлу — пожалуй, единственному островочку, где они могли бы укрыться от взбесившихся лошадей.

Отхлынув, толпа оставила позади себя жуткие следы: хромающие мужчины, женщины и дети натыкались друг на друга, а над распростертыми, окровавленными телами то тут, то там причитали друзья или родственники погибших.

Бухер спрыгнул с подножия колонны и осмотрелся по сторонам. В нескольких ярдах от него лежала мертвая лошадь. А под ней — раздавленный всадник. Бухер взглянул на каменного льва. Даже там в самых немыслимых позах застыли окровавленные, искалеченные люди: некоторые еще шевелились. Стоны раненых сменялись криками ужаса и боли.

К этому времени подоспели санитары с носилками. И уж, конечно, не обошлось без фоторепортеров, которые, словно грифы на падаль, тут же слетелись сюда.

На одном погибшем юноше было как раз то самое темное одеяние с люминесцирующим скелетом и черепом. И как жуткий гротеск, сквозь эти нарисованные, светящиеся ребра торчали его собственные, изломанные кости.

Дэмьен спрыгнул с подножия и взял Бухера под руку.

— Где нас ждет машина? — поинтересовался он.

Бухер шатался, словно пьяный. Он отрицательно покачал головой.

Дэмьен молча стоял у груды мертвых тел, собака у его ног чутко пригнулась. Затем юноша повернулся к Бухеру и с пафосом воскликнул:

— Да будут благословенны борцы за мир!

— Аминь, — присоединился к нему Бухер, и они стали пробираться сквозь быстро редющую толпу.

Глава 13

Смерть Джеймса Грэхема потрясла Бреннана. Он узнал об этом днем во время ланча. В новостях сообщалось также, что по предварительным данным число погибших до-

стигало тридцати восьми, а раненых — более сотни человек.

Количество жертв поражало. Но известие о гибели Грэхема повергло Бреннана в состояние шока. Год от года крепло в нем чувство восхищения этим человеком. А сколько людей не понимали Грэхема; его критиковали на каждом углу. И многие профессиональные политики, и разного рода выскочки имели обыкновение заметить при каждом удобном случае, что Грэхем — всего-навсего «мягкотелый либерал с очень добрым сердцем, но полным отсутствием чувства реальности».

Однако Бреннан прекрасно понимал, что все это далеко не так. Он встречался с Грэхемом всего дважды в жизни. И каждый раз наблюдал, как этот философ легко, с юмором кладет на лопатки любого доку по части политики, обезоруживая в самом что ни на есть профессиональном споре. Ибо политическое чутье этого старика было безошибочным. Кто-то умудрился даже выставить его советским агентом, но эта попытка с треском провалилась.

В глубине души Бреннан не раз признавался себе, что чтит Грэхема, как святого. Это был уникальный человек и — при всем при том — обладавший прекрасным чувством юмора!

А теперь его нет в живых. Еще одна жертва в этом фантастическом списке.

Бреннан позвонил Маргарет и попросил ее записать новости на видеомэгнитофон. При этом он сообщил жене, что несколько задержится.

Она встречала его на пороге:

— Ты что такой всклокоченный? — удивилась Маргарет.

— Всклокоченный? Да, пожалуй.

Маргарет была в джинсах и маечке — эдакий «подросток-переросток», как она сама себя называла. Яркий макияж на ее лице был сейчас совершенно не к месту. Филипп поцеловал жену и, почувствовав ее тепло, притянул Маргарет к себе. И тут же ощутил призывную податливость ее тела. Но не это было ему сейчас нужно. Участие и поддержка — вот в чем он нуждался сегодня. Бреннан мягко отстранился от жены, не замечая странного выражения ее лица.

— Ты смотрела новости?

— Да. Бедные лошадки.

Филипп резко обернулся и остолбенел.

— Бедненькие, с чего это их понесло, — лепетала жена.

— Господи, Маргарет...— Бреннан не мог продолжать, а она, пожав плечами, направилась в кухню.

— Я захвачу тебе к обеду пивка,— через плечо бросила Маргарет.

Бреннан посмотрел ей вслед, затем, поднявшись в кабинет, включил видеомэгнитофон. Хроника была смонтирована таким образом, чтобы передать весь масштаб трагедии. Перед глазами посла замелькали уже виденные кадры: как лабрадор бросается на Грэхема и дальше, дальше... Бреннан невольно зажмурил глаза. Он не мог вынести этого зрелища.

Комментатор заговорил о лошадях. Он несколько раз заострил внимание на том, что подобное случилось впервые за всю историю существования полиции, ибо таких лошадей дрессируют долго и упорно, и призваны они для того, чтобы ни один волосок не упал ни с чьей головы. Однако, добавил комментатор, уже начато расследование.

Бреннан вновь и вновь запускал кассету, всматриваясь в экран. И вдруг он замер. Бреннан разглядел Поля Бухера, стоящего у колонны. Какого черта его туда занесло? На это идиотское сборище?

Бреннан еще раз прокрутил эти кадры и заметил, как какой-то юноша, прыгнув с подножия колонны, тащит Бухера за руку. Бреннан остановил кадр и откинулся на спинку стула. Внезапно он понял, что видел лицо этого юноши. Чье же это лицо? И тут он вспомнил... Дэмьен Торн. Да, это было его лицо. Только как если бы ему было лет восемнадцать.

— Господи, Боже мой,— вырвалось у Бреннана.— Господи...

Голос Маргарет прервал его мысли.

— Чем это ты занят,— Бреннан уловил жгучее любопытство в вопросе жены, когда та подавала ему пиво. Он выключил телевизор и взглянул на Маргарет. Вот ей-то он как раз ничего и не скажет.

— Да так, кое-что решил посмотреть,— улыбнулся Филипп.

Никогда не сможет он раскрыть свою душу женщине, которая во всем этом кошмаре выказала жалость лишь к «бедным лошадам». Уж она-то точно сочтет его сумасшедшим.

* * *

Лучи послеполуденного солнца пробивались сквозь оконные занавеси в одном из кабинетов министерства иностранных дел, высвечивая облачко табачного дыма,

поднимающегося над массивным, красного дерева, столом. Битый час в этом помещении шла оживленная дискуссия на ставшую уже почти крамольной тему Голанских высот. Там в настоящий момент находились военные силы США, в задачу которых входило поддержание в названном регионе мира.

С лица Питера Стивенсона прямо-таки не сходила улыбка. Сегодня ему приходилось туго. Стивенсон метался между представителями двух враждующих лагерей.

— Господа, господа,— постукивая пальцем по столу, пытался он урезонить двух сирийцев, говорящих хором в то время, как три представителя Кнессета исподтишка буравили их взглядом.

— Господа, ну пожалуйста.

Наступило, наконец, молчание. Арабы словно выбились из сил и теперь, с трудом переводя дыхание, набирали в легкие воздух для новой атаки.

И тут в полной тишине раздался спокойный и усталый голос американского посла:

— А не кажется ли вам, господа, что уже давно пора прекратить мышиную возню и серьезно, по-мужски посмотреть на это дело?

Все лица тут же обратились в сторону Бреннана. Выражение этих лиц было различным: на них можно было прочесть и неприкрытое изумление, и откровенное непонимание, и страх. Собравшиеся здесь делегаты пытались понять, что может стоять за подобным заявлением.

Сирийцы вскочили со своих мест и, размахивая кулаками, начали неистово выкрикивать какие-то набившие оскомину лозунги.

— Господа, пожалуйста,— Стивенсон почти охрип от напряжения. Усилия его, похоже, были тщетными. Вот уже и израильтянин доказывал что-то с пеной у рта.

Стивенсон схватил молоточек и застучал им по столу.

— Объявляется часовой перерыв,— возвестил он, поднимаясь с кресла и собирая лежащие перед ним документы. Затем поспешно покинул кабинет. Стивенсон был раздражен. Но то, что причиной его раздражения стал посол, заметили единицы.

Прогуливаясь по коридору, один представитель английской делегации спросил другого:

— А он не любитель выпить, этот парень?

— О, я не удивлюсь, если это действительно так,— поддакнул его коллега.

Бреннан шел прямо за ними и прекрасно слышал, о чем они судачат. Ему нестерпимо захотелось схватить их за головы и треснуть друг о друга лбами.

Бреннан как раз наливал в чашечку коричневый маслянистый напиток, когда к нему подошел невысокий израильтянин. Фамилия его была Саймон. В дипломатических кругах этот человек прославился как твердый, но одновременно изворотливый политик.

— Весьма своевременное заявление,— улыбаясь, заметил Саймон.

— Честно говоря, я сам не понимаю, что это на меня нашло,— так же вежливо улыбаясь, отозвался Бреннан.

Саймон пожал плечами.

— Да ладно, перерыв все равно был необходим.— Он поближе придвинулся к послу.— Я сегодня разговаривал с Полем Бухером. Он сказал, что вчера вечером вы его разыскивали.

Бреннан кивнул.

— Он просил передать извинения за то, что не ответил на ваш телефонный звонок. И еще он был бы рад пригласить вас к себе сегодня вечером часикам к семи, если вы не возражаете.

— Спасибо,— кивнув, поблагодарил Бреннан. А когда Саймон отошел, посол вдруг подумал: а с какой такой стати этот тщедушный еврей передал ему приглашение от Бухера?

* * *

— Филипп, я так рад, что ты смог выбраться ко мне.— Рукопожатие Бухера было по-прежнему крепким, но в этот раз Бреннану бросилось в глаза, что цвет лица у старика очень нездоровый, да и во всем облике Бухера сквозили явные признаки усталости. Никакой лоск не в состоянии был скрыть эту перемену.

Мужчины выпили и заговорили о всяких пустяках. Бухер опять извинился за то, что не ответил на телефонный звонок.

— Ерунда,— отмахнулся Бреннан,— я просто видел тебя по телевизору и хотел выразить сожаление по поводу этого кошмара.

Тень мелькнула на лице Бухера. А Бреннан продолжал:

— Я хотел сказать, что действительно ужасно присутствовать при таком побоище и видеть весь этот хаос.

— И только поэтому ты позвонил? — удивился Бухер.

Бреннан кивнул.

— Ну да, как говорится, момент вынудил. Ужасно все это. Хотя...— он заглянул в свой бокал с виски.— Хотя, конечно, не стоило беспокоить тебя по этому поводу.

Бухер улыбнулся.

— Ну, я-то рад видеть тебя по любому поводу.

И они опять перешли на мелочи. Обсудили дискуссию в Министерстве иностранных дел, упомянули его, Бреннана, неожиданную реплику. Бухер предложил было еще одну порцию виски, но посол отказался, сославшись на то, что ему пора домой. На пороге он на мгновение зашатался.

— Скажи, пожалуйста, а что это за парень был там, на площади, рядом с тобой?

Бухер нахмурился:

— Какой парень?

— Ну, по телевизору показывали. Ты вроде разговаривал с ним.

Бухер пожал плечами:

— Не знаю,— буркнул он,— наверное, один из демонстрантов. В таком хаосе невозможно кого-то запомнить. Сам знаешь, как там бывает.

— Да уж. Спасибо за вечер и виски.

Бреннан вышел от Бухера в еще более подавленном состоянии, нежели днем. Он задавал себе вопросы и не находил на них ответов. Однако самым странным являлось то, что посол никак не мог объяснить собственное поведение. Взять хотя бы эту злосчастную реплику на совещании. Теперь уже, конечно, никто не скажет, что он, Бреннан,— классный дипломат, трезвый аналитик и т. п. Напротив, теперь при каждом удобном случае будут язвительно замечать, что посол иногда теряет на собой контроль. И если бы сейчас Бреннана попросили объяснить, чего ради сделал он такое сногшибательное заявление, он не нашелся бы, что ответить.

В отличие от большинства своих коллег и друзей, Бреннан не был склонен ко всякого рода самокопаниям. Однако и равнодушным к собственному «я» его нельзя было назвать. А в последнее время посол обратил внимание на признаки какой-то внутренней нестабильности: то на него накатывали совершенно необъяснимые приступы гнева, то он прямо на ходу забывал элементарные вещи.

Даже на внешность Бреннана эти душевные срывы наложили отпечаток: под глазами набухли мешки, а в самой глубине зрачков затаился какой-то страх. Ему постоянно

хотелось спать, он то и дело ловил себя на мысли о том, что веки его тяжелы, словно свинец.

Маргарет пока ни словом не обмолвилась с ним о той перемене, что происходила на ее глазах. Это было не в ее правилах. Точно так же, как и не в правилах его сотрудников: они могли замечать все, что им заблагорассудится, но не имели права сказать ему об этом. Хотя ведь не дураки же они. Все видят, перешептываются между собой.

* * *

Вернувшись домой, он напрямик поднялся в свой кабинет и включил телевизор. Запустив магнитофон, посол вновь увидел на экране Трафальгарскую площадь. Он нажимал кнопку за кнопкой, гоня пленку взад-вперед, пока не понял со всей очевидностью: юноша этот — живая копия Дэмьена Торна, и Бухер лгал ему, уверяя, что не знаком с ним.

Здесь крылась какая-то тайна. Бреннан протянул руку к бутылке виски. Посол вдруг подумал, что поступил абсолютно правильно, не задав Бухеру вопрос, из-за которого он и приходил сегодня к старику. О похоронах Дэмьена Торна.

Похоже, что хоть здесь он выиграл очко.

Г л а в а 14

Билли Харрис, начальник пресс-службы Би-Би-Си, был польщен и одновременно заинтригован неожиданным приглашением в американское посольство. Сидя в такси, он по дороге в Гросвенор Сквер то и дело задавался вопросом, чего это посол так им заинтересовался. При этом Харрис поминутно теребил в кармане кассету.

Войдя в здание посольства, Харрис внезапно припомнил тот жуткий случай с предшественником Бреннана по фамилии Дойл: бывший посол созвал тогда пресс-конференцию. И лишь затем, чтобы журналисты стали свидетелями чудовищной сцены. Как он из дустволки вышиб себе мозги.

Харрис был тогда еще неоперившимся, только начинавшим карьеру репортером, и он прекрасно помнил, как все они тогда ломали головы, пытаясь понять, зачем американскому послу понадобилось пойти на такое.. Но никто не мог дать мало-мальски убедительного объяснения.

— Посол ждет вас, — объявили Харрису.

Тот улыбнулся секретарше и вошел в кабинет. Бреннан протянул ему для приветствия руку. Харрис на мгновение задержал взгляд на гербе США. Когда-то весь он был забрызган мозгами Дойла. Харрис вспомнил фотографии, сделанные им в тот день, и снимки эти оказались столь жуткими, что вообще никогда не попадали на страницы прессы, а ходили только по рукам профессиональных газетчиков.

— Рад вашему приходу,— мягко произнес Бреннан.

— Мы всегда искренне рады оказать вам услугу,— приветливо заметил Харрис.

— Вы захватили видеопленку?

Харрис достал кассету. Кивнув на телевизор, Бреннан направился к журнальному столику, чтобы налить в чашки кофе.

Пока они устраивались в креслах, на экране засветилось изображение. Возникли слова: «МИР В ФОКУСЕ».

Затем появилась улыбающаяся, красивая женщина.

— Да, Кейт была очень красива,— обронил Харрис.

— Вы ее знали?

— Совсем немножко. Трагично и грустно. Ведь она была совсем молодой.

— Мистер Харрис, вы человек религиозный? — неожиданно спросил посл.

Харрис смущенно заморгал:

— Боюсь, что нет, сэр.

— Насколько мне известно, она умерла от рака,— внимательно вглядываясь в экран, заявил Бреннан.

— Да.

— А вы никогда не задумывались над тем, что люди заболевают раком по воле Божьей?

— Нет, такая мысль как-то не приходила мне в голову. Но тогда это скорее уж дьявольские козни.

— Да, пожалуй,— согласился Бреннан, а затем негромко воскликнул:

— А, вот и Торн.

Они внимательно следили за происходящим на экране, как профессионально вела интервью с Дэмьеном Торном журналистка Кейт Рейнолдс.

— Их беседа продлится всего пару минут,— пояснил Харрис.— Странная штука. Такое отличное начало. У этого Торна были очень любопытные взгляды на жизнь, да и вообще на мир.

Взоры мужчин были прикованы к экрану. И тут Харрис вскрикнул:

— Вот, сейчас!

Торн продолжал ораторствовать, а его собеседница внимательно и напряженно слушала его. В этот момент камеры поймали ее взгляд, устремленный к потолку. На ее лице внезапно отразился ужас, когда что-то рухнуло сверху, а потом замелькало на экране. Это было охваченное пламенем, человеческое тело, висевшее вверх ногами и раскачивающееся словно маятник.

— Жутко смотреть на это,— прошептал Харрис.— Этот бедняга свалился с верхней осветительной установки, его замотало в нейлоновый занавес. А тут еще взорвался прожектор, и несчастный сгорел, как свечка.

Экран был пуст. Бреннан тихо присвистнул. Затем обратился к Харрису:

— Вы не могли бы запустить кассету сначала?

Харрис перемотал пленку, и на экране вновь возник пылающий факел.

— Остановите, пожалуйста, здесь,— попросил Бреннан. Он подошел к телевизору и некоторое время пристально вглядывался во что-то на экране. Потом сказал:

— Пожалуйста, прокрутите еще раз, если можно.

Харрис опять перемотал пленку.

— Стоп,— воскликнул Бреннан. Он впился взглядом в экран, в человеческое лицо, сведенное судорогой.

— А что это такое, как вы думаете? — спросил он журналиста, указывая на какую-то металлическую полосу в самом углу экрана.

Харрис в недоумении пожал плечами:

— Не знаю. Может, болт откуда-нибудь вывалился.

— А это не похоже на нож?

— Нож? — тупо повторил Харрис.

— Там случайно не находили кинжал?

— Нет, сэр.

Бреннан взял из рук Харриса пульт дистанционного управления и еще раз внимательно просмотрел последние кадры. А Харрис добавил:

— Знаете, никто так и не узнал, кто был этот человек и откуда он взялся. Абсолютная загадка. Но я точно знаю, что ни о каком ноже не было и речи.

Бреннан вытащил кассету и вернул владельцу:

— Спасибо большое, что смогли выбраться.

Уже в дверях пожимая Харрису руку, посол попросил:

— Пожалуйста, никому не говорите о нашей встрече. Будем считать, что это обычное любопытство с моей стороны.

Расплывшись в улыбке, Харрис прижал палец к губам.

— И если я в чем-то смогу быть вам полезен,— продолжал Бреннан,— то...

— Знаете, господин посол, мы собирались снять целую серию социальных портретов...

Бреннан не дослушал:

— Конечно, конечно. Обратитесь к моей секретарше. Мы сделаем все, что в наших силах.

Харрис покинул здание посольства и, пока ловил такси, то и дело в мыслях возвращался к разговору с американским послом. Эта беседа почему-то не укладывалась в привычные рамки. От него, Харриса, ускользнуло что-то самое важное. А может, Бреннан напал на чей-то след? — подумалось ему.

* * *

Бреннан добросовестно отработал весь день и, дождавшись ухода секретарши, позвонил домой. Маргарет не оказалось на месте, чему он, честно говоря, обрадовался. Лгать ей он не хотел. А потому Бреннан продиктовал на автоответчик, что направился в гараж.

Около часа потребовалось Бреннану, чтобы пробиться сквозь вечерние пробки на лондонских дорогах. Он выехал на автомагистраль, ведущую в Беркшир. Бреннан пару раз останавливался и сверялся с картой. Наконец, он свернул налево, на узкую проселочную дорогу, заросшую по обеим сторонам густым кустарником. В нос ударил резкий запах навоза, и Бреннан закрыл окно. Дорога была пустынной, нигде ни одного фермерского домика. Бреннан еще раз заглянул в карту, а затем в записи де Карло. Да, это должно быть уже совсем неподалеку.

Дорога вильнула, и Бреннан заметил впереди огоньки местного кабака. Он вырулил на крошечный дворик, очевидно, служивший одновременно и стоянкой.

Выбравшись из автомобиля, Бреннан взглянул на небо. Его слегка заволакивали облака. Но он должен увидеть эту звезду. Этот символ и указатель места рождения.

Окошки светились так заманчиво, что Бреннан решил заглянуть в кабачок. Это был истинно английский паб, где вам в любое время могли подать кружку отличнейшего эля. И несмотря на то, что вечер выдался теплый, в камине весело потрескивали поленья.

Бреннан решил, что для начала примет порцию виски. Он ее заслужил. За эти последние, ужасно напряженные дни.

Хозяин кабачка представлял собой великолепный объект для зарисовки: добродушный, румяный, пузатый и с огромными пушистыми бакенбардами.

Бреннан заказал виски.

— Как в Америке, сэр? — поинтересовался хозяин.

— Нет, с содовой, пожалуйста.

Хозяин добавил тоника. И рассмеялся:

— Я имел в виду вас, сэр. Вы-то ведь американец? Как там у вас?

— А...

Бреннан огляделся по сторонам. За столиками сидели несколько сельских жителей. Один из них подмигнул послу и отхлебнул из своей кружки. Бреннан улыбнулся в ответ и подумал, что вот сейчас он станет прекрасной мишенью для крестьянских насмешек. Но, к счастью, к нему никто не пристал.

Хозяин между тем поведал послу, что дочь его живет сейчас в Лос-Анджелесе, и что он прошлой зимой навещал ее. Потом он сделал какое-то точное замечание в адрес Америки и оставил, наконец, Бреннана в покое.

После третьей порции виски посол почувствовал себя значительно уверенней и обратился к хозяину с вопросом.

— Да, здесь всегда останавливаются цыгане, — охотно ответил тот. — Грязные черти, — добродушно добавил он.

— А вы случайно не помните рассказов о каком-нибудь странном рождении младенца. Ну, скажем, лет двадцать назад?

Хозяин рассмеялся.

— Хе, сэр, у цыган ведь все странно, и рождение, и жизнь, и смерть. А что именно вас интересует? Я что-то вас не совсем понял.

Бреннан не знал, с чего начать.

— Ну, как вам сказать, просто до меня дошли обрывки этих необычных историй...

— А, так вы репортер, сэр?

— Да нет. Я обычный турист.

Хозяин понимающе кивнул и отошел к другому посетителю. Бреннан же прикончил очередную порцию и поднялся, чтобы выйти отсюда. Он злился на себя за то, что потратил целую уйму времени. И вообще, какого черта его сюда занесло и что, собственно говоря, ожидал он раскопать в этой глуши! Тем не менее Бреннан решился взглянуть на это самое место и потом сразу возвращаться домой.

Он покинул кабачок, пожелав всем на прощание спокойной ночи. Завсегдатаи кабачка устали за ним, а хозяин направился к запасному выходу и, приоткрыв дверь, отодвинулся в сторону, выпуская огромную черную собаку.

Здрав морду, чудовище принялось и, взглянув на клубящиеся вдали облака, побежало по следу.

Через некоторое время она сбавила темп, и уже спокойно и размеренно потрусила по проселочной дороге, не оставляя никаких отпечатков на влажной земле.

* * *

Бреннан стоял на голой поляне и чувствовал себя круглым дураком. Повсюду была грязь, да кое-где торчали кусты сухой травы. Ощущения, которые Бреннан испытывал на этом клочке земли, даже отдаленно не напоминали те чувства, что пережил он тогда, переступив порог церкви; здесь же не было ничего, кроме всеобъемлющей сырости, прорастающей до костей.

Бреннан попытался глубоко вдохнуть здешний воздух, чтобы, возможно, хоть что-нибудь почувствовать, но только раздраженно хмыкнул и принялся ругать себя на чем свет стоит. Он клял себя за то, что поддался на эту авантюру и угробил сегодня целый вечер.

Бреннан повернулся, намереваясь возвратиться к машине, но почему-то не увидел горящих окошек, да и сам кабачок куда-то запропастился. Однако пройдя вперед несколько шагов, Бреннан различил очертания крыши: значит, они просто потушили свет. Он взглянул на часы. Но не могли же они закрыться так рано? Странно. Впрочем, какое ему до этого дело? Бреннан зашагал к машине, ежась от вечерней прохлады.

Внезапно налетел пронизывающий ветер.

* * *

Добравшись, наконец, до автомобиля, Бреннан опять поморщился от резкого запаха навоза. Весь салон, казалось, был пропитан этой вонью. Филипп завел мотор и попытался было включить вентилятор, но тот не работал. Вместо него загорелась красная лампочка, известившая о том, что где-то в проводке произошло замыкание.

Бреннан проклинал себя. Он надеялся только на то, что эта неполадка — единственная. Филипп хотел сейчас только одного — вернуться домой.

Выехав со двора, Филипп заметил на лобовом стекле разбившихся насекомых. Он включил дворники, но те тоже не работали. Запах в салоне становился невыносимым. Бреннан стал открывать окно, но оно не подавалось. Филипп чертыхнулся. Он вдруг почувствовал, что по его ботинкам побежала вода. Филипп выглянул в окно и заметил собаку. Она мчалась рядом, глядя ему прямо в глаза. Он посмотрел в зеркальце заднего вида. Никого. Померещилось. Это все от виски. Филипп почувствовал тошноту, которая усилилась от этого жуткого запаха. Филипп постарался собраться с мыслями. Сколько же виски он вылакал? Только три порции. Нет, это просто смешно. От такой дозы его не могло тошнить.

Небеса разверзлись, и ливень очистил лобовое стекло от насекомых. Филипп присматривался к указателям по обеим сторонам дороги. Наконец, он заметил дорожный знак, указывающий направление на Лондон. Автострада была абсолютно пустыня, и Бреннан сбавил скорость. Внезапно он нажал на тормоза. С указательного знака свисал какой-то маленький, розовый предмет. Бреннан дал задний ход и подъехал поближе к этому знаку. Игра света. Вовсе ничего не свисало с указателя. Бреннан набрал полные легкие и разом попытался выдохнуть из себя этот смрад. Филипп нажал на педаль газа. Машина не двинулась с места.

Бреннан давил и давил педаль газа, бросая взгляды по сторонам. Колеса буксовали. И вдруг машина дернулась, и тут же за окнами стремительно замелькали придорожные кусты. Однако ни один механизм в автомобиле не подчинялся Бреннану. Машина вышла из-под контроля.

Бреннан судорожно нажимал на всякие кнопки, до отказа давил на педали, но машина существовала теперь словно сама по себе. Невыносимый приступ тошноты захлестнул его, и, закашлявшись, Бреннан взглянул в зеркальце над собой. Оттуда на него уставился младенец, заросший густой шерстью.

Беззубый рот ребенка кривился в гнусной ухмылке.

Закричав, Бреннан прикрыл руками глаза. В этот момент машина рухнула в кювет. Голова Бреннана врезалась в лобовое стекло.

* * *

Маргарет Бреннан рассеянно наблюдала за происходящим на экране. Время от времени она поглядывала на часы. Зазвонил телефон.

— Привет,— бодро поздоровалась Маргарет, а затем вежливо добавила: — Нет, он еще не вернулся. Я обязательно дам вам знать.— Женщина уютно устроилась на диване. Через полчаса вновь раздался телефонный звонок. Маргарет сняла трубку.

— Да, да, да,— трижды повторила она. И вдруг приглушенно вскрикнула:

— В каком госпитале? Где это находится? — воскликнула Маргарет и бросилась к двери.

* * *

Ребенок смотрел на него широко раскрытыми глазами. Его терзала мучительная боль, но младенец грустно улыбался. Бреннан протянул к нему руки, пытаясь снять его с деревянного креста, но не смог нащупать ладоней ребенка. Детское тельце уже начало холодеть, сбоку меж крошечных ребер зияла страшная рана. Бреннан попытался дотянуться до ручонки, которые были закинута за голову мальчика и прибиты ладошками к кресту.

Бреннан закричал от ужаса, но вопль этот застрял в его горле. В отчаянье Бреннан старался выдрать огромный гвоздь из детских ладошек, но тело ребенка только вздрогнуло и опять поникло. Несмотря на предсмертную агонию, ребенок улыбался Бреннану. Смирение и прощение, жалость и печаль сквозили в этой светлой, тихой улыбке. Над головой маленького страдальца виднелась надпись. Это была латынь, и Бреннан не понял ни слова.

Но должен ведь кто-то помочь!

Бреннан бросился прочь от креста. Его опять преследовало жуткое зловоние: теперь за ним гнался другой ребенок. С головы до ног тот был покрыт густой шерстью. Из рта его доносился трупный смрад, а вместо ногтей чернели звериные когти.

Бреннан уже различал какие-то голоса, но по-прежнему ничего не видел. Прямо возле его уха незнакомый мужчина произнес:

— Он без конца твердит об одном и том же: сотня убитых младенцев, и еще какой-то распятый ребенок.

— Да! — воскликнул Бреннан. Где он, этот мужчина, сейчас Бреннан ему все расскажет. Но Филипп опять не услышал своего голоса.

— Но в живых-то он останется? — донесся до Бреннана взволнованный женский голос. Он был ему знаком, и Филипп силился вспомнить имя своей жены. Но не смог.

Он почувствовал прикосновение руки, затем легкий укол и опять провалился в тьму. И снова он звал кого-то на помощь, умоляя подойти и снять младенца с креста...

* * *

В этот раз рука была нежной и мягкой; теплая женская рука, ласково гладившая его лоб. Он вцепился в нее, изо всех сил стараясь разомкнуть веки. Тщетно. Тогда он ощутил руку и обнаружил на пальце знакомый шрам, что-то вроде родимого пятна. Он услышал ее голос, внушавший ему, что все будет хорошо. Он как ребенок, держался за ее палец, ощущая, как горит крохотная отметина. Он с силой сжал знакомую руку и услышал вскрик. А потом опять укол. И вновь тьма поглотила его.

Когда он проснулся, первое, что бросилось ему в глаза, были занавески на окнах его собственного дома. Как же странно, он их узнал с первого взгляда. В висках стучало, но видения исчезли. Он заморгал, силясь вспомнить, что же с ним стряслось, но память опять подвела его. Он дотронулся до своей головы. Она была забинтована. Опираясь на подушку, он попытался было сесть, но тут же без сил рухнул на постель. Однако через некоторое время ему все-таки удалось опустить на пол ноги и дотянуться до зеркала, лежащего на столике рядом с кроватью. Его охватила дрожь, когда он вдруг подумал, что может увидеть в зеркале. И все-таки он взглянул в него. Это было его собственное лицо — небритое и помятое — но его.

— Филипп!

В дверях спальни стояла жена. Улыбнувшись, она направилась к постели и склонилась над мужем. Маргарет тепло коснулась губами его щеки.

Филипп засунул ноги под одеяло.

— Здорово тебя разукрасило! — весело заметила Маргарет.

— Расскажи мне все, пожалуйста.

— Да что тут особенно рассказывать-то. Ты разбил машину. Тебя нашли в тот момент, когда ты — весь окровавленный, бродил и...

— А младенца спасли?

— И у тебя до сих пор продолжают галлюцинации. — Маргарет улыбалась, как улыбаются обычно маленьким детишкам: — Но голова твоя так сильно пострадала, что удивляться этому не приходится. Жена снова погладила его по щеке: — Ладно, поспи лучше. Уже все хорошо.

И она вышла из спальни, вилая бедрами, словно уличная девка.

А Филипп вдруг вспомнил, что она даже не поинтересовалась, как он себя чувствует. Будто это ее вообще не волновало. Бреннан закрыл глаза и, проваливаясь в сон, молил Бога, чтобы ребенка спасли.

Г л а в а 15

Пожалуй, впервые за все годы секретарша посла не находила нужных слов. Наблюдая, как ее шеф собирает свою дорожную сумку, она переминалась с ноги на ногу и тербила волосы.

— Но почему именно в Рим? — решила, наконец, она задать вопрос. — И почему так внезапно?

— Пожалуйста, посмотрите, положил ли я зубную пасту и бритву, — не слыша секретаршу, попросил посол.

— Но, господин посол, вас же сегодня ждут в Уайтхолле. Вы же не можете вот так...

— Пусть едет Гарри, — Бреннан застегнул на сумке молнию. — Извинитесь. Ведь именно затем вы здесь и сидите. И отлично со всем этим справляетесь. Завтра к обеду я уже вернусь.

— Но, может быть, вы хотя бы скажете мне, куда и кому вы летите?

— Если я открою вам, что у меня назначена встреча с одним сумасшедшим монахом, вы мне поверите, а? — улыбнулся Бреннан.

А его секретарша подумала о том, что судя по его поведению за последнее время, так оно все, видимо, и есть на самом деле. Удивляться тут нечему. Она вполне поверила Бреннану.

— До завтра, — бросил на прощание посол и вышел из кабинета. Через плечо у него болталась сумка, темные очки скрывали синяки под глазами, а на лбу была повязка. Да, видочек, что надо, мелькнуло в голове у секретарши.

Она смотрела вслед Бреннану, затем мельком взглянула на герб Соединенных Штатов и, коснувшись рукой телефона, вслух заметила:

— Господи, Боже мой, я-то что из кожи вон лезу? Мне-то что до всего этого?

Она была всего-навсего прекрасным солдатом, выполняющим любой приказ своего генерала — и все тут. Спрос с нее невелик.

И секретарша посла вернулась к своему письменному столу, чтобы, как всегда, отвечать на телефонные звонки и усердно выполнять свои обязанности.

* * *

Небольшой самолет взял курс на юго-восток через Францию. Сидя в салоне, Бреннан то и дело дотрагивался до повязки и даже мог нащупать хирургические швы на лбу. Врач заверил его, что небольшие шрамы все-таки останутся, но они не обезобразят его лица. Но вот кто сотрет шрам, появившийся в его душе, хотел бы он знать?

В который раз перечитывал Бреннан мятую телеграмму, извлеченную из брючного кармана. Он не мог уловить в этом послании и намека на проявление эмоций. Здесь холодно сообщалось о том, что священник на смертном одре пожелал увидеть его — Бреннана — по весьма важному делу. Посол еще раз прочел адрес госпиталя. Наверное, найти его можно будет без труда.

Бреннан выглянул в иллюминатор. Внезапно он поймал себя на мысли, что летит тем же маршрутом, которым следовали и его предшественники: Роберт Торн, и Дулан, и Финн.

Он вызвал стюардессу и заказал виски.

— Ничего, я еще пока живехонек, — пробубнил он себе под нос.

— Сэр? — не поняла стюардесса.

— Ничего, ничего, — улыбнулся Бреннан. — Решил испытать судьбу.

* * *

Самолет приземлился на одной из самых отдаленных посадочных полос, однако Бреннан очень быстро прошел таможенный контроль и напрямик направился к поджидавшему его такси. Секретарша заранее заказала машину и все устроила как надо. Единственное, что Бреннана сейчас волновало, так это отношение римских властей к его анонимному визиту. Скорее всего они не обраят на это никакого внимания. Ведь они по горло сыты своими собственными проблемами. А тут еще ворочать мозгами, с какого это перепугу дипломату приспичило заявиться частным порядком, то бишь инкогнито.

Поездка на восток заняла более двух часов. Наконец они добрались до той деревушки. Больница располагалась в укромном уголке, подальше от людских глаз.

Бреннан взглянул на вывеску и застонал. Боже, ему ведь и в голову не приходило, что это может оказаться госпиталь для душевнобольных. Он притормозил у ворот и, на мгновение откинувшись на спинку сиденья, глубоко и тяжело вздохнул. Похоже, он зря потратил время. Воображение рисовало ему совсем иную картину: вот он стоит возле постели умирающего и беседует с этим достойным и благородным стариком, и тот благословляет его. Тут же непременно должны стоять в вазах прекрасные итальянские букеты цветов. И, конечно же, нежный, ласковый ветерок, какой дует только в Италии. А вместо этого Бреннану предстояла встреча с выжившим из ума беднягой. О, Господи!

Это было небольшое одноэтажное здание с крошечными окнами. Войдя внутрь, Бреннан внезапно почувствовал панический страх. Страх, тем более сильный, что появился тот неожиданно и без видимых причин. А что если его — Бреннана — сейчас повяжут здесь, в этом доме? Ведь никто, никогда не найдет его. Ибо ни одна живая душа в Лондоне не ведала, где сейчас находится американский посол...

Бреннан отогнал прочь эти глупые мысли и, заметив за столом дежурного — живого и вполне нормального человека, заставил себя улыбнуться. Он представился и попросил о свидании со священником. Бреннану предложили чуточку подождать. Спустя минуту в одном из коридоров показался молодой человек. Посол сразу же узнал Френсиса. Вина перед этим монахом тяжким грузом легла на его плечи. Ведь если бы тогда, в Риме, Бреннан прислушался к словам этого монаха, несколько человеческих жизней были бы спасены...

— Спасибо, что приехали, — молодой человек протянул для приветствия руку, затем вдруг прижал Бреннана к себе, обнял его за плечи. Только теперь посол увидел, что лицо Френсиса залито слезами.

— Как он? — нерешительно осведомился Бреннан.

— Скоро душа его освободится, — грустно и со спокойным достоинством сообщил брат Френсис. Протянув Бреннану руку, он увлек того вниз по коридору.

— Но почему он все-таки именно в этой больнице? Для.. — язык его не поворачивался произнести эти слова «для умалишенных».

— Почему в больнице для душевнобольных? — подсказал монах. — Говорят, что он довел себя до крайнего нервного истощения. Он постоянно твердил о конце света, то и дело повторяя, что нужно срочно послать кого-нибудь

в ту самую английскую деревушку. Мы убеждали их, что сами сможем ухаживать за ним в монастыре, но они настаивали...

Бреннану не терпелось узнать, кто такие «они», но он сдержался. Молча следовал он за монахом, всем своим нутром ощущая, что находится сейчас в совершенно ином измерении. В мире несчастных и обездоленных людей. Ему нестерпимо захотелось выбраться отсюда на волю, на воздух — в обычный и суетный мир. Словно прочитав его мысли, монах еще крепче сжал руку Бреннана.

Они спустились по лестнице в полуподвальное помещение. Здесь было сумрачно и значительно прохладней, чем наверху. Как будто этот мир старались упрятать подальше от постороннего взгляда.

Френсис постучал в самую крайнюю дверь. Она распахнулась. На пороге стоял санитар в зеленом форменном халате. Он кивнул и пропустил их внутрь. В нос резко ударил запах карболки.

Они оказались в крошечной комнатенке, напоминавшей скорее келью. Из мебели здесь виднелась одна-единственная железная койка, стул, да умывальник, на котором стоял большой кувшин.

Невольно Бреннан взглянул на оконце: нет, оно не было зарешеченным, однако величина этого окошка не позволяла протиснуться в него и ребенку.

Старик пошевелился на кровати, пытаясь приподнять руку.

— Господин Бреннан? — раздался немощный голос, в котором послышался вопрос.

Бреннан склонился над койкой и пожал худую старческую руку. В лице де Карло не было ни кровинки: кожа, как пергамент, обтягивала впалые щеки, рот ввалился. Прикоснувшись к ледяной руке де Карло, Бреннан вздрогнул. Перед ним лежал человек, пытавшийся спасти мир от гибели, этот несчастный безумец добровольно ввалившийся на плечи свой крест. И вот награда — смерть в одиночестве. Да еще и в сумасшедшем доме.

— Садитесь, господин посол.

Бреннан присел на краешек стула возле постели.

— Очень жаль, что вы не совсем здоровы, — промямлил Бреннан.

Мягко улыбнувшись, де Карло покачал головой.

— Спасибо, господин посол, но пусть вокруг да около ходит тот, кто в этом нуждается.

Несколько мгновений мужчины молча всматривались друг в друга.

Неожиданно де Карло прервал возникшую паузу:
— Вы ведь человек не религиозный, господин Бреннан?

Бреннан кивнул.

— Тогда зачем вы все-таки прилетели из Англии?

Посол слегка растерялся.

— Я прочел ваши записи и те два письма. Конечно, они лишены смысла...

Священник оборвал его:

— А мы здесь не для того, чтобы рассуждать о вещах привычных.

— Но простите,— возразил Бреннан,— я точно также не верю ни в черта, ни в дьявола.

— Но зачем тогда вы здесь?

— Сам не знаю. Может быть, из сострадания.

Де Карло отрицательно покачал головой.

— Однако, возможно, просто из любопытства.

Теперь де Карло улыбался. И Бреннан был вынужден признаться себе, что привело его сюда не одно только чувство сострадания. Здесь крылась какая-то непонятная и необъяснимая причина. Бреннан сидел уставившись себе под ноги. Он не мог вымолвить ни слова.

И вдруг пошел напролом:

— Мне кажется, что я сошел с ума.

Произнеся эти слова, Бреннан почувствовал, будто тяжелая ноша свалилась с его плеч.

— Пожалуйста, посмотрите мне в глаза,— попросил его де Карло. Бреннан повиновался, и в голове у него мелькнула мысль о нелепости всей этой ситуации: он признается в безумии человеку из «психушки».

— Почему вы так думаете? — поинтересовался де Карло.

И Бреннан скороговоркой, боясь, что его прервут, рассказал о своих ночных кошмарах, о ребенке на кресте, о другом младенце — мерзком и гнусно пахнущем. Когда посл, наконец, закончил свою исповедь, де Карло, преодолевая боль в разбитом теле, приподнялся в постели и с трудом оперся на локоть. Он ласково дотронулся до руки посла:

— Как по-английски называется ощущение, когда человеку кажется, будто его кошмары оживают?

— Галлюцинации,— подсказал Бреннан.

— Да, да, верно,— подхватил де Карло.— Власть злых сил безгранична. И расстояние для них — не помеха. Зло разрушает человеческую способность к воображению. Сила Антихриста способна изуродовать человеческие созна-

ние и ум. Антихрист имеет власть и над людьми, и над животными. Его сила сводит человека с ума. Вспомните вашего предшественника, посла Дойла.

— Да,— механически подтвердил Бреннан,— он сам себе вышиб мозги.

— Разумеется, Дэмьену Торну во что бы то ни стало надо было избавиться от этого человека. Вот он и добился своего: тот сам себя убил. И никто так и не узнал, почему.

— Верно,— пробормотал Бреннан,— тех, кого богам угодно уничтожить, они просто сводят с ума.

Де Карло резко возразил:

— Нет, сын мой, не боги. Не боги.

На пороге возник молодой монах. Де Карло поднял дрожащую руку, которая почему-то напомнила Бреннану трепыхающиеся крылышки умирающей птицы. Священник кивнул монаху, и тот вытащил из-под сутаны кожаный, потертый кошель. Де Карло извлек из него кинжал:

— Мне больше не позволяют держать их при себе,— пояснил он.— Теперь о них заботится брат Френсис.

Бреннан посмотрел на фигурку Христа на рукоятке.

— Вот этим кинжалом была уничтожена физическая жизнь Дэмьена Торна,— объяснил де Карло.— Необходимо вновь использовать его.— С этими словами старик протянул Бреннану кинжал, держа его за лезвие. Бреннан сжал рукоятку и почувствовал, как его вновь начинает одолевать мучительный страх.

— Держитесь за Христово тело, и Он поможет вам,— зайдясь в приступе кашля, де Карло обессилел и упал в постель. Затем тихо продолжал:

— Вы знаете, что надо делать. Времени осталось в обрез. Полчища людей испокон веков уничтожали и уничтожают друг друга, но скоро этому наступит конец.— Де Карло прикрыл глаза и перешел на шепот. Бреннану пришлось склониться к самым губам священника, чтобы расслышать его слова:

— В Откровении сказано: «И видель я выходящих изъ усть дракона, и изъ усть зверя, и изъ усть лжепророка трехъ духовъ нечистыхъ... Это суть бесовские духи, ... они выходятъ къ царямъ земли и всей Вселенной, чтобы собрать ихъ на брань...»

Де Карло открыл глаза.

...на брань...— еле слышно повторил он.— Вы, господин посол, положите этому конец. Набирайтесь силы от Христова тела в ваших руках...

Глаза де Карло затуманились, рукопожатие ослабло.

Бреннан поднялся со стула, и, пошатываясь, побрел к двери.

— У меня нет такой веры, как у вас, святой отец,— пробормотал он.— Но я желаю вам мира.

— Теперь все в ваших руках.

Бреннан стоял уже на пороге.

— И помните,— вновь раздался слабый голос священника,— ваши ночные кошмары — это все происки дьявола. Но восставший Христос вам поможет. Доверьтесь Ему и положитесь на Него.

Бреннан покинул комнату и пошел следом за Френсисом. Дверь закрылась за ними, но еще долго из-за нее доносился сухой кашель старика.

Бреннан же думал только о том, чтобы поскорее покинуть это место.

Машина мчалась на север Италии. Сидя за рулем Бреннан вдруг с любопытством обнаружил, что окончательно успокоился, и страх, наконец, покинул его. Бреннан взглянул на кинжал, лежавший подле него на автомобильном сиденье. Один вид этого оружия странным образом успокаивал посла. Значит, он пока все-таки не свихнулся. И его кошмары — происки нечистой силы. Все непостижимым образом становилось на свои места. Во всем появлялся некий, ранее скрытый от него — Бреннана — смысл. И вдруг посла опять на какое-то мгновение одолело сомнение: ведь если все это имеет смысл, значит, он-таки свихнулся? Да кто же, как только не псих, может в это поверить?.. Бреннан взглянул в зеркальце заднего вида. И увидел свою собственную, улыбающуюся физиономию.

Глава 16

Точно так же, как ранее представитель Би-Би-Си, Кеннет Эванс — помощник начальника полицейского управления — был крайне заинтригован, получив из американского посольства приглашение на ланч.

И действительно, сколько Эванс ни прокручивал в мозгу все варианты, видимых причин для подобного приглашения, похоже, не находилось.

Как-то раз Эванс уже встречался с послом, но совершенно официально. Бреннан нравился Эвансу. Посол производил хорошее впечатление, и, даже если, подобно всем политикам, что-то и скрывал под маской «добропоря-

дочного гражданина», то делал это весьма искусно. Вот об этом-то и размышлял Кеннет Эванс, направляясь в посольство.

Бреннан поднялся из-за своего массивного письменного стола и, поздоровавшись с Эвансом, извинился за свой довольно плачевный вид после автомобильной катастрофы.

— Ну, сэр,— нарочито строго пожурил его Кеннет,— если вы и в следующий раз не пристегнетесь ремнем...

— Ясно,— в тон ему подхватил Бреннан,— намек понял.

В кабинет вкатили сервировочный столик с закусками, и мужчины приступили к ланчу.

О чем они только ни болтали: и о последних публичных выступлениях отдельных политиков, и об ужасной трагедии на Трафальгарской площади, и об американском футболе, по части которого Эванс был просто дока.

Полицейский уже начал было подумывать, зачем его вообще сюда пригласили. Они пили кофе. И тут Бреннан обратился, наконец, со своей просьбой к Кеннету.

Эванс нахмурился:

— Вы сказали, пять кинжалов?

— Да, совершенно одинаковых. Я полагаю, они хранятся в вашем так называемом музее Ужасов. Дело в том, что их обнаружили несколько лет назад в Чикаго, и наш Чикагский музей с удовольствием бы их выставил на короткое время. Разумеется, по окончании этого срока мы их тут же вернем.

— Даже не знаю...— промямлил Эванс.

— Насколько я понимаю, вся информация, поступающая к вам, хранится в делах, так? Ну, я имею в виду отпечатки пальцев и все такое?

Эванс кивнул.

— Так значит, эти кинжалы могут понадобиться, если вдруг преступника опознают?

— Точно так.

— Не хочу показаться назойливым, но, похоже, в ближайшее время это маловероятно? — с улыбкой заметил Бреннан.

— Согласен,— улыбнулся в ответ Кеннет.

— Так вот, в любой момент, как только вам понадобятся кинжалы, мы их вам тут же возвращаем.

— Однако в таком случае я буду вынужден настаивать, чтобы кинжалы находились под надежной охраной.

— В этом можете не сомневаться.

— Ну, тогда не вижу причин, чтобы...

— Отлично! Спасибо. Огромное спасибо. Чикагский музей будет просто в восторге от этой новости.

Они снова перешли на тему об американском футболе, и Эванс просидел у посла еще минут двадцать. Где-то в глубине сознания у полицейского затаилось любопытство: зачем все-таки американскому послу понадобились эти древние кинжалы?

Усаживаясь в автомобиль, Кеннет, не сдержавшись, произнес:

— В конце концов, не наше собачье дело знать на кой черт Бреннану эти штуковины.

И, действительно, важен был результат: теперь посол США обязан Кеннету, а помощнику шефа Главного полицейского управления это непременно рано или поздно пригодится.

Сегодня Кеннет Эванс был вполне доволен собой.

— Маргарет! — с порога окликнул жену Бреннан. Хотя был почти уверен, что та еще бродит по магазинам. Но все-таки должен же он убедиться, что ее действительно нет дома. Бреннан вовсе не горел желанием отвечать на ее вопросы, — а они, конечно, непременно возникнут. Да и ответы его вряд ли смогут удовлетворить жену.

Бреннан плеснул в бокал виски, в который раз отмечая, что слишком зачастил с выпивкой, да черт с ней. Как только весь этот кошмар закончится, если он вообще может закончиться — дозы спиртного тоже сократятся.

— Ну, давай же побыстрее, где ты там запропастился, — сквозь зубы ругался Бреннан, думая о посыльном из полицейского управления, которого Эванс обещал прислать еще к шести часам.

Наконец, раздался звонок. Бреннан бросился к двери. Посыльный вручил ему пакет, и, попросив расписаться в получении, вежливо откланялся и направился к своему мотоциклу.

Закрыв дверь, Бреннан кинулся в свой кабинет. Пакет был прочно перевязан, и Бреннан, пытаясь развязать бечевку, обложил весь белый свет. Кипя от негодования, он схватил ножницы и перерезал шпагат. Из пакета выскользнули кинжалы, и один из них, падая, задел ладонь Бреннана. Тот вскрикнул от боли. Из тонкого, прямого надреза заструилась кровь.

Кинжалы упали на пол, к каждому была прикреплена номерная бирка. Нож, что поранил руку Бреннана, вонзился острием в паркет и теперь, слегка раскачиваясь, торчал в нем. Филипп протянул было руку, чтобы собрать кинжалы, но кровь закапала прямо на рукоятку торчащего

в полу стилета. Чертыхнувшись, Бреннан поспешил в ванную, чтобы залепить ранку пластырем. Наклеивая пластырь на ладонь, он обратил внимание, что порез пришелся как раз на то место, которое хироманты называют линией жизни, и пересекал названную линию в точке, соответствующей примерно среднему возрасту. Бреннан невольно застонал. Однако на этот раз он быстро справился с охватившим его страхом и вернулся в кабинет.

Нож все еще торчал из паркета. Рукоятка была обогрета его, Бреннана, кровью. Филипп вытащил из пола кинжал и попробовал стереть кровь салфеткой. Но кровь только размазалась по всему телу и лику Христа. Бреннан возвратился в ванную, вымыл нож и, осторожно вытерев его полотенцем, снова поднялся в свой кабинет. Выдвинув там ящик письменного стола, Филипп достал из него кинжал, врученный де Карло. Затем собрал все кинжалы вместе, расположив их в форме креста.

К нему были обращены шесть ликов Христа, искаженных агонией, шесть ликов, от которых он не в силах был оторвать взгляд. Он как будто смотрел на колеблющееся пламя костра — завораживающее, манящее и в то же время будоражащее неведомые глубины души.

Он не помнил, сколько вот так, зачарованно, простоял. Услышав скрип входной двери, он вздрогнул. Затем сдвинул кинжалы в кучу и спихнул их в ящик стола. Он только-только успел их спрятать, как в кабинет вошла Маргарет.

Бреннан поздоровался с женой и задумался над тем, что он будет делать дальше.

Этот день был, пожалуй, самым жарким в году. К тому же он выдался еще и на редкость влажным. Бухер и Дэмьен неспешно прогуливались по Пирфордскому парку. Собака не отставала от них. В жужжание пчел вплеталось стрекотанье кузнечиков; высоко в небе заливался жаворонок.

Презрительно хмыкнув, Дэмьен оборвал сентиментальное замечание Бухера насчет «оркестра природы». Юноша выглядел очень плохо: лицо — белое, как простыня, со следами чрезвычайной усталости. Подобная усталость не присуша молодости. Да и загар как будто вовсе не приставал к юноше. Кстати, в яркие, солнечные дни Дэмьен Торнмладший ощущал особую подавленность, а под глазами появлялись синяки, да и щеки словно вваливались.

— Ну что, подготовка к совещанию завершена? — осведомился юноша.

— Да, сделано вроде все возможное. Почва для него подготовлена.

— Вот-вот. Именно почва подготовлена. Пришло время собирать урожай.

Бухер решил было уточнить, что Дэмьен имеет в виду, но не успел и рта раскрыть. Юноша остановился, как вкопанный. Потом резко обернулся, всматриваясь в даль, туда где темнела полоска деревьев. Бухер обратил свой взгляд туда же. В нескольких сотнях метров от них солнечные блики переливались в листве деревьев — и больше ничего и никого. Внезапно собака громко зарычала, шерсть на ее загривке встала дыбом.

— Он прислал за мной своего раба, — произнес Дэмьен. — Лакей Божьего Сына явился сюда, чтобы уничтожить меня.

Только Дэмьен проговорил эти слова, собака рванулась с места и бросилась в сторону деревьев, залитых солнечным светом. А юноша продолжал:

— Я чувствую Его присутствие повсюду. Он проникает мне в душу. Жалость Его пронизывает меня до мозга костей.

Бухер вздрогнул. Он прекрасно понимал, что имеет в виду Дэмьен. На собственной шкуре ощутил он влияние Сына Божьего: и, если вдруг случалось, что Поль ложился спать недостаточно подготовленным, то всю ночь напролет чудился ему Его голос, исчезая лишь к утру и оставляя в памяти какие-то обрывки сновидений.

Собака тем временем скрылась в кустах, а юноша двинулся в сторону особняка. Еле слышно он прошептал:

— Молись за меня, Поль. Вели всем ученикам молиться за меня. Мне нужна сила и поддержка их всех.

Дэмьен побрел к дому, слегка приволакивая ноги, словно старик. Бухер еще раз взглянул на купающиеся в сиянии деревья и последовал за своим господином. С головы до ног его пробирала дрожь, внутри все заледенело, несмотря на такой непривычный для Англии зной.

Опустив бинокль, Бреннан глубоко вздохнул, и влажный воздух наполнил его легкие. Бреннана трясло, как в лихорадке.

Филипп уже свесил ноги с внутренней стороны стены. Он еще раз оглянулся на куст, под которым оставил кошель с пятью кинжалами. Шестой кинжал Филипп крепко сжимал в руке. Однако в эти минуты Бреннан твердо знал:

то, о чем просил его де Карло, он — Филипп — никогда не сможет выполнить. Все это безумие, абсурд. Да и мысли-то об этом являлись частью того же самого сумасшествия.

Бреннан чуть было не прыгнул со стены, когда из кустарника выскочило чудовище: огромный пес с желтыми, немигающими глазами. Таких Бреннан сроду не видывал. Захваченный врасплох, он вцепился в стену и подобрал ноги, с трудом удерживая равновесие.

Собака, оскалив пасть и не издавая ни звука, раз за разом бросалась на стену, пытаясь передними лапами достать Бреннана.

Филипп не сводил взгляда с ее желтых глаз. Вот собака отскочила и тут же с новой силой кинулась на стену. Филипп услышал клацанье зубов. Еле удерживаясь на стене, Бреннан находился в шатком равновесии. Он чувствовал себя, как на борту раскачивающегося судна и испытывал непреодолимое желание броситься зверю прямо в пасть. Что-то подобное ощущаешь, когда смотришь в морскую пучину и вдруг, забыв обо всем на свете, понимаешь, что тебя, как магнит, притягивает эта бездна.

Бреннан оторвал взгляд от собаки и зажмурил глаза. Но сразу возникло видение распятого младенца. Филипп затряс головой, пытаясь отогнать это видение, и тут же в нос ударил невыносимо жуткий запах, исходящий от чудовища. То самое зловоние, что преследовало Бреннана в его кошмарных галлюцинациях.

Филипп с такой силой сжал рукоятку оружия, что фигурка Христа врезалась в его ладонь. Боль привела Филиппа в чувство, вернув к действительности. Галлюцинация с младенцем оставила его. Пес внизу замер на месте, не сводя с Бреннана желтых глаз. Как будто удивление было написано на собачьей морде. Чудовище словно раздумывало, что ему делать дальше...

А Бреннан тем временем неторопливо спустился с другой стороны стены и, подхватив кошель с кинжалами, услышал чудовищный вой. Это был отчаянный вой зверя, упустившего добычу.

Глава 17

Питер Стивенсон наблюдал из окна за подкатывающими к зданию лимузинами. Репортеры тут же плотным кольцом окружали людей, вышедших из этих автомобилей. Щелкали вспышки и затворы фотоаппаратов.

Питер Стивенсон был вполне доволен собой. Что бы там ни произошло после этого совещания, имя его — Стивенсона — уже вписано в историю. Потому что благодаря исключительно его усилиям эта встреча состоится. Израильяне должны будут — хотя бы на глазах у публики — за руку здороваться и с сирийцами, и с ливанцами, которые являлись связующим звеном с Палестинским Фронтом Освобождения. Компромисс, наконец, был достигнут, и в течение ближайшего часа ожидается подписание исторического коммюнике.

До сих пор все шло, как надо. Стивенсон закрыл глаза и принялся фантазировать: да, а вот если бы ему удалось перетащить на свою сторону представителей еще и ПФО, то тогда... Нет, это он, пожалуй, хватил через край. А ведь уже и по результатам нынешних переговоров можно представить себе броские заголовки в газетах. Это будет самый веский вклад в дело мира и стабильности с тех самых пор, как Садат ступил на землю Израиля. Правда, изначально Стивенсон рассчитывал на еще большую удачу.

Он даже в мыслях боялся представить, что может произойти, если сейчас где-нибудь случится сбой. Каждая арабская страна обладала ядерным запасом: и Ливия, и Сирия, и Ливан. Стало быть, любая из этих стран в пику другой может развязать новый Холокаст?

Однако, что может сейчас вдруг сорваться, спросил он сам себя? Соглашения подписаны, и то, что должно состояться нынче — так это уже для публики.

Стивенсон снова выглянул в окно и увидел, как к зданию приближаются автомобили представителей Израиля. Репортеры у подъезда как по команде засуетились. Вдоль дороги выстроились многочисленные зеваки, глазающие на красочное зрелище. Впервые за последние месяцы в толпе не было видно ни лозунгов, ни транспарантов. Люди просто наблюдали «исторический момент», чтобы впоследствии рассказывать своим детям и внукам о том, что они-де лицезрели особ, сохранивших мир на планете. А демонстрантов потрясла трагедия на Трафальгарской площади. Они лишились тогда своего лидера и до сих пор скорбели по нему.

Стивенсон вздохнул и отошел от окна. Глянув в зеркало, он одернул костюм и направился к лестнице встречать гостей. Через час весь мир заговорит только о нем. Стивенсон — борец за подлинный мир на планете добился желаемого...

В целях безопасности Филиппу Бреннану и госсекретарю полагалось ехать в разных автомобилях. Зевая, Бреннан разглядывал толпы людей, ощущая каким-то шестым чувством, откуда из гущи зевак на него направлена видеокамера. Возможно, его белозубая улыбка будет снята сегодня вечером на экранах миллионов телезрителей. Машина затормозила, и Бреннан шагнул в толпу журналистов.

— Господин посол, не могли бы вы прокомментировать слухи о том, что по состоянию здоровья вы подаете в отставку?

— Конечно, могу,— на ходу бросил Бреннан, в окружении помощников и телохранителей проталкиваясь ко входу,— это не более чем слухи.

— Как вы себя чувствуете, господин посол?

— Отлично,— расплылся он в улыбке. Да, именно эти кадры дадут они сегодня вечером вслед за теми, другими, где он зевает в автомобиле, подумал Бреннан. Ну да черт с ними со всеми.

Вместе со своим помощником, посол прошел в конференц-зал и сел, как обычно, рядом с госсекретарем. Этот крупный мужчина приветливо кивнул Бреннану, но в его взгляде мелькнула какая-то тень. Филипп надеялся только на то, что тот не будет лезть в душу, пытаясь, зачем это Бреннан летал в Рим, покинув свой пост, потому что оправданий у Бреннана не было.

Ладно, сейчас надо забыть обо всем. И Бреннан действительно стал вслушиваться в слова выступающих. Представители Сирии и Ливана сидели рядом. Сзади — русские. Лидеры из ОПЕК расположились вместе, а израильская верхушка находилась справа от американцев.

По мере того как Бреннан вслушивался, до него наконец начал доходить тот нехитрый факт, что вот это все и есть реальный мир, его настоящая, действительная жизнь — без сумасшедших священников, дьяволов и всяких там бесов.

Он услышал внушительный голос Питера Стивенсона:

— Предложения включают в себя обсуждение вопроса о районе Восточного Иерусалима. Позвольте мне представить вам членов сирийской делегации.

Телекамера тут же крупным планом показала сирийца, легонько постукивающего по микрофону и пробегающего взглядом свои записи.

Сириец заговорил на родном языке, и Бреннан вставил в ухо устройство, позволявшее слышать синхронный пере-

вод. В зале стояла тишина. До того момента, пока выступавший не коснулся имени Арафата — этого старика, пережившего кучу покушений на себя и до сих пор цеплявшегося за власть.

При одном только упоминании этой «легендарной» фамилии один из израильтян тут же вскочил на ноги. Это был Саймон. Бреннан вместе со всеми собравшимися в изумлении уставился на него, пытаясь понять, что он там выкрикивает на иврите.

Поднялся со своего места и Стивенсон, словно рефери на боксерском ринге. Все заметили, что лицо его блее мела.

В этот самый момент Саймон бросился в сторону сирийца. Кто-то пытался преградить ему путь, но было уже слишком поздно. В лучах прожекторов мелькнул какой-то предмет и, когда израильтянин занес руку для удара, яркий свет юпитеров отразился на массивной ониксовой пепельнице в руке Саймона. Этой пепельницей он что есть силы ударил по губам сирийца. Из горла последнего вырвался не то стон, не то рычание, и, залитый кровью, он опрокинулся навзничь, теряя выбитые зубы. Саймон тем временем навалился на свою жертву. При этом он истерически вопил. И прежде, чем Саймона оттащили, ему удалось нанести сирийцу еще один удар.

Присутствующие в зале словно остолбенели на несколько мгновений. Они тупо наблюдали за дракой, как будто находились в состоянии шока. Потом наступил хаос. Такого ни один из участников не мог представить себе и в кошмарном сне: израильтяне кинулись к Саймону, сирийцы и ливанцы сгрудились возле поверженного. Спустя несколько секунд они яростно набросились друг на друга, с пеной у рта доказывая что-то противникам. В ход пошли кулаки. Стивенсон рухнул на свой стул, будто именно ему заехали по губам ониксовой пепельницей.

Русские собрали документы и покинули зал. Вслед за ними направился и госсекретарь США. Последним вышел Бреннан, за спиной которого продолжало свирепствовать это фантастическое или, точнее, мистическое безумие.

Сев в автомобиль, Бреннан услышал новости, передаваемые по радио. По всем каналам транслировалось сообщение о скандале. А когда посол добрался до своего кабинета, стол его оказался заваленным телексами. Все телефоны надрывались. Часа три Бреннан только и занимался тем,

что, отвечая на звонки, как попугай повторял одни и те же, ничего не значащие фразы.

В кабинет заглянула секретарша:

— Господин посол, звонила ваша жена и просила передать, что сегодняшнее приглашение на ужин от господина Бухера остается в силе.

Бреннан оторопело уставился на секретаршу. Он и слыхом не слыхал ни о каком приглашении.

— На ужин, сэр,— повторила секретарша.— В Пирфорде. Вас ждут от восьми до восьми тридцати. Ваша жена сказала, что вы можете позабыть об этом и просила напомнить.

Бреннан поблагодарил секретаршу. А та добавила:

— Еще ваша жена просила передать вам слова господина Бухера. Он дал ей ясно понять, что, судя по последнему происшествию, это может оказаться ваш последний ужин, господин посол.

— Потрясающе,— заметил Бреннан. Они посмотрели друг на друга: на губах у обоих играла ослепительная дежурная улыбка.

Г л а в а 18

Бреннана неизменно возбуждала Маргарет, находящаяся перед зеркалом. Что бы она при этом ни делала: наносила ли на лицо макияж или же переодевалась, Филипп всегда восхищался ею. Его самого удивляло то, что с годами эта страсть нисколько не притупилась. И это после шести лет супружества. Даже сейчас, со всем этим кошмаром, свалившимся на его плечи, Бреннан поймал себя на мысли, что ему приятно наблюдать за плавными, грациозными движениями жены, расчесывающей волосы.

Однако Филипп попытался сосредоточиться на делах. Новости сообщали о «нападении с пепельницей в руках». Комментатор добавил, что теперь русского посла, возможно, отзовут из Тель-Авива, ибо сирийцы направили письмо протеста в Кнессет. Других новостей пока не было. Но Бреннан, который прочитал все до единого телексы, поступившие от различных дипломатических корпусов и, кроме того, располагавший донесениями службы безопасности, ясно осознал, что на самом-то деле ситуация куда более серьезная, что мир находится на грани катастрофы, и что война на Ближнем Востоке неизбежна.

— Как ты думаешь, чем все это кончится? — Маргарет словно читала мысли мужа. Она покрутилась на стульчике

и, повернувшись к Филиппу, уставилась на него своими огромными, широко раскрытыми глазами.

Бреннан молча глядел на жену, с трудом понимая, что она сейчас говорит. Никогда за всю их совместную жизнь желание обладать этой женщиной не захлестывало его с такой силой, как в эти минуты. Ему страстно захотелось ее прямо сейчас. Внезапно в мозгу вспыхнула странная мысль, что перед лицом неотвратимой смерти заняться любовью — наиболее удачная затея. Может быть, может быть. А вдруг эта неудержимая страсть греховна? Впервые подобное сомнение закралось в его душу.

— Все выглядит далеко не самым лучшим образом, — возвестил Филипп ровным голосом, приближаясь к жене. Он не желал посвящать ее в подробности: половина той информации, что он утаивал от Маргарет, испугала бы ее до смерти. Бреннан нежно обнял жену, но та никак не отозвалась на ласку, что показалось Филиппу необычным. Маргарет повернулась к зеркалу и принялась красить губы.

Глубоко вздохнув, Бреннан спросил:

— Скажи, пожалуйста, а когда Поль прислал это приглашение?

— Я же говорила тебе: на прошлой неделе. Он оставил официальное приглашение. Ну я же тебе говорила. Ты тогда еще пробормотал в ответ что-то невразумительное.

Бреннан пожал плечами. Он никак не мог вспомнить тот разговор. Возможно, он просто позабыл о нем. Но если Маргарет говорит, что такой разговор состоялся, значит, так оно и было.

Какое-то время оба молчали. Затем Маргарет поинтересовалась:

— А как дела у президента?

— Думаю, «закручивает гайки». Где только можно.

Бреннан никак не мог сообщить ей, что президент в окружении военных советников уже давным-давно находится на важнейшем стратегическом объекте и держит руку чуть ли не на кнопке.

— Но он еще далеко не самый противный из них, — заметила Маргарет, — он просто не может позволить себе быть самым ужасным.

— Он слабовольный. А для американцев — это катастрофа.

— Насколько я знаю, человек, к которому мы собрались сегодня в гости, поддерживал и продолжает

поддерживать президента, не так ли? — в голосе Маргарет прозвучало едва уловимое презрение. — Как ты пойдешь на ужин к такому типу, как этот Поль Бухер, дорогой? И сможешь ли ты оправдаться, хотя бы в собственных глазах, после того, как разделишь с ним трапезу? И это с человеком, проложившим дорогу к нашей национальной катастрофе?

Бреннан слабо улыбнулся и, наклонившись, легонько чмокнул жену в щеку:

— Надо же знать и своих врагов, — твердо стоял он на своем.

Маргарет хмыкнула и отстранилась от мужа. Затем принялась облачаться в одно из своих лучших платьев. Переодеваясь, женщина заметила, что ее муж прикрепил к внутреннему карману пиджака крошечное пластиковое устройство.

— Что, все действительно так плохо, раз тебе ежесекундно надо торчать на связи? — изумилась Маргарет.

— Я обязан все время находиться на связи, — отрезал Бреннан, — ну что, ты готова?

Она живнула.

— Тогда я завожу машину.

Филипп покинул комнату, заметив краешком глаза, что жена не последовала за ним. Тогда он прошел в свой кабинет и, выдвинув ящик письменного стола, достал кожаный кошель, сквозь который Филипп чувствовал остроту клинков. Выйдя из кабинета, он мельком взглянул на лестницу. Филипп распахнул входную дверь, с наслаждением вдохнул влажный вечерний воздух. И тут же зашелся в кашле: последствия аварии то и дело давали о себе знать. Филипп посмотрел на небо и увидел, что на востоке сгущаются тяжелые кучевые облака. Если бы его «старик» был еще жив, он непременно бы заявил, что «чувствует приближение дождя».

Бреннан торопливо зашагал по скрипучей гальке к гаражу. В этот момент он, конечно же, не догадывался, что из-за портьеры за ним внимательно наблюдает жена.

Забросив кожаный кошель под водительское сиденье, Филипп завел машину. Хлопнула входная дверь: Маргарет бежала к машине, придерживая подол длинного платья. Первые дождевые капли уже падали ей на волосы. Филипп наклонился, чтобы открыть автомобильную дверцу и заметил, что одна из лямок кожаного мешочка зацепилась за рычаг коробки скоростей. Филипп принялся судорожно засовывать лямку под сиденье. В это мгновение Маргарет скользнула в машину.

— Что ты там возишься? — нетерпеливо полюбопытствовала она.

Бреннан ничего не ответил, просто еще раз коснулся губами ее щеки и заметил:

— Ты выглядишь сегодня просто потрясающе, обладать можно.

Маргарет засмеялась и глянула в зеркальце, небрежно и в то же время грациозно приглаживая волосы.

Они мчались по пустынным улицам, слушая музыку, доносящуюся сзади из двух небольших динамиков; Маргарет время от времени подпевала. Бреннан снова взглянул на свою жену. Да, действительно, сегодня она выглядела не просто восхитительно; казалось, от нее исходило прямо-таки волшебное сияние, будто она вся светилась изнутри.

Филиппу вдруг нестерпимо захотелось защитить ее от этого ужасного и жестокого мира, хотя в то же время он прекрасно понимал, что уж кто-кто, а Маргарет менее кого бы то ни было нуждалась в подобной защите, ибо не принадлежала к породе слабеньких.

Лента в магнитофоне кончилась, и теперь Филипп задал наконец вертящийся у него на языке вопрос:

— Слушай, Маргарет, а если я на какое-то время исчезну с ужина, ты займешь Поля?

Она от души рассмеялась:

— Ну и дела. Что ты хочешь этим сказать? Чтобы я с ним немного «поразвлекалась», а? Переспала, что ли?

— И ты считаешь, что я смог бы об этом заикнуться? — расхохотался Филипп, в свою очередь.

Маргарет поуютней устроилась в кресле и занялась магнитофоном. А Филипп облегченно вздохнул: она даже не подумала спросить, куда это ему приспичит удалиться? В чужом-то доме. Как будто это ее вообще не занимало. А вот интересно, если бы она все-таки спросила, что бы он тогда наплел ей?

Бреннан взглянул на часы, остановил магнитофон и включил программу новостей.

«...угроза расширения конфликта на Ближнем Востоке возросла с того момента, как русские эвакуировали свое посольство в Тель-Авиве. Наш политический обозреватель сообщает, что...»

Бреннан слушал вполуха. Он поражался, что, имея такие факты, комментатор тем не менее оставался в рамках принятых условностей и не наводил на людей панику. Интересно, а насколько этот комментатор на самом деле

информирован? Филипп нащупал в кармане радиопередатчик. Хватит ли ему времени разыскать Торна-младшего? Вполне возможно, он вообще ничего не успеет, и эта кошмарная миссия, выпавшая ему, отпадет сама по себе? Но ведь еще сегодня днем он твердо решил: пусть Бог, которому молится де Карло, действует его — Бреннана — руками, пусть Он руководит им. И пусть будет совершенно то, что должно быть совершенно: если, действительно, такова воля Божья.

Что же касается Филиппа Бреннана лично — так ему достаточно просто увидеть этого юношу — если вообще это юноша, как таковой. А вот остальное будет зависеть от Божьего промысла и Его вмешательства. Филипп же делает только то, что повелит ему Бог.

— Ты здесь бывал раньше? — голос Маргарет вывел Филиппа из задумчивости.

Он покачал головой:

— Нет, а что?

— Ну, судя по тому, как ведешь машину, ты наверняка знаешь, куда рулить.

— Да нет, я просто внимательно просмотрел карту.

Впереди возникли огромные ворота. Бреннан затормозил, опустил боковое стекло и, нажав на кнопку селектора, назвал свою фамилию. Ворота разошлись, и автомобиль покатила в сторону особняка.

У подъезда они заметили Бухера, махавшего им рукой.

Бреннан припарковал машину и, выходя, опять зацепился за лямку кожаного мешочка. Раздалось металлическое звяканье, но Маргарет как будто не обратила на него никакого внимания. Навстречу им шел Бухер. Он церемонно чмокнул Маргарет в щеку и протянул Филиппу руку:

— Хорошо, что вы приехали. При сложившихся обстоятельствах я на это, честно говоря, и не рассчитывал.

Бреннан постучал по передатчику, торчащему из внутреннего кармана:

— Надеюсь, эта штуковина не мешает нам спокойно отужинать.

Бухер взял Маргарет под руку, Бреннан последовал за ними. Он взглянул на небо. Похоже, они обогнали грозу. В Пирфорде парило, но дождя еще не было. Вечер был словно создан для того, чтобы со вкусом поесть, пригубить отличных вин, насладиться приятной беседой и в довершение всего — прогуляться по парку. Да, — усмехнулся про

себя Бреннан,— все тут разложено по полочкам. Но настроение его, тем не менее, было превосходным, и он находил пребывание здесь на редкость удачным.

Они вошли в холл. Кивнув пожилому дворецкому, Бреннан бросил взгляд на лестницу и галерею. Он размышлял про себя, где может находиться Торн-младший.

Бухер подвел их к окнам. Играя роль гида, он указал на ярко освещенные дорожки и лужайку. Дворецкий тут же поднес вино в искрящихся фужерах. В гигантском камине потрескивали поленья. Маргарет сегодня была ослепительно хороша, и Бреннану подумалось вдруг, что вся эта сцена так и просится в рекламу. Либо какого-нибудь предмета роскоши, либо самого его — Филиппа Бреннана — преуспевающего политика, состоящего в счастливом браке, в компании одного из богатейших людей. Все это на фоне самого роскошного английского особняка. Да уж, картина совершенной идиллии..., если не считать кинжалов под водительским сиденьем.

— Я с удовольствием покажу вам чуть позже сад,— заверил Бухер.

— Да, да,— подхватил Бреннан,— если, конечно, успеете, потому что, похоже, надвигается гроза, а может быть, и вообще буря.

Бухер взглянул на Бреннана, нахмутив брови.

— Гром, молнии, ливень,— улыбнулся Филипп.

— А, конечно,— кивнул Бухер.

Пока Маргарет рассматривала портреты, Бухер подвинулся к Бреннану.

— Ну и насколько все обстоит плохо?

Бреннан попытался было изобразить на лице улыбку:

— А, лучше помолчать и постучать по дереву.

— Мм-м,— промычал Бухер.

В этот момент Филиппа окликнула жена. Она стояла под одним из портретов, надпись над которым гласила: «Дэмиен Торн — американский посол».

— Я же тебе говорила, что он был невероятно хорош собой, как никто другой. Помнишь? — прошептала Маргарет.

К ним подошел Бухер. Он улыбнулся Маргарет:

— Да, женщины души в нем не чаяли,— подтвердил он, словно читая мысли Маргарет.

— Странно, что у него не было детей,— задумался вдруг Филипп.

Маргарет удивленно уставилась на мужа:

— Почему ты об этом говоришь? Какая здесь связь?

Бреннан посмотрел на Бухера:

— Странно, что он не подумал о продолжении рода Торнов.

— Но ведь ему было всего тридцать два года, когда он скончался.

— Да-да, я помню похороны.

Наступила неловкая пауза. Внезапно ее прервал стук в дверь. На пороге стоял дворецкий. Он доложил, что ужин подан. Бухер снова взял Маргарет под руку и повел ее к столу.

— Надеюсь, аппетит ваш не подкачает,— засмеялся он.

Стол был великолепно сервирован. Посредине стояли шесть канделябров с горящими свечами. Окна были распахнуты на лужайку, и в просвете между облаками виднелись яркие звездные россыпи.

Бреннану не терпелось спросить, по какому случаю их пригласили на ужин. Он прекрасно знал, что на такого рода вечеринках рядом с Бухером всегда присутствовала женщина. Конечно, Филиппу в какой-то мере льстило, что сейчас его жена исполняла роль хозяйки этого роскошного особняка — роль, разумеется, временную. Ибо на подобного рода скандалы Бухер никогда не шел — это Бреннан также знал наверняка. Но тогда почему же стол был накрыт все-таки на троих?

В который раз за сегодняшний вечер Бреннан залюбовался своей женой. И как никогда ощутил вдруг необходимость ее присутствия здесь, рядом с ним. Сегодня она выглядела прекрасно. Нет, нет, совсем не то слово. Пожалуй, точнее было бы сказать: умопомрачительно, неотразимо, сногшибательно... Филипп нетерпеливо заерзал на стуле, пытаясь послать жене улыбку. Тем временем дворецкий поднес Бухеру полный фужер с вином. Тот пригубил и одобрительно кивнул.

— Знаете,— вдруг подала голос Маргарет,— когда я была еще маленькой девочкой, папа взял меня с собой на обед в один из домов Род-Айленда. Хозяин слыл богачом. Кажется, он был французом. Когда его слуга принес вино, хозяин отослал его обратно.— Маргарет захихикала.— Своего слугу с вином из собственного погреба. Отослал назад!

Они без умолку болтали на довольно фривольные темы. Надвигавшиеся с востока тучи сгущали сумерки в зале. Неровное пламя свечей выхватывало из полумрака лица

присутствующих, и в этих колеблющихся бликах Маргарет казалась прекрасной, сказочной феей. Щеки ее разругались. Сегодня она пьет очень много,—с удивлением заметил Бреннан.—С чего бы это? —ломал он себе голову.

Вечерний воздух словно уплотнился, стало душно, запахло приближающейся грозой. Бреннан ослабил галстук: дышать становилось все труднее и труднее. Подали какое-то рыбное блюдо, а затем совершенно восхитительную телятину. Однако Бреннан ел через силу: у него внезапно пропал аппетит. Он заставлял себя поддерживать беседу: болтать ему вдруг тоже расхотелось, и он то и дело замолкал на полуслове.

Филипп стремился сейчас лишь к одному: попытаться найти Торна-младшего. И тут неожиданно-негаданно появился повод выйти из-за стола. В кармане зажужжал передатчик, оборвав очередную реплику Бухера.

Бреннан поднялся:

— Простите, но я вынужден оставить вас на пару минут.

— Можете воспользоваться телефоном в гостиной,—предложил Бухер.

Бреннан поблагодарил и встал из-за стола. У двери он невольно оглянулся на Маргарет и Бухера: застыв на месте, сидели оба, пристально уставившись в глаза друг другу. Какое-то подозрение возникло вдруг в глубинах подсознания у Бреннана, но тотчас исчезло.

Филипп ждал повторного вызова и надеялся, что это окажется ложная тревога или просто обычная проверка. Однако ладони его стали липкими от пота, когда он нажал кнопку переговорного устройства.

— Бреннан,—отрывисто отозвался он. Хмыкнув, Филипп взглянул в зеркало, висящее рядом. Ничего не изменилось в его облике. Он даже не побледнел. Да и сердце не выскакивало из груди, как прежде. Пульс остался в норме.

Бреннан инстинктивно выглянул в окно, посмотрел на небо, повернулся и, твердой походкой двинувшись в зал, бесшумно отворил дверь.

Бухер и Маргарет сидели по-прежнему неподвижно, так же, как и несколько минут назад, когда он покинул их. Бреннан подошел к столу и положил руку на плечо жены:

— Началось,—ровным голосом произнес он,—Тель-Авив и Иерусалим бомбили.

Они молча уставились на Бреннана. А он продолжал:

— Ядерные боеголовки были наведены с помощью спутников. Города разрушены до основания. О Бейруте сообщений пока не поступало, но, видимо, скоро они будут. Любое нападение на Израиль повлечет за собой немедленное возмездие, ответный удар.

Вдруг Маргарет подала голос:

— Око за око...

Бреннан изумленно посмотрел на нее. Бретелька сползла с ее плеча, грудь почти обнажилась, но, казалось, Маргарет не обращает на это никакого внимания. Глаза ее лихорадочно блеснули, и Бреннан подумал вдруг, что его жена здорово набралась, она, похоже, была изрядно пьяна.

Филипп попытался собраться с мыслями. Если Ближний Восток только что превратился в пылающий костер, то как скоро можно ожидать ядерных ударов по другим точкам планеты? Бреннан давно и почти наизусть знал все эти военные сценарии, но сейчас, когда это по-настоящему НАЧАЛОСЬ, он не мог осознать это, ибо подобное не могло уложиться ни в какие «сценарии».

Постукивая пальцем по фужеру с вином, Бухер поднялся из-за стола. Вино выплеснулось на паркет, но старик даже не взглянул на пол. И лишь одна фраза слетела с его губ:

«И городъ великий распался на три части, и города языческие пали...»

Маргарет встала и подошла к Бухеру. Глядя старику прямо в глаза, она вторила ему: «И градъ, величиной въ талантъ, палъ съ неба на людей, и хулили люди Бога за язвы отъ града; потому что язва отъ него была весьма тяжкая».

— Маргарет! — Бреннан коснулся плеча жены и невольно отпрянул: кожа ее пылала, женщина дрожала с ног до головы, как в лихорадке. Бреннан вспомнил эти слова из Откровения, столь знакомые ему с детства. Но наизусть их он, разумеется, не помнил и поразился, откуда их так хорошо знает Маргарет. Откуда?

Бухер и Маргарет, словно в трансе, продолжали в один голос цитировать Библейские тексты: «...и сделалось великое землетрясение... Такое землетрясение! Такъ великое!...», «...я виделъ, что жена упоена была кровию святыхъ и кровию свидетелей Иисусовыхъ... и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ея...»

Шатаясь, Бреннан направился к двери. Он не отдавал

себе отчет в том, что будет сейчас делать. Но одно Филипп осознавал совершенно ясно: он должен найти Торна-младшего и совершить то, что велит ему судьба.

Посол бросился к машине и, рванув из-под сиденья кожаный кошель, вспомнил слова де Карло: «Воскресший Христос поможет...» Бреннан снова и снова повторял эти слова, бегом возвращаясь назад, к лестнице и галерее. Пусть Он направит его руку, это теперь в Его власти, на Нем лежит вся ответственность, и Бреннан использует Его волю...

Возле лестницы Филипп увидел пса. Зверь взглянул на него и, повернувшись, тяжело затопал по коридору, словно указывал Бреннану путь. Филипп последовал за псом. Он больше ни о чем не думал, кроме того, что ему необходимо найти этого юнца.

В коридоре царил полумрак. В самом его конце Филипп заметил приоткрытую дверь. Собака подпустила к ней Бреннана. Тот распахнул дверь и остолбенел. Именно в этот миг Филипп понял, что все, о чем ему рассказывали — правда.

Юноша был облачен в черную сутану. Он стоял на коленях перед трупом, в беззвучной молитве шевелились его губы. Бреннан сделал пару шагов в глубь комнаты, и кинжалы в кожаном мешочке за его спиной громко звякнули. Но Торн-младший даже не обернулся. Он был словно в трансе.

Бреннан молча приблизился к распятому Христу, глянул в лик Спасителя и заметил торчащий из Его спины кинжал. Все обстояло именно так, как ему и рассказывали. Все было сущей правдой. А его собственный скептицизм оказался плохим советчиком. Бреннан вновь взглянул на лик Христа, потом повернулся к застывшему на пьедестале мертвецу. Филиппа била сильнейшая дрожь.

Он на минуту сомкнул веки и помолился, взывая к помощи. Открыв глаза, Филипп уже твердо знал, что ему делать, однако не был уверен, хватит ли ему на это сил. Его так и подмывало схватить за руку Маргарет и опрометью броситься бежать прочь отсюда, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого кошмара. Но Филипп стоял, как прикованный, не сводя взгляда с лика Христова, будто тот был живой.

Бреннан подошел вплотную к распятию и вытащил из дерева кинжал, который легко поддался. Пламя свечи отразилось на клинке. В сознании внезапно вспыхнули слова молитвы, той самой, что он проговаривал еще в детстве,

примостившись у матери на коленях, слова, которые, как ему казалось, он уже давным-давно позабыл. Филипп снова посмотрел в очи Христовы и внезапно изумился: почему выбрали именно его, ведь уже много лет назад вера умерла в нем. Прикоснувшись к терновому венцу, Филипп дотронулся до гвоздей, вбитых в ладони. Затем положил на пол кошель и вытащил из него все стилеты.

Юноша не шелохнулся. А Бреннан, взявшись за рукоятку кинжала, извлеченного из деревянного тела Христа, пробормотал:

— Первый кинжал лишает жизни физической.

Филипп взглянул на хрупкую, юношескую, коленипоклоненную фигуру, на позвоночник, проступающий сквозь тонкую, черную сутану. И понял, что не сможет нанести удар в спину. Филипп должен посмотреть ему в глаза, даже если они окажутся такими же мертвыми, как и у Дэмьена-старшего.

— Прости меня,— прошептал Бреннан и, прикоснувшись к плечу юноши, заставил того обернуться.

Улыбаясь, юноша взглянул на Филиппа. Лицо его было белее мела, в желтых глазах полыхало пламя. Занеся для удара кинжал, Бреннан заставил себя взглянуть в эти желтые глаза. Он успел почувствовать зловонное дыхание...

И тут дверь распахнулась, сноп света ворвался в комнату. В тот же момент Бреннан был сбит с ног, нож выскользнул из его рук. Чудовище попыталось вцепиться в его горло. Бреннан дотянулся рукой до страшной морды, упираясь локтями в мощную собачью грудь и стараясь отпихнуть пасть от своей шеи. Зверь качнул головой, зубы его впились теперь в руку Бреннана. Филипп закричал от дикой боли, и животное вновь набросилось на него. Бреннан плюнул прямо в желтые глаза, и на секунду мертвая хватка ослабла. Этого оказалось достаточно, чтобы Филипп свободной рукой дотянулся до кинжала. Собака рванула зубами плечо Бреннана, стараясь свернуть ему голову, прямо как кролику. Рука его перестала ощущать боль. Она онемела и была, словно чужая. Но другой рукой Бреннану удалось нанести удар по чудовищу. Потом еще один. И еще. Собака жутко завывала и отползла от Бреннана. Но не успел тот подтянуть колени, как животное вновь накинлось на него, зубы опять заклацали возле его горла. Собачья слюна перемешалась с кровью.

И вдруг Бреннан почувствовал жалость к этому раненому зверю. У него возникло безумное желание схватить

огромную морду и, притянув ее к себе, зарыться с головой в густую, мохнатую шерсть. Но вместо этого он нанес еще один удар. И промахнулся. Животное набросилось на него со свежими силами. Филипп уже ничего не видел...

Внезапно Бреннан услышал глухой удар. Собака еще раз страшно взвыла, и Бреннан почувствовал, как кровь ее стекает ему прямо на лицо. Он отпихнул животное и обернулся, разглядев упавшую и разбившуюся фигуру Христа. Бреннан попытался привстать. Он заметил, что юноша, продолжая улыбаться, двинулся в его сторону. И тогда он все понял. Он ясно осознал, для чего Бухер заманил его сюда. Они решили от него отделаться. И одновременно заполучить все кинжалы, чтобы вот этому ублюдку, стоящему сейчас перед ним, ничего больше не угрожало.

Бреннан все-таки поднялся на колени. Одна рука его беспомощно болталась. Он не мог пошевелить пальцами. Филиппу вновь захотелось бежать отсюда без оглядки. Он прикрыл глаза.

Торн-младший наблюдал за Бреннаном, когда в дверном проеме возник женский силуэт. Филипп узнал Маргарет. Ему вдруг показалось, что жена совершенно нагая. Он обрадовался ей и протянул здоровую руку, чтобы Маргарет помогла ему встать. Но она направилась к юноше. Бреннан тряхнул головой. Наверное, это опять галлюцинации, о которых упоминал де Карло. Ведь такое не могло происходить в действительности: его коленопреклоненная и обнаженная жена ласкала Дэмьена-младшего.

Филипп не верил своим глазам, когда женщина выдернула кинжал из животного и, взявшись за него обеими руками, двинулась в сторону мужа.

Он поднял руку, пытаясь защититься, но было уже поздно. Филипп даже не осознал, что эта пожирающая боль — его собственная. Что рукоятка раскачивающегося перед глазами стилета торчит из его шеи. И что кровь, фонтаном бьющая из перерезанной сонной артерии — ЕГО кровь. Последнее, что увидел Филипп в этом мире — был лик Христа на рукоятке кинжала, в металлическом зеркале которого отражалась агония Бреннана.

Она отпрянула от тела, бьющегося в конвульсиях и посмотрела на свои залитые кровью руки. Юноша взял ее за локоть и подвел к труп своему отца.

— Преклони колени, — приказал он, и Маргарет подчинилась.

Дэ́мьен-старший улыбался ей, словно благословляя женщину за только что совершенное.

— Дух его живет во мне,—признался Дэ́мьен-младший.— И теперь пробил час разрушения.

— Аминь,—прошептала Маргарет.

— Уверуй в его силу,—потребовал юноша.

Маргарет обняла мертвеца и заметила, что юноша подошел к поверженной фигуре Христа. Затем она услышала его слова:

— Ну что, Назаретянин. Ты проиграл. И где же ты теперь, ты, требовавший от человечества вкушать твою кровь и плоть? — Он ткнул пальцем в сторону Маргарет: — Это ее ты спасал, когда тебя распинали на кресте? А ведь эта тварь создана по образу и подобию твоего Отца. Так посмотри на нее! С ног до головы залитая кровью собственного мужа, она жаждет МОЕГО отца. Так стоило ли ради этого идти на муки, Назаретянин?

Дэ́мьен-младший вцепился в терновый венок:

— Мир в предсмертной агонии, а блудница восседает на спине зверя. Похоже, пророчества сбываются. Скоро наступит конец.

Юноша поднялся во весь рост, и в часовне воцарилась тишина. Лишь невнятное бормотанье женщины, да еле слышное рычание животного нарушали эту тишину.

Глава 19

Поль Бухер насухо вытер свой бокал и выглянул в окно. Он залюбовался ночным небом, представляя себе, как на востоке начнет разгораться сияние. Да, скоро все случится на самом деле, никакой нужды тревожить воображение больше не будет. Ибо сценарий всего происходящего был написан еще в незапамятные времена. А для воплощения этого сценария требовались лишь необходимые актеры да точная последовательность событий. Человечество выбрало для себя уничтожение. Ирония судьбы состояла в том, что уничтожение это началось с обыкновенной пепельницы, которую в качестве оружия пустили в ход, дабы «вмазать» одному идиоту.

Бухер поднялся из-за стола, прошел в зал. Огонь в камине погас. Старик включил радио и плеснул в свой бокал виски.

«...подтверждают сообщения о том, что ядерным ударам подверглись Иерусалим, Тель-Авив и Бейрут. Из Вашингтона сообщают, что Белый Дом и Пентагон отказа-

лись подтвердить, будто Президент покинул город. Наш корреспондент в Москве ничего не смог сообщить, ибо все линии связи с этим регионом вышли из строя. Премьер-министр с минуты на минуту собирается выступить с заявлением, но уже известно, что послы всех стран НАТО прибудут в течение ближайшего часа на Даунинг-Стрит 10...».

Бухер выключил радио. Тяжесть прожитых лет внезапно легла на его плечи. Он уже старик, пора и в могилу. «Трижды по двадцать плюс десять», пробормотал Бухер. Повернувшись, он медленно зашагал прочь из зала. В коридоре стоял дворецкий. Они молча взглянули друг на друга, пожав плечами, словно любые слова были излишними. Тяжело ступая, Бухер устало поднялся вверх по деревянной лестнице и по коридору направился в сторону часовни. Мимоходом он задался вопросом, куда подевалась Маргарет.

Внезапно до него донеслось собачье поскуливание. Дверь в часовню была настежь распахнута, но комната казалась погруженной во мрак. И лишь несколько секунд спустя Бухер смог различить в сумеречном свете силуэты. Он не поверил собственным глазам. Пол был залит кровью Филиппа Бреннана. А возле трупа Дэмьена-старшего на коленях стояли женщина и юноша. Они в неистовстве шептали какую-то молитву.

Бухер приблизился к телу Бреннана и вгляделся в остекленевшие глаза посла. Коснувшись рукоятки кинжала, торчащего в горле Бреннана, старик вытер с нее кровь. Уперевшись ногой в грудь посла, Бухер с трудом выдернул кинжал. Затем собрал остальные стилеты и взглянул на Дэмьена-младшего. Тот холодно проронил:

— Он явился, чтобы уничтожить меня, Поль, и нашел свою смерть.

Перекинув кошель с кинжалами за плечо, Бухер кивнул:

— Я положу этому конец раз и навсегда,— возвестил он.

Но Дэмьен уже не слушал его. Бухер вновь всмотрелся в мертвое лицо Бреннана. Наивный простак, но какой мужественный! Они пытались свести его с ума. Не удалось. Тогда просто заманили его в западню. Бухер посмотрел на Маргарет. Та словно почувствовала взгляд старика. Она обернулась, облизывая губы. С ног до головы Маргарет была вымазана кровью мужа. Поймав взгляд Бухера, женщина как-то гнусно захихикала и призывно схватила старика за руку.

Бухер припомнил, как Маргарет впервые появилась среди них два года тому назад. Классический вариант. В памяти возникли многочисленные отчеты учеников о ней. Все они в один голос сообщали, что Маргарет яростно сопротивлялась многочисленным соблазнам. И как однажды, уступив и вкусив греха, она превратилась в ученицу, схватывающую все буквально на лету: секс заменил ей все. Блудница. Да, дьявольское перевоплощение Маргарет Бреннан явилось, пожалуй, одной из их самых грандиозных удач. Бухер прикрыл глаза. Насколько же предсказуемы и надки на любой соблазн человеческие существа!

Вспомнилась и детская фотокарточка Маргарет, приколотая к «делу»: прелестный ребенок с невинным, сияющим личиком. Огромные глазенки, в которых застыло любопытство. Надо полагать, его-то Маргарет удовлетворила.

Женщина пощекотала ладонь Бухера, но он не откликнулся на призыв. Перешагнув через собаку, поднявшую на него помутневший взгляд, старик склонился возле забальзамированного тела. Труп поддерживался тонкой, стальной рамой, прикрепленной к полу. Бухер принялся отвинчивать болты, удерживающие тело в этой раме.

— Поль? — юноша вопросительно уставился на старика.

— Его последняя просьба, — объяснил Бухер. — В канун Армагеддона.

Юноша нахмурился:

— Я ни разу не слышал об этом...

— Потому что я никогда не заикался об этом. Дэмьен пожелал стоять в самый последний миг на земле врага своего. Чтобы окончательно добить его. И развенчать.

Во взгляде юноши сквозило сомнение.

— Возьми крест и следуй за мной, — тон Бухера пресекал любое возражение, и юноша, кивнув, беспрекословно подчинился.

Старик отвинтил последний болт, и тело рухнуло ему прямо на руки. Оно не было тяжелым, но и у Бухера сил оставалось немного. Он чуть не упал. Маргарет тут же подбежала к Бухеру и помогла ему вынести труп из часовни. На пороге старик оглянулся на юношу. Тот поднял распятие и взвалил его на плечо. Колени его подогнулись под тяжестью деревянной фигуры на кресте, но он устоял, а собака заковыляла следом, опустив морду. Кровь сочилась из ран на ее теле.

Медленно двинулись они вдоль коридора. Спустились вниз по лестнице, оставляя позади себя полосу пыли.

Юноша одной рукой касался перил, другой — поддерживал распятие, но на полпути выронил его и вскрикнул от боли, когда шипы венца при падении впились в его плечо. Юноша проклинал все на свете. По спине струилась кровь.

Они вышли на улицу. Сгустившиеся грозовые тучи висели прямо над ними, и первые, тяжелые капли дождя упали на них, как только процессия ступила на гравиевую дорожку. Позади западного крыла особняка, за кустарником, возвышалась на пригорке маленькая, полуразвалившаяся церквушка. Бухер вспомнил вдруг, как будучи еще ребенком Дэмьен пожелал однажды, чтобы эту церковь разрушили. И как его уговорили-таки сохранить этот памятник христианству, уже изрядно потерявшему свое бывшее влияние. Позднее Дэмьен силой заставил себя войти в церковь. Он победил свой страх и рассчитывал, что к моменту полной зрелости сможет безбоязненно ступить на священную землю.

А вот Дэмьен-младший никогда даже и не пытался войти сюда. Отцовского мужества ему явно не доставало. Он не смел приблизиться к церквушке на расстоянии и пятидесяти ярдов.

Пока они взбирались на пригорок, все вокруг словно оцепенело. Природа замерла: ни птичьих трелей, ни стрекота насекомых не было слышно. Ни один листочек на деревьях или кустарниках не шелохнулся. Будто и всякая живая тварь, и растения выжидали — но чего?

Когда они приблизились к церкви, юноша что-то прокричал, призывая всех остановиться, но Бухер даже не оглянулся. Маргарет с трудом переводила дух, пот катился по ее телу, струйками смывая с него кровь мужа. Обращаясь к Бухеру, женщина грязно выругалась. Но тот ровным счетом не обратил на нее внимания и продолжал тащить мертвеца вверх на холм. Сердце его бешено колотилось, дыхание то и дело перехватывало.

— Поль! — надрывно крикнул юноша.

Бухер застыл у церковных ворот. Дэмьен с тяжелым распятием на плече еле тащился в гору.

— Поставь Его вон там, — приказал Бухер, указывая на стену. — Пусть они стоят рядом — победитель и побежденный.

И вновь Дэмьен-младший повиновался старику. Он отошел подальше, широко раскрыв от страха глаза, взгляды его были прикованы к церкви.

— Такова была воля твоего отца, — снова заговорил

Бухер, поглядывая на восток.— Пора,— вымолвил он, пока юноша удалялся прочь от церкви, затем встал на колени.

— Иди за ним и подбодри его своей силой. Помолись с ним вместе,— перейдя на шепот, обратился Бухер к Маргарет.

Какое-то время он наблюдал, как Маргарет и Дэмьен склонили головы в молитве. Собака проковыляла мимо Бухера и улеглась на траву рядом с женщиной и юношей. Старик набрал в легкие побольше воздуха, обеими руками обхватил забальзамированный труп и поволок его дальше, за ворота, к самой церковке. Над воротами висела табличка:

ПРИХОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОАННА

Споткнувшись, Бухер услышал сзади громкий и тревожный оклик Дэмьена. Обернувшись, он увидел, как тот что есть мочи несется к церковным воротам.

С трудом переводя дыхание, Бухер подтащил свою ношу к воротам, в глубине души молясь лишь об одном: чтобы они оказались не заперты. Он толкнул ногой тяжелую дубовую дверь, и она отворилась, протяжно заскрипев на ржавых петлях. Оглянувшись, старик заметил, что Дэмьен, как вкопанный, застыл у ворот. Страх сковал юношу, он не мог сделать ни шагу вперед.

— Пожалуйста,— шепотом бормотал старик, шаря в поисках дверного засова. Наконец, он нашел его. Однако тот так проржавел, что никак не сдвигался.

— Пожалуйста, Господи,— воскликнул Бухер, наваливаясь на задвижку с такой силой, что содрал с ладони добрый кусок кожи. Засов подался как раз в тот момент, когда Бухер услышал Дэмьена. Тот мчался по тропинке к церкви и яростно рычал, словно зверь. Всем своим весом Дэмьен налег на дверь, и от этого толчка труп его отца упал на церковный пол. Бухер подхватил его и поволок к алтарю.

— Бухер! — исступленный вопль юноши прорезал церковные стены, эхом отражаясь от полуразвалившегося свода. Бухер слышал, как Дэмьен обегал вокруг церкви, как он колотил по ее стенам, царапая их, а затем вновь и вновь молотил кулаками по камню.

Старик перевернул тело на спину. При падении лицо трупа разбилось и было теперь неузнаваемо. Бухер затащил тело на алтарь и разложил на церковном полу все

кинжалы. Взяв в руки первый стилет, Бухер склонился над трупом того, кто некогда был его Божеством, кому он отдал бы и душу свою, и тело. Затем старик еле слышно прошептал:

— Ты обещал контроль, Дэмьен, а принес разрушение и гибель. Ты явился лживым пророком...

Бухер занес над головой кинжал и, крепко зажмурив глаза, вонзил его в труп. Кожа лопнула со звуком выстрела. И тут же за стеной раздался дикий вопль юноши. Из отверстия вырвался зловонный газ, и Бухер отшатнулся от трупа. Затем схватил второй кинжал и, заставив себя не отводить взгляд, нанес еще один удар. Потом третий, четвертый...

За стеной вопль перешел в страшный визг, превратившийся затем в вой шакала.

Оставался последний кинжал. Бухер всмотрелся в лик Христа на рукоятке и внезапно осенил себя крестным знамением. Как же звали того молодого человека, что шестьдесят лет назад поддался дьявольскому искушению? Старик никак не мог припомнить его имя. Он забыл самого себя. И теперь со всей жуткой очевидностью понимал, что жизнь его явилась кошмарной ошибкой, цепью страшных заблуждений — ибо сам он оказался обманут и предан.

Последний кинжал вонзился в труп. Дэмьен Торн как будто испустил дух, воздух с шипением вырвался из его груди. Обессиленный и поникший, Бухер рухнул на колени. Он в неистовстве шептал слова молитвы. Он забыл о времени.

Поднявшись, наконец, с колен, Бухер остолбенел. Перед ним среди костей шакала валялись кинжалы. Тело Дэмьена Торна сгнулось, остался лишь распавшийся скелет зверя.

Бухер медленно повернулся и, с трудом волоча ноги, направился к выходу. Отодвинул засов и вышел на воздух. Юноша стоял на четвереньках, уставясь на Бухера бессмысленным и застывшим взглядом. Затем вздрогнул и пополз вниз по траве. Собака неподвижно лежала у порога. Сдохла,— подумал вдруг Бухер.

Возле ворот стояла женщина. В ужасе вглядывалась она в свои руки, пытаясь стереть с них кровь. Она словно очнулась от кошмарного сна.

— Прикрой свою наготу, женщина,— повелел Бухер.

Она посмотрела на него, не узнавая. Затем натянула на себя остатки платья.

— Все, дело сделано,— обернулся к Маргарет Бухер.

Рука об руку зашагали они к дому. Небо прояснялось, и в просветах начинали вспыхивать ослепительные звезды.

«И увиделъ я Ангела исходящаго съ неба, который имелъ ключъ отъ бездны и большую цепь въ руке своей. Онъ взялъ дракона, змея древняго, котрый есть диаволъ и сатана, и сковалъ его на тысячу летъ, и низвергъ его въ бездну, и заключилъ его, и положилъ надъ нимъ печать дабы не прельщалъ уже народы, доколе не окончится тысяча летъ; после же сего ему должно быть освобожденнымъ на малое время».

Откровение Святого Иоанна, 20: 1—3.

АЙРА ЛЕВИН

Ребенок Розмари

Закончено в августе 1966 года
в Уилтоне, штат Коннектикут,
и посвящается Габриэлле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Розмари и Ги Вудхаус уже подписали договор об аренде пятикомнатной квартиры в белом блочном доме на Первой авеню, когда им позвонила миссис Кортес и сообщила, что освободилась четырехкомнатная квартира в Брэмфорде. В старом огромном черном доме Брэмфорд квартиры были с высокими потолками и славились своими каминами и викторианскими украшениями. Розмари и Ги стояли в списке ожидающих со дня свадьбы и в конце концов почти потеряли надежду.

Ги сообщил новость Розмари, прижав телефонную трубку к груди.

— Не может быть! — простонала Розмари. Она чуть не расплакалась.

— Слишком поздно, — сказал Ги в телефон — Мы вчера подписали договор.

Розмари схватила его за руку.

— А нельзя от него отказаться? — спросила она — Придумать что-нибудь?

— Подождите, пожалуйста, минуточку, миссис Кортес — Ги снова закрыл телефонную трубку. — Что им сказать?

Розмари запуталась в словах и беспомощно развела руками.

— Не знаю... Может быть, правду — что у нас появилась возможность поселиться в Брэмфорде.

— Дорогая, им это не важно.

— Ну придумай что-нибудь, Ги. Давай просто посмотрим, ладно? Скажи ей, что мы приедем посмотреть. Пожалуйста. Пока она не повесила трубку.

— Но ведь мы подписали договор, Ро. Теперь у нас руки связаны...

— Пожалуйста! Она повесит трубку!

С мученическим выражением на лице Розмари оторвала трубку от его груди и прижала ему к уху.

Ги засмеялся и не стал противиться.

— Миссис Кортес? По-моему, у нас появилась возможность въехать в другой дом, однако то, что мы там подписали, был не договор. У них кончились бланки, и мы подписали одно только соглашение... Можно нам посмотреть квартиру?

Миссис Кортес дала инструкции. Нужно было подойти в Брэмфорд в одиннадцать или в полдвенадцатого, отыскать там мистера Микласа или Джерома и сказать, что их прислали посмотреть квартиру 7Е. После этого следовало позвонить ей, номер она оставила.

— Видишь, как у тебя хорошо получается,— сказала Розмари, надевая желтые туфли.— Ты прирожденный обманщик.

Стоя у зеркала, Ги воскликнул:

— Боже мой, прыщ!

— Не дави его.

— Но там же только четыре комнаты, ты знаешь? Без детской.

— Лучше жить в четырех комнатах в Брэмфорде,— ответила Розмари,— чем иметь целый этаж в этом... в этом белом скопище клетушек.

— А вчера ты была влюблена в этот дом.

— Да, он мне нравился, но я не любила его по-настоящему. По-моему, даже сам архитектор его не любил. Мы будем обедать в гостиной и сделаем из столовой прекрасную детскую комнату, когда это станет необходимо.

— Наверное, это произойдет очень скоро,— сказал Ги.

Он водил взад-вперед электрической бритвой над верхней губой и рассматривал свои глаза. Глаза у Ги были огромные и карие. Розмари надела желтое платье и ловко застегнула молнию на спине.

До сих пор они ютились в одной комнате, которая представляла собой холостяцкое жилище Ги. На стенах висели плакаты с видами Парижа и Вероны, а из вещей здесь были лишь большая кровать да крохотная кухня в нише стены.

Было третье августа, вторник.

Мистер Миклас оказался маленьким и энергичным человеком. На обеих руках у него не доставало пальцев, и от

этого вид его трясущихся рук приводил в замешательство всех, но только не его самого.

— О, так вы актер! — воскликнул мистер Миклас, вызывая лифт средним пальцем. — У нас здесь очень много актеров.

Он назвал четверых, живущих в Брэмфорде, и все они оказались известными.

— Я вас мог где-нибудь видеть?

— Давайте подумаем, — начал Ги. — Недавно я играл Гамлета, правда, Лиз? Потом...

— Он шутит, — перебила его Розмари. — Он играл в «Лютере» и «Никто не любит альбатроса», и еще во многих телеспектаклях и рекламных роликах.

— Вот где можно хорошо заработать, да? — сказал мистер Миклас. — В телерекламе.

— Да, — ответила Розмари, а Ги добавил:

— Только там чувствуешь себя настоящим актером.

Розмари умоляюще посмотрела на него, но Ги ответил ей самым невинным взглядом, а затем изобразил вампира прямо за спиной мистера Микласа.

Лифт был обит дубовыми панелями, весь в медных заклепках, со множеством ручек и поручней. Управлял им негритенок с застывшей улыбкой и в униформе.

— Седьмой, — сказал ему мистер Миклас и обратился к Розмари и Ги: — В этой квартире четыре комнаты, две ванные и пять встроенных шкафов. Раньше в доме были очень большие квартиры — в самой маленькой было девять комнат, — а теперь почти все они разбиты на четырех-, пяти- и шестикомнатные. Квартира 7Е раньше составляла заднюю часть десятикомнатной. Там осталась бывшая кухня и главная ванная комната — они громадны, вы скоро увидите. Бывшая спальня сейчас служит гостиной, еще одна спальня так и осталась спальней, а две комнаты для прислуги спарены в одну столовую или вторую спальню. У вас есть дети?

— Скоро будут, — сказала Розмари.

— Это идеальная комната для ребенка, рядом большая ванная и встроенный шкаф. Вся квартира предназначена как раз для молодой пары с ребенком.

Лифт остановился, и негритенок, улыбаясь, прогнал его немного вниз, затем вверх и снова вниз, чтобы поточней выровнять кабину с наружным полом. Потом, все так же улыбаясь, открыл внутреннюю медную дверь и внешнюю, которая распаивалась вбок. Мистер Миклас посторожился, и Розмари и Ги вышли в тускло освещенный коридор.

дор, где и стены, и ковры были темно-зеленого цвета. Возле зеленой двери, украшенной скульптурами и имевшей табличку 7Б, стоял рабочий. Он быстро взглянул на них и снова занялся глазком, который пытался вставить в вырезанное отверстие.

Мистер Миклас повел их направо, потом налево по коротким переходам темного зеленого коридора. Следуя за ним, Розмари и Ги заметили вытертые места на обоях, перегоревшую лампочку под стеклянным колпаком и даже бледно-зеленую заплатку на темном ковре.

Ги удивленно посмотрел на Розмари.

— Залатанный ковер?

Она отвернулась и улыбнулась.

— Мне здесь нравится абсолютно все!

— Предыдущая хозяйка, миссис Гардиния, — сказал мистер Миклас, не оборачиваясь, — умерла всего несколько дней назад, и вещи из квартиры еще не увезли. Ее сын просил передать всем, кто будет смотреть квартиру, что ковры, кондиционеры и кое-что из мебели продается.

Мистер Миклас завернул в следующий проход, где стены только недавно были оклеены зелеными обоями с золотыми полосами.

— Она умерла в квартире? — спросила Розмари. — Конечно, это не...

— Нет-нет, в больнице. Она находилась несколько дней в состоянии комы. Это была очень старая женщина. Она умерла, так и не придя в себя. Я бы и сам хотел так умереть, когда настанет мое время. Но миссис Гардиния до конца держалась молодцом: сама готовила себе еду, ходила по магазинам... Она была одной из первых женщин-адвокатов в штате Нью-Йорк.

Коридор заканчивался лестницей. Рядом с ней, по левую сторону, располагалась дверь квартиры 7Е. Дверь была без скульптур и меньше тех, мимо которых они проходили. Мистер Миклас нажал на перламутровую кнопку звонка — над ней белыми буквами по черному пластику было выбито «Л. Гардиния» — и повернул ключ в замке. Несмотря на недостающие пальцы, он очень ловко справился с ручкой и распахнул дверь.

— Только после вас. — Стоя на цыпочках, он весь подался вперед и открыл для них дверь пошире, на всю длину вытянутой руки.

Узкий центральный коридор, начинавшийся от двери, делил квартиру пополам — по две комнаты с каждой сто-

роны. Первая комната направо — кухня, и при виде ее Розмари хихикнула: она была такая же, если не больше, чем вся их нынешняя квартира. В кухне стояла плита с шестью газовыми конфорками и двумя духовками, огромный холодильник и раковина. Тут были десятки ящиков, окно, выходящее на Седьмую авеню, и высокий, очень высокий потолок, и даже хватало места для углового дивана — синего, со вставками из слоновой кости, — фотографию которого она вырезала из последнего номера журнала «Красивый дом»; если мысленно убрать желтый стол со стульями, принадлежавший миссис Гардинии, а также связанные пачки подписок «Фортуны» и «Музыкальной Америки», то как раз освободится необходимая площадь.

Напротив кухни — столовая, бывшая вторая спальня, которую миссис Гардиния, очевидно, использовала одновременно как кабинет и оранжерею. Сотни различных растений, завядших и увядающих, стояли на полках, выстроенных на скорую руку под незажженными лампами дневного света. В середине комнаты находился письменный стол — старомодное бюро с крышкой на роликах, — заваленный разными бумагами и книгами. Это был очень красивый стол, широкий и, вероятно, очень дорогой. Розмари оставила Ги разговаривать с мистером Микласом у двери, а сама подошла поближе, перешагнув через ящик с сухими коричневыми листьями. Такие столы выставлялись обычно в витринах антикварных магазинов. Потрогав его, Розмари подумала: хорошо, если этот стол есть в списке вещей, предназначенных для продажи. На столе лежал лист розовой бумаги, на котором синими чернилами очень красиво было выведено следующее: «Я думала, что это не более, чем интересное времяпрепровождение. Теперь я не могу больше считать себя...» — и тут она почувствовала, что сует нос не в свое дело. В этот момент мистер Миклас поднял голову.

— А этот стол сын миссис Гардинии будет продавать? — деловито осведомилась Розмари.

— Я не в курсе, — ответил мистер Миклас. — Но специально для вас могу узнать.

— Он очень красивый, — сказал Ги.

— Тебе он тоже понравился? — Розмари, улынувшись, принялась рассматривать стены и окна. Эту комнату она представляла себе идеальной детской. Она была немного темновата, так как окна выходили в маленький дворик, но бело-желтые обои, конечно же, сделают ее значительно светлее. Ванная была маленькой, но рядом на-

ходилась еще огромный стенной шкаф и ниша с цветами, которые ей тоже очень понравились.

Наконец она повернулась к двери, и Ги спросил:

— А что это за растения?

— В основном — травы,— объяснила Розмари.— Вот это мята, это базилик, а это... сама не знаю что.

Дальше по коридору, по левую сторону, они увидели шкаф для одежды гостей, а по правую руку — широкую арку, за которой была гостиная. Большие окна с широкими подоконниками располагались друг против друга. Камин, с мраморными резными украшениями, был у правой стены, а слева высились дубовые книжные полки.

— О, Ги,— вздохнула Розмари, отыскивала его руку и сжала ее.

— М-м-м,— неопределенно промычал Ги, но на ласку ответил.

Мистер Миклас стоял рядом с ними.

— Камин, разумеется, работает,— сообщил мистер Миклас.

Спальня находилась сзади и была такая же большая — примерно двенадцать на восемнадцать футов — и окнами выходила на тот же дворик, что и столовая (или вторая спальня, или детская). Рядом с гостиной — огромная ванная комната, отделанная белой пластмассой и медными ручками.

— Какая чудесная квартира! — воскликнула Розмари, когда они вернулись в гостиную. Она раскинула руки и закружилась, будто хотела обнять все комнаты разом. — Мне здесь очень нравится!

— На самом деле она пытается заставить вас снизить плату,— шутливо пояснил Ги.

Мистер Миклас улыбнулся.

— Мы бы ее еще подняли, если бы нам разрешили. Ведь такие неповторимые и очаровательные квартиры сейчас исключительная редкость. Новые... — Тут он запнулся и уставился на секретер из красного дерева, стоящий в самом конце коридора. — Странно... — удивленно начал он. — За этим секретером есть стенной шкаф. Я просто уверен. Их всего пять: два в спальне, один во второй спальне, и два в коридоре — здесь и вон там.

Он подошел к секретеру.

Ги встал на цыпочки.

— А вы правы. Я вижу дверь.

— Его передвинули,— сказала Розмари. — Он раньше стоял вон там.

Она указала на призрачный силуэт, оставшийся на обоях после секретера. На красном ковре просматривались четыре глубоких следа от ножек. Тоненькие полоски, извиваясь, пролегли от этих вмятин к ножкам секретера через всю комнату туда, где он находился сейчас.

— Помогите мне, пожалуйста,— попросил мистер Миклас, обращаясь к Ги.

Понемногу они водворили секретер на прежнее место.

— Теперь понятно, отчего у нее наступила кома,— произнес Ги, толкая секретер.

— Она не смогла бы передвинуть его сама,— сказал мистер Миклас.— Ей было восемьдесят девять лет.

Розмари подозрительно взглянула на представшую перед ними дверь.

— Посмотрим, что там внутри? — спросила она.— Или лучше пусть откроет ее сын?

Секретер легко встал на прежнее место. Мистер Миклас начал массировать свои покалеченные руки.

— Я уполномочен показать квартиру целиком,— произнес он, а потом подошел к двери и распахнул ее.

Шкаф оказался почти пустым, там стоял только пылесос и лежали три или четыре деревянные доски. Верхняя полка была забита синими и зелеными полотенцами.

— Если она запирала здесь призрака, то он вышел на свободу,— сострил Ги.

Мистер Миклас заметил:

— Наверное, ей не нужны были пять шкафов.

— Но зачем ей понадобилось запирать пылесос и полотенца? — удивилась Розмари.

Мистер Миклас пожал плечами.

— Мы этого уже никогда не узнаем. Может быть, она начала терять рассудок от старости.— Он улыбнулся — Чем могу еще быть полезен?

— А как у вас тут насчет стирки? — поинтересовалась Розмари.— Стиральные машины в подвале есть?

Поблагодарив мистера Микласа, который проводил их до подъезда, они медленно побрели по Седьмой авеню.

— Эта квартира немного дешевле,— сказала Розмари, будто она только и думала, что о практической стороне дела.

— Но, милая, здесь на одну комнату меньше,— ответил Ги.

Розмари некоторое время шла молча, а потом добавила:

— Зато она расположена в хорошем районе.

— Это точно,— согласился Ги.— Отсюда можно пешком дойти до любого театра.

Расчувствовавшись, Розмари забыла про свою практичность.

— Ги, давай согласимся! Пожалуйста! Ну пожалуйста! Такая чудеснейшая квартира! Миссис Гардиния ею просто не занималась! Эту гостиную можно сделать... можно сделать такой красивой и уютной, и еще... ну, Ги, давай согласимся, ладно?

— Ну, разумеется,— ответил Ги,— если сумеем отвертеться от первой.

Розмари быстро схватила его за локоть.

— Сумеем! Ты что-нибудь придумаешь, я знаю, у тебя выйдет.

Ги позвонил из телефонной будки миссис Кортес, а Розмари стояла рядом и пыталась по губам догадаться, о чем он говорит. Миссис Кортес дала им срок до трех часов. Если до этого времени они не подтвердят свое решение, то она предложит квартиру следующим из списка очередников.

Они зашли в русскую чайную и заказали «кроватьную Мэри» и жареного цыпленка с зеленью и черным хлебом.

— Скажи, что я заболела и должна лечь в больницу,— предложила Розмари.

Но это звучало неубедительно и казалось не слишком серьезным поводом для отказа от квартиры. Вместо этого Ги придумал целую историю о том, что его пригласили играть в пьесе «Хвастун» и он должен отправиться вместе со всей труппой во Вьетнам и Корею. Актер, занятый в роли Плана, сломал бедро, и если Ги не сможет его заменить (а Ги случайно знает эту роль наизусть), то турне придется отложить по крайней мере на две недели. А это будет позором: в то время, как наши славные ребята сражаются с погаными коммунистами и умирают... Жена же его в это время переедет к своим родственникам в Омаху...

Он повторил легенду дважды и отправился искать телефон.

Медленно потягивая напиток, Розмари под столом скрестила пальцы левой руки наудачу. Она думала о квартире на Первой авеню, которая ей не нравилась, и мысленно перебирала все ее преимущества: новая светлая кухня, машина для мытья посуды, окна на речку, центральное кондиционирование.

Официантка принесла цыпленка и хлеб.

Мимо прошла беременная женщина в ярко-синем платье. Розмари внимательно посмотрела на нее. Женщина была уже на шестом или седьмом месяце. Она весело переговаривалась через плечо с пожилой дамой, нагруженной свертками, очевидно, со своей матерью.

Кто-то помахал Розмари из противоположного угла. Она увидела рыжую девушку, которая пришла работать на радиостанцию незадолго до того, как Розмари уволилась. Розмари ответила ей. Девушка что-то сказала, выразительно вытягивая губы, но так как Розмари не поняла, та повторила еще раз. Мужчина, стоявший рядом с девушкой, оглянулся на Розмари. У него было худое бледное лицо.

И вот появился Ги, высокий и красивый. Он пытался скрыть улыбку, но удача сквозила в каждом его движении.

— Да? — спросила Розмари, как только он сел.

— Да! — выдохнул он. — Соглашение ликвидировали, вступительный взнос нам вернут. Миссис Кортес ждет нас в два часа.

— Ты ей позвонил?

— Да.

Рыжая девушка подошла к ним. Она раскраснелась, глаза ее сияли.

— Я всегда знала, что вы будете прекрасной парой, — сказала она. — Вы выглядите просто замечательно.

Розмари, пытаясь вспомнить ее имя, засмеялась.

— Спасибо. У нас сейчас праздник. Мы только что получили квартиру в Брэмфорде!

— В Брэме? — изумилась девушка. — Я схожу по нему с ума! Если когда-нибудь вы будете оттуда съезжать, то я первая на очереди, и не забудьте об этом! Я мечтаю об этих ужасных горгулиях и прочих кошмарах, сползающих прямо с окон.

Глава вторая

Как ни странно, Хатч попытался убедить их не переезжать в Брэмфорд, который, по его словам, был «опасной зоной».

Когда Розмари впервые оказалась в Нью-Йорке в июне 1962 года, она поселилась в квартире на Лексингтон авеню с подругой из Омахи и еще двумя девушками из Атланты. Хатч был их соседом, и хотя он всячески отпирал-

ся от роли названного отца всем четверым («уже, слава Богу, вырастил своих двоих, и хватит с меня»), тем не менее только он приходил на помощь в самые ответственные моменты. Например, когда начался пожар и Дженни чуть не задохнулась в дыму. Эвали его Эдвард Хатчинс, был он англичанином пятидесяти четырех лет и под тремя разными псевдонимами написал три приключенческих романа для детей.

Для Розмари он стал не только другом, но и духовным наставником. В ее семье было шестеро детей, из которых Розмари — самая младшая; остальные уже женились или вышли замуж, и поселились рядом с родителями. В Омахе Розмари оставила сердитого, вечно что-то подозревающего отца, молчаливую мать и возмущенных ее поведением братьев и сестер. (Только второй по старшинству брат, Брайан, который изрядно выпивал, сказал: «Валяй, Рози, делай все, что взбредет тебе в голову», — и незаметно передал ей пакет, в который вложил восемьдесят пять долларов.) В Нью-Йорке Розмари сразу почувствовала себя виноватой и эгоистичной, и именно Хатч «встряхнул» ее при помощи крепкого чая и разговоров о родителях, детях и чувстве долга перед самим собой. Она задавала ему даже такие вопросы, которые никогда бы не осмелилась произнести в церкви. Хатч направил ее в университет прослушать вечерний курс по философии. «Я сделаю герцогиню из этой цветочницы», — сказал он тогда, и Розмари довольно остроумно ответила ему: «Валяйте!»

Теперь раз в месяц Розмари и Ги обедали с Хатчем либо у них дома, либо, когда наступала его очередь приглашать, в ресторане. Ги считал, что Хатч — довольно скучный человек, но старался быть с ним на дружеской ноге: ведь Розмари, помимо всего прочего, была двоюродной сестрой писателя-драматурга Раттигана, с которым и сам Хатч переписывался. А Ги знал, что такие родственные связи иногда играют решающую роль в карьере актеров.

В четверг, после осмотра квартиры, Розмари и Ги обедали с Хатчем «У Клубе» — в небольшом немецком ресторанчике на Двадцать третьей улице. Миссис Кортес попросила их достать три рекомендации, и Хатч оказался одним из рекомендующих. Он уже получил от миссис Кортес письмо-запрос и успел ответить на него.

— Меня так и подмывало написать, что вы наркоманы или любите копаться в помойках, — сказал он, — или

что-нибудь подобное, что приводит в ужас владельцев домов.

Они спросили, почему.

— Не знаю,— задумчиво произнес он, намазывая маслом булочку,— но в начале века у Брэмфорда была плохая репутация.— Он посмотрел на них и, поняв, что они ничего об этом не знают, продолжил (у него было широкое светлое лицо, выразительные голубые глаза и жидкие черные волосы, зачесанные наискосок поверх проплешины):

— Кроме Айседоры Дункан и Теодора Драйзера, в Брэмфорде жила еще целая плеяда менее симпатичных людей. Именно там сестры Тренч проводили свои невинные диетические опыты, а Кит Кеннеди собирал, так сказать, вечеринки. Там же жили Адриан Маркато и Перл Эймс.

— А кто такие сестры Тренч? — спросил Ги, а Розмари добавила:

— И кто был этот Адриан Маркато?

— Сестры Тренч,— ответил Хатч,— это две чисто викторианские дамочки, которые временами занимались каннибализмом. Они сварили и съели несколько детей, в том числе и свою племянницу.

— Прелестно,— только и смог вымолвить Ги.

Хатч повернулся к Розмари.

— Адриан Маркато занимался колдовством. И в девяностых годах прошлого столетия произвел сенсацию — он заявил, что ему удалось вызвать живого Сатану. В качестве доказательства он выставял напоказ клоч шерсти и обрезки ногтей, и люди, очевидно, поверив ему, потом напали на него и чуть не убили прямо в вестибюле Брэмфорда.

— Вы шутите,— прошептала Розмари.

— Нет, все это вполне серьезно: через несколько лет началось знаменитое дело Кита Кеннеди, и к двадцатым годам дом наполовину опустел.

— Я слышал про Кита Кеннеди и Перл Эймс, но не знал, что там жил еще и Адриан Маркато,— сказал Ги.

— И эти сестры...— Розмари передернуло.

— Только из-за второй мировой войны и нехватки жилья,— продолжал Хатч,— в дом снова начали вселяться жильцы, и постепенно он вернул себе былой престиж, а в двадцатые годы его называли «Черный Брэмфорд», и разумные люди старались держаться от него подальше. А дыня у нас для дамы, да, Розмари?

Официант расставил закуски. Розмари вопросительно посмотрела на Ги, тот нахмурил брови и неопределенно потряс головой.

— Ерунда, пусть это тебя не пугает.

Официант ушел.

— На протяжении многих лет,— рассказывал Хатч,— в Брэмфорде происходили ужасные события. И, к сожалению, не все они относятся к далекому прошлому. В 1959 году, например, в подвале нашли мертвого младенца, завернутого в газеты.

— Но ведь ужасные вещи происходят время от времени и в других домах,— заметила Розмари.

— Время от времени,— согласился Хатч.— Но дело в том, что в Брэмфорде это случается куда чаще, чем «время от времени». Есть и еще кое-какие несоответствия. Там, например, произошло значительно больше самоубийств, чем в других жилых домах такого же размера.

— В чем же дело, Хатч? — спросил Ги, притворяясь очень серьезным и озабоченным.— Должно же быть какое-то объяснение.

Хатч несколько секунд молча смотрел на него.

— Не знаю,— проговорил он.— Может быть, дурная слава сестер Тренч привлекла туда Адриана Маркато, а его слава, в свою очередь,— Кита Кеннеди, и постепенно дом стал... вроде как местом обитания таких людей, которые склонны к разным извращениям. А может быть, существует нечто иное, чего мы пока не знаем — магнитные поля, или какие-то электроны, или что-нибудь подобное, и место от этого становится зловещим. Но вот что я знаю наверняка: Брэмфорд в этом отношении не уникален. В Лондоне на Прэд-стрит был дом, в котором в течение шестидесяти лет произошло пять жестоких убийств. Ни одно из них не было связано с другим — ни убийцы, ни жертвы, ни мотивы преступлений. И тем не менее все это было реальностью. Дом представлял собой небольшое строение с магазином внизу и квартирами в верхних этажах. В 1954 году его снесли без особых на то причин, и это место пустует до сих пор.

Розмари рассеянно водила ложкой по дыне.

— Но, может быть, есть и хорошие дома,— предположила она.— Дома, в которых люди постоянно влюбляются, женятся, и у них рождаются дети.

— И где они становятся знаменитыми,— вставил Ги.

— Наверное, есть,— сказал Хатч.— Но только никто об этом не знает. Обычно ведь лишь плохое становится

явным.— Он улыбнулся, глядя на Розмари и Ги.— Но все равно мне бы очень хотелось, чтобы вы подыскали себе другой дом, хороший, вместо этого Брэмфорда.

Розмари собиралась съесть кусочек дыни, но ее рука с ложкой застыла на полпути ко рту.

— Вы серьезно решили нас отговорить? — спросила она.

— Милая моя девочка, — ответил Хатч. — На сегодняшний вечер у меня было назначено свидание с очаровательной женщиной, но я его отменил только ради того, чтобы встретиться с вами и высказать свое мнение. Я в самом деле пытаюсь вас переубедить.

— Бог ты мой, но, Хатч... — начал было Ги.

— Я не утверждаю, — перебил Хатч, — что как только вы переедете в Брэмфорд, вам на голову свалится рояль, или вас съедят старые девы, или кто-нибудь обратит вас в камень. Я просто сообщаю факты, с которыми, по-моему, следует считаться так же, как с размером квартплаты или наличием камина: в доме происходило множество неприятных вещей. Зачем же сознательно входить в столь опасную зону? Можно ведь переехать в Дакоту или в Осборн, если уж вы так помешались на красотах девятнадцатого века.

— Дакота — кооперативный дом, — возразила Розмари, — а Осборн собираются сносить.

— Хатч, а вы, часом, не преувеличиваете? — спросил Ги. — Разве за последние годы там произошли какие-нибудь «ужасные события», не считая, конечно, того ребенка в подвале?

— Прошлой зимой там убили лифтера, — сказал Хатч, — при обстоятельствах, которые не принято обсуждать за столом. Я сегодня специально ходил в библиотеку, просматривал подборки статей из «Таймс» и три часа просидел за микрофильмами. Вы еще хотите послушать?

Розмари взглянула на Ги. Тот отложил вилку и выгнул рот.

— Все это глупости! Даже если там и произошло много неприятных вещей, это вовсе не значит, что они будут продолжаться и дальше. Я не понимаю, чем Брэмфорд опаснее любого другого дома в городе. Можно бросать монетку и получить пять «решек» подряд, но из этого совсем не следует, что и следующие пять тоже будут «решки», или что моя монетка чем-то отличается от других. Это совпадение, вот и все.

— Если там что-то по-настоящему неладно, — поддер-

жала мужа Розмари,—то его бы снесли. Как тот дом в Лондоне.

— Домом в Лондоне,— уточнил Хатч,— владела семья последней жертвы. А Брэмфордом владеет соседствующая церковь.

— Ну вот,— оживился Ги, прикуривая сигарету,— значит, у нас будет Божественное покровительство.

— Оно не всегда срабатывает,— хмуро возразил Хатч. Официант унес пустые тарелки.

— Я и не знала, что домом владеет церковь,— сказала Розмари.

Ги тут же добавил:

— По правде говоря, она владеет всем городом.

— А вы пробовали снять квартиру в Вайоминге? — осведомился Хатч.— Он ведь находится в том же районе, что и Брэмфорд, насколько я помню.

— Хатч,— взмолилась Розмари,— мы перепробовали все. И нигде ничего нет, абсолютно ничего, кроме новых домов, где все комнаты похожи одна на другую, а в лифтах установлены телекамеры.

— Неужели это так страшно? — спросил Хатч, улыбаясь.

— Да,— кивнула Розмари, а Ги пояснил:

— Мы чуть не въехали в такой дом, но потом удалось поменять на этот.

Хатч молча посмотрел на них, потом откинулся на спинку стула и хлопнул ладонями по столу.

— Все! Достаточно. Буду заниматься своими делами. Я должен был понять это с самого начала. Разводите себе на здоровье огонь в камине; я вам подарю дверной засов и с сегодняшнего дня буду держать рот на замке. Я настоящий идиот, простите меня.

Розмари улыбнулась.

— На двери уже есть один засов. И цепочка тоже есть, и глазок.

— Тогда пользуйтесь всем этим сразу,— посоветовал Хатч.— И не стоит шататься по коридорам и знакомиться со всеми подряд. Это вам не Айова.

— Не Омаха,— с улыбкой поправила Розмари.

Официант подал горячее.

На следующий день, в понедельник, Розмари и Ги подписали договор об аренде квартиры 7Е в Брэмфорде сроком на два года. Они дали миссис Кортес чек на пять-

сот восемьдесят три доллара — месячную ренту и залог за месяц вперед. Им сказали, что переехать можно будет, даже не дожидаясь первого сентября, как только вывезут вещи в конце недели, а ремонт начнут делать в среду, восемнадцатого.

В этот же день им позвонил Мартин Гардиния, сын прежней хозяйки квартиры. Они договорились встретиться в Брэмфорде в восемь вечера во вторник. Это был высокий мужчина, веселый и открытый, лет шестидесяти. Он показал вещи, которые собирался продавать, и назвал свою цену. Все было довольно недорого. Розмари и Ги посоветовались и купили два кондиционера, трюмо из красного дерева с вышитым пуфиком, персидский ковер для гостиной, железные подставки для дров, каминный экран и кое-какие инструменты. К сожалению, письменный стол миссис Гардинии не продавался. Пока Ги выписывал чек и привязывал бирки к вещам, которые должны были остаться в квартире, Розмари принялась обмеривать гостиную и спальню шестифутовой складной линейкой, которую купила утром.

Еще в марте Ги дали роль в дневном телесериале «Другой мир», и теперь его герой должен был снова на три дня вернуться на экран, поэтому всю неделю Ги был занят на съемках. Розмари перебрала папку с фотографиями различных комнат, которые она собирала еще со школы, нашла две, подходящие для новой квартиры, и вместе с Джоан Желлико, девушкой из Атланты, с которой она жила по соседству с Хатчем, впервые очутившись в Нью-Йорке, отправилась по магазинам. У Джоан было удостоверение дизайнера по интерьерам, и их пускали во все дома, предназначенные для продажи, а также на выставки мебели. Розмари делала стенографические заметки и зарисовывала для Ги обстановку комнат. Потом, нагруженная всевозможными образцами обивки и обоев, побежала домой и как раз успела к началу очередной серии «Другого мира», дождалась выхода Ги, а затем пошла за продуктами к обеду. В этот день она опять пропустила занятия в кружке скульптуры и, к своему удовольствию, не успела посетить зубного врача.

В пятницу вечером квартира уже принадлежала им, встретив новых хозяев пустотой высоких потолков и непривычной темнотой, в которую они вступили с зажженным фонариком и магазинными пакетами, прислушиваясь

к эху, несущемуся из дальних комнат. Они включили кондиционеры и отдались наслаждению красотой ковра, каминов и трюмо, долго восхищались кранами в ванной, дверными ручками, петлями, карнизами, полами, плитой, холодильником, подоконниками и видом из окон. Поужинав прямо на ковре бутербродами и пивом, продумали, что куда ставить, при этом Ги производил замеры, а Розмари рисовала. Потом, снова на ковре, закрыв тряпкой лампу, разделись и занимались любовью в ночном свете незашторенных окон.

— Ш-ш-ш! — громко шипел Ги, широко раскрыв глаза от притворного ужаса. — Я слышу, как жуют сестры Тренч! Розмари больно стукнула его по голове.

Они купили диван и огромную кровать, кухонный стол и два стула с изогнутыми ножками. По телефону договорились с рабочими о перевозке.

Маляры пришли в среду, восемнадцатого. Они штукатурили, грунтовали, красили, замазывали трещины и ушли только в пятницу, двадцатого, оставив на стенах ровные слои красок, точь-в-точь совпадающих с образцами Розмари. Позже пришел один-единственный обойщик, долго чем-то гремел и оклеил спальню.

Они звонили по разным магазинам, затем рабочим, дозвонились и до матери Ги в Монреаль. За неделю им удалось приобрести красивый старинный сервант, обеденный стол, тумбочки для аппаратуры, новые тарелки и столовое серебро. Они были в упоении. Год назад Ги снялся в целой серии телерекламы, которые все еще показывали каждый день, что уже принесло ему восемнадцать тысяч долларов и продолжало давать доходы.

Повесив шторы и оклеив пленкой полки, Розмари и Ги расстелили ковер в спальне и белую виниловую дорожку в коридоре. Провели телефон с тремя дополнительными розетками, оплатили счет за старую квартиру и оставили на почте свой новый адрес.

И 27 августа, в пятницу, они переехали. Джоан и Дик Джеллико прислали в подарок большой цветок в горшке, а агент Ги — такой же, но поменьше. От Хатча пришла телеграмма: «Брэмфорд превратился из дурного дома в хороший, потому что одна из табличек на его дверях гласит: «Р. и Г. Вудхаус».

Глава третья

Теперь Розмари стала очень занятой и была этим счастлива. Она купила и повесила занавески, отыскала для

гостиной люстру в викторианском стиле, красиво разместила на кухне многочисленные кастрюльки и сковородки. Как-то она обнаружила, что доски в стенном шкафу коридора — это полки, которые легко вставляются на деревянные штыри. Она оклеила доски полосатой бумагой и, когда Ги вернулся домой, продемонстрировала ему аккуратный шкаф для белья. Рядом с домом, на Шестой авеню, находился супермаркет и китайская прачечная, куда можно было отдавать простыни и рубашки Ги.

У Ги тоже хватало дел, и он уходил на работу каждый день, как и подобает мужчине. После Дня труда¹ вернулся в город его наставник по вокалу. Ги занимался с ним каждое утро, а днем ходил на пробы для реклам и телеспектаклей. За завтраком он особенно нервничал, читая театральные объявления в газетах: все разъезжались на съемки; тот играл в «Небоскребе», этот — в «Черт побери, кошка!». А еще снимали «Невозможные годы» и «Жаркий сентябрь», и только он один-одинешенек остался здесь со своими рекламами. Но Розмари верила, что очень скоро и ему предложат что-нибудь стоящее, и спокойно ставила перед ним кофе и так же спокойно просматривала страницы газеты.

Будущая детская пока что представляла собой рабочий кабинет с пустыми стенами и мебелью, привезенной со старой квартиры. Бело-желтые обои решено было заказать позже. Их образец лежал в альбоме Пикассо вместе с рекламой комодов и детских кроваток.

Розмари написала письмо брату Брайану, чтобы поделиться своим счастьем. Никто больше в семье не оценил бы этого. Они все казались врагами — родители, братья, сестры никогда не простят ей брака с протестантом. И тем более не простят того, что она не венчалась в церкви, что у ее свекрови было два развода, а теперешний муж — еврей, с которым она живет в Канаде.

Приготовив цыпленка, Розмари испекла кофейный торт и целое блюдо сливочного печенья.

Розмари и Ги слышали Минни Кастивет прежде, чем познакомиться с ней. Ее громкий голос со среднезападным акцентом отчетливо звучал и в их спальне: «Роман, подойди к кровати! Уже двадцать минут двенадцатого!»

¹ День труда — официальный праздник, отмечаемый в США и Канаде в первый понедельник сентября. (Примеч. пер.)

И через пять минут снова: «Роман! Принеси мне попить, когда придешь!»

— Не знал, что кто-то до сих пор еще снимает кино про мамашу и папашу Кеттл,— сказал Ги, и Розмари неуверенно рассмеялась. Она была на девять лет моложе Ги и не всегда понимала, что он хочет сказать.

Они познакомились с Гоульдами из квартиры 7F, приятной пожилой парой, потом с Брюнами и их сыном Вальтером — все они говорили с легким немецким акцентом и жили в квартире 7C. Они здоровались также с Келлогами из 7J, с мистером Стайном из 7H и господами Дубином и де Вором из квартиры 7B. (Розмари сразу узнала все фамилии, читая их на табличках возле дверных звонков и на конвертах писем, которые лежали у дверей — она не испытывала от этого угрызений совести.) Каппы из 7D не появлялись и не получали писем, наверное еще не вернулись из летних отпусков, а Кастиветов из 7A пока было только слышно («Роман! Где Терри?»), но не видно. Они, видимо, были затворниками или выходили только по ночам (дверь их располагалась напротив лифта), зато они получали письма из многих мест, что очень удивляло Розмари: из Гавика (Шотландия), Лагника (Франция), Виктории (Бразилия), Песснока (Австралия); выписывали и «Лайф», и «Лук».

Розмари и Ги так и не обнаружили никаких следов ни сестер Тренч, ни Адриана Маркато, ни Кита Кеннеди, ни Перл Эймс, ни их современных последователей. Дубин и де Вор были гомосексуалистами, все же остальные казались вполне нормальными.

Почти каждый вечер они слушали западный выговор из соседней квартиры, которая, как догадывались Розмари и Ги, раньше была составной частью их собственной. «Нельзя быть уверенным на все сто процентов! — спорила женщина, и тут же добавляла: «Если уж важно мое мнение, то ей вообще не надо ничего говорить — вот МОЕ мнение!»

Однажды в субботу вечером у Кастиветов были гости. Пришло около десяти человек, они шумно разговаривали, а потом пели. Ги сразу же заснул, а Розмари пролежала до двух ночи, слушая их нестройный хор и звуки флейты или кларнета, сопровождавшие пение.

Раз в четыре дня Розмари все же вспоминала об опасениях Хатча — ей всегда становилось не по себе, когда приходилось спускаться в подвал, чтобы постирать вещи.

Служебный лифт сам по себе был не очень приятным — маленький, без лифтера, он жутко дребезжал и перемещался рывками. А подвал со старым кирпичным полом был и вовсе ужасным местом: шаги отдавались гулким эхом, слышались хлопки невидимых дверей, а вдоль стен, отвернувшись, стояли брошенные холодильники, застыв под светом ярких ламп в проволочных каркасах.

Именно здесь, вспоминала Розмари, не так давно нашли мертвого ребенка, завернутого в газету. Чей это был ребенок и как он умер? Пойман ли виновный, наказан ли? Она хотела пойти в библиотеку и прочитать об этом в газете, как поступил Хатч, но тогда все стало бы еще реальнее и страшнее, чем было сейчас. Точно знать место, где нашли труп; может быть, ходить по этому месту от лифта и обратно — все это стало бы для нее невыносимым. «Не обращать внимания и постепенно забыть, — решила она. — Все проклятый Хатч со своими добрыми намерениями!..»

Из этой прачечной получилась бы неплохая тюрьма: кирпичные стены, лампочки в железных каркасах и ячейки в стенах, закрытые проволочными дверями. Здесь стояли машины и сушилки, работающие за деньги, а в запертых ячейках — личные агрегаты, Розмари приходила сюда в выходные или же после пяти вечера. В рабочие дни по утрам здесь обитала целая ватага прачек-негрятенок, которые гладили белье и переговаривались между собой. Когда же она один раз появилась тут в их присутствии, те сразу неловко притихли. Розмари попыталась улыбнуться и хотела остаться незамеченной, но тишина продолжалась, и она почувствовала себя неуютно в обществе негров.

Однажды, на третьей неделе их жизни в Брэмфорде, в четверть шестого вечера Розмари сидела внизу, читала «Нью-Йоркер» и собиралась уже добавить в воду смягчитель, чтобы начать полоскать белье, как вдруг в подвал вошла девушка примерно ее же возраста. Она была темно-волосая, с милым личиком, и к своему огромному удивлению Розмари обнаружила, что это Анна Мария Альбергетти. На ней были белые сандалии, черные шорты и шелковая кофточка абрикосового цвета. В руках она несла пластиковую желтую сумку с грязным бельем. Быстро кивнув в сторону Розмари, она прошла к стиральной машине и принялась загружать белье.

Анна Мария Альбергетти, насколько было известно Розмари, не жила в Брэмфорде, но она могла приехать к кому-нибудь в гости и помочь по хозяйству. Однако,

когда Розмари пригляделась повнимательнее, то увидела, что ошиблась: у девушки был слишком длинный и острый нос и иные черты лица, а также другая походка. Тем не менее сходство казалось удивительным — и тут Розмари заметила, что девушка закрыла машину и смотрит на нее с вопросительной и растерянной улыбкой.

— Извини, — торопливо произнесла Розмари. — Я думала, что ты — Анна Мария Альбергетти, поэтому так и уставилась. Прости.

Девушка покраснела, снова заулыбалась и опустила глаза.

— Это со мной часто происходит. Не надо извиняться. Люди принимают меня за Анну Марию постоянно, с самого детства, когда она снялась в своей первой роли в фильме «А вот и жених». — Девушка посмотрела на Розмари, все еще красная, но уже без улыбки. — Я-то вообще не вижу никакого сходства. Я тоже итальянка, как и она, но между нами нет физического сходства.

— Есть и еще какое, — заметила Розмари.

— Может быть, — ответила девушка. — Мне все говорят. Но я этого не нахожу. Хотя мне и хотелось бы, если честно.

— Ты ее знаешь? — спросила Розмари.

— Нет.

— Просто ты назвала ее Анна Мария, вот я и подумала...

— Нет, я просто всегда ее так называю. Наверное, из-за того, что мне приходится часто о ней вспоминать. — Она вытерла руку о шорты, потом протянула ее вперед. — Меня зовут Терри Джоноффрио. Я точно не помню, как пишется моя фамилия, поэтому даже не переспрашивай.

Розмари улыбнулась и пожала ей руку.

— А я Розмари Вудхаус. Мы здесь недавно живем, а ты?

— Я здесь вообще не живу. Я из квартиры мистера и миссис Кастивет, на седьмом этаже. Я вроде бы как их гостья, уже с июня. А ты их знаешь?

— Нет, но наша квартира рядом, раньше это была одна большая квартира.

— Боже мой! — воскликнула Терри. — Так вы и есть те самые жильцы, которые заняли квартиру этой старушки! Миссис... ну, той, которая умерла!

— Гардиния?

— Точно. Она была хорошая подруга Кастиветов.

Выращивала травы и разные другие растения и приносила их миссис Кастивет для готовки.

Розмари кивнула.

— Когда мы первый раз смотрели квартиру, одна из комнат вся была уставлена горшками.

— А теперь, когда она умерла, миссис Кастивет сделала себе миниатюрную оранжерею на кухне и все выращивает сама.

— Извини, мне надо добавить смягчитель.— Розмари встала и вынула из пакета бутылочку.

— А знаешь на кого ТЫ похож? — спросила Терри.

— Нет,— ответила Розмари, отвинчивая крышку.— На кого?

— На Пайпер Лори.

Розмари рассмеялась.

— Не может быть! Мне это так смешно, потому что мой муж ухаживал за Пайпер Лори, пока та не вышла замуж.

— Ты не шутишь? В Голливуде?

— Нет, здесь.— Розмари налила в колпачок смягчителя. Терри помогла открыть дверцу машины. Розмари поблагодарила и принялась размешивать жидкость.

— Так твой муж актер? — спросила Терри.

Розмари самодовольно кивнула, закрывая бутылочку.

— Ты не шутишь? Как его зовут?

— Ги Вудхаус. Он играл в «Лютере» и в пьесе «Никто не любит альбатроса», а еще у него куча ролей на телевидении.

— Слушай, да я целыми днями смотрю телевизор. Спорим, что я его видела!

Где-то наверху послышался звук разбивающегося стекла — бутылки или окна.

— Ох ты! — воскликнула Терри.

Розмари сжалась и боязливо покосилась на входную дверь:

— Ненавижу этот подвал!

— Я тоже,— отозвалась Терри.— Я так рада, что ты здесь. Если бы я была одна, я бы умерла от страха.

— Наверное, рассыльный уронил где-то бутылку,— предположила Розмари.

— Слушай, а можно приходить сюда все время вдвоем? Ведь ваша дверь напротив служебного лифта, да? Я позвоню тебе, и мы спустимся вместе. А сначала можно договориться по внутреннему телефону,— предложила Терри.

— Это было бы здорово,— обрадовалась Розмари.— Я так не люблю ходить сюда одна!

Они рассмеялись, попытались еще что-то сказать, но, не найдя нужных слов, рассмеялись еще громче.

— У меня есть талисман; может быть, он будет спасать нас обеих? — Терри оттянула воротник кофточки и вынула блестящую цепочку, показывая ее Розмари. На цепочке висел филигранный серебряный шарик не больше дюйма в диаметре.

— Какой красивый!

— Правда? — обрадовалась Терри.— Мне его подарила позавчера миссис Кастивет. Ему триста лет. А то, что внутри, она сама вырастила в оранжерее. Это приносит счастье. По крайней мере, должно приносить.

Розмари начала внимательно разглядывать шарик, который Терри держала между большим и указательным пальцами. Он был наполнен серовато-зеленым пористым веществом, выпирающим из отверстий. Неприятный запах заставил Розмари отпрянуть.

Терри снова засмеялась.

— Мне тоже этот запах не очень нравится. Но главное, чтобы он срабатывал!

— Красивый талисман,— сказала Розмари.— Ничего подобного в жизни не видела.

— Это из Европы.— Терри прислонилась к машине и с удовольствием принялась рассматривать шарик, поворачивая его в руке.— Кастиветы — самые замечательные люди на всем белом свете. Они меня в буквальном смысле подобрали на улице. Я отключилась на Восьмой авеню, и они принесли меня сюда и приняли, как мать и отец. Вернее, как бабушка и дедушка.

— Ты была больна? — спросила Розмари.

— Мягко говоря, да. Я умирала от голода, сидела на наркотиках и делала еще черт знает что, о чем теперь даже вспоминать тошно, а мистер и миссис Кастивет меня полностью реабилитировали. Они помогли мне поправиться, отвыкнуть от героина, накормили, одели и теперь обо мне заботятся. Я получаю прекрасное питание, всякие витамины, и даже хожу к врачу на осмотры. И все потому, что у них нет детей. Я для них как дочка, понимаешь?

Розмари кивнула.

— Сначала я думала, что, может быть, у них есть какие-то тайные намерения,— продолжала Терри.— Но они — как настоящие бабушка и дедушка. Они хотят отправить меня учиться на секретаря, и я им потом, конеч-

но, верну деньги. Я сама даже школу не закончила, но это можно наверстать.

Она опустила шарик назад.

— Приятно слышать, что есть еще такие люди, когда весь мир полон апатии и безразличия,— сказала Розмари.

— Немного таких, как мистер и миссис Кастивет,— ответила Терри.— Я бы сейчас уже не жила, если бы не они. Это уж точно.

— А у тебя разве нет семьи или кого-то, кто мог бы помочь?

— У меня брат на флоте. Но о нем лучше не говорить.

Розмари перенесла свое белье в сушилку и подождала, пока Терри закончит со своим. Они поговорили о маленькой роли Ги в «Другом мире» («Конечно же, я его помню! Так ты замужем за НИМ?»), о прошлом Брэмфорда (Терри ничего об этом не знала) и о предстоящем визите в Нью-Йорк Папы Римского Павла. Терри, как и Розмари, была католичкой, хотя и не ходила в церковь, но очень хотела достать билет на мессу на стадион Янки. Когда все было выстирано, девушки поехали в служебном лифте на седьмой этаж. Розмари пригласила Терри посмотреть квартиру, но та сказала, что ей неудобно опаздывать — Кастиветы садились за стол ровно в шесть. Пообещала позвонить по внутреннему телефону попозже вечером, чтобы вдвоем спуститься в подвал за высушенным бельем.

Ги был уже дома. Он что-то жевал и смотрел фильм с участием Грейс Келли.

— Наверное, уже все перестирала,— предположил он.

Розмари рассказала ему о Терри и Кастиветах и о том, что Терри видела его в «Другом мире». Он сделал вид, что не обратил на это внимания, хотя был польщен. Оказалось, что Ги не в духе — похоже, роль в новой комедии достанется не ему, а его сопернику Дональду Бомгарту; они готовились на нее вдвоем и сегодня состоялось прослушивание.

— Бог ты мой,— ворчал он.— Что это за имя такое — Дональд Бомгарт? — Его собственное имя раньше было Шерман Педен.

В восемь часов Розмари и Терри забрали белье из сушилки, и Терри пришла посмотреть квартиру и познаком-

миться с Ги. Она опять покраснелась и очень волновалась. Видя это, Ги рассыпался в комплиментах, быстро сбежал за пепельницей и услужливо поднес ей спичку. Терри никогда раньше не была в этой квартире; миссис Гардиния и Кастиветы поссорились незадолго до того, как она появилась в доме, а потом миссис Гардиния впала в кому, из которой так и не вышла.

— Симпатичная квартира, — сказала Терри.

— Будет еще лучше, — заверила Розмари. — Мы еще и половину мебели не перевезли.

— Наконец-то вспомнил! — вскрикнул Ги и, хлопнув в ладоши, победно указал на Терри: — Анна Мария Альбергетти!

Глава четвертая

От Хатча пришел подарочный сверток: высокое ведерко для льда из тикового дерева с ярко-оранжевыми полосками. Розмари сразу же позвонила ему и поблагодарила за подарок. Он видел квартиру после того, как ее отделали рабочие, но с тех пор больше там не был, поэтому она сообщила, что стулья привезут только через неделю, а диван запаздывает на месяц.

— Только, ради Бога, не надо меня развлекать, — сказал Хатч. — Как у вас идут дела?

Розмари все подробно доложила.

— И соседи у нас вполне нормальные, — заявила она. — Ну, кроме нормальных гомосексуалистов — их тут двое, — а напротив, через коридор, живет милая пожилая парочка по фамилии Гоульд, они в Пенсильвании разводят персидских кошек. Так что мы можем приобрести котенка в любое время.

— Они линяют, — пробурчал Хатч.

— Есть еще одна пара, мы с ними пока не знакомы, но они приютили у себя девушку, которая раньше была наркоманкой, и полностью ее вылечили, а теперь собираются отправить ее в школу учиться на секретаря.

— Похоже, что вы всем очень довольны. Я рад.

— Подвал немного страшный, — продолжала Розмари, — и я вас проклинаяю каждый раз, когда туда спускаюсь.

— Но почему же меня?

— Из-за ваших рассказов.

— Если ты имеешь в виду те, которые я пишу, то за них я и сам себя проклинаяю, а если те, что я тебе пере-

сказал, тогда точно так же можно ругать пожарную сирену за пожар или бюро прогнозов за тайфун.

Розмари успокоилась и добавила:

— Но теперь станет лучше. Со мной будет ходить туда та девушка, о которой я говорила.

— Похоже, вы распространяете добро, как я и предполагал, по всему дому, и он уже больше не страшен. Используйте ведро, и передавай от меня привет Ги.

Появились Каппы из квартиры 7D. Полные супруги, вероятно, за тридцать, с любопытной двухгодовалой дочкой Лизой.

— Как тебя зовут? — спросила Лиза у Розмари. — Ты уже съела сегодня яйцо? А кукурузные хлопья? А «Капитана Кранча»?

— Меня зовут Розмари. Яйцо я съела, а капитана Кранча еще нет. А кто это? Я никогда раньше о нем не слышала.

Вечером 17 сентября, в пятницу, Розмари с Ги и еще две пары пошли на просмотр пьесы «Миссис Дэлли», а потом в гости к фотографу Ди Бертиллеру в его студию на западной Сорок восьмой улице. Бертиллер начал спорить с Ги по поводу найма иностранных актеров: Ги считал, что это правильная политика, а Бертиллер — наоборот. И хотя другие гости попытались весь этот разговор перевести в шутку, Ги и Розмари ушли рано, в половине первого.

Ночь была свежая и приятная, и они решили прогуляться. У самого угла Брэмфорда они сразу же заметили на тротуаре человек двадцать, собравшихся полукругом возле одной из машин. Рядом стояли две полицейские машины с работающими мигалками на крышах.

Розмари и Ги зашагали быстрее, взявшись за руки и предчувствуя недоброе. Машины на дороге немного притормаживали; из-за голов горгулий, украшавших окна Брэмфорда, выглядывали люди. Ночной сторож Тоби вышел из дверей дома с коричневым одеялом, которое у него тут же забрал полицейский.

Крыша «фольксвагена», вокруг которого толпились люди, была смята, ветровое стекло разбито вдребезги.

— Умерла, — сказал кто-то, а другой голос добавил: — Я посмотрел вверх, и мне показалось, что какая-то огромная птица ринулась вниз — орел или что-то в этом роде.

Розмари и Ги привстали на цыпочки, заглядывая через плечи зевак.

— Отойдите назад,— приказал полицейский.

Люди расступились, полицейский в спортивной рубашке прошел вперед. На тротуаре лежала Терри и смотрела в небо одним глазом, другая половина ее лица превратилась в кровавое месиво. Ее накрыли коричневым одеялом, на котором сразу же проступили красные пятна.

Розмари пошатнулась, закрыла глаза и машинально перекрестилась. Она крепко стиснула зубы, испугавшись, что ее сейчас вырвет.

Ги сморщился и шумно втянул в себя воздух.

— Господи,— простонал он.— Боже ты мой!

Полицейский повторил:

— Отойдите назад, пожалуйста.

— Мы ее знаем,— сказал Ги.

Второй полицейский повернулся к ним.

— Как ее звали?

— Терри.

— Терри? А как дальше? — Этому голубоглазому полицейскому на вид было лет сорок, и он уже изрядно вспотел.

— Ро, как ее звали? Терри, а дальше? — переспросил Ги.

Розмари открыла глаза и сглотнула.

— Не помню. Какая-то итальянская фамилия, очень длинная, начинается на «дж». Она даже шутила, что эту фамилию трудно писать.

— Она жила в семье Кастивет, в квартире 7А,— сообщил Ги голубоглазому полицейскому.

— Мы это уже выяснили.

Подшел еще один полицейский, держа в руке листок желтоватой бумаги. Позади него, поджав губы, стоял мистер Миклас. На нем поверх полосатой пижамы был накинут плащ.

— Коротко и ясно,— сказал подошедший полицейский голубоглазому и протянул ему листок.— Она прилепила это к окну пластырем, чтобы ветер не унес.

— Там кто-нибудь есть?

Полицейский покачал головой.

Голубоглазый прочитал записку, в задумчивости шумно выпуская воздух сквозь зубы.

— Тереза Джоноффри,— произнес он, как настоящий итальянец.

Розмари кивнула.

— В среду вечером мы бы и не подумали, что у нее в голове такие невеселые мысли,— сказал Ги.

— Очень грустные мысли,— согласился полицейский, раскрыл папку для бумаг, вложил в нее записку и закрыл.

— Вы разве знали ее? — спросил мистер Миклас у Розмари.

— Немного,— ответила она.

— Ну да, конечно,— спохватился мистер Миклас.— Вы ведь тоже с седьмого этажа.

— Ну ладно, дорогая, пойдем наверх,— предложил Ги.

— А вы не знаете, где можно отыскать этих Кастиветов? — остановил их полицейский.

— Понятия не имею,— ответил Ги.— Мы с ними даже не знакомы.

— В это время они обычно бывают дома,— сказала Розмари.— Мы их слышим через стенку. У нас спальни рядом.

Ги положил руку Розмари на плечо.

— Ну, пойдем, дорогая.

Они кивнули полицейскому, мистеру Микласу и направились к дому.

— А вот и они,— сказал мистер Миклас.

Розмари и Ги остановились и обернулись назад. Из города, откуда они только что пришли сами, появилась пара: высокая полная женщина с седыми волосами и столь же высокий худой мужчина с шаркающей походкой.

— Это Кастиветы? — спросила Розмари.

Мистер Миклас кивнул.

Миссис Кастивет была в светло-голубом платье и в белоснежных перчатках, таких же туфлях, шляпке и с сумочкой. Она заботливо вела под руку своего мужа. Тот был одет великолепно: в льняную куртку с полосками всех цветов, красные брюки, на шее — розовый бант, а на голове — серая широкополая фетровая шляпа с розовой лентой. Ему было лет семьдесят пять или больше, ей — под семьдесят. Они ускорили шаг, вопросительно улыбаясь. Навстречу им двинулся полицейский, и улыбки их сразу исчезли. Миссис Кастивет что-то взволнованно сказала, а ее муж нахмурился и покачал головой. Его тонкие губы были ярко-розовые, будто покрашенные помадой, щеки бледные, маленькие глазки блестящие. В лице миссис Кастивет выделялся большой нос и пухлая нижняя губа. Она была в очках в розовой оправе, и цепочка от них свисала у сережек с искусственным жемчугом.

— Вы и есть Кастиветы с седьмого этажа? — спросил полицейский.

— Да, это мы, — сухо и с достоинством ответил мистер Кастивет.

— С вами живет девушка по имени Тереза Джоноффрио?

— Да, — сказал мистер Кастивет. — А что случилось? Что-нибудь с ней произошло?

— Подготовьтесь к самому худшему. — Полицейский немного помолчал и произнес: — Она умерла. Покончила жизнь самоубийством. — Подняв руку, он большим пальцем указал через плечо. — Она выпрыгнула из окна.

Старики смотрели на него с тем же выражением на лицах, что и минуту назад, будто он еще ничего не сказал, потом миссис Кастивет шагнула в сторону, увидела окровавленное одеяло, выпрямилась и снова взглянула ему в глаза.

— Это невозможно, — громко произнесла она таким же голосом, как и «Роман-принеси-мне-попить». — Это ошибка. Там под одеялом кто-то другой.

— Арти, дай этим людям взглянуть, пожалуйста, — попросил полицейский.

Миссис Кастивет твердой походкой прошла мимо него. Мистер Кастивет не двигался.

— Я знал, что это случится, — пробормотал он. — У нее начиналась глубокая депрессия через каждые три недели. Я замечал это и говорил жене, но она меня успокаивала. Она оптимистка и не хочет верить в то, что не всегда все происходит так, как ей бы хотелось.

Вернулась миссис Кастивет.

— Но это еще не значит, что она сама это сделала, — сказала она. — Терри была счастлива. У нее не было причин для самоубийства. Это скорее всего несчастный случай. Вероятно, она мыла окна и потеряла равновесие. Она всегда старалась сделать нам что-нибудь приятное.

— Она не могла мыть окна ночью, — возразил мистер Кастивет.

— Почему бы и нет? — рассердилась миссис Кастивет. — Может быть, и мыла!

Полицейский достал из папки записку и протянул им.

Миссис Кастивет немного поколебалась, потом взяла записку, перевернула ее и прочитала. Мистер Кастивет вытянул шею и тоже прочел, шевеля тонкими губами.

— Это ее почерк? — спросил полицейский.

Мистер Кастивет кивнул.

— Точно. Совершенно верно.

Полицейский протянул руку, и миссис Кастивет отдала ему листок.

— Спасибо,— сказал он.— Потом вы получите ее назад.

Миссис Кастивет сняла очки, и они повисли на цепочке. Она закрыла глаза руками, не снимая перчаток.

— Я не верю этому. Я просто этому не верю. Она была так счастлива. Все тревоги были уже позади.

Мистер Кастивет положил ей руку на плечо, опустил глаза и покачал головой.

— Вы знаете ее родственников? — спросил полицейский.

— У нее никого не было,— ответила миссис Кастивет.— Она была совсем одна. У нее никого не было, кроме нас.

— Разве у Терри не было брата? — удивилась Розмари.

Миссис Кастивет надела очки и внимательно посмотрела на нее. Мистер Кастивет поднял глаза, было видно, как они засветились под полями шляпы.

— А разве был? — спросил полицейский.

— Она говорила, что был,— ответила Розмари.— Во флоте.

Полицейский посмотрел на Кастиветов.

— Для меня это новость,— сказала миссис Кастивет, а ее муж добавил: — Для нас обоих.

— Вы знаете его звание или место, где он служит? — спросил полицейский у Розмари.

— Нет,— ответила она и обратилась к Кастиветам: — Она упомянула мне о нем на днях, в прачечной. Я Розмари Вудхаус.

— Мы живем в квартире 7 Е,— объяснил Ги.

— Я чувствую то же, что и вы, миссис Кастивет,— призналась Розмари.— Она казалась такой счастливой, полной радости и планов на будущее. Она так хорошо отзывалась о вас и вашем муже, говорила, что благодарна вам за помощь, за то, что вы для нее сделали.

— Спасибо. Очень мило с вашей стороны поддержать нас в эту минуту. Нам стало немного легче.

— Вы больше ничего не знаете об этом брате, кроме того, что он во флоте? — настойчиво спросил полицейский.

— Это все,— подтвердила Розмари.— По-моему, она его не очень любила.

— Его будет легко найти,— предположил мистер Ка-

стивет.— Фамилия Джоноффрио не так уж часто встречается.

Ги обнял Розмари, и они пошли к дому.

— Я так ошеломлена, и мне очень жаль ее,— сказала Розмари Кастиветам.— Очень жаль. Это...

— Спасибо вам,— перебила миссис Кастивет, а ее муж произнес какую-то длинную и непонятную фразу, из которой можно было разобрать только слова «ее последние дни».

Розмари и Ги поднялись наверх («Боже мой! — повторял ночной лифтер Диего.— Боже мой! Боже мой!»), печально посмотрели на дверь 7 А, где теперь обитало свидение, и прошли по коридору в свою квартиру. Из соседней двери выглянул мистер Келлог и спросил, что происходит внизу. Они все рассказали.

Некоторое время они сидели на краю кровати и размышляли о том, какие у Терри могли быть причины для самоубийства. Наконец решили, что если когда-нибудь Кастиветы покажут им записку, то можно будет узнать, что же побудило ее совершить этот прыжок, свидетелями которого они чуть не стали. Хотя, добавил Ги, и содержание записки не всегда дает ответ, потому что его, наверное, не знала и сама Терри. Что-то привело ее к наркотикам и что-то толкнуло на самоубийство, но что именно — рассуждать уже поздно.

— Помнишь, что говорил Хатч? — спросила Розмари.— Что здесь больше самоубийств, чем в других домах.

— Ну, Ро,— возразил Ги,— все это чепуха. Ты имеешь в виду его болтовню об «опасной зоне»?

— Но Хатч верит в это!..

— Все равно чепуха.

— Представляю, что он скажет, когда узнает об этом.

— А ты ему не говори. В газетах он все равно ничего не прочтет.— Только утром началась забастовка нью-йоркских газетчиков, и ходили слухи, что она продлится около месяца.

Они разделись, приняли душ, возобновили незаконченную игру в скрэббл¹, снова ее не закончили, занялись любовью, а потом отыскиали в холодильнике немного молока и блюдо с холодными спагетти. Перед тем, как окончательно выключить свет в половине третьего, Ги проверил ав-

¹ С к р э б б л — игра, смысл которой заключается в составлении максимального количества слов из ограниченного набора букв. Ее полным аналогом является игра «Эрудит» (Примеч. пер.).

тоответчик и обнаружил, что ему предложили участвовать в рекламе на радио для винной фирмы Креста Бланка.

Скоро он заснул, а Розмари продолжала ворочаться. Она все еще видела лицо Терри: окровавленную маску и один глаз, смотрящий в небо. Через некоторое время, однако, она незаметно для себя перенеслась в церковь Мадонны в своем родном городе. Сестра Агнес яростно махала кулаком и требовала, чтобы ее исключили из председателей школьного совета. «Иногда я вообще удивляюсь, как ты можешь руководить хоть чем-нибудь!» — кричала она. Стук за стеной разбудил Розмари, и она услышала голос миссис Кастивет: «И пожалуйста, не говори мне, что сказала Лаура Луиза, потому что мне это неинтересно», Розмари повернулась и ткнулась в подушку.

...Сестра Агнес негодовала. Ее пороссячи глазки были прищурены до крошечных щелочек, а ноздри раздувались, как бывало всегда в такие минуты. Из-за Розмари пришлось заложить кирпичом все окна, и теперь церковь Мадонны сняли с конкурса, проводимого газетой «Уорлд Геральд». «Если бы послушали меня, этого не пришлось бы делать! — кричала сестра Агнес со среднезападным акцентом. — Мы уже были бы на полпути, а теперь придется начинать все сначала!» Дядюшка Майк пытался успокоить ее. Он был директором церкви, которая маленьким коридором соединялась с его магазином в южной части Омахи. «Я же говорила, что ей ничего не надо рассказывать! — продолжала орать сестра Агнес, ее пороссячи глазки так и сверкали. — Я же знала, что она ничего не поймет. Впереди было достаточно времени, чтобы посвятить ее» (Розмари рассказала все сестре Веронике про окна, и та вывела их из участия в конкурсе. В противном случае никто бы ничего не заметил, и они бы победили. С ее стороны было честно все рассказать. Но сестра Агнес, видимо, не считала, что католики не могут побеждать обманом). «Кто угодно! — вещала сестра Агнес. — Она должна быть молодой, здоровой и не девственницей. И совсем не обязательно, чтобы она была наркоманкой из уличной помойки. Разве я не говорила это с самого начала? Кто угодно. Просто молодая, здоровая и не девственница».

Это была уже полная бессмыслица, даже для дядюшки Майка, поэтому Розмари повернулась на другой бок... и вот уже настало воскресенье, и она с Брайаном, Эдди и Джин оказалась в кондитерском магазине. Вечером они собирались посмотреть «Источник»... Только это было не кино. Все происходило на самом деле.

В понедельник утром, когда Розмари заканчивала разбирать покупки, в дверь позвонили. В глазок она увидела миссис Кастивет в бигудях, покрытых бело-синей косынкой, которая смотрела прямо и уверенно, будто приготовилась фотографироваться на паспорт.

Розмари открыла дверь.

— Здравствуйте. Как у вас дела?

Миссис Кастивет чуть заметно улыбнулась.

— Хорошо. Можно, я зайду на минуточку?

— Да, конечно, пожалуйста.— Розмари отступила и распахнула дверь пошире. До нее донесся слабый горьковатый запах талисмана Терри, наполненного коричневатым губчатым веществом. Миссис Кастивет надела штаны то-реадора, что было весьма опрометчиво: они подчеркивали ее огромные бедра и ляжки со свисающими жировыми складками. Штаны были светло-зеленого цвета, поверх них — синяя блузка. Из кармана торчала отвертка. Остановившись у дверей рабочего кабинета и кухни, она надела очки и улыбнулась Розмари. На секунду Розмари вспомнила недавний сон — как сестра Агнес сердилась на нее за то, что пришлось закладывать окна кирпичом, но сразу же отогнала его, улыбнулась и приготовилась выслушать миссис Кастивет.

— Я пришла просто поблагодарить вас,— начала миссис Кастивет,— за те добрые слова, которые вы нам сказали недавно, что Терри была счастлива с нами. Вы даже не знаете, как это было вовремя в тот момент, потому что в глубине души мы подумали, что вдруг это мы что-то не так сделали или сказали, и довели ее... хотя и в записке ясно указано, что она поступила исключительно по своему желанию, но все равно нам было очень приятно слышать эти слова от человека, которому Терри доверилась за несколько дней до кончины.

— Пожалуйста, не благодарите меня, ведь я только передала то, что она мне сказала.

— Другие бы даже не побеспокоились,— продолжала миссис Кастивет.— Они бы попросту отвернулись и ушли, чтобы не терять понапрасну времени. Когда вы состаритесь, вы поймете, как важны такие добрые поступки и как они редки в нашем мире. Поэтому я очень вам благодарна, и Роман тоже. Роман — это мой муж.

Розмари наклонила голову и произнесла:

— Я очень рада, что смогла вам как-то помочь.

— Вчера была кремация, без всяких речей. Именно так она и хотела. А теперь надо об этом забыть и жить дальше. Это, конечно, нелегко, мы ее очень любили — у нас ведь нет своих детей. А у вас есть?

— Нет, пока нет, — ответила Розмари.

Миссис Кастивет заглянула в кухню.

— Как мило, сковородки висят как раз на местах. А как, интересно, вы расположили стол?

— Я взяла образец из журнала, — пояснила Розмари.

— У вас тут хорошо потрудились рабочие. — Миссис Кастивет с удовольствием ошупала свежеекрашенный дверной косяк. — Это все за счет владельцев дома? Вы, наверное, были с ними очень щедры, — нам такое не делали.

— Мы всего-то и дали им по пять долларов, — отзывалась Розмари.

— И только-то? — удивилась миссис Кастивет, повернувшись и заглянула в рабочий кабинет. — Как мило! Комната для просмотра телевизора.

— Это временно. По крайней мере, я на это рассчитываю. Тут будет детская.

— Вы беременны? — спросила миссис Кастивет, глядя на нее.

— Пока нет, — ответила Розмари, — но я надеюсь на это в скором будущем, как только мы перевезем все окончательно.

— Чудесно! Вы здоровая и молодая, у вас должно быть много детей.

— Мы думаем, их будет трое. Хотите посмотреть квартиру?

— С удовольствием. Я умираю от нетерпения, как хочется увидеть, что вы с ней сделали. Я ведь раньше бывала здесь каждый день — дружила с прежней хозяйкой.

— Я знаю. — Розмари прошла вперед, показывая дорогу. — Мне Терри говорила.

— Правда? — миссис Кастивет последовала за ней. — Похоже, вы с ней часто болтали в прачечной.

— Всего один раз.

Миссис Кастивет удивилась, войдя в гостиную:

— Боже мой! Как непривычно! Она стала гораздо светлей! А какой стул здесь у вас! Просто прелесть.

— Его привезли только в пятницу.

— И сколько вы за него заплатили?

Розмари смутилась.

— Точно не знаю. По-моему, долларов двести.

— Вы не сердитесь, что я вас расспрашиваю? — Мис-

сис Кастивет постучала себя по носу.— Вот от этого у меня нос так и вырос, что я постоянно сую его куда не надо. Розмари засмеялась.

— Нет-нет, все в порядке. Я не против.

Миссис Кастивет исследовала гостиную, спальню и ванную, спросила, сколько потребовал сын миссис Гардинии за ковер и трюмо, где они купили такие ночники, сколько полных лет Розмари, и правда ли, что электрическая зубная щетка лучше обычной. Розмари поймала себя на мысли, что ей нравится эта откровенная старушка, ее громкий голос и прямые вопросы. Она предложила ей кофе с тортом.

— А чем занимается ваш муж? — спросила миссис Кастивет, сидя на кухне и ловко рассматривая ценники на банках с консервированным супом и устрицами. Розмари, передавая салфетку, ответила ей.

— Я так и знала! — вскрикнула миссис Кастивет.— Я вчера сказала Роману: «Он такой красивый, наверное, артист!» В этом доме живут еще три или четыре артиста. А в каких фильмах он снимался?

— Не в фильмах. Он играл в двух пьесах — «Лютер» и «Никто не любит альбатроса», и еще у него много работы на радио и телевидении.

Они пили кофе и ели торт на кухне. Миссис Кастивет не хотела, чтобы из-за нее Розмари накрывала стол в гостиной.

— Послушайте, Розмари,— сказала она, откусывая торт и запивая его сладким кофе,— вот прямо сейчас у меня размораживается огромный кусок филейного мяса, и половина его пропадет, потому что мы с Романом все не съедим. Что если вы и Ги придете к нам сегодня на ужин, а?

— Нет, мы не сможем,— ответила Розмари.

— Ну почему, может быть, все-таки придете?

— Видимо, нет. Я не уверена, что вы и вправду...

— Вы бы нас очень выручили.— Миссис Кастивет опустила голову, а потом заглянула Розмари прямо в глаза.

— Прошлым вечером и в субботу у нас были гости, а сегодня мы первый раз останемся совсем одни после этой... после той ночи.

Розмари сочувственно придвинулась к ней.

— Ну, если вы считаете, что мы не очень вам помешаем...

— Милочка, да если бы вы помешали, я бы вас ни за что не пригласила. Поверьте мне, я страшная эгоистка.

Розмари улыбнулась.

— Вот об этом мне Терри не говорила.

— Ну,— довольно пропела миссис Кастивет.— Терри об этом не догадывалась.

— Я должна, конечно, спросить у Ги, но, в общем, вы можете на нас рассчитывать.

Миссис Кастивет обрадовалась.

— Послушайте! Скажите ему, что я отказов не принимаю! Ведь тогда я не смогу похвастаться перед своими знакомыми, что я его знаю лично!

Они допили кофе с тортом, разговаривая о сложностях и страстях в карьере артиста, о новых телепостановках и о том, что все они очень неудачны, а потом и о газетной забастовке.

— В полседьмого вам не будет рано? — спросила миссис Кастивет уже в дверях.

— Очень хорошо,— ответила Розмари.

— Роман не любит есть позднее,— объяснила миссис Кастивет.— У него больной желудок, и если он поужинает поздно, то потом долго не может заснуть. Вы знаете, где наша квартира? 7А — в шесть тридцать. Мы вас ждем с нетерпением, А вот ваша почта пришла, я вам передам... Рекламы. Но все равно лучше, чем ничего, верно?

Ги вернулся домой в половине третьего в плохом настроении. Его агент сообщил, что, как он и боялся, роль получил актер с жутким именем Дональд Бомгарт, а цель была так близка! Розмари поцеловала его, усадила на новый стул и принесла сандвич с расплавленным сыром и стакан пива. Чтобы как-то успокоить Ги, она сказала, что прочитала эту пьесу, и она ей не понравилась. Вероятнее всего, пьеса быстро сойдет со сцены, и о Дональде Бомгарте больше никто никогда не услышит.

— Даже если пьеса не пойдет,— пробурчал Ги,— то такая роль не может остаться незамеченной. Вот увидишь: ему сразу же предложат следующего.— Он приподнял верхний кусочек хлеба, заглянул внутрь сандвича и принялся жевать его.

— Миссис Кастивет заходила сегодня утром,— сообщила Розмари,— чтобы поблагодарить меня за добрые слова о Терри. По-моему, на самом деле она просто хотела посмотреть квартиру. Это самая любопытная старушка из всех, которых я видела. Она спрашивала меня, за сколько мы купили мебель.

— Ты не шутишь? — спросил Ги.

— Но она и сама созналась, что очень любопытна, это было так смешно и очень мило. Она даже в аптечку заглянула.

— Прямо в аптечку?!

— Прямо в аптечку. А знаешь, что на ней было надето?

— Какой-нибудь невероятный мешок?

— Нет, тореадорские штаны в обтяжку.

— Не может быть.

— Да, светло-зеленого цвета.

— Бог ты мой!

Встав на колени, Розмари линейкой начала измерять ширину подоконников.

— Она пригласила нас сегодня на ужин.— Розмари выжидательно посмотрела на Ги.— Я сказала, что еще надо посоветоваться с тобой, но вообще я не против.

— Но Боже мой, Ро, мы ведь не хотим туда идти, правда?

— Мне кажется, что им сейчас очень одиноко,— сказала Розмари.— Без Терри.

— Дорогая,— начал объяснять Ги,— если мы подружмся с этими старичками, то они сядут нам на шею. Мы ведь живем на одном этаже, и они будут заглядывать к нам по сто раз на день. Особенно, если она такая любопытная.

— Но я сказала, чтобы на нас рассчитывали.

— Я думал, что ты сначала со мной посоветуешься.

— Но они нас очень ждут,— беспомощно проговорила Розмари.— Она так хотела, чтобы мы пришли.

— Сегодня мне особенно не до угождения разным старичкам,— рассердился Ги.— Позвони им, пожалуйста, и скажи, что мы не можем прийти.

— Хорошо, позвоню,— ответила Розмари и провела на плане квартиры несколько линий.

Ги доел сандвич.

— И пожалуйста, не дуйся на меня.

— Я и не дуюсь. Я просто подумала, что они ведь и правда живут на этом этаже. Так что здесь ты абсолютно прав. Я совсем не обиделась.

— Черт,— проворчал Ги.— Ну ладно, пойдем.

— Нет-нет, зачем? Мы не обязаны. Я утром как раз ходила за продуктами, так что обед мы и сами приготовим.

— Нет, мы пойдем к ним.

— Если не хочешь, то не надо. Я это честно говорю.

— Мы пойдем, и это будет мой сегодняшний благородный поступок.

— Ладно, если ты в самом деле хочешь. Но мы дадим им понять, что это в первый и последний раз. И никакой дружбы мы не завязываем. Идет?

— Идет.

Глава шестая

Наступила половина седьмого, и через несколько минут Розмари и Ги прошли по темным переходам к квартире Кастиветов. Когда Ги позвонил, сзади открылся лифт и из него вышел мистер Дубин или мистер де Вор (они не знали, кто из них — кто), неся в руке чемодан, обернутый в полиэтилен. Он, улыбаясь, открыл дверь квартиры 7В и произнес: «По-моему, вам не сюда». Розмари и Ги весело рассмеялись. Он быстро вошел в квартиру, крикнув «Это я!», и в глубине комнат они успели разглядеть черный сервант и красные с золотом обои.

Дверь Кастиветов открылась и их встретила миссис Кастивет. Она была напудрена, нарумянена и широко улыбалась. На ней было светло-зеленое платье и розовый плиссированный фартук.

— Как вы точно пришли! — обрадовалась она. — Проходите! Роман как раз готовит коктейли с водкой. Как я рада, что вы смогли прийти, мистер Ги! Теперь я буду всем говорить, что знаю вас лично, что вот из этой тарелки он ел — сам Ги Вудхаус. Я ее даже мыть не буду — оставляю на память!

Ги и Розмари обменялись взглядами. «Это твоя подруга», — говорили его глаза, а ее: «Ну что я могу поделаться?!»

В большом холле стоял прямоугольный стол, накрытый на четверых, с вышитой белой скатертью, тарелками из разных сервизов и столовым серебром. Налево открывался вид в гостиную, которая была похожа на комнату в квартире Ги и Розмари, только раза в два больше, и с одним большим окном вместо двух поменьше и таким же мраморным камином и лепными украшениями. Комната была обставлена необычно: возле камина стоял диванчик, столик с лампой и несколько стульев, у противоположной стены — множество ящиков для бумаг, журнальные столики, заваленные газетами, перегруженные книжные полки и пишущая машинка на металлической подставке. От стены до стены на полу лежал новый пушистый коричневый ковер.

Было видно, что по нему недавно прошли пылесосом. Посреди комнаты одиноко стоял крошечный столик с журналами «Лук», «Лайф» и «Сайнтифик Америкэн».

Миссис Кастивет провела их по ковру и усадила на диван. Тут же пришел и мистер Кастивет: в руках он держал поднос со стаканами, доверху наполненными розовой жидкостью. Не спуская глаз со стаканов, он медленно двинулся по ковру, будто каждую секунду ему грозило страшное падение.

— По-моему, я налил слишком много,— заговорил он.— Нет-нет, не вставайте, пожалуйста. Обычно я рассчитываю точно, как настоящий бармен, верно, Минни?

— Осторожней с ковром,— сказала миссис Кастивет.

— Но сегодня,— продолжал он, подходя ближе,— я приготовил немного больше, и, чтобы не оставлять в миксере, я подумал, что... Ну, вот и все. Пожалуйста, сидите. Миссис Вудхаус?

Розмари взяла стакан, поблагодарила его и устроилась поудобнее. Миссис Кастивет быстро положила ей на колени салфетку.

— Миссис Вудхаус, это коктейль из водки. Вы такой пробовали?

— Я — нет.— Ги тоже взял коктейль и сел.

— Минни,— сказал мистер Кастивет.

— Смотрится прекрасно,— заметила Розмари, вытирая салфеткой дно стакана.

— Такие коктейли делают в Австралии.— Мистер Кастивет взял последний стакан и поднял его вверх.— За наших гостей. Добро пожаловать в наш дом.— Он отпил немного и, оценивая вкус, критически наклонил голову, прищурив один глаз. Поднос упал на ковер.

Миссис Кастивет поперхнулась.

— Ковер! — воскликнула она и закашлялась.

Мистер Кастивет посмотрел вниз.

— Боже мой! — сказал он в растерянности и поднял поднос.

Миссис Кастивет поставила стакан, встала на колени и приложила салфетку к ковру.

— Совершенно новый ковер. Ты у меня такой неуклюжий!

Коктейли оказались кисловатыми и приятными на вкус.

— А вы сами из Австралии? — спросила Розмари после того, как пятно было уничтожено, поднос унесен на кухню, и Кастиветы уселись на стульях.

— Нет,— ответил мистер Кастивет,— я родился здесь, в Нью-Йорке. Но я там бывал. Я был везде. В буквальном смысле.

Он медленно пил свой коктейль, сидя со скрещенными ногами и положив одну руку на колено. На нем были черные мокасины с кисточками, серые брюки, белая рубашка, на шее — синий платок в золотую полоску.

— На всех континентах, во всех странах,— продолжал он.— Вы называете любое место, и я уверен, что был там. Давайте попробуем. Называйте.

— Фэрбенкс на Аляске,— выпалил Ги.

— Был,— сказал мистер Кастивет.— Я был во многих местах на Аляске: Фэрбенкс, Джуно, Анкоридж, Ном, Сьюард. Я провел там четыре месяца в 1938 году и мне пришлось делать множество однодневных остановок в Фэрбенксе и Анкоридже по дороге на Дальний Восток. Я бывал и в маленьких городках Аляски — в Диллингеме и Акулураке.

— А вы откуда? — спросила миссис Кастивет, поправляя складки на груди.

— Я из Омахи,— ответила Розмари,— а Ги из Балтимора.

— Омаха — хороший город,— заметил мистер Кастивет.— Балтимор — тоже.

— Вам приходилось путешествовать по заданию фирм? — поинтересовалась Розмари,

— И по заданию фирм, и по собственному желанию. Мне уже семьдесят девять лет, а я начал путешествовать, когда мне исполнилось десять. Называйте любые города — я был везде.

— А где вы работали? — спросил Ги.

— Где я только ни работал,— разговорился мистер Кастивет.— В шерстяной промышленности, в сахарной, нефтяной, по игрушкам, запчастям для станков, занимался морской страховкой...

В кухне зазвенел звонок.

— Отбивные готовы.— Миссис Кастивет встала со стаканом в руке.— Не торопитесь допивать, возьмите с собой коктейли за стол. Роман, не забудь принять таблетку.

— Третьего октября забастовка закончится,— настаивал мистер Кастивет.— За день до приезда Папы Римского. Ни один Папа не приедет в город, где бастуют газетчики.

— А я слышала по телевизору, что он отложит свою поездку до тех пор, пока забастовка не кончится,— сообщила миссис Кастивет.

Ги улыбнулся.

— Ну, так и полагается для настоящей показухи.

Мистер и миссис Кастивет засмеялись, и Ги присоединился к ним. Розмари улыбнулась и разрежала отбивную, сухую и пережаренную, с горошком и картофельным пюре под мучным соусом.

Миссис Кастивет никак не могла успокоиться.

— Да, действительно, прямо в точку: настоящая показуха!

— Я дарю вам эту шутку,— сказал Ги.

— Все эти наряды и ритуалы...— подхватил мистер Кастивет.— Да и во всех религиях, не только у католиков. Сплошной маскарад для невежд!

— Может быть, мы обижаем Розмари своими замечаниями? — заметила миссис Кастивет.

— Нет, вовсе нет.

— Ты ведь не религиозна, дорогая моя? — учтиво спросил мистер Кастивет.

— Меня так воспитывали,— сказала Розмари.— Но теперь я чистый агностик. Так что вы меня ни чуть не обидели.

— А вы? — поинтересовался мистер Кастивет у Ги.— Вы тоже агностик?

— Наверное, да. Не знаю, как можно думать иначе. То есть, я хочу сказать, что убедительных доказательств нет ни у одной из сторон, верно?

— В самом деле нет,— согласился мистер Кастивет.

Миссис Кастивет внимательно поглядела на Розмари.

— Ты так неуютно себя почувствовала, когда мы смеялись над шуткой Ги насчет Папы.

— Ну, он ведь все-таки Папа,— смутилась Розмари.— Я всегда его уважала и сейчас уважаю, хотя и не считаю уже, что он святой.

— Если ты не считаешь его святым,— сказал мистер Кастивет,— то не следует его и уважать, потому что он обманывает людей, говоря, что он святой.

— Вот именно,— поддержал Ги.

— Как только подумаю, сколько денег уходит на его наряды и драгоценности...— проговорила миссис Кастивет.

— Вот вам и лицемерие, замаскированное религией,— продолжал мистер Кастивет.— Это было неплохо изображено в «Лютере». Вы там играли главную роль, Ги?

— Я? Нет! — ответил Ги.

— Разве не вы были дублером Альберта Финни?

— Нет. У меня там была менее заметная роль.

— Странно,— удивился мистер Кастивет.— А я думал, что это вы. Я помню вашу жестикуляцию и специально посмотрел в программке, кого вы играли. И там написано, что вы были дублером Финни.

— Какую жестикуляцию? — не понял Ги.

— Ну, я не помню точно, вот такие движения...

— Когда у Лютера начинался приступ, я делал руками такой жест, как бы протягивая их к небу.

— Точно! — радостно подтвердил мистер Кастивет.— Именно это... А вот у мистера Финни все было очень естественно, смею заметить.

— Да что вы,— возразил Ги.

— По-моему, его игру сильно переоценили,— сказал мистер Кастивет.— Интересно было бы посмотреть, как бы вы сыграли эту роль.

Ги засмеялся.

— Мы с Финни действительно очень разные.— Он радостно посмотрел на Розмари. Она улыбнулась: ей было приятно, что Ги чувствует себя здесь хорошо, иначе бы он ей этого не простил — весь вечер провести в разговорах с папашей и мамашей Сеттл. Нет, Кеттл.

— Мой отец был театральным продюсером,— продолжал мистер Кастивет.— И все свое детство я провел в обществе таких людей, как миссис Фиск и Фэрбс-Робертсон, Отис Скиннер и Моджеска. Поэтому я замечаю не только обычные способности у актеров. У вас, например, интереснейшие внутренние качества, Ги. И по телепередачам это видно. Вы пойдете очень далеко, если преодолеете полосу временных неудач, через которую должен пройти каждый выдающийся актер. Вы сейчас где-нибудь снимаетесь?

— У меня есть на примете парочка ролей,— сказал Ги.

— Не могу себе представить, чтобы вам в них отказали.

— А я могу.

Мистер Кастивет уставился на Ги.

— Вы это серьезно?

На десерт был домашний бостонский пирог с кремом,

и хотя он удался лучше, чем отбивные с овощами, Розмари показалось, что он слишком уж приторный. Однако Ги похвалил пирог и даже попросил добавки. Но, может быть, он только играл очередную роль, подумала Розмари, отвечая комплиментом на комплимент.

После ужина Розмари вызвалась помочь с посудой. Миссис Кастивет сразу же приняла предложение, и женщины занялись уборкой стола, а Ги и мистер Кастивет прошли в гостиную.

Кухня, начинавшаяся сразу за холлом, была маленькая и казалась еще меньше из-за оранжереи, о которой говорила Терри. Растения располагались на большом белом столе длиной фута в три, который стоял возле единственного окна. Над столом склонились лампы, освещавшие стекла парника, отчего они казались не прозрачными, а какими-то белесыми. В оставшемся пространстве близко друг к другу стояли мойка, плита, холодильник и над всем этим под самым потолком были прибиты какие-то бесконечные ящики. Розмари вытирала посуду, стоя рядом с миссис Кастивет, и с удовольствием думала, что ее кухня гораздо больше и куда лучше обставлена.

— Терри говорила мне про вашу оранжерею.

— О, да,— сказала миссис Кастивет.— Это прекрасное хобби. Тебе бы тоже надо этим заняться.

— Когда-нибудь и у меня будет сад с разными травами,— ответила Розмари.— Не в городе, конечно. Если Ги предложат большую роль в кино, то мы переедем в Лос-Анджелес. Я ведь по своему характеру — деревенская девушка.

— А семья у тебя была большая? — спросила миссис Кастивет.

— Да. У меня три брата и две сестры. А я самая младшая.

— Сестры замужем?

— Да.

Миссис Кастивет водила мыльной губкой внутри стакана.

— У них есть дети?

— У одной двое, а у другой четверо,— ответила Розмари.— Но это было давно. Сейчас, наверное, уже трое и пятеро.

— Это хороший знак для тебя,— продолжала миссис Кастивет, все еще намыливая стакан. Она мыла посуду

очень тщательно.— Если у твоих сестер много детей, значит, у тебя тоже так будет. Это передается по наследству.

— Да, мы очень плодовые.— Розмари приготовила полотенце для стакана.— У моего брата Эдди уже восемь детей, а ему только двадцать шесть лет.

— Вот это да! — Миссис Кастивет ополоснула стакан и передала его Розмари.

— А всего у меня двадцать племянниц и племянников. Но я даже и половину из них не видела.

— А разве ты не едешь их навещать?

— Нет. Я не в очень хороших отношениях с семьей. Я дружу только с одним братом. Остальные считают меня уродом в семье.

— Да? Почему же?

— Потому что Ги не католик, и мы не венчались в церкви.

— О! — посочувствовала миссис Кастивет.— Какой шум поднимают некоторые люди из-за религии. Ну, это они виноваты, а не ты, так что и не переживай.

— Легко сказать.— Розмари поставила стакан на полку.— Может быть, теперь я буду мыть, а вы вытирать?

— Нет, лучше так.

Розмари выглянула в дверь. Но она увидела только угол гостиной, в котором стояли столики с газетами и ящики. Ги и мистер Кастивет расположились в другом углу. В воздухе висел голубоватый сигаретный дым.

— Розмари!

Она обернулась. Миссис Кастивет протягивала ей чистую тарелку, держа ее в зеленой резиновой перчатке.

Почти целый час они мыли тарелки, кастрюли и столовое серебро. Розмари подумала, что сама бы она сделала это вдвое быстрее. Когда они с миссис Кастивет вернулись в гостиную, Ги и мистер Кастивет сидели на диване лицом друг к другу, и мистер Кастивет что-то увлеченно доказывал Ги, время от времени ударяя себя указательным пальцем по ладони.

— Ну, Роман, хватит утомлять Ги своими рассказами про Моджеску,— заворчала миссис Кастивет.— Он тебя слушает только из вежливости.

— Нет, что вы, мне очень интересно, миссис Кастивет,— возразил Ги.

— Вот видишь! — воскликнул мистер Кастивет.

— Только говорите Минни,— попросила миссис Кастивет.— Называйте меня Минни, а его — Роман, хорошо?

Она взглянула на Розмари.

— Хорошо?

Ги засмеялся.

— Ну ладно, пусть будет Минни.

Они поговорили про Гоульдов и Брюнов, про Дубина и де Вора, потом про брата Терри, который оказался в гражданском госпитале в Сайгоне, а потом перешли к убийству Кеннеди, потому что миссис Кастивет сейчас как раз читала об этом книгу. Сидя на стуле, Розмари почувствовала себя странно: ей показалось, что Кастиветы — старые знакомые Ги, которым ее только что представили.

— Как ты считаешь, это был заговор? — спросил мистер Кастивет, и Розмари снова почувствовала, что она выпадает из общей беседы, и поэтому ответила невпопад. Извинившись, она пошла за миссис Кастивет, которая пригласила ее посмотреть ванную и туалет. Ей показали бумажные полотенца с надписью «Для наших гостей» и книгу «Анекдоты для чтения в туалете», которые были совсем не смешные.

Розмари и Ги ушли в половине одиннадцатого, сказав на прощанье «До свиданья, Роман» и «Спасибо, Минни», и после сердечного рукопожатия обещали приходить еще, что со стороны Розмари было чистойшей фальшью. Как только они вышли в коридр и услышали, что дверь за ними закрылась, Розмари с облегчением вздохнула и радостно взглянула на Ги, увидев, что он делает то же самое.

— Ну-у, Роман,— сказал он, смешно сдвинув брови.— Перестань му-у-учить Ги своими рассказами про Моджеску-у-у!

Розмари засмеялась и цыкнула на него, они схватились за руки и на цыпочках побежали к своей двери, вошли внутрь, закрылись на замок, на засов и на цепочку. Ги забил невидимые гвозди, привалил невидимые камни, поднял невидимый разводной мост, вытер лоб и устало посмотрел на Розмари — она согнулась и умирала со смеху.

— Ну и отбивные!

— Боже мой! — подхватила Розмари.— А пирог! Как ты съел целых два куска? Он же был ужасный!

— Милая моя,— сказал Ги.— Это было образцом сверхчеловеческого мужества и самопожертвования. Я подумал: «Наверное, эту старую каргу никто в жизни не

просил о добавках»,— и поэтому отважился.— Он величественно взмахнул рукой.— Иногда у меня возникает потребность совершать благородные поступки,

Они прошли в спальню.

— Она сама выращивает разные травы,— сообщила Розмари.— А потом выбрасывает их в окно.

— Ш-ш-ш, у стен есть уши. А как тебе понравилось серебро?

— Послушай, а тебе не показалось это смешным: у них всего три одинаковые тарелки,— спросила Розмари, снимая туфли одна о другую,— и столько красивых серебряных ножей и вилок.

— Давай лучше не будем сплетничать: вдруг они нам их завещают?

— Нет, лучше будем вредными и сами себе купим. А ты в туалет не ходил?

— У них? Нет.

— Отгадай, что у них там есть.

— Биде.

— Нет. Сборник анекдотов.

— Не может быть!

Розмари сняла платье.

— Точно. Книжечка на веревочке. Прямо около унитаза.

Ги улыбнулся и покачал головой. Он стоял у серванта и пытался расстегнуть запонки.

— Но рассказы Романа,— признался он,— были очень интересные. Я раньше никогда не слышал ничего про Форбса-Робертсона, а ведь он в свое время был звездой.— Он никак не мог справиться со второй запонкой.— Я завтра снова пойду к нему, он мне еще что-нибудь расскажет.

Розмари с удивлением посмотрела на мужа.

— Ты?

— Да, он меня пригласил.— Ги вытянул руку.— Помоги, пожалуйста.

Она подошла к нему и почувствовала себя растерянной.

— Но мы ведь договаривались встретиться с Джимми и Тайгер.

— Разве? — спросил он, искренне удивившись.— Помоему, мы должны были еще созвониться.

— Нет, мы уже договорились.

Ги пожал плечами.

— Ну, встретимся с ними в среду или в четверг.

Розмари наконец расстегнула запонку и протянула ее на ладони. Ги забрал ее.

— Спасибо. Но ты можешь туда не ходить, если не хочешь, останешься здесь.

— Наверное, я лучше останусь,— согласилась она, потом подошла к кровати и села.

— Он лично знал Генри Ирвинга,— продолжал Ги.— И это ужасно интересно!

Розмари отстегнула чулки.

— Зачем они сняли картины? — задумчиво спросила она.

— Не понимаю.

— Картины... Они их зачем-то сняли. И в гостиной, и в коридорах. Там одни гвозди остались. Картина, которая висит над камином, совсем не из той рамы. Она на два дюйма короче с обеих сторон.

Ги внимательно посмотрел на нее.

— А я и не заметил.

— И зачем у них столько газет и бумаг в гостиной?

— А это он мне объяснил,— сказал Ги, снимая рубашку.— Он собирает марки. Со всего света, поэтому так много разной почты.

— Да, но почему все это свалено в гостиной? У них ведь есть еще три или четыре комнаты, и все закрыты. Почему бы им туда все не переложить?

Ги подошел к Розмари, держа рубашку в руке, и нажал пальцем ей на нос.

— Ты становишься такой же любопытной, как и Минни,— сказал он, чмокнул воздух и отправился в ванную.

Через десять или пятнадцать минут, поставив чайник для кофе, Розмари почувствовала резкую боль внизу живота — верный сигнал приближающихся месячных. Она ослабилась, держась одной рукой за плиту, и подождала, пока боль утихнет, затем вынула салфетку, банку с кофе и вдруг ощутила себя одинокой и несчастной.

Ей было двадцать четыре года, она хотела иметь троих детей с разницей в два года, но Ги был к этому «пока не готов», и она боялась, что он не будет готов, пока не станет такой же знаменитостью, как Марлон Брандо и Ричард Бэртон вместе взятые. Неужели он не знает о своем таланте и о том, что ему обязательно повезет? Поэтому ее план был — забеременеть «случайно»: от таблеток у нее болела голова, а резиновые изделия она считала отвратитель-

ными. Ги сказал на это, что подсознательно она продолжает оставаться доброй католичкой, хотя никаких дальнейших объяснений она ему не давала. Он снисходительно изучал ее календарь и избегал «опасных» дней, хотя каждый раз она говорила: «Нет, сегодня можно. Я уверена, что сегодня безопасно».

И вот снова в этом месяце он выиграл, а она проиграла в их недостойном соревновании, о котором он даже не подозревал.

— Проклятье! — Она с силой стукнула банкой по плиге.

Из комнаты отозвался Ги:

— Что там случилось?

— Я ударила локоть!

Теперь, по крайней мере, она поняла причину своей сегодняшней депрессии.

Черт побери! Если бы они не были женаты, она бы уже раз сто успела забеременеть!

Глава седьмая

На следующий вечер, сразу после ужина, Ги отправился к Кастиветам. Розмари размышляла, чем ей лучше заняться после уборки кухни: сделать подушечки на подоконники или забраться в кровать с романом «Дитя в земле обетованной», но неожиданно в дверь позвонили. Это была миссис Кастивет со своей подругой — низенькой, пухлой, улыбающейся, и с большим значком на груди, призывающим выбрать Бакли в мэры города. Подруга была в зеленом платье.

— Привет, дорогая. Мы тебе не помешали? — спросила миссис Кастивет, как только Розмари открыла дверь. — Это моя близкая подруга Лаура Луиза Макберни, она живет на двенадцатом этаже. Лаура Луиза, а это жена Ги — Розмари.

— Здравствуй, Розмари. Добро пожаловать в Брэмфорд!

— Лаура Луиза только что познакомилась у нас с Ги и захотела познакомиться с тобой, поэтому мы и пришли. Ги сказал, что ты осталась дома и ничем не занята. Можно войти?

Розмари вежливо проводила их в гостиную.

— О, у вас новые стулья, — заметила миссис Кастивет. — Какие красивые!

— Их привезли сегодня утром.

— Ты себя хорошо чувствуешь, дорогая? Ты выглядишь разбитой.

— Все в порядке,— ответила Розмари.— Просто у меня первый день месячных.

— И ты осталась совсем одна? — удивилась Лаура Луиза, присаживаясь. Когда у меня были первые дни, я не могла ни двигаться, ни есть, вообще ничего не могла делать. Дэн давал мне джин через соломинку, чтобы боль утихала. Вообще мы с ним — стопроцентная сдержанность, кроме вот таких дней.

— Девушки сегодня лучше справляются с трудностями, чем мы, бывало.— Миссис Кастивет тоже присела на стул.— Они крепче нас благодаря витаминам и хорошему медицинскому обслуживанию.

Женщины принесли с собой совершенно одинаковые веленые мешочки для ручной работы, и, к удивлению Розмари, Лаура Луиза вынула оттуда вышивание, а миссис Кастивет — штопку, пригатавливаясь к длинному вечеру, работе и разговорам.

— А что это там у тебя? — спросила миссис Кастивет.— Чехлы для стульев?

— Подушечки для подоконожников,— ответила Розмари и, подумав: «Ну ладно, будем работать», взяла вышивание и присоединилась к женщинам.

— Ты сильно изменила эту квартиру, Розмари,— заметила Лаура Луиза.

— Да, пока я не забыла,— перебила миссис Кастивет.— Это тебе от меня и Романа...— Она дала Розмари маленький сверток из розовой подарочной бумаги, внутри которого находилось что-то твердое.

— Мне? — переспросила Розмари.— Я не понимаю.

— Это небольшой подарок.— Миссис Кастивет махнула рукой, как бы развеивая удивление Розмари.— В связи с вашим переездом.

— Но вам не стоило так беспокоиться...— Розмари развернула помятую бумагу. Внутри лежал талисман Терри — филигранный серебряный шарик с цепочкой. Резкий запах из шарика заставил Розмари отпрянуть.

— Он очень старый,— пояснила миссис Кастивет.— Ему более трехсот лет.

— Очень красивый,— ответила Розмари и, разглядывая талисман, размышляла, стоит ли говорить, что Терри ей его показывала. Но теперь было уже поздно, момент упущен.

— То, что находится внутри, называется таннысовый корень,— объяснила миссис Кастивет.— Он приносит счастье.

«Но только не для Терри»,— подумала Розмари, а вслух сказала:

— Очень милый, но я не могу принять такой...

— Ты его уже приняла,— перебила миссис Кастивет, штопая коричневый носок, даже не взглянув при этом на Розмари.— Надевай.

— Ты очень быстро привыкнешь к этому запаху,— добавила Лаура-Луиза.

— Ну, давай,— настаивала миссис Кастивет.

— Спасибо.

Неуверенно Розмари надела цепочку и спрятала шарик под кофточку. На секунду она почувствовала неприятный холодок между грудей. «Как только они уйдут, я его сниму»,— решила она.

Лаура Луиза продолжала:

— Один наш общий знакомый сделал эту цепочку вручную. Он бывший зубной врач, а это его хобби — изготавливать всякие ювелирные изделия из золота и серебра. Ты с ним когда-нибудь познакомишься у Минни и Романа, я в этом просто уверена, потому что у них часто бывают гости. Ты, наверное, познакомишься со всеми их друзьями, то есть с нашими друзьями.

Розмари посмотрела на Лауру Луизу, на секунду оторвавшись от своей работы. Та раскраснелась, смутилась и последние слова скомкала. Минни не обратила на это внимания, поглощенная своей работой, Лаура Луиза заулыбалась, и Розмари тоже улыbnулась ей.

— Ты сама себе шьешь? — спросила Лаура Луиза.

— Нет,— ответила Розмари, с удовольствием меняя тему.— Я иногда пытаюсь, но у меня плохо получается.

Вечер удался на славу. Минни рассказала много забавных случаев о своем детстве в Оклахоме, а Лаура Луиза поделилась с Розмари несколькими секретами шитья и пространно объяснила, почему у Бакли, кандидата в мэры от консерваторов, есть реальная возможность выиграть на выборах, хотя положение его сейчас весьма невыгодное.

Ги вернулся в одиннадцать, очень тихий и задумчивый. Он еще раз поздоровался с женщинами, прошел к Розмари, нагнулся и поцеловал ее в щеку.

— Уже одиннадцать? — удивилась Минни.— Боже мой! Пойдемте скорей, Лаура Луиза!

— Приходите ко мне в гости,— сказала на прощанье Лаура-Луиза.— В любое время.— Женщины уложили шитье и штопку в мешочки и быстро удалились.

— Ну как рассказы? Так же захватывающие, как и вчера? — спросила Розмари.

— Да,— ответил Ги.— А ты здесь не скучала?

— Все в порядке. Я занималась вышиванием.

— Вижу.

— А еще подарок получила.

Она показала ему талисман.

— Раньше его носила Терри. Они сначала ей его подавали — она мне показывала. Полиция, наверное... вернула его.

— Может быть, она даже не надевала его,— предположил Ги.

— Нет, надевала. Она им так гордилась, будто это был первый и единственный подарок в ее жизни.

Розмари сняла талисман и положила его на ладонь, потом взялась за цепочку и начала медленно раскачивать шарик.

— Ты будешь его носить? — спросил Ги.

— Он плохо пахнет. Там внутри вещество, называется таннисовый корень.— Она вытянула руку вперед.— Из знаменитой оранжереи.

Ги понюхал и пожал плечами.

— По-моему, неплохо.

Розмари прошла к трюмо в спальне, выдвинула ящик, где в коробке из-под конфет у нее хранилась всякая всячина.

— Таннисовый, ну и что? — спросила она свое отражение в зеркале, положила талисман в коробку, закрыла ее и задвинула ящик назад.

Ги, стоя в дверях, заметил:

— Если ты приняла подарок, то надо его носить.

Ночью Розмари проснулась и увидела, что Ги сидит на кровати и курит. Она спросила его, в чем дело.

— Ничего,— ответил он.— Просто бессонница.

«Наверное, рассказы Романа о знаменитостях прежних лет ввели его в депрессию»,— подумала Розмари,— ведь его карьера еще далека от карьеры Генри Ирвинга и Форбса... как его там. Если он снова пойдет к Роману слушать его воспоминания, то это будет настоящим мазохизмом.

Она взяла его за руку и попросила не волноваться.

— О чем?

— Обо всем.

— Ладно,— согласился Ги.— Не буду.

— Ты у меня самый великий. Ты об этом знаешь?
И все у тебя будет хорошо. Тебе еще придется выучиться каратэ, чтобы отделяться от назойливых фотографов.

Он улыбнулся в тусклом свете сигареты.

— Это может произойти в любую минуту,— продолжала она.— Что-то грандиозное. Что-то достойное тебя.

— Я знаю. Спи, дорогая.

— Ладно. Осторожней с сигаретой.

— Хорошо.

— Разбуди меня, если не сможешь заснуть.

— Обязательно.

— Я тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, Ро.

Через пару дней Ги принес два билета на субботний вечерний спектакль «Фантастикс», которые ему дал его наставник по вокалу Доминик. Ги уже видел это представление, когда оно было показано впервые несколько лет назад, но Розмари всегда мечтала посмотреть его.

— Пойди с Хатчем,— сказал Ги,— а я поработаю над сценой из «Дождись темноты».

Хатч тоже видел спектакль, поэтому Розмари пошла с Джоан Джеллико, которая за обедом в ресторанчике со зналась, что расходитсся с Диком и у них теперь нет ничего общего, кроме адреса. Эта новость расстроила Розмари. Уже несколько дней Ги был чем-то занят, он казался далеким и озабоченным и не делился своими мыслями с ней. Может быть, у Дика с Джоан тоже так все начиналось? Она рассердилась на Джоан за то, что на ней было слишком много косметики и она очень громко аплодировала в таком маленьком театре. Не удивительно, что они разошлись с Диком: она была шумная и вульгарная, а он тихий и сдержанный — им не стоило торопиться со свадьбой.

Когда Розмари пришла домой, Ги как раз выходил из ванной после душа. Он был какой-то возбужденный и таким оставался всю неделю. Разные чувства овладевали Розмари. Спектакль был хороший — даже лучше, чем она ожидала, но были и плохие новости — Джоан и Дик разошлись.

— Ведь они совершенно разные люди,— сказала Розмари.— Правда?

Потом она поинтересовалась, как прошла репетиция сцены из «Дождись темноты».

— Проклятый таннысовый корень! — возмущалась Розмари. — Вся спальня им пропахла. — Горький запах каким-то образом проник даже в ванную. Она взяла в кухне кусок фольги и тройным слоем обмотала ею несчастный талисман.

— Может быть, через несколько дней запах исчезнет, — предположил Ги.

— Хорошо бы, — ответила Розмари, опрыскивая комнату освежителем воздуха. — А если нет, то я его выброшу, а Минни скажу, что потеряла.

Они занялись любовью — Ги был очень возбужден и агрессивен, — потом через стенку услышали, что у Минни и Романа снова гости: то же монотонное пение, что и раньше, как будто они хором читали молитвы, и те же звуки флейты или кларнета, переплетающиеся с голосами.

Ги оставался в приподнятом настроении все воскресенье: он мастерил полки и подставки для обуви в шкафах, а в понедельник красил их и испачкал скамеечку, которую Розмари приобрела в магазине совсем недавно. Он отменил занятия с Домиником и внимательно поглядывал на телефон, каждый раз хватая трубку, как только раздавался первый звонок. В три часа дня телефон зазвонил снова, и Розмари, переставляя стулья в гостиной, услышала голос мужа:

— Боже мой, невероятно. Бедняга!

Она тихонечко подошла к двери спальни.

— Бог мой... — повторял Ги.

Он сидел на кровати, держа в одной руке трубку, а в другой — пятновыводитель «Красный дьявол». Он даже не взглянул на нее.

— И никто не знает, отчего это произошло? — продолжал он. — Боже мой, как это ужасно. Просто кошмар... — Он выпрямился. — Да. Да, смогу. Я бы не хотел, чтобы она досталась мне таким образом, но я... — Он снова замолчал. — Об этом вам надо будет переговорить с Алланом. Аллан Стоун — это его агент, но я уверен, что никаких затруднений не будет, мистер Вайсс, во всяком случае, что касается меня.

Наконец-то. Его минута настала. Розмари ждала затаив дыхание.

— Спасибо, мистер Вайсс,— говорил Ги.— И пожалуйста, сообщите мне, если что-нибудь узнаете. Еще раз спасибо.

Он повесил трубку и, закрыв глаза, некоторое время сидел неподвижно. Он был бледен, лицо застыло — просто восковая фигура в одежде, с настоящим телефоном и с настоящей банкой пятновыводителя.

— Ги! — окликнула Розмари.

Он открыл глаза и посмотрел на нее.

— Что случилось? — спросила она.

Он заморгал и ожил.

— Дональд Бомгарт,— произнес Ги.— Он ослеп. Он проснулся вчера и... и он больше ничего не видит.

— Не может быть,— ахнула Розмари.

— Сегодня утром он пытался повеситься. Сейчас он в больнице, ему дали сильную дозу успокоительного.

Они с болью смотрели друг на друга.

— Роль передали мне,— продолжал Ги.— Конечно, очень неприятно получать ее таким образом...

Он перевел взгляд на банку с пятновыводителем, которую все еще держал в руке, и поставил ее на тумбочку.

— Послушай-ка, пожалуй, мне надо прогуляться.— Он встал.— Извини, но я должен это перевернуть.

— Конечно, я понимаю.— Розмари посторонилась.

Ги встал и пошел к двери, не переодеваясь, открыл ее и не стал придерживать: дверь громко захлопнулась за ним.

Розмари ушла в гостиную, думая о бедном Дональде Бомгарте и счастливом Ги; нет — о счастливых Розмари и Ги, о роли, которая не останется незамеченной, даже если весь спектакль и окажется неудачным, о том, что после такой роли обязательно предложат еще одну, может быть, в кино, и у них будет дом в Лос-Анджелесе, сад с травами и трое детей с разницей в два года... Бедный Дональд Бомгарт со своим нелепым именем, которое он так и не поменял... Наверное, он хороший актер, если сначала для роли выбрали его, а не Ги, но теперь он лежал в больнице под сильной дозой успокоительного — слепой, пытавшийся покончить с собой.

Присев на подоконник, Розмари наблюдала за дверью подъезда, ожидая, когда появится Ги. Интересно, думала она, когда начнутся репетиции? Конечно же, на этот раз она поедет с ним, она давно об этом мечтала. Интересно, куда? В Бостон? Или в Филадельфию? Хорошо бы — в Вашингтон. Она там никогда не была. Пока днем Ги будет

репетировать, она бы осматривала достопримечательности. а по вечерам, после работы, все встречались бы в ресторане или в клубе, чтобы посплетничать и обменяться последними новостями...

Она продолжала смотреть на подъезд, но Ги так и не появился. Наверное, вышел через черный ход.

Теперь, когда он должен был чувствовать себя счастливым, он, наоборот, выглядел мрачным и встревоженным. Подолгу сидел, не двигаясь, и много курил. Иногда он начинал следить за каждым ее движением, будто в ней таилась какая-то опасность.

— Что с тобой? — постоянно спрашивала Розмари.

— Ничего, — отвечал он. — Разве ты сегодня не идешь на занятия по скульптуре?

— Я уже два месяца не ходила.

— Почему ты бросила?

Она пошла на занятия, отлепила старый пластилин, переделала каркас и начала заново, новую работу среди новых учеников.

— Где вы пропадали? — поинтересовался преподаватель. Он носил роговые очки, имел огромный кадык и, не смотря на свои громадные мускулистые руки, лепил крошечные изящные фигурки.

— В Занзибаре, — пошутила Розмари.

— Занзибара больше нет, — сказал он, нервно улыбаясь. — Теперь он называется Танзания.

Однажды Розмари долго ходила по магазинам, а когда вернулась, то увидела букет роз на кухне, еще один в гостиной, а из спальни вышел Ги с розой в руке, виновато улыбаясь, как будто репетировал сцену из какого-то нового спектакля.

— Я просто настоящее дерьмо. Это все из-за того, что я переживал: а вдруг к Бомгарту вернется зрение? И больше меня ничего не интересовало вокруг.

— Это понятно, — ответила Розмари. — Ты должен чувствовать себя ужасно при таких обстоятельствах.

— Послушай, — перебил он и вручил ей розу. — Даже если все это провалится, даже если я до конца своих дней буду рекламировать вина, я больше никогда не буду вести себя так по отношению к тебе.

— Но ты совсем...

— Я все понял. Я был так озабочен своей карьерой, что «Мысль Номер Один» была не о тебе. Давай заведем ребенка, ладно? Или троих, одного за другим.

Она удивленно посмотрела на него.

— Ну, малыша, понимаешь. Агу-агу... Пеленки всякие там. Уа-уа!..

— Ты это серьезно? — спросила Розмари.

— Конечно, серьезно. Я даже рассчитал, когда лучше этим заняться — в следующий понедельник и вторник. На календаре эти дни отмечены красными кружочками.

— Ты что, на самом деле хочешь этого, Ги? — переспросила Розмари, и в глазах ее заблестели слезы.

— Нет, я так шучу! Конечно, я говорю серьезно. Но только не надо плакать, Розмари, хорошо? Пожалуйста. Я очень расстроюсь, если ты будешь плакать, поэтому прекращай это сейчас же, ладно?

— Хорошо, я не буду.

— Я, наверное, помешался с этими розами, да? — Он радостно оглянулся. — Там в спальне ждет еще один огромный букет.

Глава восьмая

Розмари пошла на Бродвей за рыбными котлетами и на Лексингтон авеню купить сыра — не потому, что его не было в магазине поблизости, а просто оттого, что утро было свежее и прозрачно-голубое, и ей захотелось побродить по городу. Пальто развевалось, и утренние прохожие восхищенно посматривали на нее, а спешащие на работу служащие замечали ее неторопливость и немного завидовали. Был понедельник, четвертое октября, в этот день приезжал Папа Римский, и люди становились от этого более благожелательными и общительными, чем в обычные дни. «Как здорово, — думала Розмари. — Все люди счастливы в тот самый день, когда счастлива я сама».

Днем она посмотрела выступление Папы по телевизору, который выдвинула из ниши и повернула так, чтобы было удобно одновременно смотреть передачи и готовить на кухне рыбу с овощами и салат. Речь Папы в ООН тронула Розмари, и теперь она была совершенно уверена, что положение во Вьетнаме наконец изменится. «Нет войне», — говорил он. Неужели эти слова не дойдут даже до самых твердолобых политиков.

В половине пятого, когда она уже накрывала на стол перед камином, зазвонил телефон.

— Розмари? Как поживаешь?

— Хорошо, — ответила она. — А ты как?

Звонила Маргарита, самая старшая из сестер.

— Тоже хорошо.

— Ты где?

— В Омахе.

Они никогда не ладили между собой. Маргарита была тихой, сдержанной девушкой. Ей часто приходилось помогать матери сидеть с малышами. Поэтому ее звонок был неожиданным, странным и настораживающим.

— Все здоровы? — осторожно спросила Розмари.

«Наверное, кто-нибудь умер, — подумала она. — Но кто — мама? Папа? Брайан?..»

— Да, все здоровы.

— Точно?

— Точно. А ты как?

— Я тоже здорова. У меня все нормально.

— Знаешь, Розмари, у меня сегодня весь день было очень странное чувство. Будто с тобой что-то случилось. Несчастный случай или что-то вроде этого. Короче, что тебе грозит опасность. Возможно — больница.

— Ничего подобного, — рассмеялась Розмари. — Со мной все в порядке.

— Но это было очень сильное чувство, — продолжала Маргарита. — Я была просто уверена, что с тобой что-то случилось. В конце концов Джин сказал, что лучше всего позвонить и узнать.

— А как он поживает?

— Прекрасно.

— А дети?

— Ну, как обычно — синяки и царапины, а в остальном все нормально. Да, кстати, у меня скоро будет еще один.

— А я и не знала. Как здорово! А когда?

«У нас тоже скоро будет», — подумала Розмари.

— В конце марта. А как твой муж, Розмари?

— Все хорошо. Он получил большую роль в спектакле и скоро начнет репетировать.

— Послушай, а ты видела Папу? — спросила вдруг Маргарита. — Наверное, у вас там все с ума сходят?

— Это уж точно... Я его смотрела по телевизору. В Омахе ведь тоже показывают?

— Как, ты даже не пошла на него посмотреть?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— Боже мой! Да ты знаешь, что отец с матерью хотели даже лететь в Нью-Йорк, чтобы увидеть его, и не смог-

ли только из-за этой проклятой забастовки. Но некоторым все-таки удалось: Донованы уехали, Дот и Сэнди Валлингфорд... А ты там живешь, и не пошла на него посмотреть?

— Религия для меня теперь значит намного меньше, чем раньше.

— Я так и знала,— горько вздохнула Маргарита.— Это было неизбежно.

И Розмари поняла, что про себя Маргарита сейчас думает: «Ты ведь вышла замуж за протестанта».

— Спасибо, что позвонила,— попыталась закончить разговор Розмари.— Но тебе не стоит за меня волноваться. Я еще никогда не чувствовала себя такой здоровой и счастливой.

— Но это было очень сильное чувство,— ответила Маргарита.— С той самой минуты, как я сегодня проснулась. Ведь я привыкла о вас, малышах, заботиться...

— Ну спасибо. Передавай всем привет и скажи Брайану, чтобы ответил на мое письмо.

— Обязательно. Розмари..

— Да?

— Меня это чувство все-таки не покидает. Побудь сегодня вечером дома, ладно?

— Мы как раз и собирались это сделать,— заверила Розмари, поглядывая на стол, который был уже наполовину накрыт.

— Ну и хорошо. Береги себя.

— Ладно. И ты тоже, Маргарита.

— Обязательно. До свидания.

— Пока.

Розмари снова занялась сервировкой стола и вдруг почувствовала приступ ностальгии. Ей вспомнилась и Маргарита, и другие родственники, и Омаха, и безвозвратно ушедшее прошлое.

Когда стол был накрыт, Розмари приняла ванну, напудрилась, надушилась, подкрасила глаза и губы, сделала прическу и надела красную пижаму, которую ей подарил Ги на прошлое Рождество.

Он пришел домой сравнительно поздно, уже после шести вечера.

— М-м-м! — сладко промычал Ги, целуя ее.— Ты так аппетитно выглядишь.— Вдруг он нахмурился.— Вот черт!

— В чем дело?

— Я совсем забыл про пирог.

Ги просил ее не готовить десерт, он хотел принести домой свой любимый тыквенный пирог.

— Я готов себя расстрелять. Я прошел мимо двух магазинов, но так и не вспомнил про пирог; ладно бы мимо одного, а то — двух!

— Все в порядке, — успокоила его Розмари. — Будем есть фрукты и сыр. Это самый лучший десерт.

— Неправда, тыквенный пирог лучше.

Ги пошел мыть руки, а она поставила в духовку фаршированную рыбу и заправила салат.

Через несколько минут Ги появился в дверях кухни, застегивая воротничок синей велюровой рубашки. Он улыбался и был слегка заведен, как в первую брачную ночь. Розмари нравилось видеть его таким.

— Твой друг Папа Римский сегодня весь транспорт остановил, — сообщил он. — Никуда не проехать.

— Ты его видел по телевизору? Просто потрясающе!

— Чуть-чуть посмотрел у Аллана. Стаканы в морозилке?

— Да. Он выступил с прекрасной речью в ООН. Против войны.

— Чепуха. А напитки мне нравятся.

Они пили в гостиной джин и закусывали грибами. Ги положил в камин скомканную газету и несколько лучин, а потом еще два брикета кеннелевого угля.

— Наверное, ничего не выйдет, — сказал он, зажег спичку и поднес к бумаге, которая сразу же вспыхнула, а от нее занялись и лучины. Густой дым клубами повалил к потолку.

— Черт побери! — Ги вскочил и бросился к камину.

— Осторожно, краска! — крикнула Розмари.

Он открыл задвижку трубы и включил кондиционер, который сразу же начал выгонять из комнаты дым.

— Ни у кого сегодня нет такого очага, — самодовольно заметил Ги.

Розмари со стаканом в руке присела на корточки и заглянула в камин на пылающие угли.

— Как здорово! Надеюсь, что зима в этом году будет суровая.

Они поставили пластинку Эллы Фитцджеральд.

Но как только супруги приступили к рыбным котлетам, в дверь кто-то позвонил.

— Вот зараза! — выругался Ги.

Он поднялся, положил салфетку на стол и отправился открывать. Розмари наклонила голову и прислушалась,

Послышался голос Минни: «Привет, Ги!», а потом что-то неразборчивое. «Только не это,— подумала Розмари.— Не впускай ее, Ги, только не сегодня вечером!»

Ги что-то ответил, потом опять заговорила Минни. Розмари успела услышать: «...лишние. Мы их есть не будем». Снова тихий голос Ги, потом опять Минни. Розмари облегченно вздохнула. Было похоже, что Минни не останется. Слава Богу!

Дверь захлопнулась, Ги закрыл ее и на цепочку (отлично), и на засов (прекрасно!). Розмари выжидающе смотрела в коридор, и вот появился Ги с довольной улыбкой. Обе руки он держал за спиной.

— Кто утверждал, что телепатии не существует? — загадочно произнес он, подошел к столу и выставил на него два стакана с какой-то кремовой смесью.— У мадам и месье десерт сегодня все-таки будет.— Он поставил один стакан возле Розмари, а другой пододвинул к себе.— Шоколадный мусс, вернее «шоколадный му-ш-ш-ш», как произнесла это Минни. Почти что «мышь». Правда, у нее вполне мог получиться и «шоколадный мыш», так что ешь осторожно.

Розмари рассмеялась.

— Вот и отлично! Я именно такой и хотела приготовить.

— Вот видишь? Это телепатия.— Он постелил на колени салфетку и подлил ей и себе вина.

— Я так боялась, что она опять тебя заговорит и останется у нас на весь вечер,— созналась Розмари, нанизывая на вилку кусочки моркови.

— Нет, она просто хотела, чтобы мы попробовали «шоколадного мыша» — это ее фирменное блюдо.

— А что, выглядит неплохо!

— В самом деле.

Сверху мусс был посыпан шоколадной крошкой. В стакане Ги кроме этого лежал дробленый арахис, а у Розмари — половинка грецкого ореха.

— Это очень мило с ее стороны,— сказала Розмари.— Не надо над ней смеяться.

— Конечно,— отозвался Ги,— конечно.

Мусс оказался великолепным, несмотря на легкий привкус мела, который сразу же напомнил Розмари школу и классную доску. Ги, правда, не заметил никакого привкуса.

Розмари пару раз зачерпнула ложкой и отстранила стакан.

— Больше не будешь? — спросил Ги. — Ну и глупо. Я ничего странного не чувствую.

Но Розмари упрячилась.

— Да брось ты, — продолжал Ги. — Старушка старалась, жарилась весь день у плиты. Доешь. Что ты, очень вкусно!

— Тогда можешь съесть и мой.

Ги нахмурился.

— Ну не ешь. Раз ты не носишь амулет, который она тебе подарила, можешь и мусс не есть.

Розмари смутилась.

— А какая здесь связь?

— Просто и то и другое — примеры... ну, твоего недоброго отношения к ней, вот и все. Ведь только минуту назад ты сказала, что не надо над ней смеяться. А сама смеешься — принимаешь подарки и не используешь их как надо.

— Ох ты! — Розмари снова взялась за ложку. — Я и не знала, что ты из-за какого-то пустяка можешь раздуть такое. — Она демонстративно зачерпнула побольше мусса и сунула ложку в рот.

— Обедение, — сказала она с набитым ртом и зачерпнула еще. — И никакого привкуса! Переставь пластинку.

Ги встал и пошел к проигрывателю. Розмари сложила салфетку вдвое и швырнула туда две полных ложки мусса, а потом еще одну для ровного счета. Потом аккуратно свернула из салфетки кулек, и когда Ги вернулся, уже старательно выскабливала ложкой остатки мусса со дна стакана.

— Ну вот, папочка, — она протянула ему пустой стакан. — Я все съела. Мне за это приз полагается?

— Даже два. Извини, если я тебя обидел.

— Немножко.

— Ну, извини.

Розмари растаяла.

— Ты прощен. Это даже хорошо, что ты так заботишься о старушках. Значит, будешь заботиться и обо мне, когда я стану такой же.

Потом они пили кофе с мятным ликером.

— Мне сегодня звонила Маргарита, — сообщила Розмари.

— Маргарита?

— Это моя сестра.

- А-а. Все в порядке?
- Да. Она подумала, что со мной что-то случилось. У нее было такое чувство, будто у нас что-то стряслось.
- Правда?
- Так что сегодня посидим дома.
- Черт! А я заказал столик «У Недика». В оранжевом зале.
- Придется отменить.
- Как же это получилось, что ты единственная нормальная в семье чокнутых? — нежно улыбнулся Ги.

Первая волна головокружения застала Розмари в кухне, когда она вываливала несъеденный мусс в раковину. Она покачнулась, потом заморгала и нахмурилась. Из кабинета слышался голос Ги:

— Его еще нет. Но народу уже тьма. — Они собирались посмотреть по телевизору выступление Папы на стадионе Янки.

— Сейчас приду, — отозвалась Розмари.

Она потрясла головой и сложила салфетки и скатерть в один узелок для стирки. Потом заткнула раковину пробкой, открыла горячую воду, добавила туда шампунь для мытья посуды и начала закладывать тарелки и кастрюли. Помыть все можно будет и утром, пусть пока отмокает.

Второй приступ длился дольше, и начался в тот момент, когда Розмари вешала посудное полотенце. На этот раз вся комната стала вращаться, и у нее чуть не подкосились ноги. Розмари схватилась за край раковины.

Придя в себя, она мысленно стала складывать: стаканчик джина плюс два стакана вина (или три?), плюс рюмка мятного ликера — не удивительно, что началось головокружение.

Она направилась к двери и, вновь почувствовав, что все вокруг поплыло, схватилась одной рукой за дверную ручку, а другой — за косяк.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Ги.

— Голова кружится, — ответила Розмари и улыбнулась.

Он выключил телевизор, подошел к ней и крепко взял ее за руку, одновременно поддерживая за талию.

— Ничего странного, — сказал он. — Столько всего выпить. И, наверное, на голодный желудок.

Ги повел ее в спальню и, когда она уже не могла больше идти сама, легко подхватил ее и донес на руках, положил на кровать, а сам сел рядом и осторожно погладил по

голове. Розмари закрыла глаза. Кровать показалась ей огромным плотом, мерно покачивающимся на волнах.

— Как хорошо!..— тихо произнесла она.

— Тебе надо выспаться. Как следует отдохнуть.

— Но сегодня подходящая ночь для ребенка.

— Завтра тоже. Времени у нас много,— успокоил ее Ги.

— И мессу пропускаем...— расстроилась Розмари.

— Спи. Тебе надо хорошенько выспаться. Давай...

— Да, подремлю немножко,— согласилась она и сразу же очутилась на яхте президента Кеннеди со стаканом в руке. Был солнечный день, дул легкий ветерок — отличная погода для морского путешествия. Президент, изучая большую карту, отдавал короткие приказы своему помощнику-негру.

Ги начал снимать с нее пижаму.

— Зачем ты меня раздеваешь? — сонно спросила Розмари.

— Чтобы тебе было удобнее.

— Мне и так хорошо.

— Спи, Ро.

Ги расстегнул пуговицы и снял пижамные брюки, решив, что она уже заснула и ничего не чувствует. Теперь на ней оставалось только красное бикини, но и все остальные женщины на яхте — Джеки Кеннеди, Поэт Лофорд и Сара Черчилль — тоже были в бикини, поэтому все, слава Богу, обошлось. Президент был в военной форме. Он тоже полностью оправился после покушения и выглядел теперь отлично. Хатч тоже стоял на палубе и в обеих руках держал множество приборов для предсказания погоды.

— А Хатч поедет с нами? — спросила Розмари у президента.

— Нет, только католики,— ответил он, улыбаясь.— Жаль, конечно, что мы обременены такими предрассудками, но ничего не поделаешь.

— А как же Сара Черчилль? — Розмари повернулась и увидела что Сара Черчилль куда-то исчезла, а на ее месте оказалась вся семья Розмари — мать, отец и все остальные с мужьями, женами и детьми. Маргарита была беременна, и Джин тоже, и Доди, и Эрнестин.

Ги снял с ее пальца обручальное кольцо. Розмари стало интересно, зачем, но она уже очень устала и не было сил спросить.

— Спи,— тихо сказала она и уснула.

Впервые для публики открылась Сикстинская часовня, и теперь она изучала потолок, стоя в новом лифте, кото-

рый возил посетителей по горизонтали, чтобы они смогли увидеть фрески такими, какими их видел во время работы сам Микеланджело. Какие они были великолепные! Розмари увидела, как Господь протягивает руку к Адаму и дарует ему божественную искру жизни, и тут же перед ее глазами появилась оклеенная полосатой бумагой полка стенового шкафа, в который втаскивал ее Ги.

— Осторожней,— сказал Ги.

А кто-то другой добавил:

— Ты ее чересчур напоил.

— Тайфун! — закричал вдруг с палубы Хатч, высунувшись из-за своих приборов.— Тайфун! Он убил уже пятьдесят пять человек в Лондоне и сейчас приближается к нам!

Розмари знала, что Хатч не ошибается. Она должна предупредить президента. Ведь их корабль направляется навстречу верной гибели.

Но президент куда-то исчез. И все остальные тоже. Палуба была пустая и бесконечно длинная. Где-то вдали негр-помощник упорно держался за штурвал.

Розмари подошла к нему, но по выражению его лица сразу же поняла, что он ненавидит всех белых, ненавидит и ее. «Вам лучше спуститься вниз, мадам»,— сказал он довольно вежливо, но в то же время не скрывая своей ненависти, и не пожелал даже выслушать ее предупреждения о страшном тайфуне.

Внизу был огромный танцевальный зал. С одной его стороны она увидела объятую пламенем церковь, с другой стоял высокий чернородый мужчина и горящими глазами смотрел на нее. В самом центре зала находилась кровать. Розмари подошла к ней и легла, и сразу же ее окружили обнаженные мужчины и женщины, их было около десяти, и Ги среди них. Все они были пожилые, груди у женщин давно уже сморщились и обвисли. Здесь были также Минни со своей подругой Лаурой Луизой и Роман в черной митре и черном шелковом одеянии. Тонкой черной палочкой он рисовал непонятные узоры на ее теле, время от времени окуная палочку в чашу с липкой красной жидкостью, которую держал загорелый мужчина с белыми усами. Кончик палочки двигался по ее животу, а потом начал щекотать внутреннюю поверхность бедер. Обнаженные люди пели молитвы — нестройно, заунывно, на непонятном ей языке, и их пение сопровождалось звуками флейты или кларнета.

— Она не спит, она все видит! — прошептал Ги, обращаясь к Минни. Он широко раскрыл глаза и напрягся.

— Ничего она не видит,— ответила Минни.— После того, как она съела моего мыша, она больше не видит и не слышит. Она как будто умерла. Пой же.

В зал вошла Джеки Кеннеди в великолепном, расшитом жемчугом, наряде цвета слоновой кости.

— Мне очень жаль, что ты так неважно себя чувствуешь,— сказала она, быстро подходя к Розмари.

Розмари объяснила ей, что ее укусила мышь, стараясь не вдаваться в подробности, чтобы Джеки не волновалась.

— Тебе надо связать ноги,— сказала Джеки.— Вдруг начнутся судороги.

— Да, вы правы,— согласилась Розмари.— Не исключено, что мышь была бешеная.— Она с любопытством наблюдала, как молодые врачи в белых халатах привязывают ее ноги и руки к кровати.

— Если музыка мешает тебе,— сказала Джеки,— то я велю ее выключить.

— О нет, не надо из-за меня менять программу. Мне она совсем не мешает, правда.

Джеки тепло улыбнулась.

— А теперь постарайся заснуть. Мы будем ждать тебя на палубе.— И она удалилась, шелестя своим шелковым нарядом.

Розмари поспала немного, но потом пришел Ги и стал заниматься с ней любовью. Он гладил ее обеими ладонями, продвигаясь от связанных запястий по рукам, груди и животу, а потом ласкал между ног. Он повторял это снова и снова. И руки его были горячими, с длинными ногтями. А когда она возбудилась до предела, Ги просунул одну руку ей под ягодицы, приподнял их, лег сверху и вошел в нее. Теперь он был больше, чем всегда, и ей стало немного больно, но очень приятно. Вторую руку он положил ей под спину и навалился сверху широкой грудью. На нем были кожаные доспехи, потому что в этот вечер проводился маскарад. Розмари приподняла веки и увидела его глаза — желтые, как два пылающих огня, а потом почувствовала запах серы и таннисового корня, горячее влажное дыхание у своих губ и услышала стоны наблюдателей.

«Это не сон,— подумала она.— Это происходит на самом деле».

Она хотела закричать, но что-то темное накрыло ее лицо, и Розмари ощутила сладкий запах гнили.

Она чувствовала, что Ги продолжает ласкать ее своим членом, его кожаное тело поднималось и опускалось снова, снова и снова.

Папа Римский пришел с чемоданчиком в руке. Через другую его руку было перекинута легкая пальто.

— Джеки сказала мне, что вас укусила мышь. Это правда? — спросил он.

— Да, — ответила Розмари. — Поэтому я и не смогла прийти посмотреть на вас. — Она пыталась говорить с грустью в голосе, чтобы он не догадался, что у нее только что был оргазм.

— Все правильно. Мы не хотим, чтобы вы рисковали своим здоровьем.

— Так вы мне прощаете, ваше святейшество?

— Конечно. — Он вытянул руку, чтобы она поцеловала кольцо. Вместо камня на кольце был филигранный шарик, меньше дюйма в диаметре; внутри него сидела крошечная Анна Мария Альбергетти и чего-то ждала.

Розмари поцеловала кольцо, и Папа Римский поспешил на самолет.

Глава девятая

— Эй, уже десятый час, — сказал Ги и потряс ее за плечо. Розмари оттолкнула его руку и перевернулась на живот.

— Еще пять минут, — пробормотала она и зарылась лицом в подушку.

— Нет. — Он легонько дернул ее за волосы. — В десять я уже должен быть у Доминика.

— Ну и что?

— Ничего. — Он хлопнул ее через одеяло по мягкому месту.

И тут все всплыло в ее памяти: сон, выпивка, шоколадный мусс Минни, Папа Римский и тот страшный момент, когда ей показалось, что это не сон. Розмари перевернулась и приподнялась в кровати, глядя на Ги. Он прикуривал сигарету, еще помятый со сна и небритый.

— Сколько времени? — спросила она.

— Десять минут десятого.

— А когда я легла спать? — Розмари села в кровати.

— Примерно в полдевятого. Только ты не легла спать, дорогая, а буквально вырубилась. Значит, теперь будем пить или коктейли, или вино, а не то и другое сразу.

— Мне такое снилось! — нахмурилась она, потирая лоб руками и опять закрывая глаза. — Президент Кеннеди, Папа Римский, Минни и Роман... — Тут она снова открыла глаза и увидела царапины на своей левой груди — две

маленькие красные полосочки, спускавшиеся почти до самого соска. Бедра у нее горели, Розмари откинула одеяло и на их внутренних сторонах тоже увидела множество царапин — около десятка аккуратных полосок, бегущих во всех направлениях.

— Только не шуми, — сказал Ги. — Я их уже подстриг. — И он продемонстрировал свои аккуратные ногти. Розмари непонимающе посмотрела на него.

— Я же не мог упустить такую благоприятную ночь.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да. И два ногтя у меня были с заусенцами.

— Пока я была... без чувств?

Он кивнул и улыбнулся.

— Мне было даже приятно, я чувствовал себя как некрофил.

— А мне как раз снилось, что меня кто-то насилует. Я не знаю, кто. Это был даже не человек.

— Ну спасибо за это!

— Ты там тоже был, и Минни, и Роман, и другие... Это было похоже на церемонию.

— Я пытался тебя добудиться, но ты вырубилась, как перегоревшая лампочка.

Розмари отодвинулась подальше и свесила ноги с другой стороны кровати.

— Что с тобой? — спросил Ги.

— Ничего. — Она даже не оглянулась. — Мне просто не очень приятно слышать, что ты со мной делал это, пока я лежала без памяти.

— Но я не хотел пропускать эту ночь.

— Можно было сделать это утром или сегодня ночью. Вчерашняя ночь — это одно мгновение по сравнению с целой неделей. Но даже если бы это была единственная ночь...

— Я подумал, что ты будешь не против, — сказал он и провел ей по спине указательным пальцем.

Она отпрянула.

— Этим надо заниматься вместе, а не так: один бодрствует, а другой спит. Впрочем, наверное, я не права. — Розмари встала и пошла к шкафу за халатом.

— Прости, что я тебя оцарапал. Я ведь и сам был немного навеселе.

Розмари приготовила завтрак, потом, когда Ги ушел, вымыла посуду и навела порядок на кухне. Она раскрыла настежь окна в гостиной и спальне — после растопки ка-

мина в воздухе еще держался запах горелой бумаги,— убрала кровать, пошла в душ и долго стояла под ним, включив сначала горячую воду, а потом, сделав ее довольно прохладной,— без шапочки, неподвижная, Розмари ждала, когда наконец у нее прояснится в голове, все встанет на свои места, и можно будет делать какие-то выводы и заключения.

Ги говорил, что вчера была «опасная» ночь. Тогда, может быть, в данный момент она уже беременна? Как ни странно, ей было все равно. Розмари чувствовала себя несчастной, даже если это и глупо. Ги воспользовался ее телом без ее ведома и согласия, просто одним телом без разума (как «некрофил»), а не полностью ею — человеком, и при этом вел себя грубо, даже поцарапал. От этого все тело ныло, и в результате ей приснился такой кошмар. Она почти видела те узоры, которые Роман выводил у нее на животе своей черной палочкой, погруженной в красное. Розмари возмущенно и яростно терла свою кожу губкой. Правда, он сделал это из самых чистых побуждений,— чтобы у них был ребенок; правда также и то, что он был выпивши, но она всегда думала, что никакие побуждения и никакие коктейли в мире не заставят его сделать это — взять ее тело без души, без сознания, без ее «Я» — без того, что он в ней в общем-то любит. Теперь, оглядываясь на прошедшие недели и месяцы, Розмари начала вспоминать кое-какие тревожные симптомы, на которые раньше не обращала внимания. Ей казалось, что он уже не так сильно любит ее, в памяти всплыли замеченные ею несоответствия между тем, что он говорил, и тем, что чувствовал на самом деле. Не следует также забывать, что он актер, а кто может сказать наверняка, когда актер играет, а когда — нет?

Да, одним душем такие мысли не смыть. Она выключила воду и отжала волосы.

Розмари собралась в магазин и по дороге позвонила в дверь Кастиветам, чтобы отдать назад стаканы из-под мусса.

— Ну, как он тебе понравился, дорогая? — спросила Минни.— По-моему, я положила туда слишком много какао.

— Очень вкусно,— ответила Розмари.— Я потом запишу рецепт.

— Хорошо. Ты идешь за покупками? Ты мне не сделаешь одолжение? Купи, пожалуйста, шесть яиц и маленькую баночку растворимого кофе. Деньги я потом отдам.

А то я не люблю ходить в магазин за одной или двумя покупками.

Теперь между ней и Ги появилась настоящая пропасть, но он этого, казалось, не замечал. Пьесу начинали репетировать первого ноября. Она называлась «Мы с вами раньше не встречались?», и Ги теперь подолгу занимался ролью. Для этого нужно было научиться пользоваться костылями и палкой. Кроме того, он часто ездил в район Хайбридж в Бронксе, где должны были проводиться съемки для телевидения. Большую часть вечеров они проводили в компании друзей, а когда им приходилось оставаться вдвоем, они заводили разговоры на нейтральные темы: о мебели, о забастовке, о телепередачах, и при этом пытались быть естественными. Они ходили на предварительный просмотр музыкальной пьесы, на новый фильм, на разные вечеринки и даже попали к своему приятелю на открытие выставки созданных им металлоконструкций. Ги, казалось, вообще больше на нее не смотрел, а только в сценарий своей пьесы, на экран телевизора или на кого-нибудь другого. Он ложился спать поздно, но засыпал раньше ее. Однажды он снова пошел к Кастиветам послушать рассказы Романа, а Розмари осталась дома одна и смотрела телевизор.

На следующее утро за завтраком она не выдержала.

— Тебе не кажется, что нам пора поговорить?

— О чем? — удивился Ги.

Она пристально посмотрела на него: он на самом деле ничего не понимал.

— О разговорах, которые мы с тобой ведем...

— Что ты имеешь в виду?

— И о том, как ты начал на меня смотреть.

— О чем ты вообще говоришь? — не понял он. — Ну, я смотрю на тебя, и что?

— Нет, не смотришь.

— Смотрю. Дорогая, что случилось?

— Ничего. Ерунда.

— Нет, не говори так. Что тебя беспокоит?

— Да ничего, пустяки все это.

— Ну послушай, милая, я знаю, что я сейчас слишком занят своей ролью, костылями и прочим, так ты из-за этого? Но ведь Ро, это же все очень важно, понимаешь? Если я теперь не так часто приковываю к тебе долгие страстные взгляды, то это совсем еще не значит, что я перестал тебя любить. Нужно же думать и о работе. — Это прозвучало очаровательно и искренне: такая роль у него уже была — он играл ксвбоя в пьесе «Автобусная остановка».

— Ну, ладно,— сказала Розмари.— Извини, что я к тебе пристала.

— Ты? Ты совсем не приставала.

Он перегнулся через стол и поцеловал ее.

У Хатча был домик недалеко от Брустера, где он проводил иногда выходные. Розмари позвонила ему и спросила, можно ли ей пожить там дня три или четыре, а может и целую неделю.

— Ги разучивает новую роль,— объяснила она.— И мне сейчас лучше куда-нибудь уехать.

— Конечно,— ответил Хатч, и Розмари поехала за ключом к нему на квартиру на пересечении Лексингтон авеню и Двадцать четвертой улицы.

Сначала она заглянула в закусочную — здесь все постоянные посетители были знакомы ей с давних пор,— а потом поднялась к Хатчу. Квартира у него была маленькая и темная, но всегда в идеальном порядке. На стене висела фотография Уинстона Черчилля с его собственноручным автографом, а под ней стоял диван, принадлежавший некогда самой мадам Помпадур. Хатч сидел босой между двумя журнальными столиками, на которых стояли пишущие машинки и лежали груды бумаг. Он, как обычно, писал сразу две книги: переходил ко второй, когда возникали затруднения с первой, и возвращался к первой, когда заходил в тупик со второй.

— Я очень хочу туда поехать,— сказала Розмари, присаживаясь на диван мадам Помпадур.— Я поняла недавно, что никогда еще в жизни не оставалась совсем одна больше, чем на несколько часов, вот в чем дело. Как подумаю, что у меня впереди целых три или четыре дня!..

— Будет время посидеть спокойно и поразмышлять, кто же я такая на самом деле, что уже сделано и что еще предстоит,— с иронией продолжил за нее Хатч.

— Точно! — засмеялась Розмари.

— Ну ладно, не выдавливай из себя улыбку. Он что, лампой тебя ударил?

— Ничем он меня не ударял. Просто у него сейчас очень сложная роль — юноша-калека, который старается сделать вид, что приспособился к своей болезни. Она теперь — суть его жизни. Ему приходится подолгу привыкать к костылям, разным подпоркам, он очень занят, и естественно, что он... он... очень занят.

— Понятно. Давай сменим тему. «Ньюс» подробно описывает ужасы тех дней, когда была забастовка. А мы и не знали, что происходит в городе. И почему ты мне не

сказала, что в вашем счастливейшем доме произошло еще одно самоубийство?

— Разве я не говорила?

— Нет.

— Мы ее знали. Это та самая девушка, о которой я вам рассказывала. Она раньше была наркоманкой, а потом ее реабилитировали Кастиветы — они живут на нашем этаже. Но, по-моему, я уже об этом говорила.

— Та девушка, которая ходила с тобой в подвал?

— Точно.

— Видимо, они не до конца ее реабилитировали. Она жила у них?

— Да. С тех пор мы с ними и подружились. Ги иногда к ним заходит, чтобы послушать рассказы о театре. Отец мистера Кастивета был продюсером в начале века.

— Вот бы не подумал, что для Ги это будет интересно, — заметил Хатч. — Это пожилая пара?

— Ему семьдесят девять лет, а ей семьдесят или около того.

— Странная, однако, фамилия. Как она пишется?

Розмари показала.

— Никогда раньше такой фамилии не встречал. Они что, французы?

— Фамилия, может быть, и французская, но сами они — нет. Он из Нью-Йорка, а она — не поверите! — из местечка под названием Косматая Голова, в Оклахоме.

— Боже мой! — воскликнул Хатч. — Это надо использовать в моих рассказах. Я даже знаю, где именно. Послушай, а как ты собираешься ехать до моей дачи? Тебе ведь нужна будет машина.

— Я возьму напрокат.

— Возьми мою.

— Нет, Хатч, я не могу.

— Ну пожалуйста. Я ведь дальше своей улицы все равно никуда не хожу. Пожалуйста. И тогда я не буду беспокоиться.

Розмари улыбнулась.

— Ну ладно. Сделаю одолжение и возьму вашу машину.

Хатч дал ей ключи от дачи и машины, карту маршрута и обычный список инструкций, как пользоваться водопроводом, холодильником и что делать в экстренных случаях. Потом он надел пальто и ботинки и проводил ее к машине, старому голубому «олдсмобилу».

— Все документы в бардачке, — напутствовал он. — Оставайся там сколько хочешь. Мне пока ни машина, ни дача не нужны.

— Я уверена, что больше недели не выдержу. Да и Ги мне дольше не разрешит.

Когда она села в машину, Хатч наклонился к окошку и сказал ей:

— Я мог бы дать тебе множество полезных советов, но решил сдержать свое слово и заниматься только своими делами.

Розмари поцеловала его.

— Спасибо и за это, и за все остальное.

Она уехала утром в субботу, 16 октября, и пробыла на даче пять дней. Первые два дня она даже не вспоминала о Ги — это была месть за то, что он так легко и радостно отпустил ее. А может быть, он по ее виду понял, что ей необходимо отдохнуть... Ну ладно, она отдохнет, причем очень долго, и за все время ни разу про него не вспомнит!..

Розмари совершала длинные прогулки по желто-оранжевым лесам, ложилась рано, вставала поздно, прочитала «Полет сокола» Дафне де Морьер и готовила себе шикарные обеды на переносной газовой плите. И ни одной минуты не думала о нем.

Но на третий день она загрустила. Ги, конечно, тщеславный, мелочный, эгоистичный и лживый. Он женился на ней, чтобы у него была поклонница, а не подруга жизни. («Ах, эта маленькая мисс из Омахи, какая же она приставучая! И ведь ходит все время за мной по пятам и носит мне газеты!..») Розмари решила дать ему срок в один год, чтобы он стал добропорядочным мужем. Если не станет, она уйдет, и никакие религиозные предрассудки тут не помогут. А пока она снова поступит на работу, сможет зарабатывать и вернет себе чувство независимости. Хотя еще совсем недавно она пыталась от всего этого отделаться. Но теперь она будет гордой, сильной и готовой уйти навсегда, если он не станет таким, как ей нужно.

Но «шикарные» обеды, которые Розмари готовила себе из банок с мясным рагу и перченой тушенкой, начали на ней сказываться. На третий день ее уже подташнивало, и она перешла на легкий суп с гренками.

На четвертый день Розмари проснулась и заплакала, потому что поняла, как ей не хватает Ги. Что она здесь делает одна — в этой холодной и мерзкой лачуге? Что он такого ужасного натворил? Просто напился и овладел ею, не спросив на это разрешения. Да, вот уж, действительно, смертельное оскорбление! Но сейчас у него, может быть,

самый ответственный момент во всей его карьере, а она, вместо того, чтобы быть рядом, помочь, находится неизвестно где и жалеет себя с утра до вечера. Да, он тщеславный и эгоистичный, но он ведь актер. И Лоренс Оливье тоже, наверное, тщеславен и эгоистичен. Конечно, временами он слегка привирает, но разве не это так нравилось ей всегда, да и сейчас нравится? — этакая свобода и беспечность в противоположность ее замкнутости.

Розмари поехала в Брустер и позвонила в студию Ги. Ей ответили очень радостно:

— Привет, дорогая! Уже вернулась из загородной поездки? О, Ги сейчас нет, он вышел. Куда тебе позвонить? Ты ему позвони лучше ровно в пять. Погода стоит отличная. Тебе там нравится? Ну и хорошо.

В пять он еще не пришел. Она пообедала в столовой и пошла в кино, перезвонив в девять вечера. На этот раз подсоединился автоответчик, и ей передали, что Ги просил после шести часов позвонить ему на квартиру, где он будет до восьми утра.

На следующий день она решила посмотреть на вещи разумно. «Они,— рассуждала Розмари,— виноваты оба: он — в том, что так сильно занят собой и не думает о ней, а она — что не смогла объяснить ему своих забот и тревог. Но он не сможет измениться, если она не докажет, что перемены просто необходимы. Ей нужно поговорить с ним. Вернее, ИМ нужно поговорить, ведь у него, может быть, тоже есть какое-то недовольство, только он все скрывает. И тогда сразу пойдут дела на лад, обязательно. Так часто бывает,— молчание порождает несчастье, а нужно лишь открыто и честно поговорить друг с другом».

В шесть вечера она приехала в Брустер и позвонила на квартиру. Ги оказался дома.

— Привет, дорогая. Как твои дела?

— Прекрасно, а твои?

— Нормально. Я по тебе очень скучаю.

Она улыбнулась в трубку.

— А я по тебе. Я завтра приеду.

— Отлично,— обрадовался он.— Тут столько всего произошло!.. Репетиции отменили до января.

— Да?

— Они не могут никого найти на роль девочки. Но для меня это даже лучше, ведь в следующем месяце начинаются съемки на телевидении. Комедийный сериал по полчаса.

— Правда?

— Да. Мне это прямо как снег на голову свалилось. И пьеса неплохая. Называется «Гринвич-Вилледж», там же и снимать будут. Я играю писателя, это фактически главная роль.

— Это же прекрасно, Ги!

— Аллан говорит, что я иду в гору.

— Как замечательно!

— Послушай, мне еще надо успеть под душ и побриться. Он меня повезет на съемки, а там будет присутствовать сам Стэнли Кубрик. Ты когда будешь здесь?

— Днем. А может быть, и раньше.

— Буду ждать. Я люблю тебя.

— А я — тебя.

Розмари позвонила Хатчу, но того не оказалось дома, и она попросила передать ему, что завтра вернет машину.

На следующее утро она привела в порядок дачу, закрыла ее и поехала в город. В одном месте движение на шоссе было приостановлено из-за аварии — столкнулись сразу три автомобиля, — и лишь во втором часу дня Розмари припарковала (впрочем, весьма посредственно, почти на автобусной остановке) возле Брэмфорда старенький «олдсмобиль» Хатча.

Лифтер сказал, что Ги сегодня еще не выходил из дому, хотя это не точно, так как сам лифтер на полчаса отлучался.

Ги был дома. В квартире играла музыка. Розмари открыла рот, чтобы позвать его, но он сам вышел из спальни в чистой рубашке с галстуком, направляясь на кухню с пустой чашкой из-под кофе в руке.

Они крепко и страстно поцеловались, но из-за чашки ему приходилось обнимать ее только одной рукой.

— Хорошо провела время? — спросил он.

— Просто ужасно. Я так без тебя скучала!

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. А как тебе понравился Стэнли Кубрик?

— Да он так и не приехал.

Они снова поцеловались.

Розмари отнесла свой чемоданчик в спальню и раскрыла его прямо на кровати. Ги пришел с двумя чашками кофе и протянул одну ей. Сам он сел на пуфик возле трюмо и с улыбкой наблюдал, как она распаковывалась. Розмари рассказала про желто-оранжевые леса и тихие ночи. Он и е поведал ей о «Гринвич-Вилледж» — о тех, кто еще снимался, кто был продюсером, кто режиссером, кто сценаристом.

— Ты правда себя нормально чувствуешь? — спросил он, когда она уже закрывала пустой чемодан.

Розмари не поняла его.

— Твои месячные. Они должны были начаться во вторник.

— Разве?

Ги кивнул.

— Ну, ведь прошло еще только два дня,— сказала она как бы между прочим, не подавая виду, но сердце у нее бешено застучало.— Наверное, это из-за перемены пищи или воды.

— У тебя раньше такого не было.

— Ну, может быть, начнется сегодня ночью. Или завтра.

— Давай поспорим, что не начнется.

— Давай.

— На четверть доллара?

— Хорошо.

— Проиграешь, Ро.

— Замолчи, не нервируй меня. Всего-то два дня прошло. Сегодня ночью и начнется.

Глава десятая

Но они не начались ни в ту ночь, ни на другой день, ни через два дня, ни через три. Розмари стала двигаться осторожно, чтобы не повредить и не сместить то, что, вероятно, уже находилось внутри ее.

Поговорить с Ги? Нет, время еще будет.

Время еще для всего будет.

Она по-прежнему убирала квартиру, готовила еду и ходила по магазинам. И делала все очень аккуратно. Один раз к ней спустилась Лаура Луиза и попросила проголосовать за Бакли. Розмари пообещала, чтобы побыстрее отделаться от нее.

— Отдай четверть доллара,— попросил Ги через несколько дней.

— Заткнись,— ответила она и отпихнула его протянутую руку.

Розмари записалась на прием к гинекологу и пошла к нему в четверг, 28 октября. Его звали доктор Хилл, и порекомендовала его подруга Розмари, Элиза Дунстан, которая уже имела двоих детей и оба раза наблюдалась у него. Кабинет доктора Хилла находился в западной части города, на Семьдесят второй улице.

Врач оказался моложе, чем Розмари ожидала, — примерно как Ги — и был похож на доктора Килдера из телесериала. Он ей сразу понравился, медленно задавал вопросы, интересовался всем, осмотрел ее и направил в лабораторию на Шестнадцатой улице, где у нее взяли кровь из вены.

На следующий день она позвонила ему в полчетвертого.

— Миссис Вудхаус?

— Доктор Хилл?

— Да. Я вас поздравляю.

— Правда?

— Правда.

Она присела на кровать и улыбнулась. Правда, правда, правда!

— Вы меня слышите?

— Да, конечно! Что же я теперь должна делать?

— Очень немного. Придете ко мне в следующем месяце. А пока купите таблетки наталина и начинайте их принимать. По одной в день. Я вам пришлю бланки, и вы их заполните, это для больницы — лучше забронировать место с самого начала.

— А когда это произойдет?

— Если последний раз у вас были месячные двадцать первого сентября, то значит, вы родите двадцать восьмого июня.

— Еще так нескоро!..

— Да. И вот еще что: миссис Вудхаус, в лаборатории нужен еще один анализ крови. Вы не могли бы зайти туда завтра или в понедельник?

— Да, конечно. А для чего?

— Сестра взяла недостаточное количество.

— Но... я ведь правда беременна?

— Да, это они уже проверили, — сказал доктор Хилл. — Но надо провести и другие анализы — на сахар и так далее, а сестра не знала, и взяла мало крови. Не волнуйтесь. Вы беременны. Даю вам честное слово.

— Ну ладно. Я схожу туда завтра утром.

— Вы помните адрес?

— Да, у меня осталась карточка.

— Я перешлю вам бланки по почте, а ко мне приходите в последнюю неделю ноября.

Они договорились встретиться 23 ноября в час дня, и Розмари повесила трубку с таким чувством, что с ней что-то неладно. Сестра в лаборатории должна точно знать, что

она делает, а та беспечность, с которой говорил об этом доктор Хилл, показалась ей напускной. Может быть, они боятся, что ошиблись? Перепутали пузырьки и пробирки или не помнят, где чья кровь? А вдруг я не беременна? Но тогда бы доктор Хилл все сказал начистоту и не был бы так уверен в своих словах...

Розмари попыталась не думать об этом. Конечно, она беременна. Не может быть, чтобы месячные так сильно запаздывали. Она пошла на кухню, где висел календарь, и на следующем дне записала «лаборатория», а на 23 ноября «доктор Хилл, 13⁰⁰».

Когда вернулся Ги, она молча подошла к нему и вложила ему в ладонь 25 центов.

— А это за что? — удивился он, но сразу же вспомнил. — Боже мой, как это здорово, дорогая! Просто здорово! — Потом он взял ее за плечи и два раза поцеловал. Подумал и поцеловал третий раз.

— Правда? — спросила она.

— Просто отлично. Я так счастлив!..

— Папочка.

— Мамочка.

— Послушай, Ги. — Она сразу стала серьезной. — Пусть это будет для нас началом новой жизни. Будем откровенны друг с другом. Ты был очень занят из-за своей новой роли и работы на телевидении... Я не говорю, что ты был совсем неправ; конечно, с твоей стороны было бы неразумно вести себя по-другому. Но именно из-за этого я и поехала на дачу. Чтобы разобраться, что же все-таки между нами происходит. И вот что я поняла: мы недостаточно откровенны. Но не только ты, и я тоже. Я так же виновата, как и ты.

— Это верно, — согласился Ги, все еще держа ее за плечи, и посмотрел ей прямо в глаза. — Это верно. Я тоже это почувствовал. Может быть, конечно, не так сильно, как ты. По-моему, я чертовски эгоистичен, Ро. И в этом вся беда. Наверное, это из-за того, что у меня такая идиотская профессия. Но ты ведь знаешь, что я люблю тебя, Ро. Правда люблю. Теперь я попытаюсь быть проще, в самом деле, клянусь Богом. Я буду откровенным, как...

— Но я тоже не меньше виновата...

— Чепуха. Виноват я. Только я и мой эгоизм. Но ты меня простишь, ладно? Я постараюсь исправиться.

— Ох, Ги!.. — Розмари почувствовала угрызения совести, прилив нежности и готова была сразу же все забыть. Они поцеловались.

— Так и должны вести себя настоящие родители,— улыбнулся Ги.

Розмари засмеялась, и на глазах у нее заблестели слезы.

— Послушай, дорогая, знаешь, что я хочу сделать?

— Что?

— Рассказать об этом Минни и Роману.— Он предупреждающе поднял руку.— Знаю-знаю, мы должны хранить глубокую тайну. Но я говорил им, что у нас, может быть, все скоро получится, и они тоже переживают. А они ведь такие старенькие,— Ги печально развел руками.— И если мы будем откладывать, то они, возможно, так никогда и не узнают...

— Ну, расскажи,— улыбнулась Розмари. Она была согласна сейчас на все.

Ги поцеловал ее в нос.

— Вернусь через две минуты,— сказал он и бросился к двери.

Наблюдая за ним, Розмари поняла, что Минни и Роман стали ему очень близки. Это и не удивительно: его мать была очень занятой женщиной, а ни один из ее мужей так и не заменил ему по-настоящему отца. Кастиветы же были необходимы ему вместо родителей, даже если он сам этого не осознавал. И Розмари решила в дальнейшем думать о них лучше.

Она прошла в ванную, умылась холодной водой, причесалась и подкрасила губы.

— А ведь ты беременная,— сказала она своему отражению в зеркале. (Но надо еще сдать анализ крови. Для чего?..)

Когда она вышла в коридор, все уже стояли у входной двери: Минни в домашнем платье, Роман с бутылкой в руках и Ги позади них, довольный и покрасневший.

— Вот это я называю «радостные вести»! — Минни подошла к Розмари, взяла ее за плечи и громко чмокнула в щеку.— Поздравляем!

— Всего тебе наилучшего, Розмари,— сказал Роман и поцеловал ее в другую щеку.— Мы так рады, что и сказать нельзя. У нас, правда, не оказалось под рукой шампанского, но я думаю, что по такому случаю мы можем выпить бутылочку «Сен-Джюльена» 1961 года.

Розмари поблагодарила их.

— Когда же он родится? — спросила Минни.

— 28 июня.

— Теперь у тебя будет много забот,— сказала Минни.

— Мы будем вместо тебя ходить в магазин,— объявил Роман.

— Не надо,— пыталась отговориться Розмари.

Ги принес стаканы и штопор, и они с Романом занялись откупориванием бутылки. Минни взяла Розмари под локоть, и они вместе прошли в гостиную.

— Послушай, дорогая,— начала Минни.— У тебя хороший врач?

— Да, очень хороший.

— Дело в том, что один из самых известных гинекологов Нью-Йорка — наш старый знакомый. Это Эйб Сапирштейн, еврей, он обследует женщин из медицинского профсоюза, но может понаблюдать и тебя, если мы его об этом попросим. И для нас он это сделает подешевле, так что вы еще сэкономите деньги.

— Эйб Сапирштейн? — переспросил Роман из коридора.— Он один из лучших врачей во всей стране! Ты должна была слышать о нем.

— Я слышал,— сказал Ги.— Он действительно очень известный.

— Да,— подтвердил Роман.— Один из лучших гинекологов.

— Ну как, Ро? — спросил Ги.

— А как же с доктором Хиллом?

— Не волнуйся. Я ему что-нибудь скажу. Ты же знаешь меня...

Розмари подумала о докторе Хилле, очень молодом и похожем на Килдера, потом о лаборатории, где нужен был еще один анализ из-за того, что сестра чего-то недосмотрела или лаборант, или кто-то другой, а ей теперь приходится напрасно волноваться.

— Я не позволю тебе ходить к доктору Хиллу, которого никто не знает,— заявила Минни.— Вам, юная леди, нужен только самый хороший врач, а это — Эйб Сапирштейн.

Розмари покорно улыбнулась.

— Ну, если вы считаете, что он сможет меня принять... Он ведь, наверное, очень занятый человек.

— Он тебя примет,— твердо заверила Минни.— Я позвоню ему прямо сейчас. Где у вас телефон?

— В спальне,— ответил Ги.

Минни прошла в спальню, а Роман разлил по стаканам вино.

— Это прекрасный человек,— сказал он.— Очень чуткий, как и вся его многострадальная нация. Давайте подождем Минни.

Они молча ждали, держа в руках полные стаканы.

— Садись, дорогая,— предложил Ги, но Розмари покачала головой и продолжала стоять.

Послышался голос Минни из спальни.

— Эйб? Это Минни. Послушай, одна наша хорошая знакомая сегодня выяснила, что она беременна. Да, это прекрасно. Я звоню из ее квартиры. Мы сказали, что ты сможешь ее принять и что не будешь брать с нее дополнительной платы.— Она немного помолчала.— Подожди минуточку.— Она закричала из спальни, обращаясь к Розмари: — Ты сможешь приехать к нему завтра в одиннадцать утра?

— Да, это очень удобно,— ответила Розмари.

— Вот видите? — улыбнулся Роман.

— Очень хорошо, в одиннадцать часов, Эйб,— говорила в трубку Минни.— Да. И ты тоже. Нет, вовсе нет. Будем надеяться. До свидания.

Она вышла из комнаты.

— Ну вот и все. Перед тем, как уйти, я напишу тебе его адрес. Это на пересечении Семьдесят девятой улицы и Парк авеню.

— Огромное вам спасибо, Минни, не знаю, как и благодарить вас обоих,— ответила Розмари.

Минни взяла протянутый ей Романом стакан.

— Это очень просто: делай все, что тебе скажет Эйб, и у тебя будет здоровый ребенок. Другой благодарности нам и не надо.

Роман поднял стакан.

— За чудесного здорового ребенка.

— За него,— поддержал Ги, и все выпили.

— О! — воскликнул Ги.— Очень вкусно!

— Правда? — спросил Роман.— И не очень дорого.

— Мне не терпится рассказать об этом Лауре Луизе,— сказала Минни.

— Ну пожалуйста,— взмолилась Розмари.— Никому больше не говорите. Пока еще слишком рано!

— Она права,— согласился Роман.— Будет еще достаточно времени, чтобы сообщить это приятное известие.

— Кто-нибудь хочет сыр или галеты? — спросила Розмари.

— Садись, милая,— сказал Ги.— Я принесу все сам.

В этот день Розмари очень устала и заснула быстро. Внутри нее — под ладонями, которые она настороженно держала на животе, крошечное яичко было оплодотворено крошечным семенем. И вот чудо! — теперь оно превратится в Эндрю или в Сюзан! (Насчет «Эндрю» она была уверена, а «Сюзан» еще предстояло обсудить с Ги.) Какой сейчас Эндрю-или-Сюзан? Какого размера? С булавочную головку? Нет, наверное, больше, ведь идет уже второй месяц. Видимо, да. Возможно, он теперь размером с головастика. Надо будет купить книгу, в которой об этом подробно рассказывается: как развивается плод месяц за месяцем. Доктор Сапирштейн должен знать, где взять такую книгу.

Мимо их дома пронеслась пожарная машина. Ги проворчал что-то во сне и повернулся на другой бок, а за стеной заскрипела кровать Минни и Романа.

Теперь вокруг Розмари появилось множество новых опасностей: пожары, падающие предметы, потерявшие управление автомобили... То, что раньше не представляло для нее особой угрозы, отныне приобрело совсем другое значение, потому что уже начал жить Эндрю-или-Сюзан. (Да, жить!) Она, конечно, перестанет курить. И нужно будет спросить доктора Сапирштейна насчет коктейлей.

Если бы еще помогали молитвы! Как было бы хорошо снова взять в руки распятие и поговорить с Богом: попросить его, чтобы эти восемь месяцев прошли благополучно, чтобы не было ни краснухи, ни последствий от принятых когда-то лекарств. Восемь спокойных солнечных месяцев безо всяких несчастных случаев и болезней.

Неожиданно она вспомнила про талисман — шарик с таннисовым корнем — и, как ни странно, ей захотелось, чтобы он оказался на шее. Розмари выскользнула из-под одеяла, прошла на цыпочках к трюмо, достала из коробки шарик, и развернула фольгу. Запах корня теперь изменился: он все еще был достаточно сильным, но уже не таким противным. Она надела цепочку на шею.

Шарик упал ей на грудь, и она вернулась в кровать, накрылась одеялом и уткнулась лицом в подушку. Скоро Розмари заснула, ровно дыша и положив обе руки на живот, как бы оберегая внутри себя крошечный зародыш.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Розмари словно ожила: в ее действиях и всей жизни появился новый смысл, она почувствовала себя полноценной. Делала она то же самое, что и раньше — готовила еду, убирала квартиру, гладила белье, заправляла постель, бегала по магазинам, ходила стирать в подвал и посещала кружок скульптуры, — но теперь все это делалось по-другому, с сознанием того, что каждый день Эндрю-или-Сюзан (или Мелинда) был уже чуть больше, чем вчера, на день ближе к рождению.

Доктор Сапирштейн оказался прекрасным человеком: он был высокий, загорелый, с белыми волосами и пушистыми светлыми усами (где-то она уже видела его раньше, но никак не могла вспомнить, где именно — может быть, по телевизору?). И, несмотря на то, что в его кабинете стояли старинные дорогие стулья и холодные мраморные столы, сам он был приветливым и открытым.

— Пожалуйста, не увлекайтесь никакими книгами, — попросил он. — Каждая беременность протекает по-своему, и вы будете волноваться, если читаетесь таких пособий, где говорится, что вы должны ощущать на такой-то неделе или на таком-то месяце. Ни одна беременность не протекает так, как это описано в популярной литературе. И доктор тоже не надо слушать. То, что чувствовали они, может быть, совсем непохоже на то, что будет у вас, но на этом основании они могут начать убеждать вас, что их беременность прошла нормально, а ваша — нет.

Она спросила про таблетки с витаминами, которые посоветовал ей доктор Хилл.

— Не надо никаких таблеток, — ответил он. — У Минна Кастивет есть прекрасная оранжерея трав и миксер; я дам ей инструкции, и она будет готовить вам ежедневный напиток — более свежий, полезный и насыщенный витаминами, чем все аптечные таблетки. И еще одно: не стесняй-

тесъ удовлетворять ваши прихоти в еде. Некоторые считают, что беременные женщины сами себе выдумывают разные причуды, потому что им так положено. Я с этим не согласен. Если вам среди ночи захочется маринованных огурчиков, пусть ваш бедный муж просыпается и достает их где угодно — как в старых анекдотах. Чего бы вам ни захотелось — ешьте, не задумываясь. Вы и сами удивитесь, как много новых вкусов появится у вас в эти месяцы. И по любому вопросу звоните мне — хоть днем, хоть ночью. Но только мне, а не своей маме или тетушке. Я здесь для этого и сижу.

Они договорились, что Розмари будет приходить каждую неделю. Конечно, это было более тщательное наблюдение, чем у доктора Хилла. К тому же Сапирштейн сказал, что место в больнице для врачей он займет сразу же в любой момент и без всякого заполнения бланков.

Наконец-то все встало на свои места, и это ей понравилось. Розмари сделала себе стрижку «сэссон», подлечила зубы, проголосовала на выборах за Линдсея и поехала в Гринвич-Вилледж смотреть натуральные съемки телесериала, в котором играл Ги. Она часто садилась на корточки, болтая с маленькими ребятишками, и приветливо улыбалась беременным женщинам. «И я тоже беременна», — говорила ее улыбка.

Розмари обнаружила, что соль — даже несколько крупинок — делает для нее пищу совершенно несъедобной.

— Это вполне нормально, — успокоил доктор Сапирштейн, когда она пришла к нему во второй раз. — Как только организм потребует, все это прекратится. Ну, а пока, значит, никакая соль вам не нужна. Доверяйте своему организму во всем. И отвращениям, и новым потребностям.

Но потребности не появлялись. Аппетит у нее пропал. На завтрак она ела всего один ломтик поджаренного хлеба и кофе, на обед хватало маленького кусочка мяса с кровью и немного овощей. Каждое утро в одиннадцать часов Минни приносила стакан с напитком фисташкового цвета. Он был холодный и кислый.

— А что туда входит? — как-то поинтересовалась Розмари.

— Кидаю, что попало, — ответила Минни и улыбнулась. — Даже винтики и пружинки — для мальчика.

— Это прекрасно! — засмеялась Розмари. — А что, если мы захотим девочку?

— Девочку?

— Ну, нам, конечно, и то и другое неплохо, но все же лучше, чтобы первым оказался мальчик.

— Пей поскорее, — приказала Минни.

Закончив пить, Розмари спросила:

— Нет, а если серьезно, что входит в этот напиток?

— Сырое яйцо, желатин, травы...

— Таннисовый корень?

— Немного и его, и других трав.

Каждый день Минни приносила напиток в одном и том же стакане — он был большой, с синими и зелеными полосками — и ждала, пока Розмари опорожнит его.

Как-то раз Розмари разговорилась около лифта с Филлис Капп, матерью маленькой Лизы, которая пригласила ее и Ги на обед в воскресенье, но Ги сумел вежливо отказаться. Он объяснил, что скорее всего в воскресенье он уедет на съемки, а если нет, то ему надо будет отдохнуть и поучить свою роль. Они вообще в последнее время стали мало встречаться с друзьями. Ги позвонил Джимми и Тайгер Хенигсен и отменил встречу, о которой они договаривались за несколько недель до этого, а потом попросил Розмари, чтобы она не ходила больше в ресторан с Хатчем. И все это из-за съемок, затянувшихся на более длительное время, чем предполагалось.

Но оказалось, что они очень вовремя отменили свои визиты к друзьям, потому что у Розмари неожиданно начались боли в животе, и это ее очень встревожило. Она позвонила доктору Сапирштейну и договорилась о встрече. После обследования он заверил ее, что волноваться не следует: боли происходят из-за того, что началось расширение тазовых костей. И они обязательно пройдут через день или два, а пока можно принимать простой аспирин.

Розмари облегченно вздохнула.

— А я-то подумала, что у меня может быть неправильное размещение плода.

— Что? — переспросил доктор Сапирштейн и укоризненно посмотрел на нее.

Розмари покраснела.

— А я-то подумал, что вы не будете читать всякую чепуху, — улыбнулся он.

— Но эта книжка так и смотрела на меня в магазине,— попыталась оправдаться Розмари.

— И только взволновала вас понапрасну. Когда придете домой, выкиньте ее, пожалуйста.

— Обязательно. Я вам обещаю.

— Боль пройдет через пару дней,— убеждал доктор.— Неправильное размещение плода, надо же!..— и покачал головой.

Но через два дня боль не прошла, а, наоборот, усилилась; как будто внутри нее что-то медленно стягивалось проволокой и уже готово было вот-вот разорваться. Боль продолжалась по нескольку часов, затем на какое-то время наступало затишье, после которого приступ возобновлялся с новой силой. Аспирин помогал плохо, и, кроме того, Розмари боялась, что он может повредить ребенку. Когда сон одолевал ее, то начинали сниться кошмары: сражения с огромными пауками, которые загоняли ее в ванну, или же тщетные попытки вырваться из объятий маленького черного куста, выросшего прямо из ковра в гостиной. Розмари просыпалась измученная, и снова начинались боли.

— Иногда это встречается,— говорил ей доктор Сапирштейн.— Но теперь это может пройти в любую минуту. А вы не обманули меня насчет своего возраста? Обычно такое бывает у женщин постарше — у них кости таза не такие подвижные.

Минни, принося напиток, старалась успокоить ее:

— Бедняжка моя! Не волнуйся, у моей племянницы в Толедо были точно такие же боли, и еще у двух моих знакомых. А зато роды — легкие, и дети выросли здоровые.

— Спасибо,— отвечала Розмари.

Минни начинала сердиться.

— Что ты хочешь этим сказать? Это же чистейшая правда! Клянусь Богом!

Лицо у Розмари стало бледным, изнуренным, под глазами залегли глубокие тени. Выглядела она ужасно, Но Ги с этим не соглашался.

— О чем ты говоришь,— негодовал он.— Если хочешь правду, то ты испортила свой вид этой прической, а все остальное прекрасно. Эта стрижка — твоя самая большая ошибка за всю жизнь.

Боль надежно обосновалась в ее теле, не давая больше никаких передышек. Постепенно Розмари свыклась с ней, спала всего несколько часов в сутки и принимала по одной

таблетке аспирина, хотя доктор Сапирштейн разрешил ей по две. Теперь она уже не встречалась с Джоан и Элизой. перестала ходить на занятия и по магазинам. Продукты заказывала по телефону, а сама оставалась все время в квартире, шила занавески для детской и наконец начала читать «Крушение Римской империи». Иногда к ней заходили Минни с Романом, чтобы просто поговорить или спросить, не надо ли купить чего-нибудь. Один раз пришла Лаура Луиза и принесла поднос с пряниками. Она еще не знала о том, что Розмари беременна.

— Как мне нравится твоя стрижка, Розмари! — сказала она. — Ты с ней очень симпатичная и современная. — Она очень удивилась, когда узнала, что Розмари плохо себя чувствует.

Наконец съемки закончились, и Ги большую часть времени стал проводить дома. Он перестал заниматься с Домиником вокалом и не ходил больше на просмотры и прослушивания. Ему предложили сняться в двух рекламках — для «Пэлла Мэлла» и «Тексако», а репетиции пьесы «Мы с вами раньше не встречались?» теперь уже совершенно точно откладывались до середины января. Он помогал Розмари убирать квартиру, и они часто играли на время в скрэббл по доллару за партию. Ги сам подходил к телефону и, если спрашивали Розмари, придумывал правдоподобные отговорки.

Какое-то время она собиралась устроить в честь Дня Благодарения обед для друзей, у которых семьи были далеко, как и у них с Ги, но из-за сильной боли и волнений за Эндрю-или-Мелинду, решила все отложить, и они просто пошли в гости к Минни и Роману.

Глава вторая

Однажды декабрьским днем, когда Ги был на съемках рекламы сигарет «Пэлла Мэлла», позвонил Хатч.

— Я здесь рядом — в Сити-Сентр, пытаюсь достать билеты на Марселя Марсо. Вы с Ги не сможете пообедать со мной в пятницу?

— Вряд ли, Хатч, — ответила Розмари. — Я в последнее время неважно себя чувствую. А у Ги две съемки на этой неделе.

— Что с тобой случилось? — встревожился Хатч.

— Ничего страшного. Наверное, погода действует.

— Тогда можно, я зайду к тебе на пару минут?

— Конечно, я очень хочу повидаться.

Она быстро нарядилась в джерсовую кофту и брюки, подкрасила губы и причесалась. На какой-то момент боль усилилась — Розмари закрыла глаза и стиснула зубы, — а потом опять стихла до обычного уровня. Она облегченно вздохнула и закончила приводить себя в порядок.

Увидев ее, Хатч изумился.

— Боже мой!

— Это все из-за прически.

— Да нет, я не имею в виду твою прическу, что с тобой такое?

— Неужели я так плохо выгляжу? — попыталась улыбнуться Розмари, вешая в шкаф его пальто.

— Просто ужасно! Ты похудела Бог знает на сколько, а под глазами такие круги, что даже бамбуковый медведь позавидует. Ты случайно не сидишь на какой-нибудь дзен-буддистской диете?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Ты была у врача?

— Наверное надо все рассказать: я беременна. И пошел уже третий месяц.

Хатч удивленно поднял брови.

— Странно, — сказал он наконец. — Обычно беременные женщины набирают вес, а не худеют. И выглядят здоровыми, а не...

— У меня небольшие осложнения, — пояснила Розмари, провожая его в гостиную. — Суставы не очень подвижные, а от этого начались боли, и я плохо сплю по ночам. Вернее, это одна сплошная боль, и она не прекращается ни на минуту. Хотя это не опасно. Боль может кончиться в любую минуту.

— Впервые слышу, чтобы из-за суставов начинались какие-то осложнения.

— Неподвижные кости таза. Это обычное явление.

Хатч опустил в кресло Ги.

— Ну, поздравляю тебя, — не очень-то весело сказал он. — Ты, наверное, счастлива?

— Конечно, мы оба счастливы.

— А кто твой врач?

— Его зовут Авраам Сапирштейн. Он...

— Я знаю его, — перебил Хатч. — Не лично, правда. Он наблюдал Дорис.

(Дорис была старшей дочерью Хатча.)

— Это один из лучших врачей в городе, — сообщила Розмари.

— Когда ты была у него последний раз?

— Позавчера. И он опять повторил то же самое — что это бывает и может пройти в любую минуту. Правда, он давно уже так говорит...

— И на сколько же ты похудела?

— Всего на три фунта. Хотя с виду кажется...

— Ерунда! Наверняка ты сбросила не меньше десяти. Розмари улыбнулась.

— Вы такой же противный, как наши веса. Ги их в конце концов выбросил, потому что они меня очень расстраивали. Нет, я похудела только на три фунта, и это вполне нормально — терять вес в начале беременности. Потом я начну поправляться.

— Я очень на это надеюсь, — сказал Хатч. — Но все равно ты выглядишь так, будто тебя высасывает вампир. Ты смотрела, на шее дырочек нет?

Розмари засмеялась.

— Ну, — продолжал Хатч, откинувшись на спинку кресла, — будем считать, что доктор Сапирштейн знает, что говорит. Я представляю, сколько вы ему платите! Наверное, Ги сейчас неплохо зарабатывает...

— Да, — ответила Розмари. — Но мы ему платим, как обычному врачу. Наши соседи Кастиветы — его хорошие друзья, это они меня рекомендовали, и он не берет с нас дополнительной платы, хоть мы и не члены его профсоюза.

— Значит, Дорис и Аксель тоже входят в медицинский профсоюз! Надо будет их обрадовать.

Неожиданно в дверь позвонили. Хатч хотел было пойти открыть, но Розмари ему не дала.

— У меня боль утихает, когда я двигаюсь, — объяснила она, выходя из комнаты и вспоминая, не заказывала ли она что-то такое, что должны были доставить на дом.

Это оказался Роман, и выглядел он немного взбудораженным.

— А я о вас только что вспоминала, — улыбнулась Розмари.

— Я надеюсь, не плохими словами? Тебе ничего не нужно купить? Минни как раз отправляется по магазинам, а внутренний телефон испортился.

— Нет, спасибо. Я утром все заказал.

Роман заглянул в квартиру через ее плечо и спросил, дома ли Ги.

— Нет, он вернется самое раннее в шесть часов, — ответила Розмари и, видя на его бледном лице вопрос, доба-

вила: — Ко мне пришел наш приятель. Я вас сейчас познакомлю.

— С удовольствием, если я не помешаю.

— Конечно, нет.— Розмари проводила его в гостиную.

На Романе был белый с черным клетчатый пиджак, голубая рубашка и широкий узорчатый галстук. Проходя через дверь, он на секунду оказался совсем близко к Розмари, и она с удивлением заметила, что у него проколоты уши. Во всяком случае, левое.

Розмари прошла вслед за ним в комнату.

— Это Эдвард Хатчинс.— Хатч встал и улыбнулся.— А это Роман Кастивет, наш сосед, о котором я только что вам говорила.

Она пояснила Роману:

— Я только что рассказывала Хатчу, что это вы с Минни направили меня к доктору Сапирштейну.

Мужчины пожали друг другу руки, и Хатч сказал:

— Одна из моих дочерей тоже наблюдалась у доктора Сапирштейна. Даже два раза.

— Он очень способный врач,— ответил Роман.— Мы с женой познакомились с ним меньше года назад, но он уже стал одним из лучших наших друзей.

— Садитесь, пожалуйста,— предложила Розмари и сама села в кресло рядом с Хатчем.

— Так Розмари уже сообщила вам приятные новости, да? — спросил Роман.

— Да,— подтвердил Хатч.

— Мы теперь следим, чтобы она побольше отдыхала,— продолжал Роман,— и совсем не волновалась.

— Так будет только в раю,— с улыбкой заметила Розмари.

— Меня немного встревожил ее вид,— сказал Хатч, озабоченно поглядывая на Розмари. Он достал трубку и полосатый репсовый кисет с табаком.

— Почему? — с недоумением спросил Роман.

— Она сильно сбавила в весе,— ответил Хатч.— Но теперь я знаю, что за ней наблюдает доктор Сапирштейн, и поэтому я спокоен.

— Что вы! Она похудела всего на два или три фунта,— убежденно заявил Роман.— Правда, Розмари?

— Правда,— согласилась она.

— А это вполне возможно в первые месяцы беременности. Потом она обязательно наберет вес и, может быть, даже лишний.

— Будем надеяться,— кивнул Хатч и начал набивать трубку.

— Миссис Кастивет каждый день готовит мне витаминный напиток из сырого яйца, молока и трав, которые она сама выращивает,— объяснила Розмари Хатчу.

— Конечно, в соответствии с рекомендациями доктора Сапирштейна,— поспешил добавить Роман.— Он не очень-то доверяет промышленным таблеткам.

— Правда? — удивился Хатч, убирая кiset в карман.— А по-моему, нет ничего безопаснее того, что производится под тщательным наблюдением и контролем.— Он чиркнул сразу двумя спичками и втянул пламя в трубку, выпуская клубы ароматного дыма. Розмари поставила рядом с ним пепельницу.

— Это так,— согласился Роман,— но таблетки месяцами лежат на полках складов и аптек, и за это время теряют силу.

— Об этом я как-то не подумал. Наверное, вы правы,— сухо ответил Хатч.

Вдруг в разговор вмешалась Розмари:

— Мне тоже нравится принимать все свежее и натуральное. Я думаю, что давным-давно, когда никто еще не слышал о витаминах, беременные женщины только и делали, что жевали кусочки таннисового корня.

— Таннисового корня? — переспросил Хатч.

— Это одна из трав, которые входят в мой напиток,— объяснила Розмари.— А может, это и не трава вовсе? — Она вопросительно посмотрела на Романа.— Корни считаются травой?

Но Роман не сводил глаз с Хатча и, казалось, не слушал ее.

— Таннисовый? — задумался Хатч.— Никогда о таком не слышал. Ты уверена? Может быть, анисовый?

— Таннисовый,— подтвердил Роман.

— Вот,— сказала Розмари и вынула свой талисман.— Считается, что он приносит счастье. Только не пугайтесь: к его запаху еще надо привыкнуть.— Она поднесла шарик поближе к Хатчу,

Тот понюхал его, сморщился и отпрянул.

— Да уж, действительно!..

Затем он взял шарик в руки и стал внимательно рассматривать его, немного прищурившись.

— Да он совсем и не похож на корень. Скорее тут плесень какая-то или грибок.— Хатч вопросительно посмотрел на Романа.— А у него есть другое название?

— Если и есть, то мне оно неизвестно,— отозвался тот.

— Я посмотрю в энциклопедии и все о нем разузнаю. Таннис. Какой симпатичный сувенир! Или амулет, или как там его называют... Откуда он у тебя?

Розмари улыбнулась.

— Кастиветы мне подарили.— Она убрала талисман под кофту.

Хатч заметил:

— По-моему, вы заботитесь о Розмари даже больше, чем ее собственные родители.

— Мы очень любим ее, и Ги тоже.— Роман встал со стула.— Извините, но мне пора. Жена ждет.

— Да, конечно,— сказал Хатч, вежливо поднимаясь.— Приятно было познакомиться.

— Мы еще увидимся. Я уверен. Не провожай меня, Розмари,— ответил Роман.

— Мне не трудно.— Около самой двери она заметила, что и правое ухо у него тоже проколото, а на шее — множество мелких царапин, как будто от нападения какой-то хищной птицы.— Еще раз спасибо, что зашли, мистер Кастивет,— поблагодарила она.

— Не стоит. Мне понравился ваш друг Хатчинс. По-моему, он очень интеллигентный человек.

— Да, это правда,— согласилась Розмари, открывая дверь.

— Я рад, что познакомился с ним.— Роман улыбнулся, помахал рукой и пошел к себе.

— До свидания,— сказала Розмари и тоже помахала ему.

Хатч все еще стоял у книжных полок.

— Комната у вас прекрасная. Ты, наверное, неплохо над ней поработала.

— Спасибо. Трудилась, пока не начались боли. А у Романа проколоты уши. Я только что это заметила.

— Пронзенные уши и пронзительные глаза... А кем он был, пока не достиг такого почтенного возраста?

— Ой, где он только не работал!.. Он за свою жизнь побывал буквально везде. В самом деле.

— Ерунда. Никто не может побывать везде. А зачем он заходил, если не секрет? Или, может быть, я становлюсь слишком любопытным?

— Он спросил, что мне купить. Домофон не работает.

Хатч, это просто необыкновенные соседи! Когда я разрешаю, они мне даже квартиру убирают.

— А она какая?

Розмари описала Минни и добавила:

— В последнее время Ги очень к ним привязался. Они буквально заменили ему родителей.

— А тебе?

— Сама не пойму. Иногда я их так люблю, что готова расцеловать. А иногда появляется какое-то смутное чувство, будто они чересчур уж доброжелательны ко мне, и все это неспроста. Хотя как я могу на них жаловаться? Помните, в городе не было света?

— Как не помнить! Я в тот момент как раз оказался в лифте.

— Не может быть!

— Да, так получилось. Пришлось провести пять часов в полной темноте в компании трех женщин и Джона Берчера, и все они были уверены, что на нас упала атомная бомба.

— Это ужасно.

— Так что ты говорила?

— Мы в это время были дома, и через две минуты после того, как погас свет, пришла Минни и принесла свечи.— Розмари махнула рукой в сторону камина.— Как можно сердиться на таких соседей?

— Очевидно, нельзя,—сказал Хатч и посмотрел на камин.— Вот эти свечи? —спросил он.

Между вазой из полированного камня и старинным медным микроскопом стояли два оловянных подсвечника, в которых виднелись огарки двух черных свечей.

— Это последние,—пояснила Розмари.—Хотя она принесла тогда запас на целый месяц. А в чем дело?

— Они все были черные?

— Да, ну и что?

— Просто интересно.—Он повернулся и улыбнулся ей.—Давай выпьем кофе, хорошо? И расскажи мне еще о миссис Кастивет. Где она выращивает свои травы? За окном?

Они сидели за столом в кухне, как вдруг входная дверь распахнулась, и в квартиру влетел Ги.

— Вот это сюрприз! —воскликнул он и подскочил к Хатчу пожать руку, прежде чем тот успел встать со стула.—Как поживаете, Хатч? Рад вас видеть! — Другой ру-

кой он обнял Розмари и поцеловал ее сперва в щеку, а потом в губы.— Как у тебя дела, дорогая? — На Ги еще оставался грим: лицо было оранжевым, а глаза с огромными искусственными ресницами.

— Да ты сам сюрприз,— улыбнулась Розмари.— Что случилось?

— Съёмки прервали прямо на середине, негодяи. Завтра с утра начнем опять. Сидите на месте и не шевелитесь — я сейчас сниму пальто.— И он вышел в коридор.

— Хочешь выпить с нами кофе? — вдогонку спросила Розмари.

— С удовольствием! — крикнул Ги уже из прихожей.

Она встала, налила еще одну чашку, а потом добавила кофе Хатчу и немного себе. Хатч потягивал трубку и о чем-то сосредоточенно думал.

Ги вернулся, держа в руках несколько пачек «Пэлл Мэлл».

— Это добыча,— пояснил он и положил сигареты на стол.— Будешь, Хатч?

— Нет, спасибо.

Ги распечатал пачку и достал сигарету. Розмари села за стол, и Ги заговорщически подмигнул ей.

— Тебя я тоже поздравляю,— сказал Хатчинс.

Ги прикурил.

— Так Розмари уже все вам рассказала? Это чудесно, правда? Вы даже не можете представить себе, как мы счастливы! Я, конечно, очень боюсь, что из меня получится никудышный отец, зато Розмари наверняка будет заботливейшей мамашей, поэтому все не так уж страшно.

— А когда родится ребенок?

Розмари ответила, а потом сообщила Ги, что доктор Сапирштейн принимал двух внуков Хатча.

— А я познакомился с вашим соседом Романом Кастиветом,— добавил он.

— Правда? — удивился Ги.— Смешной старикан, да? Но он очень интересно рассказывает про Оттиса Скиннера и Моджеску. Театральный старикашка.

— Ты никогда не замечал, что у него проколоты уши? — спросила Розмари.

— Ты шутишь.

— Нет. Я сама видела.

Они пили кофе и разговаривали о головокружительной

карьере Ги и о путешествии по Греции и Турции, которое Хатч хотел совершить будущей весной.

— Нам так неудобно, что мы перестали видеться в последнее время,— сказал Ги, когда Хатч начал уже собираться.— Я сейчас очень занят, а Розмари себя неважно чувствует, так что мы почти ни с кем не встречаемся.

— Можно будет как-нибудь пообедать вместе,— предложил Хатч.

Ги согласился и пошел в коридор доставать его пальто.

— Не забудьте посмотреть про таннисовый корень,— напомнила Розмари.

— Обязательно. А ты попроси доктора Сапирштейна, чтобы он проверил свои весы. Мне все-таки кажется, что ты похудела не на три фунта.

— Ерунда,— ответила Розмари.— У врачей весы не обманывают.

Ги помог Хатчу надеть пальто.

— Это, наверное, ваше? — шутливо спросил он.

— Правильно.— Хатч оделся.— А вы уже выбрали имя, или это еще рано?

— Если мальчик, то Эндрю или Даглас,— сказала Розмари.— А если девочка — Мелинда или Сара.

— Сара? — удивленно спросил Ги.— А куда девалась Сюзан? — Он уже подавал гостю шляпу.

Розмари по-родственному подставила Хатчу щеку.

— Я все же надеюсь, что боли скоро пройдут,— сказал он.

— Конечно.— Она улыбнулась.— Не беспокойтесь.

— Это иногда бывает,— добавил Ги.

Хатч сунул руки в карманы.

— Второй такой же нигде не видно? — спросил он, показывая им коричневую отороченную мехом перчатку, и снова проверил карманы.

Розмари посмотрела на полу, а Ги пошел к шкафу и проверил полки.

— Тут не видно,— растерянно сказал он,

— Какая досада! — расстроился Хатч.— Наверное, я оставил ее в Сити-Сентр. Зайду туда по пути. И все таки давайте как-нибудь пообедаем вместе.

— Обязательно. На этой неделе,— ответила Розмари.

Они подождали, пока Хатч завернет за угол коридора, потом вернулись в квартиру и закрыли дверь.

— Какой приятный сюрприз,— усмехнулся Ги.— И долго он здесь был?

— Не очень. Знаешь, что он мне сказал?

— Что?

— Что я ужасно выгляжу.

— Добрый старый Хатч! Куда бы он ни пришел, везде становится веселее...

Розмари непонимающе посмотрела на него.

— Да он просто завел себе хобби портить людям настроение,— раздраженно продолжал Ги.— Помнишь, как он пытался отговорить нас въезжать сюда?

Ги оперся плечом о дверной косяк.

— Во всяком случае, у него это здорово выходит.

Через несколько минут Ги надел пальто и пошел за газетой.

В половине одиннадцатого вечера зазвонил телефон. Розмари уже лежала в кровати с книгой, а Ги сидел в кабинете перед телевизором. Он подошел к телефону и через минуту принес его в спальню.

— Хатч хочет с тобой поговорить.— Он протянул трубку.— Я сказал, что ты уже отдыхаешь, но у него какое-то срочное дело.

Розмари взяла трубку.

— Хатч?

— Здравствуй, Розмари. Скажи мне, дорогая, ты весь день сидишь дома, или все-таки куда-тоходишь?

— Я не выхожу, но мне можно. А что такое?

Ги смотрел на нее и хмурился.

— Я с тобой хочу кое о чем поговорить,— сказал Хатч.— Давай встретимся завтра утром, в одиннадцать часов, перед зданием «Сигрэм».

— Ладно, если вам так удобно. А в чем дело? Сейчас нельзя рассказать?

— Лучше не надо. Ничего особенного, так что не переживай. Мы могли бы где-нибудь перекусить. Пусть это будет поздний завтрак. Или ранний ланч.

— Хорошо.

— Ну, ладно. Значит, завтра в одиннадцать у здания «Сигрэм».

— Хорошо. А вы нашли перчатку?

— Нет, ее там не было. Но мне все равно уже надо покупать новые. Спокойной ночи, Розмари. Отдыхай.

— Спокойной ночи, Хатч.

Она повесила трубку.

— Что у него случилось? — недовольно спросил Ги.

— Он хочет завтра со мной встретиться. Надо о чем-то поговорить.

— Он не сказал, о чем именно?

— Ни единого слова.

Ги покачал головой и саркастически усмехнулся.

— По-моему, эти приключенческие детские рассказы начали действовать на его рассудок. И где же вы с ним договорились?

— Перед зданием «Сигрэм», в одиннадцать часов.

Ги выдернул телефон из розетки и понес его в кабинет. Однако очень скоро он вернулся.

— Беременная у нас ты, а прихоти появляются у меня, — сказал он и снова включил аппарат в спальне, поставив его на ночной столик. — Я пройдуся и куплю мороженого. Тебе взять?

— Хорошо бы.

— Ванильного?

— Да.

Он ушел, а Розмари опустилась на подушки и уставилась в пустоту, позабыв о своей книге. О чем хочет поговорить Хатч? Ничего особенного, сказал он. Но и не пустяк, иначе бы он не стал беспокоить ее на ночь глядя. Может быть, что-то случилось с Джоан? Или с другой девушкой, которая тоже с ними жила?

Она услышала, как в коридоре кто-то позвонил один раз в дверь Кастиветов. Наверное, это Ги; хочет узнать, не купить ли и им тоже мороженого или газет. Очень мило с его стороны. Боль усилилась.

Глава третья

На следующее утро Розмари позвонила Минни и попросила ее не приносить напиток в одиннадцать часов. Она объяснила, что будет в городе и вернется не раньше, чем в час или в два.

— Ничего страшного, дорогая, — сказала Минни. — Не беспокойся. Тебе ведь не обязательно пить его в определенное время, можно принимать когда угодно, вот и все. Иди, куда тебе надо. День сегодня чудесный и будет полезно подышать свежим воздухом. Позвони мне, когда вернешься, и я сразу же принесу твой напиток.

День был и правда чудесный: солнечный, свежий и бодрящий. Несмотря на сильную боль, Розмари готова была улыбаться. Санта-Клаусы из Армии Спасения стояли с колокольчиками на каждом углу в своих нарядных костюмах, которые уже никого не могли обмануть. Витрины ма-

газинов были украшены по-рождественски, а на Парк авеню выросла целая аллея из елок.

Она подошла к зданию «Сигрэм» без четверти одиннадцать. Хатча еще не было, поэтому она уселась перед фонтаном и подставила лицо солнцу, прислушиваясь к шагам прохожих и обрывкам разговоров, шуму легковых машин и грузовиков. Сейчас она первый раз с удовольствием почувствовала, что платье туго обтягивает ее живот. Розмари решила, что после встречи с Хатчем она пройдет по магазинам и поищет платье для будущей матери. Она была рада, что из-за Хатча ей пришлось наконец-то выйти на улицу (только о чем он хочет с ней поговорить?). Боль, даже такая сильная, как у нее, все равно не должна быть оправданием для того, чтобы целыми днями сидеть дома. Надо бороться с ней, бороться очень активно, взяв в помощники воздух и солнце. Нельзя поддаваться унынию и потакать баловству Минни, Романа и Ги. «Боль, уходи! — подумала она. — Исчезни навсегда!»

Но, несмотря на такое внушение, боль оставалась.

Без пяти одиннадцать она подошла к стеклянным дверям небоскреба «Сигрэм», где поток людей был наибольшим. «Возможно, Хатч выйдет изнутри, — подумала она. — Может быть, у него там другая встреча. Иначе зачем он выбрал именно это место?» Она напряженно всматривалась в лица прохожих, и в какой-то момент ей даже показалось, что она увидела его, но это была ошибка. Потом Розмари заметила молодого человека, с которым встречалась еще до знакомства с Ги, но, приглядевшись внимательнее, поняла, что опять обозналась. Она продолжала искать глазами Хатча и изредка даже вставала на цыпочки, но все-таки не особенно старалась, потому что была уверена, что если даже и пропустит его, он все равно подойдет сам.

Однако Хатч не появился ни в пять минут двенадцатого, ни в десять. Розмари зашла в холл первого этажа, чтобы посмотреть списки служащих. Возможно, ей попадется какая-нибудь знакомая фамилия, которую она уже слышала от Хатча, и тогда можно будет навести справки. Но список оказался слишком длинный, чтобы прочитать все фамилии; она пробежалась по нему глазами, не нашла никого знакомого и снова вышла на улицу.

Сев на прежнее место, откуда по большим электронным часам на Парк авеню удобно было отсчитывать время, Розмари нетерпеливо поглядывала на проходивших мимо людей. Чужие мужчины и женщины находили друг друга,

но Хатча по-прежнему не было, хотя раньше он никогда не опаздывал на свидания; во всяком случае — на свидания с ней.

В одиннадцать сорок она вошла в здание, и служащий из справочной направил ее в подвал, где в конце длинного белого коридора находился зал ожидания с современными черными стульями, абстрактной картиной на стене и единственной стеклянной телефонной кабиной. В кабине стояла симпатичная негритянка, но она быстро закончила разговор и вышла, приветливо улыбаясь. Розмари набрала номер своей квартиры. Однако дома никого не было. Тогда она перезвонила портье и выяснила, что для нее сообщений не было, а ее мужу звонил Руди Хорн, а не мистер Хатчинс. Розмари вынула еще одну десятицентовую монетку, чтобы позвонить Хатчу — там-то уж наверняка должны знать, где он сейчас находится. С первым же гудком трубку подняли и послышался взволнованный женский голос:

— Да?

— Это квартира Эдварда Хатчинса? — поинтересовалась Розмари.

— Да, а кто это говорит? — Голос у женщины на тем конце провода был не старый и не молодой. «Сорок с небольшим, наверное», — решила Розмари.

— Меня зовут Розмари Вудхаус. Мистер Хатчинс назначил мне встречу в одиннадцать часов, но его до сих пор нет. Вы не знаете, он вообще придет?

Наступила долгая пауза.

— Алло! — взволнованно позвала Розмари.

— Хатч говорил мне о вас, — наконец ответила женщина. — Меня зовут Грейс Кардифф. Я его знакомая. Вчера вечером он заболел. Вернее, уже сегодня ночью.

У Розмари оборвалось сердце.

— Заболел?..

— Да. Он в состоянии глубокой комы. Врачи не могут понять, что происходит. Он в госпитале святого Винсента.

— Какой ужас! Я ведь только вчера разговаривала с ним, примерно в половине одиннадцатого, и голос у него был вполне здоровый...

— Я тоже с ним поздно разговаривала, и мне он тоже показался совершенно нормальным. Но уборщица пришла сегодня утром и увидела, что он лежит на полу без сознания.

— И никто не знает, отчего это произошло?

— Пока нет. Но еще рано. Я уверена, потом они выяснят. И тогда смогут лечить. А пока никто не может ему помочь.

— Господи, какой кошмар! — чуть не плакала Розмари. — С ним раньше ничего такого не случалось?

— Нет, никогда. Я сейчас еду в госпиталь, и если вы оставите мне свой телефон, я вам сразу же позвоню, как только узнаю что-нибудь новое.

— О, спасибо вам. — Розмари дала свой домашний телефон и спросила, не может ли она чем-нибудь быть полезной.

— Нет, спасибо. Пока ничего не надо. Я уже сообщила его дочерям, а больше для него ничего и не сделаешь, пока он не пришел в себя. Но как только понадобится ваша помощь, я сразу же дам вам знать.

Розмари вышла из здания «Сигрэм» и направилась на север по Пятнадцатой третьей улице. Перейдя через Парк авеню, она побрела в сторону Мэдисон Сквер, размышляя о том, выживет ли Хатч, а если он умрет (какой эгоизм!), то найдет ли она себе еще такого же друга, на которого можно было бы полностью положиться. Потом Розмари задумалась о Грейс Кардифф. По голосу ей представлялась красивая женщина с сединой. Может быть, у них с Хатчем был роман? Может, эта стычка со смертью — а именно так это и окажется: не сама смерть, а только стычка с ней, — так вот, может быть, эта стычка подтолкнет их, и они пожениятся? И в конце концов выйдет, что все было к лучшему? Может быть, может быть...

Розмари перешла через Мэдисон Сквер и где-то около Пятой авеню заглянула в одну из витрин, в которой переливались на солнце яркие фарфоровые фигурки девицы Марии, Иосифа, младенца, волхвов, пастухов и домашних животных. Розмари тепло улыбнулась: откуда-то из самого детства на нее вдруг нахлынули забытые приятные чувства, поселившиеся в ее душе еще задолго до теперешнего агностицизма. А потом в зеркальном стекле витрины словно сквозь пелену, брошенную на сцену Рождества, она увидела свое худое улыбающееся лицо с резко очерченными скулами и черные круги под глазами, которые так напугали вчера Хатча, а сейчас встревожили и ее. Неожиданно кто-то тронул ее за плечо.

— Вот это рука судьбы! — радостно воскликнула возникшая за ее спиной Минни. Она была в белом пальто из искусственной кожи, красной шляпе и своих неизменных

очках на цепочке. Ослепительно улыбаясь, Минни весело затараторила:

— А я сегодня сказала себе: если уж Розмари вышла на улицу, то, значит, и мне тоже пора идти и докупить кое-что к Рождеству. И вдруг вижу тебя! Неужели мы с тобой ходим по одним и тем же магазинам?.. Но что с тобой, милочка? На тебе просто лица нет!

— У меня неприятные новости,— сообщила Розмари.— Мой друг серьезно заболел, и сейчас его отвезли в больницу.

— Какой кошмар! Кто же это?

— Его зовут Эдвард Хатчинс.

— Тот, с которым вчера познакомился Роман? Да он целый час потом говорил мне, какой это милый и интеллигентный человек! Какая жалость! А что с ним?

Розмари рассказала.

— Боже мой! — сокрушалась Минни.— Надеюсь, что все не кончится так, как с бедной Лили Гардинией. Неужели врачи ничего не могут сделать? Ну хорошо хоть, что они признаются в этом. Обычно медики прикрывают свое невежество потоком латинских выражений. Если хочешь знать, что я об этом думаю, то послушай: если бы все деньги, которые мы тратим на астронавтов и запуски ракет в космос, применить для медицинских исследований здесь, на земле, то болезней стало бы гораздо меньше. Тебе плохо, Розмари?

— Боль немного усилилась.

— Бедняжка! Знаешь что — нам уже пора домой. Как ты на это смотришь?

— Нет-нет, вам же надо еще купить что-то к Рождеству.

— Ерунда. Впереди целых две недели. А теперь заткни уши.— Минни достала свисток на тонкой золотой цепочке и пронзительно свистнула. К ним сразу же подрулило такси.

— Ну, как тебе это нравится? —спросила она.

Скоро Розмари была уже в своей квартире. Она снова пила холодный кислый напиток из полосатого стакана, а Минни довольная наблюдала за ней.

Глава четвертая

Розмари всегда любила мясо с кровью, теперь же она ела его почти сырым — грела ровно столько, чтобы после холодильника оно не сводило зубы.

Неделя перед праздником и само Рождество были для нее просто ужасными. Боль усилилась до такой степени, что Розмари стало казаться, будто внутри нее что-то оборвалось — какой-то центр, сопротивлявшийся этой боли. Исчезли воспоминания о хорошем самочувствии, и она с какого-то момента просто перестала обращать внимание на эту боль; перестала говорить о ней с доктором Сапирштейном и даже думать на эту тему. Если раньше боль жила в ней, то теперь она сама начала жить внутри этой боли: боль для нее стала всем тем, что постоянно окружает человека — целым миром и временем. Розмари вконец измучилась, и теперь много спала и жадно поедала почти сырое мясо.

Она по-прежнему делала все необходимое по дому: готовила еду и убирала квартиру, отправила рождественские открытки домой (у нее не было настроения поздравлять родных по телефону), потом вложила деньги в поздравительные конверты лифтерам, портье и мистеру Микласу. Розмари читала газеты, старательно пытаясь проявить хоть какой-то интерес к студенческому протесту против призыва в армию или к забастовке, которая угрожала всему городу, но у нее ничего не получалось: ничего не было для нее более реальным, чем призрачный и абсурдный мир боли. Ги купил подарки для Минни и Романа, а друг другу они с Розмари договорились вообще ничего не покупать. Кастиветы подарили им серебряные подносы.

Несколько раз Розмари и Ги ходили в ближайший кинотеатр, но в основном сидели дома или навещали Кастиветов. Там они познакомились с супругами Фаунтэн, Гилмор и Виз, потом с женщиной по фамилии Сабатини, которая все время привозила с собой кошку, и с доктором Шандом — бывшим зубным врачом, который изготовил цепочку для талисмана с таннисом. Все они были пожилые и относились к Розмари с неизменным вниманием и заботой, очевидно, замечая ее плохое самочувствие. Лаура Луиза тоже бывала там, а иногда к ним присоединялся и доктор Сапирштейн. Роман был прекрасным хозяином — он всегда вовремя наполнял стаканы и умело менял темы бесед. В канун Нового года он предложил тост «За 1966 год, год Номер Один». Розмари это удивило, хотя все остальные его поняли и тост им понравился. Она подумала, что чего-то не успела прочесть в газетах, но, в общем, ей было все равно. Обычно они уходили рано, Ги клал ее спать, а сам возвращался. Он был любимчиком у здешних женщин,

которые стойкой собирались вокруг него и весело смеялись над всеми его шутками.

Хатч оставался в коме, по-прежнему глубокой и неподвижной. Грейс Кардифф звонила каждую неделю.

— Никаких перемен, никаких...— с горечью говорила она.— Они до сих пор ничего не в силах понять. Он может прийти в себя завтра утром, а может погрузиться еще глубже, и тогда уже больше не очнется.

Два раза Розмари ездила в госпиталь святого Винсента. Она стояла у кровати Хатча и беспомощно смотрела на его закрытые глаза, чутко прислушиваясь к едва различимому дыханию. Второй раз, в начале января, она встретила там с его дочерью Дорис, которая сидела у окна палаты с каким-то рукоделием. Розмари познакомилась с ней у Хатча год назад. Эта невысокая милая женщина лет тридцати была замужем за инженером, шведом по происхождению. К несчастью, дочь очень сильно походила на Хатча, но в отличие от отца была с длинными волосами.

Дорис не узнала Розмари, но когда та представилась еще раз, начала смущенно извиняться.

— Не надо,— улыбнулась Розмари.— Я сейчас ужасно выгляжу и прекрасно об этом знаю.

— Нет, вы совсем не изменились. Просто я очень плохо помню лица. Я иногда даже своих детей не узнаю.

Дорис отложила вышивание, и Розмари подсела к ней. Они обсудили состояние Хатча. Потом пришла медсестра и поменяла пузырек в капельнице.

— А у нас с вами один и тот же гинеколог,— сообщила Розмари, как только ушла медсестра.

Они поговорили немного о беременности Розмари и о докторе Сапирштейне, о том, какой он способный и знаменитый. Дорис очень удивилась, когда Розмари сказала, что ходит к нему каждую неделю.

— Поначалу он осматривал меня раз в месяц,— сказала она.— Потом мы стали встречаться каждые две недели, и лишь в самом конце — раз в неделю. Это было уже на последнем месяце. И мне казалось, что так у всех.

Розмари не нашлась, что ответить, и Дорис почувствовала себя неловко.

— Но, наверное, каждая беременность проходит по-своему,— спохватилась она и улыбнулась, пытаясь замаять свою бестактность.

— Именно это он мне и говорит.

Вечером она рассказала Ги, что доктор Сапирштейн осматривал Дорис только раз в месяц.

— Со мной что-то не так,— забеспокоилась она.— И он это знал с самого начала.

— Не будь дурочкой,— ответил Ги.— Он бы тебе все рассказал. А если не тебе, то уж МНЕ-то наверняка.

— Да? Он тебе что-нибудь говорил?

— Ничего. Клянусь Богом, ничего.

— Тогда почему он хочет, чтобы я показывалась ему каждую неделю?

— Может быть, он сейчас всех так смотрит. А может, он проявляет к тебе больше внимания, потому что ты знакомая Минни и Романа.

— Нет.

— Ну тогда я не знаю, спроси у него самого. Может быть, ему нравится тебя осматривать, а ее — нет.

Через два дня она все же спросила об этом самого доктора Сапирштейна.

— Эх, Розмари, Розмари... Ну что я вам говорил по поводу ваших подружек! Разве я не предупреждал, что каждая беременность протекает по-своему?

— Да, но...

— И наблюдение тоже надо вести по-разному. Дорис Аллерт уже два раза рожала до нашей с ней встречи, и во время предыдущих беременностей никаких отклонений у нее не было. Поэтому ее и не надо было наблюдать так тщательно, как женщину, которая собирается рожать впервые.

— А вы разве всех смотрите каждую неделю, кто рождает первый раз?

— Пытаюсь, но иногда мне это не удается. С вами все в порядке, Розмари. Боль скоро пройдет.

— Я начала есть сырое мясо. Только немного его разогреваю.

— Еще что-нибудь необычное?

— Нет,— сказала она и про себя удивилась: разве этого не достаточно?

— Ешьте все, что вам захочется. Я ведь уже говорил вам, что у беременной женщины могут появиться самые разные вкусы. Некоторые даже едят бумагу. И перестаньте наконец волноваться! Я не держу никаких секретов от своих пациентов — жизнь и без того сложна. Я вам говорю чистую правду. Ну так как, вы успокоились?

Розмари кивнула.

— Передавайте привет Минни и Роману,— сказал он.— И Ги тоже.

Розмари читала уже второй том «Крушения» и начала вязать Ги полосатый красно-оранжевый шарф для репетиций. Забастовка, о которой так много писали в газетах, все-таки началась, но они практически не ощутили ее последствий, потому что большую часть времени сидели дома, лишь иногда по вечерам наблюдая из окна за толпами, медленно плывущими по улице.

— Эй, крестьяне! — кричал на них Ги. — Домой! Убирайтесь домой, да побыстрее!

Вскоре после того как Розмари рассказала доктору Сапирштейну о своем пристрастии к сырому мясу, она поймала себя на том, что жует сырое куриное сердце. Произошло это на кухне. Розмари посмотрела на свое тусклое отражение в хромированном корпусе тостера, потом опустила взгляд на руку и увидела полусъеденное сердце; по ее пальцам струилась кровь. Она тут же выбросила остатки сердца в мусор, открыла воду и смыла с ладони кровь. Потом, не выключая воду, наклонилась над раковиной и ее вырвало.

Попив воды, она немного успокоилась, умыла лицо, руки и тщательно вычистила раковину специальным средством, выключила воду, вытерлась и некоторое время молча простояла в задумчивости. Затем достала из ящика блокнот, ручку, села за стол и начала писать.

Ги, уже в пижаме, пришел к ней на кухню в половине восьмого. Перед Розмари лежала раскрытая кулинарная книга. Она выписывала из нее рецепты.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Составляю меню, — сказала она. — Для вечеринки. Двадцать второго января у нас будут гости. Через неделю. — Она поглядела на разбросанные по столу листочки бумаги и подняла один из них. — Мы пригласим Элизу Дунстан с мужем, Джоан с приятелем, Джимми и Тайгер, Алана с подругой, Лу и Клаудию, Ченсов, Венделлов, Ди Бертиллона с его девушкой — если, конечно, ты хочешь их видеть, — Майка и Педро, Боба и Теа Гудманов, Каппов, — тут она жестом указала в сторону их двери, — и еще Дорис и Акселя Аллерт, если они смогут прийти. Дорис — это дочь Хатча, — пояснила она.

— Знаю, — ответил Ги.

Розмари положила листок на стол.

— Минни и Роман не приглашены. И Лаура Луиза тоже. А также Фаунтэны, Гилморы и Визы. И доктор Са-

пирштейн вместе с ними. Это будет особая вечеринка — только для тех, кому меньше шестидесяти.

— Вот это да! — озабоченно покачал головой Ги. — А я-то в списке есть?

— Да, ты есть. И ты будешь барменом.

— О Господи! Ты и правда думаешь, что это будет хорошо?

— По-моему, у меня уже давно не было такой блестящей идеи.

— Может быть, сначала стоит посоветоваться с Сапирштейном?

— Зачем? Я просто собираюсь устроить вечеринку, а не переплывать Ла-Манш и не взбираться на Аннапурну.

Ги подошел к умывальнику, открыл воду и подставил под струю стакан.

— Ты знаешь, у меня ведь с семнадцатого уже начнутся репетиции.

— Но тебе ничего не придется делать, — ответила Розмари. — Просто быть дома и всех очаровывать.

— И готовить напитки. — Он поднял стакан и выпил.

— Ладно, бармена мы найдем. Того, который был у Джоан и Дика, — помнишь? А когда ты захочешь спать, я всех выгоню.

Ги повернулся и с сомнением посмотрел на нее.

— Я хочу видеть именно их, — пояснила Розмари. — Я не Минни с Романом. Я устала уже от всех этих стариков.

Ги отвернулся и уставился в пол. Потом снова посмотрел на нее.

— А как твои боли?

Розмари сухо улыбнулась.

— Разве я тебе не говорила? Через пару дней все пройдет. Так мне сказал доктор Сапирштейн.

Обещали прийти все, кроме Аллертов — из-за болезни Хатча — и Ченсов, которые уезжали в Лондон фотографировать Чарли Чаплина. Бармен тоже не смог прийти, зато он порекомендовал другого. Розмари отнесла в чистку свое длинное коричневое бархатное платье, договорилась в парикмахерской насчет прически, заказала вино, ликеры, лед и все необходимое для чилийской запеканки из даров моря.

Утром в четверг как всегда пришла Минни со своим полосатым стаканом и застала Розмари за разделкой крабов и омаров.

— Как интересно! — заулыбалась она, устремляясь в кухню. — Что это?

Розмари объяснила, остановив ее в дверях.

— Сейчас я все это заморожу, а в субботу буду готовить. К нам придут гости.

— Решили повеселиться?

— Да. У нас много старых друзей, которых мы не видели уже сто лет. Многие даже не знают еще, что я беременна.

— Я могла бы помочь, если хочешь. Я умею хорошо накрывать на стол.

— Спасибо за предложение. Но я думаю, что управлюсь сама. У нас будет все а-ля-фуршет, так что мне почти ничего не придется делать.

— Пальто можно будет сложить у нас.

— Не стоит, Минни. Вы и без того для меня много делаете. Правда.

— Ну, если передумашь, дай знать. А теперь пей.

Розмари с отвращением посмотрела на стакан.

— Я не хочу. То есть, сейчас не хочу. Я попозже выпью, а стакан принесу.

— Ему нельзя долго стоять.

— А он и не будет стоять. Вы идите. А стакан я верну потом.

— Я могу и подождать, чтобы тебе не надо было идти ко мне.

— Не стоит. Я очень нервничаю, когда на меня смотрят во время готовки. И потом мне все равно надо на улицу, так что я буду проходить мимо вашей двери.

— На улицу?

— Да, в магазин. Ну, а теперь идите. Вы очень добры ко мне, даже слишком...

Минни обиженно нахмурилась и сделала шаг назад.

— Только долго не жди. А то витамины пропадут.

Наконец Розмари с облегчением закрыла за ней дверь, вернулась в кухню, постояла немного со стаканом в руке, а потом решительно вылила его содержимое в раковину.

Через час, очень довольная собой, она уже заканчивала запеканку. Когда блюдо было готово и поставлено в холодильник, Розмари приготовила свой собственный напиток из молока и сливок, добавив туда яйцо, сахар и херес — получилась душистая рыжевато-коричневая жидкость.

— Ну держись, Дэвид-или-Аманда! — сказала она и попробовала. Ей очень понравилось.

В половине десятого уже казалось, что никто не придет. Ги засыпал в камин угля, приготовил лучину и вытер руки платком. Розмари вышла из кухни и остановилась, глядя на мужа со своей болью и только что сделанной прической, в коричневом бархатном платье. Бармен возился с лимонными корками, салфетками, стаканами и бутылками. Он был очень симпатичным итальянцем и звали его Ренато. Бармен производил впечатление человека не бедного и, видимо, мог в любой момент бросить это занятие, если оно ему наскучит.

Сначала пришли Венделлы — Тэд и Кэрол, а через минуту Элиза Дунстан со своим мужем Хьюгом, который немного прихрамывал. Потом появился Аллан Стоун, агент Ги, с красивой манекенщицей-негритянкой Рэйн Морган, за ними — Джимми и Тайгер, Лу, Клаудия Камфорт и ее брат Скотт.

Ги складывал пальто на кровать. Ренато повеселел и принялся размешивать коктейли... Розмари указывала пальцем на входящих и знакомила всех: Джимми, Тайгер, Рэйн, Алан, Элиза, Хьюг, Кэрол, Тэд, Клаудия, Лу, Скотт...

Боб и Теа Гудманы пришли со своими друзьями Пегги и Стэном Килер.

— Ничего страшного! — улыбнулась Розмари. — Ерунда. Чем больше гостей, тем веселее!

Каппы явились без пальто.

— Ну и путешествие! — сказал мистер Капп («Это Бернард», — машинально представила его Розмари). — Автобус, три поезда и паром. Мы вышли из дома пять часов назад!

— Можно, я посмотрю квартиру? — спросила Клаудия. — Если она вся такая симпатичная, то я себе просто горло перережу.

Майк и Педро принесли букеты алых роз. Педро прижался щекой к Розмари и прошептал:

— Пусть он тебя лучше кормит, а то ты прямо зеленая стала.

Розмари продолжала знакомить гостей:

— Филлис, Бернард, Пегги, Стэн, Теа, Боб, Лу, Скотт, Кэрол...

Потом понесла розы на кухню, куда следом за ней сразу же вошла Элиза со стаканом в руке и фальшивой сигаретой, с помощью которой она пыталась бросить курить.

— Какая ты счастливая! — сказала она. — Такой прекрасной квартиры я еще ни у кого не видела. Вот это кухня! С тобой все в порядке, Розы? Ты выглядишь какой-то усталой.

— Спасибо, что не сказала хуже. Мне сейчас действительно не совсем хорошо, но я скоро поправлюсь. Я беременна.

— Не может быть. Это же здорово! И когда ждете?

— Двадцать восьмого июня. С пятницы уже пойдет пятый месяц.

— Вот здорово! А как тебе доктор Хилл? Просто мечта Запада, правда?

— Да, но я к нему больше не хожу.

— Почему?

— У меня теперь другой врач, пожилой, — Сапирштейн.

— Зачем? Он ведь не может быть лучше Хилла.

— Он очень известный и к тому же — друг наших хороших знакомых.

Вошел Ги.

— Ну, поздравляю тебя, папочка! — улыбнулась Элиза.

— Спасибо. Ро, подавать соус?

— Да, пожалуйста. Посмотри, какие розы! Это Майк и Педро принесли.

Ги взял со стола поднос с галетами и кувшин с розоватым соусом.

— А ты возьми другой, ладно? — попросил он Элизу.

— Конечно, — ответила она, взяла второй кувшин и пошла за ним.

— Я сейчас приду! — крикнула вдогонку им Розмари.

Ди Бертиллон пришел с актрисой Портией Хэйнес, а Джоан позвонила и предупредила, что они задерживаются в других гостях и будут только через полчаса.

— Какая же ты вредная со своими секретами! — Тайгер крепко обняла Розмари и поцеловала.

— Кто беременный? — раздался вдруг чей-то голос, а другой ответил: — Розмари.

Она поставила одну вазу с цветами на камин, а другую — на столик в спальне.

— Поздравляю, — сказала Рэйн Морган. — Я так и понимала, что это ты беременная.

Ренато подал Розмари стакан с разведенным виски.

— Первый напиток я всегда делаю крепким, — объяс-

нил он.— Чтобы все разогрелись. А потом перехожу на более легкие.

Майк через всю комнату помахал ей рукой и одними губами выразительно прознес: «Поздравляю». Розмари улыбнулась, кивнула и тоже одними губами ответила: «Спасибо».

— Здесь жили сестры Тренч,— сказал вдруг кто-то из гостей, а Бернард Капп добавил: — И Адриан Маркато, и Кит Кеннеди.

— И Перл Эймс,— поддержала его Филлис Капп.

— Сестры Трент? — переспросил Джимми.

— Тренч,— поправила Филлис.— Они ели маленьких детей.

— И не просто ели,— сказал Педро,— а прямо-таки пожирали.

Розмари закрыла глаза и затаила дыхание — боль резко усилилась. Может быть, это из-за выпивки? Она отставила стакан в сторону.

— Тебе плохо? — наклонилась к ней Клаудия.

— Все в порядке.— Розмари улыбнулась.— Просто небольшой спазм.

Ги разговаривал с Тайгер, Портией Хэйнс и Ди.

— ...Еще рано судить,— объяснил он.— Мы репетируем только шесть дней. Хотя смотреть ее гораздо приятнее, чем читать.

— А играть, наверное, тяжело,— предположила Тайгер.— Послушай, а что сейчас с тем парнем? Он все еще слепой?

— Не знаю,— пожал плечами Ги.

— С Дональдсом Бомгартом? — уточнила Портia.— Да ты его знаешь, Тайгер. Он живет с Зоей Пайпер.

— Так это он? А я и не знала, что знакома с ним!

— Он сейчас пишет великолепную пьесу,— продолжала Портia.— По крайней мере первые два акта очень интересные. Такой яростный гнев, как у Осборна.

— К нему не вернулось зрение? — осторожно спросила Розмари.

— Нет,— вздохнула Портia.— Все уже отчаялись. Он, конечно, храбрится, изо всех сил пытается привыкнуть к своему состоянию... Это, собственно, и побудило его взяться за пьесу. Он диктует, а Зоя пишет.

Наконец пришла Джоан. Ее спутнику было за пятьдесят. Она взяла Розмари за руку, отвела в сторону и взволнованно спросила:

— Что с тобой стряслось? Что случилось?

— Ничего,— ответила Розмари.— Просто я беременна.

Розмари с Тайгер заправляли салат на кухне, когда к ним вошли Джоан и Элиза и закрыли за собой дверь.

— Как, ты говоришь, зовут твоего врача? — начала Элиза.

— Сапирштейн.

— И его удовлетворяет твое состояние? — спросила Джоан.

Розмари кивнула.

— Клаудия сказала, что у тебя только что был спазм.

— У меня начались сильные боли, но они скоро пройдут, это нормально.

— Что еще за боли? — удивилась Тайгер.

— Боль, просто боль. Сильная боль, вот и все. Это потому, что у меня с трудом расходятся кости таза.

— Рози, поверь мне: у меня это уже дважды позади, но боль не бывает такая сильная; просто немного ноет, и все,— сказала Элиза.

— У всех по-разному,— ответила Розмари, механически размешивая деревянной ложкой салат.— Каждая беременность имеет свои особенности.

— Но не такие же! — возразила Джоан.— Ты выглядишь, как чемпионка среди заключенных концлагеря. Ты уверена, что твой врач все правильно тебе назначает?

Розмари заплакала, тихо и беспомощно, продолжая держать ложку в салате. Слезы побежали по ее бледным щекам.

— О, Боже! — всплеснула руками Джоан и посмотрела на Тайгер, ожидая от нее подмоги. Тайгер обняла Розмари за плечи и принялась утешать: — Ш-ш-ш, тихо. Ну не надо, Рози! Ш-ш-ш...

— Ладно вам,— сказала Элиза.— Лучше не трогайте ее. Она и так весь вечер, как на иголках.

Розмари беззвучно рыдала, и черные полосы туши пролегли по ее щекам. Элиза усадила ее на стул. Тайгер забрала ложку и отодвинула вазы с салатом на дальний угол стола.

Дверь приоткрылась, но Джоан подскочила и захлопнула ее. Это был Ги.

— Эй, дайте мне войти,— попросил он.

— Извини,— отозвалась Джоан.— Вход только девушкам.

— Мне надо поговорить с Розмари.

— Нельзя, она занята.

— Послушай, мне надо вымыть стаканы.

— Иди в ванную.— Она прислонилась плечом к двери и не пускала его.

— Черт побери, да откройте же! — требовал он с другой стороны.

Розмари, все еще сгорбившись, плакала, руки беспомощно лежали на коленях, плечи вздрагивали. Элиза то и дело вытирала ей лицо краем полотенца, а Тайгер ласково гладила по голове и тихонько шептала какие-то слова утешения. Постепенно слезы стали стихать.

— Мне так больно! — пожаловалась Розмари.— И я так боюсь, что ребенок умрет.

— Твой врач что-нибудь делает? — спросила Элиза.— Лечит тебя как-нибудь, дает лекарства?

— Ничего, совсем ничего.

— А когда это началось?

Розмари всхлипнула.

— Когда начались боли, Рози?

— Перед Днем Благодарения. В ноябре.

— В ноябре? Что?! У тебя такая боль с ноября, а врач ничего не делает?!

— Он говорит, что все скоро пройдет.

— А он показывал тебя другим докторам? — спросила Джоан.

Розмари отрицательно покачала головой.

— Он очень хороший,— сказала она, пока Элиза вытирала ей щеки.— Известный.

— По-моему, он просто сумасшедший садист,— отрезала Тайгер.

— Такая боль — это сигнал, что что-то случилось,— добавила Элиза.— Я не хочу тебя пугать, Рози, но лучше тебе показаться доктору Хиллу. Кому угодно, покажись, кроме этого...

— Этого идиота,— подсказала Тайгер.

— Он не может быть прав, если позволяет тебе так страдать,— поддержала Элиза.

— Я не соглашусь на аборт,— заявила Розмари.

Джоан от двери прошептала:

— А тебе никто и не говорит про аборт! Просто пойдй к другому врачу, и все.

Розмари забрала у Элизы полотенце и промакнула глаза.

— Он предупреждал, что все так и будет.— Она посмотрела на следы туши на полотенце.— Что мои подружки скажут, будто у них все прошло нормально, а со мной что-то не так.

— Я не понимаю тебя,— обиделась Тайгер.

— Он сказал мне не слушать подруг,— объяснила Розмари.

— Но ты же слушаешь нас! Что за мерзкие советы он тебе дает?

— Мы просто хотим, чтобы ты пошла к другому врачу,— ласково сказала Элиза.— Я думаю, ни один уважающий себя специалист не станет возражать против этого, если так лучше для его пациента.

— Так и сделай,— добавила Джоан.— Прямо в понедельник утром.

— Ладно,— согласилась Розмари.

— Обещаешь? — строго спросила Элиза.

Розмари кивнула.

— Обещаю.— Она улыбнулась.— Мне уже лучше. Спасибо.

— Ну, теперь ты еще хуже выглядишь.— Тайгер раскрыла сумочку.— На, подрисуй глаза. И все остальное.— Она выложила на стол перед Розмари все свои коробочки и тюбики.

— Мой наряд! — воскликнула Розмари.

— Мокрую тряпку! — тут же среагировала Элиза и бросилась к раковине.

— Чесночный хлеб! — закричала Розмари.

— Ставить или вынимать? — вскочила Джоан.

— Ставить.— Розмари щеточкой для туши указала на холодильник, на котором лежали две завернутые в фольгу буханки.

Тайгер взялась за салат, а Элиза стала вытирать длинное вечернее платье Розмари, испачканное каплями размытой туши.

— В следующий раз, когда соберешься плакать, не надевай бархат,— посоветовала она.

Вошел Ги и удивленно посмотрел на них.

— Обмениваемся косметическими советами,— сказала Тайгер.— Тебе интересно?

— Все в порядке? — спросил он у Розмари.

— Да,— ответила она, улыбаясь.

— Немного пролила заправки на платье,— объяснила Элиза.

— А кухонным работникам полагается выпить, как вы считаете? — поинтересовалась Джоан.

Запеканка пользовалась успехом, салат тоже (Тайгер чуть слышно шепнула Розмари: «Это он из-за твоих слез такой вкусный»).

Ренато выбрал шипучее вино и с хлопком откупорил его.

Брат Клаудии, Скотт, сидел в кабинете с тарелкой на коленях и вещал:

— Зовут его Альтизер и сейчас он, по-моему, в Атланте, а заявляет он следующее: «Бог умер, и это исторический факт, свершившийся уже в наше время». Причем он имеет в виду, что Бог умер в буквальном смысле этого слова.

Его внимательно слушали Каппы, Рэйн Морган и Боб Гудман.

Джимми, который стоял в гостиной у окна, вдруг радостно воскликнул:

— Ого, снег начинается!

Стэн Килер рассказал целую серию польских анекдотов, и Розмари громко смеялась над ними.

— Смотри не напейся,— тихо шепнул ей Ги.

Все еще смеясь, она повернулась и показала ему стакан:

— Да ведь это же лимонад!

Приятель Джоан сидел на полу и гладил лодыжки своей подруги. Элиза беседовала с Педро, который вежливо кивал, а сам поглядывал на Майка и Аллана, устроившихся на диване в другом конце комнаты. Клаудия начала гадать желающим по руке.

Виски кончалось, но все остальное было просто замечательно.

Розмари подала кофе, вытряхнула пепельницы и ополоснула стаканы. Тайгер и Кэрл Венделл помогали ей.

Потом она села на подоконник рядом с Хьюгом Дунстаном и, попивая кофе, стала смотреть на падающие снежные хлопья. Их было много — целая армия снежинок. Время от времени самая отчаянная снежинка выбивалась из общего потока и, ударяясь о стекло, тут же таяла.

— Каждый год я даю себе слово уехать из города,— задумчиво говорил Хьюг Дунстан,— чтобы избавиться от всех этих преступлений, шума и всего прочего. Но вдруг начинается снегопад или какой-нибудь фестиваль, и я остаюсь.

Розмари улыбнулась, продолжая следить за снежинками.

— Вот из-за чего мне так хотелось получить эту квартиру,— сказала она,— Чтобы сидеть у камина и смотреть, как падает снег.

Хьюг с любопытством посмотрел на нее.

— Ты, наверное, до сих пор еще читаешь Диккенса?

— Конечно. Все читают Диккенса.

К ним подошел Ги.

— Боб и Теа тоже уходят,— сообщил он.

В два часа ночи все разошлись, и Розмари с Ги остались одни в огромной пустой гостиной среди грязных стаканов, салфеток и переполненных пепельниц. («Не забудь»,— напомнила ей на прощанье Элиза и погрозила пальцем. Но она и так не забудет.)

— Ну, а теперь — за работу! — скомандовал Ги, собравшись с духом начать уборку.

— Ги,— тихо позвала Розмари.

— Да?

— Я пойду к доктору Хиллу. В понедельник утром.

Он ничего не ответил, только молча посмотрел на нее.

— Я хочу, чтобы он проверил меня. Доктор Сапирштейн или обманывает меня, или... Или я не знаю, но он, наверное, выжил из ума. Такая боль — это сигнал, что со мной что-то не так.

— Розмари...

— И я больше не пью тот напиток, который приносит мне Минни. Я хочу принимать витамины в таблетках, как и все остальные. Я уже три дня его не пью. Я оставляю его, а когда она уходит, выливаю.

— Ты...

— Я вместо этого пью свой собственный напиток.

Ги вдруг рассвирепел и, указывая пальцем в сторону кухни, закричал:

— Так вот что наговорили тебе эти сучки! Вот зачем они приходили! Уговорить тебя поменять врача?!

— Они мои подруги, не называй их так.

— Да это просто свора обезумевших сучек, которые лезут не в свое дело, черт бы их побрал!

— Они просто хотели, чтобы я посоветовалась с другим врачом.

— У тебя самый лучший врач в Нью-Йорке! А кто такой этот доктор Хилл? Никто — вот кто он такой!

— Я уже устала слышать о том, как знаменит ваш лю-

бимый Сапирштейн.— Розмари чуть не плакала.— У меня боль не прекращается с самого Дня Благодарения, а он только и твердит, что она не сегодня-завтра пройдет!

— Ты не будешь менять врача. Мы и так уже черт знает сколько платим Сапирштейну, а теперь еще придется платить твоему Хиллу? Даже и речи об этом быть не может!

— Я не буду менять врача. Пусть просто доктор Хилл осмотрит меня и даст свое заключение.

— Я тебе не разрешаю. Это... это, в конце концов, нечестно по отношению к Сапирштейну.

— Нечестно? О чем ты говоришь вообще? А по отношению ко мне это честно?

— Тебе нужно еще одно мнение? Ладно. Скажи Сапирштейну. Пусть он сам решит, кому тебя показать. И придется тебе быть с ним вежливой до конца, он все-таки специалист в своем деле.

— Я хочу пойти к доктору Хиллу. Если ты не желаешь платить, я отдам свои...

Внезапно Розмари замолчала и замерла как вкопанная. По лицу ее покатились слеза и остановилась у уголка рта.

— Ро?

Боль прекратилась. Ее больше не было! Она смолкла, как заклинивший автомобильный сигнал, который наконец-таки отключили. Боль прошла, она исчезла навсегда, безвозвратно. Слава Всевышнему! Нет ее, и все тут. И, Боже мой, как же хорошо она начнет теперь чувствовать себя, вот только надо перевести дыхание...

— Ро? — озабоченно переспросил Ги и сделал осторожный шаг к ней.

— Она прекратилась. Эта боль.

— Прекратилась?

— Только что.— Розмари попыталась улыбнуться.— Она куда-то исчезла, и все.— Она закрыла глаза и глубоко вздохнула, потом прислушалась к себе и вздохнула еще глубже. Как давно ей не приходилось так вот свободно дышать! С самого Дня Благодарения.

Когда Розмари открыла глаза, Ги продолжал обеспокоенно смотреть на нее.

— Что за напиток ты себе готовила?

Сердце у нее оборвалось. Она убила ребенка. Хересом. Или испорченным яйцом. Или их сочетанием. Ребенок умер, поэтому боль прекратилась. Боль была ребенком, а она убила его своей самонадеянностью!

— Яйцо,— сказала она,— молоко, сливки, сахар.— Розмари моргнула, провела рукой по щеке и посмотрела на него.— Херес,— добавила она невинным голосом.

— Сколько ты наливала хереса?

И вдруг что-то внутри нее шевельнулось.

— Много?

И еще раз. Там, где раньше ничего не шевелилось. Легкое приятное щекотание. Она глупо и беспомощно хихикнула.

— Розмари, ради Бога, скажи мне, сколько ты наливала хереса?

— Он живой,— тихо сказала она и снова беззвучно засмеялась, поджав губы и изумленно подняв брови.— Он шевелится. Все в порядке. Он не умер. Он двигается! — Она посмотрела на свой живот под коричневым бархатом и осторожно положила на него руки. Теперь она уже ясно почувствовала, как что-то внутри нее снова шевельнулось — это были ручки. Или ножки.

Розмари подошла к Ги, и, не глядя на него, протянула руку, взяла его ладонь и положила себе на живот. Внутри тут же что-то послушно шевельнулось в ответ.

— Ты чувствуешь? — спросила она.— Ну вот, опять. Чувствуешь?

Он побледнел и отнял руку.

— Да. Да, я почувствовал.

— Не надо его бояться.— Она рассмеялась.— Он тебя не укусит.

— Это чудесно! — выдохнул Ги.

— Правда? — Она снова посмотрела на живот.— Он живой. Он лягается. Там, внутри.

— Я тут немного приберу,— сказал Ги, подняв со стола пепельницу и стакан. Потом еще один.

— Ну ладно, Дэвид-или-Аманда. Ты доказал свое присутствие, а теперь успокойся. Мамочке надо убирать квартиру.— Розмари засмеялась.— Боже мой! Он такой подвижный! Значит, будет мальчик, да? Ну ладно там, потише. У тебя впереди еще целых пять месяцев, так что экономь силы.— Все еще смеясь, она обратилась к Ги: — Поговори с ним, Ги, ты ведь все-таки отец. Скажи ему, что нельзя быть таким нетерпеливым.

Розмари смеялась, потом смеялась и плакала одновременно, бережно обхватив обеими руками живот, на который капали сладкие слезы счастья.

Насколько плохо ей было раньше, настолько теперь все стало хорошо. Боль прекратилась, и вернулся сон. Розмари спала по десять часов, без всяких сновидений, а со сном пришел и аппетит: теперь ей хотелось мяса — только не сырого, а жареного, — яиц, овощей, сыра, фруктов и молока. За несколько дней исхудалое лицо Розмари вернулось к своим прежним очертаниям, и через пару недель она выглядела уже так, как и подобает всякой беременной женщине: здоровая, гордая и очень красивая.

Она выпивала напиток Минни, как только та приносила его, причем до последней капли, чтобы не было причин опасаться, что ребенку может повредить недостаток витаминов. Вместе с напитком ей стали приносить и какое-то пирожное с хрустящей белой начинкой, похожей на марципан. Она тоже сразу съедала его, наслаждаясь необычным вкусом и сознанием того, что сейчас она, наверное, самая исполнительная на свете будущая мама.

Доктор Сапирштейн мог бы долго распространяться по поводу исчезновения боли, но, слава Богу, не стал. Он просто сказал: «Пора бы уж» — и приставил стетоскоп к выпирающему животу Розмари. Почувствовав движение ребенка, он очень обрадовался и даже взволновался, что было довольно странно, ведь ему наверняка приходилось испытывать такое уже сотни и сотни раз. Но это, наверное, и было именно то восхищение и радость, которые отличают великолепного врача от просто хорошего.

Розмари купила туалеты для будущей мамы: черный костюм и красное платье в белый горошек. Через две недели после вечеринки они с Ги пошли в гости к Лу и Клаудии Камфорт.

— Никак не могу привыкнуть к тебе! — радостно воскликнула Клаудия, держа Розмари за руки. — Ты теперь выглядишь в сто раз лучше. Нет, в тысячу раз!

Миссис Гоульд, которая жила по соседству, тоже обрадовалась:

— Еще несколько недель назад мы так волновались за вас — вы выглядели очень усталой и изможденной. А теперь вы просто другой человек! Артур только вчера сказал мне о вашем состоянии...

— Спасибо, я сейчас действительно чувствую себя гораздо лучше. Некоторые беременности начинаются плохо,

но потом все исправляется. А ведь бывает и наоборот... Так что я рада, что все плохое у меня уже позади.

Теперь она стала ощущать лишь слабую боль, которая скрывалась раньше за основной — в мышцах спины и в набухшей груди, — но об этих неудобствах писалось в книге, которую заставил выбросить доктор Сапирштейн. Однако эта боль не казалась Розмари странной; наоборот, с ней она чувствовала себя более уверенно. Соль по-прежнему вызывала тошноту, но что в конце концов такое была для нее соль?

Пьеса, в которой участвовал Ги, должна была впервые исполняться в Филадельфии в середине февраля. К этому времени режиссер сменялся уже дважды, а название — целых три раза. Доктор Сапирштейн не разрешил Розмари выехать с мужем на репетиции, поэтому она поехала в Филадельфию в день премьеры вместе с Минни, Романом, Джимми и Тайгер в старом «паккарде» Джимми. Поездка была не из приятных. Розмари, Джимми и Тайгер видели эту постановку еще в Нью-Йорке и мало рассчитывали на успех. Они, правда, надеялись, что кто-нибудь из критиков все же заметит и оценит игру Ги, тем более что Роман привел много случаев из жизни великих актеров, которые сделали свою карьеру на пьесах, мало интересовавших публику.

Несмотря на необычные декорации, костюмы и освещение, спектакль был скучным и многословным. Мать Ги, которая специально прилетела из Монреаля, утверждала, что представление замечательное, а Ги просто великолепен. Это была маленькая жизнерадостная блондинка, беспрестанно щебечущая о своем расположении к Розмари, Аллану Стоуну, Джимми, Тайгер и Минни с Романом. Минни и Роман улыбались, все остальные были очень взволнованы. Розмари показалось, что Ги и правда играет неплохо, но такое же чувство было у нее, когда она видела его и в «Лютере», и в пьесе «Никто не любит альбатроса», однако ни один из этих спектаклей не заслужил никакой похвалы критиков.

Первые отзывы прессы появились лишь после полуночи, и все как один в пух и прах разносили саму пьесу и восхваляли игру Ги, причем в одной из рецензий ему были посвящены целых два абзаца. Другая статья, появившаяся на следующее утро, была озаглавлена: «Исключительная игра на убогой сцене», и в ней говорилось, что Ги — это «практически неизвестный до сих пор актер, который несомненно обладает феноменальными способностями и дол-

жен играть в более интересных и значительных постановках».

Поездка назад в Нью-Йорк была намного приятней.

Пока Ги был в отъезде, у Розмари нашлось немало дел. Ей надо было оформить заказ на желто-белые обои для детской, купить ванночку, кроватку и стол. Потом написать о новостях домой (она давно уже это откладывала), купить одежду для малыша и что-нибудь для себя; решить, какое объявление дать о рождении, как кормить — грудью или искусственной смесью, и как назвать его или ее: Эндрю, Даглас или Дэвид; Аманда, Дженни или Хоуп.

И еще следовало заняться гимнастикой — утром и вечером — потому что она решила рожать сама. Розмари твердо была в этом уверена, и доктор Сапирштейн полностью ее поддерживал. Они договорились, что стимулирующий укол он сделает в самый последний момент, и то, если она его специально об этом попросит. Лежа на полу, Розмари поднимала ноги вертикально вверх и держала их так, считая до десяти. Она училась быстро и поверхностно дышать, представляя себе тот счастливый момент, когда ребенок выйдет наконец из ее активно помогающего ему тела.

Розмари проводила вечера у Минни и Романа, один раз ходила к Каппам и к Хьюгу и Элизе Дунстан. («Ты еще не наняла няньку? — спросила Элиза. — Об этом давно надо было позаботиться. Сейчас, наверное, уже и не найдешь». Но доктор Сапирштейн, когда на другой день она ему все рассказала, успокоил ее, заявив, что он давно уже договорился с нянькой, которая готова после родов помогать ей сколько угодно. И разве он раньше ей этого не говорил? Это мисс Фицпатрик — одна из самых лучших.)

Ги звонил каждые два или три дня — по вечерам после спектакля. Он рассказывал Розмари о своих делах и о том, что ему предложили хорошую роль в новом мюзикле, а она сообщила ему про мисс Фицпатрик, про обои и пинетки, которые собиралась вязать Лаура Луиза.

Пьесу повторяли пятнадцать раз, и Ги смог приехать домой всего на два дня, а потом улетел в Калифорнию на пробы по приглашению кинокомпании «Уорнер Энтерпрайзес». И лишь после завершения проб он приехал уже надолго. У него было теперь две роли, из которых он мог выбрать любую: или кино, или тринадцать серий «Гринвич-Вилледж», по полчаса каждая. Фирма братьев Уорнер тоже сделала ему предложение, но Аллан отклонил его из-за низкой оплаты.

Малыш лягался, как демон. Розмари требовала, чтобы он утих и грозилась отшлепать его.

Муж сестры Маргариты позвонил им и сообщил, что у них родился сын весом в восемь фунтов и назвали его Кевин Майкл. Позже появилось официальное сообщение о рождении — очень подробное, с именем, датой и часом рождения, весом и ростом («Почему не указана группа крови?» — с иронией спросил Ги). Розмари решила, что лучше дать самое скромное объявление: их имена, имя ребенка и число. И назвать его Эндрю Джон или Дженнифер Сюзан. И кормить грудью, а не искусственно.

Они перенесли телевизор в гостиную и раздали всю мебель из кабинета друзьям. Потом привезли и наклеили обои, поставили ванночку, кровать и стол, но через несколько дней переставили все заново. Розмари положила в стол пеленки, резиновые штанишки и распашонки, настолько крошечные, что, держа одну из них в руках, она не удержалась и засмеялась.

Они отметили вторую годовщину свадьбы и тридцатитрехлетие Ги, потом устроили еще одну вечеринку, пригласив Дунстанов, Ченсов, Джимми и Тайгер. Ходили смотреть «Морган», и еще им удалось попасть на закрытый просмотр «Мэйм».

Жизнь Розмари становилась все больше и больше, он раздувался, как шар, и был тугой, как барабан, а над ним возвышалась крупная грудь. Утром и вечером Розмари делала упражнения: поднимала вверх ноги, сидела на пятках, тренировала поверхностное дыхание.

В конце мая, когда пошел уже девятый месяц, она собрала небольшой чемоданчик со всем необходимым для больницы — ночными рубашками, специальными лифчиками для кормления грудью, новым стеганым халатом и тому подобным, и поставила его наготове у дверей спальни.

В пятницу 3 июня в госпитале святого Винсента умер Хатч. Аксель Аллерт, его зять, позвонил Розмари и сообщил эту печальную новость. Он сказал, что панихида будет во вторник, в одиннадцать, в культурном центре на Шестьдесят четвертой улице, в западной части города.

Розмари расплакалась. Отчасти из-за того, что ей было очень жаль Хатча, а еще потому, что она совсем позабыла о нем в последние месяцы, и теперь ей казалось, что это тоже ускорило его смерть. Раз или два ей звонила Грейс

Кардифф, и лишь однажды она сама позвонила Дорис Аллерт, но так ни разу и не навестила его. Сначала ей думалось, что в этом нет особого смысла, раз он не пришел в себя, а как только она сама оправилась от своего недуга, ей стало боязно находиться возле больного человека: она инстинктивно опасалась, что это может как-то вредно сказаться на ее ребенке.

Когда Ги услышал новость, он побледнел, замолчал и просидел в таком состоянии несколько часов. Розмари была тронута глубиной его переживаний.

Она пошла на церемонию одна: у Ги были съемки, и он никак не мог пропустить их, а Джоан как назло заболела гриппом. В красивом небольшом зале собралось человек пятьдесят. Пришел священник, и в двенадцатом часу началась служба, которая оказалась очень короткой. Потом выступил Аксель Аллерт и еще один мужчина, который, очевидно, знал Хатча много лет. Затем все двинулись к выходу, и Розмари выразила свое сочувствие стоявшим у гроба Акселю и Дорис Аллерт, а также второй дочери Хатча, Эдне, и ее мужу. Вдруг какая-то женщина взяла ее за руку и спросила:

— Простите меня, вы ведь Розмари, да?

Это была симпатичная и модно одетая женщина лет пятидесяти, с седыми волосами.

— Я Грейс Кардифф,— представилась она.

Розмари пожала ей руку и поблагодарила за телефонные звонки.

— Вот это я хотела вчера отправить вам по почте,— сказала Грейс Кардифф, показывая сверток, по форме напоминавший книгу.— А потом мне пришло в голову, что я вас сегодня, наверное, увижу.— Она отдала сверток Розмари, и та увидела, что на нем был написан ее собственный домашний адрес и обратный адрес Грейс Кардифф.

— Что это? — спросила она.

— Это книга, которую Хатч просил передать вам. Он очень на этом настаивал.

Розмари не поняла ее.

— Перед самой смертью к нему на несколько минут вернулось сознание,— рассказала Грейс Кардифф.— Меня в это время там не было, но он попросил сестру передать, чтобы я отдала эту книгу вам. Она лежала у него дома на письменном столе. Он, очевидно, читал ее в ту самую ночь, когда произошел удар. Он очень беспокоился и напомнил об этом сестре два или три раза — боялся, что она забудет.

дет. И еще он просил вам передать, что в этой книге содержится анаграмма.

— В названии книги? — уточнила Розмари.

— Очевидно. Может быть, он был в бреду, сейчас уже трудно сказать. Он изо всех сил сражался с комой, от этих усилий и умер. Когда он очнулся, то подумал, что проснулся на следующее утро, и вспомнил, что ему надо встретиться с вами в одиннадцать часов...

— Да, у нас была назначена встреча, — со слезами кивнула Розмари.

— А потом он понял, что с ним случилось, и сказал сестре, чтобы я передала эту книгу вам. Он повторил это несколько раз... и потом умер. — Грейс Кардифф улыбнулась, будто говорила о чем-то приятном. — Это старая английская книга о колдовстве.

Розмари с интересом оглядела сверток.

— Не понимаю, зачем ему надо было, чтобы я это прочла, — удивилась она.

— Он очень этого хотел. А в названии есть анаграмма. Милый Хатч! Он мечтал, чтобы в жизни все было так же, как в его добрых приключенческих книгах...

Они вместе вышли из зала.

— Я еду в город. Может быть, вас подбросить куда-нибудь? — предложила Грейс Кардифф.

— Нет, спасибо, — ответила Розмари. — Мне надо домой.

Они направились к перекрестку. Многие из присутствовавших на панихиде уже ловили такси. Двое мужчин остановили машину и предложили ее Розмари. Она отказалась и хотела уступить очередь Грейс Кардифф, но та запротестовала:

— Я не могу воспользоваться этой машиной, — объяснила она. — Сперва должны ехать вы; вы ведь сейчас в привилегированном положении... Когда вы ждете ребенка?

— Двадцать восьмого июня.

Розмари поблагодарила мужчин и села в такси. Машина оказалась маленькой и сидеть в ней было неудобно.

— Желаю удачи, — сказала Грейс Кардифф и мягко закрыла дверь.

— Спасибо, — ответила Розмари. — И за книгу спасибо. — Потом она обратилась к шоферу: — В Брэмфорд, пожалуйста.

Когда такси уже тронулось, она еще раз напоследок улыбнулась Грейс Кардифф.

Розмари хотела развернуть книгу прямо в такси, но увидела, что машина увешана всякими просьбами соблюдать полную чистоту, разными пепельницами и зеркалами, к тому же ей не хотелось возиться с бумагой и бечевкой. Приехав домой, она сняла туфли, платье и пояс и переоделась в новый широкий полосатый халат и тапочки.

В дверь позвонили, и она пошла открывать, все еще держа в руке нераспечатанный сверток. Это была Минни с традиционным напитком и пирожным.

— Я слышала, как ты вернулась. Церемония, видно, и в самом деле была недлинная.

— Все прошло очень хорошо,— с грустью ответила Розмари, безропотно забирая у нее стакан.— Говорил его взять и еще один мужчина о том, какой он был замечательный и почему нам его будет так не хватать; вот и все.— Она отпила немного мутной зеленоватой жидкости.

— По-моему, это очень разумно,— согласилась Минни.— Ты уже получила сегодняшнюю почту? — Она указала глазами на пакет.

— Нет, мне это передали на панихиде.— Розмари решила не объяснять, кто и почему, и вообще ничего не говорить о том, что Хатч перед смертью приходил в себя.

— Давай я пока подержу,— предложила Минни и взяла у нее сверток.

— Спасибо,— ответила Розмари и освободившейся рукой приняла пирожное.

Она выпила и съела все принесенное.

— Это книга? — спросила Минни, с интересом рассматривая сверток.

— Угу. Она хотела сперва отправить ее по почте, но потом сообразила, что мы сегодня встретимся.

Минни прочитала на обертке обратный адрес.

— О, да я знаю этот дом! Там раньше жили Гилморы — перед тем как переехать.

— Правда?

— Я там часто бывала... Грейс... Мне очень нравится это имя. Это твоя подруга?

— Да.— Розмари было все равно и не хотелось вдаваться в подробности.

Она забрала книгу у Минни и, вернув ей стакан, улыбнулась.

— Спасибо.— Она замолчала, ожидая, что Минни наконец-то уйдет.

— Послушай-ка, Роман собирается в химчистку. Может быть, надо что-нибудь отнести туда или забрать?

— Нет, спасибо. Вы к нам потом заглянете?

— Конечно. А ты пока отдохни.

— Да. Я как раз собиралась прилечь. До свидания.

Розмари закрыла дверь, пошла в кухню, там перерезала ножом бечевку и сняла оберточную бумагу. Книга оказалась сочинением Дж. Р. Ханслета и называлась «Все о колдунах». Она была старая и черная, золотое тиснение местами облетело с переплета. На форзаце стояла подпись Хатча, а под ней значилось: «Торкуэй, 1934». Ниже была приклеена маленькая бумажка с надписью «Книжный магазин Дж. Вагхорна и сына».

Розмари понесла книгу в гостиную, на ходу перелистывая ее. Здесь она увидела фотографии почтенных людей викторианской эпохи, а кое-где в тексте — сделанные Хатчем пометки на полях и подчеркнутые фразы: так он работал со всеми книгами; Розмари помнила это еще по тем временам, когда они жили по соседству, и библиотека Хатча была для нее чуть ли не единственным источником духовной пищи. Она успела прочитать одну из подчеркнутых фраз: «...грибок, который называется «дьявольский перец»».

Устроившись на подоконнике, Розмари изучила оглавление. Взгляд ее привлекло имя «Адриан Маркато» — таково было название четвертой главы. В книге рассказывалось и про других людей; и все они, если верить заглавию, были колдунами: Гиль де Ре, Джейн Венгам, Алистер Кроули, Томас Вейр. Две последние главы назывались «Искусство колдовства» и «Колдовство и сатанизм».

Розмари проглядела четвертую главу, которая занимала двадцать с небольшим страниц, и из нее узнала, что Маркато родился в Глазго в 1846 году, потом переехал в Нью-Йорк (подчеркнуто), а умер на острове Корфу в 1922 году. Здесь же упоминалось и о шумихе, вызванной в 1896 году его заявлением, будто он вытащил из ада самого дьявола. В результате на Маркато напала разъяренная толпа на улице возле Брэмфорда (а не в самом доме, как говорил Хатч). Подобные происшествия имели также место в Стокгольме в 1898 и в Париже в 1899 году. Маркато был высоким чернобородым мужчиной с выразительными глазами, который на фотографии почему-то показался Розмари знакомым. Рядом помещался еще один снимок, поменьше, на котором он был запечатлен в парижском кафе со своей женой Гессией и сыном Стивеном (подчеркнуто).

Может быть, именно из-за этой главы Хатч так хотел передать ей книгу — чтобы она прочитала подробный рассказ об Адриане Маркато? Но зачем?.. Ведь он давно уже рассказал о всех своих опасениях, и потом выяснилось, что они совершенно напрасны. Розмари пролистала книгу еще раз и начала читать подчеркнутые Хатчем места: «Остается непреложным тот факт, что даже если мы не верим в это, то они сами наверняка верят». А еще через несколько страниц: «...всемирно известная вера в силу человеческой крови». И еще: «...окружены свечами, которые — нет необходимости повторять — должны быть черными».

Черные свечи приносила Минни в тот день, когда отключили электричество. Хатча это тогда очень удивило, и он начал с пристрастием расспрашивать про Минни и Романа. Может, это как-то связано с книгой? Все о колдунах... И Минни со своей оранжереей трав и таннисовыми амулетами, и Роман с пронзительным взглядом... Но они-то ведь не кодуны! А если?..

Она вспомнила еще одно: в книге есть анаграмма. Может быть, в названии? «All of Them Witches»¹... Розмари попыталась мысленно переставить буквы так, чтобы получилось что-нибудь понятное и значимое. Но ей это не удалось: букв оказалось слишком много, и они стали путаться в голове. Надо было взять листок бумаги и ручку. Или, еще лучше, коробку «скрэббл».

Она сходила в спальню за игрой и снова села на подоконник, потом выложила на чистую доску нужные буквы и составила из них название книги. Малыш, который все утро вел себя тихо, зашевелился. «Ты будешь прирожденным игроком в скрэббл», — подумала Розмари и улыбнулась. Малыш лягнул сильнее.

— Эй, полегче! — сказала она вслух.

После этого перемешала буквы и попробовала сложить их в слова. У нее получилось: «Comes with the fall»,² а немного погодя: «how is hell fact met»³. Но смысла не было ни в том, ни в другом выражениях. Ничего не дали ей и такие фразы, как «who shall meet it»⁴; «we that chose ill»⁵ и «if she shall come»⁶.

¹ Все о колдунах (англ.).

² Приходит с падением (англ.).

³ Как встречается адский факт (англ.).

⁴ Кто это встретит (англ.).

⁵ Мы, которые выбрали зло (англ.).

⁶ Если она придет (англ.).

И к тому же, их нельзя было назвать настоящими анаграммами, потому что в них использовались не все буквы. Какая глупость! Как в названии книги может быть запятаная анаграмма, важная для нее и только для нее одной? Наверное, у Хатча просто начался бред; ведь и Грейс Кардифф тоже говорила об этом. Пустая трата времени... «elf shot lame witch»¹, «tell me which fatso»².

Но, может быть, все дело в фамилии автора, а не в названии книги? Что если Дж. Р. Ханслет — только литературный псевдоним? Имя это и вправду казалось каким-то ненастоящим, если хорошенько призадуматься.

Розмари стала набирать заново. Малыш опять пнул ее. Фамилия Ханслет превращалась в другие, но тоже неизвестные, хотя здесь хоть какой-то смысл еще сохранялся.

Бедный Хатч!..

Она взяла коробку и ссыпала в нее все буквы. Книга, лежавшая на подоконнике, зашелестела от ветра, и страницы раскрылись на том месте, где была фотография Адриано Маркато с женой и сыном. Наверное, Хатч часто смотрел на нее и даже подчеркнул имя Стивен.

Малыш затих и больше не шевелился.

Розмари снова взяла «скрэббл», вынула доску и на ней старательно выложила: «Стивен Маркато». Несколько секунд она задумчиво смотрела на это имя, а потом стала переставлять фишки. Очень быстро у нее получилось: «Роман Кастивет».

А потом снова — Стивен Маркато. И опять — Роман Кастивет.

Малыш недовольно зашевелился.

Розмари прочла до конца главу «Адриан Маркато», затем ту, которая называлась «Искусство колдовства». Потом пошла на кухню, поела салата из тунца, зелени и помидоров, ни на секунду не переставая думать о прочитанном.

Вернувшись в комнату, она уже начала главу «Колдовство и сатанизм», как вдруг входная дверь резко открылась, натянув цепочку. Зазвенел звонок. Вернулся Ги.

— Что это ты на цепочке? — спросил он, когда Розмари открыла.

Она ничего не ответила, но дверь снова закрыла на все замки.

¹ Эльф подстрелил хромого ведьму (англ.).

² Скажи мне, который толстяк (англ.).

— Так в чем все-таки дело? — нахмурился Ги. Он принес букетик маргариток и подарочную коробку из универмага Бронзони.

— Сейчас все расскажу, — пообещала Розмари. Ги поцеловал ее и отдал цветы.

— С тобой все в порядке?

— Да. — Она прошла на кухню.

— Как похороны?

— Все хорошо. Служба оказалась очень короткой.

— Я купил рубашку, которую рекламировали в «Нью-Йоркере», — крикнул Ги из спальни. — Слушай, а «Ясным днем» и «Небоскреб» снимают с постановки.

Розмари поставила цветы в голубую вазу и принесла их в гостиную. Вошел Ги и продемонстрировал новую рубашку. Ей очень понравилось.

— А ты знаешь, кто такой Роман? — тихо спросила она.

Ги непонимающе посмотрел на нее, моргнул и нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, дорогая? Он просто Роман, и все...

— Он сын Адриана Маркато. Того человека, который вызвал Сатану, и за это на него напала толпа. Роман — его сын Стивен. «Роман Кастивет» — просто анаграмма. Если переставить буквы, то получится «Стивен Маркато».

— Кто это тебе сказал?

— Хатч. — Она рассказала Ги про книгу и про то, что велел передать ей Хатч. Потом показала ему саму эту книжку, и Ги, отложив в сторону рубашку, взял потрепанный черный том, придирчиво осмотрел обложку и быстро пролистал пожелтевшие страницы.

— Вот здесь ему тринадцать лет. — Розмари показала Ги фотографию. — Ты узнаешь его глаза?

— Наверное, это просто совпадение.

— Тогда еще одно совпадение — это то, что он живет именно здесь. В том же доме, где воспитывался сын Маркато... — Розмари покачала головой. — И возраст тоже совпадает: Стивен Маркато родился в августе 1886 года, сейчас ему семьдесят девять лет. И Роману столько же. Нет, это уже не совпадение.

— Наверное, нет, — нехотя согласился Ги и перевернул еще несколько страниц. — Ну хорошо, возможно, он Стивен Маркато. Бедный старикашка!.. Ничего удивительного, что он изменил имя, имея такого сумасшедшего папочку.

Розмари вопросительно посмотрела на Ги.

— А ты не считаешь, что он... такой же, как и его отец?

— Какой? — Ги улыбнулся. — Колдун? Почитатель дьявола?

Она кивнула.

— Ро, ты что, шутишь? Неужели ты правда... — Он засмеялся и вернул ей книгу. — Ах, Ро, милая!

— Это же целая религия, — объяснила она. — Религия, которую... просто оттеснили.

— Ну хорошо, но не в наши же дни!

— А его отец был своего рода великомучеником этой религии, — продолжала Розмари. — Ты знаешь, где умер Адриан Маркато? В конюшне. На Корфу. Потому что его не пустили в гостиницу. Это правда. «В человеческом жилище вам места нет» — вот что ответил ему хозяин. Поэтому он так и умер в конюшне. А сын был тогда вместе с ним. Ты думаешь, Роман оставит эту религию после такого?

— Дорогая, но сейчас же 1966 год!

— Эта книга написана в 1933 году — тогда в Европе очень активно проводились их собрания, или как они там еще называются — конгрегации. И не только в Европе, но и в Северной и Южной Америке, в Австралии. Ты думаешь, все они умерли за прошедшие тридцать три года? Наверняка у них и здесь свое общество — у Минни и Романа вместе с Лаурой Луизой, Фаунтэнами, Гилморами и Визами; все эти их вечеринки с флейтой и молитвенным пением — это их шабаш или как там еще!

— Дорогая, — попытался успокоить ее Ги. — Не волнуйся так...

— Почитай, что они делают, — чуть не плача сказала Розмари, протягивая ему книгу и тыча пальцем в страницу. — Они используют в своих ритуалах кровь, потому что кровь обладает силой. А самая могущественная — это кровь младенца, которого еще не успели окрестить, и они используют не только его кровь, но и тело тоже!

— Ну ради Бога, Розмари!

— А почему, ты думаешь, они к нам так по-дружески относятся?

— Потому что они добрые люди. Ты что, считаешь, что они маньяки?

— Да! Да, маньяки, которые убеждены, что обладают магической силой, которые уверены в том, что они настоящие колдуны, которые практикуют всяческие колдовские

номера и ритуалы, потому что они — больные и сумасшедшие люди!

— Милая...

— Те черные свечи, которые принесла нам Минни, — они были с черной мессы! Вот как Хатч раскусил их! А в гостиной у них ничего нет — это для того, чтобы было где проводить их бесовские сборища!

— Милая, — начал Ги. — Они старые, и у них своя компания стариков, а доктор Шанд просто заводит магнитофон. Черные свечи можно купить в любом магазине, и красные тоже, и синие, и зеленые. А в гостиной у них пусто, потому что какой из Минни декоратор! Допустим, отец у Романа действительно был чокнутый, хорошо; но это еще не основание считать, что и сам Роман тоже ненормальный.

— Они к нам больше и ногой не ступят, — безапелляционно заявила Розмари. — Ни один из них: ни Лаура Луиза, ни прочие их друзья. И они не подойдут к моему ребенку ближе, чем на пятьдесят футов.

— Но ведь то, что Роман поменял имя, только лишний раз доказывает, что он совсем не такой, как его отец. Если бы он гордился своим отцом, то оставил бы его фамилию.

— Он и оставил ее. Просто поменял буквы местами, но не менял фамилию. Зато теперь его пустят в любую гостиницу. — Она прошла мимо Ги к набору «скрэбл». — В общем, как хочешь, но я их здесь больше не приму. А как только ребенок слегка подрастет, мы отсюда уедем. Я не хочу даже жить рядом с ними. Хатч был прав — не надо нам было вообще сюда переезжать. — Она посмотрела в окно, нервно дрожа и крепко сжимая обеими руками книгу.

Ги осторожно взглянул на нее.

— А как же доктор Сапирштейн? Он тоже входит в их общество?

Розмари повернулась.

— В конце концов, — продолжал он, — среди врачей очень часто встречаются маньяки. Он, наверное, тоже не исключение и любит ездить на метле, когда нужно навесить на дому пациента.

Но Розмари не засмеялась и снова отвернулась к окну.

— Нет, я не думаю, что он с ними. Он... слишком интеллигентный для этого.

— И к тому же еврей.— Ги рассмеялся.— Ну хорошо, что ты хоть кого-то исключила из этой гнусной компании. А теперь давай поговорим об охоте на ведьм.

— Я не говорю, что они настоящие ведьмы,— возразила Розмари.— У них нет подлинной силы. Но они верят в то, что она есть, даже если другие будут над ними смеяться; это похоже на то, как мои родители считают, что Бог слышит их молитвы и что гостия — это тело Христово. А Минни и Роман верят в свою религию и практикуют свои дьявольские ритуалы; я это знаю и поэтому не могу рисковать безопасностью нашего ребенка.

— Никуда мы отсюда переезжать не будем,— перебил ее Ги.

— Будем,— ответила Розмари, решительно поворачиваясь к нему.

Он опять взял свою новую рубашку.

— Об этом мы поговорим с тобой позже,— отрезал Ги.

— Как ты не понимаешь, что этот Роман тебе просто наврал! Его отец никогда не был продюсером. Он вообще никакого отношения к театру не имел.

— Ну хорошо; значит, он любит приврать. А кто — нет? — проворчал Ги и пошел в спальню.

Розмари села рядом с коробкой «скрэббл». Она раскрыла книгу и начала читать последнюю главу «Колдовство и сатанизм».

Ги вошел к ней уже без рубашки.

— Мне кажется, тебе больше не следует сегодня читать.

— Мне осталась только одна последняя глава.

— Но только не сегодня, дорогая, ты переутомилась. Это не принесет пользы ни тебе, ни ребенку.— И он протянул руку к книге.

— Но я еще не устала.

— Ты вся дрожишь. Ты уже минут пять, как дрожишь. Отдай книгу мне. Дочитаешь ее завтра.

— Ги...

— Нет, давай ее сюда,— с неожиданной настойчивостью потребовал Ги.

Розмари беспомощно вздохнула и отдала мужу книгу. Он подошел к полкам, встал на цыпочки и засунул ее как можно дальше между другими томами.

— Дочитаешь завтра, а сегодня ты и так уже утомилась от похорон и всего прочего.

Доктор Сапирштейн был поражен.

— Фантастика,— сказал он.— Вот это да! Как, вы говорите, его звали — Макандо?

— Маркато,— поправила Розмари.

— Удивительно. Я бы никогда не подумал. По-моему, он мне когда-то говорил, что его отец занимался импортом кофе. Да-да, я припоминаю, как подробно он рассказывал мне о разных сортах кофе и способах перемолки...

— А Ги он сказал, что его отец был продюсером.

Доктор Сапирштейн с сожалением покачал головой.

— Нет ничего странного в том, что он стыдится правды; я его даже понимаю в чем-то. Но вы, должно быть, так расстроены этой новостью!.. Однако я твердо уверен, что Роман не разделяет веры своего отца. Но и вас мне легко понять: вам ведь, наверное, не очень приятно иметь такого соседа.

— Я не хочу больше общаться ни с ним, ни с его Минни! — бушевала Розмари.— Может быть, я к ним несправедлива, но я забочусь о безопасности своего ребенка.

— Конечно. Любая мать на вашем месте вела бы себя точно так же.

Вдруг Розмари вся подалась вперед.

— А вдруг Минни подсыпала мне в напиток или в пирожное что-нибудь вредное?

И тут доктор Сапирштейн рассмеялся.

— Извините, я, честное слово, не хотел смеяться над вашими опасениями, но я абсолютно уверен, что эта старушка заботится о здоровье вашего ребенка не меньше, чем о своем собственном... Нет, ничего вредного она вам не даст, иначе бы это уже сказалось на вас или на малыше.

— Я ей уже звонила и сказала, что неважно себя чувствую, и поэтому больше ничего от нее брать не буду...

— А вам больше и не надо. Я теперь выпишу таблетки, которые вполне заменят напиток в эти последние недели. И кстати, ваша проблема с Минни и Романом тоже в скором времени будет решена.

— Простите, я не совсем вас поняла...

— Они хотят уехать,— пояснил доктор Сапирштейн.— Причем довольно скоро. Роман сейчас в очень плохом состоянии. Между нами говоря, ему осталось жить всего каких-нибудь пару месяцев. И перед смертью он хотел навестить свои любимые места и города, но они боя-

лись, что вы обидитесь на них за отъезд накануне рождения вашего ребенка. Они мне рассказали об этом позавчера вечером и спросили, как вы, по моему мнению, к этому относитесь. Они не хотят расстраивать вас и объяснять причину отъезда.

— Мне очень жаль, что Роман так серьезно болен.

— Но вы все же рады, что они уезжают? Не нужно стесняться, это вполне естественная реакция. Давайте сделаем так, Розмари: я скажу им, будто раскрыл вам их намерения насчет отъезда и вы не обиделись, но до воскресенья — а они в воскресенье уедут — вы будете делать вид, что не знаете ничего о болезни Романа. Мне кажется, что он очень огорчится, если кто-то узнает о его неприятностях, а вам это будет нетрудно — ведь речь идет всего о каких-то трех-четырёх днях.

Розмари помолчала немного, но потом спросила:

— А вы уверены, что они уедут именно в воскресенье?

— Они сами так сказали, — пожал плечами доктор.

— Ладно, пусть все будет как раньше, но только до воскресенья, — согласилась она.

— Если хотите, я вам завтра же пришлю таблетки, а вы просто берите у Минни напиток и пирожное, выбрасывайте их и вместо этого принимайте таблетку.

— Прекрасно, так мне будет гораздо спокойнее.

— А сейчас самое главное, чтобы вы не волновались.

Розмари улыбнулась.

— Если будет мальчик, я назову его Авраам Сапирштейн Вудхаус.

— Ни за что!

Когда Ги услышал новости, он тоже обрадовался.

— Конечно, жаль, что Роман долго не протянет, но я все же рад за тебя — ты хоть перестанешь наконец так волноваться.

— Да, — согласилась Розмари. — Мне стало гораздо легче, как только я об этом услышала.

Вероятно, доктор Сапирштейн сразу же им все рассказал, потому что тем же вечером Минни и Роман зашли в гости и сообщили, что уезжают путешествовать по Европе.

— В воскресенье в десять утра,— уточнил Роман.— Самолетом прямо в Париж на неделю, потом в Цюрих, оттуда — в Венецию, а затем в самый прекрасный город на Земле — в Дубровник. Это в Югославии.

— Я вам так завидую! — признался Ги.

— Я думаю, для вас это не как гром среди ясного неба? — обратился Роман к Розмари, и в его глазах появилась заговорщический блеск.

— Доктор Сапирштейн говорил мне, что у вас есть такие планы.

— Нам бы так хотелось остаться здесь и дожидаться рождения ребенка...— начала было Минни.

— Зачем же? — перебила Розмари.— Погода сейчас такая прекрасная. В Европе наверняка — сущий рай.

— Мы вам пришем фотографию новорожденного,— пообещал Ги.

— Когда у Романа пробуждается страсть к путешествиям, его уже ничем не удержать,— извиняющимся тоном сказала Минни.

— Верно, верно,— согласился Роман.— После бурной жизни кочевника мне трудно оставаться в одном городе больше года, а уже прошел год и два месяца, как мы вернулись из поездки по Японии и Филиппинам.

Потом Роман рассказал им о красотах Дубровника, Мадрида и острова Скай. А Розмари смотрела на него и думала, кто же он на самом деле — очаровательный старый болтун или безумный сын безумного отца.

На следующий день Минни спокойно оставила на столе напиток и пирожное и не стала настаивать на их немедленном приеме: ей надо было идти по магазинам покупать всякую всячину к отъезду. Розмари предложила сходить вместо нее в химчистку, а потом купить зубную пасту и таблетки от тошноты в самолете. Когда Минни ушла, она вылила напиток в унитаз и выкинула пирожное, а вместо этого проглотила капсулу, которую прислал утром доктор Сапирштейн. Ей было смешно.

В субботу утром Минни спросила:

— Ты ведь знаешь, кто у Романа отец, да?

Розмари удивилась, но кивнула.

Минни горестно покачала головой.

— Я это поняла, когда ты стала относиться к нам не так ласково. Нет, не надо извиняться, милочка! Не ты первая, не ты последняя. Я бы с радостью сама убила этого психа, если бы он не был уже мертв! Он испортил Роману всю жизнь! Вот почему нам приходится так много

путешествовать. Роман уезжает из каждого города прежде, чем люди успевают узнать о нем всю эту правду. Только не говори ему, что тебе все известно. Он так любит вас с Ги, что не вынесет этого. А я очень хочу, чтобы эта поездка была для него счастливой; у него ведь осталось их не так уж и много... Я имею в виду — путешествий. Может быть, перед нашим отъездом ты возьмешь у меня кое-какие продукты из морозилки? Пришли к нам Ги, и я его нагружу.

Лаура Луиза в своей небольшой темной квартирке на двенадцатом этаже, где тоже пахло таннисом, устроила вечеринку в честь отбытия Кастиветов. Приехали Визы и Гилморы, миссис Сабатини со своим котом Флэшем и доктор Шанд. («Почему Ги считает, что это именно доктор Шанд заводит магнитофон? — удивлялась Розмари.— И откуда он знает, что это магнитофон, а не флейта или кларнет? Надо будет у него спросить».) Роман рассказал о маршруте, и миссис Сабатини была очень удивлена, узнав, что они не остановятся ни в Риме, ни во Флоренции. Лаура Луиза угощала самодельными пирожными и слабоалкогольным пуншем. Поговорили о гражданских правах. Розмари слушала этих людей, которые так напоминали с виду ее тетюшек и дядюшек из Омахи, и никак не могла поверить, что на самом деле все они входят в собрании колдунов и ведьм. Вот маленький мистер Виз: он слушает, что говорит ему Ги о Мартине Лютере Кинге. Неужели такой тщедушный человечек может считать себя заклинателем и чародеем даже глубоко в мечтах? А эти безвкусно одетые пожилые женщины — Лаура Луиза, Минни и Хелен Виз — неужели они прыгают обнаженными во время своих дьявольских оргий? (Впрочем, она, кажется, где-то уже видела их всех вместе и именно обнаженных... Но нет; это был просто сон, причем очень-очень давно.)

Позвонили Фаунтэны и пожелали Роману и Минни всего хорошего. Потом звонил доктор Сапирштейн и еще несколько человек — Розмари их не знала. Лаура Луиза внесла подарок, деньги на который собрали все сообща — маленький транзистор в кожаном футляре. Роман произнес долгую ответную речь, голос его дрожал от волнения. «Он знает, что скоро умрет», — подумала Розмари. Ей вдруг стало искренне жаль его.

Ги настоял на том, чтобы утром помочь им с отъездом, хотя Роман бурно протестовал. Вернувшись домой, Ги поставил будильник на полдевятого, и как только он прозвенел, быстро надел холщовые брюки и майку и отправился к Кастиветам. Розмари пошла вместе с ним в своем широком полосатом халате. Вещей было мало: два чемодана и шляпная коробка. Минни надела на шею фотоаппарат, а Роман — новый приемник.

— Если человек берет с собой больше одного чемодана,— весело сказал он, запирая дверь на оба замка,— то он обыкновенный турист, а никакой не путешественник.

Стоя у подъезда в ожидании такси, Роман еще раз проверил билеты, паспорта и деньги. Минни обняла Розмари за плечи.

— Где бы мы ни находились, мы мысленно каждую минуту будет с вами. А ты, милочка, не волнуйся — скоро ты снова станешь счастливой и стройной, все тревоги пройдут, а рядом с тобой будет лежать твой маленький сынок или дочка.

— Спасибо.— Розмари поцеловала ее в щеку.— Спасибо вам за все.

— И пусть Ги присылает нам побольше ваших фотографий, ладно? — И Минни поцеловала ее в ответ.

— Обязательно.

Потом Минни повернулась к Ги, а Роман взял Розмари за руку.

— Я не буду желать вам всего хорошего, потому что уверен — вы в этом не нуждаетесь. У вас и так все будет очень, очень хорошо.

Розмари поцеловала и его.

— Счастливого путешествия. И возвращайтесь назад целыми и невредимыми.

— Возможно,— с внезапной грустью ответил Роман,— я останусь в Дубровнике, Пескаре или на Мальорке. Посмотрим, посмотрим...

— Возвращайтесь,— повторила Розмари и поймала себя на том, что ей действительно хочется, чтобы они вернулись. Она снова поцеловала его.

Подъехало такси. Ги и привратник поставили чемоданы возле багажника. Минни сгорбилась и пролезла в машину. На ее белом платье проступили пятна от пота под мышками. Роман, кряхтя, устроился рядом.

— В аэропорт Кеннеди,— сказал он шоферу.

Кастиветы отчаянно заулыбались и стали махать на прощание руками. Такси отъехало. Но Розмари не почувствовала особого облегчения от того, что скоро они будут уже далеко.

* * *

Несколькими часами позже она решила отыскать книгу Хатча и перечитать кое-что. Может быть, сейчас ей все это покажется глупым и смешным? Но книги нигде не было. Ни на полках, ни в шкафу. Тогда она спросила Ги, и он ответил, что выбросил ее с мусором еще в четверг.

— Извини, дорогая, но я не хотел, чтобы ты читала всякую ерунду, которая к тому же так расстраивает тебя. Розмари была обижена и раздражена.

— Ги, но ведь Хатч дал мне книгу, это же он мне ее оставил!

— Прости, но об этом я тогда не подумал. Я только помнил, что эта книга тебя очень расстроила. Извини.

— Это просто свинство с твоей стороны!

— Ну прости, я действительно не подумал о Хатче.

— Даже если бы это не он дал ее мне, все равно — как же можно выбрасывать чужие книги? Если я теперь вообще захочу читать, то только эту книгу, так и знай.

— Извини, — повторил Ги.

Мысли о книге не давали ей покоя весь день. Розмари хотела сказать мужу еще кое-что, но забыла, что именно, и это еще сильнее разозлило ее.

Наконец вечером, когда они возвращались из Ла Скала — ресторанчика, расположенного недалеко от дома, — она вспомнила:

— А откуда ты знаешь, что это доктор Шанд заводит магнитофон?

Ги не понял ее.

— Ну, совсем недавно, когда я читала ту книгу и мы поспорили, ты сказал, что доктор Шанд заводит магнитофон. Откуда ты это знаешь?

— А-а... — догадался наконец Ги. — Он мне сам говорил. Уже давно. Я сказал, что до нас доносятся через стенку звуки флейты, и он объяснил мне, что это он заводит пленку. А как бы я еще узнал?

— Понятия не имею, — ответила Розмари. — Мне просто интересно, вот и все.

В этот вечер она никак не могла заснуть: лежала на спине и хмурилась, глядя в потолок. Ребенок вел себя

тило — видимо, уже спал. А она никак не могла — чувствовала себя обеспокоенной и сама не знала, почему.

Ну, конечно же, прежде всего ее мысли о ребенке и о том, все ли с ним будет хорошо. Вот уже несколько дней она не делала никаких упражнений и теперь торжественно пообещала себе, что больше это не повторится.

Часы у соседей пробили полночь и наступил понедельник, тринадцатое. Осталось пятнадцать дней. Две недели. Может быть, все женщины становятся такими нервными и подозрительными в последние дни перед родами? И им тоже трудно заснуть, потому что они устали от вечного спанья на спине... Первое, что она сделает после того, как все будет позади, — так это хорошенько выспится! Будет спать по двадцать четыре часа в сутки на животе, зарывшись лицом в подушку.

Внезапно Розмари услышала шум в квартире Минни и Романа. Но на самом деле звук доносился, вероятно, с верхнего или нижнего этажа. Шум был приглушенный, сливающийся с гулом работающего кондиционера.

Сейчас Кастиветы, наверное, уже в Париже. Счастливые!.. Возможно, когда-нибудь и она поедет туда вместе с Ги и их тремя ребятишками.

Ребенок проснулся и зашевелился.

Глава девятая

Розмари купила ватные тампоны, тальк и детский лосьон, позвонила насчет пеленок и разложила в ящики детское белье. Потом сделала заказ на объявление в газете — Ги оставалось только сообщить имя ребенка и дату рождения, надписала целую кучу маленьких конвертиков родным и знакомым и наклеила марки. Затем прочитала книгу о воспитании детей, где рекомендовалось многое им позволять, и обсудила ее в кафе с Элизой и Джоан. Угощение шло за их счет.

У нее уже начались одиночные схватки — по разу в день два дня подряд, потом один день прошел без них, зато на следующий было сразу две.

Пришла открытка из Парижа с видом Триумфальной арки и короткой запиской на обороте: «Думаем о вас. Погода отличная, еда нравится. Долетели великолепно. Привет, Минни».

Ребенок опустился ниже, готовый вот-вот появиться на свет.

Днем в пятницу, двадцать четвертого июня, когда Розмари пошла докупить конвертов, она неожиданно встретила на улице Доминика Подзо, который раньше был у Ги преподавателем по вокалу. Она сразу узнала этого невысокого, немного сутулого смуглого мужчину, с резким и неприятным голосом. Он схватил Розмари за руку и горячо поздравил ее с близким рождением первенца, а потом и с карьерой Ги, в блестящий взлет которой он так долго не хотел верить. Розмари рассказала ему о пьесе, где Ги пришлось много петь и еще о том, что фирма «Уорнер» сделала ему интересное предложение.

Доминик очень обрадовался и добавил, что теперь их уроки по вокалу ему наверняка очень пригодятся. Он попросил, чтобы Розмари заставила Ги позвонить ему, еще раз поздравил ее и направился к входу в метро. Но в последний момент Розмари поймала его за руку.

— Я так и не поблагодарила вас за билеты на «Фантастикс». Мне очень понравилось. Я уверена, что это представление долго еще не сойдет со сцены, как та нашумевшая пьеса по Агате Кристи в Лондоне.

— «Фантастикс»? — удивился Доминик.

— Вы же достали для Ги два билета. Еще осенью. Помните? Но я ходила с подружкой, потому что Ги этот спектакль уже видел.

— Но я не давал Ги никаких билетов.

— Давали. Прошлой осенью. Вы, наверное, забыли.

— Нет, дорогая моя. Я никому не давал билеты на «Фантастикс», у меня их просто не было. Вы ошибаетесь.

— А я была уверена, что он взял их именно у вас; да он и сам так говорил...

— Тогда, значит, ошибается он. Вы передадите ему, чтобы он мне позвонил?

— Да, конечно.

«Странно», — размышляла Розмари, стоя у перехода на Пятой авеню. Ги говорил ей, что билеты достал Доминик, это она помнила хорошо. Она еще подумала тогда, не послать ли Доминику открытку, чтобы поблагодарить его, но потом решила, что это лишнее. Нет, она не могла ошибиться.

Загорелся зеленый свет, и она перешла на другую сторону.

Но и Ги не мог ошибиться. Не так уж часто ему бесплатно достают билеты. Он должен был запомнить, кто их ему дал. Может быть, он сознательно обманул ее? Мо-

жет, никто не давал ему этих билетов, а он просто нашел их где-нибудь и взял себе? Нет, тогда в театре могла бы разыгаться неприятная сцена, он не мог подвергать ее такому риску.

Розмари медленно пошла на запад по Пятьдесят седьмой улице, бережно неся перед собой ребенка. Спина ныла от его тяжести. День выдался жаркий, влажность достигла уже девяноста двух процентов и продолжала расти. Она шла очень медленно.

Может быть, по какой-то причине Ги просто хотел, чтобы она ушла из дома в тот вечер, и сам купил для нее эти билеты? Но зачем? Чтобы побыть вечером одному и поучить роль? Но для этого не надо было прибегать к обману; раньше, на старой квартире, он просто просил ее погулять пару часиков, что она с удовольствием и делала. Хотя очень часто ему наоборот хотелось, чтобы она присутствовала при его занятиях, слушала и, в случае чего, подсказывала.

Неужели девушка? Одна из его прежних пассий, для которой два часа было маловато, и чей аромат он пытался смыть тогда под душем? Нет, в тот вечер пахло не духами, а таннисовым корнем, ей даже пришлось завернуть талисман в фольгу. А Ги тогда был очень энергичным и любвеобильным, так что вряд ли в тот вечер у него уже кто-то успел побывать. Ей запомнилось, что тогда он был особенно настойчивым, а потом она слышала через стену звуки флейты и молитвенное пение в квартире у Минни и Романа.

Нет, это не флейта, а магнитофон доктора Шанда.

Вот откуда Ги знает про это! Тогда вечером он был у них. На шабаше.

Розмари остановилась и начала разглядывать витрину. Ей не хотелось больше думать о ведьмах, тайных собраниях, детской крови и о том, что Ги тоже входит в это общество. Зачем ей встретился этот дурацкий Доминик? Вообще не надо было сегодня никуда выходить. На улице так противно и жарко!

В витрине она заметила красивое малиновое платье. Надо будет потом прицениться к нему — после того, как все свершится. А еще она купит себе лимонные брюки в обтяжку и малиновую кофту.

Но надо идти дальше. Идти и думать.

В книге (которую Ги выбросил) описывались церемонии посвящения с обетами, помазанием и нанесением «дьявольской метки». Неужели возможно (душем он пы-

тался смыть запах таннисового корня, при помощи ксогого происходит помазание), что Ги тоже стал членом их собрания? И теперь он (нет, это невозможно!) тоже имеет где-нибудь на теле тайный знак, свидетельствующий о его членстве?

Он наклеивает на плечо косметический пластырь под цвет кожи. Она заметила это еще давно («Проклятый прыщик», — объяснил он тогда), но за несколько месяцев до этого она тоже видела пластырь на том же самом месте. Носит ли он его до сих пор?

Этого Розмари не знала. Ги перестал спать голым. Раньше это было обычным делом, особенно в жару. А теперь нет, и уже давно. Теперь каждый вечер он надевает пижаму. Когда же она последний раз видела его голым?..

Когда она переходила Шестую авеню, совсем рядом с ней громко засигналила машина.

— Ради Бога, осторожней! — сказал сзади какой-то прохожий.

Но почему, почему? Ведь это же Ги, а не какой-нибудь полоумный старикашка, который не может найти другого способа самовыражения! У него прекрасная карьера, которая день ото дня становится все ослепительней! Что у него может быть общего с колдовскими кинжалами, волшебными палочками, кадилами и... прочей ерундой; с этими Визами, Гилморами, Минни и Романом? Что они могут дать ему такого, что он никак иначе не получит?..

Но она уже знала ответ. Она знала его даже раньше, чем задала себе этот вопрос. Формулируя сам вопрос, Розмари только малодушно пыталась отодвинуть момент осознания жуткой истины.

Слепота Дональда Бомгарта — вот что они ему дали! Если только поверить в это...

Но она не верила. Не верила.

Однако Дональд Бомгарт ослеп. Это факт. И ослеп он через два дня после той самой субботы, начиная с которой Ги сидел дома и каждый раз бросался к телефону, как только раздавался звонок. Как будто ждал новостей.

Слепота Дональда Бомгарта...

И отсюда началось все: новая роль, премьера, еще одна пьеса, предложение кинокомпании... Может быть, даже роль в «Гринвич-Вилледж» должна была принадлежать Дональду Бомгарту, если бы он неожиданно не ослеп, после того как Ги вступил (возможно) в собрание (возможно) сатанистов (возможно).

У них есть заклинания, при помощи которых можно забрать у человека зрение или слух, писалось в книге. Все в колдунах. Но только Ги не колдун! Объединенная сила мысли всего собрания — сконцентрированная энергия зла — могла ослепить, оглушить, парализовать. И в конце концов убить избранную жертву.

Парализовать и затем убить...

— Хатч? — громко спросила она вслух, резко остановившись у Карнеги-холла.

Маленькая девочка испуганно посмотрела на нее и покрепче вцепилась в руку своей матери.

Он как раз читал эту самую книгу той страшной ночью, когда позвонил ей и назначил встречу на другое утро. Он просил о свидании, чтобы рассказать, что Роман — это Стивен Маркато. А Ги узнал об этом и сразу же вышел. Куда? Кажется, за мороженым. И еще она услышала, как он звонит в дверь Минни и Романа. Может быть, они созвали срочное собрание? Объединенная сила мысли... Но откуда они узнали, о чем собирався говорить Хатч? Ведь в то время она и сама еще ничего такого не подозревала.

Ладно, давайте предположим, что таннисовый корень — это совсем не таннисовый корень. Во всяком случае, Хатч раньше о таком не слышал. Допустим, это именно то, что он подчеркнул в книге. Дьявольский грибок или как он там еще называется. Он ведь сказал Роману, что посмотрит в энциклопедии, а этого было вполне достаточно, чтобы насторожить Кастиветов. Поэтому Роман выкрал одну из перчаток Хатча, так как заклинания надо проводить, только имея при себе какую-нибудь личную вещь намеченной жертвы. А когда Ги рассказал им про назначенное на утро свидание, они больше не смогли ждать и сразу же начали свой обряд.

Но Роман не мог взять перчатку — она сама открывала ему дверь, а потом сама же и проводила его до выхода.

Значит, перчатку взял Ги. Он тогда прямо-таки вбежал в квартиру, не сняв даже грима (раньше такого никогда не бывало!), и сразу же пошел к шкафу. Наверное, Роман позвонил ему на работу и сказал: «Этот человек по имени Хатч заинтересовался таннисовым корнем. Немедленно иди домой и всеми способами постарайся завладеть какой-нибудь его личной вещью!» И Ги повиновался, чтобы не прошла слепота Дональда Бомгарта.

Ожидая зеленого света на перекрестке у Пятьдесят восьмой улицы, Розмари засунула конверты в сумочку,

которую держала под мышкой, расстегнула цепочку и выбросила ее вместе с амулетом в решетку канализации.

Хватит носить этот таннис! Или дьявольский грибок...

Она была настолько напугана, что чуть не расплакалась.

Розмари поняла, что собирался дать им Ги взамен своей головокружительной карьеры.

Ребенка. Для их кровавых обрядов.

Ведь он никогда раньше не хотел иметь ребенка. Пока не ослеп Дональд Бомгарт. И он не выражал восторга, когда ребенок зашевелился, он вообще не любил говорить о нем — был как бы в стороне, будто это вовсе и не его дитя.

Потому что ему заранее было известно, что они сделают с ним, как только заполучат в свои руки.

Вернувшись в приятную прохладу своей квартиры, Розмари попыталась убедить себя, что просто сошла с ума. Идиотка! Через четыре дня у тебя родится ребенок. А может быть, и раньше. И поэтому ты сама создала всю эту бредовую картину преследований из цепочки совершенно невинных совпадений. Никаких колдунов нет. И заклинаний тоже. Хатч умер от обычной болезни, даже если врачи так и не смогли установить причину. То же самое и со слепотой Дональда Бомгарта. И каким образом, скажите на милость, Ги мог взять вещи Дональда Бомгарта для всяких там заклинаний? Вот видишь, глупая! Если разлезить все по полочкам, то оказывается, что все это ерунда!

Но зачем он наврал насчет билетов?

Розмари разделась и приняла прохладный душ. Она долго стояла, неуклюже поворачиваясь под упругими струями, а потом направила воду себе в лицо, пытаясь сосредоточиться и мыслить разумно.

Вранью Ги должно быть другое объяснение. Может быть, ему раздобыла билеты какая-то бывшая подружка, и они провели вместе весь день, а потом он наврал насчет Доминика?

Конечно же. Именно так!

Ну вот, видишь, идиотка?

Но почему он вот уже несколько месяцев не раздевается перед ней догола?..

Розмари радовалась, что наконец-то выкинула этот проклятый амулет. Давно пора было это сделать. Зачем она вообще взяла его у Минни? Как приятно отделаться от этого мерзкого запаха! Она вытерлась насухо большим

махровым полотенцем и вылила на себя огромное количество одеколона.

Все очень просто: Ги не раздевается, потому что у него на коже какое-то раздражение или что-то вроде мелких прыщиков, и он стесняется этого. Актеры ведь такие тщеславные!

А зачем он выбросил книгу? И так много времени проводил с Минни и Романом? И с таким нетерпением ждал новостей о слепоте Дональда Бомгарта? И прибежал домой в гриме как раз перед тем, как Хатч потерял перчатку?

Она причесалась, завязала узлом волосы, надела трусы и лифчик. Потом пошла на кухню и выпила два стакана холодного молока.

Ответа не было.

В детской Розмари отодвинула ванночку и приклеила к обоям кусок клеенки, чтобы ребенок не испортил стену, когда будет брызгаться.

Ответа по-прежнему не было.

Розмари не знала, сходит ли она с ума, или, наоборот, ясность разума возвращается к ней. Имеют ли колдуны реальную власть и силу или только мечтают о таковой? И кто теперь Ги — верный любящий муж или гнусный предатель и враг для нее и ребенка.

Было уже почти четыре. Через час он вернется с работы.

Розмари позвонила в профсоюз актеров и узнала телефон Дональда Бомгарта.

Набрав его номер, она с первым же гудком услышала торопливое: «Да?»

— Это Дональд Бомгарт?

— Совершенно верно.

— Говорит Розмари Вудхаус. Жена Ги Вудхауса.

— Правда?

— Я хотела...

— Боже мой! Вы, наверное, сейчас самая счастливая женщина на свете. Я слышал, вы роскошно живете в Брэме, пьете самые изысканные вина из золотых кубков, и вам прислуживают два десятка лакеев в парадных ливреях...

— Я только хотела узнать, как вы себя чувствуете. Может быть, есть улучшение?

Он рассмеялся.

— Господи, благослови вас, жену Ги Вудхауса! Я себя

чувствую прекрасно. Просто великолепно! Улучшения значительные! Сегодня я разбил только шесть стаканов, упал всего с трех ступенек и чуть не попал под колеса машин только два раза. Каждый день мне все лучше и лучше, все лучше и лучше!..

— Нам очень неловко из-за того, что карьера Ги так изменилась именно после вашего несчастья.

Дональд Бомгарт помолчал немного, а потом уже спокойным голосом сказал:

— Что за ерунда! Так обычно и происходит. Кто-то наверху, а кто-то внизу. Он в любом случае имел бы успех. Честно говоря, после второго прослушивания я подумал, что не я, а он получит эту роль.

— А он был уверен, что именно вы. И не ошибся.

— Но не надолго.

— Мне жаль, что я тогда не смогла к вам прийти. Ги просил меня, но я не смогла.

— Навестить меня? Это когда мы встречались, чтобы выпить?

— Да, именно тогда.

— Ну и хорошо, что вы не пришли. Туда женщин все равно не пускают. Хотя нет, после четырех пускают, а это было как раз после четырех. Ги очень тактично себя вел, у меня бы так не получилось.

— Это когда проигравший покупает выпивку победителю?

— Да. Тогда мы и не знали, что через неделю... Даже меньше, чем через неделю...

— Да, это было как раз за несколько дней до того...

— Как я ослеп. В среду или в четверг. Я пришел после дневного спектакля... В среду, по-моему. А в воскресенье все это и случилось. Послушайте,— тут он расхохотался,— а Ги мне ничего в вино не подмешивал?

— Нет, ничего он не подмешивал.— Голос у Розмари задрожал.— Кстати, у нас есть одна ваша вещь, вы знаете?

— Что-то я не совсем понимаю, о чем речь...

— Так вы не знаете?

— Нет.

— У вас ничего в тот день не пропало?

— Нет, ничего такого я не припомню.

— Вы уверены?

— Так вы имеете в виду мой галстук?

— Ну да.

— О, господи! Так мы же поменялись галстуками.

Он что, хочет свой назад? Я могу вернуть; мне сейчас все равно, что надевать, и надевать ли вообще.

— Нет, он не хочет его назад. Просто я решила, что он одолжил у вас этот галстук на время.

— Нет, это был честный обмен. А вы, наверное, подумали, что он его украл? — засмеялся Бомгарт.

— Ну, мне пора идти, — сказала Розмари. — Я только хотела узнать, может быть, вам стало лучше.

— Нет, не стало. Спасибо, что позвонили.

Она повесила трубку.

Шел уже пятый час.

Розмари надела широкое платье с пояском под грудью и сандалии. Потом взяла все свои деньги — не очень толстую пачку, которую Ги держал в своем белье, — и положила их в сумочку вместе с записной книжкой и пузырьками с витаминными капсулами. Началась болезненная схватка, но сразу же кончилась. Уже вторая за этот день. Взяв с собой чемоданчик, стоявший у дверей спальни, Розмари вышла из квартиры.

По пути к лифту она остановилась, повернулась и пошла другой дорогой.

Вниз она поехала на служебном лифте без лифтера.

А на Пятьдесят пятой улице поймала такси.

Мисс Ларк, медсестра доктора Сапирштейна, посмотрела на чемодан и улыбнулась.

— Вы разве уже рожаете?

— Нет, — ответила Розмари. — Но мне надо срочно увидеть доктора. Это очень важно.

Мисс Ларк посмотрела на часы.

— В пять он уходит, а очереди на прием ждет еще миссис Байрон. — Незнакомая женщина, сидящая в коридоре, кивнула и улыбнулась Розмари. — Но я думаю, что вас он примет. Садитесь. Как только он освободится, я скажу, что вы пришли.

— Спасибо.

Розмари поставила чемодан возле стула и села. Сумочка стала влажной у нее в руках. Она вынула салфетку и вытерла вспотевшие ладони, а потом верхнюю губу и виски. Сердце бешено колотилось.

— Как там на улице? — спросила мисс Ларк.

— Ужасно. Влажность — уже девяносто шесть процентов.

Мисс Ларк вздохнула.

Из кабинета вышла женщина. Она была на пятом или шестом месяце. Розмари уже видела ее здесь. Они кивнули друг другу, потом мисс Ларк зашла в кабинет.

— Вы скоро будете рожать? — спросила вышедшая от доктора женщина, остановившись у стола.

— Во вторник, — ответила Розмари.

— Желаю удачи Вам повезло, впереди почти целое лето.

Мисс Ларк вышла из кабинета.

— Миссис Байрон, — пригласила она и обратилась к Розмари: — Потом он примет вас.

— Спасибо.

Миссис Байрон зашла в кабинет доктора Сапирштейна и закрыла за собой дверь. Женщина, стоявшая у стола, уточнила у мисс Ларк день своего следующего посещения и ушла, попрощавшись с Розмари и еще раз пожелав ей всего хорошего.

Мисс Ларк что-то писала. Розмари взяла с небольшого столика блестящий глянцем журнал. «Умер ли Бог?» — вопрошали красные буквы на черном фоне обложки. Она проглядела содержание и нашла раздел шоу-бизнеса. Там оказалась статья про Барбару Стрейзанд. Она попыталась сосредоточиться на чтении.

— Какой приятный запах, — заметила мисс Ларк, поворачиваясь к Розмари. — Что это?

— Называется «Детchema».

— Гораздо приятней, чем ваши обычные духи, вы меня извините.

— А это были не духи, — ответила Розмари. — Это амулет с травами. Но я его уже выкинула.

— Вот и хорошо, — обрадовалась мисс Ларк. — Может быть, и доктор последует вашему примеру.

Розмари удивилась.

— Доктор Сапирштейн?

— Да, он пользуется каким-то лосьоном после бритья, но запах ведь не от него, да? У него тоже есть талисман. Хотя он не суеверный. По-моему, нет. Но тем не менее иногда от него пахнет точно так же, как раньше от вас, что бы это ни было. Да и запах сильнее, чем ваш. Вы никогда не замечали?

— Нет.

— Может быть, вы приходили в другие дни. А может быть, не замечали, потому что у вас тоже был точно такой талисман. Это что-то из химии, да?

Розмари встала, положила журнал на место и схватила свой чемодан.

— Простите, меня внизу ждет мой муж, и мне нужно ему кое-что сказать. Я сейчас вернусь.

— Можете оставить свои вещи здесь,— предложила мисс Ларк.

Но Розмари взяла чемодан с собой.

Глава десятая

Она вышла на Восемьдесят первую улицу, отыскала телефонную будку и набрала номер доктора Хилла. В стеклянной будке было очень жарко.

Ответила регистратура. Розмари назвала себя и дала номер будки.

— Пусть он мне немедленно позвонит,— сказала она.— Это очень срочно, я звоню из автомата.

— Хорошо,— ответила женщина на том конце провода и повесила трубку.

Розмари нажала на рычаг, но трубку вешать не стала, а осторожно придерживала рычаг пальцем. Она держала трубку возле уха, как будто слушая кого-то, чтобы никто не мог попросить ее выйти из будки. Ребенок лягался и вертелся. Она сильно вспотела. «Пожалуйста, побыстрее, доктор Хилл! Позвоните. Спасите меня»,— мысленно повторяла она.

Все они, все они вместе — Ги, доктор Сапирштейн, Минни и Роман. И все они колдуны. Они использовали ее, чтобы она родила им ребенка, которого потом они заберут у нее и... Но не беспокойся, Энди-или-Дженни! Я убью их всех прежде, чем они хоть пальцем до тебя дотронутся!

Раздался звонок. Она сняла палец с рычага.

— Да?

— Это миссис Вудхаус? — Снова звонили из регистратуры.

— Где доктор Хилл? — спросила она.

— Я правильно назвала вашу фамилию? Вас зовут Розмари Вудхаус?

— Да.

— И вы пациентка доктора Хилла?

Розмари объяснила, что была у него на приеме один раз осенью.

— Я вас прошу. Он обязательно должен поговорить со мной. Это очень важно! Пожалуйста! Попросите его сейчас же позвонить мне.

— Хорошо,— пообещала женщина.

Снова придерживая рычаг, Розмари вытерла другой рукой лоб. «Ну, пожалуйста, доктор Хилл». Она приоткрыла дверь, чтобы стало немного прохладней, но тут же закрыла ее опять, потому что к будке подошла какая-то женщина и остановилась неподалеку.

— О, я и не знала об этом,— говорила Розмари мнимому собеседнику, по-прежнему придерживая пальцем рычаг.— А что он еще поведал? — Пот струйками катился по спине и под мышками. Ребенок повернулся еще раз.

Не надо было заходить в автомат рядом с кабинетом доктора Сапирштейна. Почему она не прошла до Мэдисон или Лексингтон?

— Прекрасно,— продолжала Розмари.— Он больше ничего не сказал? — Может быть, сейчас Сапирштейн уже вышел из кабинета и ищет ее, и тогда он непременно заглянет в ближайшую телефонную будку. Надо было сразу же садиться в такси и уезжать отсюда подальше. Она повернулась спиной к тому месту, откуда он вероятнее всего мог появиться. Женщина немного подождала и, слава Богу, ушла.

Ги, наверное, уже дома. Он увидит, что чемоданчика нет и позвонит доктору Сапирштейну, думая, что она у него или уже в больнице. И они вдвоем начнут ее разыскивать. И другие тоже. Визы...

— Да? — Она не дала звонку дозвонить до конца.

— Миссис Вудхаус?

Это был доктор Хилл. Ее спаситель и избавитель, милый, чудесный доктор Хилл.

— Спасибо,— пробормотала она.— Спасибо вам, что позвонили.

— А я считал, что вы уже в Калифорнии.

— Нет. Я просто пошла к другому врачу, которого мне посоветовали приятели, но он оказался плохим, доктор Хилл, он обманывал меня и давал мне очень странные капсулы и прописывал всякие напитки. Ребенок должен родиться во вторник. Помните, вы говорили мне — двадцать восьмого июня? И я хочу, чтобы именно вы принимали у меня роды. Я заплачу вам, сколько вы попросите, как будто у меня и не было никакого другого врача.

— Миссис Вудхаус...

— Можно мне поговорить с вами? — взмолилась она, чувствуя, что он хочет отказать.— Позвольте мне только прийти к вам и объяснить все, что со мной происходит. Я не могу здесь долго находиться. Тот доктор, мой муж

и их друзья — все они замешаны в... ну, в общем, в заговоре. Я знаю, что это звучит нелепо, будто бы я сошла с ума, и вы, доктор, наверное, думаете: «Бедная девушка, она совсем рехнулась». Но я не рехнулась, доктор, клянусь вам всеми святыми, что это не так. Ведь бывают же заговоры против людей, верно?

— Наверное, бывают, — согласился он.

— Ну так вот: сейчас существует заговор против меня и моего ребенка. И если вы разрешите мне прийти к вам, я вам об этом все расскажу. И я не прошу вас делать ничего необычного; просто поместите меня в больницу и примите роды.

— Хорошо. Приходите ко мне завтра на прием после...

— Нет, сейчас, — перебила она. — Прямо сейчас. Они, вероятно, уже разыскивают меня.

— Миссис Вудхаус, — объяснил он. — Я сейчас не в кабинете, я у себя дома. Я всю ночь не спал и...

— Я умоляю вас. Я вас просто умоляю!

Он молчал.

— Я приеду и все объясню. Я не могу здесь оставаться.

— Приезжайте к восьми часам. Вас так устроит?

— Да. Да, спасибо вам. Доктор Хилл?

— Да.

— Вам может позвонить мой муж и спросить про меня...

— Я ни с кем не собираюсь разговаривать, мне надо выспаться.

— Вы передадите в регистратуру, чтобы они не говорили, что я вам звонила?

— Хорошо, передам.

— Спасибо.

— В восемь часов.

— Да. Спасибо.

Мужчина, стоявший спиной к будке, повернулся, как только она вышла, но это был не доктор Сапирштейн, а кто-то другой.

Розмари пошла к Лексингтон авеню, потом вверх по Восемьдесят шестой улице, там зашла в кинотеатр и какое-то время как прикованная просидела в прохладной бархатной темноте перед большим ярким экраном. Немного погодя она нашла телефонную будку и заказала междугородный разговор с Брайаном. Но у него дома никого не было.

Она вернулась в зал и села на другое место. Ребенок утих и теперь спал. Один фильм кончился, начался следующий.

Без двадцати восемь она вышла из кинотеатра и, взяв такси, поехала к доктору Хиллу на Семьдесят вторую улицу. «Там безопаснее,— думала она.— Меня будут искать у Элизы и Джоан, но никак не у доктора Хилла, если только в регистратуре не проговорятся, что я звонила ему».

На всякий случай она попросила шофера не уезжать, пока он не убедится, что она благополучно вошла в дом.

Но никто не остановил ее. Дверь открыл сам доктор Хилл. Сейчас он был более приветлив, чем по телефону. За то время, что они не виделись, он успел отрастить усы — светлые и потому едва различимые, — но все равно продолжал оставаться похожим на доктора Кидлара. На нем была желто-голубая клетчатая спортивная рубашка.

Они прошли в смотровую, раза в четыре меньшую, чем у доктора Сапирштейна, и Розмари рассказала ему обо всем. Она сидела, держась за подлокотники высокого жесткого кресла, и говорила ясно и спокойно, понимая, что любое проявление истерии сейчас только убедит его в ее ненормальности. Она рассказала про Адриана Маркато, Минни и Романа, про длившиеся несколько месяцев боли, которые ей пришлось вынести, про напиток из трав и пирожное, про Хатча и книгу о колдовстве, про билеты на шоу «Фантастикс» и черные свечи, и еще про галстук и слепоту Дональда Бомгарта. Розмари старалась, чтобы все было связно и логично, но у нее не всегда это получалось. Однако ей удалось сохранить спокойствие, и она закончила рассказом о магнитофоне доктора Шанда и историей с выбрасыванием книги и неожиданным откровением мисс Ларк.

— Возможно, кома и слепота — это просто совпадения, — согласилась Розмари. — Но может быть также, что они и действительно обладают сверхъестественной силой, которая может наносить людям вред. Однако важно не это, а то, что они хотят отнять у меня ребенка. В этом я абсолютно уверена.

— Похоже на то, — невесело согласился доктор Хилл. — Особенно если принять во внимание, с какой заботой они с самого начала к вам относились.

Розмари закрыла глаза и чуть не заплакала. Он поверил! Он не считал ее сумасшедшей. Потом она спокойно посмотрела на него. Доктор что-то писал. Наверное, его лю-

били все пациенты. Ладони у нее все еще были влажные, и она промокнула руки о платье.

— А доктора зовут Шанд?

— Нет, доктор Шанд просто входит в их группу,— пояснила Розмари.— В собрание. Доктора зовут Сапирштейн.

— Авраам Сапирштейн?

— Да,— забеспокоилась Розмари.— Вы его знаете?

— Видел пару раз,— безразлично ответил Хилл, продолжая что-то писать.

— Глядя на него и разговаривая с ним, никогда и не подумаешь, что...— начала Розмари.

— Никогда в жизни,— подхватил доктор и отложил ручку.— По этой же причине никогда нельзя судить о книгах только по обложкам. Вы могли бы отправиться в больницу прямо сегодня?

Розмари улыбнулась.

— С удовольствием. А это можно?

— Мне только надо будет кое-кому позвонить.— Он встал и прошел в соседний кабинет.— А вы пока ложитесь и отдыхайте,— сказал доктор, открыв дверь в большую темную комнату и включив там голубоватую люминесцентную лампу.

— Посмотрим, что я смогу для вас сделать.

Розмари встала и прошла вслед за ним, держа сумочку в руках.

— Я думаю, мы с ними справимся,— сказал доктор Хилл. Он включил мощный шумный кондиционер за голубой шторой.

— Мне раздеться? — спросила Розмари.

— Нет, пока не надо. Мне придется звонить где-то с полчаса, не меньше. Просто ложитесь и отдыхайте.— Он вышел и закрыл за собой дверь.

Розмари прошла к кровати и села, сумочку положила рядом на стул.

Боже, благослови доктора Хилла!

Она сняла сандалии и легла на кровать. Из кондиционера струился прохладный воздух, ребенок медленно ворочался, будто ощущая его бодрящую свежесть.

Теперь все будет в порядке, Энди-или-Дженни. Мы с тобой будем лежать в чистой кровати в больнице, и никто нас там не найдет...

Деньги! Розмари села, взяла сумочку и проверила, на месте ли деньги, которые она взяла с собой. В пачке оказалось сто восемьдесят долларов. И еще шестнадцать

с мелочью у нее оставалось в кошельке. Конечно, для начала этого хватит, а потом она свяжется с Брайаном или ей одолжат Хьюг с Элизой, или Джоан. Или Грейс Кардифф. У нее много друзей, к которым можно обратиться.

Она вынула витаминные капсулы, положила деньги назад и закрыла сумочку, потом снова легла, положив пузырек с капсулами и сумочку на стул. Она даст капсулы доктору Хиллу, чтобы он сделал анализ и проверил, нет ли в них чего-нибудь вредного. Не должно быть. Им ведь нужно, чтобы ребенок для их безумных ритуалов был здоровый.

Розмари вздрогнула.

Чудовища!

И Ги с ними.

Непостижимо.

Мышцы живота у нее напряглись — началась схватка, на этот раз довольно сильная. Она быстро задышала и подождала, пока все не пройдет.

Это была уже третья схватка за день.

Надо будет сказать доктору Хиллу.

Розмари жила с Брайаном и Доди в большом современном доме в Лос-Анджелесе, и Энди уже начал говорить (хотя ему было еще всего четыре месяца), как неожиданно появился доктор Хилл, и она вновь очутилась на кровати в смотровой и слышала звук работающего рядом кондиционера. Розмари загородила рукой глаза от света и улыбнулась.

— Я заснула.

Доктор Хилл распахнул дверь настежь и отошел в сторону. В комнату ворвались Сапирштейн и Ги.

Розмари села и в ужасе опустила руки.

Они подошли к ней почти вплотную. Лицо у Ги было каменно-спокойным, и он все время смотрел на стены; только на стены, а не на нее. Заговорил доктор Сапирштейн:

— Пойдем с нами, Розмари. Только спокойно. Не надо спорить и устраивать сцен. Потому что если ты снова начнешь говорить о ведьмах и колдовстве, мы будем вынуждены отправить тебя в психиатрическую больницу. А там тебе будет не так удобно рожать, как в хорошей клинике. Ты ведь не хочешь этого? Тогда надевай туфли.

— Мы просто отвезем тебя домой.— Ги наконец-то посмотрел на нее.— Никто тебе ничего плохого не сделает.

— И ребенку тоже,— добавил доктор Сапирштейн.— Надевай туфли.— Он взял со стула пузырек с капсулами, посмотрел на него и сунул себе в карман.

Она медленно надела сандалии, и ей тут же всучили сумочку.

Потом все они вышли, при этом доктор Сапирштейн крепко держал ее под правую руку, а с другой стороны придерживал за локоть Ги.

Доктор Хилл нес чемодан. Потом он передал его Ги.

— Теперь с ней все будет в порядке,— заверил доктор Сапирштейн.— Мы поедем домой, пусть она отдыхает.

Доктор Хилл улыбнулся ей.

— Скоро у вас все пройдет, я ручаюсь.

Она посмотрела на него и ничего не сказала.

— Извините нас за беспокойство, коллега,— сказал Сапирштейн.

А Ги добавил:

— Нам так неудобно, что вам пришлось хлопотать...

— Я рад, что смог вам помочь, сэр,— ответил доктор Хилл Сапирштейну и открыл перед ними входную дверь.

Внизу ждала машина. За рулем сидел мистер Гилмор. Розмари усадили на заднее сиденье между Ги и доктором Сапирштейном.

Никто не разговаривал.

Они поехали назад в Брэмфорд.

Лифтер, как всегда, улыбнулся ей, пока они молча шли по широкому вестибюлю. Диего улыбался, потому что любил ее и всякий раз выделял среди других жильцов дома.

Эта улыбка вернула Розмари чувство собственного достоинства, и что-то пробудилось и ожило в ней.

Она незаметно раскрыла сумочку, отыскала ключи и продела указательный палец в кольцо. Возле самого лифта она как бы нечаянно перевернула сумку, и из нее посыпалась на пол всякая всячина, кроме ключей, которые Розмари уже держала в руке: губная помада, монетки... В разные стороны полетели бумажки в десять и двадцать долларов. Она тупо уставилась вниз.

Доктор Сапирштейн и Ги бросились подбирать ее вещи, а она молча стояла над ними — беременная и беззащитная. Диего вышел из лифта и сочувственно щелкнул языком. Розмари прошла мимо него в кабину и нажала кнопку последнего этажа. Дверь за ней быстро закрылась.

Диего рванулся к лифту и чуть не прищемил себе пальцы. Потом яростно застучал по двери.

— Эй, миссис Вудхаус!

«Извини, Диего», — подумала она и нажала кнопку хода. Лифт послушно поехал вверх.

Сейчас она позвонит Брайану. Или Джоан, или Элизе, или Грейс Кардифф. Кому-нибудь.

Мы еще не сдались, Энди!

Розмари остановила лифт на девятом этаже, потом на шестом, потом — чуть проехав седьмой, и только потом — на самом седьмом этаже.

Быстро прошла коридор. Началась новая схватка, но она не обратила на нее внимания.

Электронное табло над дверью показывало, что один из лифтов приближается к седьмому этажу. Это доктор Сапирштейн и Ги пытаются перехватить ее. Воспользовавшись служебным лифтом, они были уже на пятом этаже.

От волнения она никак не могла попасть ключом в замочную скважину.

Но вот наконец дверь открылась, Розмари юркнула в квартиру и тут же захлопнула дверь за собой и накинула цепочку. В тот же момент Ги сунул в замок свой собственный ключ. Дверь приоткрылась, но натянувшаяся цепочка удерживала ее.

— Открой, Ро, — тихо попросил Ги.

— Иди к черту!

— Я ничего плохого тебе не сделаю, милая.

— Ты пообещал им ребенка. Убирайся!

— Я ничего им не обещал. О чем ты говоришь? Кому обещал?

— Розмари... — начал доктор Сапирштейн.

— И вы тоже убирайтесь.

— По-моему, ты придумала, что против тебя есть какой-то заговор.

— Убирайтесь оба! — Она захлопнула дверь и повернула замок.

Его не стали пытаться открыть вновь.

Она отступила назад, не спуская с двери глаз, а затем направилась в спальню.

Было уже поддесятого.

Розмари не помнила телефона Брайана, а записная книжка осталась в вестибюле или уже лежала в кармане у Ги, поэтому нужно было просить телефонистку сперва связаться со справочной в Омахе. Когда телефон был выяснен, оказалось, что никого нет дома.

— Может быть, минут через двадцать еще раз попробовать? — спросила телефонистка.

— Да, пожалуйста. Попробуйте еще раз через пять минут.

— Через пять минут не могу, но через двадцать обязательно попробую, если вы хотите.

— Да, пожалуйста, — ответила Розмари и повесила трубку.

Она позвонила Джоан, но ее тоже не оказалось дома.

Телефон Элизы и Хьюга никак не вспоминался. В справочной выясняли его целых полчаса. Наконец она дозвонилась, и ночной портье ответил ей, что они уехали на уик-энд.

— А можно им как-нибудь позвонить? У меня очень срочное дело.

— Это секретарь мистера Дунстана?

— Нет, я их близкая подруга. Мне очень важно немедленно поговорить с ними.

— Они уехали на Фэйер-Айленд. Но я могу дать вам номер телефона.

— Пожалуйста.

Розмари запомнила его и хотела уже набрать, как вдруг услышала в коридоре шепот и приглушенные шаги по ковру. Она встала.

В комнату вошли Ги и мистер Фаунтэн.

— Милая, мы не сделаем тебе ничего плохого, — начал Ги. За его спиной стоял доктор Сапирштейн с готовым шприцем в руке, с иголки капала прозрачная жидкость, большой палец уже лежал на поршне. Здесь же были доктор Шанд, миссис Фаунтэн и миссис Гилмор.

— Мы твои друзья, — сказала миссис Гилмор, а миссис Фаунтэн добавила: — Не надо ничего бояться, честное слово.

— Это легкое успокоительное средство, — объяснил доктор Сапирштейн. — Чтобы ты не волновалась и уснула.

Она стояла в узком проходе между кроватью и стеной — такая большая, что никак уже не могла ускользнуть от них.

Ее обступили со всех сторон.

— Ты же знаешь, я никому не дам обидеть тебя, Ро,— улынулся Ги.

Но тут она взяла телефон и с силой ударила им мужа по голове.

Ги схватил ее за руку, а мистер Фаунтэн — за другую. Телефон упал, и ее повалили на кровать, придавив с неожиданной грубой силой.

— Помогите мне, кто-ни...— выкрикнула Розмари, но тут ей заткнули рот платком или какой-то мягкой тряпкой и крепкой рукой сжали подбородок.

Ее оттащили от кровати, чтобы было удобней для доктора Сапирштейна, который все это время стоял наготове со шприцем и ватным тампоном. Началась очередная схватка, гораздо сильнее предыдущих, и от боли и отчаяния она закрыла глаза, затаила дыхание, а потом начала отрывисто и часто втягивать воздух через ноздри. Чья-то рука коснулась ее живота, и доктор Сапирштейн сказал:

— Погодите-ка, погодите-ка! У нас уже начались роды!

Наступила тишина, и кто-то вдали зловещим шепотом произнес:

— Она рожает!

Открыв глаза, Розмари уставилась на доктора Сапирштейна, тяжело дыша через нос. Живот немного расслабился. Доктор пристально посмотрел на нее и вдруг схватил за руку, которую уже держал мистер Фаунтэн, и сделал укол.

Она боялась пошевелиться.

Сапирштейн вынул иглу и протер место укола ватой.

Женщина повернулась к кровати.

К а к, з д е с ь?

Неужели здесь?

— Я должна была рожать в госпитале для врачей! С медсестрами, докторами, современным оборудованием и полной стерильностью!

Ее удерживали, а она отчаянно пыталась вырваться.

— Клянусь Богом, все будет хорошо! — шептал Ги.— Клянусь Богом, все будет просто замечательно! Перестань драться, Ро, пожалуйста. Даю тебе слово чести, что с тобой ничего не случится. Все будет в полном порядке!

И тут началась еще одна схватка.

Когда она очнулась, то уже лежала в кровати, доктор Сапирштейн делал еще какой-то укол.

Миссис Гилмор вытирала ей лоб.

Зазвонил телефон.

— Нет, не надо, отмените,— сказал в трубку Ги.

Началась еще одна схватка, но уже какая-то слабая — она едва почувствовала боль сквозь туманную пелену и шум в голове.

Все упражнения пошли насмарку. Зря она теряла время. Это были неестественные роды, она ведь ничего не понимала...

Энди! Энди-или-Дженни! Прости меня, крошка! Прости...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Свет.

Потолок.

И боль.

И Ги. Он сидит рядом у кровати и смотрит на нее, неуверенно улыбаясь.

— Привет,— сказал он.

— Привет...

Но боль ужасная.

И тут она все вспомнила. Теперь все позади. Все позади. Ребенок родился.

— Все в порядке? — тихо спросила она.

— Да, все хорошо.

— Кто?

— Мальчик.

— Правда? Мальчик?

Ги кивнул.

— И с ним все в порядке?

— Да.

Она закрыла глаза, потом с трудом снова открыла.

— Ты звонил насчет объявления?

— Да.

Она закрыла глаза и заснула.

Позже Розмари вспомнила еще очень многое. Лаура Луиза сидела у ее кровати и с лупой читала журнал.

— Где он? — спросила Розмари.

Лаура Луиза вздрогнула и вскочила.

— Боже мой, дорогая,— произнесла она, и лупа повисла у нее на груди на красной плетеной ленточке.— Как ты меня напугала! Ты так неожиданно проснулась!

Розмари закрыла глаза и глубоко задышала.

— Ребенок... где он? — настойчиво повторила она.

— Подожди-ка минуточку,— зашпешила Лаура Луиза и повернулась, держа палец в журнале.— Я позову Ги и доктора Эйба. Они на кухне.

— Где ребенок? — снова спросила Розмари, но Лаура Луиза уже ушла, так ничего и не ответив.

Она попыталась приподняться, но снова упала на кровать, руки не слушались. Сильная боль пульсировала между ног, словно колола сотня острых ножей. Розмари лежала и вспоминала все по порядку.

Был вечер. Часы на стене показывали пять минут десятого.

Вошли Ги и доктор Сапирштейн. Оба были какие-то решительные и мрачные.

— Где ребенок? — повторила она свой вопрос.

Ги подошел к кровати, наклонился и взял ее за руку.

— Милая,— начал он.

— Где он?

— Милая...— Он хотел еще что-то сказать, но не мог и повернулся к доктору, ища в нем поддержки.

Доктор Сапирштейн внимательно посмотрел на нее. В его усах застрял кусочек кокосовой скорлупы.

— У тебя были осложнения, Розмари,— сказал он.— Но на следующие роды это не повлияет.

— Он...— Она с ужасом уставилась на доктора.

— Умер,— подтвердил тот.

И кивнул.

Розмари перевела взгляд на Ги.

И Ги тоже кивнул.

— У него было неправильное положение,— пояснил Сапирштейн.— В больнице я, возможно, и смог бы что-нибудь сделать, но у нас совсем не было времени везти тебя туда. А пытаться сделать что-то здесь было бы... просто опасным для твоей жизни.

— У нас с тобой еще будут дети. Как только ты немного поправишься. Я тебе обещаю,— нежно сказал Ги.

— Совершенно верно,— согласился доктор Сапирштейн.— Можно будет попробовать уже через несколько месяцев, и шансы, что повторится что-то подобное, ничтожно малы — один на тысячу. Такое случается очень редко — один раз на десять тысяч рождений. Сам же ребенок был абсолютно здоровый и нормальный.

Ги сжал ее руку и ободряюще улыбнулся.

— Как только ты поправишься...

Розмари посмотрела на него, потом на доктора Сапирштейна с кусочком кокосовой скорлупы в усах.

— Вы врете. Я вам не верю. Вы оба врете.

— Милая,— начал Ги.

— Он не умер,— сказала она.— Это вы забрали его. Вы мне все врете. Вы колдуны. Вы врете. Врете! Врете! Врете!!

Ги прижал ее плечи к кровати, а доктор Сапирштейн сделал укол.

Розмари ела суп и маленькие кусочки хлеба с маслом. Ги сидел рядом и тоже ел бутерброд.

— Ты просто сошла с ума,— говорил он.— Ты совсем свихнулась. Это иногда происходит у беременных на последних неделях. Так говорит Эйб. Он даже сказал, как это называется. Какая-то там горячка, вроде истерии. И у тебя она началась в полную силу.

Розмари ничего не ответила и зачерпнула полную ложку супа.

— Послушай,— продолжил он.— Я знаю, почему ты считаешь, что Минни и Роман — колдуны, но как ты приписала к ним Эйба и меня?

Она опять ничего не ответила.

— Хотя, наверное, глупо об этом спрашивать. При горячке такой бред начинается беспричинно.— Он взял еще кусочек хлеба и откусил сначала с одного конца, потом с другого.

— Зачем ты обменялся с Дональдом Бомгартом галстуками? — спросила Розмари.

— Почему я... а это тут при чем?

— Тебе нужна была его личная вещь, чтобы они смогли насрать на него порчу и ослепить.

Ги дико уставился на нее.

— Милая, о чем ты говоришь, ради всего святого!

— Ты знаешь.

— Бог ты мой! Я обменялся галстуками, потому что мне больше понравилась расцветка его галстука, а ему нравился мой. А ничего не сказал тебе, потому что это, как мне показалось, слегка отдаст голубизной, и я просто постеснялся.

— А где ты достал билеты на «Фантастикс»?

— Что?

— Ты сказал, что тебе их дал Доминик, а он ничего не давал.

— О Господи! И поэтому я стал колдуном? Да мне их дала девушка по имени Норма, фамилии не помню, мы с

ней познакомились на прослушивании, ну и выпили по паре коктейлей. Ну, а Эйб-то что натворил? Как-нибудь по особому завязал шнурки на ботинках?

— Он пользуется таннисовым корнем. А это дьявольская вещь. Его медсестра сказала мне, что от него так пахнет.

— Может быть, Минни тоже подарила ему амулет, как и тебе. Ты хочешь сказать, что им пользуются только колдуны? Это даже странно!..

Розмари промолчала.

— Давай, милая, называть вещи своими именами. У тебя была обыкновенная преддровая горячка. А теперь ты отдохнешь как следует, и все пройдет.— Он нагнулся и взял ее за руку.— Я знаю, что с тобой сейчас стряслось самое ужасное в жизни. Но с этого момента все будет хорошо. Фирма «Уорнер» вот-вот предложит мне большую роль, и компания «Юниверсал» тоже мной заинтересовалась. Я быстро пойду в гору, и скоро мы уедем из этого города, поселимся в Беверли-Хиллс. У нас будет бассейн, собственный сад с травами и все такое прочее. И дети тоже, Ро. Честное слово! Ты же слышала, что сказал Эйб.— Он поцеловал ей руку.— Ну, мне пора бежать на работу завоевывать себе популярность.

Он встал и направился к двери.

— Я хочу посмотреть твоё плечо.

— Да ты что?

— Да. Дай мне посмотреть. Левое плечо.

Ги озабоченно посмотрел на нее и сказал:

— Ну хорошо. Все, что ты пожелаешь.

Он растегнул воротник и снял через голову голубую вязаную рубашку. Под ней была еще белая майка.

— Обычно я люблю это делать под музыку,— улыбнулся он, снял майку, подошел к кровати, нагнулся и показал Розмари левое плечо. Никакого знака там не было. Просто маленький след от прыщика. Потом он продемонстрировал ей правое плечо, грудь и спину.

— А остальное потом,— пошутил Ги.

— Хорошо.

Он добродушно усмехнулся.

— А теперь вопрос: мне можно одеться или идти прямо в таком виде и перепугать насмерть Лауру Луизу?

Грудь Розмари наполнялась молоком, и надо было ее опорожнять. Доктор Сапирштейн показал ей, как пользоваться резиновым отсосом для молока, напоминавшим

стеклянный клаксон. Несколько раз в день к ней приходила Лаура Луиза, или Хелен Виз, или кто-нибудь еще с небольшой мензуркой. Она сцеживала из каждой груди одну-две унции чуть зеленоватой жидкости, пахнувшей таннисовым корнем. Когда прибор и мензурку уносили, Розмари снова ложилась в постель и едва сдерживала слезы, разбитая и одинокая.

Заходили Джоан, Элиза и Тайгер, минут двадцать она разговаривала по телефону с Брайаном. Присылали цветы — розы, гвоздики и желтые азалии — от Аллана, Майка и Педро, и еще от Лу и Клаудии. Ги купил новый телевизор и пульт дистанционного управления к нему, который он поставил рядом с кроватью. Розмари смотрела разные передачи, ела и принимала таблетки, которые ей давали.

Пришло письмо с соболезнованиями от Минни и Романа — по странице от каждого. Они писали из Дубровника.

Постепенно швы перестали болеть.

Как-то утром, недели через две или три, ей послышался за стеной детский плач. Она выключила у телевизора звук и прислушалась. Где-то вдалеке действительно плакал ребенок. Или нет? Розмари встала с кровати и отключила кондиционер.

И тут вошла Флоренс Гилмор с отсосом и чашечкой для молока.

— Вы слышите голос ребенка? — спросила ее Розмари.

Обе прислушались.

— Нет, дорогая, не слышу, — простодушно призналась Флоренс. — Ложись в кровать, тебе нельзя много ходить. Зачем ты выключила кондиционер? Не стоит, день сегодня ужасный. Все просто умирают от жары.

Днем она опять услышала плач, и по непонятной причине молоко тут же начало прибывать.

— Новые жильцы въехали, — неожиданно сообщил вечером Ги. — На восьмой этаж.

— И у них есть ребенок, — добавила Розмари.

— Да. Откуда ты знаешь?

Она с усмешкой посмотрела на него.

— Я его слышала.

Плач был слышен и на следующий день. И через три дня тоже.

Розмари перестала смотреть телевизор и держала в руках книгу, делая вид, что запята чтением, а сама все слушала и слушала...

Ребенок был не на восьмом этаже, а где-то совсем рядом.

И более того: как только начинался плач, ей всякий раз приносили чашечку и прибор, а через несколько минут после того, как молоко уносили, плач прекращался.

— А что вы с ним делаете? — спросила она как-то Лауру Луизу, отдавая ей мензурку с шестью унциями молока.

— Что? Выливаем, конечно, — ответила та и вышла.

В следующий раз перед тем, как отдать Лауре Луизе молоко, Розмари сунула в мензурку грязную чайную ложку из-под кофе.

Лаура Луиза тут же выхватила у нее чашечку.

— Не делай этого! — И немедленно вынула ложку.

— А какая вам разница? — удивилась Розмари.

— Это же грязная ложка, вот и все, — ответила Лаура Луиза.

Глава вторая

Ребенок не умер.

Он был в квартире Минни и Романа.

Они держали его там, кормили молоком и заботились о нем, потому что — это она хорошо помнила из книги Хатча — скоро будет первое августа, их особый день, праздник Ламмас или Лимас, когда надо проводить специальные ритуалы... Или же они берегли его для Минни и Романа, дожидаясь, пока те вернутся, чтобы разделить жертву на всех.

Он был жив.

Розмари перестала глотать таблетки, которые ей приносили. Она прятала таблетку в ладонь и делала вид, что глотает ее, а потом засовывала подальше под матрас.

И скоро она почувствовала, что к ней возвращаются силы.

Держись, Энди! Я иду на помощь!

Доктор Хилл дал ей хороший урок. Теперь она ни к кому не будет обращаться за помощью и спасением. Ни в полицию, ни к Джоан, ни к Дунстанам или Грейс Кардифф, ни даже к Брайану. Ги был прекрасным актером, доктор Сапирштейн — слишком известным врачом, и оба они убедят кого хочешь, даже Брайана, что у нее какая-нибудь горячка из-за того, что она потеряла ребенка. На этот раз

она все сделает сама и самым длинным и острым ножом отгонит прочь этих маньяков.

Теперь, считала Розмари, ее положение было более выгодным: она знала все, а они об этом даже не подозревали. Она догадалась и о тайном ходе между квартирами: ведь тогда она заперла дверь на цепочку, и тем не менее все они оказались здесь. Значит, есть потайной ход.

И единственное место для него — это стеной шкаф, который когда-то забаррикадировала миссис Гардиния, тоже умершая от их заклинаний, как и Хатч. Шкаф был заделан, когда квартиру делили на две части. Но если миссис Гардиния принадлежала к их обществу — ведь Терри говорила, что она делилась с Минни своими травами, — тогда очень уместно было разобрать перегородку и таким образом путешествовать из квартиры в квартиру: это и сэкономило время, и сберегало от любопытных глаз соседей.

Ход наверняка должен быть через шкаф.

Когда-то давным-давно ей снилось, что ее проносят через этот шкаф. Но это был не сон, а знак свыше, и теперь, когда пришла необходимость, она, слава Богу, вспомнила о нем.

Отец небесный, прости мне мои сомнения! Прости меня за то, что я отвернулась от тебя, и помоги мне, помоги мне в час нужды! О, Иисус, милый мой Иисус, помоги мне спасти моего невинного ребенка!

Конечно, ответ скрывался в таблетках. Розмари просунула руку под матрас и одну за другой извлекла их оттуда. Восемь штук, все одинаковые — маленькие белые таблетки с полоской посередине, чтобы удобнее было разламывать пополам. Что бы это ни было, три таблетки в день делали ее беспомощной и послушной, а восемь сразу наверняка усыпят надолго Лауру Луизу, или Хелен Виз, или кто там сегодня придет. Она отряхнула их, завернула в бумагу и положила в коробку с салфетками.

Притворяясь покорной и беспомощной, Розмари продолжала принимать пищу, смотрела журналы и сцеживала молоко.

Когда план окончательно созрел, оказалось, что с ней будет сидеть Лия Фаунтэн. Она пришла сразу же, как только Хелен Виз унесла молоко, и сказала:

— Привет, Розмари! Сегодня моя очередь дежурить возле тебя. Я вижу, у тебя тут настоящий кинотеатр на дому! Сегодня есть что-нибудь интересенькое?

В квартире больше никого не было. Ги ушел на встречу с Алланом, им надо было договариваться о каких-то контрактах.

Розмари с миссис Фаунтэн смотрели кино, а в перерыве Лия пошла на кухню и вернулась с двумя чашками кофе.

— Что-то я немного проголодалась,— заявила Розмари, когда Лия поставила напитки на маленький столик.— Вас не очень затруднит сделать мне пару бутербродов с сыром?

— Ну, конечно же, нет, милая,— с радостью согласилась Лия.— Ты как любишь: с салатом или с майонезом?

Лия снова пошла на кухню, и как только дверь за ней затворилась, Розмари вынула из коробки с салфетками свернутую бумажку. В ней накопилось уже целых одиннадцать таблеток. Она высыпала их в чашку Лии, размешала своей ложкой, а потом быстро вытерла ложку салфеткой. Затем она подняла свою чашку, чтобы отпить немного кофе, но от волнения ее руки так сильно дрожали, что Розмари была вынуждена немедленно поставить чашку назад на столик.

Однако когда Лия вернулась с бутербродами, Розмари уже успокоилась и с безразличным видом попивала свой кофе.

— Спасибо, Лия,— поблагодарила она.— Бутерброды с виду просто потрясающие. Правда, кофе немного горчит. Наверное, слишком долго настаивался.

— Хочешь, я сварю новый? — предложила Лия.

— Нет, и этот сойдет.

Старуха присела на стул рядом с кроватью, взяла свою чашку, попробовала напиток и недовольно сморщила нос.

— Да уж, вкус действительно не блещет...— согласилась она.

— Ничего, пить можно,— улыбнулась Розмари.

Начался новый фильм, после двух частей которого Лия стала тихонько посапывать и клевать носом. Она отставила чашку и блюдо на столик, и Розмари заметила, что ее кофе выпит почти до конца. Розмари не спеша доела свой бутерброд, рассеянно наблюдая, как на экране весело танцуют в нереальном феерическом мире актеры.

Через минуту сон окончательно свалил Лию.

— Лия? — осторожно позвала Розмари.

Старушка громко храпела, уронив подбородок на грудь, руки безвольно лежали на коленях ладонями вверх. Ее сиреневый парик сполз на лоб, и на затылке стали видны реденькие седые волосы.

Розмари осторожно встала с кровати, надела шлепанцы и облачилась в бело-голубой халат, недавно купленный специально для больницы. Тихо выскользнув из спальни, она на цыпочках прошла через всю квартиру ко входной двери и закрыла ее на засов и цепочку.

В кухне из набора ножей она выбрала самый длинный и острый, с чуть загнутым кончиком и тяжелой костяной ручкой на медной заклепке. Крепко сжимая его в опущенной вниз руке, Розмари направилась к стенному шкафу.

Как только она открыла его, так сразу же поняла, что не ошиблась. Полки выглядели очень аккуратно уложенными, но были не на своих местах. Полотенца лежали там, где должны были лежать одеяла.

Розмари отложила нож в сторону и осторожно вынула из шкафа все, за исключением верхней полки, сложила на пол белье и полотенца, всякие коробочки, а потом вынула и сами оклеенные полосатой бумагой доски, которые они с Ги вставили когда-то сюда.

Задняя часть шкафа представляла собой белую панель, окаймленную лепными украшениями. Подойдя к ней вплотную, Розмари увидела, что там, где панель соприкасается с лепным багетом, заметна глубокая щель. Она нажала на панель посильнее, и та медленно пошла одной стороной внутрь. Дальше в темноте виднелся второй стеной шкаф и светящееся пятнышко замочной скважины, через которую она разглядела футах в двадцати от себя старинный комод, стоящий в нише в квартире Романа и Минни.

Розмари толкнула дверь, и та поддалась.

Она закрыла ее, вернулась в свой шкаф, взяла нож и после этого снова пошла вперед, сперва лишь немного приоткрыв дверь, а потом распахнула ее настежь и вышла, держа нож перед собой.

В прихожей было пусто, но из гостиной слышались голоса. Направо находилась ванная — дверь нараспашку, но свет потушен. По левую сторону — спальня, там горел камин. Но ни кровати, ни ребенка не было.

Она осторожно двинулась по коридору. Дверь справа была заперта, слева стоял еще один шкаф.

Над ним висела картина, изображающая горящую церковь. Небольшая, но очень выразительная. Раньше на этом месте был лишь пустой крюк, сейчас же она увидела на

нем эту страшную картину. Из окон церкви вырывались желтые и оранжевые языки пламени и поднимались в небо, освещая черный остов провалившейся крыши.

Где-то она уже видела эту горящую церковь...

В своем сне. Когда ее пронесли через шкаф. Ги и кто-то еще. Она тогда была очень пьяная. И очутилась в большом танцевальном зале, где горела церковь... Где горела вот эта церковь.

Как же это могло быть?

Неужели ее действительно пронесли через этот шкаф и она видела настоящую картину?

Найди Энди. Найди Энди. Найди Энди.

С высоко поднятым ножом Розмари продолжала медленно двигаться по коридору. Все двери были закрыты. Она увидела еще одну картину: голые мужчины и женщины пляшут, встав в круг. Впереди — холл и входная дверь, направо — арка, ведущая в гостиную. Голоса стали громче.

— Может, он еще самолет ждет! — сказал мистер Фаунтэн, после чего послышался смех и шиканье.

В том сне Джеки Кеннеди ласково поговорила с ней в танцевальном зале, а потом ушла, но все остальные были на местах — целое собрание, — они встали обнаженные в круг и начали петь. Неужели это происходило на самом деле? Роман в черной робе, рисующий таинственные знаки на ее животе, и доктор Сапирштейн, держащий чашу с красной краской.

Красная краска?.. Кровь!

— Какого черта, Гайато, — сказала Минни, — ты из меня делаешь посмешище? Вешаешь лапшу на уши, как теперь модно говорить.

Минни? Уже вернулась из Европы? И Роман тоже? Но только вчера она получила от них открытку из Дубровника, где они пишут, что остаются там!

Может быть, они вообще никуда не уезжали?

Розмари стояла около арки и уже видела книжные полки, журнальные столики и ящики, заваленные газетами и конвертами. Собравшиеся находились в другом конце; гости негромко разговаривали и смеялись. Позвякивал лед в стаканах.

Она крепче сжала рукоятку ножа и шагнула вперед. И тут же остановилась, не поверив своим глазам.

Возле огромного занавешенного окна стояла черная детская коляска. Черная! С черными кружевами и черной

бахромой. Едва заметные серебряные нити украшали черную ткань.

Умер? Нет, несмотря на испуг, она все же заметила, что и ткань, и бахрома немного подергиваются и трепещут.

Он там, внутри. В этой чудовищной колдовской колыске!

Над колыской было укреплено перевернутое серебряное распятие, привязанное к пологу черной бархатной лентой.

Мысль о том, что ее ребенок лежит среди такого ужаса и кошунства, страшно перепугала ее, и Розмари чуть не заплакала. Ей захотелось просто забиться в угол и разрыдаться, сложить оружие перед таким изощренным и невыразимым злом. Но она сдержалась: закрыла глаза и всем сердцем взмолилась, призывая на помощь деву Марию. Она собрала всю свою ненависть и отчаяние — ненависть к Минни, Роману, Ги, Сапирштейну — ко всем, кто входил в этот кошмарный заговор против Энди, ко всем, кто хотел использовать его для своих жутких кровавых обрядов. Она вытерла взмокшие ладони о халат, откинула назад волосы, сжала рукоятку ножа и смело выступила вперед, чтобы каждый из них увидел ее.

Но как ни странно, они заметили ее не сразу, а довольно долго еще продолжали беседовать, внимательно выслушивая друг друга, и невозмутимо пить коктейли. В общем, приятно проводили время, обращая на нее не больше внимания, как если бы она была привидением, или все это ей только снилось: Минни, Роман, Ги (он же ушел узнать насчет контрактов!), мистер Фаунтэн, Визы, Лаура Луиза и ученый японец в очках — все они собрались под большим портретом Адриана Маркато, который висел в литой черной раме над горящим камином. Лишь он один сейчас смотрел на нее, величественный и неподвижный. Но он был только рисунком.

Потом ее заметил Роман. Он отставил свой стакан и дотронулся рукой до Минни. Наступила тишина, и те, кто раньше сидел к ней спиной, теперь тоже повернулись. Ги хотел было встать, но, видимо, передумал. Лаура Луиза зажала обеими руками рот и приглушенно взвизгнула. А Хелен Виз спокойным голосом заговорила:

— Ступай назад в кровать, Розмари. Ты же знаешь, тебе нельзя много ходить. — Она или сошла с ума, или пробовала хитроумный психологический ход.

— Это мать? — тихо спросил японец, и когда Роман кивнул, зашипел: «Ш-ш-ш-ш», — и посмотрел на Розмари с интересом.

— Она убила Лию, — дрожащим голосом сказал мистер Фаунтэн и медленно встал. — Она убила мою Лию! Ты убила ее? Где она? Ты убила мою Лию?

Розмари окинула их взглядом. Ги стоял покрасневший до ушей.

Она крепче сжала рукоятку ножа.

— Да. Я убила ее. Я заколола ее насмерть. Потом я вымыла нож и теперь я зарежу любого, кто ко мне приблизится. Скажи им, Ги, какой у меня острый нож!

Он ничего не ответил. Мистер Фаунтэн сел, схватившись рукой за сердце. Лаура Луиза пронзительно завизжала.

Наблюдая за ними, Розмари перевела взгляд на коляску.

— Розмари... — начал Роман.

— Замолчите!

— Прежде чем ты согласишься на...

— Заткнитесь. Вы в Дубровнике. Я вас вообще не слышу.

— Оставь ее, — сказала Минни.

Розмари подошла к коляске, взялась за ручку и осторожно развернула ее к себе. Пружины жалобно заскрипели.

В коляске в крохотных черных варежках на резинках лежал сонный милый розовый Энди, закутанный в чистое черное одеяло. У него была целая копна огненно-рыжих волос, шелковистых и аккуратно причесанных. Энди! О, Энди! Она бросилась к нему, позабыв обо всем и отложив нож в сторону. Мальчик посмотрел на нее и надул губки. Глаза у него были золотисто-желтые, без белков, с вертикальными черными зрачками.

Розмари с ужасом смотрела на него.

Ребенок перевел взгляд своих золотисто-желтых глаз на раскачивающееся перевернутое распятие.

Розмари уставилась на собравшихся, схватилась за нож и закричала:

— Что вы сделали с его глазами?!

Все зашевелились и в замешательстве посмотрели на Романа.

— У него глаза его отца, — с гордостью сказал он.

Розмари взглянула на малыша, на Ги — тот все время прятал лицо, — потом снова на Романа.

— О чем вы говорите? У Ги карие глаза, и они нормальные! Что вы с ним сделали, вы, маньяки?! — Она шагнула от коляски, готовая убить любого из них.

— Его отец — Сатана, а не Ги, — торжественно произнес Роман. — Сатана его отец, он пришел к нам прямо из ада и породил Сына от смертной женщины! Чтобы отомстить за несправедливость, которую так долго терпели его верные поклонники!

— Слава Сатане! — истошно завопил мистер Виз.

— Сатана его отец, а имя ему А д р и а н! — закричал Роман. Голос его становился все громче, слова приобретали значительность и вес. — Он опрокинет Всевышнего и разрушит храмы его! Он вернет славу презренным и отомстит во имя измученных и сожженных!

— Слава Адриану! — с ликованием воскликнули одновременно все гости. — Слава Адриану! — А потом: — Слава Сатане! Слава Адриану! Слава Сатане!

Розмари покачала головой.

— Нет, этого не может быть.

— Из всего мира он выбрал тебя, Розмари, — вкрадчиво заговорила Минни. — Из всех женщин на этом свете он выбрал именно т е б я! Он привел вас с Ги в эту квартиру. Он заставил эту дуру, как ее там — Терри, — испугаться, и нам пришлось поменять свои планы. Он устроил все так, потому что хотел, чтобы именно ты стала матерью его единственного живущего на Земле сына.

— Сила его растет, — грозно добавил Роман.

— Слава Сатане! — воскликнула Хелен Виз.

— Его власть будет длиться до конца дней.

— Срава Льявору! — поддержал японец.

Лаура Луиза отняла руки от лица. Ги исподтишка посмотрел на Розмари.

— Нет, — повторила она и опустила нож. — Нет. Не может быть. Нет.

— Подойди и посмотри на его руки, — сказала Минни. — И на его когти тоже.

— И на его хвост, — добавила Лаура Луиза.

— И на крошечные рожки, — закончила Хелен Виз.

— Бог мой! — охнула Розмари.

— Бог умер, — уверенно произнес Роман.

Она повернулась к коляске, а потом снова к собравшимся.

— Бог мой! — и закрыла лицо руками. — Бог мой! — Розмари подняла кулаки и закричала, закинув голову к потолку. — Боже мой! Боже! Боже!..

— Бог у м е р! — прогремел Роман.— Бог умер, а Сатана живет! Адрианов год по Земле идет! Настал год номер один, первый раз властвует наш Господин! Дьявол в силе, Бог в могиле!

— Слава Сатане! — закричали все.— Слава Адриану! Слава Адриану! Слава Сатане!

Розмари в ужасе отступила.

— Нет! Нет! — она отходила все дальше и дальше, пока не оказалась между двух карточных столиков. Сзади кто-то подставил кресло, и она беспомощно опустилась в него, молча уставившись на них.

— Нет! — еле слышно прошептала она.

Мистер Фаунтэн бросился из квартиры. Ги и мистер Виз поспешили вслед за ним.

Подошла Минни, кряхтя подняла нож и отнесла его в кухню.

Лаура Луиза приблизилась к коляске и, корча всякие рожицы, начала по-хозяйски раскачивать ее. Зашелестела ткань, заскрипели колеса.

А Розмари сидела и смотрела в пустоту, без конца повторяя:

— Нет, нет, нет...

Сон. Тот самый сон. Так, значит, все это было на самом деле. И те желтые глаза, в которые она заглянула...

— Боже мой,— тихо произнесла она.

Роман подошел поближе.

— Клэр преувеличивает, что у него сердце остановится из-за Лии. На самом деле он не очень о ней скорбит. Никто здесь ее не любил, она была слишком скупа. Как в эмоциях, так и в деньгах. Помогите нам, Розмари, будь Адриану настоящей матерью, и мы сделаем так, что ты не будешь наказана за убийство. Никто ничего не узнает. Ты можешь не вступать в наше общество, если не хочешь, просто будь матерью своему сыну.— Он нагнулся и тихо шепнул: — Минни и Лаура Луиза уже слишком старые. Это было бы несправедливо.

Она взглянула на него, и Роман сразу выпрямился.

— Подумай, Розмари.

— Я не убивала ее.

— Что?

— Я только подмешала ей в кофе таблетки, и она заснула.

— Правда?

В дверь позвонили.

— Извини,— сказал Роман и пошел открывать.— Все равно, ты подумай.

— Боже мой! — твердила Розмари.

— Перестань повторять «Боже мой», или мы убьем тебя,— пригрозила Лаура Луиза, еще сильнее раскачивая коляску.— Даже если останемся без твоего молока.

— Лучше ты замолчи,— строго сказала Хелен Виз и протянула Розмари влажный носовой платок.— Розмари — его мать, и неважно, как она ведет себя. Мы должны уважать ее. Помни об этом.

Лаура Луиза пробормотала в ответ что-то невнятное.

Розмари вытерла лоб и щеки прохладной тканью. Японец, сидевший на подушке напротив нее, поймал ее взгляд и тепло улыбнулся. Он держал на коленях открытый фотоаппарат, в который как раз заправлял пленку, а затем, не переставая улыбаться, указал ей на коляску. Розмари опустила глаза и тихо заплакала. Но потом вытерла слезы.

Вошел Роман, ведя с собой дюжего красивого загорелого человека в белоснежном костюме и таких же ботинках. Он нес большую коробку, обернутую в голубую бумагу с нарисованными на ней плюшевыми мишками. Из коробки неслась музыка. Собравшиеся дружно обступили его со всех сторон, и каждый старался поздороваться с гостем за руку. Слышались обрывки фраз: «Волновались... удовольствие... аэропорт... Ставропулос... случайно».

Лаура Луиза поднесла коробку к коляске. Она показала ее ребенку, потом потрясла, чтобы он услышал музыку, и положила ее на подоконник, где уже лежало много похожих разноцветных коробок и несколько черных, перевязанных черными лентами.

— В ночь на двадцать шестое июня,— гордо сообщил Роман.— Как раз через полгода после... вы помните чего. Это поистине превосходно!

— А почему вы так удивлены? — спросил незнакомец, протягивая ему обе руки.— Разве Эдмонд Лотреамон не предсказал двадцать шестое июня еще триста лет тому назад?

— В самом деле,— согласился Роман, улыбаясь.— Просто странно, что это предсказание сбылось с такой точностью.

Все рассмеялись.

— Пойдемте, милый друг,— продолжал он, увлекая гостя за собой.— Вы должны увидеть Ребенка.

Они подошли к коляске, возле которой уже стояла до-вольная Лаура Луиза, и заглянули в нее. Через несколько секунд новый гость опустился перед младенцем на колени.

Вошли Ги и мистер Виз.

Они задержались под аркой, пока новый гость не поднялся. Потом Ги подошел к Розмари.

— С Лией все в порядке,— шепотом сообщил он.— Там сейчас Эйб.— Он стоял, потупив глаза и нервно потирая руки.— Они мне обещали, что ничего плохого тебе не сделают, и, как видишь, не сделали. Представь себе, что ребенок родился бы и умер; тогда ведь было бы то же самое, верно? А зато теперь мы столько всего получаем взамен, Ро!

Розмари положила платок на стол и, внимательно посмотрев на мужа, плюнула ему прямо в лицо.

Он покраснел и отвернулся, неуклюже вытираясь. Роман схватил его за руку и представил новому гостю, Аргирону Ставропулосу.

— Вы должны очень гордиться,— сказал Ставропулос, пожимая Ги руку двумя своими.— А это мать? Но почему же?..— Но тут Роман оттащил гостя в сторону, что-то шепча ему на ухо.

— Вот,— сказала Минни и предложила Розмари чашку горячего чая.— Выпей, и тебе станет легче.

Розмари недоверчиво уставилась на желтоватую жидкость.

— Что это? Таннисовый корень?

— Нет,— ответила Минни.— Это чай с лимоном и сахаром. Самый обыкновенный чай. Выпей.— И она поставила чашку на стол рядом с платком.

Теперь нужно убить его. Это вполне очевидно. Надо только выждать, пока все отойдут в другой конец комнаты, броситься вперед, оттолкнуть Лауру Луизу, схватить это исчадие ада и выкинуть в окно. А потом и самой выпрыгнуть вслед за ним. «Мать убивает ребенка и кончает жизнь самоубийством в Брэмфорде».

Спаси мир черт знает от чего.

Хвост... Крошечные рожки... Какой ужас!

Ей хотелось закричать и умереть прямо здесь же.

Она так и сделает; выкинет его и выпрыгнет сама.

Все с улыбками окружили его. Для них это был просто приятный вечер с коктейлями. А японец постоянно фотографировал: Ги, Ставропулоса, Лауру Луизу с ребенком на руках.

Розмари отвернулась, не желая ничего этого видеть.

Глаза! Как у зверя, как у тигра, а не как у человека!

Да он и не человек вовсе. Только наполовину.

А каким он казался милым, пока не раскрыл свои дикие желтые глаза! Крошечный подбородок, почти как у Брайана, милый ротик и такие замечательные рыжие волосы... Как хочется еще раз посмотреть на него, только если он не будет раскрывать свои звериные желтые глаза.

Розмари попробовала чай. Это действительно был самый обыкновенный чай.

Нет, она не сможет выкинуть его в окно. Ведь это ее ребенок, и неважно, кто его отец. Надо пойти к понимающему человеку, например, к священнику. Да, вот и ответ сам пришел: к священнику. Эту проблему должна решать церковь. Пусть думают Папа Римский и кардиналы, а не глупая Розмари Рейлли из Омахи.

Убивать нельзя.

Она выпила немного чая.

Ребенок захныкал, потому что Лаура Луиза слишком сильно трясла коляску. Только идиотка могла так качать.

Розмари не в силах была смотреть на это и подошла ближе.

— Уйди отсюда! — истерично выкрикнула Лаура Луиза. — Не подходи и близко к нему. Роман!

— Вы его очень быстро качаете, — сказала Розмари.

— Сядь назад! — Лаура Луиза снова обратилась к Роману: — Уберите ее отсюда. Пусть идет к себе.

— Она слишком сильно его качает, — объяснила Розмари. — Поэтому он хнычет.

— Это не твое дело! — огрызнулась Лаура Луиза.

— Пусть Розмари покачает его, — предложил Роман.

Лаура Луиза исподлобья уставилась на него.

— Иди, — повелительно сказал ей Роман и встал рядом с коляской. — Садись с остальными. А Розмари его убаюкает.

— Но она может...

— С а д и с ь с остальными, Лаура Луиза.

Она недовольно фыркнула и отошла.

— Покачай его,— сказал Роман Розмари и улыбнулся. Потом слегка подтолкнул к ней коляску.

Но она лишь молча стояла, не решаясь пошевелиться.

— Вы хотите, чтобы я... стала его матерью?

— А разве ты ему не мать? Покачай его, а то он жалуются.

Розмари с опаской взялась за черную ручку и закрыла глаза. Некоторое время они качали вдвоем, а потом Роман убрал руки. Розмари взглянула на малыша, увидела желтые глаза и со слезами отвернулась к окну.

— Надо смазать колеса. Его раздражает скрип,— тихо сказала она.

— Хорошо,— согласился Роман.— Вот видишь? Он перестал плакать. Он знает, кто ты такая.

— Не говорите ерунду.— Розмари снова посмотрела на ребенка.

Тот внимательно следил за ней. Теперь, когда она уже была подготовлена, глаза сына показались ей не такими уж страшными. Просто она немного испугалась от неожиданности. По-своему они даже симпатичные.

— А что у него с ручками? — спросила она.

— Они очень милые,— ответил Роман.— У него есть маленькие коготки — совсем крошечные и перламутровые. А варежки только для того, чтобы он случайно не оцарапался, а так ручки очень даже милые.

— Он чем-то обеспокоен,— заволновалась Розмари.

Подождал доктор Сапирштейн.

— Вот это сюрприз,— радостно улыбнулся он.

— Убирайтесь отсюда,— возмутилась Розмари.— Или я вам тоже плюну в лицо.

— Уйди, Эйб,— посоветовал Роман.

Сапирштейн понимающе кивнул и отошел в сторону.

— Ты не виноват,— говорила она ребенку.— Ты совсем не виноват. Я на них сержусь, потому что они меня обманывали и водили за нос. А ты не волнуйся, я тебе ничего плохого не сделаю.

— Он знает это,— одобрительно произнес Роман.

— Тогда почему он так нервничает? Бедняжка. Вы только посмотрите на него.

— Одну минуточку,— вежливо прервал ее Роман.— Мне надо посмотреть, как там гости. Я сейчас вернусь.— И оставил Розмари одну у коляски.

— Честное слово, я тебе ничего плохого не сделаю,— повторила она, нагнулась и развязала ленточку у шеи ребенка.— Лаура Луиза очень туго здесь завязала, да? Я не-

много ослаблю, и тебе будет легче дышать. У тебя очень привлекательный подбородок, ты знаешь об этом? У тебя, правда, странные желтые глазки, но зато подбородок очень даже симпатичный.

Она снова завязала ленту.

Бедная крошка!

Он не может быть плохим, просто не может. Даже если он наполовину и Сатана, то другая-то половина ведь ее! И это разумная половина, нормальная, человеческая. И если она будет сражаться с той плохой половиной, распространять доброе влияние...

— А у тебя есть своя комната, ты знаешь? — спросила Розмари, поправляя одеяло, которое тоже было затянуто слишком туго. — Там желто-белые обои и беленькая кроватка, и нет там ничего черного, совсем ничего. Когда ты захочешь есть, я тебе все покажу. А если тебе интересно, то я — та самая дамочка, которая поставляет тебе молоко. Наверное, ты думал, что молоко получают из бутылок? Нет, его получают из мам, а я твоя мама. Вот так. По-моему, ты не слишком в большом восторге от этого.

Стало тихо, и Розмари оглянулась. Все собрались вокруг нее на почтительном расстоянии и молча наблюдали за ее знакомством с ребенком.

Она покраснела и отвернулась, поправляя одеяльце.

— Ну и пусть на нас смотрят. Нам все равно, правда? Мы хотим чувствовать себя поудобней, вот и все. Теперь хорошо?

— Слава Розмари! — экзальтированным полупшепотом изрекла Хелен Виз.

Это сразу же подхватили и другие.

— Слава Розмари! Слава Розмари! — повторяли Минни, Ставропулос и доктор Сапирштейн.

— Слава Розмари, — тихо сказал Ги.

— Слава Розмари, — одними губами произнесла Лаура Луиза.

— Слава Розмари, матери Адриана! — громко крикнул Роман.

Розмари взглянула на него и покачала головой.

— Его зовут Эндрю, — сообщила она. — Эндрю Джон Вудхаус.

— Нет, Адриан Стивен, — возразил Роман.

— Роман, ну пусть, — попробовал убедить его Ги, а Ставропулос взял Романа под руку и спросил: — Неужели имя так важно?

— Да, важно,— уперся Роман.— Его зовут Адриан Стивен.

— Я понимаю, почему вы хотите назвать его так, но у вас ничего не получится, вы уж извините. Его будут звать Эндрю Джон. Это мой ребенок, а не ваш, и я даже спорить с вами по этому поводу не собираюсь. Насчет этого и насчет одежды. Он не будет все время ходить в черном,— уверенно заявила Розмари.

Роман открыл было рот, но Минни опередила его.

— Слава Эндрю! — крикнула она и гордо посмотрела на мужа.

Все подхватили «Слава Эндрю!», а потом «Слава Розмари!» и «Слава Сатане!».

Розмари пощекотала ребенку живот.

— Тебе ведь не нравилось имя Адриан, правда? Наверное, нет. Адриан Стивен... Надо же такое придумать! Перестань, пожалуйста, волноваться.— Она осторожно нажала ему пальцем на нос.— А ты уже умеешь улыбаться, Энди? Умеешь? Давай, крошка, улыбнись мне. Ты можешь улыбнуться мамочке? — Она покачала над ним серебряное распятие.— Ну, давай же. Всего одну маленькую улыбочку. Давай, Энди-Энди!

Японец с фотоаппаратом проскользнул вперед, изогнулся и быстро сделал несколько снимков подряд.

Содержание

Гордон Макгил

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Повесть

Книга третья из серии «Знамение»

*Перевод В. Волостниковой,
М. Яковлевой и А. Ячменева*

7

АРМАГЕДДОН-2000

Повесть

Книга четвертая из серии «Знамение»

*Перевод В. Волостниковой
и М. Яковлевой*

149

Айра Левин

РЕБЕНОК РОЗМАРИ

Роман

*Перевод С. Алукард
и В. Терещенко*

299

М 15 Макгил Г. Последняя схватка. Повесть. Армагеддон-2000. Повесть. **Левин А.** Ребенок Розмари. Роман («Библиотека остросюжетной мистики»). Вып. 3: Перев. с англ. / Сост. Т. Чичиной; Ил. В. Федорова.— М., Компания «Ключ-С», 1992.—480 с., ил. ISBN 5—253—00708—3

Вошедшие в сборник повести завершают привлечший к себе внимание читателей сериал «The Open» и продолжают тему вмешательства дьявола в жизнь людей и всемогущей власти «князя мира». Мысль о необходимости борьбы со злом во всех его проявлениях по-прежнему стоит за динамичным и захватывающим сюжетом этих произведений, написанных в жанре фантастической мистики.

Тонкий психологизм и глубокое философское звучание романа «Ребенок Розмари» позволяют ему с успехом переиздаться во многих странах мира.

Молодая супружеская пара, переехав на новую квартиру, оказывается в сетях общества дьяволопоклонников. Став членом секты, муж начинает готовить свою спутницу жизни к выполнению «исторической миссии» — рождению ребенка Сатаны. До последнего момента молодая мать не знает, кого она вынашивала и рожала. Неожиданно открывшаяся истина потрясает Розмари, у нее возникает мысль схватить это исчадие ада и выкинуть в окно, но подойдя к ребенку, она понимает, что не в силах погубить младенца, в жилах которого течет и ее, человеческая кровь...

Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики

В ы п у с к 3.

Макгил Гордон
ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

АРМАГЕДДОН-2000

Левин Айра
РЕБЕНОК РОЗМАРИ

Составитель
Чичина Тамара Васильевна

Редакторы
Е. М. Кострова
Н. А. Преснова

Оформление художника
Л. В. Брылева

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

Младший редактор
Т. А. Мосиевич

ИБ 2889

Сдано в набор 13.07.92. Подписано в печать 31.08.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,20.
Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 26,84. Тираж 200 000 экз. Заказ 1877.
Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865,
ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

В четвертом выпуске
«Библиотеки остросюжетной мистики»
Вы встретитесь с героями бестселлера
Фрэнсиса Пола Вильсона «ЗАСТАВА»
и романом **Уильяма Питера Блэтти «ЛЕГИОН»**,
продолжающего всемирно известную эпопею
«Изгоняющий дьявола».

Действие «ЗАСТАВЫ» **Ф. П. Вильсона**
разворачивается весной 1941 года в старинном замке
на одном из перевалов суровых и загадочных
Трансильванских Альп.
Дьявольскому дуэту рукотворного зла гитлеризма
и потусторонних сил тьмы противостоит
«рыцарь без страха и упрека»,
воплотивший в себе и земную, и сверхчеловеческую
мощь неотвратимого правосудия.
Тревожное ожидание катастрофического финала
держит читателя в постоянном напряжении
по мере приближения ослепительной развязки,
с библейской прямоотой воздающей каждому
по делам и вере его.

Роман **У. П. Блэтти «ЛЕГИОН»**,
положенный в основу голливудского киношедевра
«Экзорцист-111»,
переносит читателя в Америку 80-х.
Детективный сюжет неожиданно оборачивается

глубоким философским анализом
самых основ мироздания, восходящим к идеям
раннехристианских авторов
и классическим высотам Достоевского.
«Имя нам — Легион,
ибо все мы — частицы павшего ангела», —
делает вывод инспектор Киндерман,
волею судеб став свидетелем
леденящего кровь кошмара,
порожденного неприкаянным духом убийцы,
подчинившего себе тела душевнобольных.
Извилистые тропы сюжета ведут героев
от мучительных сомнений к апостольскому призыву
к покаянию и первозданной чистоте,
открывающей путь к благодатному
единению с Богом.

Оба романа впервые выходят в свет
на русском языке
в виде отдельного издания.

